

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

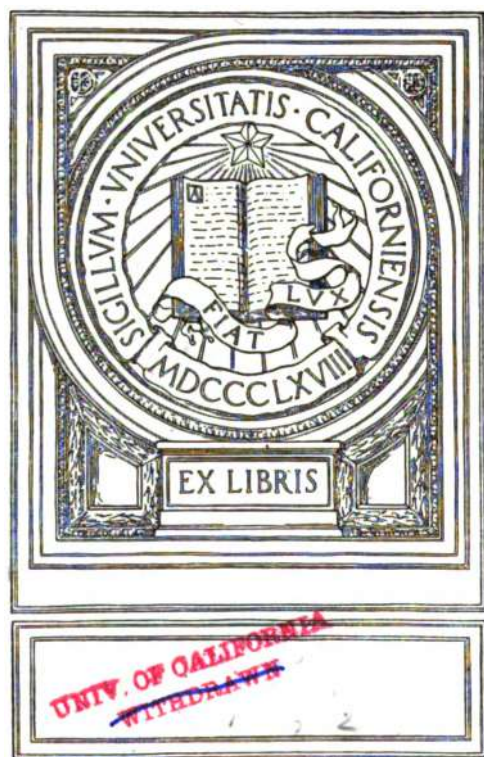
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 537 319

1804/
P. 2
905 //

**UNIV. OF CALIFORNIA
WITHDRAWN**

11 2081
11 2082
11 2083

РУССКАЯ
UNIV. OF
CALIFORNIA
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимсн. ул., соб. домъ.
1905.

ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ журнала „Русская Мысль“,

Окладъ: Москва, Пименовская ул., Т-го Кушнерова и К°.

Библиотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.
Варандевитчъ, К. С. Побѣда. На северъ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Элиза. Мизордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народные библиотеки и читальни.
Ремезовъ, М. Н. Иудей и Римъ. Картины античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Изв. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Корелингъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.
Немировичъ - Данченко, Вас. Изв. Ляля. Ц. 60 к.
Ожешкова, Элиза. Паниа Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библиотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей Е. А. Тимирязева и В. А. Голышева.)

- I. Нассе и Леконсъ, В. Математическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библиотеки и читальни.
- II. Поре. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.
- III. Дюкло. Пастёръ. Исслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и учебныхъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.
- IV. Вартъ, А. Религія Индіи. Ц. 1 р.
- V. Гауптъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.
- VI. Погожева. Шериданъ. Школа элоскопіи. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ учебныя, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

- VII. Гиро, П., проф. Фистель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущено въ безплатныя народныя библиотеки и читальни, въ учительскія библ. среди учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.
- VIII. Дюкло. Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамент. библ., гимназій и реальн. уч. для библ. учителей, институт., семинар., учительск. библ. для явств. учеб. зав. для безплатн. народн. библ. и читальн.
- IX. Галле, Андре. Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.
- X. Вертло. Наука и нравственность. Ц. 60 к.
- XI. Геккель. Натурализмъ подъ тропиками. Ц. 60 к.
- XII. Делажъ. Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статя г-жи Элизы Ожешковой, п-ше Альфонсъ Доде, Парло Базаль, Лавры Маргольмъ, Кармистъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.
Коаловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
Корелингъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для учебныя, среди, и старш. возр. библ. среди учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.
Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ повѣи. Переводъ съ польскаго второго допозн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.
Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ гудряхъ и въ тайгахъ. Залитый лавашъ. Жидъ. Балла Паниа. Хамелеонъ. Песчинистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.
Милуковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рассказы. Томъ I: Обрѣнная елишка. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижника. Ц. 1 р. 50 к.
Ея же. Томъ II: Ни влочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юлянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.
Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
Ея же. Сильвегъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.
Ея же. Малахолька. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
Прусъ, Волеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.
Сенкевичъ, Генрихъ. Повѣсти и рассказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Голышева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библиотеки и читальни, и учительскія библиотеки нѣкоторыхъ училищъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ Д. С. Г

Только-что поступила въ пр

Вернеръ Зомбардт

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМЪ

теорія капиталистическаго развитія. Томъ II.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента
М. А. Курчинскаго.

Изъ оглавленія: Введеніе.—Новое обоснованіе хозяйственной жизни.—Новая организація хозяйственной жизни: возникновеніе современнаго сельскаго хозяйства и разрушеніе стариннаго помѣстнаго хозяйственнаго строя.—Происхожденіе и сущность современнаго города.—Образованіе новыхъ формъ потребностей.—Новая организація сбыта товаровъ.—Теорія промышленной конкуренціи: борьба за наилучшее предложеніе.—Борьба цѣнъ.—Презятовѣя.

595 стр. Цѣна 2 руб.

Очерки по крестьянскому вопросу.

Сборникъ статей подъ редакціей проф. А. А. Мануилова.

Выпускъ II.

Содержаніе: В. Ю. Смалевъ, „Крестьянскій банкъ и его находички“.—А. А. Мануиловъ, „Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи“.—Его же, „Арендный вопросъ передъ особыми соображеніями о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“.—В. М. Хвостовъ, „Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ“.—А. И. Брейеръ, „Сдача и стѣжъ надѣльныхъ земель“.—М. Я. Герценштейнъ, „Сберегательная касса за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904 гг.)“.—Проекты редакціонной комиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ: 1) Вл. Резенбергъ, „Волость“. 2) А. А. Мануиловъ, „Общинное землевладѣніе“.

355 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Выпускъ I. 285 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданій—въ Москвѣ: Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Кузмина, кв. 1. Обращаться въ контору журнала *Русскія Мысли*; 2) въ Петербургѣ: Книжный складъ „Право“, Загородный, 2.

Выписывающіе изъ Москвы за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

ИЗДА ОВЪЯВЛЕНІЯ.

журнала **ПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ**

Складъ: Москва

Въ

Сенкевичъ, Генр.
Переводъ В. М. Лавро
Баранцевичъ
сверстано
Оженинъ (ИИ проф. И. Е. Андреевскимъ)
буки

Брокгауза и Ефрона

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. М. Воейкова	„ географіи.
Проф. Н. И. Мартова	„ исторіи.
Академика А. О. Новаковскаго	} „ біологическыя науки.
Проф. В. Т. Шенниковъ	
Проф. Д. И. Менделѣева	„ химико-технической и фабрично-заводской.
Проф. А. В. Савитова	„ сельско-хозяйственный.
Проф. Н. В. Соловьева	„ музыки.
А. И. Осипова	„ изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждыя два мѣсяца.

Выпущъ 81-й полутомъ.

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ перешитѣ.

Книги высылаются почтой, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносятся задатокъ отъ 10 р. и выдаются вышедшіе налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ приобретенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служеб- ный, общественный или имущественный пантъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принимать подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Еф- рона. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энцикло- педическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

Library of
CALIFORNIA

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1905.

THE
LIBRARY
OF THE
CONGRESS

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW 6/10/84 3/29/84

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества М. М. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. домъ.

1905.

AP50
R875
v. 26:2
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.	
I. ИЗГОН. Повѣсть.—П. Д. Боберыкина. <i>Окончаніе</i>	1
II. ПЕТРЪ КАМЕНЦИНДЪ. Германа Гессе. Переводъ съ нѣмецкаго.—Н. Н. <i>Продолженіе</i>	33
III. ЛЮДИ ТЕМНЫЕ. Быль, рассказанная крестьянникомъ.—Ф. Ф. Тищенко	67
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ив. Бѣлоусова	95
V. СЪ РАБОЧИМЪ ПОѢЗДОМЪ.—Вл. Ладыженскаго	97
VI. НА ПОЛѢ СЛАВЫ. Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго Гектрыка Сенкевича. Пер. съ польскаго.—В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	104
VII. СЛУЧАЙНЫЙ НАБРОСОКЪ. Разсказъ.—Е. П. Гославскаго	134
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Ш.	160
IX. МОБИЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ И ЕГО СТАТИСТИКА.—П. И. Ащенко. <i>Окончаніе</i>	1
X. ПРАКТИКА И НУЖДЫ РУССКАГО ФАБРИЧНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.—а	27
XI. РАДІЙ И N—ЛУЧИ.—А. Л. Лѣтнина	47
XII. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.—Сергія Живаго	74
XIII. СИМВОЛИЗМЪ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВѢ.—Р. Ю. Вилпера	98
XIV. НАДѢЛЬНЫЯ ЗЕМЛИ ВЪ ПРОЕКТАХЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ.—А. В. Еропкина	117

852268

	<i>Стр.</i>
ХУ. УСЛОВІЯ ТРУДА И ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ ВЪ МЕЛКИХЪ ПРО- МЫШЛЕННЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.—В. И. Лебедева	140
ХУІ. О ПОЛОЖЕНІИ ТОРГОВЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ.—Ал. Колычева.	162
ХУІІ. НОВАЯ КНИГА О НЕКРАСОВЪ.—Вл. Калаша	183
ХУІІІ. ПАМЯТИ Е. С. НЕКРАСОВОЙ.—Н. А. Маншеровой	189
ХІХ. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	192
ХХ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	204
ХХІ. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	237
ХХІІ. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.—Ю. А. и М. П. С.	246
ХХІІІ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.— Исторія, исторія литературы, біографія. — Публицистика.— Политическая экономія, статистика. — Юридическія книги.— Естествознаніе, математика.—Книги для дѣтей, учебники, по- собія.—Историческіе журналы и журналы для дѣтей. II. Спн- сокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января 1905 г. по 1 февраля 1905 г.	53
ХХІV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Рус-
ской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня
отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятая редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе
3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихо-
твореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній
редакція не входитъ въ переписку.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая,
и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Провидѣнію угодно было поразить Насъ тяжелою скорбью: Любезнѣйшій Дядя Нашъ, Великій Князь Сергѣй Александровичъ, скончался въ Москвѣ, въ 4 день сего февраля, на 48 году отъ рожденія, погибнувъ отъ дерзновенной руки убійцъ, посягнувшихъ на дорогую для Насъ жизнь Его. Оплакивая въ немъ Дядю и Друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были непрерывно посвящены на службу Намъ и Отечеству, Мы твердо увѣрены, что всѣ Наши вѣрные подданные примутъ живѣйшее участіе въ печали, постигшей Императорскій Домъ Нашъ, и соединять теплыя молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи въ царствѣ праведныхъ души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 4 день февраля, въ гѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

ИЗГОИ *).

Повѣсть.

У.

Пилъ чай у интересной жилицы.

Она куда-то ѣздила, по близости, въ уѣздный городъ.

Сама попросила зайти къ ней, встрѣтившись въ коридорѣ.

Занимаетъ такой же номерокъ, какъ и мой; а онъ, сразу, сталъ неузнаваемъ. Тѣ же стѣны, обои, та же дрянная разнокалиберная мебель. А смотреть все опрятно, уютно, почти что элегантно.

Только умной и воспитанной «фамилъ» удаются такія метаморфозы. Въ корзинѣ, задрапированной платкомъ, все ея добро; а оказались и шторы, и коврики, и абажурчики, и даже коверъ, который она повѣсила на стѣнѣ, около кровати. Дверь за перегородку открыта и видно, какъ у нея все аккуратно и аппетитно прибрано въ ея спальнѣ; на подушкѣ тюлевая наволочка.

Я еще разъ диву дался, что она—такая чистоплотная и комфортабельная дѣвица, съ разными своими вещами—и вдругъ выбрала нашу мебельровку!

И когда коридорная Маша внесла самоваръ и мы сѣли за ломберный столъ—я еще болѣе удивился этому.

Такъ все опрятно и даже нарядно было приготовлено: чистая скатерть, врядъ ли хозяйская; цвѣтныя салфетки—несомнѣнно *свои*; чайница—также своя, и сахарница также; и вазочка съ сухарями и баранками.

— Вы—магъ и волшебникъ, Анна Максимовна!—сказалъ я, принимая изъ рукъ ея стаканъ чаю.

И сливки были также свои: я сейчасъ узналъ это по ихъ свѣжесту, превосходному вкусу.

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1905 г.

— А что такъ?

— Да помилюйте! Какъ вы устроились! Что за чистота! И комфортъ! Точно въ первоклассномъ отелѣ. Признайтесь, это все ваше?

— Да, кое-что! Я привыкла имѣть при себѣ все, что нужно... для того, чтобы чувствовать себя хоть немножко... дома.

— Такъ все съ собою и возите?

— Вѣдь это какіе-нибудь десять фунтовъ лишнѣхъ.

— А скрашиваетъ существованіе?

— Конечно.

И, точно отвѣчая на мое недоумѣніе—почему она поселилась въ нашемъ Капернаумѣ—она сама завела объ этомъ рѣчь.

— Наша меблировка... выражаясь литературно—оставляетъ желать многого.

— Да, я даже удивился...

— Чему, Павелъ Гавриловичъ?

— А вотъ тому, что имѣлъ удовольствіе возобновить здѣсь знакомство... для меня особенно пріятное.

— Благодарю васъ.

Она обласкала меня взглядомъ своихъ испытующихъ глазъ.

Дома она носитъ длинное платье, вродѣ капота-мѣшка, съ пелериной, изъ темной шерстяной матеріи, очень фасонистое, даже въ новомъ стилѣ.

— Да, я удивляюсь!

— Видите ли... служба моя здѣсь, по близости. И вѣдь всѣ меблировки въ одномъ вкусѣ. За квартиру надо платить какъ можно меньше.

— По Прудону,—замѣтилъ я,—не больше одной пятой всего заработка.

— Да? Я это слышу въ первый разъ. Одна пятая... Не знаю, выдѣтъ ли такъ у меня?...

Она подняла голову, что-то высчитывая.

— Нѣтъ, не выдѣтъ!

— Въ Россіи это невозможно. Какъ ни скверно живешь, а все на свой номеръ выходитъ добрая треть того, что заработаешь.

И я сдѣлалъ быстрый расчетъ въ головѣ и выходило, что за свое «логово» я плачу какъ разъ одну треть моего болѣе «консолидованнаго» дохода.

— Вотъ безъ такой дополнительной обстановки, Павелъ Гавриловичъ,—продолжала она, вкусно втягивая чай съ блюдечка, чисто по-московски,—было бы чересчуръ тяжело чувствовать свое одиночество.

Это былъ вступительный аккордъ къ болѣе интимнымъ разговорамъ.

И она такъ, при этомъ, на меня посмотрѣла, что я могъ—безъ всякой наянливости, сдѣлать ей нѣсколько «нескромныхъ» вопросовъ.

— А вы совсѣмъ одиноки?—въ «полтона» спросилъ я.

— Теперь—да.

Это *теперь* было умышленно подчеркнуто.

— Вы—сирота?

— И да, и нѣтъ. У меня осталась въ живыхъ моя приемная мать... Но это еще хуже.

Она опять не договорила.

Тонъ у нея былъ совсѣмъ простой, безъ малѣйшей аффектаціи.

И, въ то же время, она говорила, точно на сценѣ... какъ отличная актриса, берущая именно простотой и задумчивостью тона.

Разобраться во всемъ этомъ—сразу было очень трудно, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ.

Ея голосъ и манера говорить дѣлали ее еще интереснѣе.

Она не могла не нравиться всякому мужчине со вкусомъ. И невольно приходилъ вопросъ: какъ такая милая особа до сихъ поръ не имѣетъ человѣка, который бы обезпечилъ ея судьбу, и не изъ нашего брата изгоя, а изъ такъ называемыхъ солидныхъ и порядочныхъ людей?

— Вы развѣ не помните... Павелъ Гавриловичъ,—продолжала она въ томъ же тонѣ,—что я приходилась въ нѣкоторомъ родствѣ съ тѣмъ семействомъ, куда вы ходили... Смирновыхъ?

На мою вопросительную мину она добавила:

— Вамъ никто про это не говорилъ?

Тутъ я смутно началъ что-то припоминать.

— Кажется, кто-то... намекалъ на что-то... но хорошенько я не могу припомнить.

— Намекалъ?—повторила она съ усмѣшкой.

Улыбка у нея такая же «острая», какъ и взглядъ, когда онъ—непроизволенъ. Ротъ она, улыбаясь, чуть замѣтно сжимаетъ.

— Да, но я васъ считалъ, вѣроятно... дальней родственницей.

— Очень близкой, напротивъ. Но—съ лѣвой стороны.

Ея взглядъ подчеркнул эти слова.

— Да?

— Мы съ вашей ученицей были, собственно говоря, кузины... настоящія двоюродныя сестры.

— И вы...

— Вы уже знаете, что я—дочь любви. И отецъ мой былъ ея

дядя. Вы его, можетъ быть, видали... Онъ рѣдко бывалъ. Баринъ... за сорокъ лѣтъ, сѣдой, съ черными усами... очень красивый и важный, съ такимъ тономъ, какого уже больше нѣтъ... теперь. Онъ жилъ за границей, а въ Москву только наѣзжалъ.

— Рѣшительно не помню!

— А воспитана я была въ домѣ его пріятельницы. Тогда, когда вы бывали у нихъ... моя пріемная мать все прихварывала. И она со всѣмъ меня взяла, какъ пріемную дочь, уже позднѣе.

Мой вопросительный жестъ она сейчасъ же поняла.

— Вы думаете, она была моей матерью? Нѣтъ... моя мать была просто горничная. Я никогда ее не видала. Кажется, сначала меня отдали въ Воспитательный. Я привыкла къ тому, что матери у меня нѣтъ, что я—вруглая сирота. А объ отцѣ я стала спрашивать гораздо позднѣе.

— Развѣ онъ... признался?

— Нѣтъ. Онъ не сразу, когда наѣзжалъ въ Москву, приблизилъ меня къ себѣ, сталъ ласкать, дѣлать намеки на то, что я ему не чужая. Но никогда прямо не называлъ меня своей дочерью. Должно быть, особый дворянскій гоноръ не допускалъ. Мою благодѣтельницу,—выговорила она съ особымъ выраженіемъ,—я стала звать «тапан» и она меня дѣйствительно держала, какъ дочь. Больше отъ прислуги, чѣмъ отъ нея самой—я узнала, что великолѣпный баринъ съ сѣдой шевелюрой и черными усами—мой отецъ.

Она допила аккуратно свой чай и сдѣлала то, что называется «передышкой».

И опять въ головѣ моей высочила мысль о томъ, какъ все это умно, красиво и выразительно сказано—точно на сценѣ.

И еще—нѣсколько глотковъ чая, съ маленькими паузами—точно по писаному.

Но выраженіе лица было искреннее и тонъ—такой же простой и даже задушевный.

— Отецъ мой умеръ скоростипжно, за границей... въ Монте-Карло, вернувшись въ отель послѣ крупнаго проигрыша.

— Покончилъ съ собою?

— Можетъ быть. Не знаю навѣрно. Моя пріемная мать этого бы мнѣ тогда и не сказала. Она оплакивала его долго... Кажется, между ними былъ когда-то романъ.

Она налила себѣ третью чашку.

И эта пауза вышла необыкновенно умѣстна.

— Меня воспитали... какъ барышню... сначала въ пансіонѣ,

довольно плохо... потомъ я ходила въ гимназію и кончила курсъ... съ медалью,—прибавила она, «скромно» усмѣхнувшись.

— Васъ потянуло на курсы?—подсказалъ я.

— Не на общіе... тогда ихъ временно и не было... а на педагогическіе. Но тамъ я почувствовала, что къ педагогикѣ у меня нѣтъ никакого призванія. Впрочемъ... я бы дотянула. Меня въ гимназіи звали «зубришкой»... Я охотно училась всему, что преподають. Но тутъ меня охватило новѣйшее... какъ бы это сказать... повѣтріе.

— Политическое?—вполголоса выговорилъ я.

— Нѣтъ. Нисколько! Къ политикѣ я и въ старшемъ классѣ гимназіи была равнодушна. Правда, читала «Капиталь» Маркса, но такъ... изъ общей любознательности, и съ трудомъ одолѣла этотъ томъ. Читала и всякія другія, въ томъ числѣ и не дозволенные книжки, но и только. Въ меньшинствѣ «зубришекъ» числилась и на педагогическихъ курсахъ. Сходокъ и демонстрацій не любила.

— Какое же это повѣтріе?

— Театральное! Вы развѣ не находите, что это одна изъ нынѣшнихъ эпидемій? Особенно здѣсь, въ Москвѣ?

— Пожалуй,—согласился я.

— Нѣсколько пьесъ съ *настроениемъ*, и я проснулась, въ одно осеннее, очень хмурое утро, съ возгласомъ: на сцену! Загорѣлось! Что-то стихійное, неудержимое. Почему? Какъ? Такихъ вопросовъ я не задавала себѣ. Я безповоротко рѣшила: бросить всякую педагогію и поступить тотчасъ же на драматическіе курсы.

— Вы могли свободно располагать собою?—остановилъ я ее вопросомъ.

— Я все время жила у моей пріемной татаи.

— Она не мѣшала вамъ учиться чему вы хотѣли?

— И да, и нѣтъ. Эта женщина нанесла мнѣ слишкомъ жестокий ударъ... перевернула всю мою душевную жизнь... вы сейчасъ увидите какъ. Но, до тѣхъ поръ, она, если хотите, любила меня, была довольно деликатна, не давала очень чувствовать, что она мнѣ благодѣтельница, по крайней мѣрѣ, слишкомъ рѣзко и оскорбительно. Но она—настоящій продуктъ нашего барства, и не прежняго, а выраждающагося. Все въ нихъ колеблется, мечется изъ стороны въ сторону. Онѣ всѣ въ своихъ впечатлѣніяхъ, ахахъ и охахъ. Немножко религіи, немножко кое-какихъ либеральныхъ идей, очень много смѣшныхъ претензій. Не душа, а какой-то студень...

Я разсмѣялся. Это сравненіе показалось мнѣ очень хлесткимъ.

— Да, да... Не душа, а студень,—повторилъ я.

— Ни на что вы съ такими личностями не можете рассчитывать.

Сегодня такъ, завтра иначе. Ладить съ ними можно только потому, что у нихъ нѣтъ характера, нѣтъ воли. Правда, нѣтъ злости; но нѣтъ и настоящей доброты. Такъ она относилась и ко мнѣ... не задерживала, позволяла учиться... одѣвала, изрѣдка давала карманные деньги. Но барометръ постоянно мѣнялся. По цѣлымъ недѣлямъ дулась... или говорила кисло-сладкія фразы... И вдругъ разнѣживается!

— Чисто по-русски!

— И во мнѣ не могло развиваться къ ней вполне хорошаго чувства. Я все сильнѣе и сильнѣе сознавала, что я—только «приемышъ», *ложе-барышня*, какъ я себя сама называла. Мѣщанка званіемъ, родившаяся отъ неизвѣстнаго отца.

— И скажите,—не воздержался я,—это васъ можжило?

— До извѣстныхъ лѣтъ—да. Иначе и быть не можетъ. У всѣхъ такихъ приемышей—даже если они и законныя дѣти прислуги—должно явиться раздвоеніе личности.

— И вамъ просто захотѣлось поскорѣе вонъ, на волю, и вы схватились за идею сценической карьеры?

— Можетъ быть! Моя тата, когда я ей объявила, что хочу быть артисткой, сначала разахалась. Но потомъ взглянула на это по своему. Отъ такой дочери любви, какъ я, и нельзя было ждать ничего лучшаго. Если окажется талантъ, пускай будетъ актрисой! Вѣдь и прежде, при крѣпостномъ правѣ, своихъ незаконныхъ дѣтей, отъ горничныхъ, отдавали въ какое-нибудь обученіе, въ музыканты, въ декораторы, въ балетъ.

— И вы прошли сценическую выучку?

— Всего одинъ годъ походила на курсы. Я очутилась гораздо развитѣе своихъ товарокъ, порядочно читала, у меня нашли хорошія данныя, я выдвинулась сразу. Но не кончила курса и тутъ. Во-первыхъ, меня тянуло на сцену все неудержимѣе, а во-вторыхъ, моя тата стала жаться... доходы ея сократились, ее обманулъ арендаторъ, она потеряла на какихъ-то бумагахъ. Оставаться при ней, на хлѣбахъ изъ милости—было слишкомъ горько. Меня пригласили въ лѣтнее *tourпее*... И вотъ я—профессиональная актриса!

Мнѣ стало ясно, почему у ней такъ все хорошо выходитъ: умно, просто, съ тактомъ и выразительно. Это дала сцена. Я чуть не сказала ей тутъ же:

«Да вы прекрасная актриса!»

Но вѣдь она теперь—не на сценѣ? Она совсѣмъ не такъ живетъ. Можетъ быть, безъ мѣста? Мнѣ захотѣлось поскорѣе выяснить это.

— И вы, въ настоящую минуту, артистка?

Она сидѣла съ опущенными рѣсницами, быстро вскинула ихъ и ея колючій взглядъ прошелся по мнѣ.

— Нѣтъ! Я давно простилась съ этимъ міромъ и не вернусь въ него.

— Ошиблись въ призваніи?

— Не это главное. Изъ меня не вышло бы великой артистки, но я могла бы составить себѣ положеніе, подняться выше простой полезности.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь!

— Вы знакомы съ этимъ міромъ? — спросила она, какъ бы слегка блѣднѣя.

— По нѣкоторымъ печальнымъ экземплярамъ, съ какими сталкивался вотъ въ такихъ же Капернаумахъ, какъ нашъ.

— Эти только жалки. Тѣ, что зарабатываютъ тысячи и пресыщены громкимъ триумфомъ — тѣ гораздо болѣе падшія души.

«Вотъ оно что! — подумалъ я. — Обожглась на какомъ-нибудь Уріель Акостѣ!»

— И вы это лично испытали? — подсказалъ я.

— Испытала, — произнесла она замедленно и съ характернымъ наклономъ головы.

Тутъ пауза вышла длиннѣе.

— Простите, Павелъ Гавриловичъ... вамъ можетъ показаться все это лишнимъ.

— Что же?

— А вотъ моя... исповѣдь. Но такой стихъ нашелъ. Вы, я вижу, искушены жизнью не меньше меня. Словомъ, сцена закрутила меня... не тѣмъ только, что я изображала на подмосткахъ, а тѣмъ, черезъ что прошла... за кулисами... И вотъ тутъ случился инцидентъ, который перевернулъ всю мою... психику, выражаясь по ученому.

Ея взглядъ немного затуманился.

— Вамъ тяжело будетъ... — началъ было я.

— Нѣтъ! Позвольте уже досказать. То, что со мной вышло — такой фактъ, который лучше всего скрывать. Едва ли не въ первый разъ я о немъ расскажу... постороннему. Но наша встрѣча всколыхнула во мнѣ столько воспоминаній...

Не договоривъ, она поглядѣла на меня уже яснымъ, пронизательнымъ взглядомъ.

— Представьте себѣ, Павелъ Гавриловичъ, что васъ, честнаго человѣка, вдругъ заподозрять въ чемъ-нибудь постыдномъ и это подозрѣніе останется на васъ... навсегда...

Кажется, я смутился. Вопросъ былъ уже не въ бровь, а прямо

въ глазъ. Неужели она знала, что въ моемъ прошломъ есть именно такой фактъ и все это было—только подходъ съ ея стороны?

Но я тотчасъ же уснокоилъ себя такимъ соображеніемъ:

«Съ какой стати будетъ она рассказывать про себя что-либо въ такомъ родѣ? Это была бы безцѣльная мистификація».

— И вотъ со мною вышло именно это.

Я сидѣлъ съ опущенной головой и перебиралъ пальцами по блюдечку.

— Къ своей маман я заѣхала... погостить... на дачу. Въ трупѣ, какъ разъ передъ тѣмъ, я пережила мою первую женскую драму... глупую и жалкую, какъ всѣ наши... бабьи увлеченія. Но меня ждало нѣчто другое. Моя пріемная мать—когда я вернулась, больная и разбитая, сюда—заподозрила меня... въ подлогѣ. Ей былъ представленъ вексель съ подписью, которую она признала фальшивой. Своимъ барскимъ воображеніемъ она сочинила исторію... довольно правдоподобную... Меня увлекъ актеръ... вѣроятно, игрокъ и мотъ. Онъ вымогалъ у меня денегъ. И я рѣшилась подписаться подъ ея руку. Ни больше, ни меньше!

— И она васъ привлекла?..

— Къ суду? Нѣтъ! Она простила. Ха-ха! Она, въ память своего друга, моего незаконнаго отца—затушила дѣло и заплатила. Но я погибла въ ея глазахъ. И она, до сихъ поръ, убѣждена, что ея подпись была поддѣлана мною.

Сдерживая волненіе, проступившее въ ея лицѣ, она встала и пошла въ комнату.

— Вы понимаете, какъ такой фактъ можетъ перевернуть вашу психику? А! Павелъ Гавриловичъ?..

— Понимаю!—почти крикнулъ я, но что-то воздержало меня отъ обмѣна исповѣди.

VI.

Да, эта дѣвушка привлекаетъ меня больше, чѣмъ я, на первыхъ порахъ, думалъ.

Въ ней есть что-то не «бабье», серьезность и вдумчивость, знаніе и пониманіе жизни. Она могла бы быть настоящей «подругой». И что особенно хорошо въ ней, это—смѣлость, правдивый взглядъ на все, отсутствіе рисовки, нежеланіе ни въ чемъ самое себя выгораживать. Никаніихъ увертокъ, полусловъ, никакого интересничанья.

Еслибъ я захотѣлъ, она рассказала бы мнѣ и подробности своихъ «театральныхъ испытаній».

Но зачѣмъ было это дѣлать? Это неделикатно, даже если въ тебѣ сказывается и менѣе банальный интересъ.

Ясное дѣло: она обожглась на какомъ-нибудь «первомъ сюжетѣ» труппы, который осчастливилъ ее своимъ *фаворомъ*. И вся тщеславная грязь закулисныхъ нравовъ вызвала въ ней душевную тошноту.

Съ этимъ міркомъ она распрощалась.

И то, что на ней осталось «клеймо», какъ и на мнѣ, сдѣлало ее особенно близкой къ моему сокровенному «я».

Вчера я былъ на волоскѣ отъ того, чтобы сказать ей:

— У насъ съ вами, Анна Максимовна, одна судьба. И я остался подъ «сумлѣніемъ», какъ говорить нашъ истопникъ Капитонъ. И это, точно также, перевернуло мою психику.

Мнѣ даже почему-то сдается, что она это чувствуетъ. Удивительная у ней «интуиція» во всемъ. Нѣчто такое, чего я ни у мужчинъ, ни еще менѣе у женщинъ что-то не встрѣчалъ.

Неужели во мнѣ къ этой дѣвушкѣ пробудилось болѣе сильное и теплое чувство, чѣмъ простая приязнь?

Гимназистомъ я былъ влюбчивъ. Въ студентахъ имѣлъ случайныя связи... самыя банальныя... тоже больше по мебелированкѣ. О нихъ и вспоминать не хочется.

Страсти я не зналъ. Не испыталъ и сильнаго увлеченія, хотя бы и чисто чувственнаго.

А потомъ—не до того было.

Когда вы вышиблены изъ колен, такъ, какъ я, и смотрите на все, какъ я смотрю въ теперешнюю мою «фазу развитія»—и въ любви, въ женской ласкѣ прежде всего видишь или обманъ, идущій отъ лица другого пола, или самообманъ.

И никогда я съ тѣхъ поръ не искалъ сближенія съ женщиной, чтобы уйти въ это, забыться, вродѣ хмѣля или карточной игры.

Страдалъ отъ того, что отдавалъ дань своей физической натурѣ. И совершалъ это въ районѣ Сычевки и ея переулковъ.

Какъ это ни скверно, но развѣ лучше было бы «связаться» съ какой-нибудь дрянной бабенкой, сосѣдкой по мебелировкѣ, подпасть подъ ея начало, презирать ее, браниться, быть можетъ, бить или быть ею битымъ?

Брр!... Этимъ судьба еще не наградила меня.

Въ этой Аннѣ Максимовнѣ меня почти поражаетъ ея теперешняя уравновѣшенность, ея бодрость духа.

Она не такой безусловный скептикъ, какъ я, не такъ безпощадно обнажаетъ суть того, что люди считаютъ законнымъ, порядочнымъ, чѣмъ они хвалятся, какъ добродѣтелью; но она знаетъ всему цѣну,

она не прощает *порядочнымъ людямъ* того «клеяна», которое они наложили на нее, совершенно также, какъ на меня; но она не хочетъ зачислять себя въ «изгой», она дорожитъ своей свободой, она старается устроить себѣ сносное существованіе послѣ того, какъ обожглась на театрѣ.

Она могла бы вернуться на сцену. По-моему, у ней для этого всѣ данныя; но она не хочетъ, ей этотъ мірокъ «огадилъ».

Гдѣ она работаетъ? Я ее не разспрашивалъ. Вообще, я не позволяю себѣ ни съ кѣмъ такихъ чисто русскихъ нескромностей; но она что-то такое сказала вскользь: въ какой-то конторѣ. Можетъ быть, у нотариуса или вольнонаемной писицей въ судѣ. На ея столѣ всегда аккуратно лежатъ какія-то бумаги въ синихъ обложкахъ.

Не скрою, что эта дѣвушка начала давать мнѣ совсѣмъ новое настроеніе. Мнѣ уже пришли, не дальше какъ вчера, такія мысли:

«Неужели насъ съ нею можетъ обречь на вѣчную душевную каторгу то, что пустые, глухие люди, съ бапу, заподозрили меня въ шпионствѣ, а ее въ подлогѣ? И что-жъ изъ того, что ни я, ни она не имѣли возможности очистить себя отъ такого оговора всенародно? Кто знаетъ насъ? Двадцать, ну, пятьдесятъ человѣкъ на всю Россію? Да и столько не найдется».

Не только формально, но и фактически я вѣдь оправдалъ себя... А ея шалаа благодѣтельница не привлекала къ суду и не предъявила ей никакихъ сколько-нибудь состоятельныхъ уликъ.

И неужели я, мужчина, еще молодой, со сноснымъ здоровьемъ, не алкоголикъ, безъ всякой разрушительной страсти, окажусь гораздо болѣе жидкимъ по душевнымъ силамъ, чѣмъ одинокая дѣвушка, не менѣе меня вкусившая сладостей жизни?

Это—довольно-таки постыдно.

Мы оба отравлены. Но эта отравка шла отъ людей. Съ какой же стати я буду предаваться дальнѣйшему самоотравленію? И добровольно зачислять себя на вѣки-вѣчные въ изгой, въ отбросы того общества, которое я самъ привыкъ презирать?

Въ этомъ нѣтъ логики.

И еслибъ такая дѣвушка сказала мнѣ вотъ сейчасъ знаменитымъ стихомъ Тредьяковскаго (котораго цитируетъ и князь):

«Брось ты скуку
Морску суку,
А знай штуку»,

т.-е. искусство жить—я бы, быть можетъ, переимѣнилъ валъ въ своей душевной шарманкѣ, взялъ бы его съ другимъ тономъ.

.

Этого я уже никакъ не ожидалъ.

Сложу сегодня по короткому переулку, къ бульвару, и почему-то остановился на углу, по сю сторону проезда.

Вижу, на бульварѣ, слѣва отъ входа, на скамьѣ, сидятъ двѣ женскихъ фигуры. Одна—Анна Максимовна; другая—поплотиѣе и въ слишкомъ большой шляпѣ и свѣтлой кофточкѣ.

Начинаю узнавать и ее.

Неужели это одна изъ нашихъ «билетныхъ»—нѣмка, моя сосѣдка справа?

Ее зовутъ Берта. Мы съ ней иногда влянаемся, если столкнемся носъ къ носу, причемъ она неизмѣнно ухмыляется на особый, нѣмецкій ладъ.

Другихъ «сношеній» я съ ней не имѣлъ. Она довольно красива, краснощека, бѣла, хорошо сложена. Но у меня есть новое правило: не вступать и въ такія случайныя связи съ жилицами тѣхъ меблировокъ, гдѣ придется мнѣ жить.

Но какъ же это... Анна Максимовна можетъ быть въ знакомствѣ съ такой особой?

Развѣ она не разглядѣла, кто эта Берта?

Мнѣ сейчасъ же вспомнилось то, что передавалъ мнѣ Капитонъ о «правильной» барышнѣ. Она сразу должна была опредѣлить, къ какому разряду «дѣвицъ» принадлежать обѣ наши жилицы, и русская—ту зовутъ Паша,— и нѣмка.

Тогда что же это такое?

Меня точно кольнуло въ грудь и кровь прилила къ щекамъ. Я это явственно ощутилъ.

И первая мысль моя была:

«Она сама изъ такихъ; только носить личину».

Чисто по-мужски я вознегодовалъ. Презрительное слово готово было соскочить съ губъ.

Мнѣ стало не стыдно за нее, а обидно за себя, что я могъ такъ «влопаться», пошелъ на сближеніе съ такой прожженной авантюристкой, повѣрилъ всѣмъ ея розсказнямъ, готовъ былъ самъ ей исповѣдаться и началъ мечтать о томъ, какъ бы хорошо было приобрѣсти такую вотъ «подругу жизни».

Онѣ разговариваютъ, и очень оживленно. Говорить больше Анна Максимовна, наклонивъ голову къ плечу нѣмки, какъ бы вполголоса. Похоже на то, что она ей что-то втолковываетъ; а та киваетъ головой: «хорошо, молъ, понимаю, все будетъ сдѣлано, какъ вы говорите».

Краска отлила отъ щекъ. Я сильнѣе разсердился и навѣрно на-

чалъ быстро блѣднѣть. И продолжалъ стоять все на углу тротуара. Какой-то мастеровой, немножко подъ хмѣлькомъ, толкнулъ меня.

И во мнѣ, кажется, впервые явилось совершенно новое чувство злораднаго удовольствія, что вотъ, молъ, ты воображаешь, что тебя никто не видитъ и что мы всѣ простофили. А мы тебя можемъ сплать.

Давно я сжилъ съ тѣмъ выводомъ, что женщина вообще лжива, что это въ ней—органическое чувство, что она предается притворству, носить маску, играетъ комедію—изъ любви къ искусству.

Бесѣда двухъ дѣвицъ прекратилась. Нѣмка встала, еще разъ кивнула головой, что-то сказала и пошла, оправивъ юбку жестомъ уличной проститутки.

Рукопожатія не произошло. Анна Максимовна осталась на скамьѣ, что-то такое достала въ хорошенькомъ своемъ портфельчикѣ, взглянула вслѣдъ Бертѣ и неторопливо поднялась.

Тутъ я двинулся черезъ улицу, чтобы захватить ее почти что «съ полчинымъ».

Мы столкнулись у входа на бульваръ.

— Павелъ Гавриловичъ!—ласково и какъ ни въ чемъ не бывало окликнула она.

— Изволили прогуливаться?—спросилъ я, не протягивая руки.

Она сейчасъ же увидала, что я улыбаюсь особенно и что въ глазахъ у меня что-то недоброе.

— Шла домой.

— А мнѣ кажется—сидѣли вотъ здѣсь, на той скамейкѣ, и не однѣ?

Она быстро мигнула обоими глазами.

— Вы видѣли меня?

— Да, видѣлъ, Анна Максимовна, и даже, если хотите, наблюдалъ.

— Вотъ какъ!

Ротъ свела улыбка, сильнѣе вбокъ, чѣмъ я уже это замѣчалъ у нея.

— Вы удивились, конечно, Павелъ Гавриловичъ?—спросила она, тотчасъ же опустивъ рѣсницы.

— Признаюсь... да.

И смотрю на нее въ упоръ. Она моего взгляда *не хочетъ* видѣть; но чувствуетъ.

— Отчего же?

Тутъ она вскинула на меня рѣсницами и ея иглистый взглядъ кольнулъ меня.

— Вы — человек... безъ всякихъ предразсудковъ. Для васъ вѣдь всѣ люди равны.

Я хотѣлъ остановить ее возгласомъ: «а вы почему знаете?»; но промолчалъ.

На эту тему я ей еще не высказывался; но она могла—по отдѣльнымъ фразамъ—догадаться, что мое общее отношеніе къ добру и злу—въ такомъ именно вкусѣ.

— Развѣ не такъ? Или я васъ плохо понимаю?

И опять иглы ея глазъ кольнули меня.

— Это правда. Но вѣдь я и вы—разница.

— Можеть быть, не очень большая.

Мы стали медленно подвигаться внизъ по бульвару.

Снѣгъ хрустѣлъ у насъ подъ ногами.

— Это одна изъ нашихъ жилищъ... нѣмка.

— Знаю, Анна Максимовна.

— Я познакомилась... и съ той... русской.

— Вотъ какъ!

— Миѣ ихъ всѣхъ очень жалко. И никогда я ими не гнушалась.

Разговоръ сразу получалъ совсѣмъ другой оборотъ.

Но миѣ сильно захотѣлось спросить ее: что такое она втолковывала Бертѣ.

И опять я воздержался.

— Что же... вы отчитывали эту Берту?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Убѣждали ее... бросить стезю грѣха и поступить въ магдалинское убѣжище?

Въ моемъ тонѣ было нѣчто, чего, конечно, не обазалось бы—начинись общій разговоръ о проституціи и ея жертвахъ.

Миѣ почему-то не хотѣлось, чтобы она отводила меня въ сторону: дѣло шло не о проституткахъ вообще, а о томъ, какого рода бѣсѣды ведетъ она съ такой Бертой, и не дома, въ нашей мебелировкѣ, а на бульварѣ, среди бѣла дня?

Я вспомнилъ тутъ же, что не замѣчалъ еще, до сегодня, ея знакомства съ обѣими «дѣвочками».

— Пропагандой въ такомъ духѣ я не занимаюсь, Павелъ Гавриловичъ. Все это затѣя разныхъ ханжей. Надо начинать съ корня, а не съ верховъ. Я много думала объ этой... общественной язвѣ. Все это сводится къ экономическому вопросу. А вы какого мнѣнія?

— Такого же.

Я это сказалъ съ сердцемъ: такъ ловко она продолжала разговоръ, и совершенно въ моемъ духѣ.

— Господа социалисты тысячу разъ правы,—продолжала она въ томъ же тонѣ, но не глядя на меня.—До тѣхъ поръ женщина будетъ раба мужской чувственности...

— Пока не приобрететъ правъ на всѣ виды его рабства... на то, чтобы быть такимъ же жалкимъ мизераблемъ... только собою не торговать?

Она посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ.

— Если такъ разсуждать, Павелъ Гавриловичъ, то гдѣ же исходъ? Вѣчное кипѣнье въ одномъ и томъ же котлѣ земного ада!

— Не знаю-съ! — сухо отвѣтилъ я. — Сначала людямъ надо придти къ сознанію, что и тѣ, кто считаетъ себя солью земли—расприродственная дрянь... А тогда уже можно будетъ врачевать такія язвы, какъ проституція.

— А тѣмъ временемъ почему же не начать съ того, Павелъ Гавриловичъ, чтобы не кичиться передъ продажными женщинами?

— Я и не кичусь.

— Но не станете съ ними на такой же ногѣ, какъ съ другими вашими сосѣдами, съ паномъ Уздовскимъ, или съ тѣмъ бурьезнымъ князькомъ... какъ бишь его фамилія...

— У меня нѣтъ поводовъ водить знакомство съ нашими сосѣдами.

— Вотъ видите! Это уже чисто мужской отвѣтъ... Извините меня. Я его отъ васъ не ожидала. Значить, онѣ для васъ—только предметъ удовлетворенія извѣстнаго рода аппетитовъ? Какъ будто онѣ не люди, а животныя! Какая же разница между такой Нашей или такой вотъ нѣмкой и первой попавшейся швеей, или статисткой, пѣвичкой, вроде той, что живетъ у насъ въ шестомъ номерѣ? Та, что тѣ явно не торгуютъ собою, но имѣютъ непремѣнно поддержку отъ мужчины... явную или тайную. Для человѣка вашего сгredo, Павелъ Гавриловичъ, это все детали. А суть остается одна и та же!

— Все это такъ... но вы, стало, изучаете эту Берту? Быть можетъ, вы беллетристка и скрываете это отъ меня?

Тонъ этой фразы былъ не лучше и всего предыдущаго; но она продолжала меня бѣсить тѣмъ, какъ ловко свела она все на общую и благородную тему, гдѣ могла щегольнуть передо мною своей вышней гуманностью и смѣлостью.

Я не хотѣлъ дать ей взять нотой выше меня.

— Нѣтъ, я беллетристкой не занимаюсь, Павелъ Гавриловичъ. Но каждая такая дѣвушка, по своему—любопытный субъектъ.

Она приотстановилась.

— Извините... дорогой сосѣдъ... я должна спать.

— Вот видите... со мной вамъ некогда, а Бертъ вы что-то очень долго говорили.

— Вы все это видѣли?

— Да, и даже, если пошло на откровенность, сказалъ бы... что вы ей что-то такое растолковывали... и она все кивала головой... точно показывала, что она понимаетъ и сдѣлаетъ, какъ вы ей говорили. Вотъ почему я и думалъ, что вы ее отчитываете, наставляете ее на путь истины.

Говоря все это, я пристально и почти въ упоръ глядѣлъ на нее. Она не поднимала рѣсницъ. Но по чуть замѣтному вздрагиванію рта, сжатаго въ эту минуту, я смогъ заключить, что я попалъ въ «центр», какъ сказалъ бы нашъ Капитонъ.

— Вы ошибаетесь, дорогой сосѣдъ, я ничего ей не внушала. Впрочемъ, что-нибудь растолковывала. Она, до сихъ поръ, еще мало знаетъ Москву. Но почему же это могло васъ такъ заинтриговать... до того, что вы нѣсколько минутъ стояли и наблюдали,—подчеркнула она,— вмѣсто того, чтобы подойти и поздороваться со мною. Изъ насъ двоихъ скорѣе я въ правѣ подумать, что вы тайный беллетристъ и подвергаете всѣхъ насъ болѣе или менѣе тайнымъ наблюденіямъ. Однако прощайте!... Я уже опоздала.

Она поспѣшно пожала мнѣ руку и пошла скоро-скоро, подобравъ правой рукой юбку.

Я остался «въ дуракахъ» и сильно выругалъ себя.

Но я не могъ стряхнуть съ себя такого чувства, что тутъ, съ ея стороны, были пущены въ ходъ «финты». Она всетаки смутилась и правды мнѣ не сказала.

Но тогда кто-же она? Неужели тайная «мамзель», по поменклатурѣ Капитона? Еслибъ это и оказалось такъ—а я этого еще не допускаю—то какой-же ей расчетъ: являться съ уличными «билетными»? Напротивъ, она должна бы всячески ихъ чураться, чтобы никто не могъ бы и подумать, что она «такая же».

И всетаки тутъ есть что-то. Не одинъ только широкій взглядъ на «несчастненькихъ», обреченныхъ на торговлю грѣшнымъ тѣломъ.

Есть, тысячу разъ есть! Она съежилась, чудесно владѣла собою; но глаза были недобрые. Не такъ бы заговорила она, еслибъ не почувствовала себя въ чемъ-то пойманной.

И меня все это окатило холодной водой. Я себя не оправдываю. Съ объективной точки зрѣнія, я повелъ себя съ нею неладно... довольно даже глупо.

Развѣ наши отношенія давали мнѣ хоть подобіе права—допрашивать ее или наблюдать за тѣмъ, съ кѣмъ она водить знакомство?

Но не оттого ли такъ вышло, что самая симпатичная молодая женщина, встрѣченная мною, съ тѣхъ поръ, какъ я изгой, — вдругъ оказывается тѣмъ-то не тѣмъ, за что она себя выдаетъ?

И я — какъ въ темномъ лѣсу. Чувство мое къ ней что-то заморозило. Неужели одинъ я тутъ кругомъ виновать?

УП.

Дни два я былъ въ особомъ возбужденіи — мѣста себѣ не могъ найти.

Неужели отъ того, что вышло между мною и Анной Максимовной?

Предположивъ даже, что эта дѣвица и не то, за что она выдаетъ себя, неужели *это* меня такъ передернуло?

Значить, я къ ней «неравно дышу» — какъ острили въ мое студенческое время? Несомнѣнно.

И чувство остается такое же, по силѣ. И все также оно двойственно: мнѣ и обидно за нее, и можжить меня то, что она *меня* желала провести, а вызвала во мнѣ начало симпатіи, которая могла бы затянуть очень далеко.

Не знаю, что сильнѣе чего: жалость или обида и разсерженность, близкая къ негодованію?

Мнѣ хотѣлось стряхнуть съ себя все это въ первый же день и мнѣ это не удавалось. Я цѣлый день проходилъ изъ угла въ уголъ и чего-то ждалъ.

Ждалъ, чтобы она меня позвала... А самъ къ ней не шелъ, чувствуя, что будетъ совершенно неумѣстно начинать объясненіе все по тому же поводу.

Я не удержался — спросилъ коридорную Машу: дома ли барышня изъ такого-то номера. Ея цѣлый день не было дома и послѣ обѣда она не возвратилась въ свой часъ.

У меня была даже мысль — уже совершенно дикая — вступить въ бесѣду съ Бертой, пригласить ее въ трактиръ — въ ея номеръ я не хотѣлъ входить — и подобраться къ ея знакомству съ Анной Максимовной.

Къ счастью, я въ-время устыдился.

На другой день опять чего-то ждалъ. Собрался было совсѣмъ — постучаться въ номеръ Анны Максимовны; но Капитонъ, когда приходилъ топить — часу въ десятомъ утра — сказалъ, что барышня изъ девятого номера опять «уѣхавши» на машину.

— Совсѣмъ? — почти вскрикнулъ я.

— Нѣтъ... куда-то по близости. Говорила: въ понедѣльникъ вернусь. Сегодня табель, а завтра воскресенье, такъ, значить, на два свободныхъ дня выпало.

Это меня удивило и покорило.

Странно, что она не пожелала повидаться со мною. Такъ бы, навѣрно, не вышло хотя бы четыре дня назадъ. Это сильно смахивало на то, что она желаетъ сдѣлать передышку, чтобы тотъ инцидентъ на бульварѣ забылся. Иначе, она конечно бы сообщила мнѣ, что уѣзжаетъ на цѣлыхъ два дня.

Но я далъ на себя окрикъ. Мнѣ все это самоковырянье показалось сентиментальнымъ и пошловатымъ.

Любопытство могу удовлетворить и другимъ путемъ: встрѣтившись съ нѣмкой, заставить ее болтать. Она, кажется, очень проговата.

А если и она начнетъ изворачиваться, то ясно, что подъ всѣмъ этимъ что-нибудь да вроеется.

Въ такомъ настроеніи я отправился подъ вечеръ въ трактиръ, гдѣ иногда играю на бильярдѣ. Маркеръ оказываетъ мнѣ кредитъ, когда мы играемъ съ нимъ на «интересъ», на деньги, или на «депанецъ», т.-е. на пару пива или растегай.

Онъ острякъ и употребляетъ разныя старыя штучки, вывезенныя изъ провинціи. Родомъ онъ изъ Ярославля и былъ сначала половымъ, потомъ маркеромъ въ своемъ родномъ городѣ.

Когда шаръ не попадаетъ въ лузу, а отпрыгнетъ, онъ непремѣнно, съ своей хмуро ухмыляющейся физиономіей китайскаго типа, скажетъ:

— Былъ *gewesen*, да выскочилъ!

Отъ нѣмецкаго слова *gewesen*, смыслъ котораго ему до сихъ поръ неизвѣстенъ.

Онъ мнѣ никогда не могъ объяснить, откуда идетъ такая маркерская прибаутка. Еще мальчикомъ онъ уже слыхалъ ее.

Зовутъ его Асикритъ. Онъ также резонеръ, какъ и нашъ Капитонъ; но безъ всякой примѣси духовности. У насъ съ нимъ отношеніе къ жизни и людямъ—въ одномъ вкусѣ. Мы вообще отлично понимаемъ другъ друга. У него водятся деньжонки. Вѣроятно, онъ даетъ ихъ въ ростъ, по малости; но у него я еще ни разу не занималъ. Выпиваетъ умѣренно, больше пиво, играя на «депанецъ».

Въ бильярдной гостей не было. Асикритъ сидѣлъ въ углу, у столика, и пробавлялся чайкомъ.

— Побалуемся,—пригласилъ я его—...отъ скуки.

— На *депанецъ*?

— Изволь. Пара пива?

— Приемлю.

Асикритъ разставилъ шары и взялъ два бѣлыхъ въ руки для отгадки, кому начинать.

Онъ мнѣ дастъ двадцать впередъ.

Вышло — начинать ему. Положивъ лѣвую руку особымъ игрецкимъ приемомъ, съ высоко вывернутымъ большимъ пальцемъ, Асикритъ отправилъ бѣлаго, не дѣлая цѣтного ни въ одну лузу, какъ уважающій себя маркеръ, и, повернувъ ко мнѣ свою китайскую физиономію съ косыми бровями и приплюснутымъ носомъ — выговорилъ своимъ вѣчно простуженнымъ голосомъ:

— Князь-то... какъ разжился!...

— Нашъ? Туранъ-Зарубаевъ?

— Собственной персоной. Кушъ раздобылъ.

Асикриту его исторія была извѣстна.

— Съ супруги и ея сожителя?

— Въ большую сталъ опять играть. Изъ «Пальмиры» перебрался теперь въ другое мѣсто... повыше сортомъ. Недѣлку-другую такимъ-то манеромъ почертить, а тамъ и верхнимъ концомъ да книзу. И со мной какъ вчерашняго числа куражился!...

— Игралъ?

— Игралъ. Десять партій проигралъ. И два золотыхъ выбросилъ по семи съ полтиной — «на молъ! На разживу!»

Наша партія еще не дошла до конца, какъ по скрипучей винтовой лѣсенкѣ бильярдной въ антресоль поднялся къ намъ самъ князь.

— Вотъ и ихъ сіятельство шествуютъ, — съ обычнымъ юморомъ выговорилъ маркеръ.

— А! Господинъ финансистъ! — окликнулъ меня князь.

Онъ былъ пріятно возбужденъ; но не пьянъ. Глазки краснѣли и слезились по обыкновенію.

На немъ была чистая крахмальная рубашка и новая пара изъ трико — въ вѣтку. Мнѣ показалось даже, что отъ него пахло какими-то духами.

— Угодно въ пирамидку, ваше сіятельство? — предложилъ маркеръ.

— Кончайте! А потомъ сыграемъ... если имъ угодно, — указалъ онъ на меня рукой.

Когда князю везло по финансовой части, онъ удваивалъ свою дворянскую вѣжливость и не иначе говорилъ, какъ «они», «имъ», «ихъ».

— Уставляй! — распорядился онъ, — когда мы кончили партію,

и тотчасъ же взялъ меня подъ локоть и отвелъ въ дальній уголъ, гдѣ стоялъ, въ нишѣ, диванчикъ.

— Дорогой сосѣдъ, — началъ онъ вполголоса, конфиденціальнымъ тономъ, — я хотѣлъ къ вамъ зайти еще вчера и сообщить вамъ... объ одномъ обстоятельстве, довольно тонкаго свойства.

Оглянувшись на биллиардъ, онъ крикнулъ:

— Асыкрить! Сбѣгай внизъ, принеси закусь съ семги и листовки.

— Слушаю, ваше сіятельство, — откликнулся Асыкрить.

Князь удалилъ такъ быстро маркера не безъ намѣренія.

— Что такое, князь?

— Вы изволите быть знакомы съ той особой, которая у насъ поселилась недавно?

— Анна Максимовна?

— Да-съ.

— Знакомъ.

— И за кого ее принимаете?

— Не знаю. Если вѣрить тому, что она о себѣ рассказала... она трудовая дѣвушка... Я знавалъ ее, въ одномъ семействѣ, когда она была еще подросткомъ.

— Такъ-съ. Но видите ли... какое обстоятельство... Нашъ сосѣдъ, панъ Уздовскій... первый предупредилъ меня подъ секретомъ, что тутъ дѣло — не чисто.

— Въ какомъ смыслѣ? Она не то, за что себя выдаетъ? И, можетъ быть, легкая особа, носящая маску порядочности?

Мнѣ стоило усилія надъ собою сказать это.

— Не изъ этой оперы. Она начала дѣлать ему посулы... узнавъ, что онъ теперь сидитъ на нишѣ святаго Антонія.

— Какого рода?

— Ее специально интересуютъ жильцы того номера, что около черной лѣстницы... студентъ и его товарищъ. У пана Уздовскаго свой шляхетскій гоноръ... хи-хи! Чѣмъ бы онъ ни промышлялъ, но такимъ соглядатаемъ онъ быть не желаетъ. И что это не пухъ, не пустяки розсказни... онъ же сообщилъ мнѣ, что та нѣмка... какъ бышь ее зовутъ...

— Берта?

— Да... стала обхаживать студента, и панъ Уздовскій видѣлъ, какъ къ ней подъ шумокъ пробиралась... та особа. Все это пахнетъ чѣмъ-то... крайне подозрительнымъ.

— Вы думаете?

Меня все это точно обожгло.

Сначала было горько... за нее, а потомъ какъ-то весело. Несо-

миѣнно—злорадное чувство, и сознаніе того, что меня не проведешь, что я былъ правъ.

— Я счелъ долгомъ предупредить васъ... любезный сосѣдъ, — продолжалъ князь. — Мы съ вами можемъ быть людьми безъ предразсудковъ... Но развѣ кто-нибудь изъ насъ пойдетъ *на это*?

Нижняя губа у него выпятилась. И все его личико, выпотѣвающее тѣ напитки, какіе онъ употребляетъ, выразило неподдѣльное презрѣніе.

— И знаете, что, — глаза его замигали, — у меня явилась мысль—подыгратья къ этой дѣвицѣ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Выдать себя... за ея *конфрѣра*... по такой же профессіи...

— Мысль оригинальная!

Она въ меня запала тутъ же, эта мысль.

— Во всякомъ случаѣ, будьте осторожны.

— Да что же ей надо много производить наблюденій...

— Мало ли что! У каждаго есть что-нибудь... Не то, такъ другое... Можетъ быть, она... по двумъ спеціальностямъ...

— То-есть?

— И насчетъ крамолы... и по сыскной части... По нынѣшнимъ временамъ такое совмѣстительство весьма часто должно практиковаться.

И тутъ только мнѣ вспомнилась моя собственная исторія. Какъ легко заподозрить человѣка въ самой послѣдней гнусности... Почему-то меня это не остановило, когда я самъ началъ ее подозрѣвать.

— Можетъ оказаться тутъ простое совпаденіе признаковъ?

— Позвольте! Достоянѣйшій... Мы съ вами не сыщики. Но съ какой стати, согласитесь, это обхаживанье пана Уздовскаго и какіе-то шуры-муры съ той дѣвочкой? Видимое дѣло: та теперь ублажаетъ, вѣроятно, на даровщину, того студента. Опять же и то возьмите: поселилась рядомъ съ ними... и тотчасъ послѣ того, какъ къ студенту въѣхалъ его товарищъ. А вы изволили его видѣть?

— Раза два... мелькомъ.

— Каковъ? Ужъ онъ-то, навѣрно, изъ нелегальныхъ... Изъ-за границы... такой-то Михрютка? На какіе такіе капиталы онъ тамъ проживалъ? Удивляюсь, какъ они до сихъ поръ не догадываются и не съѣдутъ... если тотъ, заграничный, дѣйствительно, съ такимъ именно душкомъ...

Поднялся Асикритъ съ подносомъ.

— Сюда!—крикнулъ князь. А васъ чѣмъ просить?—обратился онъ ко мнѣ, разставивъ обѣ руки, точно желая меня обнять.

— Ужъ, право, не знаю.

— Бутылочку... холодного? И не російскаго брандахлыста... а настоящаго?

— Въ такой непоказанный часъ?

— Особенно лестно будетъ. Маркеръ! Спускайся внизъ и скажи бестіи-прибазчику, чтобы бутылку Редереру настоящаго... слышишь?

— Ледеру? — переспросилъ Асикритъ, чуть замѣтно ухмыльнувшись.

— Да! Ледеру! Живѣ! Зернистой икры порцію... съ зеленымъ лукомъ и съ горячимъ калачомъ! И если икра окажется не свѣжая...

— «Трактиръ запечатаю!» — вырвался у меня возгласъ Досуева изъ «Доходнаго мѣста».

— Хи-хи! Именно! Трактиръ запечатаю.

По вторичномъ уходѣ маркера князь пропустилъ рюмку листовки и вкусно закусилъ семгой.

Я потише спросилъ его:

— Должно быть, вашъ походъ былъ удаченъ?

— Вѣсьма! Мои свѣдѣнія оказались архивѣрными. Новое чадо — въ дорогѣ и моя фиктивная супруга находится въ томъ положеніи, которое называется «на сносяхъ». Миѣ не надо было особенно напирать.

— И кушъ былъ заполученъ?

— *Есс сэрг!* Не спрою даже, что довольно приличный.

— На долго ли князь?

— За это не могу отвѣтить. А знаете что добрейшій? Меня вотъ сейчасъ озарила гениальная мысль... Хи-хи! Не хотите ли виѣтъ переѣхать на другую квартиру?

— Сейчасъ?

— У меня есть на примѣтѣ. Бросимъ мы нашу скверно-пагостную меблировку, — благо завелась тутъ такая подозрительная мамзель.

— Миѣ по деньгамъ.

— Вы дворянинъ... и я дворянинъ. Какіе же счеты? Взяли бы отдѣленіе въ двѣ комнаты съ уборной.

— Благодарю васъ. Но изъ-за этого только я не съѣду. Миѣ нечего бояться.

— Много бы обрадовали, принявъ мое предложеніе.

Князь былъ великолѣпенъ. Въ немъ рядомъ уживаются и аморальное отношеніе къ добыванію кушей за фиктивную супругу, и «шляхетное» возмущеніе тѣмъ, въ чемъ подозрѣвается мамзель.

А самъ... если его ресурсы окончательно изсякнутъ, устоятъ ли бы передъ посулами... на ту же тему?

Во мнѣ быстро и безповоротно сложился цѣлый планъ.

Сначала я хотѣлъ сегодня же постучаться къ тѣмъ двоимъ похмурымъ жильцамъ—«скубенту» и его товарищу—и передать имъ то, что слышалъ отъ князя и что во мнѣ самомъ вызвало подозрѣнія насчетъ... Анны Максимовны.

Странная штука! Какое мнѣ, въ сущности, дѣло до тѣхъ «скубентовъ»? Развѣ не ими было наложено клеймо на мою личность, на меня, ни въ чемъ неповиннаго? Съ тѣхъ поръ я намѣренно не водился съ посетителями голубыхъ воротниковъ и околышей. И съ полнымъ равнодушіемъ относился къ тому, что дѣлается на Моховой, во всѣмъ ихъ мытарствамъ—въ дни разныхъ исторій.

И вдругъ такое донъ-вихотство: идти къ нимъ, нарываться на какія-нибудь рѣзкости, на то, что тебѣ дадутъ почувствовать: самъ-то ты... не *provocateur* ли?

Болѣе, чѣмъ возможно.

Но не это заставило меня измѣнить мой первый ходъ.

Не съ нихъ надо начать, а съ *нея*... съ хитроумной и корректной дѣвицы, вызвавшей во мнѣ, не зная того, цѣлую душевную пертурбацію.

Ни минуты не колеблясь—послѣ того, какъ я обдумалъ всю программу моей бесѣды съ нею—я пошелъ твердымъ шагомъ по коридору и, зная отъ Маши, что она вернулась, постучался въ дверь.

Мнѣ тотчасъ же отворили.

Смеркалось; но было еще довольно свѣта.

Анна Максимовна встрѣтила меня, какъ ни въ чемъ не бывало,—радушно, но съ какимъ-то оттѣнкомъ тона, котораго у нея не было до нашего разговора на бульварѣ.

Она стала говорить о томъ, какъ провела два дня у знакомыхъ, въ усадьбѣ, какъ теперь хорошо въ деревнѣ, какая славная санная ѣзда.

И это показалось мнѣ отводомъ въ сторону. Я далъ ей кончить свою тираду и сказалъ, что у меня есть до нея «особенное» дѣло.

Хоть и въ сумерки, я подмѣтилъ что-то въ ея взглядѣ, когда выговаривалъ слово «особенное».

— Пожалуйста... я вся къ вашимъ услугамъ.

И указала мнѣ мѣсто на диванѣ.

Безъ всякихъ предиминарій, я ей далъ понять, что не мнѣ одному кажутся подозрительными ея личность и ея поведеніе.

Она съ большимъ достоинствомъ отвѣтила сначала:

— Зачѣмъ, Павелъ Гавриловичъ, вы мнѣ это говорите?

— Въ вашихъ интересахъ. Съ какой же стати вы сами ставите себя въ такое положеніе?

— Мнѣ, должно-быть, на роду писано,—вымолвила она съ усмѣшкой.

Глаза она отвела и голосъ сталъ глуше.

— Вы имѣете возможность прекратить такіе толки.

— Какъ же?

— Первое... заставить замолчать жильца, который предупредилъ того, кто сталъ меня предупреждать. Тутъ уже прямое обвиненіе въ томъ, что вы его, такъ сказать, зондировали.

— И вы этому вѣрите?—произнесла она съ дрожью въ голосѣ.

Этой дрожи я не повѣрилъ.

— Будемте говорить, какъ люди, испытанные жизнью. Мы живемъ здѣсь среди такого народа... среди «изгоевъ», какъ я называю въ томъ числѣ и себя самого. Возмущаться наивно. Но вотъ видите, и у насъ—и у такого пана Уяздовскаго, ремесломъ свидѣтеля по брачнымъ дѣламъ, и у князька, живущаго вымогательствами съ фактивной супруги—есть однако свой гоноръ. Они считаютъ себя неспособными на извѣстнаго рода профессію.

Она вскочила.

— Другими словами... меня считаютъ... шпионкой?!

— Подозрѣваютъ. И хотите вы правду, Анна Максимовна?

— Пожалуйста.

— Вы во мнѣ самомъ оставили тревогу... тогда, когда я имѣлъ съ вами разговоръ на бульварѣ.

— И вы...?

Она не договорила.

— Да... и я не удовлетворился тѣмъ, что вы мнѣ стали говорить о своей высшей жалости къ проституткамъ.

— Для чего же мнѣ такая Берта? Ха-ха!

Смѣхъ ея мнѣ не понравился.

— Для чего? Даже князекъ, не Богъ знаетъ какой интеллигенціи изгой; но и у него цѣлая комбинація: онъ подозрѣваетъ, что вы выслѣживаете студента и, главное, его пріятеля; для этого взяли рядомъ комнату, для этого вошли въ сношенія съ Бертой, къ которой теперь сталъ похаживать студентъ; вѣроятно, и она у нихъ бываетъ.

Все это я выговаривалъ вполголоса, чтобы рядомъ, въ номерѣ двухъ товарищей, не могло быть слышно.

— Если такъ,—вскричала она,—я готова... пойдти сейчасъ же къ нимъ,—она показала рукой на дверь,—и при васъ все имъ сказать.

Я бы съехала сейчас же отсюда; но нарочно этого не сдѣлаю. Это могло бы дать поводъ говорить, что я испугалась... что меня поймали.

Тутъ ей слѣдовало бы заплакать; но она не заплакала и для меня это явилось самой сильной уликой.

Я доигралъ съ ней комедію, взявъ за руку, посадилъ рядомъ на диванъ, приблизилъ свое лицо къ ея лицу и сказалъ съ особенной интонаціей:

— Не волнуйтесь! Не горячитесь! Я вѣдь въ вашихъ же интересахъ. Почему вы знаете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло въ настоящую минуту?

Это былъ очень смѣлый, прямо дерзкій ходъ.

Взглядъ ея скользнулъ по мнѣ. Онъ былъ вопросительный, а не негодующій. Она какъ бы хотѣла сказать:

«Это—мистификація или правда, могу ли я вамъ вѣрить, точно ли вы то, на что сейчасъ намекнули?»

Это былъ всего одинъ мигъ; но я сдѣлалъ выводъ, и уже безповоротный:

«Да, она не даромъ поселилась здѣсь».

— Я васъ не понимаю,—выговорила она строговато и отвела мою руку.

— Какъ вамъ угодно, Анна Максимовна, но идти къ нимъ вамъ рискованно!

Съ этими словами я вышелъ отъ нея.

VIII.

Alea jacta est!

Этотъ возгласъ Цезаря повторилъ и я.

Неужели оно такъ? Неужели я не воображаемый, а подлинный... Слово не сходить съ пера—даже и съ глазу на глазъ съ собственной совѣстью.

Здѣсь, я могу все проанализировать въ томъ душевномъ кризисѣ, который довелъ меня до этого шага.

Да, эта женщина стала притягивать меня къ себѣ, во многомъ могла помирить меня съ жизнью и людьми. Я размечтался... Я видѣлъ въ ней примѣръ того, что можно и съ такимъ же «клеимомъ», какое лежало на мнѣ, чувствовать себя уравновѣшеннымъ, устроить свою жизнь, какъ позволяютъ обстоятельства.

И все это оказалось выдумка, комедія, продѣланная съ немалой виртуозностью. А если и не комедія, если и дѣйствительно судьба этой женщины сложилась такъ, какъ она со мною откровенничала,

то всетаки самый фактъ, что она — «соглядатай» изъ интеллигенціи, прямо разъярилъ меня, хотя это было для меня нелогично и нелѣпо. Я также надѣлъ на себя личину и въ томъ объясненіи, какое было у насъ, три дня назадъ, въ ея номерѣ, она выдала себя совершенно достаточно.

Такъ ни подъ какимъ видомъ не повела бы себя вполне честная, искренняя дѣвушка, та Анна Максимовна, которая первая обратилась ко мнѣ съ исповѣдью.

Меня наполнило радостное чувство, когда я ее перехитрилъ. Она и не воображала, выворачиваясь на разные лады въ нашемъ съ нею діалогѣ, что во мнѣ сидѣлъ уже готовый планъ и отъ ея поведенія, тона, лица, взглядовъ, зависить то, приведу ли я его въ исполненіе или нѣтъ.

Но это — еще не все.

Во мнѣ всплыло страстное желаніе дѣйствительно подняться надъ людскимъ муравейникомъ, занять такое *тайное* положеніе, чтобы я могъ все знать обо всѣхъ, а обо мнѣ никто ничего, до тѣхъ поръ, пока самъ не поймаюсь, какъ поймалась корректная и уравновѣшенная Анна Максимовна.

А какъ же это устроить иначе, какъ не согласившись быть *наблюдателемъ* во всѣхъ слояхъ общества? И при этомъ безразлично: главный объектъ такихъ наблюденій будутъ ли господа, вродѣ пріѣхавшаго изъ-за границы товарища хмураго «скубента»?

Подобные «объекты» дороги для тѣхъ, кто водворить меня въ такой роли, а не для меня самого. И вотъ сейчасъ же — если мой планъ я выполняю умѣло, безъ сучка и задоринки — я могу, заручившись извѣстнымъ званіемъ, оставаться самымъ собою, прежнимъ Павломъ Гавриловичемъ.

Дѣло возможное. Оно практикуется не со вчерашняго дня. Какъ есть «провокаторы», такъ есть и «встрѣчные агенты», играющіе роль въ глазахъ властей и преданные тѣмъ, въ глазахъ которыхъ они могутъ сходить и за настоящихъ прямолинейныхъ агентовъ.

И это было бы такимъ триумфомъ передъ достолюбезнѣйшей Анной Максимовной! Она врядъ ли состоитъ въ такомъ двойномъ качествѣ.

Врядъ ли?... А почему я знаю?

Нѣтъ, не состоитъ. Иначе, она уже проникла бы къ своимъ сосѣдямъ. Правда, она могла бы поступить на ампула провокаторши, но если этого не стала дѣлать сразу, — значить, она еще не искусилась въ такомъ двойномъ ампула.

.

Безъ малѣйшей нервности я подошелъ къ двери двухъ «Михрютокъ», — какъ теперь зовутъ ихъ и Капитонъ, — и постучалъ.

Мнѣ не отвѣчали сразу. Маша мнѣ уже доложила, что одинъ изъ нихъ «навѣрняка» дома; только не могла сказать, который именно.

Не тотчасъ же и послѣ второго стука пріотворилась дверь. Оттуда выглянула голова не хозяина номера, а его сожителя.

Я назвалъ фамилію студента.

— Его нѣтъ! — отвѣтилъ сожитель и хотѣлъ тотчасъ же прихлопнуть дверь; но я удержалъ его за руку.

— Извините... я не могу васъ принять сейчасъ.

Голосъ глухой, суровый.

— А за отсутствіемъ вашего сожителя я обращаюсь къ вамъ. Васъ-то мнѣ собственно и нужно.

Весь разговоръ происходилъ вполголоса. Въ коридорѣ никого въ эту минуту не было. Я зналъ, что «правильной барышни» тоже нѣтъ дома.

— Меня? — Два впалыхъ глаза уставились на меня. — Я васъ не знаю.

— Это ничего не значить.

— Извините, пожалуйста, но...

— Вамъ неудобно принять меня? Ничего нѣтъ легче. Выдѣте, закройте номеръ и пожайте ко мнѣ.

Голова отдѣлилась отъ скважины двери.

— Не бойтесь! Я считаю долгомъ имѣть именно съ вами разговоръ. Это очень важно не для меня, а для васъ.

Вмѣсто отвѣта онъ захлопнулъ дверь и даже заперъ ее изнутри, на задвижку, но минуты черезъ двѣ-три отомкнулъ. Дверь пріотворилась. Онъ выдвинулся въ ея скважину съ видимымъ расчетомъ, чтобы она вплотную не распахнулась и я не могъ видѣть внутренность ихъ номера.

Ключъ онъ уже держалъ въ рукѣ, быстро вложилъ его въ отверстие и заперъ.

— Я, право, не понимаю... — началъ было онъ.

— Вы сейчасъ все поймете. Пожайте ко мнѣ. Я пойду впередъ.

Онъ молча послушался и побрелъ за мною въ другой конецъ коридора.

Когда мы очутились оба у меня, я также заперъ дверь на задвижку, впустивъ его.

Онъ какъ будто съ нѣкоторой тревогой взглянулъ на меня, когда я щельнулъ задвижкой.

— Простите... Это — необходимая предосторожность.

— Какъ вамъ угодно, — полунасмѣшливо промолвилъ онъ.

Мой номеръ посвѣтѣе другихъ и свѣта въ этотъ моментъ было достаточно. Я стоялъ спиной къ окну, а мой гость ко мнѣ всѣмъ своимъ фасомъ.

Небольшого роста, сутулый, одно плечо выше другого, косматый, очень испитой, я сказалъ бы чахоточный, съ заостреннымъ носомъ, впалыми глазами навывкатъ и «беспорядочной» бородкой, какъ пишутъ господа беллетристы.

Одѣтъ также беспорядочно, въ затасканную заграничную блузу охотничьяго типа, со складками на груди и съ кушакомъ изъ такой же коричневой матеріи.

Панталоны — еще потертѣе, сѣрые, обшарпанные; въ войлочныхъ туфляхъ.

Руки онъ не догадался вымыть. Онѣ были въ чемъ-то темномъ. Вѣроятно, онъ у себя что-нибудь мастерилъ.

— Милости прошу, — указавъ я ему на диванъ.

Не сразу онъ сѣлъ; сначала оглянулся во всѣ стороны, съ характернымъ движеніемъ своихъ перекошенныхъ плечъ.

Видъ у него старообразный, но онъ молодой человѣкъ, не больше, какъ лѣтъ двадцати шести-семи.

— Въ чемъ дѣло? — отрывисто спросилъ онъ, исподлобья взглянувъ на меня.

Изъ всѣхъ обитателей нашего Капернауума онъ былъ типичнѣйшій «изгой» или, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ имъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло.

Я сообщилъ ему кратко, что рядомъ съ ними живетъ дѣвица, которая кажется, не мнѣ одному, очень подозрительной и я счелъ своимъ долгомъ предупредить его.

Онъ и тутъ не сразу отвѣтилъ.

— Спасибо... если вы съ добрымъ намѣреніемъ.

И при этомъ такъ на меня взглянулъ, что я долженъ былъ отвѣтить ему:

— Вы не имѣете повода довѣрять мнѣ. Вы меня не знаете. Можетъ быть... я самъ тайный агентъ?

— Все можетъ быть.

— Во всякомъ случаѣ вы предупреждены. Очень возможно, что эта особа войдетъ въ знакомство съ вами или съ вашимъ сожителемъ.

— Я ее не знаю. И товарищъ мой также. Видѣлъ ее разъ на крыльцѣ. Мало ли кого можно заподозрить?

Онъ повелъ головой.

— Будемъ говорить на-чистоту,—началь я, мѣняя тонъ.—Не она, такъ кто другой... можетъ избрать васъ предметомъ наблюденій... Вы держитесь взаперти... у васъ заграничный паспортъ.

— А вамъ это какъ извѣстно?

— Мнѣ сказалъ это истопникъ нашъ, Капитонъ. Вы знаете... какъ прислуга вся теперь дрессирована по этой части.

Взглядъ его остановился на мнѣ съ выраженіемъ, которое было очень близко къ такому вопросу:

А ты-то самъ изъ какихъ?

— Спашите вашему сожителю, чтобы онъ былъ остороженъ и съ той женщиной, къ которой онъ заходитъ. У насъ двѣ проститутки. Это нѣмка, Берта. Вы ее не знаете?

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ онъ.

— Это не пустое подозрѣніе, а очень вѣскій фактъ. Ваша со-сѣдка находится съ ней въ какихъ-то постоянныхъ переговорахъ.

— Кто это видѣлъ?

— Я видѣлъ.

— А-а...

— Повторяю, вы можете считать меня за кого вамъ угодно; но не быть осторожнымъ—чистая бравада. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

Мы разомъ поднялись.

— Мое почтеніе,—выговорилъ онъ и какъ-то бокомъ выдвинулся изъ комнаты.

Онъ, навѣрно, принялъ меня за того, кѣмъ я въ тѣ минуты еще не былъ.

Но я имъ сталъ теперь.

Признаюсь... дорогой *туда*, гдѣ я долженъ былъ предложить свои услуги, у меня стучало сердце... и было мгновеніе, что я хотѣлъ вернуться.

Но меня остановили такіа мысли:

«Что же измѣнится въ моемъ положеніи? Вѣдь меня и теперь считаютъ нѣкоторые изъ моихъ коллегъ—бывшимъ соглядатаемъ, на изживеніи того же мѣста, куда я теперь направляюсь. Я вѣдь сознавалъ самъ, что на мнѣ осталось клеймо, и у меня и теперь нѣтъ никакой возможности облечь себя! Такъ не все ли равно, что я буду на дѣйствительной «службѣ» того же вѣдомства? Кто объ этомъ будетъ знать? Пять-шесть человекъ? И не будетъ ли занимательно проводить своихъ набольшихъ, тайно дѣйствуя противъ нихъ?

Тутъ мнѣ представился благообразный обликъ «правильной» ба-

рынии, Анны Максимовны, и мнѣ сдѣлалось злобно-весело при мысли, какъ я ее буду проводить въ первую же голову.

И я назадъ не вернулся, а ровно въ десять часовъ утра звонилъ у двери того лица, къ которому, по моимъ соображеніямъ, всего прямѣе было обратиться. Навѣрно, они тамъ привычны къ такимъ раннимъ просителямъ.

Не одна горькая нужда ставить на эту «тропинку», а гораздо больше и чаще всякая дрянность, долги, кутежъ, полнѣйшее «опустошеніе» души. Да и что же тутъ удивительнаго? Какіе устои есть въ такъ называемомъ порядочномъ обществѣ?

Когда я былъ еще студентомъ-танцоромъ, душой вечеринокъ въ дворянскихъ, чиновничьихъ и купеческихъ домахъ, я помню разные «инциденты», весьма характерные для нравственнаго уровня молодежи.

Помню прекрасно, какъ хозяйка одного изъ такихъ домовъ со слезами призналась мнѣ (мѣсяца два послѣ самаго факта), что изъ кабинета мужа, въ тотъ вечеръ, когда я дирижировалъ ботильономъ, исчезъ серебряный портсигаръ.

А вѣдь кавалеры принадлежали все къ молодой интеллигенціи.

Она могла заподозрить и дирижера танцевъ.

Можно вѣдь безошибочно положить *a priori*, что въ каждомъ многолюдномъ собраніи будетъ среди *участниковъ* нѣсколько такихъ «наблюдателей», помимо прислуги, въ клубахъ, ресторанахъ, буфетахъ и прочихъ мѣстахъ.

Меня такъ подбодрили всѣ эти разсужденія, что я весьма тонко разыгралъ свою роль передъ тѣмъ лицомъ, къ которому разсудилъ обратиться.

Но, должно быть, предложеніе въ этихъ сферахъ такъ значительно, что меня съ «распростертыми» объятіями не приняли.

И тутъ нужно пройти черезъ нѣкоторый «искусъ». Но всетаки я, по всѣмъ статьямъ, весьма подходящій экземпляръ: не кончившій курсъ въ высшемъ заведеніи, оскорбленъ былъ товарищами—я объ этомъ не скрылъ; а, напротивъ, выставилъ этотъ *первоначальный* мотивъ,—почувствовалъ горечь и счелъ свою жизнь разбитой, пробивается теперь съ хлѣба на квасъ, ютится въ плохой мебелированкѣ, но... не алкоголикъ, не картежникъ, съ совершенно чистымъ кондуитомъ—не только по уложенію о наказаніяхъ, но и по наказаніямъ, налагаемымъ мировыми судьями.

Навѣрно, во всѣхъ участвахъ столицы, гдѣ я былъ прописанъ, обо мнѣ не оказалось никакихъ отиѣтокъ сколько-нибудь щекотливаго свойства.

Таковыми добровольцами и при большомъ предложеніи пренебрегать не слѣдуетъ.

И вотъ я вошелъ въ извѣстный разрядъ.

Въ тотъ же день я прямо и увѣренно двинулся по коридору, утромъ, какъ разъ передъ тѣмъ часомъ, когда Анна Максимовна выходитъ.

Я постучалъ громче обыкновеннаго.

Мнѣ звонко и ласково отвѣтили изъ-за двери:

— Войдите, пожалуйста!

Точно она догадалась, что это я.

Она только что кончила пить чай, была старательно причесана и одѣта во все темное, какъ профессиональная особа, отправляющаяся на службу.

— А! Павелъ Гавриловичъ! Давно не жаловали ко мнѣ! Не хотите ли чаю?

Я отказался.

— Можно васъ задержать на четверть часа?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Только простите. То, что я имѣю сообщить вамъ—не совсѣмъ удобно говорить именно у васъ.

Все это я выговорилъ вполголоса.

— Почему?

Она сейчасъ же насторожилась.

— Ваши сосѣди могутъ услышать.

— Кажется, ихъ нѣтъ... я что-то не слышу голосовъ.

— Такъ будетъ лучше,—сильнѣе произнесъ я.—Я васъ больше четверти часа не задержу. Когда соберетесь, зайдите ко мнѣ, прошу васъ.

— Извольте.

Не знаю, могла ли она догадаться; но лицо сохраняла ясное и непроницаемое.

Черезъ десять минутъ она уже постучалась ко мнѣ, вошла въ шапочкѣ и муфтѣ, съ портфелемъ въ рукѣ.

Я попросилъ ее на то самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ «Михрютокъ» въ заграничной блузѣ.

— Намъ надо, Анна Максимовна,—началъ я, потирая руки отъ внутренняго удовольствія,—поближе познакомиться.

— А развѣ мы знакомые незнакомцы?—пошутила она.

— Вотъ второй день, какъ мы съ вами находимся на одной и той же тайной службѣ.

Лицо ея точно сразу потемнѣло.

— Вы хотите сказать?

— Полноте носить личину. Вотъ въ чемъ дѣло...

И я представилъ ей доказательство того—*кто* я, и прибавилъ, что о ея «службѣ» я освѣдомленъ и жду отъ нея содѣйствія, какъ разъ, тутъ, въ этой самой мебелировкѣ.

Она что-то хотѣла возразить, но я, не мѣняя весело-дѣлового тона, сказалъ:

— Вы получите надлежащую инструкцію по этой части. Съ вами говорить вашъ коллега и это совсѣмъ не мистификація сомнительнаго тона.

— Вотъ что! Вы... Павелъ Гавриловичъ? Вы?

Краска выступила на ея щекахъ.

— Да, я! Видите, какая общность судьбы... Скажите: развѣ не то, что легло влеймомъ на васъ... незаслуженно и возмутительно, облегчило вамъ рѣшительный шагъ въ сторону той же профессіи?

— Можетъ быть!

Тутъ она меня пронизала, какъ иглой, своимъ взглядомъ, уже безъ всякаго смягченія.

— Вамъ угодно услышать отъ меня новую исповѣдь?

— Нѣтъ! Но скажите—зачѣмъ тогда, въ первомъ нашемъ разговорѣ, вы такъ виртуозно извоили рассказать мнѣ цѣлую исторію?

— Въ ней не было ничего выдуманнаго.

— Кромѣ конца?

— Что же!... Вы требуете, чтобы я сразу объявила вамъ тогда, съ кѣмъ вы имѣете дѣло?...

— Позвольте!—остановилъ я ее и схватилъ за руку.—Когда я сталъ васъ заподозрѣвать послѣ того, какъ увидѣлъ васъ съ нѣмкой и пришелъ потомъ къ выводу, что вы дѣйствительно такая—во мнѣ самомъ все заново перевернулось. Меня когда-то ославили шпиономъ... Пускай же я буду имъ на самомъ дѣлѣ. Вы, во всякомъ случаѣ, добрейшая Анна Максимовна, въ долгу у вашего покорнаго слуги! Когда вы возобновили знакомство со мною, я не былъ тѣмъ, чѣмъ сейчасъ отрекомендовалъ себя... А вы уже были.

— И вы хотите мнѣ мстить?—спросила она съ кривой усмѣшкой.—Это зло и несправедливо. Я не для васъ сюда вышла.

— Да я и не могъ быть объектомъ вашихъ наблюдений. Но вы умышленно стали играть на моей симпатіи. И другой бы вамъ этого въ вѣкъ не простилъ.

Тутъ я перемѣнилъ тонъ.

— О какой же мести можетъ тутъ идти рѣчь, если ны съ вами

теперь одного поля ягода? Устроилъ вамъ маленькій сюрпризъ, простите! Инцидентъ съ вами—лишняя отмѣтка въ мою записную книжку. Мы вѣдь не должны ничему удивляться! А потому—sans гауссипе!—воскликнулъ я, подавая ей руку.—Теперь намъ ех officio надо ладить. Я не желаю пользоваться чужимъ добромъ. То, что вы уже добыли... насчетъ того... прїѣзжаго изъ-за границы... останется вашей добычей. Но если мнѣ будетъ поручено оказывать вамъ содѣйствіе, то и изъ-за этого намъ ссориться не полагается.

Мы оба встали.

— Хорошо-съ,—отвѣтила она,—я сама ничего рѣшать не могу.

— Конечно! Надо сообразоваться съ инструкціями. Я не возьму щусъ, если вамъ поручать наблюдать и за мною. Кто меня знаетъ!... Быть можетъ, меня заподозрятъ въ томъ, что я—контръ-наблюдатель? Какъ вы думаете? А?

Никогда я не забуду того взгляда, какимъ она кольнула меня.

«Можетъ быть!—было въ этомъ взглядѣ.—Но ты меня врядъ ли проведешь!»

И какъ мы въ этотъ мигъ ненавидѣли другъ друга!

А теперь—кто кого перехитритъ!...

П. Боборыкинъ.

ПЕТРЪ КАМЕНЦИНДЪ *).

Германна Гессе.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

IV.

Что не удалось отцу, то сдѣлала несчастная любовь: я сталъ пьяницей.

Для меня и для моего дальнѣйшаго существованія это важно, чѣмъ все, рассказанное раньше. Сильный, опьяняющій богъ сдѣлался моимъ вѣрнымъ другомъ и остался имъ до настоящаго времени. Есть ли божество, равное ему по силѣ? Кто такъ красивъ, мечтателенъ, веселъ, сумасброденъ, задумчивъ, какъ онъ? Онъ герой и волшебникъ. Онъ братъ и пособникъ Эроса. Ему возможно невозможное; онъ наполняетъ бѣдныя человѣческія сердца чудной поэзіей. Меня, дикаря, крестьянина, онъ превращаетъ въ короля, поэта, мудреца. Ощувъшую жизненную ладью наполняетъ новымъ грузомъ и причалившихъ къ берегу устремляетъ въ бурный водоворотъ.

Таково вино. Но оно подобно всѣмъ цѣннымъ дарованіямъ и искусствамъ: его надо любить, холить, цѣнить и съ большимъ трудомъ завоевывать. А это доступно немногимъ; тысячи и тысячи отъ него погибаютъ. Оно ихъ старитъ, убиваетъ или гаситъ въ нихъ духовное пламя. Но любимцамъ своимъ оно устраиваетъ празднества, перекидываетъ радужные мосты къ блаженнымъ островамъ. Оно подкладываетъ имъ подъ голову подушки, когда они устаютъ, заключаетъ въ объятія, какъ другъ или нѣжная мать, когда впадутъ въ уныніе. Суету жизни преобразуетъ въ мины и на могучей арфѣ играетъ творческую пѣснь.

И вотъ ты снова ребенокъ: по узкимъ плечамъ разметались шелковистые локоны; всѣ члены стали тонки и гибки. Ты прижимаешь

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1905 г.

книга II, 1906 г.

своей молодой двойникъ къ сердцу; онъ протягиваетъ тебѣ тоненькое личико и съ изумленіемъ, мечтательно смотритъ большими, добрыми глазами, въ глубинѣ которыхъ, точно свѣтлый лѣсной источникъ, сияя бурлитъ воспоминаніе о раѣ и о неутраченной дѣтской чистотѣ.

Богъ вина походить иногда на стремительный потокъ, съ ревомъ несущійся въ бурную весеннюю ночь. Онъ походить на море, укачивающее на холодныхъ волнахъ солнце и бурю.

Когда онъ говоритъ съ своими любимцами, на нихъ налетаетъ бурный приливъ воспоминаній, поэтическихъ образовъ, предчувствій. Знакомый міръ мельчаетъ и отходитъ назадъ, а душа съ радостнымъ замираніемъ бросается въ неизвѣданную даль, гдѣ все чуждо, но все близко, гдѣ говорятъ на языкѣ поэзіи, музыки, мечты!

Однако, пора рассказывать дальше.

Случалось, что я часами бывалъ веселъ до самозабвенія, учился писать, слушалъ музыку Рихарда. Но не одинъ день не проходилъ безъ тоски. Иногда она нападала на меня только ночью: я стоналъ, метался и весь въ слезахъ засыпалъ подъ утро. Или овладала мной, когда я встрѣчалъ Агліетти. Чаше всего она появлялась въ сумеркахъ, когда наступали чудные, нагоняющіе истому, теплые лѣтніе вечера. Тогда я шелъ къ озеру, бралъ лодку, гребъ до изнеможенія. Возвращаться домой было невозможно, приходилось заглядывать въ кабачокъ или въ ресторанъ съ садомъ. Тамъ я пробовалъ разные сорта винъ, пилъ и напивался, послѣ чего на слѣдующій день чувствовалъ себя наполовину больнымъ. Сотни разъ нападало на меня омерзѣніе, и я давалъ слово не пить. Но шелъ снова и пилъ. По-немногу я сталъ отличать сорта винъ и ихъ дѣйствіе и пилъ съ нѣкотораго рода сознаніемъ, хотя все еще былъ неопытенъ и наивенъ. Въ концѣ-концовъ я остановился на красномъ итальянскомъ. Съ перваго стакана оно казалось терпкимъ и возбуждающимъ, потомъ затуманивало мысли до тихой, покойной мечтательности и, наконецъ, начинало творить, даже создавать поэтическіе образы. Тогда всѣ мѣстности, которыя мнѣ когда-либо нравились, представляли передо мною въ великолѣпномъ освѣщеніи, и я самъ путешествовалъ по нимъ, пѣлъ, мечталъ и ощущалъ въ себѣ повышенное, теплое бѣніе жизни. Все заканчивалось необыкновенно пріятной грустью, точно при слушаніи заунывнаго напѣва народныхъ мелодій или при сознаніи, что гдѣ-то близко таится большое счастье, которое ты прозѣвалъ, пройдя мимо.

Случилось какъ-то, что я пересталъ кутить въ одиночку и сталъ примыкать къ различнымъ компаніямъ. Когда меня окружали люди, вино дѣйствовало иначе. Я становился разговорчивымъ, но не воз-

бужденнымъ, и чувствовалъ лихорадочный знобъ. У меня появлялась тогда одна, мнѣ самому до сихъ поръ мало извѣстная черта, которая больше напоминала крапиву и чертополохъ, чѣмъ садовый или оранжерейный цвѣтокъ. Одновременно съ болтливостью пробуждался острый, холодный разсудокъ: я становился самоувѣреннымъ, находчивымъ, остроумнымъ, критиканомъ. Если въ обществѣ присутствовали непріятные мнѣ люди, я изводилъ ихъ иногда любезностью и лестью, иногда грубостью и упрямствомъ до тѣхъ поръ, пока они не уходили. Съ дѣтства не чувствовалъ я къ людямъ особенной любви и не испытывалъ нужды въ ихъ обществѣ, теперь я относился къ нимъ съ критикой и ироніей; съ наслажденіемъ выдумывалъ и рассказывалъ исторіи, гдѣ взаимныя отношенія людей лишены были сердечности, и изображалъ ихъ въ смѣшномъ и позорномъ видѣ. Самъ не знаю, откуда брался презрительный тонъ: онъ появлялся, какъ назрѣвавшій нарывъ, отъ котораго я потомъ годами не могъ отдѣлаться.

Когда я оставался вечеромъ дома одинъ, меня охватывали мечты о горахъ, звѣздахъ и заунывной музыкѣ.

За послѣднія недѣли я написалъ рядъ статей объ обществѣ, культурѣ и искусствѣ нашего времени; колыбелью маленькой ядовитой книжки были разговоры въ ресторанѣ. Занятія исторіей, довольно прилежно двигавшіяся впередъ, снабдили ее историческимъ матеріаломъ, который придалъ моимъ сатирамъ солидный характеръ.

Эта работа доставила мнѣ мѣсто постоянного сотрудника большой газеты, чѣмъ я могъ отнынѣ существовать. Вскорѣ затѣмъ мои мелкіе эскизы вышли также отдѣльной книжкой и имѣли нѣкоторый успѣхъ. Тогда я окончательно выбросилъ филологію за бортъ. Я былъ уже на послѣднихъ семестрахъ; завязались отношенія съ нѣмецкими газетами и вывели меня изъ нищеты и неизвѣстности въ кругъ избранныхъ. Я самъ зарабатывалъ хлѣбъ, отказался отъ стѣпендіи и на всѣхъ парусахъ понесся по трудному пути профессиональнаго писателя.

И, несмотря на успѣхъ, на мое честолюбіе, несмотря на сатиры и любовныя страданія, въ тоскѣ и веселіи отъ меня распространялось во всѣ стороны сіяніе молодости. Вопреки прони и незначительному, напускному разочарованію я постоянно видѣлъ передъ собою въ мечтахъ цѣль, счастье, нѣчто совершенное. Каково оно будетъ, я не зналъ. Я чувствовалъ только, что жизнь должна рано или поздно повергнуть къ моимъ стопамъ необычайное, яркое счастье: славу, любовь, удовлетвореніе страсти, высокое положеніе. Я былъ еще на-

жомъ, который мечтаетъ о благородныхъ дамахъ, турнирахъ и великихъ почестяхъ.

Я вѣрилъ, что стою въ началѣ широкаго, ведущаго впередъ пути. Я не зналъ, что все пережитое до настоящаго момента было случайно, что мнѣ и моему существованію недоставало глубокаго, собственнаго основнаго тона жизни. Я не зналъ еще, что страдаю страстію, ни любовью, ни тщеславіемъ удовлетворить которой не могутъ.

Итакъ, я наслаждался своей маленькой, нѣсколько сомнительной славой со всей довѣрчивостью молодости. Мнѣ доставляло удовольствіе сидѣть за стаканомъ хорошаго вина, въ обществѣ умныхъ, образованныхъ людей и замѣчать, какъ ихъ лица съ любопытствомъ и вниманіемъ обращались ко мнѣ, какъ только я начиналъ говорить.

По временамъ мнѣ казалось, что въ нихъ влочится огромная страсть, рвущаяся наружу и направляющая ихъ удивительными путями. Вѣрить въ Бога считалось глупымъ, почти неприличнымъ; но зато вѣрили во многія ученія и имена: въ Шопенгауэра, Будду, Заратустру и другихъ. Безчисленное количество молодыхъ поэтовъ совершало торжественное богослуженіе передъ статуями и картинами въ своихъ стильныхъ жилищахъ. Они постыдились бы преклонить колѣни передъ Богомъ, но падали ницъ передъ Зевсомъ Отрикольскимъ. Были аскеты, которые изводили себя воздержаніемъ, но костюмы которыхъ вопіяли къ небесамъ. Они обоготворяли Будду и Толстого. Встрѣчались художники, которые съ помощью строгаго обдуманнаго и хорошо подобранныхъ обоевъ, музыки, кушаній, винъ, духовъ или сигаръ создавали себѣ особое настроеніе. Они бойко, какъ объ общеизвѣстныхъ истинахъ, говорили о музыкальныхъ линіяхъ, пвѣтныхъ аккордахъ и тому подобномъ и были всюду насторожѣ «индивидуальнаго тона», который по большей части заключался въ маленькомъ, невинномъ самообманѣ или помѣшательствѣ. Въ сущности, ихъ прівлеченіе забавляло и смѣшило меня, но часто я съ ужасомъ чувствовалъ, что за нимъ скрывается серьезная страсть и вспыхиваетъ настоящая душевная сила.

Изъ всѣхъ передовыхъ, новомодныхъ фантастовъ-поэтовъ, художниковъ, философовъ, къ которымъ я съ удивленіемъ и интересомъ присматривался, не припомню ни одного, изъ котораго вышло бы что-нибудь замѣчательное. Среди нихъ былъ мой однолѣтокъ изъ сѣверной Германіи, пріятная фигурка, нѣжный, милый, деликатный и чувствительный человѣкъ во всемъ, что касалось искусства. Его считали будущимъ великимъ поэтомъ, и я не разъ слышалъ его стихотворенія, отъ которыхъ у меня осталось воспоминаніе какъ о чемъ-то благоуханномъ, трогательно красивомъ. Очень вѣроятно, что изъ

всѣхъ насъ только онъ одинъ былъ способенъ къ настоящему творчеству. Совершенно случайно узналъ я позже его краткую исторію.

Послѣ литературной неудачи онъ началъ чуждаться людей, удалился отъ общественной жизни, попалъ въ руки глупаго мецената, который, вмѣсто того чтобы ободрить его и вернуть на путь истинный, быстро привелъ къ окончательной гибели. Въ роскошныхъ виллахъ богача несчастный эстетъ велъ безцвѣтные разговоры съ нервными дамами, вообразилъ себя непризнаннымъ гениемъ и систематически довелъ музыкой Шопена и прерафаэлитскими экстазами до потери разсудка.

Съ ужасомъ и состраданіемъ вспоминаю я о полуоперившихся, причудливо одѣтыхъ и причесанныхъ поэтахъ и идеалистахъ, такъ какъ только позже понялъ опасность общенія съ ними. Мнѣ крестьянская натура горда помѣшала принять участіе въ ихъ бѣснованіи.

Но выше славы, вина, любви и науки ставилъ я дружбу, доставлявшую много счастья. Въ сущности она одна спасала меня отъ врожденнаго неумѣнья жить и сохранила во мнѣ ясность и чистоту юныхъ лѣтъ. Я до сихъ поръ не знаю ничего болѣе цѣннаго, чѣмъ искренняя, серьезная дружба между мужчинами, и когда въ дни раздумья на меня нападаетъ тоска по прожитой юности, то она относится исключительно къ дружбѣ студенческихъ лѣтъ.

Влюбившись въ Эрминію, я нѣсколько забросилъ Рихарда. Произошло это безсознательно, но нѣсколько недѣль спустя во мнѣ заговорила совѣсть. Я покаялся ему, а онъ сообщилъ мнѣ, что съ сожалѣніемъ замѣтилъ, какъ надвигалось и росло несчастье. Я снова всей душой, ревниво привязался къ нему. Все, что я получалъ въ то время веселаго и пріятнаго отъ жизни, связано съ нимъ. Онъ былъ прекрасенъ и бодръ тѣломъ и духомъ; жизнь представлялась ему безоблачной. Какъ живой и умный человекъ, онъ не чуждъ былъ увлеченій и заблужденій нашего времени, но они скользили по немъ, не причиняя вреда. Его походка, голосъ, фигура—все было ловко, привлекательно, симпатично. А какъ онъ умѣлъ смѣяться!

Рихардъ не понималъ моего увлеченія виномъ. При случаѣ ходилъ со мной въ рестораны, ограничивался двумя стаганамъ и съ наивнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на уничтожаемую мною значительно большую порцію. Когда онъ замѣчалъ, что я страдаю и безуспѣшно борюсь съ своей страстью, то развлекалъ меня музыкой, читалъ вслухъ или уводилъ гулять. На прогулкахъ мы часто шалили, какъ маленькія дѣти. Однажды мы отдыхали на солнышкѣ въ лѣсистой долинѣ, бросались еловыми шишками, пѣли стихи изъ благочестивой Елены на чувствительныя мелодіи. Быстрый, прозрачный ручей жур-

чалъ надъ ухомъ, маня соблазнительной прохладой. Мы раздѣлись и легли въ холодной водѣ. Тогда Рихарду пришло въ голову разыграть комедію. Онъ сѣлъ на покрытый мохомъ утесъ и изобразилъ Лоре-лею, а я плавъ мимо въ качествѣ гребца. У него былъ такой робкій, дѣвическій видъ, онъ строилъ такія гримасы, что я, обязанный изображать безумное отчаяніе, едва удерживался отъ смѣха. Вдругъ послышались голоса; на тропинкѣ показалась компанія туристовъ, и намъ пришлось поспѣшно скрыть свою наготу за отмытымъ, нависшимъ берегомъ. Когда ничего не подозрѣвавшее общество проходило мимо, Рихардъ испускалъ рядъ поразительныхъ звуковъ: хрюкалъ, визжалъ, куковалъ. Гуляющіе въ изумленіи посмотрѣли кругомъ, заглянули въ воду и чуть было не открыли нашего убѣжища. Тогда мой пріятель высунулся наполовину изъ засады посмотрѣть на возмущенное общество и глубокимъ тономъ проповѣдника сказалъ:

— Грядите съ миромъ! — затѣмъ быстро скрылся. Онъ ущипнулъ меня за руку и сказалъ: — Вотъ такъ шарада!

— А что она означаетъ?

— Панъ пугаетъ пастуховъ! — со смѣхомъ отвѣтилъ онъ. — Къ сожалѣнію, тамъ были и женщины!

Мои историческими занятіями онъ мало интересовался. Однако, любовь, почти влюбленность въ Франциска Ассизскаго раздѣлялъ, хотя и на его счетъ осмѣливался отпускать шутки, приводившія меня въ негодованіе. Мы представляли себѣ праведнаго страдальца, добраго и привѣтливаго, какъ малое дитя, странствующимъ по Италіи съ горячей любовью къ Богу и всѣмъ людямъ. Мы читали вслухъ его безсмертную пѣснь къ солнцу и знали ее почти наизусть. Однажды вечеромъ, возвращаясь на пароходѣ съ прогулки по озеру, мы смотрѣли, какъ вѣтеръ покрывалъ рябью золотистую воду.

— Послушай, — спросилъ шепотомъ Рихардъ, — какъ говорить объ этомъ святой?

Я процитировалъ:

«Laudato si, mi Signore, per frate vento e per aere e nubilo et sereno et onne tempo!»

Когда мы ссорились и говорили другъ другу непріятности, онъ, какъ школьникъ, полушутя, полусерьезно забрасывалъ меня цѣлымъ рядомъ смѣшныхъ прозвищъ, такъ что я не выдерживалъ, начиналъ смѣяться, и ссора теряла остроту.

Серьезнымъ до нѣкоторой степени бывалъ мой другъ только тогда, когда игралъ или слушалъ музыку своихъ любимцевъ. Но и то случалось, что онъ вдругъ прерывалъ игру и выкидывалъ какую-ни-

будь штуку. Тѣмъ не менѣе у него была чистая, искренняя привязанность къ искусству и безошибочное чутье къ истинному, крупному.

Поразительно деликатно и нѣжно умѣлъ онъ утѣшить, развлечь, выказать участіе, когда на кого-нибудь изъ друзей обрушивалась бѣда. Если я впадалъ въ дурное настроеніе, онъ рассказывалъ мнѣ массу грубовато-остроумныхъ анекдотовъ, такимъ успокоительнымъ, бодрымъ тономъ, что я сдавался.

Рихардъ относился ко мнѣ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, такъ какъ я былъ серьезнѣе его; но особенное почтеніе внушала ему моя физическая сила. Онъ рекламировалъ меня передъ знакомыми и гордился пріятелемъ, который можетъ раздавить его одной рукой. Онъ придавалъ большое значеніе ловкости, училъ меня играть въ теннисъ, отправлялся грести со мной и плавать; заставлялъ меня ѣздить съ нимъ выѣсть верхомъ и не могъ успокоиться, пока не выучилъ почти также хорошо играть въ билліардъ, какъ игралъ самъ. Билліардъ любилъ онъ больше всѣхъ другихъ развлеченій; игралъ не только съ мастерскимъ искусствомъ, но съ увлеченіемъ, весело и остроумно. Нерѣдко онъ называлъ шары именами знакомыхъ и при обличеніи или отдаленіи ихъ вслѣдствіе ударовъ сочинялъ остроумные романы, колкіе разговоры, каррикатурныя сравненія. Игралъ онъ спокойно, легко, необычайно изящно, такъ что пріятно было смотреть.

Мое писательство цѣнилъ не выше, чѣмъ я самъ.

Однажды онъ сказалъ мнѣ : «Знаешь, я всегда считалъ тебя поэтомъ и считаю теперь, но не за твои фельетоны, а потому что чувствую въ тебѣ присутствіе чего-то болѣе глубокаго и прекраснаго, что рано или поздно выйдетъ на свѣтъ Божій. И это будетъ настоящая поэзія!»

Между тѣмъ семестры летѣли, какъ мелкая монета, и незамѣтно наступило время, когда Рихардъ сталъ поговаривать о возвращеніи на родину. Съ нѣскольکو искусственной безпечностью проводили мы улетающія недѣли и подъ конецъ единодушно рѣшили, что горькой разлуки должно предшествовать какое-нибудь блестящее, изумительное предпріятіе, достойное завершить чудные, незабвенные годы юности. Я предложилъ поѣздку въ Бернскія Альпы, но была еще ранняя весна, время неудобное для странствованія по горамъ. Пока я ломалъ себѣ голову, придумывая разные предложенія, Рихардъ написалъ отцу, молча подготавливая мнѣ огромный, пріятный сюрпризъ. Въ одинъ прекрасный день онъ явился ко мнѣ съ солиднымъ чекомъ въ рукахъ и предложилъ сопровождать его въ поѣздкѣ по сѣверной Италіи.

Трепетно и радостно забилося сердце. Чудная, страстная, съ дѣтства желѣнная мечта близка къ осуществленію. Точно въ лихорадкѣ собирался я въ путь, училъ пріятеля итальянскому языку и до послѣдняго дня трепеталъ, чтобы все не рухнуло.

Багажъ мы отравили впередъ, сѣли въ вагонъ и передъ нами повнеслись зеленые луга и холмы, озера, Ст. Готардъ, горныя ущелья, водопады, груды скалъ и снѣжныя вершины, а потомъ первые мрачные, каменные домики на плоскихъ склонахъ горъ, покрытыхъ виноградниками, и, наконецъ, давно жданныя озера шумной, веселой, плодородной Ломбардіи, притягательный и въ то же время отталкивающий Миланъ.

Рихардъ не имѣлъ опредѣленнаго представленія о миланскомъ соборѣ, зналъ только, что это знаменитый памятникъ архитектуры. Забавно было видѣть его гнѣвное разочарованіе. Когда прошло первое изумленіе и къ нему вернулся юморъ, Рихардъ самъ предложилъ взобраться на крышу и походить среди мраморныхъ статуй святыхъ. Мы съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ порѣшили, что нечего разглядывать сотни злосчастныхъ фигуръ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ походятъ на новѣйшія фабричныя издѣлія. Около двухъ часовъ пролежали мы на широкихъ мраморныхъ плитахъ, слегка пригрѣтыхъ апрѣльскимъ солнцемъ. Рихардъ добродушно сознался: «Знаешь ли, въ сущности я ничего не имѣю противъ того, чтобы переживать разочарованія, какъ съ этимъ несчастнымъ соборомъ. Меня ужасала мысль о величественныхъ памятникахъ, которые намъ предстояло увидѣть и которые должны были подавить насъ. А между тѣмъ дѣло принимаетъ такой пріятный и смѣхотворный оборотъ!» Толпа каменныхъ фигуръ, среди которыхъ мы лежали, навела его на цѣлый рядъ шутиливыхъ фантазій.

— По всѣмъ вѣроятіямъ, — сказалъ онъ, — на самой высокой башнѣ окажется самый важный и знатный святой. А такъ какъ не особенно пріятно, точно канатному плясуну, вѣчно балансировать на остроконечной верхушкѣ, то святого время отъ времени берутъ въ небеса. Представь себѣ, какое это интересное зрѣлище. Тогда всѣ остальные, сообразно рангу, передвигаются вверхъ и каждый долженъ прыгнуть съ своего постамена на постаментъ предшественника.

Каждый разъ, когда позже мнѣ приходилось проѣзжать черезъ Миланъ, я вспоминалъ достопамятное утро и съ горькой усмѣшкой смотрѣлъ на толпу прыгающихъ святыхъ.

Въ Генуѣ меня захватила сильная любовь. Дѣло было въ ясный, вѣтряный день, послѣ полудня. Я стоялъ, облокотясь на каменную

отѣну; позади лежала пестрая Генуя, а подо мной жилъ и волновался голубой просторъ моря. Съ мрачнымъ гуломъ и неяснымъ желаніемъ неслоь мнѣ навстрѣчу вѣчное и неизмѣнное, и я чувствовалъ, какъ что-то навѣки соединяетъ меня съ бурной, синей пучиной.

Также властно захватилъ меня обширный горизонтъ моря. Я снова, какъ въ дѣтствѣ, увидалъ голубую даль разверзтою, какъ врата, и ожидающею моего прихода. И меня снова охватило сознание, что я не рожденъ для осыдлой жизни среди людей, въ городахъ и жилищахъ, что мнѣ предстоитъ скитаться по чужимъ странамъ, блуждать по морямъ. Во мнѣ поднялось прежнее желаніе слиться съ божествомъ и соединить мою маленькую жизнь съ безконечнымъ, немнѣющимъ предѣла во времени.

Въ Рапалло я впервые погрузился въ морскія волны, попробовалъ соленой воды и испыталъ мощь волнъ. Кругомъ синія, прозрачныя волны, желтовато-бурныя береговыя скалы, глубокое, безмолвное небо и вѣчный, несмолкаемый гулъ. Опять новое впечатлѣніе: вдали плавно двигаются корабли съ темными мачтами и бѣлыми парусами и быстро скользятъ пароходы съ дымящимися трубами. Послѣ моихъ любимцевъ, неутомимыхъ облаковъ, я не знаю болѣе прекраснаго и серьезнаго символа страстнаго стремленія и странствованія, какъ идущій вдали корабль, постепенно уменьшающійся и, наконецъ, исчезающій за горизонтомъ.

Наконецъ, мы пріѣхали во Флоренцію. Городъ оказался совершенно такимъ, какимъ я его видѣлъ на сотахъ картинокъ и въ тысячахъ мечтаній—свѣтлый, уютный, привѣтливый, прорѣзанный зеленой рѣчкой, съ безчисленными мостами и окруженный веселыми холмами.

Смѣлая башня palazzo veschio рѣшительно врѣзывается въ голубое небо; бѣлая, согрѣтая солнцемъ, лежитъ красавица Фіезоле, и всѣ окружающіе ее холмы утопаютъ въ бѣло-розовомъ цвѣтѣ плодовыхъ деревьевъ. Подвижная, веселая, безалаберная жизнь Тосканы поражала меня, но я скорѣ освоился съ ней и свылся. Дни проходили въ шатаньѣ по церквамъ, площадямъ, улицамъ, рынкамъ, вечера въ мечтахъ среди садовъ, гдѣ уже цвѣли лимоны или въ кабачкахъ за виномъ и болтовней. Въ промежуткѣ счастливыя, плодотворныя часы въ картинныхъ галереяхъ, въ Баргелло, монастыряхъ, бібліотекахъ, ризницахъ, послѣобѣденное время—въ Фіезоле, Санъ-Миніато, Сетиніано, Прато.

По принятому еще дома рѣшенію, я оставилъ на недѣлю Рихарда и предпринялъ чудное путешествіе черезъ Умбрійскія горы. Я шелъ дорогой св. Франциска и по временамъ чувствовалъ около себя при-

сутствие человека безграничной доброты, который съ любовью и благодарностью приветствовалъ каждую птичку, каждый ручеекъ, каждый цвѣточекъ. Я рвалъ и ѣлъ лимоны на залитыхъ солнцемъ склонахъ горъ, ночевалъ въ маленькихъ деревушкахъ, пѣлъ и сочинялъ стихи, отпраздновалъ Пасху въ Ассизи, въ церкви моего святого.

Мнѣ до сихъ поръ кажется, что недѣля странствованія по Умбрійскимъ горамъ составляетъ вѣнецъ, вечернюю зорю моей юности. Каждый день въ моей душѣ начинали бить новые ключи, и я смотрѣлъ на свѣтлый весенній пейзажъ, точно въ ясныя Господни очи.

Въ Умбріи я благоговѣнно шелъ по стопамъ Франциска «потѣшника Господа»; въ Флоренціи получалъ вполне опредѣленное представление о жизни «четырехсотъ». Я еще дома писалъ сатиры на современныя формы жизни. Во Флоренціи я впервые почувствовалъ всю смѣхотворность новѣйшей культуры. Тамъ у меня впервые мелькнула мысль, что я навсегда останусь чужакомъ въ нашемъ обществѣ и тамъ же родилось желаніе уйти подальше отъ людей, куда-нибудь на югъ и тамъ продолжать свою жизнь. Здѣсь можно встрѣчаться съ людьми, здѣсь на каждомъ шагѣ поражаешься привѣтливой простотой жизни, надъ которой, облагораживая и утончая ее, царитъ традиція классической культуры и исторіи.

Весело и счастливо летѣли недѣли за недѣлей, никогда не видалъ я Рихарда такимъ мечтательно-восторженнымъ, какъ теперь. Смѣло и радостно знакомились мы съ источниками красоты и удовольствій. Мы обошли сосѣднія деревни, расположенныя на залитыхъ солнцемъ холмахъ, сходились съ хозяевами гостиницъ, монахами, крестьянскими дѣвушками, съ ничтожными, самодовольными сельскими священниками, слушали наизвѣстныя серенады, кормили хорошенькихъ, загорѣлыхъ дѣтей хлѣбомъ и фруктами, любовались съ горныхъ высотъ на Тоскану въ роскошную весеннюю пору и на искрившееся вдали Лигурійское море. И у обоихъ насъ крѣпло сознаніе, что переживаемое счастье дастъ намъ возможность пойти навстрѣчу широкой, новой жизни.

Трудъ, борьба, счастье и слава лежали такъ близко, въ такомъ сіяніи передъ нами, что мы не торопясь наслаждались счастливыми днями. Даже близкая разлука казалась пустой и скоропроходящей, такъ какъ мы твердо знали, что нужны другъ другу, и вѣрили въ вѣчную дружбу.

Такова исторія моей юности. Когда я пробѣгаю ее въ памяти, она кажется мнѣ короткой, какъ лѣтняя ночь. Немного музыки, не-

много мысли, немного любви, немного тщеславія—но хороша она была, богата и свѣтла, какъ Элевзинскій праздникъ.

И скоро потухла, какъ пламя на вѣтру.

Въ Цюрихѣ мы простились съ Рихардомъ. Два раза выскакивалъ онъ изъ вагона, чтобы поцѣловать меня, и нѣжно кивалъ изъ окна головою, пока не скрылся изъ виду.

Двѣ недѣли спустя онъ утонулъ, купаясь въ одной изъ ничтожныхъ южно-германскихъ рѣчекъ. Я не видалъ его больше, не былъ на похоронахъ и узналъ о случившемся нѣскольکو дней спустя, когда онъ былъ уже въ гробу подъ землею. Я лежалъ у себя въ комнатѣ на полу, влялъ Бога и жизнь грубыми, непристойными словами, плакалъ и бился. До тѣхъ поръ я никогда не думалъ, что въ эти годы моей единственной, прочной собственностью была дружба. И все миновало.

Я не могъ оставаться долѣе въ городѣ, гдѣ каждый день насаждали на меня воспоминанія, отравляя дыханіе! Мнѣ было все равно, что случится дальше; душа была поражена въ корень, и я чуждался всего живого. Казалось сомнительнымъ, чтобы мой потрясенный духъ снова воспрянулъ и, распустивъ паруса, пошелъ навстрѣчу жалкому счастью возмужалого человѣка. Богъ судилъ, чтобы лучшая часть моего существа была отдана чистой, безупречной дружбѣ.

Какъ два быстрыхъ челна, столкнулись мы въ жизни; челнъ Рихарда былъ пестрый, легкій, счастливый, любимый; онъ приковалъ къ себѣ мой взоръ, и я вѣрилъ, что приплыву съ нимъ къ прекрасной цѣли. Но вотъ онъ съ легкимъ крикомъ пошелъ ко дну, и я пошусь безъ руля по внезапно потемнѣвшимъ водамъ.

Мнѣ предстояло тяжелое испытаніе, по звѣздамъ отыскивать путь, блуждать и бороться за жизнь. Я вѣрилъ въ дружбу, въ женскую любовь, въ молодость. Онѣ покинули меня одна за другой. Зачѣмъ я не вѣрилъ въ Бога и не отдался въ Его могучія руки? Но я всю свою жизнь былъ упрямъ и настойчивъ, какъ ребенокъ, и все ждалъ личной жизни, которая налетѣла бы на меня, какъ буря, вразумила, научила и на распростертыхъ крыльяхъ понесла навстрѣчу зрѣлому счастью.

Но мудрая, скупая жизнь безмолвствовала и предоставляла мнѣ справляться своими силами. Она не посылала ни бурь, ни звѣздъ и ждала, пока я стану опять маленькимъ, терпѣливымъ и сломя свое упрямство. Она предоставляла мнѣ разыгрывать комедію гордости и всезнанія и ждала, чтобы заблудшій сынъ вернулся къ матерн.

У.

Наступаетъ наиболѣе разнообразная и дѣятельная пора моей жизни, нѣсколько напоминающая модный романъ. Мнѣ слѣдовало бы разсказать, какъ одна нѣмецкая газета пригласила меня въ редакторы, какъ я далъ слишкомъ много воли своему перу и языку, за что получилъ кучу непріятностей и былъ наказанъ, какъ приобрѣлъ славу пьяницы и послѣ тяжкихъ испытаній сложилъ съ себя обязанности редактора и отправился въ Парижъ въ качествѣ корреспондента, какъ велъ жизнь богемы въ этомъ провлятомъ гнѣздѣ и хлебнулъ горя на разныхъ поприщахъ.

Не изъ трусости скрою я отъ своихъ читателей грязь этого короткаго періода и пропущу его. Согласенъ, что я сворачивалъ съ одного ложнаго пути на другой, видѣлъ много грязи и попадалъ въ нее. Съ этихъ поръ богема потеряла для меня романтическую окраску, и я позволяю себѣ перейти къ хорошимъ и чистымъ сторонамъ моей жизни, а то пропащее время буду считать потеряннымъ и отошедшимъ въ вѣчность.

Парижъ, въ сущности, отвратителенъ: ничего, кромѣ искусства, политики, литературы и возни съ коготками; никого, кромѣ художниковъ, литераторовъ, политиковъ и кокотокъ. Художники такъ же тщеславны и назойливы, какъ политики; литераторы еще тщеславнѣе и назойливѣе; верхъ тщеславія и назойливости представляютъ изъ себя женщины. Вдобавокъ пыльный, теплый, душный воздухъ, и никакого приличнаго напитка, кромѣ дорогихъ винъ!

Однажды вечеромъ я сидѣлъ въ Булонскомъ лѣсу и размышлялъ, разстаться ли мнѣ сейчасъ съ Парижемъ, или съ жизнью вообще. При этомъ я перебралъ въ умѣ, впервые послѣ долгаго промежутка, всю свою жизнь и убѣдился, что потеряю очень немного.

Но вдругъ мнѣ ясно припомнился давно прошедшій и забытый день—раннее лѣтнее утро, дома, и я стою на колыняхъ у постели умирающей матери.

Мнѣ стало страшно и стыдно, что такъ давно не вспоминалъ этого утра. Глупыя мысли о самоубійствѣ разомъ вылетѣли изъ головы. Я думаю, что ни одинъ серьезный и не вполнѣ выбитый изъ колеи человѣкъ не способенъ лишить себя жизни, если онъ хоть разъ видѣлъ угасаніе здороваго и полезнаго существа.

Я снова пережилъ смерть матери. Снова видѣлъ на ея лицѣ облагораживающую работу смерти. Она была сурова, но могущественна и заботлива, какъ отецъ, возвращающій домой заблудшаго сына. Я снова пришелъ къ убѣжденію, что смерть—нашъ умный, добрый

брать, который хорошо знаетъ настоящій часъ и на котораго мы можемъ положиться. Я понялъ, что страданія, разочарованія и тоска не обезсиливаютъ и обезличиваютъ насъ, но помогаютъ созрѣвать и уясняютъ намъ жизнь.

Недѣлю спустя, я уложилъ сундукъ и отправилъ въ Базель, а самъ пошелъ пѣшкомъ черезъ южную Францію и день ото дня прожытая парижская жизнь, воспоминаніе о которой преслѣдовало меня какъ зловоніе, все блѣднѣла и блѣднѣла, пока, наконецъ, разлетѣлась какъ дымъ. Я ночевалъ въ замкахъ, на мельницахъ, въ сараяхъ и пилъ съ загорѣлыми парнями согрѣтое солнцемъ вино.

Оборванный, исхудавшій, загорѣлый и внутренне совсѣмъ пережившійся, пришелъ я черезъ два мѣсяца въ Базель. Впервые пришлось мнѣ сдѣлать такое длинное путешествіе, хотя я всегда ходилъ не мало. Между Локарно и Вероной, между Базелемъ и Бригомъ, между Флоренціей и Перуджіо не найдется мѣстечка, черезъ которое я не прошелъ бы два-три раза въ запыленныхъ сапогахъ, не говоря уже о путешествіяхъ въ мечтахъ, изъ которыхъ ни одно пока еще не осуществилось.

Я нанялъ хибарку въ предмѣстьи Базеля, разложилъ свои пожитки и принялся за работу. Мнѣ пріятно было жить въ тихомъ городкѣ, гдѣ меня никто не зналъ. Связи съ газетами и журналами еще сохранились, такъ что можно было работать и жить. Первые недѣли прошли мирно и спокойно, но мало-по-малу надвинулась прежняя тоска, гнетущая цѣлыми днями, недѣлями и не проходящая даже за работой. Кто на себѣ не испыталъ такой тоски, тотъ не пойметъ меня. Не знаю, какъ бы описать ее. Я испытывалъ чувство страшнаго одиночества. Между мной и людьми, жизнью города, площадей, домовъ и улицъ лежала разверстая пропасть. Случись большое несчастье, печатай газеты важныя новости,—меня это не касалось. Давались празднества, погребали усопшихъ, устраивались базары, концерты—къ чему все это? Зачѣмъ? Я бѣжалъ отъ нихъ прочь, скитался по лѣсамъ, горамъ и деревнямъ, а вокругъ меня безмолвно разстилались луга, поля, рощи, въ неизяснимой тоскѣ, съ нѣмою мольбой глядя на меня, точно желая что-то сказать, броситься мнѣ навстрѣчу, привѣтствовать меня. Но они не могли ничего сказать, и я постигалъ ихъ страданіе и страдалъ вмѣстѣ съ ними, потому что не могъ быть ихъ освободителемъ.

Я пошелъ къ врачу, написалъ ему обстоятельный отчетъ о своемъ состояніи и старался объяснить свои страданія. Онъ прочелъ, выспросилъ, выслушалъ меня.

— У васъ завидное здоровье, — похвалилъ онъ меня, — нѣтъ никакихъ органическихъ недостатковъ. Постарайтесь развлечься музыкой, чтеніемъ.

— Я, благодаря профессіи, изо дня въ день читаю массу новинокъ.

— Гуляйте на чистомъ воздухѣ.

— Ежедневно хожу по три, по четыре часа, а въ праздники вдвое больше.

— Тогда принудьте себя къ общенію съ людьми. Вамъ серьезно грозитъ мизантропія.

— Ну, такъ что же?

— А вотъ что: чѣмъ сильнѣе у васъ нежеланіе видѣть людей, тѣмъ больше вы должны съ нимъ бороться. Ваше состояніе нельзя назвать болѣзнію; оно не представляется мнѣ опаснымъ; если же вы не будете бороться съ апатіей, то въ концѣ концовъ утратите равновѣсіе.

Врачъ былъ человѣкъ знающій и доброжелательный. Ему стало жаль меня. Онъ познакомилъ меня съ ученымъ, въ домѣ котораго бывало много народу и кипѣла умственная и литературная жизнь. Тамъ знали мое имя, приняли любезно, почти сердечно, и я сталъ бывать.

Разъ я пришелъ туда въ холодный осенній вечеръ. Тамъ былъ молодой историкъ и тоненькая смуглая дѣвушка; и больше никого. Дѣвушка сидѣла за самоваромъ, много болтала и отпускала болзости по адресу историка. Потомъ играла на фортепіано. Она сказала, что читала мои сатиры, но не понимаетъ ихъ прелести. Дѣвушка показала мнѣ разсудительной, пожалуй, даже слишкомъ разсудительной, и я скоро ушелъ домой.

Между прочимъ, понемногу распространился слухъ, что я провожу время въ кабакахъ, что я тайный пьяница. Меня это не удивляло, потому что сплетни царятъ въ академическихъ кругахъ среди мужчинъ и женщинъ.

Постыдное открытіе нисколько не помѣшало моимъ отношеніямъ къ людямъ; мною заинтересовались; человѣкъ съ порокомъ возбудилъ особое любопытство: мужчины и дамы этого круга принадлежали къ обществу трезвости и радовались каждому грѣшнику, попадавшему къ нимъ въ руки.

Въ одинъ прекрасный день произведена была первая деликатная атака. Мнѣ поставили на видъ съ нравственно-соціально-гигіенической точки зрѣнія весь позоръ трактирной жизни, ужасъ алкоголизма и посоветовали посѣтить засѣданіе общества трезвости. Я былъ безконечно пораженъ, такъ какъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго

представленія о подобныхъ обществахъ и ихъ цѣляхъ. Засѣданіе съ музыкой и религіозной окраской было тоскливо-комично, и я не въ состояніи былъ скрыть впечатлѣнія. Цѣлыми недѣлями ко мнѣ приставали съ назойливой любезностію, наконецъ надоѣли выше всякой мѣры, и однажды вечеромъ, когда затанули обычную пѣсню, направленную къ моему обращенію, я пришелъ въ отчаяніе и настойчиво попросилъ, чтобы меня избавили отъ нытья. Молодая дѣвушка снова была здѣсь. Она внимательно выслушала меня и чистосердечно воскликнула: «Браво!» Я былъ слишкомъ смущенъ, чтобы обратить на нее вниманіе.

Съ понятнымъ удовольствіемъ присутствовалъ я на скандалѣ, разыгравшемся на одномъ бурномъ засѣданіи трезвенниковъ. Собраніе происходило въ собственномъ домѣ, въ присутствіи многочисленныхъ гостей; говорились рѣчи, заключались дружественные союзы, пѣли хоромъ, прославляли успѣхъ добраго дѣла. Одному изъ служителей, которому предназначена была роль знаменосца, сухія рѣчи трезвенниковъ показались чрезмѣрно длинными и скучными, и онъ сбѣгалъ въ сосѣдній кабачокъ. Когда началось торжественное шествіе процессіи по улицамъ, взорамъ злорадныхъ грѣшниковъ представилось забавное зрѣлище: во главѣ вдохновенной толпы шествовалъ подгулявшій знаменосецъ, въ рукахъ котораго знамя съ голубымъ крестомъ колыхалось, какъ мачта въ бурную погоду.

Пьянаго служителя удалили; но нельзя было удалить человѣческой зависти, интригъ, самолюбія, поднявшихся среди конкурирующихъ обществъ и союзовъ и свившихъ навсегда тамъ гнѣздо. Общество раскололось; нѣсколько тщеславныхъ людей хотѣли приписать всю славу обращенія грѣшниковъ исключительно себѣ, и порицали каждый пьяницу, обращеннаго помимо нихъ; благородными, самоотверженными сотрудниками, въ которыхъ не было недостатка, безсовѣстно злоупотребляли, и вскорѣ ближе стоящіе къ дѣлу люди имѣли возможность замѣтить, что здѣсь подъ идеальнымъ этикетомъ скрывались нечистыя человѣческія слабости. О всѣхъ этихъ комедіяхъ я узналъ со стороны, отъ третьихъ лицъ, и онѣ доставляли мнѣ удовольствіе. Порой, возвращаясь ночью съ попойки, я думалъ: «Смотрите, мы дикари, но всетаки болѣе люди!»

Я много учился и думалъ въ своей маленькой, высоко надъ Рейномъ расположенной комнаткѣ. Я горевалъ, что жизнь шла мимо и никакой бурный потокъ не захватывалъ меня, не согрѣвала сильная страсть или сочувствіе и ничто не вырывало изъ неясныхъ мечтаній. Бромѣ работы ради заработка, я подготовлялъ матеріалъ для большаго сочиненія о жизни первыхъ миноритовъ; но тутъ не было твор-

чества, а одно только кропотливое собираніе матеріала, что не удовлетворяло моихъ страстныхъ порывовъ. Вспоминая Цюрихъ, Берлинъ, Парижъ, я все болѣе и болѣе уяснялъ себѣ желанія, стремленія и идеалы современниковъ. Одинъ работалъ надъ изгнаніемъ употреблявшихся до настоящаго времени мебели, обоевъ, костюмовъ, желая приучить людей къ болѣе красивой, нетрадиціонной обстановкѣ. Другой старался изложить въ популярной формѣ и распространить въ обществѣ монизмъ Геккеля. Иные считали своей цѣлью проповѣдь вселенскаго мира. Наконецъ, многіе боролись за бѣдные классы общества или спорили о томъ, чтобы строить театры и открывать музеи для народа. А въ Базелѣ борются съ алкоголемъ.

Во всѣхъ этихъ стремленіяхъ была жизнь и движеніе; но ни одно изъ нихъ не казалось мнѣ важнымъ и необходимымъ, и меня нимало не тронуло бы, если бы въ одинъ прекрасный день я узналъ, что всѣ эти цѣли достигнуты. Безнадежно сидѣлъ я въ своемъ креслѣ, отодвинувъ бумагу и книги, и думалъ, думалъ безъ конца. Потомъ слушалъ, какъ за окномъ струится Рейнъ, свиститъ вѣтеръ, и возбужденно ловилъ голосъ великой, разлитой по всему міру скорби. Я видѣлъ, какъ блѣдныя облака, собравшись толпою, точно испуганныя птицы, неслись по небу; я думалъ о смерти матери, о святомъ Францискѣ, о моей родинѣ, окруженной сѣжными горами, объ утонувшемъ Рихардѣ. Я воображалъ себя карабкающимися на скалы за альпійскими розами для Рёзи Гиртаннеръ, видѣлъ себя въ Цюрихѣ возбужденнымъ книгами, музыкой и разговорами, видѣлъ ночью на озерѣ съ Аглетти, видѣлъ безумствующимъ послѣ смерти Рихарда, путешествующимъ и снова возвращающимся, больнымъ и выздоравливающимъ. Зачѣмъ? За что? О Боже, неужто все это была только игра, только случай, только картина? Или я не боролся, не мучился страстнымъ желаніемъ дружбы, умственныхъ интересовъ, красоты, правды и любви? И все понапрасну, мнѣ на муку и никому не на пользу!

Затѣмъ я отправлялся въ пивную. Тушилъ лампу, охупись спускался по крутой лѣстницѣ и появлялся въ кабачкѣ. Тамъ меня встрѣчали съ почетомъ, какъ хорошаго гостя, хотя я въ большинствѣ случаевъ бывалъ дерзокъ и подчасъ непристойно грубъ. Я читалъ газеты, которыя меня злили, пилъ вино и ждалъ, пока оно меня утѣшитъ. И веселый божокъ касался меня своей женственно мягкой рукой, сообщалъ пріятную слабость членамъ и уносилъ смущенную душу въ міръ чудныхъ грезъ.

По временамъ я самъ удивлялся, почему такъ сурово отношусь къ людямъ, почему мнѣ доставляетъ удовольствіе издѣваться надъ ними. Въ ресторанахъ, гдѣ я бывалъ чаще, меня боялись и ненави-

дѣли кельнерши, считая насмѣшникомъ и грубіяномъ, который постоянно шумить. Если я вступалъ въ разговоръ съ посѣтителями, дѣло кончалось рѣзкостями, конечно, не безъ участія собесѣдниковъ. Было у меня два-три ресторанныхъ пріятели изъ застарѣлыхъ грѣшниковъ, съ которыми я водилъ знакомство и иногда вмѣстѣ просиживалъ вечера. Среди нихъ находился старый живописецъ, отчаянный курильщикъ, грязнуля, врагъ женщинъ и первоклассный пьяница. Если я встрѣчалъ его одного вечеромъ въ какомъ-нибудь кабачкѣ, дѣло кончалось генеральной выпивкой. Начиналось съ разговоровъ, остротъ, причемъ распивалась бутылочка краснаго, потомъ выпивка выступала на первый планъ, разговоръ замолкалъ, и мы тихо сидѣли другъ противъ друга, осушая бутылку за бутылкой. Наши силы были равны: мы почти одновременно приказывали наполнять бутылки и смотрѣли другъ на друга частью съ уваженіемъ, частью съ злорадствомъ. Во времени новаго вина, поздней осенью, мы дѣлали совмѣстное путешествіе по деревнямъ, и въ трактирѣ «Олень», въ деревнѣ Бирхенъ, старикъ разсказалъ мнѣ исторію своей жизни. Кажется, она была интересна и оригинальна, но, къ сожалѣнію, я совершенно забылъ ее. Осталось въ памяти только описаніе попойки въ послѣдніе годы. Дѣло было гдѣ-то въ деревнѣ на праздникѣ.

Въ качествѣ гостя онъ сидѣлъ за почетнымъ столомъ и раньше времени напоилъ старосту и священника. Священнику предстояло еще говорить рѣчь. Съ трудомъ втащили его на подмостки, но онъ сталъ произносить такіе удивительные тексты, что его пришлось немедленно удалить; тогда староста рѣшилъ замѣнить проповѣдника и началъ съ громкой импровизаціи, но при рѣзкомъ движеніи почувствовалъ себя плохо и кончилъ рѣчь необычайнымъ и совсѣмъ непристойнымъ образомъ.

Позже я охотно заставилъ бы старика повторить себѣ этотъ и многіе другіе разсказы, но однажды, на праздникѣ стрѣлковъ, между нами произошла непримиримая ссора: мы вцѣпились другъ другу въ бороды и въ гнѣвѣ разошлись навсегда. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь въ пивной, мы какъ враги сидѣли за разными столиками, по старой привычкѣ молча наблюдали другъ за другомъ, пили въ одномъ темпѣ и оставались, пока всѣ ни разойдутся, и хозяинъ начнетъ насъ деликатно выживать. Но до примиренія дѣло не дошло.

Какъ утомительно и бесплодно вѣчное размышленіе о своей то-скѣ и непригодности къ жизни! У меня, въ сущности, не было чувства негодности и истощенія, напротивъ, я непрестанно испытывалъ смутное порываніе куда-то, и мнѣ казалось, что я еще создамъ нѣчто глубокое, хорошее и вырву у скaredной жизни полную чашу счастья.

Но придетъ ли когда-нибудь такой часъ? Съ горечью думалъ я о модныхъ, нервныхъ господахъ, которые тысячею различныхъ возбуждательныхъ средствъ поощряютъ себя къ художественной работѣ, тогда какъ во мнѣ заложены неиспользованныя силы. И я снова принимался размышлять, какой тормозъ или дьяволъ сидитъ въ моемъ цвѣтущемъ, сильномъ тѣлѣ и держитъ въ тискахъ мою душу. Къ тому же я считалъ себя исключительнымъ, какимъ-то образомъ обдѣленнымъ человѣкомъ, котораго никто не знаетъ и не понимаетъ. Дьявольская тоска дѣлаетъ человѣка не только больнымъ, но еще близорукимъ, самоувѣреннымъ, почти высокомернымъ. Воображаешь себя чѣмъ-то вродѣ нелѣпаго гейневскаго Атласа, который несетъ на своихъ плечахъ всѣ мировыя скорби и задачи, точно тысячи другихъ не испытывали тѣхъ же страданій и не блуждали въ томъ же лабиринтѣ. Я позабылъ въ своемъ уединеніи, вдали отъ родины, что большая часть моихъ свойствъ и особенностей не столько принадлежать мнѣ, сколько составляютъ достояніе семьи Каменциндовъ.

Каждыя двѣ недѣли ходилъ я въ гостепріимный домъ ученаго. Понемногу познакомился со всѣми бывавшими тамъ людьми. Бывали главнымъ образомъ молодые ученые всѣхъ факультетовъ; среди нихъ много пѣмцевъ, два-три художника, нѣсколько музыкантовъ, нѣсколько буржуа съ женами и дочерьми. Я часто съ удивленіемъ смотрѣлъ на этихъ людей, которые встрѣчали меня какъ рѣдкаго гостя и о которыхъ я зналъ, что они по нѣскольку разъ въ недѣлю сходятся другъ у друга. О чемъ они говорятъ и спорятъ? Большинство представляло изъ себя стереотипную сторону homo socialis, и мнѣ всѣ они казались сродни другъ другу, благодаря однородному, нивелирующему духу, которымъ одинъ я не обладалъ. Среди нихъ были люди значительные, съ тонкимъ умомъ, у которыхъ постоянное общеніе съ людьми не отняло свѣжести и оригинальности. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я могъ подолгу и съ интересомъ бесѣдовать. Но переходить отъ одного къ другому, оставаться съ каждымъ по минутѣ, говорить попутно комплименты женщинамъ, направлять свое вниманіе сразу на чашку чаю, два разговора и музыкальную пьесу, при этомъ имѣть возбужденный и довольный видъ, — это было выше моихъ силъ. Всего ужаснѣе для меня говорить о литературѣ и искусствѣ. Я видѣлъ, что объ этой области очень мало думали, очень много лгали, и главнымъ образомъ неслыханно много судачали. Я лгалъ виѣсть съ другими, что, однако, не доставляло мнѣ удовольствія; я находилъ, что бесполезная болтовня скучна и унижательна. Гораздо охотнѣе слушалъ я рассказы женщинъ о дѣтяхъ или самъ рассказывалъ о путешествіяхъ, о мелкихъ повседневныхъ событіяхъ

и вообще реальныхъ предметахъ. Тутъ я могъ слушать съ довѣріемъ и получалъ даже удовольствіе. По большей части я запаничивалъ вечеръ въ пивной, промачивалъ горло и запивалъ скуку виномъ.

Въ одномъ изъ такихъ обществъ встрѣтилъ я снова молодую брюнетку. Тамъ была масса народу, играли на фортепіано и по обыкновенію шумѣли. Я сидѣлъ въ сторонѣ и разсматривалъ альбомъ съ видами. Тутъ были виды Тосканы, не обычные, миллионъ разъ виданныя эффектные картинки, по частные снимки, подарки товарищей по путешествію и друзей хозяина дома. Я нашелъ какъ разъ фотографію каменнаго домика съ узкими окнами въ уединенной долинѣ Санъ-Клементя, который тотчасъ же узналъ, потому что не разъ гулялъ тамъ. Долина лежитъ совсѣмъ близко отъ Фіезоле, но путешественники ея не посѣщаютъ, такъ какъ тамъ нѣтъ памятниковъ древности. Долина хороша своей суровой красотой: сухая, почти необитаемая, сжатая среди высокихъ, обнаженныхъ, мрачныхъ горъ, печальная, безлюдная.

Дѣвушка подошла и посмотрѣла на мнѣ черезъ плечо.

— Почему вы сидите всегда одни?

Меня взорвало. Кавалеры забыли ее, вотъ она и лѣзетъ ко мнѣ.

— Что же вы не отвѣчаете?

— Извините. Но, что же мнѣ отвѣчать? Сиджу одинъ, потому что это доставляетъ мнѣ удовольствіе.

— Значить, я вамъ мѣшаю?

— Какая вы смѣшная!

— Благодарю. То же самое думаю о васъ!

Она сѣла возлѣ. Я упорно держалъ въ рукѣ картинку.

— Вы изъ Оберланды?—спросила она.—Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы когда-нибудь рассказали мнѣ объ этой мѣстности. Братъ говорилъ мнѣ, что въ вашей деревнѣ всѣ принадлежатъ къ семьѣ Каменциндовъ. Правда это?

— Почти что,—проворчалъ я.—Есть еще булочникъ—Фюсли и трактирщикъ Нидѣггеръ.

— А остальные всѣ Каменцинды? И всѣ родственники?

— Болѣе или менѣе...

Я подалъ ей видъ. Дѣвушка внимательно поглядѣла на картинку, и я замѣтилъ, что она поняла ея прелесть. Я сказалъ ей объ этомъ.

— Вы меня хвалите, какъ школьный учитель.

— Если вы не хотите смотреть,—сказалъ я грубо,—то отдайте мнѣ видъ; я его спрячу.

— Что это такое?

— Санъ-Клементъ.

- Гдѣ?
- Близъ Фіезоле.
- Вы тамъ были?
- Много разъ.
- Какой видъ имѣетъ вся долина? Здѣсь только часть ея.

Я подумалъ. Суровая, строгая красота долины воскресла передъ моими взорами, и я закрылъ глаза, чтобы удержать ее. Прошло съ минуту, прежде чѣмъ я заговорилъ; мнѣ было пріятно, что она молча ждала.

Она поняла, что я вспоминаю.

Я описалъ Санъ-Клементъ, молчаливую, суровую, красивую долину, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ. Рядомъ съ долиной, въ Фіезоле процвѣтаетъ промышленность: плетутъ соломенные шляпы, корзины, продаютъ сувениры и апельсины, обманываютъ путешественниковъ или выпрашиваютъ у нихъ милостыню. Дальше, внизу лежитъ Флоренція, гдѣ васъ захватываетъ потокъ древней и новой жизни. Но въ Санъ-Клементѣ нѣтъ ни той, ни другой. Тамъ не работали художники, нѣтъ римскихъ построекъ, исторія шла мимо бѣдной долины. Но тамъ солнце и дождь борются съ землею, тамъ съ трудомъ цѣпляются за жизнь кривыя пиніи, и два-три кипариса колеблются въ воздухѣ тощими верхушками, точно справляясь, не налетитъ ли на нихъ буря, чтобы порвать жалкую жизнь, за которую они цѣпляются тощими корнями. Время отъ времени пройдетъ съ сосѣдней фермы телега, запряженная волами, или пройдетъ семья крестьянъ, направляясь въ Фіезоле, но это случайные гости, и красныя юбки крестьянокъ, обыкновенно оживляющія и веселящія пейзажъ, здѣсь не у мѣста, и глазъ охотно отворачивается отъ нихъ.

Я рассказалъ, какъ молодымъ человѣкомъ странствовалъ тамъ съ товарищемъ, лежалъ подъ кипарисами и прислонялся къ ихъ тощимъ стволамъ; какъ грустная красота уединенной долины напоминала мнѣ родныя ущелья.

Мы сидѣли съ минуту молча.

— Вы поэтъ,—сказала дѣвушка.

Я скорчилъ гримасу.

— Я не то хотѣла сказать,—продолжала она.—Вы поэтъ не потому, что пишете новеллы и тому подобное, а потому, что понимаете и любите природу. Какое дѣло большинству до того, что шумитъ дерево или гора сіяетъ на солнцѣ? А для васъ въ этомъ—жизнь, которую вы переживаете вмѣстѣ съ природою.

Я отвѣтилъ, что природы никто не понимаетъ, и всѣ стремленія понять ее натыкаются на загадку и приводятъ къ печальнымъ мы-

слямъ. Стоящее на солнцѣ дерево, вывѣтрившійся камень, животное, гора — всё живутъ, у всёхъ есть своя исторія; они любятъ, страдаютъ, борются, достигаютъ цѣли, умираютъ, а мы ничего не понимаемъ.

Говоря такимъ образомъ и радуясь терпѣливому вниманію дѣвушки, я сталъ разсматривать ея лицо. Оно было спокойно и напряженно-внимательно, какъ у ребенка. Нѣтъ, вѣрнѣе, какъ у взрослого, который, слушая, забылся и, самъ того не сознавая, смотритъ дѣтскими глазами. Разглядывая дѣвушку, я мало-по-малу съ наивной радостію изслѣдователя убѣдился, что она очень красива.

Когда я замолчалъ, дѣвушка также продолжала сидѣть молча.

Потомъ вдругъ вскочила и стала на ярко-освѣщенномъ мѣстѣ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я не подумавши.

— Елизавета.

Она отошла; скоро ее заставили сѣсть за фортепіано. Играла она хорошо. Но, подойдя къ ней, я замѣтилъ, что она уже не такъ красива, какъ раньше.

Когда, направляясь домой, я спускался по уютной, старомодной лѣстницѣ, то услышалъ нѣсколько словъ изъ разговора двухъ художниковъ, надѣвавшихъ внизу свои пальто.

— Да, да, онъ весь вечеръ былъ занятъ хорошенькой Лизочкой,—сказалъ одинъ со смѣхомъ.

— Въ тихомъ омутѣ!—замѣтилъ другой.—У него губа недуря.

Значить, ужъ судачили. Мнѣ пришло вдругъ въ голову, что я, почти противъ желанія, открылъ незнакомой дѣвушкѣ цѣлую область своей интимной жизни, своихъ интимныхъ воспоминаній. Какъ это случилось? И злые языки уже работаютъ!

Я ушелъ и нѣсколько мѣсяцевъ не показывался въ домъ ученаго. Случайно, именно одинъ изъ этихъ художниковъ, встрѣтись со мной на улицѣ, спросилъ о причинѣ продолжительнаго отсутствія.

— Почему вы тамъ не бываете?

— Потому что ненавижу сплетни.

— О, наши дамы!—засмѣялся онъ.

— Я говорю не о дамахъ, а о мужчинахъ и главнымъ образомъ о художникахъ,—отвѣтилъ я.

Елизавету я встрѣчалъ за это время изрѣдка на улицахъ, одинъ разъ въ магазинѣ и одинъ разъ на художественной выставкѣ. Въ большинствѣ случаевъ она казалась хорошенькой, но не красивой. Движенія тонкой фигурки были своеобразны, иногда красивы и изящны, иногда рѣзки и неестественны. На художественной выставкѣ она была хороша, необычайно хороша! Дѣвушка не замѣтила меня. Я

отдыхалъ въ сторонкѣ и перелистывалъ каталогъ. Она стояла вблизи меня передъ большимъ полотномъ Сегантини, вся поглощенная картиной. Изображена была лужайка, на которой работало нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ; на заднемъ планѣ крутыя, зубчатые горы, напоминающія Штокгорнъ, а надъ ними въ холодномъ, ясномъ небѣ невыразимо гениально написанное облако цвѣта слоновой кости. На первый взглядъ оно поражало скрученностью и спутанностью массы; видно было, что его только что крутилъ и трепалъ вѣтеръ, теперь оно собирается подняться и медленно уплыть въ даль. Очевидно, Елизавета понимала облако, потому что вся отдалась созерцанію. И снова ее обычно скрытая душа отразилась на лицѣ, слегка улыбалась черезъ широко раскрытые глаза, дѣлала маленькій ротикъ почти дѣтски мягкимъ и разгладила старческую морщинку между бровей. Красота и правда великаго художественнаго произведенія побудила ее душу обнаружиться во всей правдѣ и красотѣ.

Я молча сидѣлъ рядомъ, любовался на красивое облако Сегантини и на красивую, восхищенную дѣвушку. Потомъ мнѣ стало страшно, что она обернется, увидитъ меня, заговоритъ и перестанетъ быть красивой. Я тихонько поспѣшно удалился.

Въ это время стало измѣняться мое отношеніе къ безмолвной природѣ. Я ходилъ и ходилъ по красивымъ окрестностямъ города, главнымъ образомъ вдоль Юры. Снова видѣлъ горы, лужайки, плодовые деревья и перелѣски, точно ждавшіе чего-то въ молчаніи. Можетъ быть, меня, во всякомъ случаѣ—любви.

И я полюбилъ ихъ. У меня явилась сильная, алчная потребность въ ихъ красотѣ. Во мнѣ подымалась жажда жизни и смутное стремленіе быть понятымъ и любимымъ. Многие говорятъ, что «любятъ природу». Это значить, они не прочь время отъ времени насладиться ее красотами. Они выѣзжаютъ за городъ, радуются простору, топчутъ луга, срываютъ массу цвѣтовъ и вѣтки, чтобы затѣмъ бросить ихъ или оставить увядать дома. Вотъ какъ они любятъ природу! Они вспоминаютъ о любви къ ней по воскресеньямъ, въ хорошую погоду и умиляются. Природа имъ не нужна: «человѣкъ—вѣнецъ природы». О, да, конечно, вѣнецъ!

Итакъ, я съ жадностью наблюдалъ природу: слушалъ, какъ на разные тоны шумитъ вѣтеръ въ верхушкахъ деревьевъ, какъ журчатъ потоки въ ущельяхъ и тихо струятся въ долинахъ ручьи; я зналъ, что эти звуки—голосъ божества, что понять ихъ неясный вѣчный языкъ значить найти дорогу въ рай. Княги съ нимъ не знакомы, только въ библии есть удивительное слово о «невыражен-

ныхъ вздохахъ» твореній. Я знаю, что во всѣ времена люди, охваченные, подобно мнѣ, непостижимымъ, бросали дневной трудъ и уходили въ уединеніе, чтобы слушать пѣснь творчества, смотрѣть на несущіяся облака, и простирали молящія руки въ непрестанномъ стремленіи къ вѣчному. Таковы были отшельники, кающіеся и святые.

Были вы когда-нибудь въ Пизѣ, на Кампо-санта? Тамъ стѣны украшены выцвѣтшими картинами прошлыхъ вѣковъ; и одна изъ нихъ изображаетъ отшельника въ Фиваидской пустынѣ. Отъ наивной картины съ выцвѣтшими красками и теперь еще вѣетъ прелестью такого невозмутимаго спокойствія, что начинаешь страдать и хочется уйти съ своими грѣхами въ уединеніе, оплакать ихъ и больше отсюда не возвращаться. Многіе художники пытались выразить тоску по родинѣ въ мирныхъ картинахъ, и маленькая, милая картина Людвига Рихтера поетъ ту же пѣсню, что фрески въ Пизѣ. Почему Тиціанъ, другъ реальнаго, тѣлеснаго, въ своихъ веселыхъ, объективныхъ картинахъ рисовалъ на заднемъ планѣ нѣжную голубую даль? Одинъ мазокъ теплаго голубого тона, неизвѣстно горы ли вдаль или просто безграничное пространство. Тиціанъ, реалистъ, самъ того не зналъ: онъ дѣлалъ это не ради гармоніи красокъ, какъ думаютъ историки искусства, но платя дань незаглушимой потребности, тащущейся даже въ душѣ веселаго, счастливаго человѣка. Мнѣ кажется, что во всѣ времена искусство старалось выразить нашу смутную потребность божественнаго.

Зрѣлѣе, красивѣе, но при этомъ болѣе по-дѣтски, выражалъ то же самое Францискъ Ассизскій. Только въ это время позналъ я его вполне. Объединяя въ любви къ Богу всю землю: растения, звѣзды, звѣрей, вѣтры, воды, онъ опередилъ средніе вѣка и даже Данте и нашелъ языкъ человѣчества въѣ времени. Онъ называетъ всѣ силы и явленія природы дорогими братьями и сестрами. Когда, въ поздніе годы жизни, врачи предписали ему прижечь лобъ каленымъ желѣзомъ, тяжело больной среди мученій привѣтствовалъ страшное желѣзо, какъ «дорогого брата, огонь».

Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ природу, сталъ прислушиваться къ ея голосу, какъ къ словамъ товарища или спутника, говорящаго на чужомъ языкѣ, тоска моя не прошла, но стала чище, благороднѣе. Глаза и уши изошрились, я научился схватывать ея интонаціи и отбѣнки и жадно стремился ближе и отчетливѣе услышать біеніе пульса всего живущаго и, наконецъ, понять и выразить ее въ поэтической формѣ, чтобы и другіе стали къ ней ближе и съ большимъ пониманіемъ воспользовались освѣжающимъ, очищающимъ и сообщающимъ дѣтскому невинности источникомъ.

До сихъ поръ это было только желаніе, мечта, я не зналъ, осуществится ли она когда-нибудь; пока я съ любовью шелъ навстрѣчу всему живущему и приучалъ себя не проходить равнодушно и съ презрѣніемъ мимо окружающаго.

Не могу выразить, какъ освѣжающе и успокоительно подѣйствовало это на мою омраченную душу! Нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе облагораживающаго и дающаго счастье, чѣмъ безмолвная, постоянная, лишенная страсти любовь; я сердечно желаю, чтобы читающіе мои строки научились съ моей помощью этому искусству. Многіе обладаютъ имъ отъ природы и всю жизнь пользуются безсознательно, это любимцы Бога, добрые и дѣти среди людей. Многимъ оно далось послѣ тяжелыхъ страданій, — случалось ли вамъ видѣть среди калѣкъ и страждущихъ — людей съ робкими, тихими, ясными глазами? Если не хотите слушать меня и мои жалкія слова, идите къ нимъ: у нихъ любовь безъ страсти побѣдила и преобразила страданіе.

Я далеко отъ такого совершенства, которому завидовалъ у нѣкоторыхъ несчастныхъ страдальцевъ. Но за послѣдніе годы рѣдко терялъ утѣшительную вѣру, что знаю надлежащій путь.

Конечно, я не всегда ему слѣдовалъ; чаще всего останавливался отдыхать на всѣхъ придорожныхъ скамейкахъ, не избѣгалъ иной разъ и окольныхъ путей. Двѣ сильныя эгоистичныя наклонности боролись во мнѣ съ настоящей любовью: страсть къ вину и боязнь людей. Только что удавалось значительно урѣзать обычную порцію вина, какъ коварный богъ снова соблазнялъ меня броситься ему въ объятія. Я едва ли когда-нибудь валялся на улицѣ, или продѣлывалъ ночные скандалы, потому что вино меня любитъ и манитъ только до тѣхъ поръ, пока его духъ вступить въ дружественную бесѣду съ моимъ. Тѣмъ не менѣе совѣсть долго мучитъ меня послѣ каждаго кутежа. Но вѣдь нельзя же сразу лишиться вина своей любви, особенно когда эта сильная склонность досталась въ наслѣдство отъ отца. Годами заботливо и благоговѣнно холилъ я это наслѣдіе и, наконецъ, вполне овладѣлъ имъ; и вотъ, чтобы помочь себѣ, я заключилъ между совѣстью и страстью полусерьезную, полупутливую сдѣлку: я прибавилъ въ хвалебномъ гимнѣ Франциска Ассизскаго «дорогого брата—вино».

VI.

Гораздо хуже второй недостатокъ. Общеніе съ людьми не доставляетъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія; я предпочитаю жить отшельникомъ; отношусь съ насмѣшкой и презрѣніемъ къ мелочамъ человѣческой жизни.

Начиная новую жизнь, я объ этомъ еще не подумалъ. Мнѣ казалось всего справедливѣе предоставить людей самимъ себѣ, любовь же, нѣжность, участіе, преданность обратить на безмолвную природу. Такое рѣшеніе сначала меня вполне удовлетворяло.

Часто ночью, когда я собирался ложиться въ постель, мнѣ вдругъ приходили на умъ холмикъ, лѣсная опушка, хорошенькое одинокое деревцо, котораго я давно не навѣщалъ. Стоитъ оно, обвѣваемое ночнымъ вѣтромъ, грезить, дремлетъ, можетъ быть, стонетъ и простираетъ вѣтви. Какой у него теперь видъ?

Я выходилъ изъ дому, отыскивалъ дерево, смотрѣлъ на его неопредѣленные очертанія во мракѣ, любовался имъ съ невыразимой нѣжностью и уносилъ съ собой его неясный образъ.

Вы сиѣтесь. Можетъ быть, любовь эта была заблужденіемъ, но не обманомъ. Какъ, однако, найти пути, чтобы полюбить людей?

Стоитъ только начать, дальнѣйшее придетъ само. Идея крупнаго художественнаго произведенія все ближе и яснѣе вставала передо мною. Если любовь поможетъ мнѣ заговорить языкомъ лѣсовъ и потоковъ, для кого это будетъ? Не только для моихъ любимцевъ, но главнымъ образомъ для людей, которымъ я буду руководителемъ и наставникомъ въ любви. И въ отношеніяхъ къ этимъ-то людямъ я былъ грубъ, насмѣшливъ и безсердеченъ. Я почувствовалъ раздвоеніе и потребность побѣдить отчужденіе и братски отнестись къ людямъ.

Это было трудно. Одиночество и обстоятельства жизни сдѣлали меня черствымъ и злымъ. Мало перестать ворчать дома, стараться не грубить въ пивной, любезно здороваться съ знакомыми на улицѣ.

Тутъ я замѣтилъ, какъ основательно испортилъ отношенія съ людьми: на мои любезные поклонны смотрѣли холодно и съ подозрѣніемъ, принимая ихъ за насмѣшку. Хуже всего, что я почти годъ не былъ въ домѣ моего единственнаго знакомаго, ученаго; я чувствовалъ, что надо вернуться туда и такимъ путемъ возобновить общеніе съ людьми.

Въ данномъ случаѣ мнѣ чрезвычайно помогли проклятыя человѣческія чувства. Вспомнивъ о домѣ ученаго, я вспомнилъ объ Елизаветѣ, и она представилась мнѣ прекрасной, какъ въ моментъ созерцанія «Облака» Сегантини; я почувствовалъ, что моя тоска и страстные порывы тѣсно связаны съ ней. И я впервые серьезно подумалъ о союзѣ съ женщиной.

До сихъ поръ я былъ глубоко убѣжденъ въ своей непригодности къ браку и относился съ ѣдкой ироніей къ мысли о немъ.

Поэтъ, странникъ, пьяница, одиночка! Мнѣ базалось, что судьба

моя рѣшается: бракъ по любви будетъ служить мостомъ къ общенію съ людьми. Заманчивая, серьезная цѣль!

Я чувствовалъ и видѣлъ, что Елизавета относится ко мнѣ съ участіемъ: она отзывчивое, благородное существо.

Я вспомнилъ, какъ въ разговорѣ о Санъ-Клементѣ и передъ картиною Сегантини оживала ея красота. Я же въ теченіе многихъ лѣтъ собралъ богатый матеріалъ въ природѣ и искусствѣ. Я научу ее понимать сокрытую всюду красоту и такъ окружу красотой и истиной, что ея лицо и душа позабудутъ о печальномъ и помогутъ ея дарованіямъ распутиться въ пышный цвѣтокъ. Страннымъ образомъ, я не замѣчалъ комизма своего неожиданнаго перерожденія. Чудакъ - отшельникъ въ одну ночь превратился въ влюбленнаго малаго, мечтающаго о супружескомъ счастьи и устройствѣ домашняго очага.

Я поторопился посѣтить гостепріимный домъ и былъ встрѣченъ дружественнымъ упрекомъ.

Нѣсколько разъ заходилъ я туда, пока, наконецъ, встрѣтилъ Елизавету. О, какъ она была красива! Совершенно такой представлялъ я ее въ качествѣ своей возлюбленной: прекрасной и счастливой! Цѣлый часъ наслаждался я сіяющей красотой дѣвушки. Она поздоровалась со мною ласково, даже сердечно, съ какою-то дружеской довѣрчивостью! Я былъ счастливъ!

Помните вечеръ на озерѣ, въ лодкѣ, красные фонарики, музыку и мое въ зародышѣ убитое, любовное признаніе?

То была смѣшная и грустная исторія влюбленнаго мальчика.

Смѣшнѣе и печальнѣе исторія влюбленнаго мужчины—Петра Каменца.

Я совершенно случайно узналъ, что Елизавета недавно стала невѣстой. Я поздравилъ ее, познакомился съ женихомъ, который пришелъ за ней, поздравилъ его и весь вечеръ съ лица моего не сходила благодушная, покровительственная улыбка, мучительная, какъ маска.

Потомъ я не побѣждалъ ни въ лѣсъ, ни въ трактиръ, но сѣлъ пораженный и ошеломленный на постель, уставился въ лампу и сидѣлъ такъ, пока она накоптила и погасла. Когда вернулось сознаніе, боль и отчаяніе распростерли надо мною свои черныя крылья: я лежалъ, приниженный, слабый, разбитый и рыдалъ, какъ ребенокъ.

Затѣмъ, уложилъ свой ранецъ и поѣхалъ домой. Меня страстно тянуло на Зеннальпштокъ, хотѣлось вспомнить дѣтство, взглянуть, живъ ли отецъ.

Мы стали другъ другу чужіе. Отецъ посѣдѣлъ, слегка согнулся и похудѣлъ. Онъ былъ со мною ласковъ, но робокъ; ни о чемъ не

спрашивалъ, хотѣлъ уступить свою постель, и былъ въ равной степени смущенъ и удивленъ моимъ посѣщеніемъ. Домашня принадлежалъ еще ему, но поля и скотину онъ продалъ, жилъ на ничтожные проценты и по временамъ брался за легкую работу.

Оставшись одинъ, я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ раньше стояла кровать матери, и прошедшее понеслось передо мною, точно широкая, спокойная рѣка. Я былъ уже не юноша и думалъ о томъ, какъ промчатся дальнѣйшіе годы, и я превращусь въ сѣдого, согбеннаго старца, приближающагося къ смерти. Въ мало измѣнившейся, бѣдной, старой комнатѣ, гдѣ жилъ я ребенкомъ, гдѣ учился латыни, гдѣ видѣлъ смерть матери, мысль эта подѣйствовала на меня успокоительно. Съ благодарностью вспомнилъ я о счастливой юности, причемъ мнѣ пришли въ голову стихи Лаврентія Медичи, выученные во Флоренціи:

Quant'è bella giovinezza,
Ma si fugge tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c'è certezza.

Меня изумило, что въ старой комнатѣ, на роднѣй воскресли воспоминанія изъ итальянской жизни, изъ исторіи, изъ далекой области духа.

Я далъ отцу денегъ. Вечеромъ мы пошли въ трактиръ: тамъ все было попрежнему, только теперь платилъ я, а когда отецъ заговаривалъ объ искристомъ винѣ и о шампанскомъ, то ссылался на меня; теперь я могъ выпить больше отца. Я спросилъ о старомъ крестьянинѣ, которому выплеснулъ въ тотъ памятный вечеръ остатки вина на лысину.

Онъ былъ острякъ и шутникъ большой руки; но его давно уже не было въ живыхъ и могила его поросла травой. Я пилъ ваатландское, слушалъ разговоры, немного рассказывалъ.

Когда ночью мы возвращались съ отцомъ при лунномъ сіяніи домой, и онъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ говорилъ и жестикулировалъ, у меня было такъ волшебнo хорошо на душѣ, какъ никогда. Меня окружили образы прошлаго, дядя Конрадъ, Рёзи Гиртаннеръ, мать, Рихардъ и Агліетти; я смотрѣлъ на нихъ, какъ въ хорошую книжку съ картинками, гдѣ всѣ предметы прекрасны и гармоничны, хотя въ дѣйствительности далеко не таковы.

Все это пронеслось, прошло, почти позабыто, но запечатлѣно во мнѣ отчетливо и ясно: половина жизни, помимо моей воли, сохраняется памятью.

Когда мы вернулись домой, и отецъ много спустя замолкъ и

уснуть, я сталъ думать объ Елизаветѣ. Еще вчера мы видѣлись, я любовался ею и желалъ счастья ея жениху. А кажется, точно съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность.

Страданіе возобновилось, слившись съ волною потревоженныхъ воспоминаній, и обрушилось на мое эгоистичное и плохо защищенное сердце, точно фѣнь на патающуюся, готовую развалиться альпійскую хижину. Я не могъ сидѣть дома: выйдъ черезъ низенькое окно, прошелъ садомъ къ озеру, отвязалъ заброшенный челнокъ и тихо поплылъ по блѣдной поверхности. Въ торжественномъ молчаніи стояли окутанныя серебристымъ туманомъ горы, полная луна плыла въ синеватомъ воздухѣ, почти задѣвая вершину Шварценштокъ. Было такъ тихо, что я слышалъ плескъ водопада на отдаленномъ Зенальпштокѣ. Духи родины и духи юности касались меня свѣтлыми крыльями, наполняли маленькій челнъ и съ мольбою указывали куда-то простертыми руками, съ мучительнымъ, непонятнымъ выраженіемъ лицъ.

Какой смыслъ имѣла моя жизнь и зачѣмъ испыталъ я столько радостей и горя? Къ чему томилъ меня жажда истины и красоты, если до сихъ поръ не могу ея утолить? Зачѣмъ долженъ я въ отчаяніи и слезахъ страдать по желанной женской любви, когда опять со стыдомъ склоняю голову передъ несчастной любовью? Зачѣмъ непостижимый богъ вложилъ мнѣ въ сердце страстное желаніе любви, если мнѣ предвѣстна жизнь одинокаго, малолюбимаго человѣка? Глухо журчала вода около носа и серебристыми каплями сбѣгала по весламъ; безмолвно стояли кругомъ горы, въ туманѣ ущелій играли холодные лучи мѣсяца. Молча обружали меня духи моей юности и тихо, вопрошающе смотрѣли глубокими глазами. Мнѣ казалось, что среди нихъ вижу прекрасную Елизавету, которая полюбила бы меня и стала моей, если бы я пришелъ къ ней своевременно.

Мнѣ казалось, что всего лучше опуститься на дно тихаго озера, чтобы никто не зналъ, гдѣ я; однако, замѣтивъ, что старый челнокъ наполняется водою, я принялся быстрѣе грести. Я озябъ, заторопился домой и легъ въ постель. Но долго лежалъ я разбитый, безъ сна, размышляя о своей жизни и стараясь опредѣлить, чего мнѣ недостаетъ и что нужно, чтобы жить счастливѣе и естественнѣе.

Я зналъ, конечно, что корень счастья и радости—въ любви и что мнѣ, несмотря на свѣжую рану, слѣдуетъ начать серьезно любить людей. Но какъ? И кого?

Тогда мнѣ пришелъ въ голову отецъ, и я впервые сообразилъ, что никогда по-настоящему не любилъ его. Ребенкомъ я отравлялъ ему жизнь, потомъ ушелъ изъ дому и, послѣ смерти матери, бросилъ

его одного, часто сердился на него и въ концѣ-концовъ почти совсѣмъ забылъ. Я представилъ себѣ, какъ онъ лежитъ на смертномъ одрѣ, я стою возлѣ осиротѣлый и вижу, какъ умираетъ душа человека, о любви котораго я никогда не заботился.

И вотъ, я началъ изучать трудное искусство не на прекрасной, достойной восхищенія дѣвушкѣ, но на старомъ, жалкомъ пьяницѣ. Я пересталъ говорить ему грубости, по возможности больше занимался имъ, читалъ ему вслухъ календарь, рассказывалъ о винахъ, которыя пьютъ въ Италіи и Франціи. Отнять у него незначительное количество работы не имѣло смысла, потому что безъ нея онъ сталъ бы скучать. Не удалось мнѣ также приучить его пить по вечерамъ у себя, вмѣсто того чтобы ходить въ трактиръ. Два-три вечера мы пробовали оставаться дома. Я приносилъ вина и сигаръ и старался развлечь старика. На четвертый или пятый вечеръ онъ сидѣлъ молча, угрюмо, и когда я спросилъ, что съ нимъ, отвѣтилъ:

— Что-жъ ты совсѣмъ больше непустишь отца въ трактиръ?

— Сохрани Богъ! Ты отецъ, а я сынъ. Все будетъ такъ, какъ ты хочешь!

Онъ пытливо взглянулъ на меня, потомъ весело взялся за шапку, и мы оба пошли въ трактиръ.

Очевидно, что продолжительное пребываніе вдвоемъ надоѣло отцу, хотя онъ и молчалъ. Меня также тянуло куда-нибудь въ чужую сторону, пока не пройдетъ раздвоенность теперешняго состоянія.

— Что ты скажешь, если я на-дняхъ уѣду?—спросилъ я старика.

Онъ почесалъ въ затылѣ, пожалъ плечами и хитро, выжидаательно улыбулся:

— Какъ хочешь!

До отъѣзда я зашелъ къ сосѣдямъ, въ монастырь и попросилъ присмотрѣть за старикомъ. Воспользовался также хорошимъ днемъ, чтобы подняться на Зеннальпштокъ. Съ его округленной вершины осмотрѣлъ горы и зеленныя долины, блестяція озера и мглу, покрывающую отдаленные города. Все это наполняло меня въ дѣтствѣ страстнымъ желаніемъ, я рѣшалъ завоевать прекрасный далекій міръ, и вотъ онъ опять предо мною, такой же прекрасный и чуждый, какъ прежде, и я снова готовъ идти искать счастливую страну.

Я давно уже порѣшилъ ради своихъ научныхъ занятій съѣздить на боѣе продолжительный срокъ въ Ассизи. Итакъ, я поѣхалъ сначала въ Базель, запасся всѣмъ необходимымъ, уложилъ вещи и послалъ ихъ въ Перуджію, самъ же доѣхалъ до Флоренціи, откуда медленно, наслаждаясь дорогой, пошелъ на югъ. Тамъ не надо никакихъ ухищреній, чтобы сойтись съ народомъ; жизнь его вся на виду, такъ

проста и наивна, что отъ одного города до другого успѣваешь подружиться съ массою людей. Я чувствовалъ себя какъ дома и порѣшилъ позже въ Базелѣ искать общенія съ людьми не въ обществѣ, а среди простого народа.

Въ Перуджии и Ассизи мои историческія работы снова приобрѣли для меня интересъ и ожили. И такъ какъ повседневная жизнь тамъ очень пріятна, я сталъ понемногу оживать и строить новые мосты въ жизни. Моя квартирная хозяйка въ Ассизи, честная, благочестивая торговка овощами, послѣ нѣсколькихъ разговоровъ о св. Францискѣ почувствовала во мнѣ сильную дружбу, принявъ меня за ревностнаго католика. Честь незаслуженная, но она дала мнѣ возможность тѣснѣе сблизиться съ народомъ, такъ какъ меня не подозревали въ язычествѣ, какъ всякаго чужестранца. Женщину звали Аннунціата Нардини: сороклетняя вдова колоссальныхъ размѣровъ, съ мягкими манерами. Въ воскресенье, нарядившись въ платье веселенькаго цвѣта съ узорчикомъ, она казалась воплощеніемъ праздничнаго дня; кромѣ серегъ, она носила еще на груди золотую цѣпочку, съ цѣлой массою медалей изъ французскаго золота, которыя сіяли и звенѣли. При этомъ она носила еще съ собой тяжелый, оправленный въ серебро молитвенникъ и хорошенькія черныя съ бѣлыми четки, соединенныя серебряной цѣпочкой, которыя постоянно перебирала. Когда между двумя церковными службами торговка сидѣла въ лавочкѣ и перечисляла восхищеннымъ сосѣдкамъ прегрѣшенія отсутствующихъ пріятельницъ, на ея кругломъ благочестивомъ лицѣ появлялось трогательное выраженіе тѣснаго общенія съ Богомъ.

Такъ какъ моего имени никто не могъ выговорить, меня просто называли сеньоръ Піетро. Въ чудные вечера, передъ золотистымъ закатомъ всѣ усаживались на крылечкѣ тѣсной лавочки, сосѣди, дѣти, кошки, или забивались въ лавку между овощами, плодами, сѣменными ящиками, развѣшенной копченой колбасой, рассказывали другъ другу событія изъ жизни, обсуждали виды на урожай, курили сигары, ѣли дыни. Я рассказывалъ о св. Францискѣ, о св. Кларѣ и первыхъ братьяхъ. Слушали съ серьезнымъ вниманіемъ, предлагали тысячу мелочныхъ вопросовъ, хвалили святого и переходили къ обсужденію новѣйшихъ сенсаціонныхъ извѣстій, среди которыхъ первое мѣсто занимали рассказы о разбойникахъ и политика. Возлѣ насъ играли и возились кошки, дѣти, собачонки. Частію ради удовольствія, частію чтобы поддержать хорошую репутацію, я просматривалъ легенды и назидательные, трогательные рассказы, и былъ очень доволенъ, что среди немногихъ захваченныхъ съ собою книгъ нашелъ «Жизнь праотцевъ и другихъ благочестивыхъ людей», Арнольда,

наивные рассказы котораго и передавалъ съ нѣкоторыми варіаціями на народномъ итальянскомъ языкѣ. Прохожіе останавливались на минутку, прислушивались, болтали и такимъ образомъ въ одинъ вечеръ общество мѣнялось два-три раза, только госпожа Нардини и я оставались безсмысленными членами. Около меня стояла бутылка краснаго вина и на бѣдный, скромно живущій народъ производило сильное впечатлѣніе постоянное употребленіе мною вина. Понемногу застѣнчивыя сосѣднія дѣвушки стали довѣрчивѣе, вступали въ разговоръ, стоя на порогѣ своихъ квартиръ, брали въ подарокъ картинки и перестали сомнѣваться въ моей святости, такъ какъ не замѣчали за мной навязчивыхъ шутокъ и посягательства на ихъ довѣрчивость. Среди нихъ встрѣчались большеглазые, мечтательныя красавицы, точно сошедшія съ картинъ Перуджино. Онѣ мнѣ нравились, я любилъ ихъ добродушно-лукавое общество; но ни одна не возбудила во мнѣ любви, потому что красавицы такъ походили другъ на друга, что имѣли прелесть какъ раса, но не какъ индивидуальность. Часто подходилъ къ намъ Матео Спинелли, молодой парнишка, сынъ булочника, тертый калачъ и острякъ. Онъ умѣлъ подражать крику звѣрей, зналъ всѣ скандальныя происшествія и всегда готовъ былъ на всякое смѣлое, рискованное предпріятіе. Когда я рассказывалъ легенды, онъ слушалъ съ неподражаемымъ смиреніемъ и благочестіемъ, но затѣмъ издѣвался надъ святыми отцами, предлагая наивно-дерзкіе вопросы, дѣлая рискованныя сравненія и догадки, къ великому негодованію хозяйки и откровенному восторгу большей части слушателей.

Часто сиживалъ я одинъ у госпожи Нардини, слушалъ поучительныя рѣчи хозяйки и нечестиво радовался ея безчисленнымъ человѣческимъ слабостямъ. Отъ нея не ускользала ни одна ошибка, ни одинъ порокъ ближняго и, строго оцѣнивъ ихъ, она опредѣляла мѣсто грѣшника въ аду. Меня она полюбила всѣмъ сердцемъ и повѣряла малѣйшія событія и наблюденія чистосердечно и обстоятельно. Она спрашивала меня послѣ каждой покупки, сколько я заплатилъ, и заботилась, чтобы не тратилъ лишняго. Заставила рассказать себѣ жизнь св. Франциска, зато познакомила меня съ тайнами кухни, закупки плодовъ и овощей. Однажды вечеромъ сидѣли мы около лавки. Къ невыразимому восторгу дѣтей и дѣвушекъ я пропѣлъ швейцарскую пѣсню и познакомилъ ихъ съ «юдлемъ». Дѣти скакали отъ радости, старались подражать звукамъ чужого языка и показывали, какъ у меня прыгаетъ кадыкъ, когда я издаю звуки «юдля». Кто-то заговорилъ о любви: дѣвушки прыснули, г-жа Нардини опустила глаза и сентиментально вздохнула; въ концѣ-концовъ меня принудили разсказать исторію моей любви. Умолчавъ объ Елизаветѣ, я рассказаль

прогулку въ лодкѣ съ Аглетти и неудавшееся объясненіе въ любви. Странно какъ-то было рассказывать эту исторію, о которой я никому не говорилъ, кромѣ Рихарда, любопытнымъ итальянскимъ слушателямъ, въ узенькомъ переулочкѣ, въ виду горъ, на которыя спускался розовый закатъ.

Я рассказывалъ безъ отвлеченныхъ разсужденій, въ духѣ старинныхъ новеллъ, но сердце ныло, и я боялся, чтобы слушатели не начали смѣяться и дразнить меня.

Но когда я кончилъ, всѣ глаза съ участіемъ обратились ко мнѣ.

— Такой красивый мужчина!—съ живостью воскликнула одна молодая дѣвушка.—Такой красивый мужчина и вдругъ несчастная любовь!

Госпожа Нардини осторожно провела своей мягкой, круглой рукой по своимъ волосамъ и сказала:

— Poverino!

Другая дѣвушка подарила мнѣ большую грушу и когда я попросилъ ее закусить сначала самой, она послушно исполнила просьбу и серьезно поглядѣла мнѣ въ глаза. Когда же я предложилъ откусить еще другимъ, она не позволила.

— Нѣтъ, нѣтъ, скушайте сами! Я подарила ее вамъ за то, что вы рассказали намъ о своемъ несчастіи.

— Вы навѣрно полюбите другую,—сказалъ загорѣлый винодѣлъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— О, значитъ вы все еще любите злую Эрминію!

— Я люблю теперь св. Франциска, и онъ научилъ меня любить всѣхъ людей, васъ и жителей Перуджин и всѣхъ этихъ дѣтокъ и даже того, кого любить Эрминія.

Наше идиллическое существованіе омрачилось нѣкоторымъ осложненіемъ, даже опасностью. Я узналъ, что добрыйша сеньора Нардини воспыкала желаніемъ оставить меня навсегда въ Италіи и женить на себѣ. Дѣльце это заставило меня прибѣгнуть въ дипломатіи. Не легко было разрушить мечты, не нарушая armonіи и не порывая дружбы. Приходилось подумать о возвращеніи домой. Если бы не мечты о будущемъ художественномъ произведеніи и не абсолютная пустота кошелька, я бы пожилъ тамъ еще нѣкоторое время. Я, можетъ быть, даже женился бы на Нардини. Но нѣтъ же, нѣтъ, меня удерживала отъ этого незажившая рана и страстное желаніе снова увидѣть Елизавету.

Толстененькая вдова, противъ ожиданія, легко примирилась съ неизбѣжнымъ и не обнаружила своего разочарованія. Для меня отъѣздъ былъ, можетъ быть, гораздо тяжелѣе, чѣмъ для нея разставаніе. Я

оставлялъ здѣсь больше, чѣмъ когда-либо на родинѣ. Никогда при прощаніи мнѣ не жали такъ сердечно руки такіе милые люди. Провожавшіе уложили со мной въ экипажъ плоды, вино, сладкую водку, хлѣбъ, колбасу, и я испытывалъ непривычное чувство разставанія съ друзьями, которымъ не безразлично, что я уѣзжаю. Снисьора Аннунціата Нардини поцѣловала меня на прощаніе въ обѣ щеки и смахнула слезу.

Прежде я думалъ, что особенно пріятно быть любимымъ, когда самъ не любишь. Теперь я понялъ, какъ мучительна любовь, на которую не можешь отвѣтить. Но я всетаки испытывалъ нѣкоторую гордость, что меня любить женщина и желаетъ себѣ въ мужья.

Такого рода гордость указывала на начало выздоровленія. Мнѣ жаль было госпожу Нардини, но не хотѣлось, чтобы ея любви совсѣмъ не было. Мало-по-малу я созналъ, что счастье не имѣетъ ничего общаго съ удовлетвореніемъ вѣшнихъ желаній и что въ страданіяхъ влюбленнаго юноши нѣтъ ничего трагическаго. Я страдалъ отъ невозможности обладать Елизаветой. Но зато моя жизнь, моя свобода, трудъ, образъ мыслей остались не урѣзанными; любить и ласкать ее издали я могъ теперь столько же, сколько и раньше. Такое направленіе мыслей и наивная прелесть итальянской жизни благотворно повліяли на меня. Съ давнихъ поръ подмѣчалъ я смѣшныя и забавныя стороны жизни, и не могъ ими наслаждаться, благодаря ироническому отношенію. Мало-по-малу я началъ понимать юморъ жизни, и мнѣ стало казаться, что я найду мѣсто на жизненномъ пиру и получу свою долю роскошныхъ яствъ.

Положимъ, такъ всегда бываетъ, когда возвращаешься изъ путешествія по Италіи. Плюешь на всѣ принципы и предразсудки, снисходительно посмѣиваешься, засунувъ руки въ карманы, и считаешь себя тонкимъ знатокомъ жизни. Окунувшись на мгновеніе въ благодушную жизнь южнаго народа, воображаешь, что все такъ же пойдетъ и дома. Такъ бывало со мной всегда по возвращеніи изъ Италіи, а на этотъ разъ особенно. Возвратясь въ Базель и найдя тамъ прежнюю, неизмѣнную, застывшую жизнь, я сталъ шагъ за шагомъ, потихоньку раздраженно спускаться съ высоты своего веселія внизъ. Но нѣчто изъ пріобрѣтеннаго на югѣ осталось, и отнынѣ мой челнъ, выходя въ тихія или бурныя волны, всегда ставитъ хоть одинъ цвѣтной выпелъ.

Во многомъ мои взгляды значительно измѣнились. Я безъ большого сожалѣнія сознавалъ, что годы юности прошли и наступаетъ время, когда смотришь на собственную жизнь какъ на короткій путь, а на себя какъ на путника, странствованіе котораго и, наконецъ,

исчезновение не произведетъ въ мірѣ переворота. Продолжаешь стремиться къ намѣченной цѣли, къ любимой мечтѣ, но не считаешь себя чѣмъ-то необходимымъ, и по пути позволяешь себѣ отдыхъ, безъ угрызений совѣсти, валяешься цѣлый день на травѣ, насвистываешь пѣсенку и наслаждаешься безъ заднихъ мыслей настоящимъ. До сихъ поръ, не будучи повлонигомъ Заратустры, я слѣдовалъ «морали господъ», и у меня не было недостатка въ самообожаніи и въ презрѣніи къ ничтожнымъ людямъ. Я увидалъ постепенно, что рѣзкихъ границъ не существуетъ, и жизнь малыхъ, униженныхъ, бѣдныхъ также очень сложна и, можетъ быть, въ ней больше теплоты, правды, идеаловъ, чѣмъ въ жизни блестящихъ и возвеличенныхъ.

Въ Базель я пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать на первомъ вечерѣ у вышедшей замужъ Елизаветы. Я былъ въ хорошемъ настроеніи, освѣженный и загорѣлый отъ путешествія, съ цѣлымъ запасомъ веселыхъ воспоминаній. Красивая женщина отнеслась ко мнѣ съ симпатіей, и я весь вечеръ чувствовалъ себя счастливымъ, сознавая, что во-время избѣгъ позора отвергнутаго искателя.

Несмотря на пріобрѣтенный въ Италіи опытъ, во мнѣ такълось слабое недовѣріе къ женщинамъ и подозрѣніе, что онѣ радуются страданіямъ безнадежно влюбленнаго въ нихъ мужчины. Нагляднымъ подтвержденіемъ такого позорнаго и мучительнаго состоянія служилъ небольшой рассказъ изъ жизни школьниковъ, который я нѣкогда слышалъ изъ устъ пятилѣтняго мальчика. Въ школѣ, которую онъ посѣщалъ, царилъ слѣдующій удивительный, символическій обычай. Если мальчикъ дѣлалъ крупный проступокъ, за что ему должны были спустить штанишки, то назначалось шесть дѣвочекъ, держать провинившагося на скамейкѣ. Такое назначеніе считалось большимъ почетомъ и высшей наградой, такъ что выбирались самыя благонравныя дѣвочки, образцы добродѣтели. Забавный рассказъ навелъ меня на размышленія и даже однажды приснился мнѣ. Благодаря сновидѣнію, я знаю, каково на сердцѣ у человѣка въ такомъ положеніи.

Н. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛЮДИ ТЕМНЫЕ.

Быль, рассказанная крестьяниномъ.

I.

На краю села Ульяновки жилъ старикъ Аѳанасій Сущенко съ своимъ семействомъ. Семейство было небольшое: онъ, старуха Прасковья да дочка Настя.

Жили Сущенко бѣдно. Да и нельзя было имъ богато жить: старикъ годъ отъ году становился слабѣе, подмоги не было, сыновья всѣ померли, двухъ дочекъ выдалъ замужъ, — на это тоже всадишь порядочно. Осталась самая меньшая, Настя. Ее не на что было уже и замужъ порядкомъ выдать. Выдать ее, — надо совсѣмъ разориться.

Надумали старикъ Сущенко со своею старухой искать себѣ зятя въ прѣимы. Сказали объ этомъ Настѣ. Ей это тоже по душѣ пришлось и сама она уже такъ загадывала: чѣмъ идти въ чужой домъ, на чужую сторону, лучше выйти за прѣймака и оставаться съ отцомъ-матерью.

Нашли они въ своемъ селѣ подходящаго парня. Звали его Игнатомъ и фамилія у него была такая самая, какъ у нихъ — Сущенко. Онъ былъ одинъ сынъ у отца. Отецъ когда-то былъ дворовый, портной, и при выходѣ на волю земли отъ пана не получилъ. Не было земли и у Игната, не на чемъ было ему хозяйствовать. Ему только въ прѣимы и идти.

Смирный парень былъ Игнатъ, уважительный и совсѣмъ не похожъ на другихъ. Какъ пойдетъ онъ, бывало, лѣтомъ на улицу или зимою на досѣтки, парня и дѣвки поднимаютъ смѣхъ, шутки, поютъ, а его будто и нѣтъ тамъ. Сидитъ себѣ тихо, прислонившись къ сторонкѣ, да пѣсни слушаетъ. Любилъ онъ въ ясную ночь долго на небо смотрѣть, будто тамъ искалъ чего между звѣздами. Или когда лошадей пасетъ, мышку поймаешь, жучка какого-нибудь или мотыль-

ка, возьметъ его осторожно въ руки,—ужь любитъся онъ имъ, любитъся! Смотритъ уже на него, смотритъ!—и пустить. А потомъ и задумается... Очень задумчивъ былъ Игнатъ. Только чрезъ это самое былъ онъ на работу не скоръ и дѣлалъ упушенія; но послѣ онъ всегда винился. И ходилъ Игнатъ всегда тихо, наклонивши голову, и все будто искалъ чего.

Другіе его за такой характеръ прямо называли дуракомъ. А жилъ онъ одно лѣто въ пастухахъ у попа, такъ попъ сказалъ про него: «Вы не смотрите на то, что мой Игнатъ такой, онъ умница у меня: пустой волосъ деретъ голову до неба, а полный клонить до земли».

Не довелось Игнату долго пожить съ женою. Взяли его въ солдаты и погнали на прусскую границу. Говорить, не было на то закона брать его въ солдаты, да въ волости по книгамъ такъ напутали и взяли его. А кому слѣдовало идти на его мѣсто, тотъ остался дома.

Затревожилась Настя. Пошла въ волостное правленіе, стала говорить старшинѣ, что не по правилу взяли Игната, да не захотѣлъ онъ ее слушать: не мое, говорить, дѣло, иди куда знаешь. А Настя была тогда еще молодая, мало понимала людей и никакихъ порядковъ не знала. Вздыхала она и къ исправнику, и къ члену,—да не умѣла порядкомъ растолковать про свое дѣло, и чрезъ это ничего не вышло. Хотѣла она дойти до самого губернатора, да, бѣда, не знала куда и какъ податься, да и денегъ не было на расходы. А Игнатъ ни слова: что хочъ съ нимъ дѣлай, не любилъ онъ за себя постоять... Такъ дѣло и осталось.

II.

Только что погнали Игната на службу, не прошло и недѣли, какъ умеръ Настинъ отецъ. Осталась Настя одна съ матерью.

Черезъ полгода послѣ смерти Настина отца весною староста созвалъ сельскій сходъ и велѣлъ придти на сходъ Настѣ. На сходѣ шла рѣчь про неплательщиковъ и недоимщиковъ. Дошла очередь до Насти. И стали говорить на сходѣ о томъ, чтобы отобрать у Насти отцовскій надѣлъ: «Зачѣмъ, говорятъ, не заплатила къ сроку податей? За тебя теперь, говорятъ, общество должно платить. Значить, надѣлъ на будущій годъ мы отдадимъ тому, кто будетъ подати платить исправно».

Слушаетъ Настя, что говорятъ на сходѣ, а у самой ноги подкашиваются, слезы на глазахъ выступаютъ. «Теперь хоть по міру иди, какъ отберутъ надѣлъ», подумала она. Вышла напередъ, стала передъ старостою и начала просить:

— Смилюйтесь, господа общество! Нехай надѣлъ за нами остаётся... Я буду платить исправно. Какъ не заплачу до Филипповки, тогда отбирайте.

Смиловалось общество, оставило надѣлъ за Настей. И дали ей такой приказъ, чтобы къ осени вся недоимка была уплачена. Позволили ей сѣять яровое.

Посѣяла Настя яровое и думаетъ: какъ раздобыть денегъ на уплату недоимки?... Не долго она думала. Вокругъ села по всему уѣзду много сахарныхъ заводовъ. А въ полѣ, куда ни глянь, посѣяны бураки сахарные для этихъ заводовъ. И много народу работаетъ на бурачныхъ плантаціяхъ съ весны до поздней осени. Настя тоже часто здѣсь работала, а теперь она стала еще усерднѣй ходить на бураки полоть. Ни одного дня не пропускала. Ходила до Троицы, ходила послѣ Троицы. Всю Петровку ходила. Была тяжела послѣдній мѣсяцъ и трудно становилось полоть, наклонившись весь день, а она все работала.

Въ жнива, какъ убирала свое жито, ей Богъ сыночка далъ. Весь въ отца: и обличьемъ, и крѣпкій такой, и тихонькій, и глаза его—голубые.

Съ родовъ Настя немного приболѣла. Ничего, оправилась. Убрала жнива, свезла хлѣбъ на токъ.

Черезъ недѣлю послѣ Успенья начали копать бураки. И опять стала ходить Настя на работу. Возьметъ ребенка и идетъ. Нажуетъ хлѣба, завяжетъ въ чистенькую тряпочку, заткнетъ ему бѣдненькому ротикъ. «Соси», скажетъ, а сама работаетъ... Пошли дожди, холода. До заморозковъ копали—и все съ собою ребенка брала Настя. И дождемъ его мочило, и холодомъ, бывало, такъ проберетъ, что поси-нѣетъ весь...

Заболѣлъ ребенокъ. Думала Настя перестать ходить на бураки, да рассчитала—денегъ мало заработала. А тутъ какъ разъ пошли бураки большіе, заработки хорошіе, по рублю въ день и больше зарабатывали: копали отъ берковца.

Ходитъ Настя дальше. А ребенка нельзя оставить дома, надо кормить грудью. Таскаетъ она его за собою... Стало ребенку хуже еще, на себя сдѣлался не похожъ, однѣ кости да кожа остались. Три недѣли проболѣлъ и померъ, да хоть бы дома, а то въ полѣ, на буракахъ...

Покончили конку бураковъ и роздали подарки. У насъ уже такъ заведено, что въ каждой экономіи послѣ копки и послѣ полки бураковъ раздадутъ рабочимъ подарки, чтобы привлекать къ себѣ народъ.

Даютъ больше дешевые ситцевые платки, сережки... Кто послѣдніе дни не былъ на работѣ, тому нѣтъ и подарка.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье велѣли приходить деньги получать. Настало это самое воскресенье. Пообѣдала Настя съ матерью, вынула изъ сундука ярыжки, — цѣлое лѣто нарочно не получала денегъ, чтобы сразу всё получить, — и стала считать. Вышло на 45 рублей.

Получила Настя деньги, заплатила недоимку и еще осталось сколько-то рублей.

И дала она себѣ зарокъ не запускать недоимки и держать надѣлъ за собою, пока мужъ вернется изъ солдатъ. «Дитяти родного не пожалѣла, — говорила она, — такъ своихъ трудовъ нечего жалѣть. Теперь руки опростались».

Каждое лѣто Настя ходила на бураги съ весны до поздней осени. Исправно платила она подати и хватало денегъ на соль, на керосинъ и подчасъ на таранъ въ постные дни. Еще понемногу и откладывала.

Забрала она себѣ въ голову такую думку, чтобы непременно выкупить отцовскій надѣлъ: тогда никто не посмѣетъ отобрать его, хоть и нужда какая случится и податей нечѣмъ будетъ заплатить. Для этого она и деньги откладывала.

III.

Прошло четыре года. На пятомъ году пришелъ изъ солдатъ Игнатъ. Какъ онъ тамъ служилъ, Богъ его знаетъ. Только пришелъ грамотнымъ, а изъ дому уходилъ, не умѣлъ ни читать, ни писать.

Какъ пришелъ Игнатъ домой, извѣстное дѣло, всё рады, гости къ нимъ собрались. А на другой день показала Настя мужу деньги. Было всёхъ 50 рублей. И говорятъ:

— Этихъ денегъ никуда ни копейки... Такъ и знай! Будемъ собирать, выкупимъ надѣлъ.

Сказали они про это старухѣ. Стали совѣтоваться. Игнатъ говорить:

— Не надо выкупать, и такъ, Богъ дастъ, управимся.

А старуха:

— Про меня, какъ знаете: мой вѣкъ короткій. Думайте, какъ про себя лучше.

Настя стояла на своемъ: выкупить землю, да и только.

— Если, говорить, не выкупить, такъ еще Богъ знаетъ, что

будетъ дальше. Пока мать жива, земля будетъ наша, а какъ мать помереть, то, гляди, и отберутъ. Развѣ не отбирали у другихъ? Они не посмотрятъ на то, что это надѣлъ моего отца. «Хоть ты, скажутъ, и дочь его, зато ты теперь замужешь, мужъ тебя и долженъ кормить». Какъ же, прокормить безъ земли! «А надѣлъ, скажутъ, подай сюда». Еще и съ усадьбы, пожалуй, стонать. Кто богатъ, тотъ у нихъ и правъ... Теперь много охотниковъ до чужихъ надѣловъ. А мы тогда живи, какъ знаешь... Нѣтъ, лучше выкупить.

Судили, рядили и порѣшили сообща: какъ Богъ поможетъ, то выкупить землю.

Еще больше теперь стала работать Настя. Мужъ не отставалъ отъ нея. Купили двѣ лошади. Игнатъ двумя подводами сталъ возить бураки съ поля на заводъ, а зимою возилъ на заводъ уголь со станціи: въ нашей мѣстности заводы углемъ отапливаются (землянымъ), потому что лѣса всѣ уже извели, а уголь по чугункѣ идетъ съ Дону и изъ-за границы и станція близко... Хорошо зарабатывали Сущенки.

Такъ прошло еще года два, три, а можетъ и пять лѣтъ. Хозяйство Сущенки вели небольшое, да въ исправности. И денегъ собрали они ровно двѣсти рублей. И рассчитали они, что теперь денегъ хватитъ на выкупъ земли.

IV.

Прошла осень. Прошла зима. Настала весна. Управились Сущенки съ полевыми работами, объѣялись и стали совѣтоваться между собою, какъ начать имъ это дѣло—выкупать землю. Сами они люди темные, ничего не знаютъ по этой части. И порѣшили спросить совѣта у волостного писаря. А писарь былъ имъ сродни: Настина двоюродная сестра, а старухина племянница, за нимъ замужемъ была.

Дѣло было въ воскресенье. Собирается Игнатъ въ церковь. Настя и говорить ему:

— Будешь идти изъ церкви, такъ зайдѣ къ писарю, да спроси хорошенько, какъ это дѣло вести.

А старуха и себѣ говорить:

— Только ты, смотри, при всѣхъ не спрашивай. Еще огласка пойдетъ. Не хорошо. А спроси такъ, чтобы никто не слышалъ.

— Ладно,—сказалъ Игнатъ и пошелъ въ церковь.

Отстоялъ онъ обѣдню. Идучи изъ церкви, зашелъ къ писарю.

Сказалъ—въ чемъ дѣло. Писарь сейчасъ велѣлъ самоваръ подать, водки.

— Такъ посовѣтуйте, Антонъ Петровичъ, какъ намъ дѣло начать,—сказалъ Игнатъ.

А писарь и говоритъ ему:

— Ежели хочешь, я для тебя все самъ сдѣлаю и ничего не возьму за хлопоты. Ты только принеси мнѣ деньги, а я самъ отвезу, отдамъ въ казначейство, завтра все равно въ городъ ѣхать... А тебѣ я привезу квитанцію. Еще и данную вытребую.

Напоилъ писарь Игната чаемъ. Водки Игнатъ не захотѣлъ пить. Послалъ писарь за церковнымъ. Выпилъ Игнатъ церковнаго рюмку-другую и пошелъ домой. Приходить, рассказываетъ все, какъ было. Жена рада и мать рада. «Намъ, говорятъ, Богъ счастье посылаетъ. Другіе по полсотни тратятъ на хлопоты, пока выкупятъ. Хорошо, говорятъ, что писарь въ родствѣ съ нами».

Сѣли они за столъ, пообедали. Подумали. И говоритъ Настя:

— Можетъ, я и напрасно грѣшу, только у меня опаска есть... Страшно довѣрять деньги Антону,—стало быть, писарю.

— Чего страшно?—сказала старуха.—Если человѣкъ берется, такъ нехай Богъ помогаетъ... Будь онъ чужой—такъ, а то свой... Чего страшно! Отдавайте, нехай хлопочетъ. Онъ нашего не возьметъ!

Хотѣла тутъ Настя сказать про писаря, какой онъ нечистый былъ на руку, да побоялась грѣшить. Думаетъ: то чужіе, а мы-таки свои, онъ не схочетъ нашего.

А у Игната и совѣмъ насчетъ этого опаски не было, онъ зла въ человѣкѣ не понимаетъ. Думаетъ, какъ самъ не кривить душою, такъ и всѣ такіе. Совѣмъ, какъ ребенокъ малый.

Пошла Настя въ камору, вынесла деньги, ровно двѣсти рублей и отдала Игнату. А на выкупъ надѣла нужно было сто семьдесятъ или сто восемьдесятъ рублей. Такъ и писарь сказалъ Игнату.

Взялъ Игнатъ деньги и пошелъ къ писарю. Засталъ онъ у писаря чужого человѣка. Подождаль нарочно, пока человѣкъ ушелъ, и отдалъ писарю деньги съ глазу па-глазъ.

У.

На другой день, въ понедѣльникъ, точно писарь поѣхалъ съ старшиною въ городъ. Только черезъ день старшина вернулся одинъ, а писарь остался въ городѣ. Въ среду ходилъ Игнатъ справляться, не пріѣхалъ ли онъ. Жена писарева сказала, что нѣтъ. А Игнатъ подумалъ: «Должно, хлопочетъ насчетъ выкупа». Такъ они и дома

порѣшили съ женою и матерью, что хлопочетъ. Пошла Настя къ писарю въ четвергъ, а его все нѣтъ. Стали тревожиться, какъ бы деньги не пропали. Пошла въ пятницу утромъ, — тоже нѣтъ писаря. Что дѣлать? Пропали деньги! Стали Сущевки толковать и сякъ и такъ. Да было бы лучше не давать денегъ, да се, да то. Стали винить одинъ другого.

Заговорили и въ волости, и по селу, что писарь гдѣ-то пропалъ. Боли вотъ вечеромъ въ субботу является. На немъ лица нѣтъ, блѣдный такой... Гдѣ онъ былъ? Что дѣлалъ? Богъ его знаетъ. Только это не въ первый уже разъ съ нимъ: любилъ онъ погулять.

Въ воскресенье утромъ пошла къ нему Настя сама. Писарь пилъ чай. Пьетъ, на Настю не смотритъ, точно укралъ что.

— Ну, что-жъ вы, Антонъ Петровичъ, долго такъ не прѣзжали? — спрашиваетъ Настя.

— Такъ, — говорить, — дѣла были.

А на Настю не взглянуть.

Стукало у нея сердце.

— А деньги отдали? — спрашиваетъ она.

— Отдалъ, — процѣдилъ писарь сквозь зубы.

— А квитанцію привезли?

— Привезъ.

Отлегло у Насти отъ сердца. Постояла она молча. Потомъ спрашиваетъ:

— А сдачу привезли?

— Какую?

— А вы-жъ сами говорили Игнату, что надо только сто семьдесятъ рублей.

— Мало что я говорилъ. Еще пять своихъ приплатилъ.

И показалось Настѣ, что писарь говоритъ неправду. Но пересилила она себя и сказала:

— Да спасибо вамъ... Мы вашего не схотимъ... Оно-жъ по квитанціи тамъ видно, сколько заплачено?

— Видно, — нехотя проговорилъ писарь.

Постояла Настя еще и говорить:

— Давайте-жъ квитанцію, такъ я пойду.

— Для чего она тебѣ?

— Гм... какъ для чего? Мужу покажу, матери.

Ничего не говоритъ писарь.

— Такъ давайте ужъ, ждать некогда.

— Чего ты пристаешь ко мнѣ? Я у тебя денегъ не бралъ. Дѣла съ тобою не имѣю.

— Такъ что-жь, что у меня не брали? У мужа брали.

— Ну, нехай онъ и прійдетъ, ему и отдамъ.

Пришла Настя домой, рассказала все мужу и матери и сейчасъ послали Игната къ писарю. Приходить онъ къ нему на квартиру. Сказали, что ушелъ въ волость. Игнатъ туда.

Онъ засталъ въ волости много людей, старшину и писаря. И сталъ онъ ждать, пока старшина покончитъ дѣла съ людьми и уйдетъ домой: онъ всегда раньше уходитъ домой, а писарь еще долго послѣ того сидитъ въ волости и пишетъ.

Когда и люди, и старшина ушли домой, Игнатъ и говоритъ писарю съ глаза на-глазъ:

— Что-жь, Антонъ Петровичъ, справили наше дѣло? Давайте квитанцію. Бабы меня прислали: принеси, говорятъ; значить, вѣрнѣе, какъ въ рукахъ... Посмотрѣть хотять.

Писарь порылся въ карманахъ и говоритъ:

— Нѣту здѣсь квитанціи, дома забылъ, въ другомъ пиджакѣ... Да ты, говоритъ, не безпокойся. Это дѣло вѣрное: деньги я отдалъ, квитанцію получилъ и уже написалъ въ Харьковъ, чтобы выслали данную... Теперь жди, пока прійдетъ данная. Вотъ то тебѣ и будетъ настоящій документъ. А эта квитанція, что я привезъ, совсѣмъ безъ послѣдствія, ее хоть брось.

Пошелъ Игнатъ домой, рассказалъ все женѣ, матери. Посовѣтовались между собою, подумали и такъ, и иначе. Настя долго сидѣла молча на лавкѣ возлѣ стола и слегка покачивала головою; потомъ и говоритъ:

— Какъ подумаю я, такъ это дѣло надо вести хн...ятро! Если онъ прикрылъ грѣши, то надобно такъ подвести, чтобы онъ при людяхъ сознался, что взялъ. А то теперь никто не знаетъ: не побоятся грѣха, такъ и пропадутъ... Ты, Игнатъ, не сумѣешь этого сдѣлать, ты очень простъ. А тутъ надо не зѣвать, да не зѣвать!... Пойду завтра я сама.

VI.

На другой день опять пошла Настя къ писарю, прямо въ волостное правленіе. Народу было въ волости человекъ пять. Старшина важно ходитъ по комнатѣ. Писарь съ писаренкомъ сидитъ за столомъ лицомъ къ двери и пишетъ. Настя поздоровалась и говоритъ громко, чтобы всѣ слышали:

— Я къ вамъ, Антонъ Петровичъ.

Молчитъ писарь, какъ воды въ ротъ набралъ.

— А что тебѣ?—спрашиваетъ старшина.

— Да это я къ Антону Петровичу за квитанціею.

— За какою квитанціею?—спрашиваетъ старшина.

Писарю, видно, не понравился такой разговоръ при людяхъ. И говорить онъ тихо старшинѣ.

— Это насчетъ выкупа... Землю выкупають.

А потомъ Настя говоритъ:

— Я сказалъ уже Игнату, что квитанція дома... Съ этимъ дѣломъ приходи домой: оно до волости не касается.

— А сдачи нѣтъ? всѣ двѣсти рублей отдали?

— Всѣ.

И писарь принялся писать.

Настя постояла немного и говоритъ старшинѣ и людямъ:

— Да знаете, Данило Петровичъ (старшину такъ звали), тутъ, по правдѣ сказать, дѣло такое. Загадали мы надѣлъ отцовскій выкупить, насобирали и денегъ, да сами, извѣстно, люди темные, не знаемъ, куда намъ податься. Такъ просили мы Антона Петровича, чтобы похлопотали. Отдали мы имъ деньги, двѣсти рублей, въ понедѣльникъ на прошлой недѣлѣ, какъ ѣхали они съ вами въ городъ, чтобы въ казначейство сдали. Теперь пришла за квитанціею. Да вотъ Антонъ Петровичъ говоритъ, дома осталась. Ну, это ничего, въ другой разъ получимъ... Спасибо вамъ, Антонъ Петровичъ. Такъ съ всѣ двѣсти рублей отдали въ казначейство? И квитанцію на всѣ получили?

— Да говорю-жъ, что получилъ. Не бойся, отдамъ,—съ досадою проговорилъ писарь.

— Чего тамъ бояться?—сказала Настя.—Я не боюсь. То мать, знаете, женщина старая, гонить меня: пойдѣ, да пойдѣ, а то деньги пропадутъ. Было уже и мнѣ, было и Игнату: зачѣмъ отдали деньги? Она думаетъ, только-то и деньги, что въ рукахъ... Не бойтесь, говорю, не пропадутъ. Коли отданы, говорю, въ казначейство, такъ квитанція будетъ, а нѣтъ, такъ человѣкъ нашего не схочетъ, деньги назадъ отдать... А то, Антонъ Петровичъ, можете вы тогда не упрямились отдать, да въ другой разъ хотите? Такъ теперь вы не трудитесь, мы и сами пойдѣмъ въ городъ. Только деньги воротите.

— Говорю, отдамъ. Стану я обманывать!

— Ну, спасибо вамъ. Такъ я за квитанціею завтра приду. Прощайте.

Пришла Настя домой, рассказала все, что говорилъ писарь и какіе при этомъ люди были. Вебѣла Игнату записать всѣхъ свидѣтелей. И стали совѣтоваться они промежъ собою и долго разгадывали, какъ

искать теперь свои деньги. То кажется имъ, что писарь прямо всё двѣсти рублей прикарманилъ; то подумается и такъ, что прогулялъ онъ ихъ до конейки въ городѣ, или обобрали его гдѣ въ нехорошемъ мѣстѣ пьянымъ: не даромъ, молъ, цѣлую недѣлю пропадалъ и вернулся такой помятый и на себя непохожій. И вѣрно всёми имъ стало жаль, что пропали трудовыя денежки.

УП.

Игнату казалось, что онъ одинъ во всемъ виноватъ. Теперь онъ сдѣлался еще молчаливѣе, чѣмъ прежде, и еще ниже клонилъ свою голову. Ему было очень тяжело, но не потому, чтобы онъ жалѣлъ денегъ: деньгами онъ совсѣмъ не интересовался; но онъ жалѣлъ жену и мать и досадовалъ на себя за то, что чрезъ него многолѣтніе труды ихъ пропали даромъ. Онъ утѣшалъ себя только думкой, что, можетъ быть, писарь сдалъ деньги въ казначейство, а квитанцію либо потерялъ, либо завтра отдастъ.

Собрался Игнатъ съ духомъ, сказалъ о своей думкѣ женѣ и старухѣ. Побалакали они немного и положили на томъ, что надо это дѣло хорошо разузнать, а тогда уже видно будетъ, что дальше дѣлать.

На другой день опять пошла Настя въ волость, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Игнатовъ. Писарь сидѣлъ за столомъ и писалъ, старшина ходилъ по комнатѣ.

Поздоровались.

— Ну, вотъ, Антонъ Петровичъ, мы теперь вдвоемъ пришли, — говорить Настя писарю: — Нашли квитанцію?

Писарь пересталъ писать, положилъ перо на столъ и смотреть на Настю, усмѣхается. Видитъ Настя, человѣкъ на себя будто сталъ похожъ, смотреть весело, прямо ей въ глаза, — и такъ хорошо ей сдѣлалось, думаетъ: «вотъ сейчасъ отдастъ деньги, либо квитанцію». А писарь и говорить ей будто въ шутку:

— Твои деньги пропали, было бы не давать, — а самъ все усмѣхается.

— Чего тамъ пропали?... Богъ миловалъ, еще не пропадали ни за кѣмъ... Вы такіе же люди, — сказала Настя.

— Нѣтъ, не шутя: искалъ я, искалъ вашу квитанцію по всѣмъ карманамъ, нигдѣ не нашелъ, видно, вытрусилъ *) гдѣ.

*) Выронилъ.

Затревожилась Настя опять.

— Да какъ же теперь?

— Да такъ, жди, пока данная придетъ.

— А скоро она придетъ?

— Да такъ, должно, черезъ мѣсяцъ.

Настя подумала немного.

— Ну, хорошо,—говорить,—только вы, Антонъ Петровичъ, выдайте расписку.

— Какую, зачѣмъ?

— Значить, вы распишитесь, что деньги взяли.

— Вотъ тебѣ и разъ!—сказалъ писарь.—Зачѣмъ же вы мнѣ и деньги довѣряли, коли теперь расписку требуете? Вы сами просили меня похлопотать. Я уважилъ для васъ, а теперь расписку.

— За хлопоты, стало быть, вамъ большое спасибо, Антонъ Петровичъ,—говорить ему Игнатъ,—только расписку, примѣрно, слѣдуетъ.

— Якъ же намъ вертаться до дому,—сказала Настя, коли насъ мать поѣдомъ ѣсть: зачѣмъ гроши отдали? Нѣтъ, вы уже, пожалуйста, Антонъ Петровичъ, распишитесь: треба показать старухѣ.

Пока шелъ этотъ разговоръ, старшина внимательно слушалъ, попеременно переводилъ глаза то на писаря, то на Настю и все твердилъ тихо про себя: «ага... ага»... и закусывалъ губу. Видно, сладкія мысли приходили ему въ голову, онъ что-то хотѣлъ сказать, да сдерживался. Потомъ не стерпѣвъ, усмѣхнулся и говорить писарю:

— Ага, Антонъ Петровичъ, попался, братъ.

Сказалъ это старшина и смотритъ писарю прямо въ глаза, хочеть узнать, что у него на душѣ. Писарь сконфузился, пожалъ плечами и говорить:

— Какъ тамъ попался? Говорите, что знаете—и слегка махнулъ рукою.

Старшина пристально посмотрѣлъ на него, опять усмѣхнулся и сказалъ:

— Это я пошутилъ.

Потомъ повернулся къ Настѣ и говорить:

— Не бойся, баба, твои гроши не пропадутъ: онъ у меня не столько бралъ, да и цѣлы были. Бывало, насобираешь податей тысячи двѣ, самому везти не хочется или некогда отлучиться. «На, Антонъ Петровичъ, отвези въ казначейство». И отвезетъ, и квитанцію привезетъ. А что онъ потерялъ вашу квитанцію, такъ я этому вѣрю: съ нимъ это бываетъ.

Говорить это старшина, а у самого глаза смѣются и все посмат-

риваетъ то на писаря, то на Настю. И не пойметъ Настя, правду ли говорить онъ, или шутить, подсмѣивается надъ нею. И сказала она старшинѣ:

— А вы, Данило Петровичъ, поручитесь за Антона Петровича, тогда и расписки не надо.

— Хм... какъ я тебѣ поручусь за другого человѣка? Развѣ я знаю, что онъ въ мысляхъ держать? Это я примѣрно говорю, что деньги за нимъ не должны пропасть: онъ не по столько возилъ. Хотя бы и потратилъ онъ ихъ, — мало ли какой случай бываетъ съ человекомъ? — такъ съ него можно и получить: его деньги постоянно лежатъ за волостью, рублей сто или двѣсти. Вотъ онъ сейчасъ третій мѣсяцъ жалованья не получаетъ. Разсчитай-ка сколько это выйдетъ, когда ему полагается въ годъ 450 рублей!

— Это точно, правда, что четыреста пятьдесятъ рублей, — говоритъ Игнатъ: — стало-быть, мы сами на сходѣ эту цѣну назначали... Потому, стало-быть, съ нихъ можно получить... Такъ вы уже, пожалуйста, не оставьте насъ.

Настя тоже стала просить старшину:

— Вы уже, Данило Петровичъ, пожалуйста, похлопочите. Знаете, мы не какіе-нибудь богачи, что тысячи у нихъ есть, а мы, вотъ Богъ свидѣтель, послѣдніе двѣсти рублей отдали. Только и было — двѣсти рублей, какъ двѣ капли воды.

Настя заплакала и отвернулась. Замѣтилъ это старшина и говорить:

— Не плачь, молодежи, не плачь, твои грѣши не пропадутъ.

Люди, которые тутъ были, тоже стали успокаивать ее:

— Дѣло такое — не пропадутъ, не съ него получишь, такъ съ волости.

Подумала Настя немного, утерла глаза, оправилась и говорить:

— Хотя бы намъ какую-нибудь бума-жечку, чтобы матери показать... Пускай Антонъ Петровичъ расписутся. Что имъ это стоитъ?

Молчить писарь, ни слова. А старшина за него заступается, осерчалъ даже, кричитъ на Настю:

— Что-жъ ты, и мнѣ не вѣришь? Пускай ему, а то и мнѣ? Значить, ты умнѣй другихъ?... Я тебѣ сказалъ, что деньги не пропадутъ, — ну и довольно съ тебя, и ступай себѣ домой!... Пришла сюда разговаривать, старшину учить!

— Богъ съ вами, — говоритъ Настя, — мы васъ учить не можемъ. Я честью прошу, а какъ не хотите, такъ я и къ земскому начальнику: свидѣтели есть...

Сказала это Настя и вышла. Игнатъ пошелъ вслѣдъ за нею.

Глянулъ старшина на писаря. Посмотрѣлъ и писарь на старшину и говорить:

— Пускай она вернется.

— Заверни ее,—сказалъ старшина сотскому.—Она, дура, только себѣ хуже надѣлаетъ: станетъ ѣздить да затрачиваться...

Выбѣжалъ сотскій. Вернулась Настя. Говорить ей старшина:

— Ты, молодежи, видно, еще нигдѣ не была, мало свѣта видѣла. Такъ слушайся ты побольше другихъ людей, а не затѣвай чортъ знаетъ чего. И себя не страми, и ему пакости не дѣлай. Да и мнѣ, ты думаешь, пріятно, какъ вы одинъ на одного, то въ судѣ, то въ волость?... Станешь ѣздить, только себѣ хуже сдѣлаешь, послѣднія деньги затратишь, да еще и не выѣдишь ничего... А вотъ я самъ скоро буду въ городѣ, такъ и справлюсь въ казначействѣ, коли тебѣ такъ хочется. А ты поѣдешь—куда ты тамъ потянешься, кого спросишь?... Только расходы лишніе!

— Спасибо вамъ, Данило Петровичъ, за наставленіе.

— Да мнѣ твоего спасибо не надо. Я все равно буду по своему дѣлу въ казначействѣ, такъ у меня языкъ не отсохнетъ спросить, отдашь ли такой-то деньги за вашу землю... Мнѣ хоть онъ, Антонъ Петровичъ, не братъ, хоть ты. Ты еще мнѣ родиѣ, чѣмъ онъ... Я на то присягалъ, чтобы за васъ стоять, потому я тебѣ и совѣтую. А тамъ, какъ знаешь, твоя воля. Только не послушаешься моего совѣта, сама послѣ жалѣть будешь.

— Вамъ лучше видно,—говорить Настя:—мы люди темные.—А про себя думаетъ: «хорошо ты говоришь, да какъ же, послушалась я тебя. Мошенникъ за мошенника и стоять».

Потомъ Игнатъ спрашиваетъ:

— А когда вы, примѣрно, будете въ городѣ, чтобы, стало-быть, о нашемъ дѣлѣ справиться?

— Да тутъ не долго подождать, на той недѣлѣ, во вторникъ мнѣ ѣхать надо.

— Такъ вы уже, пожалуйста, Данило Петровичъ, похлопочите,—сказала Настя.

— А то какъ же, я справлюсь... Только я и напередъ вамъ говорю, что ваши гроши не пропадутъ. Ему не вѣрите, такъ мнѣ повѣрьте... Идите себѣ да не беспокойтесь. Такъ и матери своей скажите, нехай не тужить понапрасну.

VIII.

Въ воскресенье встала Настя рано по утру, наварила обѣдать, посажала хлѣбъ въ печь. Потомъ наскоро помыла головы дѣтямъ

(у нея родилось двое дѣтей послѣ возвращенія мужа изъ солдатъ), надѣла на дѣтей чистыя рубашки, попросила старуху-мать догля-дѣть хлѣбъ въ печи, а сама пошла въ церковь къ обѣднѣ. Игнатъ еще раньше пошелъ къ утрени.

Отошла обѣдня. Народъ выходитъ изъ церкви. Остановилась Настя возлѣ выхода, прислонившись къ стѣнѣ и смотреть. Вотъ и старшина идетъ изъ переднихъ рядовъ, за нимъ писарь. Посторонилась Настя, чтобы не замѣтили ея. Прошли старшина съ писаремъ. Вслѣдъ за ними шелъ мимо Настя Игнатъ. Дернула Настя его за рукавъ, кивнула головою напередъ къ старшинѣ и писарю.

— Бачышь? *)—спросила она.

— Бачу, — тихо проговорилъ Игнатъ.

Настя съ Игнатомъ вмѣстѣ вышли за ограду. Смотрятъ, впереди писарь и старшина идутъ рядомъ, повернули оба въ одну сторону, гдѣ живетъ писарь. Смотрятъ дальше. Такъ и есть: старшина пошелъ къ писарю въ квартиру.

Что за оказія? — думаютъ. Всегда спорили они промежъ собою, старшина даже постоянно искалъ себѣ новаго писаря, по нраву; а теперь, видно, поладили. Плохо дѣло, коли писарь мотыга, плаутъ и старшина мотъ заодно съ нимъ: тогда прямо житья нѣтъ людямъ.

Затревожились Настя съ Игнатомъ: теперь, думаютъ, труднѣе деньги воротить, чѣмъ было прежде. Пришли они домой, матери ничего не говорятъ: не весело было имъ обоимъ.

Послѣ обѣда Настя одѣлась и говоритъ:

— Пойду я на часокъ къ Настасѣ Ивановнѣ, разпрошу ее кой о чемъ.

А Настасья Ивановна была вдова умершаго дьячка; у нея квартировалъ писарь. И поняла старуха, и Игнатъ понялъ, зачѣмъ идетъ Настя, и не стали ее спрашивать и удерживать.

Пришла Настя домой, уже солнце заходило, запыхалась, блѣдная. И стала она рассказывать матери и мужу:

— Была я у Настасьи Ивановны. На писареву половину я не ходила, только Настасья Ивановна сказала, что Антона дома нѣтъ. Они, говорятъ, долго сидѣли вмѣстѣ съ старшиною, чай пили, водку; для старшины за церковнымъ посылаеъ—онъ водки не пьетъ. Потомъ пообѣдали, долго балакали о чемъ-то тихо, такъ что Настасья Ивановна ничего не слышала сквозъ дверь... И такіе друзья, говорятъ, стали, такіе пріятели! Значить, теперь помирились... Потомъ вмѣстѣ

*) Вѣдѣшь?

пошли къ старшинѣ и Надежду (стало-быть, писарку) взяли съ собою... Вотъ такъ сдружились—сказала Настя и задумалась.

Вечерѣло. Прибѣжали съ поля свиньи. Настя кинулась помои выносить. Вслѣдъ за ними пришли овечки. Настя вышла за ворота загонять во дворъ своихъ. Парнишка привелъ лошадей (у Игната былъ пастухъ такой, лѣтъ тринадцати, сирота, безъ отца, одна мать у него была). Вышелъ Игнатъ, напоилъ лошадей, повязалъ. Подоила Настя корову, процѣдила молоко, налила въ миску, накрошила хлѣба. Сѣли за столъ. Поужинали. Потомъ Игнатъ повелъ лошадей въ поле на ночлегъ, а бабы съ дѣтьми легли спать.

Лежать онѣ, не спать и обѣ думаютъ про одно...

Въ среду вернулся изъ города старшина.

Опять идетъ Настя въ волость. Застаетъ и писаря, и старшину. Люди тоже были. Здороваются Настя. Молчатъ старшина, по своей привычкѣ, надулся и ходитъ по комнатѣ. Писарь сидитъ за столомъ лицомъ къ дверямъ, и пишетъ. Стала Настя спрашивать:

— Слышали мы, Данило Петровичъ, что вы ѣздили въ городъ. Справились ли вы о нашихъ деньгахъ?

Помолчалъ старшина немного, а потомъ и говоритъ сердито, не глядя на Настю:

— Умные вы очень: просите человѣка похлопотать, а потомъ еще на него и пеняете.

И опять замолчалъ, ходитъ по комнатѣ, заложивши руки назадъ. А писарь пишетъ себѣ и духъ притаилъ. Настя постояла немного и спрашиваетъ старшину:

— Такъ какъ же, Данило Петровичъ, отданы гроши въ казначейство или нѣтъ? Что вамъ сказали тамъ?

— А то сказали, что и тебѣ сказано. Развѣ ты забыла уже, что тебѣ говорилъ Антонъ Петровичъ? Миѣ сказали, что гроши получены и въ книгу записаны, и квитанція выдана за номеромъ, настоящая.

— Якъ выдана квитанція, такъ вона должна быть, а ея нема,—сказала Настя.

Старшина засмѣялся и говоритъ:

— Ну, спрашивай съ него: можетъ, ему твоя квитанція и нужна, подавиться хочетъ ею!

Люди тоже стали смѣяться, чтобы угодить старшинѣ. Подумала Настя и опять говоритъ:

— Може, то не наши грѣши отданы. Тамъ же не смотрѣли при васъ въ книгу? Не записано, что за нашу землю?

Старшина опять усмѣхнулся.

— Чего тамъ имъ въ книгу смотрѣть? Хиза вони не знаютъ

Ульяновскаго писаря? Не возилъ же онъ туда своихъ грѣшей: ему нечего выкупать, у него земли нема и никто ему не давалъ грѣшей, кромѣ васъ. Значить, се за вашу землю, потому говорятъ: прїѣзжалъ недавно вашъ писарь, за чью-то землю двѣсти рублей съ чѣмъ-то положилъ... Стало-быть, правда!

Постояла Настя, хотѣла что-то еще сказать, да видитъ, старшина началъ очень сердиться, не даетъ ей и слова выговорить, такъ и забиваетъ ей памороки. Повернулась она уходить. Старшина въ догону ей крикнулъ:

— Данную получишь—оце тоби и буде настоящій документъ. А квитанція хотъ бы и була, такъ зажмурь очи, та закинь ее. На що тоби та квитанція?

Настя остановилась на порогѣ, держится за дверную ручку и говорить:

— Когда-то еще та данная придетъ... А мы не будемъ дожидаться, да завтра съ чоловікомъ поѣдемъ въ городъ: нехай намъ дають изъ казначейства какую-нибудь бумагу.

Писарь положилъ перо и смотритъ на старшину, будто спрашиваетъ его о чемъ глазами. Старшина опять засмѣялся, и смѣхъ у него какой-то дьявольскій. И говоритъ онъ Настѣ:

— Кто? Ты поѣдешь съ чоловікомъ въ городъ?! Тебѣ выдадутъ бумагу изъ казначейства?... Да, какъ же, стануть тамъ разговаривать съ такими! Есть когда имъ! Дура ты! Коли не хочешь слушать, что тебѣ говорятъ, такъ поѣзжай, не вытолкають ли тамъ тебя въ шею... Ты хочешь, чтобы такъ тебѣ данная сейчасъ и пришла сама въ руки, какъ только грѣши заплачены. Люди ждутъ по полгода и больше. А вамъ всего съ мѣсяць треба подождать, потому что за васъ чоловікъ хлопочетъ. Такъ вамъ и то долго!...

Приходитъ Настя домой, рассказываетъ мужу и матери, что говорилъ старшина. Посовѣтовались и порѣшили: мѣсяць подождать—не великое дѣло, а до тѣхъ поръ не надо входить въ расходы.

IX.

Настала полка бураковъ. Настя ходила каждый день на заработки и некогда было ей тосковать по деньгамъ. Старуха сидѣла дома, смотрѣла за дѣтьми, гусятами, цыплятами и понемногу полола огородъ. Для Игната въ это время не было настоящей работы въ полѣ, а была только пустячная домашняя работа: тамъ топоромъ постукаетъ, возъ поправить, тамъ плетень подопреть.

И трудно становилось Игнату, покою ему не давали деньги. Все

ему казалось, что онъ одинъ виноватъ, что довелъ до бѣдности свое семейство. И такъ досадовалъ онъ на самого себя! «Я и растеряха, думаю, я и бездѣльникъ и самый послѣдній дуракъ. Зачѣмъ я деньги отдалъ такому человѣку, семью разорилъ?... Какая польза мнѣ съ меня? Однимъ мнѣ, бабамъ, лучше было бы: я только помѣха мнѣ»...

Больше всего ему тяжело было отъ того, что у него пропала вѣра въ людей. Раньше онъ вѣрилъ, что всѣ люди добры, честны и на нихъ можно положиться. А теперь онъ постоянно твердилъ: «Нема въ свѣтѣ правды, нема!»... И прежде-то онъ былъ очень задумчивъ, а послѣ того, какъ писарь обманулъ его, онъ почти и вовсе пересталъ замѣчать, что вокругъ дѣлается. Ходить и смотреть, а ничего не видить и не слышать, какъ тѣнь. Весь ушелъ въ себя... Ну, а все порою отлегалось немного съ души: нѣтъ-нѣтъ, да и подумается ему, что деньги вернутся — и легко ему тогда становилось. Только тѣмъ и держался онъ, что по временамъ еще вѣрилъ немного...

Прошло такъ съ мѣсяцъ. До смерти уже надоѣло Настѣ ходить въ волость. Однако, дѣлать нечего, надо опять идти. Приходить. Застаетъ одного писаря. И не успѣла еще она ничего сказать ему, какъ онъ самъ сталъ ей говорить:

— Ну, вотъ скоро и данная ваша придетъ: уже намъ въ волость объ этомъ прописали. А вотъ и деньги пришли тебѣ изъ Харькова — два рубля сдачи: стало быть, я посылаю на данную пять рублей, а ихъ надо три, такъ вотъ они два назадъ прислали. На, получи свое.

Обрадовалась Настя, взяла деньги. А потомъ и думаетъ про себя: «Какъ же такъ, писарь раньше говорилъ, что своихъ пять рублей доложилъ, а теперь еще мнѣ сдачу отдаетъ? Стало быть, онъ тогда неправду говорилъ».

Подумала это Настя, а потомъ и спрашиваетъ писаря вслухъ:

— Антонъ Петровичъ, когда же эта данная придетъ?

— Жди: покуда тамъ еще по книгамъ вездѣ заведутъ... У нихъ тоже безъ очереди не дѣлается... Сдачу прислали, значить, скоро придетъ и данная... Да вотъ подождемъ съ недѣльку или двѣ, а потомъ я имъ могу еще написать, повторить, чтобы скорѣе.

— Вы уже, пожалуйста, хлопочите, Антонъ Петровичъ, — говоритъ Настя, — мы вашихъ трудовъ даромъ не схотимъ. Можетъ, вамъ мукъ надо будетъ, все равно, вы покупаете, такъ мы вамъ самой первой — у насъ мука хорошая, чистая, какъ золото... Вотъ и курчата у меня подрастаютъ, я и курчать вамъ... Боже мой! Да чего только вы пожелаете, мы за этимъ не стоимъ!... Потрудитесь уже, Антонъ Петровичъ!

Сказала это Настя и поклонилась, а у самой слезы на глазах выступили.

— Не надо мнѣ вашего ничего, — говорить писарь, — а только вы понапрасну не порочьте меня.

— Боже, Антонъ Петровичъ! Чего только въ глупую голову не придетъ отъ думокъ!... Извиняйте, пожалуйста, не прогнѣвайтесь. Прощайте.

Пошла Настя домой. Разказала все своимъ. Было это дѣло въ субботу. А на другой день, въ воскресенье Сущенки рано пообѣдали, потолковали между собою и порѣшили, что надо послать писарю угощеніе. Настя вынула изъ сундука немного ярлыковъ и пошла на экономію получать деньги: на экономіяхъ выдаютъ деньги по ярлыкамъ каждое воскресенье. Не хотѣлось ей получать деньги по частямъ, она норовила собирать ярлыки цѣлое лѣто, чтобы сразу получить, когда кончатся на буракахъ всѣ работы. Только дома у нихъ не было ни копейки, а ей нужны были деньги сейчасъ. Пришла Настя на экономію, получила два рубля денегъ, дорогою оттуда зашла въ винополюву, купила бутылку водки и принесла домой. Запрягъ Игнатъ лошадь, вечеромъ, когда уже смеркалось, чтобъ мало кто и видѣлъ, свалилъ на возъ мѣшокъ муки, положилъ въ передокъ, въ сѣно, бутылку съ водкою, пару связанныхъ курчатъ и поѣхалъ къ писарю. Писарь былъ дома.

— Здравствуйте, Антонъ Петровичъ, съ добрымъ вечеромъ.

— Здравствуй, — сказалъ писарь, а самъ, должно, подумалъ: «вотъ напасть! Когда я отъ васъ отдѣлаюсь!»

Игнатъ и говорить тихо:

— Тамъ, Антонъ Петровичъ, я привезъ вамъ мучицы и еще бой-что. Такъ укажите, куда снести...

Повеселѣлъ писарь на лицѣ и говорить:

— Такъ бы давно, а не упрекать напрасно.

Взялъ писарь муку, водку, отдалъ жевъ курчатъ. Наговорилъ онъ Игнату, ни къ селу, ни къ городу, всякой всячины, напоилъ его чаемъ и отпустилъ домой.

Х.

Прошло еще недѣли двѣ, а данной все нѣтъ и вѣсти о ней никакой тоже нѣтъ. Опять идетъ Настя въ волостное правленіе, вмѣстѣ съ Игнатовъ. И просить она писаря написать въ Харьковъ, чтобы скорѣе выслали данную. А старшина будто тоже за Настю руку держать.

— Напиши,—говорить,—Антонъ Петровичъ. Напиши ей, коли просить: развѣ тебѣ это что составляетъ? Напиши!—а самъ все по-сматриваетъ какъ-то лукаво на писаря, киваетъ ему.—Развѣ ты не знаешь, какъ писать?

Долго писарь не соглашался, а потомъ уступилъ старшинѣ, написалъ бумагу и подалъ ее Игнату. Игнатъ читаетъ ее вслухъ. Въ этой бумагѣ было написано отъ волостного правленія въ казенную, казись, палату или въ присутствіе, или въ губернское казначейство, что ли, не знаю ужъ навѣрное, что писарь Ульяновской волости, Антонъ Кладченко, такого-то года, такого-то числа внесъ въ уѣздное казначейство 200 рублей на выкупъ Сущенковой земли. И просило правленіе въ бумагѣ той поскорѣе выслать на эту землю данную.

Прочиталъ Игнатъ бумагу, старшина и говоритъ:

— Эту бумагу мы сами отошлемъ въ Харьковъ отъ себя: вѣрнѣе будетъ, потому—за казенною печатью не пропадетъ.

— Это такъ точно,—говорилъ Игнатъ.

— Приложите-же печать,—сказала Настя.

— Сейчасъ мы приложимъ.

И точно, тутъ же при Игнатѣ и при Настѣ приложили казенную синюю печать, писарь расписался, а старшина, неграмотный, приложилъ за себя штемпель.

— Теперь,—говорить Игнатъ,—позвольте посмотрѣть.

Взялъ онъ бумагу, осмотрѣлъ хорошенько писареву подпись, печать, штемпель и показалъ Настѣ. Взяла Настя бумагу и говоритъ:

— Ну, спасибо-жѣ вамъ. Теперь я понесу эту бумажку матери показать, нехай Игнатъ прочитаетъ, чтобы и она слышала.

Она свернула бумажку и положила въ карманъ.

Старшина вдругъ искривился въ лицѣ, видно, ему что-то не понравилось, и сказалъ:

— Такъ пусть старуха сюда придетъ, мы ей и прочитаемъ, а домой нельзя брать.

— Э, нѣтъ, что хотите,—говорить Настя,—а я понесу эту бумажку матери показать. Сюда она не дойдетъ, куда ей, а мы сами ей принесемъ, потомъ вамъ опять отдадимъ.

Переглянулись старшина съ писаремъ. И говоритъ писарь:

— Ну, смотрите, чтобы цѣла была, да непременно сегодня и назадъ принесите: завтра надо съ почтой отослать ее.

— Хорошо, мы доставимъ,—сказали Настя и Игнатъ и ушли домой.

Того же дня вечеромъ послалъ писарь къ Сущенкамъ сотскаго за

бумагою. Не дали ему бумаги. На другой день утромъ опять пришелъ сотскій и повелъ Настю съ Игнатомъ въ волость. Сталъ старшина требовать у нихъ бумагу. Настя сказала:

— Что хотите дѣлайте съ нами, а не дадимъ мы вамъ бумаги: мать не велитъ. Мы сами отошлемъ ее въ Харьковъ.

Ужъ какъ ни бился старшина, какъ ни уговаривалъ, ни стращалъ, а не дали ему бумаги.

XI.

Посоветовавшись съ людьми и съ матерью, Настя и Игнатъ поѣхали въ городъ, чтобы самимъ справиться о своихъ деньгахъ въ казначействѣ.

Вернулись они домой вечеромъ невеселые, молчаливые.

— Чего не рассказываете, какъ тамъ у васъ дѣла? — спросила старуха. — Или вы и до казначейства не доѣхали?

— Доѣхали, — говоритъ Настя. — Насилу нашли. Приходимъ туда, стоимъ. Народъ разный шляется. Съ кѣмъ ни заговоримъ, никто не хочетъ насъ и слушать. Думали было мы съ тѣмъ и домой вернуться, да раздумали: давай подождемъ, можетъ, на насъ кто и оглянется. Долго мы стояли, лупали глазами. Смотришь, подходитъ къ намъ какой-то, должно, членъ, сталъ спрашивать: «Чего стоите?» Разсказали мы ему про свое дѣло. И говоритъ онъ намъ: «Ну, подождите, я посмотрю». А самъ пошелъ въ другую комнату. Долго не было, а потомъ вышелъ и отдалъ намъ вотъ эту бумагу.

Настя показала матери бумажку. Взявъ ее Игнатъ и прочиталъ. А въ ней написано было, что сдѣлана справка и никакихъ денегъ въ этомъ году за Сущенкову землю въ казначейство ни отъ кого не было внесено.

На другой день пошла Настя съ Игнатомъ къ такому человѣку, что пишетъ прошенія, вродѣ адвоката. Въ Ульяновкѣ жилъ этотъ человѣкъ, учителемъ былъ раньше. Хорошій господинъ, всегда за праваго стоялъ и прошенія писалъ даромъ. Написалъ онъ имъ прошеніе къ земскому начальнику и сталъ читать его вслухъ Игнату и Настѣ. А въ прошеніи томъ говорилось, чтобы деньги съ писаря вернуть само по себѣ, а писаря за мошенничество чтобы наказать своимъ порядкомъ и старшину заодно съ нимъ, если окажется виновнымъ по разслѣдованію.

Когда онъ дочиталъ до этого мѣста, Игнатъ и говоритъ:

— Постойте... Какъ же это такъ—наказать? Этого не надо, потому, стало быть, я не могу ему наказанія требовать. Вы ужъ это

зачеркните. Намъ только пусть деньги отдасть, а то Богъ съ нимъ: какъ бы не было хуже отъ этого...

Адвокатъ сталъ горячиться да доказывать, что такого обманщика-писаря непременно надо проучить и старшину проучить надо, чтобы не стоялъ заодно съ мошенникомъ.

— Если,—говорить,—теперь простить имъ, такъ они не одного человѣка по міру пустятъ, не одну еще шкуру сдерутъ. Пусть,—говорить,—они видятъ, что не на дураковъ напали; пускай не думаютъ, что васъ можно обобрать догола и вы будете молчать. Нѣтъ,—говорить,—надо проучить ихъ, чтобы напередъ не повадно было мошенничать. Люди,—говорить,— всю жизнь работаютъ, чтобы доставить кусокъ хлѣба дѣтямъ своимъ и себѣ подъ старость, а они хотятъ все нажитое отнять за одинъ разъ.

Игнатъ и Настя слушали его и съ виду будто соглашались съ нимъ. А когда дошло до дѣла, такъ Игнатъ опять на своемъ стоитъ.

— Зачеркните,—говорить,—то мѣсто, гдѣ про наказаніе говорится, не надо наказанія. Богъ съ ними: не въ нашей это власти—требовать наказанія. Ужъ это они сами тамъ пушай, какъ знаютъ, а намъ лишь бы наше отдалъ. Опять же опасно... какъ бы чего не вышло изъ этого... Еще насъ же виноватыми сдѣлаютъ, засудятъ, пожалуй: они-жъ тамъ знаютъ всѣ ходы по законамъ...

Настя говорила то же самое, что и Игнатъ.

Хоть и не соглашался съ ними адвокатъ, но переписалъ прошеніе, какъ они говорили.

ХІІІ.

Взяли Игнатъ съ Настею прошеніе и пошли домой. На другой день поѣхали они съ этимъ прошеніемъ къ земскому. Явились къ нему въ камеру. Земскій прочиталъ прошеніе и бумагу, которую писарь писалъ въ Харьковъ насчетъ данной, подробно разспросилъ Игната съ Настею и сказалъ:

— Хорошо, я разслѣдую вашу просьбу. Рѣшеніе вамъ объявится послѣ, а теперь можете ѣхать домой.

Стала Настя кланяться, да просить земскаго:

— Ваше высокоблагородіе, не оставьте насъ! Оглянитесь, ваше высокоблагородіе, на нашу бѣдность: у насъ теперь денегъ не осталось ни копейки: намъ не на что нанять такого человѣка, чтобы хлопоталъ за насъ. Какъ вы не вызволите, ваше высокоблагородіе, такъ тогда совсѣмъ пропадутъ нашимъ деньгамъ. Оглянитесь на насъ!

Настя повалилась земскому въ ноги. Онъ сказалъ:

— Это ты, голубушка, оставь: слезы да поклоны твои не нужны мнѣ. Деньги ваши и безъ того не пропадутъ.

Черезъ недѣлю или больше приходитъ въ волость бумага: земскій требуетъ писаря къ себѣ. Поѣхалъ писарь къ земскому и самъ не зналъ, для чего его требуютъ. Сталъ земскій спрашивать его, какія онъ деньги бралъ у Сущенковыхъ и куда ихъ дѣвалъ.

— Никакихъ денегъ я не бралъ,—сказалъ писарь,—а наговорить имъ вольно всего. Знать не знаю ничего. По злобѣ говорить.

Показалъ земскій писарю бумагу, которую тотъ писалъ въ Харьковъ насчетъ данной, и спрашиваетъ его:

— А эту бумагу зачѣмъ ты писалъ, коли денегъ не бралъ?

— Они просили меня, я и написалъ.

— Зачѣмъ же было писать, что писаремъ внесены деньги, когда ты ихъ не вносилъ?

— Извините, ваше высокоблагородіе. Я ничего не помню: былъ выпивши, когда писалъ...

Такъ и отнерся. Земскій отпустилъ его ни съ чѣмъ.

Прошло еще недѣли три. Приходитъ въ волость другая бумага: требуютъ въ уѣздный съѣздъ старшину, писаря и Сущенковыхъ.

Явились они все въѣстъ. Въ то время было засѣданіе, члены съѣхались разбирать дѣла. Дошла очередь до прошенія Сущенковыхъ. Потребовали Игната, Настю, писаря и старшину. Прочитали имъ всемъ прошеніе, которое подалъ Игнатъ съ Настею. Потомъ стали спрашивать писаря:

— Взялъ ли ты деньги?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, взялъ.

— И ты взялъ ихъ съ тѣмъ, чтобы отдать въ казначейство?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, только я ихъ въ казначейство не отдалъ, а потерялъ, должно, по дорогѣ въ городъ.

— Зачѣмъ же ты писалъ вотъ эту бумажку насчетъ данной?

— Ваше высокоблагородіе, я потерялъ ихъ деньги, а своихъ не было у меня, чтобы возратить за мѣсто потерянныхъ. А чтобы Сущенки не требовали отъ меня сейчасъ денегъ, я и сказалъ имъ, что отдалъ въ казначейство. Со временемъ, когда будутъ у меня свои деньги, я надѣялся вернуть ихъ Сущенкамъ или отдать за ихъ землю въ казначейство. А бумагу я написалъ, чтобы больше вѣрили, что деньги отданы въ казначейство, да они и сами просили написать.

И положилъ съѣздъ такое рѣшеніе: старшина долженъ взыскать съ писаря 200 р. и отдать Сущенкамъ. А за то, что писарь обма-

нуль земскаго при дознаніи и сказалъ, что денегъ не бралъ, отрѣшъ его отъ должности и на его мѣсто найти другого писаря.

XIV.

Прошла недѣля. Былъ вечеръ, смеркалось. Скотину уже пригнали съ поля. Настя подъ сараемъ доила корову, а Игнатъ несъ изъ садина охапку свѣжей травы для лошадей. Видить, съ улицы идетъ во дворъ какой-то человѣкъ. Это былъ помощникъ писаря. Положилъ Игнатъ траву лошадямъ въ ясли и разговорился съ помощникомъ. Онъ жилъ по сосѣдству съ Сущенками и зашелъ къ нимъ прямо изъ волости, чтобы обрадовать ихъ хорошей вѣстью. Въ волость пришла бумага по ихъ дѣлу. Предписано, чтобы старшина донесъ, взыскалъ ли съ писаря 200 р. и отдалъ ли имъ, а также рассчиталъ ли писаря и нанялъ ли новаго.

Обрадовались Сущенки, стали благодарить помощника за хорошую вѣсточку, предлагали угощеніе. Только онъ былъ человѣкъ твердый и водки не пилъ. Отъ угощенія отказался.

Нацѣдила ему Настя большой кувшинъ молока и ушелъ онъ домой съ кувшиномъ.

Нетерпѣлось Сущенкамъ. Утромъ выгнала Настя въ череду корову и сейчасъ же побѣжала къ писарю.

Писарь только что всталъ и умывался на крылечкѣ. Настя поздоровалась и говорить ему:

— Извиняйте, пожалуйста, что я къ вамъ такъ рано... Правда ли, Антонъ Петровичъ, что пришла бумага насчетъ денегъ?

— А ты откуда узнала это?

— Да люди говорили. Не знаю, какой тамъ человѣкъ былъ вчера въ волости, слышалъ отъ кого-то и сказалъ Игнату, а Игнатъ мнѣ.

— Скоро до васъ вѣсти доходятъ, — говорить писарь. — Правда, пришла бумага, да тебѣ развѣ легче отъ этого? У меня денегъ нѣтъ сейчасъ.

Настя сказала:

— Вы, Антонъ Петровичъ, пожалуйста, и насъ не обижайте и не доводите до спора: и намъ лучше, и вамъ лучше. Отдайте, да и забудемъ мы всякую вражду. Мы вамъ лиха не желаемъ, такъ и вы намъ не желайте.

— Гдѣ же я возьму этихъ денегъ, когда у меня нѣтъ ни копейки? На, погляди!

Писарь досталъ изъ кармана кошелекъ и подаетъ Настѣ.

Настя говорить:

— Нечего мнѣ глядѣть въ чужой карманъ. Я туда ничего не

глада. А какъ нѣтъ при васъ денегъ, такъ возьмите у старшины, за волюстью есть же ваше жалованье?

— Ничего тамъ нѣтъ, все уже забрано впередъ.

Настя подумала, потомъ сказала:

— Такъ хоть пообѣщайтесь отдать послѣ. А то мать велитъ намъ опять къ земскому...

— Отдамъ, когда будутъ... Зачѣмъ вамъ все земскаго начальника беспокоить. Подожди до завтра, если раздобуду, то отдамъ. Приходи завтра вечеромъ.

Пошла Настя домой. А на другой день вечеромъ опять отправилась къ писарю вмѣстѣ съ Игнатомъ. Писарь встрѣтилъ ихъ ласково.

— А я васъ и ждалъ,—сказалъ онъ. Потомъ сѣлъ за столъ, написалъ расписку и подалъ ее Игнату.

Взялъ Игнатъ бумажку и говорить:

— Это что-жъ такое вы мнѣ даете?

— Распишись,—сказалъ писарь,—тогда и деньги отдамъ.

Прочиталъ Игнатъ расписку, а подписываться на ней не хочетъ,—боятся, потому что въ ней написано, будто онъ всѣ деньги отъ писаря получилъ. Глянулъ онъ на Настю, спрашиваетъ взоромъ: подписываться или нѣтъ?

Настя сказала писарю:

— Давайте деньги впередъ, тогда онъ и распишется.

Вынулъ писарь сто рублей и даетъ Игнату. Не беретъ Игнатъ денегъ и Настя не велитъ брать.

— Давай,—говорятъ,—всѣ разомъ.

— Нѣтъ у меня сейчасъ всѣхъ. Берите, что даю, а то и этого не получите. Расписывайся и бери.

— Какъ же мы будемъ расписываться, когда въ этой распискѣ говорится, что мы будто всѣ деньги получили? Напишите бумагу на сто рублей, тогда мы и распишемся, а такъ не хотимъ.

— Это все равно,—говоритъ писарь, другую сотню я послѣ отдамъ.—А расписка на всѣ деньги нужна мнѣ теперь, чтобы начальству показать: можетъ, начальство еще и на службѣ меня оставить, какъ увидитъ, что деньги уже заплачены. А останусь на службѣ, тогда заработаю и другую сотню отдамъ.

Но Игнатъ съ Настею теперь уже не вѣрили писарю. Они думали про себя:

«Нѣтъ, ты хочешь опять обмануть насъ, норовишь отдать одну сотню, а расписку получить на двѣ».

Такъ и ушли домой, не получивши ни копейки.

Послѣ имъ жалко стало, что не взяли ста рублей. Черезъ нѣсколько дней они опять пошли къ писарю въ волость, чтобы отдать хотя одну сотню.

Писарь и говорить имъ:

— Теперь мнѣ нечѣмъ отдать вамъ, потратилъ. Было бы брать, когда давалъ.

Молчать Игнатъ съ Настею, не знаютъ, что сказать. Старшина ходить по комнатѣ, заложивши руки назадъ, о чемъ-то раздумываетъ. Потомъ остановился, упорно посмотрѣлъ писарю въ глаза и говорить:

— Отдай ихнее, Антонъ Петровичъ! Не срами и себя и меня. Отдай! Когда ты раньше пообѣщалъ отдать, такъ отдай. Отдай, говорю я тебѣ! Не поганься!

— Денегъ у меня нѣту.

— Толкуй, нѣту! А куда дѣвалъ ту сотню?

— Истратилъ.

— Когда ты успѣлъ истратить ихъ? До чего ты хочешь довести и себя, и меня?

— Ничего я не хочу, а денегъ у меня нѣтъ,—сказалъ писарь.

Тогда старшина повернулся къ Игнату съ Настею и говорить:

— Ну, такъ идите домой. Онъ скоро добудетъ денегъ, а тогда мы васъ извѣстимъ. Да не лѣзьте вы въ глаза къ земскому. Вы думаете, ему пріятно возиться съ вами? Управимся и безъ земскаго.

Ушли Сущенки домой и на этотъ разъ ни съ чѣмъ. Писарь вѣрно говорилъ, что у него нѣтъ денегъ; они никогда у него не держатся долго; одной рукою получаетъ, а другой—раскидываетъ. Это про него всякій въ Ульяновкѣ знаетъ. Жена и дѣти часто, бывало, сидятъ безъ хлѣба и ходятъ оборванные, а самъ гуляетъ въ трактирѣ; а поѣдетъ въ городъ, такъ и тамъ обойдетъ всѣ притоны.

Идутъ Игнатъ съ Настею изъ волости домой и видятъ, среди улицы, возлѣ винной лавки, пьяныя бабы поютъ и не то чтобы танцуютъ, а такъ—иныя не спѣша топаютъ ногами, а другія—размахиваютъ руками, не то спорять, не то разговариваютъ о чемъ. Одна баба держитъ въ правой рукѣ бутылку, въ лѣвой чарку, подняла бутылку вверхъ противъ солнца и глядитъ сквозь нее, а сама припѣваетъ:

И пляшка *) нова,
Та горилки нема,
Цижу, цижу, не тече,
Коло сердца пече.

*) Пляшка—бутылка.

Другая баба увидѣла Настю и закричала:

— Настя, кумася, заверни на часокъ сюда!

Не охотница была Настя до такого веселья и хотѣла было пройти мимо. Но тутъ увидѣла она межъ бабами старшинину жену и захотѣлось ей что-нибудь отъ нея выпытать о своемъ дѣлѣ. Завернула она къ бабамъ, а Игнатъ пошелъ домой одинъ. Разспросила Настя бабъ, по какому случаю онѣ водку пьютъ. И сказали ей, что вчера у какого-то тамъ мужика были крестины, а сегодня покрестины, вотъ и пьютъ по этому случаю.

Поднесли рюмку и Настѣ. Она только губы помочила и не захотѣла пить. Зашла межъ бабами рѣчь про Настины деньги. Это дѣло все село знало и всѣ потихоньку поговаривали о немъ. Старшинина жена была уже навеселѣ и говорить Настѣ:

— Это нашъ далъ ему сотню, ей-Богу, нашъ. Какъ бы не я, не далъ бы. А то я говорю: верни чужое. Такъ нашъ вернулъ свою половину, а писарь нѣтъ. Вотъ, ей-Богу, правда.

Настя и спрашиваетъ:

— Значить, они поровну подѣлились нашими деньгами?

Старшинина жена отвѣчаетъ:

— Не мое только дѣло, а то я все бы рассказала... Только, Настя, ты на меня не сердись; я всегда за васъ, нехай меня Богъ побьетъ.

Не стала больше разговаривать Настя, и показала видъ, что не слышитъ словъ старшининой жены. Постояла она немного и ушла домой.

Время было рабочее, косили гречиху, просо, надо было молотить и сѣять рожь. А тутъ и копка бураковъ подоспѣвала. Некогда было ходить деньги выправлять. Каждый день заняты были Сущенки работою.

Такъ прошла недѣля, прошла другая. А писарь попрежнему живетъ да живетъ въ Ульяновеѣ и справляетъ свою службу, будто и не было того предписанія, чтобы смѣнить его.

ХУ.

Управились люди съ полевыми работами, получили деньги изъ экономіи за копку и возку бураковъ, намолотили хлѣба, намолотили муки. По селу пошли свадьбы: тамъ женать, а тамъ замужъ выдаютъ.

Здоровье Игната за послѣднее время стало хуже и съ нимъ сдѣлалась большая перемѣна, мало ѣлъ, пилъ и рѣдко спалъ. Равъ сидитъ онъ съ семьей за вечерюю потупившись, ни на кого не взгля-

нетъ и не проронить ни слова. Лицо у него сумрачное такое. Держить ложку будто не своею рукой: набереть изъ миски и задумается о чемъ-то и забудетъ, что у него ложка въ рукахъ. Кончили вечерю, молча всталъ онъ изъ-за стола, перекрестился и пошелъ на дворъ спать. Время было совсѣмъ осеннее, не то что ночью, а и днемъ было уже холодно, а онъ ночевалъ на дворѣ.

Когда Игнатъ вышелъ, Настя и говорить не то матери, не то сама съ собой:

— Вотъ такой онъ всегда теперь... Это деньги такимъ его сдѣлали. И хоть бы когда на минуту развеселился! Все ходить, все шепчетъ что-то самъ про себя и нѣтъ ему покою ни на минуту, и сонъ его не беретъ... Вотъ это онъ пошелъ, вы думаете, спать онъ будетъ? такъ и выходитъ всю ночь. Я уже слѣдила за нимъ. Пойдетъ до клуни *) и будетъ стоять, пока мѣсяцъ взойдетъ. Потомъ выйдетъ за ворота, тамъ постоитъ. Пойдетъ полежать подъ сараемъ, а потомъ опять встанетъ и начнетъ ходить. Я все слѣжу за нимъ, все слѣжу. Разъ только видѣла я, что онъ спалъ цѣлую ночь. Подумала, ну, слава Богу, можетъ, выйдетъ этотъ туманъ изъ головы. Стою и слушаю, какъ онъ спитъ... А онъ какъ застонетъ сивозъ сонъ. Потомъ такъ жалостливо и говорить:

— Антонъ Петровичъ, отдай ради Христа!

Сказала это Настя и замолчала, а на глазахъ слезы выступили. Утерла она слезы рукавомъ рубахи и глубоко вздохнула.

Глядя на нее и старуха заплакала.

Время шло.

Настя опять подала прошеніе земскому начальнику. Жаловалась она на то, что и до сихъ поръ не отданы имъ деньги.

Черезъ недѣлю потребовалъ земскій начальникъ старшину и писаря къ отвѣту. Сталъ спрашивать, почему не отданы деньги. Старшина сказалъ, что у писаря нѣтъ никакого имуществъ, а жалованье онъ забралъ впередъ до новаго года. Тогда земскій спросилъ старшину, почему онъ не прогналъ писаря.

Старшина сказалъ:

— Какъ же мнѣ прогнать его, когда еще не нашли на его мѣсто другого и онъ забралъ впередъ жалованье? Общество потребуетъ съ меня эти деньги, а я самъ человѣкъ небогатый, гдѣ я возьму? Дозвольте ему послужить до Новаго года и отжить то, что забралъ.

Земскій начальникъ немного пробралъ старшину за то, что далъ писарю денегъ впередъ, а въ концѣ-концовъ сдѣлалъ такъ, какъ

*) Рига, гдѣ молатъ хлѣбъ.

старшина просилъ: дозволилъ писарю служить, пока отживетъ забранныя деньги. А онъ ихъ и не забиралъ.

И все въ Ульяновѣ пошло попрежнему, писарь ходилъ каждый день въ волость, а когда пьянствовалъ, старшина молча ждалъ, пока онъ протрезвится. Самъ старшина водки совсѣмъ не пилъ, а обожалъ только церковное, пиво и наливку и только на чужой счетъ, когда его угощали. И бывало, сколько ни пить, никогда своего виду не потеряетъ, только сдѣлается языкомъ развязнѣй.

Прошло мѣсяца три. Игнатъ сохнулъ и винулъ, совсѣмъ пересталъ ѣсть и пить и ни съ кѣмъ не говорилъ. Высохъ онъ въ щепку, сдѣлался какъ восковой и померъ на ногахъ тихо и незамѣтно, свалившись подъ сараемъ на солому, будто уснулъ. А минутъ за десять до смерти, когда уходилъ изъ хаты, онъ грустно и со вздохомъ прошепталъ самъ себѣ: «Нема въ свѣти правды, нема!»

Похоронили Игната.

Настя не плакала, не тушила по немъ, а только будто съежилась и сильно постарѣла. Ея горе невозможно было выплакать слезами: очень любила она Игната, потому что былъ онъ самый справедливый человекъ. Теперь уже ей ничего не жалко было, даже денегъ; она перестала о нихъ и думать.

Люди видѣли ея горе, утѣшали ее и брались пособить ей. Помощникъ писаря какъ-то зашелъ къ ней и посоветовалъ ей еще сходить къ земскому начальнику и попросить, чтобъ поскорѣ отдали ей деньги.

Но она сказала:

— Нѣтъ, не надо уже мнѣ ничего. Довольно прошенія писать да судиться. Спасибо вамъ, что вы не оставляете насъ, только не надо намъ ничего. Богъ съ нимъ.

Старуха на печи закашлялась, потомъ и она стала говорить:

— О-охъ, Боже мой! Пускай люди судятся, а мы не хотимъ. Мы со старикомъ покойникомъ вѣкъ прожили, ни съ кѣмъ не судились. Денегъ не было, да и горя такого не видали. Сказалъ человеку по чести: отдай. Не отдаетъ,—пускай поживаетъ. Мы отъ того не помремъ... Одинъ померъ уже. Будетъ съ него... Охъ, Господи, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!...

Теперь и они, какъ Игнатъ еще раньше, потеряли всякую вѣру въ людей и въ судъ, и жизнь для нихъ сдѣлалась еще горше. Живутъ себѣ, извѣстно, какъ все люди бѣдные и темные.

Со словъ рассказчика записалъ

Ө. Тищенко.

Изъ «бодрыхъ пѣсень».

I.

Словно вѣтеръ перелетный
Пробѣгая по полямъ,
Съ пѣсней вольной, беззаботной
Прихожу я, братья, къ вамъ.
Безъ тревоги и насилья
Поднимите выше грудь,
Расправляйте смѣло крылья,
Отправляйтесь смѣло въ путь!
Что тамъ будетъ въ темной дали
Не гадайте,—будетъ то,
Все, о чемъ давно мечтали,
Крѣпко вѣрили во что!...

II.

Еще гроза не унялась,
Еще гремятъ раскаты грома;
Борьба съ грозой не въ первый разъ,—
Она намъ съ дѣтскихъ лѣтъ знакома!
И знаемъ мы, что за грозой
Заблещетъ солнце золотое,
Обвѣетъ ласкою живой
Насъ небо ясно-голубое.
И снова станемъ пѣсни пѣть
Про трудъ свободный, благородный...
За то, что намъ пришлось терпѣть,
Жить будемъ въ памяти народной!...

III.

— Что это—чайка бѣлѣетъ?
Пѣна ль на гребнѣ волны?

— Нѣтъ—это чайка; покоя
Воды морскія полны.
Тихо; но лучше бѣ смѣнилась
Волнами мертвая гладь;
Любо внимательнымъ слухомъ
Шуму прибоя внимать!
Любо слѣдить за волнами,
Какъ они смѣлой толпой
Съ брызгами, съ пѣною бѣлой
Свачуть на берегъ врутой!...
Грудь поднимается, глядя
Вслѣдъ разъяреннымъ волнамъ,—
Бажется, въ жаркую битву
Бросился-бѣ самъ!...

Мн. Бѣлюсовъ.

СЪ РАБОЧИМЪ ПОѢЗДОМЪ.

Я долго не могъ заснуть съ вечера. За досчатой перегородкой номера постоялаго двора, стоявшаго у самыхъ рельсовъ степной станціи, вздыхали и переговаривались. Болонистъ-нѣмецъ продавалъ пшеницу и время отъ времени повторялъ ровнымъ, безучастнымъ голосомъ:

— Прибавляйтъ двѣ копейки.

Въ отвѣтъ раздавался сокрушенный вздохъ, и кто-то говорилъ низкимъ, гудящимъ голосомъ:

— Не могу, Іосифъ Адамовичъ. Сказано не могу.

Наступила пауза. Въ досчатой перегородкѣ номера, гдѣ-то совсѣмъ близко, казалось подъ самымъ ухомъ, кричалъ назойливый сверчокъ. Вечеръ погасалъ, быстро переходя въ ночь. Сумерки, сгущаясь каждую минуту все больше и больше, словно падали откуда-то сверху, застилали безмолвную, безграничную степь кругомъ и стирали силуэты товарныхъ вагоновъ на линіяхъ станціи. Въ открытое окно моего крошечнаго номера ползли тѣ же сумерки, не принося съ собой прохлады послѣ душнаго лѣтнаго дня. Кажется, нѣтъ ничего скучнѣе ожиданія поѣзда. Никогда такъ мучительно не чувствуется одиночество и время не ползетъ съ такой удивительной лѣнью.

— Прибавляйтъ двѣ копейки,—повторилъ безучастный голосъ сосѣда.

И снова послѣ глубокаго вздоха загудѣлъ отвѣтный голосъ его собесѣдника.

Скоро ночь побѣдила совсѣмъ. На станціи замелькали далекіе огоньки фонарей и, точно радуясь ея пробужденію, въ невидимой степи вдругъ начали перекидаться перепела. Я дождался, когда, сверкая своими огненными глазами, шипя и грея, промчался мимо курьерскій поѣздъ, и, когда исчезли вдали красныя точки его хвост-

та, прилечь на постель. Какъ долго тянется однако душная и бессонная лѣтняя ночь. Рабочій поѣздъ, съ которымъ мнѣ придется проѣхать сотню верстъ, пойдетъ только еще на разсвѣтъ. И я лежу на постели, у самого окна, насильно стараюсь заснуть, но вмѣсто сна приходитъ чуткое забытье и окутываетъ меня отрывочными и неясными картинами далекаго дѣтства. Тѣ рабочіе, съ которыми мнѣ придется ѣхать, представляются почему-то всѣ до одного удивительно похожими на лохматого мужика Акима, который караулилъ садъ у бабушки и былъ моимъ другомъ. Онъ дарилъ мнѣ тростниковыя дудки и цѣлый день пугалъ воробьевъ трещоткой, которой они однако не боялись отъ привычки.

Мы сидимъ на бугоркѣ въ саду, на самомъ солнечномъ припекѣ, и Акимъ, обыкновенно всегда улыбающійся, на этотъ разъ необычайно грустенъ и молчаливъ. Жуткое впечатлѣніе производятъ эта скорбь большого и неподвижнаго лохматого человѣка, и я спрашиваю его съ тревогой:

— Что ты молчишь? Акимъ, что съ тобой?

— Сынъ померъ... горячкой... — говорить съ разстановкой Акимъ, и его слова словно молотомъ бьютъ въ мое дѣтское сердце.

И, какъ въ какомъ-то туманѣ, я вижу на противоположномъ пригоркѣ лохматыя, почернѣвшія отъ дождя и времени, соломенные крыши села, въ которомъ живетъ Акимъ. Я зналъ его избу, четвертую съ краю, и моему дѣтскому воображенію было страшно и холодно отъ той пустоты, которая теперь поселилась тамъ навсегда со смертью его сына. О, какое тяжелое, холодное, нищенское одиночество! И я бросилъ Акима и бѣжалъ ласкаться къ бабушкѣ, сидѣвшей всегда неподвижно, въ неизмѣнномъ чепцѣ съ бѣлоснѣжными лентами, и сквозь большія очки читавшей романы. Но въ надвигавшемся отсюда-то туманѣ исчезалъ образъ бабушки, и я не могъ до него дойти, съ меня маленькими, дѣтскими ножками, и исчезали одинъ за другимъ образы няни, тети, а угрюмый, скорбный и лохматый Акимъ не отставалъ отъ меня, тяжело ступая по моимъ слѣдамъ, и мнѣ слышалось, что онъ проситъ кого-то умоляющимъ голосомъ:

— Прибавляйтъ двѣ копейки.

Наконецъ, все исчезло въ туманѣ...

На разсвѣтъ, еще до солнца, я шелъ, пожимаясь отъ утренней свѣжести, отыскивая свой поѣздъ. Идти было далеко. Линіи товарныхъ вагоновъ казались безконечными, и между нихъ въ этотъ часъ было темно и мрачно. Изрѣдка попадались вагоны съ открытыми дверями, и тамъ видны были сѣрые быки, пристально глядѣвшіе на проходившихъ большими, прекрасными, но невыразимо грустными

глазами. Вотъ, наконецъ, и нашъ поѣздъ. Въ товарномъ вагонѣ насланы доски вмѣсто скамеекъ. Такія же доски насланы вдоль стѣнъ въ видѣ второго этажа и отъ этого середка вагона похожа на арену крошечнаго цирка. Оба этажа уже заняты, и когда я влѣзаю въ вагонъ, мастеровой въ замасленномъ картузѣ, прислонившійся у самыхъ дверей, говоритъ мнѣ:

— Пожалте, господинъ, въ вагонъ перваго класса кулерскаго поѣзда.

Наверху, у маленькаго, загороженнаго рѣшеткой окна сидитъ дѣвочка. Вагонъ полонъ людьми самыхъ разнообразныхъ занятій: тутъ и артель каменщиковъ, нѣсколько казаковъ, какія-то женщины. Противъ меня сидятъ два хохла—молодой и старый, мелкій желѣзнодорожный служащій съ дамой въ шляпкѣ и, наконецъ, ближе къ двери—мастеровой, встрѣтившій меня ироническимъ приглашеніемъ.

— Ну, держись, ребята, сейчасъ тронемся,—говоритъ снизу кондукторъ и пронзительно трещитъ въ свой свистокъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, — отвѣчаетъ ему мастеровой.— Напили, значить, чугунную лошадку, теперь повезете.

Скрипятъ передніе вагоны, лягаютъ цѣпи и буфера и, наконецъ, послѣ толчка, вызывающаго визгъ женщинъ и ироническое замѣчаніе мастерового, мы трогаемся въ путь, и въ предразсвѣтной мглѣ медленно уплываютъ назадъ станціонныя зданія, фонарные столбы и будки стрѣлочниковъ.

Нѣкоторое время ѣдемъ мы молча, дыша свѣжимъ воздухомъ, врывающимся въ открытыя двери вагона. Молчитъ степь. Кажется, что на нее кто-то набросилъ одно безконечное сѣрое покрывало и, съ одной стороны, оно сливается съ такою же сѣрою мглой, а съ другой—его края едва начинаютъ бѣлѣть. Во второмъ этажѣ вагона грызутъ сѣмечки и мирно поплеываютъ черезъ наши головы на середину, похожую на арену. Кое-гдѣ слышится отрывочный разговоръ. Желѣзно-дорожный служащій снимаетъ фуражку, нѣсколько разъ сокрушенно вздыхаетъ и говоритъ своей спутницѣ:

— И съ какими глазами ты къ матери-то покажешься, безстыдница, ужъ не знаю.

Его спутница въ шляпкѣ начинаетъ всхлипывать, прикладывая къ глазамъ платокъ, свернутый маленькимъ комочкомъ. Теперь, въ бѣлой полосѣ врывающагося въ дверь разсвѣта, я могу разглядѣть ея лицо. Передо мной почти дѣвочка съ большими, заплаканными сѣрыми глазами. На ней городской костюмъ съ претензіей на моду и дешевая шляпа съ нелѣпо качающейся розой. Вся ея маленькая,

дѣтская фигура выражаетъ и горе, и безпомощный страхъ, и растерянность. Такое же выраженіе, вѣроятно, было бы у зайченка, если бы его вдругъ посадили среди шумной толпы.

— Просто бѣда да и только,—говорить ей спутникъ.—Изволите ли видѣть,—обращается онъ ко мнѣ, понижая голосъ,—изволите ли видѣть—это все происшествіе происходитъ черезъ ихнюю глупость. И я говорилъ и сестрѣ и Вѣрочкѣ—это моя племянница—довольно все обстоятельно. Но сестра, какъ она есть бѣднаго состоянія, не могла поппмать-сь. Конечно, вы изволите знать, образованность въ нашемъ быту приходится дорого. Напримѣръ, форменныя коричневыя платья, опять же книжки, право ученья. Трудно. Я съ своей стороны больше пятишницы въ мѣсяцъ не могъ-сь. Но съ другой стороны,—хоть помирай, а тинись на одной линіи, я такъ понимаю. Сестра же наоборотъ того говорить—замужъ.

Собесѣдникъ мой замолчалъ. Вѣрочка попрежнему имѣла растерянный видъ и глядѣла безучастно въ степь, точно говорили что-то неинтересное о никому не извѣстномъ, постороннемъ лицѣ. Поѣздъ медленно двигался впередъ, а назадъ уплывала равнодушная степь, теперь уже пробудившаяся и освѣщенная теплыми лучами восходившаго солнца. Старый хохолъ жадно впился въ нее своими подслѣповатыми глазами. Базалось, и крики перепеловъ, и трескъ кузнечиковъ, и сверкавшія капли росы, и это безконечное, чуть колеблющееся море сѣрой пшеницы вливали въ него ему одному въ совершенствѣ понятную радость. Онъ вынулъ изо рта короткую трубку, не спѣша плюнулъ на нашу арену и проговорилъ медленно:

— Дуже гарно.

— Это, изволите ли видѣть,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—исторія до безконечности продолжительная и въ подробности рассказать ее невозможно-сь. Замѣчу только вамъ въ двухъ словахъ, что современемъ сестра отыскала помощника мастера. Тутъ же на линіи отдѣльная будка, своя корова, тридцать пять рублей жалованья. Человѣкъ онъ дѣйствительно непьющій, на счету, и имѣетъ полное право сѣнокоса на линіи отчужденія. Ну, ужъ этихъ разныхъ ихнихъ подробностей я рассказать не могу, только взяли Вѣрочку изъ пятого класса и хотя она сначала очень плакала, но потомъ, по исполненіи приданого,—сама пожелала. Потому что всетаки еще дѣтя, хотя и дѣвушка. И послѣ вѣнца въ будку съ собой повезла книжку «Дѣти капитана Гранта» съ печатью и подписями за благонравіе изъ четвертаго класса. Вотъ и все. Ну, потомъ затосковала въ степи до безконечности и ко мнѣ ночью лѣшкомъ съ восьмой версты бѣгала, и домой уѣзжала, и опять ѣдетъ.

— Коли законъ приняла, такъ законъ и исполняй!—наставительно замѣтилъ сверху пожилой казагъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ.

— А ежли ей тошно, — отвѣтилъ ему мастеровой, — то дозвольте замѣтить, что это даже довольно подло.

Вѣрочка попрежнему сидѣла неподвижно. Она смотрѣла куда-то вдаль, и можно было подумать, что разговоръ не имѣетъ къ ней ни какого отношенія. Не возразилъ ничего и ея спутникъ, онъ молча сталъ собирать узелокъ и проговорилъ коротко:

— Сейчасъ станція. Мнѣ выходить.

И тотчасъ же, вслѣдъ за его словами загудѣлъ свистокъ паровоза, и по бокамъ, словно изъ земли, начали вырастать рѣдкія постройки маленькой степной станціи. Началась длинная и скучная стоянка. Половина населенія нашего вагона разбрелась по линіямъ. Дѣвочка, сидѣвшая все время наверху у окна, ушла рвать цвѣты, и на зеленомъ фонѣ степи долго мелькала ея бѣлокурая голова. Мимо пробѣжалъ маневрировавшій паровозъ и вызвалъ замѣчаніе кондуктора:

— О чтобъ васъ тутъ! Передавать еще, а за васъ отвѣчай. Пошелъ по вагонамъ, скоро поѣдемъ.

Снова въ вагонѣ собралось наше общество. Кондукторъ помогъ влѣзть запыхавшейся бѣлокурой дѣвочкѣ, и она пробралась наверхъ къ окну, пропленавъ босыми ногами по скамейкамъ. Опять загудѣлъ свистокъ паровоза и мимо поплыла безграничная, однообразная степь. Было жарко и душно. Ослѣпительно яркое, палящее солнце стояло высоко и его взглядъ заворожилъ степь. Необъятное море сѣрой пшеницы не колыхалось теперь, а стояло совсѣмъ неподвижно, и замолчали разнообразныя голоса степи. Въ воздухѣ дрожалъ бѣловатый паръ и, казалось, свивался въ неотразимые призраки оцѣняющаго, непобѣдимаго сна. Отъ плохо проведенной ночи слипались глаза и падала голова на грудь. Въ вагонѣ сдѣлалось тихо, надолго замолкали слова лѣниваго, отрывочнаго разговора; большинство дремало въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, и только старый хохолъ попрежнему зорко всматривался въ степь. Казалось, по сонной и истомленной отъ зноя степи лѣниво и медленно ползетъ сонный, тоже истомленный поѣздъ, и лязгъ вагонныхъ цѣпей тянетъ какую-то безконечную, однообразную и убаюкивающую пѣсню.

Я очнулся отъ толчка при остановкѣ поѣзда. Мы стояли въ степи у какой-то маленькой безымянной рѣчки и рабочіе снимали съ платформы матеріалъ для перестраивавшагося моста. Большая часть нашего общества, потягиваясь, вылѣзла изъ вагона. Здѣсь, у самаго

моста было хорошо и прохладно. Въ врытыхъ, высокнхъ берегахъ тихо текла мутная, бѣловатая рѣчка. Мѣстами эти берега поросли густымъ ивнякомъ и въ немъ пищали какія-то пичужки тихо, жалобно, точно плакали. Какой-то маленькій куличокъ озабоченно бѣгалъ взадъ и впередъ по тинистому берегу. Наша бѣлокурая дѣвочка спустилась въ самой рѣкѣ и радостно шлепала по водѣ босыми ногами.

— Манька, Манька, перестань баловаться, — звала ее мать.

Хохлы — молодой и старый — занимались землей. Старый покопалъ пашечкой и сжималъ въ горсти сухую, разсыпавшуюся землю. Побѣдъ, наконецъ, тронулся, и опять мимо насъ назадъ поплыла медленно однообразная, раскаленная степь.

— Что, дѣдъ, небось хороша наша земля, — спросилъ казакъ.

Старый хохолъ вздохнулъ и произнесъ, старательно выговаривая по-русски:

— Хороша... дуже.

— А ты самъ-то откуда, дѣдъ, будешь?

— Съ підъ Полтавы.

— Полтавскій. Ну, и сидѣлъ бы въ своей Полтавщинѣ, землей бы занимался.

— У насъ земли нема, — сказалъ хохолъ.

— Путаешь что-нибудь, дѣдъ, — проговорилъ другой казакъ помоложе, — нешто возможно человѣку безъ земли быть.

— Та она уся у пановъ, людей стало много, у насъ и нема.

— Это, братъ, не отъ этого, — сказалъ пожилой казакъ. — Ты вотъ говоришь, а самъ и не знаешь, а про это, сказываютъ, въ книжкахъ написано. Не можно людямъ безъ земли быть, — взять бы хоть насъ, казаковъ. А что вы сами землю подъ пановъ подписали, то это какъ есть дураки были ваши дѣды. Давно это было, еще до царницы, когда наши казаки ходили Москву вызволять. А у вашихъ тогда былъ генералъ Мининъ Пожарскій. Ну, хорошо. Вотъ генералъ-то и говоритъ — не пойду, говоритъ, подъ Москву, а чтобы всѣ хрестьяне землю подъ пановъ подписали, — еще вонъ когда это дѣло-то было!

— Незнай, какъ вамъ сказать, — возразилъ на это мастеровой, — должно быть, не такъ было дѣло. — Потому теперь въ Москвѣ начальство памятникъ Мининъ-Пожарскому поставило, и стоитъ генералъ, а при немъ мужикъ, почему-жъ такъ, дозвольте спросить?

— Да въ книжкахъ про это такъ, сказываютъ, написано, — отвѣчалъ казакъ неуверенно. — А мы при этомъ дѣлѣ не были. Нешто возможно людямъ безъ земли? Однако вотъ чего, ребята, обѣдать пора, — закончилъ онъ, видимо желая переимѣнить разговоръ.

Наше общество оживилось все сразу. Появился и хлѣбъ-папуш-

никъ, и водка, и арбузы, и колбаса, удивительно похожая на кожаную палку. На арену посыпались арбузные зерна, корки и кожица колбасы. Разговоръ принялъ форму отрывочныхъ замѣчаній. И по мѣрѣ того, какъ обѣдъ приходилъ къ концу, настроеніе въ вагонѣ дѣлалось все веселѣе и оживленнѣе. Его создавали и эти шутливыя замѣчанія, и ѣда, и выпитая водка.

— Затягивай пѣсню, ребята, веселую!—командовалъ казакъ, размахивая бутылкой какъ дирижеръ палочкой.

И молодой казакъ, подперши щеку рукой, выводилъ высокимъ голосомъ слова какой-то удалой пѣсни, отъ которой въ моей памяти уцѣлѣлъ отчаянный, разрывающій душу призывъ: не люби посылать, полюби ты милаго, разлапушка моя...

— Эй, вы тамъ, бабы, подтягивай, что нахохлились, какъ сычи!

Къ пѣснѣ прильнули и впились въ нее визгливые женскіе голоса, и теперь ужъ казалось, что по степи бѣжитъ радостный поѣздъ, уносящій куда-то людей изъ скучной, будничной жизни съ ея пустотой, униженіемъ и тяжестью. Казалось, всѣмъ хотѣлось здѣсь чего-то другого, можетъ быть невѣдомаго, но радостнаго и свѣтлаго. Даже Вѣрочка подняла вверхъ голову и смотрѣла кругомъ съ застывшимъ недоумѣніемъ на лицѣ. Одинъ старый хохолъ былъ попрежнему мраченъ. Выражалъ ли его взоръ въ эти минуты старческое сомнѣніе въ радости вообще, или горькій упрекъ окружающей степи за то, что она такъ упорно отказывала ему въ приютѣ и ласкѣ,—я не знаю.

Вл. Ладыженскій.

НА ПОЛѢ СЛАВЫ *).

Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XI.

На праздниѣ въ Пшитыѣ шляхта стеблалась не только изъ ближайшихъ, но и изъ дальнихъ мѣстъ. Прибыли Бохановскіе, Подгаецкіе, Сильницкіе, Цотворовскіе, Сульгостовскіе, Ципріановичъ съ сыномъ и много другихъ. Но самый большой интересъ возбудилъ пріѣздъ пана воеводы Сандомерскаго, Чарторыскаго, который остановился въ Пшитыѣ проездомъ. Онъ ѣхалъ въ Варшаву на сеймъ и теперь, въ ожиданіи праздника, усердно посѣщалъ костелъ. Онъ охотно вступалъ въ бесѣду со всякимъ, рассказывалъ о несправедливости, которую Порта оказала Республикѣ при разграниченіи Подолья, о чамбулахъ, которые, вопреки трактату, снова опустошали русскія земли, и предсказывалъ скорую войну. Онъ утверждалъ, что союзъ съ цезаремъ будетъ заключенъ непременно и что даже сторонники французовъ не выступятъ противъ него открыто, потому что и самъ французскій дворъ, хотя вообще и нерасположенный къ цезарству, точно также понимаетъ опасность, въ которой находится Республика. Бросятся ли сначала турки на Краковъ или на Вѣну, того князь Михалъ не могъ сказать; ему извѣстно было только одно: что непріятель подъ Адрианополемъ «агта вігаске рагатъ» и что, кромѣ тѣхъ, которые стоятъ уже подъ предводительствомъ Текели, подъ Кошицами, рати стекаются цѣлыми тысячами изъ всей Венгріи, изъ Румелии, изъ Азии, и Богъ знаетъ откуда, — съ береговъ Евфрата и Тигра, изъ Африки, отъ побережій Краснаго моря вплоть до волнъ неизмѣримаго Океана.

*) *Русская Мысль*, кн. 1, 1905 г.

Шляхта жадно слушала слова стараго сановника: старшіе, которые знали, насколько велика сила язычниковъ,—съ озабоченными лицами, молодежь—съ огнемъ въ глазахъ и съ нахмуренными бровями.

Но во всякомъ случаѣ преобладала надежда и энтузіазмъ, память Хотима была еще свѣжа, а подъ Хотимомъ благополучно царствующій король, тогда еще гетманъ, во главѣ незначительныхъ польскихъ силъ напалъ на огромныя турецкія полчища и разнесъ ихъ на сабляхъ и конскихъ копытахъ! Всѣхъ ободряла мысль, что у турокъ, которые съ неудержимой отвагою бросались на всѣ войска другихъ народовъ, замирало сердце, когда имъ въ чистомъ полѣ приходилось заглянуть прямо въ глаза страшной конницѣ «Лехистана». Еще большую надежду и еще большій энтузіазмъ возбудила проповѣдь всѣндза Войновскаго. Панъ Понговскій слегка опасался, какъ бы въ этой проповѣди не проскользнули какіе-нибудь намеки, которые онъ могъ бы принять насчетъ своей тактики по отношенію къ Тачевскому, но ничего подобнаго не было. Всѣндзъ всей душой и всѣмъ сердцемъ отдался войнѣ и миссіи Республики. «Тебя,—говорилъ онъ,—Христосъ избралъ изъ всѣхъ народовъ, тебя поставилъ на стражъ другихъ, тебѣ повелѣлъ повергнуться передъ Своимъ крестомъ и охранять вѣру кровью, до послѣдней капли, до послѣдняго издыханія! Передъ тобою поле славы и хотя ты истекаешь кровью, хотя ты не вырвешь изъ своего тѣла вонзившихся въ него копій и дротиковъ, возстань, левъ Божій, тряхни гривой и издай такое рычаніе, чтобы отъ него страхъ заморозилъ мозгъ въ костяхъ язычниковъ и чтобы пали его бунчуки и полумѣсяцы, какъ падаетъ лѣсъ подъ напоромъ бури»...

Такъ онъ говорилъ своимъ рыцарскимъ слушателямъ, а такъ какъ и самъ онъ былъ старый солдатъ, такъ какъ и самъ всю свою жизнь бился и зналъ, какъ идутъ дѣла на полѣ брани, то когда заговаривалъ о самой войнѣ, то присутствующимъ показалось, что они смотрятъ на тѣ картины королевскаго замка въ Варшавѣ, на которыхъ были нарисованы различныя битвы и польскія «вѣкторіи». «Вотъ хоругви уже тронулись, вотъ конья уже опустились до конскаго уха, воины наклонились въ сѣдлахъ, среди язычниковъ послышался крикъ тревоги, а въ небѣ—радость. Пресвятая Мать подбѣгаетъ къ окошечку и зоветъ: «Иди, Сынокъ, посмотри, какъ поляки атакуютъ!» Господь Іисусъ осѣняетъ ихъ святымъ крестомъ: «Раны Господни! — восклицаетъ Онъ. — Вотъ это такъ шляхта, вотъ это такъ воины! И награда для нихъ уже готова». А Михаилъ Архангелъ даже по бедрамъ себя ударяетъ: «Бей ихъ, собачьихъ дѣтей! Бей!» И вотъ, на небѣ радуются, а наши все валяютъ и валяютъ,—коней, лю-

дей, знамена, идти по трупамъ янычаровъ, по отбитымъ пушкамъ, по сбитымъ полумѣсяцамъ, идти къ славѣ, къ исполненію своего назначенія, къ вѣчному спасенію и безсмертію»...

Богда онъ, наконецъ, закончилъ словами: «И васъ Христосъ уже призываетъ, и вамъ уже пора на поле славы», то въ костѣхъ раздался грозный крикъ и бряцаніе сабель, а во время чтенія Евангелія всѣ эти сабли обнажились и такъ засверкали при блескѣ солнца, что чувствительнымъ женщинамъ показалось, что война уже началась и онѣ начали рыдать, поручая отцовъ, мужей и братьевъ покровительству Пречистой Дѣвы.

Тогда-то, перешепнувшись между собою, братья Букоемскіе произнесли торжественный обѣтъ, что они отправятся тотчасъ же послѣ праздника и что вплоть до Свѣтлаго Воскресенія не возьмутъ въ ротъ ни воды, ни молока, ни даже пива, довольствуясь только такими напитками, которые поддерживаютъ горячность крови, а вслѣдствіе этого, значить, и отвагу.

Всеобщее возбужденіе было настолько велико, что противъ него не устоялъ даже и суровый панъ Понговскій. Одно время онъ даже думалъ, что хотя у него нехватаетъ лѣвой руки, онъ могъ бы держать поводья въ зубахъ, а правой отомстить за тѣ обиды, которыя онъ испыталъ отъ адскаго племени и, къ тому же, вновь позолотить старыя заслуги, оказанныя имъ Республикѣ.

Но обѣта онъ никакого не произнесъ, отлагая разрѣшеніе этого вопроса на будущее время.

Тѣмъ временемъ богослуженіе совершалось со свойственнымъ ему великолѣпіемъ. На кладбищѣ стрѣляли изъ пушекъ, которыя на время большихъ праздниковъ ссужали паны Бюхановскіе. На колокольнѣ гудѣли раскочавшіеся колокола; на хорахъ прирученный медвѣдь дѣйствовалъ съ такимъ размахомъ, что оловянные трубы чуть не вылетали изъ своихъ оправъ; костѣхъ наполнился дымомъ кадилъ и весь содрогался отъ людскихъ голосовъ. Обѣдню служилъ прелатъ Творковскій изъ Радома, мужъ ученый, начиненный сентенціями, цитатами, пословицами и правоучительными разсказами, но виѣстъ съ тѣмъ человѣкъ веселый и отлично знающій свѣтъ. По этой причинѣ многіе въ важныхъ дѣлахъ направлялись къ нему за совѣтомъ.

Такъ поступилъ и панъ Понговскій, тѣмъ болѣе, что былъ его пріятелемъ. Наканунѣ праздника онъ былъ у него на исповѣди, но когда въ исповѣдальнѣ началъ выяснять свои намѣренія по отношенію къ паннѣ Сенинской, то всендѣз отложилъ этотъ разговоръ на будущее время и заявилъ, что ему едва хватаетъ времени для ознакомленія съ человѣческими грѣхами. Но тѣмъ не менѣе онъ сказалъ

пану Понговскому, чтобы онъ отправилъ женщинъ съ праздника въ Белчончку, а самъ остановился у него въ Радомѣ, гдѣ «procul negotiis» онъ свободно можетъ выслушать его.

Такъ и было, и день спустя они оба засѣли за бутылкой добраго венгерскаго и за тарелкой жаренаго миндаля, который ксѣндзъ любилъ кушать за виномъ.

— Conſiceo, — сказалъ ксѣндзъ, — intentusque os teneo, говорите.

Панъ Понговскій потянулъ изъ кубка и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на прелата, за то, что онъ не облегчаетъ ему начала разсказа поощрительнымъ вступленіемъ.

— Гм! мнѣ какъ-то неловко, и я вижу, что дѣло будетъ труднѣй, чѣмъ я думалъ раньше.

— Тогда я помогу вамъ. Не объ одномъ ли святомъ вы хотите говорить?

— О святомъ?

— Ну, да! О такомъ, у котораго двѣ головы и четыре ноги?

— Что же это за святой? — съ изумленіемъ спросилъ панъ Геденъ.

— Это загадка! Разгадайте!

— Высокоуважаемый ксѣндзъ прелать, у кого серьезныя вещи въ головѣ, тому не до загадокъ!

— А вы всетаки подумайте.

— Святой, у котораго двѣ головы и четыре ноги?

— Именно.

— Ей-Богу, не могу догадаться!

— Святой брачный союзъ! Вѣрно?

— Клянусь Богомъ, правда! Да, да, именно объ этомъ дѣлѣ я хотѣлъ поговорить съ вами.

— А дѣло идетъ объ Анулькѣ Сенинской?

— Какъ разъ о ней. Видите ли, благодѣтель, она чуть ли мнѣ не родственница, а если и родственница, то настолько далекая, что родства этого никто не докажетъ... Но я привязался къ ней, потому что воспитывалъ ее и обязанъ признательностью ея роду, такъ какъ Понговскіе на Руси, наравнѣ съ Даниловичами и Собескими, все получили или отъ Сенинскихъ, или послѣ Сенинскихъ... Я хотѣлъ бы оставить сиротѣ все, что имѣю, но, по правдѣ сказать, все достояніе Понговскихъ послѣ татарскаго нашествія исчезло, и у меня осталось только женнино состояніе... Состояніе это мое, потому что оно записано на мое имя, но женниныхъ родныхъ многое-множество... Прежде всего панъ Гротусъ, староста райгородскій... Ну, этого-то я не опасюсь, потому что онъ человѣкъ добрый и имѣетъ больше,

чтобъ ему нужно... Онъ-то и далъ мнѣ мысль, которая, положимъ, не разъ приходила мнѣ самому въ голову... но мое желаніе дремало въ глубинѣ сердца, а онъ лишь пробудилъ его... Тѣмъ не менѣе, кромѣ пана Гротуса есть Сульгостовскіе, есть Кшепецкіе, есть Забежовскіе... Вотъ эти-то ужъ и теперь неблагоклонно смотрятъ на дѣвушку, а что же будетъ послѣ моей смерти? Я сдѣлаю завѣщаніе, оставлю ей все, а они пойдутъ въ судъ, потянутся процессы, волокита по трибуналамъ, и что-жъ она, бѣдняжка, сдѣлаетъ? А я никакъ не могу оставить ее безъ всего... Существуетъ привязанность, существуетъ благодарность, а это крѣпкія цѣпи, и вотъ во имя ихъ-то я и спрашиваю съ чистою совѣстью: не долженъ ли я обезпечить ее хоть и такимъ способомъ?...

Ксѣндзъ разгрызъ миндалину и одну половину показалъ пану Гедѣону.

— Знаете ли, почему мнѣ это нравится? Потому что это хорошо. Если бы здѣсь была червоточина, я бы не сталъ ѣсть.

— Ну, и что же?

— А то, что Ануся нравится вамъ, потому что она — миндалинка... Эхъ, да еще какая! Но если бы ей было лѣтъ пятьдесятъ, то навѣрно ваша совѣсть была бы спокойна относительно ее будущности.

Панъ Понговскій смѣшался, но ксѣндзъ продолжалъ:

— Я совсѣмъ не ставлю вамъ этого въ вину, потому что во всемъ долженъ быть смыслъ и такова уже воля Божія, что всякій молодую рѣпу предпочитаетъ старой. Только на вино люди смотрятъ иначе, и что касается вина, то въ этомъ случаѣ мы охотно подчиняемся волѣ Провидѣнія...

— Да, правда, все лучше то, что моложе, за исключеніемъ вина, и панъ Бохановскій развѣ только въ шутку написалъ, что старый дубъ, какъ старый мужъ, всегда выше молодого. Мнѣ важно только то, что если я оставляю ей достоиніе, какъ женѣ, ее никто пальцемъ не тронетъ, а оставляю ей, какъ воспитанницѣ—сейчасъ же начнутся споры, раздоры, процессы, а то и заѣзды, а кто ее охранитъ отъ этого? Ужъ, конечно, не лани Винницкая.

— Такъ-то оно такъ...

— Но какъ человѣкъ разсудительный, не мальчишка, я въ этомъ дѣлѣ не хотѣлъ бы руководствоваться однимъ своимъ умомъ и поэтому пріѣхалъ къ вамъ, чтобы вы утвердили меня въ убѣжденіи, что я поступаю хорошо, и поддержали мудрымъ совѣтомъ.

Ксѣндзъ подумалъ и сказалъ:

— Видите ли, въ такой матеріи совѣтъ труденъ, и не разъ по-

томъ повторишь вмѣстѣ съ Босскютомъ: «Si tacuisses, philosophus mansisses»... или съ Іовомъ: «Stultus quoque si tacuerit, sapiens reputabitur»... Намѣренія ваши, протекающія изъ вспыхнувшей любви, могутъ быть оправданы, а такъ какъ они имѣютъ въ виду и благосостояніе дѣвушки, то даже достойны похвалы. Но не выйдетъ ли изъ этого вредъ для нея, не придется ли ее приневоливать или даже и силою вести къ алтарю? Я слышалъ, что они съ Яцькомъ Тачевскимъ любятъ другъ друга, и говорю вамъ прямо и безъ обиняковъ, что, бывая у васъ въ домѣ, кое-что видѣлъ.

— Что же вы видѣли?—порывисто спросилъ Понговскій.

— Не что-нибудь грѣховное, но такіа signa, по которымъ познается близость и любовь. Я видѣлъ не разъ, какъ они дольше, чѣмъ полагается, держатъ другъ друга за руку, какъ слѣдятъ другъ за другомъ глазами... мало ли что? Разные experimenta, которые свидѣлствуютъ о затаенныхъ чувствахъ. Вы скажете, что это не важно. Конечно, не важно! Но что она, по волѣ Божіей, питала къ нему страстіе, можетъ быть, болѣе горячее, чѣмъ онъ къ ней,—этого только слѣпой могъ не замѣтить, и я удивляюсь, какъ вы не видали, а если и видѣли, какъ не прекратили, имѣя такіа намѣренія.

Панъ Понговскій все это видѣлъ и зналъ, но тѣмъ не менѣе слова прелата произвели на него ужасающее впечатлѣніе.

Если что-нибудь больное таишь въ своемъ сердцѣ,—это одно, а когда кто-нибудь всунетъ въ грудь руку и притронется къ этой болячкѣ, выходитъ совсѣмъ другое. Лицо стараго шляхтича покраснѣло, глаза налились кровью, на лбу выступили толстыя связки жилъ. Онъ съ такимъ усиліемъ переводилъ дыханіе, что встревоженный прелатъ спросилъ:

— Что съ вами?

Панъ Геденъ далъ знакъ рукою, что ничего, но не отвѣчалъ.

— Выпейте вина!—воскликнулъ ксѣндъ.

Понговскій дрожащею рукою взялъ кубокъ, поднесъ его къ устамъ, сдѣлалъ глотокъ, откашлялся и прошепталъ:

— Что-то голова у меня закружилась.

— Отъ того, что я сказалъ?

— Нѣтъ. Съ нѣкотораго времени это со мною часто случается, а теперь я fatigatus дорогой, постомъ и такою раннею, неожиданною весною.

— Тогда, можетъ быть, вамъ, не дожидаясь мая, сейчасъ же пустить кровь.

— Я такъ и сдѣлаю, а пока отдохну минуту, и мы опять перейдемъ къ дѣлу.

Тѣмъ не менѣе, прошло не мало времени, прежде чѣмъ Понговскій совершенно опаматовался, связи жиѣ на его лбу распрямились, сердце начало биться обычнымъ движеніемъ, и онъ сказалъ:

— Не скажу, чтобы силы мои изсякли, и если бы рукою, которая у меня осталась, я хорошенько сжалъ бы вотъ этотъ серебряный кубокъ, то думаю, что безъ труда превратилъ бы его въ лепешку. Но здоровье и силы не одно и то же, хотя то и другое въ рукахъ Божіей.

— Бренная вещь—жизнь человѣческая!

— Вотъ поэтому-то собственно и надобно спѣшить. Вы говорите о Тачевскомъ и о чувствахъ, которыя молодые люди могли питать другъ къ другу. Я скажу откровенно: я слѣпъ не былъ. И я видѣлъ, что что-то начинается, но только въ послѣднее время. Сообразите, что она еще недавно была зеленою ягодою, да и теперь почти не дозрѣла. Онъ приходилъ каждый день,—правда! но у него дома, можетъ быть, и ѣсть-то было нечего, поэтому я принималъ его изъ милости. Бсѣндзъ Войновскій обучалъ его латыни и умѣнью владѣть саблею, а я давалъ ему ѣсть. Вотъ и все. Онъ тоже только годъ тому назадъ преобразился въ молодого человѣка. Я такъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на дѣтей, у которыхъ на умѣ только игры да шалости, и считалъ это дѣломъ естественнымъ. Но чтобы такой раурег смѣлъ подумать,—и о комъ еще? о паннѣ Сенинской,—это, признаюсь, никогда не приходило мнѣ въ голову, и только въ самое послѣднее время я началъ кое-что соображать.

— Ну, раурег-то раурег, а всетаки Тачевскій...

— Изъ Глодоморскаго помѣстья!... Нѣтъ, благодѣтель, тотъ, который вылизываетъ чужія кастрюли, только съ псами и можетъ водить компанію. И вотъ, когда я началъ соображать, въ чемъ дѣло, то внимательнѣй началъ присматриваться къ нему, и знаете, что и открылъ? А то, что это не только пройдоха и голышъ, но и гадъ ядовитый, готовый всегда укусить руку кормящаго его. Слава Богу, онъ уѣхалъ, но на прощаньи ужасилъ не только меня, но и эту невинную дѣвушку.

— Такъ вотъ онъ каковъ?—спросилъ прелать.

Панъ Понговскій началъ ему рассказывать, какъ и что было, изображая поступки Тачевского такими черными красками, что хоть сейчасъ за палачомъ посылай.

— Не бойтесь, благодѣтель,—сказалъ онъ въ концѣ,—Букоемскіе во время нашей поѣздки въ Пшитыкъ такъ долили Анусъ, такъ долили, что даже черезъ край пошло, и дѣло стоитъ такъ, что теперь дѣвушка ни къ какому Божью творенію не питаетъ такого от-

вращенія, какъ къ этому проходимцу, къ этому выродку, къ этому бездѣльнику!...

— Удержитесь, потому что вы опять взволнуете въ себѣ кровь.

— Правда. Я совсѣмъ не о томъ хотѣлъ говорить, а о томъ, что ни въ чемъ не хочу обидѣть дѣвушку, не хочу употреблять никакого насилія. Убѣжденія,—это дѣло совсѣмъ другого рода. Но сдѣлать это долженъ человѣкъ посторонній, ея и мой другъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ вліятельный, великаго ума, который и ловкія слова можетъ пустить въ ходъ, и сердце затронуть, и убѣдить разумъ. Я и хотѣлъ просить васъ, потому что знаю ваше расположеніе ко мнѣ, и увѣренъ, что вы не откажете, не только *per amicitiam* ко мнѣ, но и изъ соображенія, что дѣло мое правое и достойное.

— Дѣло идетъ о вашей пользѣ и ея пользѣ, поэтому я и не отказываю,—сказалъ прелатъ,—но только я желалъ бы сначала подумать, какъ бы получше сдѣлать это.

— Тогда я сейчасъ пойду къ цирюльнику и прикажу ему пустить себѣ кровь, чтобы вернуться домой съ болѣе свѣжимъ разумомъ, а вы тѣмъ временемъ составите надлежащій планъ. Вамъ это будетъ не трудно, а съ той стороны, какъ я думаю, едва ли найдется какое-нибудь препятствіе.

— Препятствіе можетъ быть только одно, панъ Понговскій.

— Какое?

— Дружба обязываетъ къ откровенности, и поэтому я буду говорить съ вами искренно. Вы почтенный человѣкъ,—знаю! но немножко твердоватый. Такая у васъ репутація, и заслужили вы ее потому, что всѣ, кто зависить отъ васъ, страшно васъ боятся. Не только мужики, изъ-за которыхъ вы разошлись съ всендзомъ Войновскимъ, не только челядь и ваши служители, но и домашніе. Боялся васъ и Тачевскій, боится панн Винницкая, боится и дѣвушка. Обыкновенно пріѣзжаютъ два свата; я сдѣлаю все, что буду въ состояніи сдѣлать, но боюсь, какъ бы мою работу не испортилъ другой свать.

Глаза Понговскаго на минуту сверкнули гнѣвомъ,—онъ не любилъ, когда ему говорили въ глаза правду, но гнѣвъ подавило изумленіе, и онъ спросилъ:

— О чемъ вы говорите? Какой другой свать?

Всендзъ отвѣтилъ:

— Страхъ.

ХІІ.

Однако, въ тотъ же день они не могли выѣхать въ Белчонку, потому что Понговскій послѣ кровоупусканія сильно ослабѣлъ и говорилъ самъ, что ему нуженъ отдыхъ. Зато на другой день онъ чув-

ствовавъ себя гораздо болѣе свѣжимъ, какъ бы помолодѣвшимъ, и съ доброю надеждой, хотя и съ нѣкоторымъ опасеніемъ приближался къ дому. Всецѣло занятый своими мыслями, онъ по дорогѣ мало разговаривалъ съ всендзомъ, но когда въѣзжалъ уже въ деревню и когда беспокойство сильнѣе охватило его, онъ сказалъ:

— Какъ-то мнѣ странно. Прежде я всегда возвращался къ себѣ, какъ человѣкъ, который у себя полный хозяинъ, и другіе думали о томъ, съ какимъ лицомъ я встрѣчу ихъ, а теперь я думаю о томъ, какъ меня встрѣтятъ.

Всендзъ отвѣтилъ на это:

— Виргилій сказалъ: «*Amor omnia vincit*», но забылъ добавить, что и «*mutat*». Эта Далила волосъ у васъ не острижетъ, потому что вы лысый, но что я увижу, какъ вы у ея ногъ придете кудель, какъ Гераклъ у ногъ Омфалы, такъ это вѣрно.

— Ну, моя натура не такова! я всегда умѣлъ держать въ рукахъ и челядь, и семью.

— Такъ говорятъ люди, но поэтому-то и слѣдуетъ, чтобы и васъ кто-нибудь взнуздалъ.

— Это будетъ очень милая уздечка, — съ необычайной веселостью отвѣтилъ Понговскій.

Они ѣхали очень медленно, потому что въ деревнѣ стояла страшная грязь, а такъ какъ изъ Радома двинулись не раньше полудня, то теперь наступала уже ночь. Въ окнахъ хатъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, свѣтился огонь лучины и перерѣзывалъ дорогу красными полосами. Кое-гдѣ у плетня маячила фигура какого-нибудь мужика или бабы и, увидавъ проѣзжающихъ, торопливо снимала шапку и кланялась въ поясъ. Изъ этихъ черезчуръ низкихъ поклоновъ тотчасъ же можно было замѣтить, что панъ Понговскій умѣлъ держать людей въ рукахъ, да еще такъ, что всендзъ Войновскій не безъ основанія громилъ его за излишнюю суровость. Но въ эту минуту старый шляхтичъ чувствовалъ себя болѣе мягкимъ, чѣмъ обыкновенно, и, смотря на эти согбенныя фигуры и на вросшія въ землю избушки, сказалъ:

— Я и для крестьянъ что-нибудь сдѣлаю, — Ануса всегда застываетъ за нихъ.

— Конечно, нужно что-нибудь сдѣлать! — отвѣтилъ всендзъ.

И они замолкли. Панъ Гедзонъ нѣкоторое время разбирался въ своихъ мысляхъ, потомъ заговорилъ опять:

— Я знаю, что вамъ совѣтовъ давать не нужно, но вы должны сказать ей, что я дѣлаю ей благодѣяніе и прежде всего думаю о ней,

а въ случаѣ ея сопротивленія (котораго тѣмъ не менѣе я совсѣмъ не ожидаю) на нее можно и прикрикнуть.

— Вы говорили, что не хотите ее принуждать.

— Говорилъ, но громадная разница, буду ли я кричать на нее, или ея неблагодарность выставить на видъ кто-нибудь другой, въ особенности духовная особа.

— Предоставьте это моему усмотрѣнію, и если я взялся за дѣло, то употреблю всѣ старанія, чтобы привести его къ благополучному концу. Но одно я всетаки вамъ скажу, что буду говорить съ дѣвушкой *delicatissime*.

— Отлично, отлично! Еще только одно слово. Къ Тачевскому она чувствуетъ великое отвращеніе, но если бы пришлось упомянуть о немъ, то не мѣшало бы сказать противъ него и еще нѣсколько словъ.

— Если бы я поступилъ такъ, какъ вы совѣтуете, то былъ бы неquam.

— Мы подъѣзжаемъ. Ну! Во имя Отца и Сына!

— И Святого Духа,—аминь!

Они подъѣхали къ дому, но навстрѣчу имъ никто не вышелъ, потому что колеса безшумно двигались по грязи, а собаки не лаяли на знакомыхъ людей и лошадей. Въ сѣняхъ было темно, потому что челядь видимо сидѣла въ кухнѣ, и случилось такъ, что на первый вопросъ пана Понговскаго: «Есть тамъ кто-нибудь?»—не показавшись никто, а на второй окрикъ, сдѣланный уже болѣе рѣзкимъ голосомъ, вышла сама паненка.

Она вышла, заслоняя рукою свѣчу, но такъ какъ огонь всетаки освѣщалъ ее, а пріѣхавшіе были въ тѣни, то не узнала ихъ сразу и остановилась у двери. Они тоже заговорили не сразу, во-первыхъ, потому имъ показалось какимъ-то страннымъ пророчествомъ, что именно она вышла къ нимъ навстрѣчу, во-вторыхъ, красота ея поразила ихъ такъ, какъ будто они раньше ее не видали. Пальцы, которыми она заслоняла свѣчу, представлялись розовыми и прозрачными; свѣтъ ползалъ по ея груди, освѣщалъ губы и лицо, которое казалось немного соннымъ и грустнымъ, можетъ быть, потому, что ея глаза были устремлены въ непроглядный мракъ. Но ея лобъ и прекрасные свѣтлые волосы, точно корона, были озарены свѣтомъ. И, окутанная мракомъ, а сама свѣтившаяся, тихая, она стояла передъ ними, подобная ангелу, созданному изъ розоваго блеска.

— О! влянусь Богомъ, словно какое-нибудь видѣніе!—сказалъ прелатъ.

Понговскій крикнулъ:

— Ануся!

Тогда она подбѣжала къ нимъ, поставивъ свѣчку на закраину печи и начала осыпать ихъ привѣтственными словами. Понговскій нѣжно прижалъ ее къ груди, приказавъ радоваться прибытію такого достойнаго гостя и опытнаго совѣтника во всякихъ дѣлахъ, а когда послѣ обильна привѣтствія, всѣ вошли въ столовую комнату, спросилъ:

— Вы уже поужинали?

— Нѣтъ. Прислуга только что собиралась приносить ужинъ изъ кухни, поэтому въ сѣняхъ никого не было.

Ксёндзъ посмотрѣлъ на стараго шляхтича и спросилъ:

— Можетъ быть, сейчасъ не приступить ли къ дѣлу?

— Нѣтъ, нѣтъ, — торопливо отвѣтилъ Понговскій. — Пани Винницкая все устроитъ.

Дѣйствительно, пани Винницкая сейчасъ же все устроила, и спустя четверть часа всѣ сѣли за подогрѣтое вино и за яичницу.

Ксёндзъ Творковскій ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ, но въ концѣ ужина лицо его сдѣлалось серьезнымъ, и онъ сказалъ, обращаясь къ паненнѣ:

— Ясновельможная панна! Одинъ Богъ знаетъ, почему меня зовутъ совѣтникомъ, но коль скоро и вашъ опекунъ величаетъ меня такъ, тогда я долженъ переговорить съ вами по дѣлу, которое онъ поручилъ моему немощному уму.

У пана Понговскаго при этихъ словахъ опять выступили на лбу связи жилъ, а панна слегка поблѣднѣла и беспокойно поднялась съ мѣста. Ей, неизвѣстно почему, показалось, что ксёндзъ будетъ говорить о Яцкѣ.

Прелать сказалъ:

— Прошу васъ въ отдѣльную комнату.

И они ушли.

Панъ Понговскій глубоко вздохнулъ разъ, вздохнулъ другой, барабанилъ пальцами по столу, потомъ всталъ и, чувствуя потребность заглушить внутреннее волненіе какими-нибудь словами, сказалъ, обращаясь къ пани Винницкой:

— Вы обращали когда-нибудь вниманіе, какъ всѣ родственники моей покойной жены ненавидятъ Агусю?

— Въ особенности Кшенепцкіе, — отвѣтила пани Винницкая.

— Да что тамъ! Они чуть зубами не скрежещутъ при ея видѣ, но скоро заскрежещутъ еще больше.

— Почему такъ?

— Вы скоро узнаете, а теперь пора подумать и о комнатѣ для прелата.

Черезъ минуту панъ Понговскій остался одинъ. Пришли слуги убирать посуду послѣ ужина, но онъ, съ внезапнымъ взрывомъ гнѣва, приказалъ имъ уйти вонъ, и въ комнатѣ сдѣлалось тихо, только гданскіе часы повторяли громко и важно: тикъ-такъ, тикъ-такъ!... Понговскій положилъ руку на лысину и началъ ходить по комнатѣ. Приблизился онъ къ двери комнаты, въ которой прелать разговаривалъ съ панной Сенинъской, но оттуда доносились только глухой шумъ, въ которомъ онъ могъ различить голосъ всѣндза, но словъ разобрать не могъ. Онъ то садился на мѣсто, то подходилъ къ окну, потому что ему казалось, что тамъ будетъ не такъ душно, и безсознательно смотрѣлъ на небо, по которому вѣтеръ гналъ клочки разорванныхъ весеннихъ тучъ, а блѣдная луна, казалось, взбиралась все выше и выше. Когда она скрывалась за тучами, пана Понговскаго охватывали дурныя предчувствія, онъ видѣлъ въ окно черныя вѣтви ближайшихъ деревьевъ, точно изнывающихъ въ мукѣ, и точно также металась его мысль, беспорядочныя, злыя, похожія на упреки совѣсти, на глухое сознаніе, что совершается недоброе дѣло, за которое его ожидаетъ близкая кара... Но когда на дворѣ прояснялось, надежда снова осыпала его. Всякій имѣетъ право думать о своемъ счастьи, а что касается Тачевского,—то важная вещь! развѣ иные люди къ такимъ способамъ прибѣгаютъ? О чемъ здѣсь идти рѣчь? О благоденствіи и спокойствіи дѣвушки, а притомъ и ему жизнь немного улыбается подъ старость,—да это и надлежитъ ему... И только это одно правда, а остальное—вѣтеръ, вѣтеръ!

Онъ снова почувствовалъ головокруженіе, черныя круги снова начали скакать у него передъ глазами, но продолжалось это очень недолго. Потомъ онъ снова началъ ходить и приближаться къ дверямъ, за которыми рѣшалась его судьба. Тѣмъ временемъ свѣчи на столѣ сильно нагорѣли, и въ комнатѣ сдѣлалось темно. По временамъ голосъ всѣндза становился такимъ громкимъ, что, пожалуй, и отдѣльныя слова доходили бы до уха Понговскаго, если бы не вѣчные «тикъ-такъ» часовъ. Легко можно было понять, что такой разговоръ скоро кончиться не можетъ, но тѣмъ не менѣе тревога пана Гедеона все возрастала и возрастала, принимая форму нагихъ-то странныхъ вопросовъ, связанныхъ съ прошлымъ, съ воспоминаніемъ не только старыхъ скорбей и несчастій, но также и старыхъ, не сознанныхъ до сихъ поръ винъ, старыхъ тяжкихъ грѣховъ и недавнихъ несправедливостей, оказанныхъ не только Тачевскому, но и другимъ людямъ.

— За что и почему ты долженъ быть счастливъ?—спрашивала у него совѣсть.

И въ эту минуту онъ далъ бы Богъ знаетъ что, чтобы хоть пани

Винницкая возвратилась въ комнату, и чтобы ему не оставаться наединѣ съ своими мыслями. Но пани Винницкая была занята гдѣ-то на другомъ концѣ дома, а въ этой комнатѣ только часы повторяли: тикъ-такъ, тикъ-такъ! да совѣсть допрашивала:

— За что Богъ долженъ награждать тебя?

И панъ Понговскій чувствовалъ, что если теперь эта дѣвушка, похожая на цвѣтокъ и на ангела, минуетъ его, — то его жизнь уже окутается такимъ мракомъ, который будетъ продолжаться вплоть до той минуты, когда наступитъ ночь смерти.

Въ это время двери вдругъ распахнулись, и вошла панна Сеиньская, блѣдная, со слезами на глазахъ, а за нею всендзъ.

— Ты плачешь? — хриплымъ, задыхающимся голосомъ спросилъ панъ Понговскій.

— Это отъ благодарности, опекуны! — отвѣтила дѣвушка, протягивая къ нему руки.

И она припала къ его колѣнамъ.

XIII.

Въ ту же самую ночь, но только позже, пани Винницкая пришла въ комнату къ своей родственницѣ, застала ее еще нераздѣтою и вступила съ нею въ разговоръ.

— Я не могу опомниться отъ изумленія, — сказала она, — я чего угодно ожидала, но не того, что пришло въ голову старому пану.

— И я не ожидала.

— Ну, и что же? Неужели это такъ и будетъ? Я сама не знаю, что думать, радоваться или нѣтъ?... Всендзъ-премать, какъ особа духовная, видитъ вещи ясныѣ, чѣмъ мы, свѣтскіе люди, и его слова справедливы, что у тебя до смерти будетъ пристанище, и кромѣ того свое, а не чужое, но, съ другой стороны, панъ Понговскій челоувѣкъ уже въ лѣтахъ (тутъ пани Винницкая понизила голосъ), а это не пугаетъ тебя?

— Свершилось, и думать теперь уже не о чемъ, — сказала панна Сеиньская.

— Что это ты говоришь?

— Я говорю, что обязана ему за пристанище и за кусокъ хлѣба, и что плохая расплата — моя особа, которую никто другой не пожелалъ бы. Но если онъ желаетъ ее, то это еще новое его благодѣяніе!

— Онъ давно желалъ, — таинственно сказала старушка. — Сегодня послѣ разговора съ тобою онъ призывалъ меня; — я думала, что

за ужиномъ что-нибудь не удалось и онъ будетъ браниться,—а онъ ничего! Вижу, онъ какой-то веселый, и вдругъ сообщилъ мнѣ новость. Подо мною даже ноги задрожали. А онъ говорить: «Отчего это вы, сударыня, какъ жена Лота, въ соляной столбъ обратились,—нужно я такой старый грибъ? Нѣтъ! говорю, только такая неожиданная вещь!—А онъ опять: «Я давно думалъ объ этомъ, но мысль моя была, словно какъ рыба на днѣ рѣки, пока не нашелся одинъ человѣкъ, который помогъ ей всплыть наверхъ... И знаете, кто?»

Я была увѣрена, что это всендѣ прелатъ Творковскій, но онъ сказалъ: «Вовсе не всендѣ Творковскій, а панъ Гротусъ».

Наступила минута молчанія.

— А я думала, что это панъ Тачевскій!—сквозь стиснутые зубы сказала панна Сениньская.

— Что ты? Почему именно Тачевскій?

— Чтобы показать, что онъ ничуть не заботится обо мнѣ.

— Да вѣдь ты же знаешь, что Тачевскій не видался съ паномъ Гедеономъ.

Она съ лихорадочною поспѣшностью начала повторять:

— Да!—я знаю! У него въ головѣ было совсѣмъ другое. Пусть, пусть! Я ничего не хочу знать! Не хочу! Не хочу! Все кончилось, и хорошо кончилось!

Сухое, спазматическое рыданіе поколебало ея грудь. Съ минуту она еще повторяла: «хорошо кончилось!» потомъ вдругъ опустилась на колѣна и начала молитву, которую онъ обыкновенно каждый день читали со старой пани Винницкой.

На другой день она явилась въ свѣтлицу уже съ болѣе спокойнымъ лицомъ. Но видно было, что въ ней что-то измѣнилось, что-то осталось недоговореннымъ, что-то замкнулось глубоко-глубоко. Она не была грустна, но какъ бы вдругъ стала на нѣсколько лѣтъ старше, и отъ нея вѣяло какимъ-то тихимъ величіемъ, такъ что панъ Понговскій, который до сихъ поръ считался только съ самимъ собою, теперь поневолѣ началъ считаться и съ нею. Вообще онъ не могъ справиться со всѣмъ этимъ, а въ особенности страннымъ ему казалось то, что онъ чувствовалъ какъ будто какую-то зависимость отъ нея. Онъ началъ опасаться тѣхъ мыслей, которыхъ она еще не высказала, но которыя могла прятать у себя въ душѣ, старался устранять ихъ, а на ихъ мѣсто подсунуть другія, такія, какія онъ желалъ внушить ей. Даже молчаніе пани Винницкой было ему тягостно и казалось подозрительнымъ, поэтому онъ притворялся веселымъ, шутилъ, но отъ времени до времени искры гнѣва такъ и загорались въ его стальныхъ глазахъ.

Тѣмъ временемъ вѣсть объ его сватовствѣ разошлась по всей околицѣ. Онъ, впрочемъ, не дѣлалъ изъ этого тайны, напротивъ, собственноручнымъ письмомъ извѣстилъ Ципріяновича и ближайшихъ сосѣдей, разослалъ письма къ Бохановскимъ, Подледовскимъ, Сульгостовскимъ, пану Гротусу, Кшепецкимъ, и даже дальнимъ родственникамъ жены съ приглашеніемъ на помолвку, послѣ которой тотчасъ же должна была слѣдовать свадьба.

Правда, панъ Понговскій охотно испросилъ бы разрѣшеніе избѣжать обычнаго оглашенія, но, къ несчастію, стоялъ Великій постъ, и поневолѣ нужно было ждать, когда придетъ Святая. Тогда онъ взялъ обѣихъ женщинъ и поѣхалъ съ ними въ Радомъ, гдѣ панна должна была дѣлать себѣ приданое, а онъ—покупать лошадей, получше тѣхъ, которыя стояли въ белчончскихъ конюшняхъ.

Доходили до него слухи, что среди родственниковъ, которые считывали забрать все, что останется не только послѣ его покойной жены, но и послѣ него, идетъ шумъ, словно въ ульѣ, но это собственно и радовало его, потому что всѣхъ ихъ онъ ненавидѣлъ отъ глубины души и всегда думалъ о томъ, какъ бы сдѣлать какую-нибудь непріятность. Эти извѣстія о сѣздахъ, ропотѣ и совѣщаніяхъ сокращали его времяпровожденіе въ Радомѣ, а когда, наконецъ, приданое было готово, а новая упряжка куплена,—они возвратились въ Белчончку подъ самый Великій праздникъ. Гости начали сѣзжаться почти тотчасъ же, потому что помолвка должна была происходить на третій день праздника.

Первыми явились Кшепецкіе, самые близкіе сосѣди и родственники пана Гедеопа: отецъ-старикъ, насчитывающій почти восемьдесятъ лѣтъ, съ ястребинымъ лицомъ, прославившійся своимъ сваредствомъ, три дочери, изъ которыхъ младшая, Теела, была хорошенькою и веселою дѣвушкой, а двѣ старшихъ, Агнешка и Іоанна—перезрѣлыми дѣвами, и наконецъ сынъ Мариціанъ, по прозвищу Пенѣкъ.

Онъ справедливо носилъ это имя, потому что ужасно былъ похожъ на толстый пенъ. Грудь и плечи у него были могучія, но ноги кривыя и такіа короткія, что онъ казался почти карликомъ. Зато руки его доходили чуть не до колѣнъ. Иные считали его горбатымъ, но горбатымъ онъ не былъ, только голова его была почти совсѣмъ лишена шеи и такъ низко насажена на туловищѣ, что высокія плечи почти доходили ему до ушей. На этой головѣ видѣлись вынужденные сласдоустранные глаза, а лицо его походило на козліную голову, причемъ это сходство еще больше увеличивала небольшая борода, которую онъ носилъ какъ бы умышленно и вопреки всеобщему обычаю.

Въ войскахъ онъ не служилъ, потому что товарищи насмѣхались

надъ нимъ, и въ свое время ему пришлось множество разъ драться на дуэли. Въ его короткомъ, неуязвимомъ тѣлѣ заключалась великая сила, и люди сильно опасались его, потому что онъ былъ буйнъ и забіяка, который всегда выискивалъ удобнаго случая, и при всякомъ столкновеніи выказывалъ какую-то звѣрскую свирѣпость. Однажды онъ тяжело поранилъ въ Радомѣ своего двоюроднаго брата Кшепецкаго, красиваго и добраго молодого человѣка, и тотъ едва не умеръ отъ ранъ. Боялись его не только сестры, но даже и отецъ, а онъ чувствовалъ почтеніе только къ Тачевскому, потому что зналъ его искусство владѣть шпагою, и къ Букоемскимъ, одинъ изъ которыхъ, а именно Лукашъ, однажды перебросилъ его, какъ вязанку соломѣ, черезъ заборъ въ Едльнѣ.

Онъ обладалъ репутаціей великаго сластолюбца, — и справедливо. Панъ Понговскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ выгналъ его изъ своего дома потому, что онъ ужъ слишкомъ по козлиному началъ смотрѣть на панну Сенинскую, хотя въ это время она была еще дѣвочкою. Но такъ какъ послѣ этого происшествія прошло много времени, такъ какъ они послѣ этого встрѣчались потомъ и въ Радомѣ и въ домахъ сосѣдей, то панъ Гедеонъ пригласилъ и его на семейное торжество.

Вслѣдъ за Кшепецкими пріѣхали Сульгостовскіе, два брата близнеца, настолько похожіе другъ на друга, что когда они надѣвали одинаковые контуши, то никто не могъ различить ихъ; потомъ трое болѣе отдаленныхъ Сульгостовскихъ изъ-за Пшитыка, и многочисленная семья Забежовскихъ, состоящая изъ девяти человѣкъ, всѣ красавцы одинъ къ одному. Изъ ближайшихъ сосѣдей прибылъ панъ Ципріановичъ, но одинъ, потому что его сынъ уже отправился въ полкъ; панъ староста Подлѣтовскій, бывший уполномоченный всецѣльнаго магната изъ Замостья, семья Быхановскихъ, ксѣндзъ изъ Пшитыка, ксѣндзъ прелатъ Творковскій изъ Радома, который долженъ былъ благословить обручальныя кольца, и множество шляхты изъ близкихъ и далекихъ сторонъ. Иные явились даже безъ приглашенія, рассчитывая, что гость, даже совершенно незнакомый, всегда будетъ принять съ распростертыми объятіями, и что когда представляется возможность поѣсть и выпить, то ея никакъ не нужно упускать.

И дворъ въ Белчончѣ зарылся бричками и каретами, конюшни биткомъ были набиты лошадьми, флигеля разной челядью, а самый домъ разноцвѣтными контушами, саблями, подбритыми головами. Всюду слышался латинскій языкъ, щебетанье женщинъ, шелестъ роброновъ. Дворовыя дѣвки летали съ горячей водою, пьяная челядь съ бутылками старыхъ винъ, изъ кухни, какъ изъ смолокурни, съ утра до вечера валилъ паръ, а окна дома свѣтились такъ, что на всемъ

дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. А среди этой толпы по комнатамъ расхаживалъ панъ Понговскій, гордый, важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы помолодѣвшій, въ кармазиновомъ бархатномъ контушѣ, съ саблей, сверкающей драгоценными камнями, — единственной драгоценностью, кабая осталась паннѣ Сенинской отъ баснословно богатыхъ предковъ. Онъ ходилъ, обращался съ ласковыми словами ко всѣмъ, по временамъ, когда на него нападало головокруженіе, опирался руками о поручень какого-нибудь кресла, и снова ходилъ, угощалъ важныхъ гостей, пристукивалъ каблуками, приближаясь къ старымъ барынямъ, но больше всего водилъ влюбленными глазами за «своей Апусей», которая въ этой разноцвѣтной толпѣ, подъ огнемъ взглядовъ, то недоброжелательныхъ, то завистливыхъ, а то и сладострастныхъ, цвѣла бѣлизною лиліи, кроткая, можетъ быть, немного грустная, а можетъ быть и проникнутая важностью того, что должно ее встрѣтить.

Но вечеромъ на третій день праздника, во вторникъ, загремѣли дворовыя пушки, объявляя гостямъ и деревнѣ, что торжественная минута обрученія наступила.

Тогда всѣ гости расположились въ свѣтлицѣ полукругомъ, женщины и мужчины, въ великолѣпныхъ одеждахъ, отливающихъ всѣми цвѣтами радуги при свѣтѣ горящихъ свѣчей, а противъ нихъ сталъ панъ Понговскій съ панною Сенинскою. Вспарилась тишина, глаза всѣхъ были устремлены на невесту, которая съ опущенными глазами, съ сосредоточеннымъ и серьезнымъ лицомъ, безъ улыбки, но и безъ горестнаго выраженія, казалась словно уснувшей. Ксѣндзь прелатъ Творковскій, сопровождаемый Теклой Бшепецкой, державшей на серебряномъ подносѣ обручальныя кольца, одѣтый въ стихарь, выступилъ изъ полукруга и началъ рѣчь будущей супружеской парѣ. Онъ говорилъ по ученому, долго и краснорѣчиво, объясняя, что такое значить «*sponsalia de futuro*» и какое значеніе придавала церковь обрученію съ первыхъ временъ христіанства. Онъ цитировалъ Тертуліана и Тридентскій соборъ, и только потомъ, обратившись къ пану Понговскому и паннѣ Сенинской, сталъ доказывать имъ, какъ мудро было ихъ рѣшеніе, какое благодѣяніе они оказываютъ другъ другу и какъ ихъ будущее счастье зависитъ единственно отъ нихъ самихъ. Гости слушали это съ удивленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ неудовольствіемъ, потому что они вообще неблагоприятно смотрѣли на этотъ союзъ. Самъ панъ Гедзонъ, у котораго отъ долгаго стоянія опять закружилась голова, началъ переступать съ ноги на ногу и давать прелату глазами знаки, чтобы онъ поскорѣе кончалъ. Ксѣндзь Творковскій замѣтилъ это не скоро, наконецъ, благословилъ кольца

и надѣлъ ихъ на пальца обрученныхъ. Тогда на дворѣ снова загремѣли пушки, а съ хоръ столовой комнаты раздались звуки оркестра, состоящаго изъ пятерыхъ отлично играющихъ радомскихъ жидковъ. Гости по очереди подходили приносить поздравленія хозяину и невестѣ, подходили по большей части съ кислыми и неискренними улыбками. Двѣ старшихъ панны Ышепецкихъ такъ просто съ явнымъ издѣвательствомъ присѣдали передъ «тегушкой», а панъ Марціанъ, цѣлуя у нея руку, такимъ манеромъ выражалъ надежду на ея благоволеніе и смотрѣлъ на нее такимъ козлинымъ взглядомъ, что панъ Понговскій долженъ былъ бы и вторично выгнать его изъ своего дома.

Но другіе, болѣе отдаленные родственники и менѣе жадные люди высказывали свои пожеланія горячо и искренно. Тѣмъ временемъ двери въ столовую комнату широко распахнулись; панъ Понговскій подалъ руку нареченной, а за нимъ двинулись и другія пары, озаренныя невѣрнымъ свѣтомъ, потому что огонь свѣчей заколебался отъ сильнаго притока воздуха, повѣявшаго изъ холодныхъ сѣней. Изъ этихъ сѣней наплывала волна челяди, наполовину уже пьяной, съ неисчислимымъ количествомъ блюдъ и посуды съ виномъ. Въ столовой, по случаю постоянно растворяемыхъ дверей, было такъ холодно, что гостей въ первую минуту охватила дрожь, а такъ какъ огонь свѣчей не переставалъ колыхаться, то и все убранство стола казалось угрюмымъ и тусклымъ. Но нужно было надѣяться, что вино скоро разогрѣетъ кровь въ жилахъ, а вина панъ Понговскій не пожалѣлъ. Въ обыденной жизни онъ былъ скорѣе человекомъ скупымъ, зато въ исключительныхъ случаяхъ любилъ отличиться такъ, чтобы о немъ долго говорили. Такъ было и на этотъ разъ. За каждымъ гостемъ стоялъ прислужникъ съ запялсневѣдой бутылкой, и даже нѣсколько человекъ прислуги было укрыто подъ столомъ, на тотъ случай, что когда гость, не могущій болѣе пить, опуститъ кубокъ на колѣна, то чтобы наполнить его вновь. Огромныя чары, кубки и стаканы стояли передъ каждымъ приборомъ, только передъ женщинами красовались французскія или итальянскія рюмки.

Гости, тѣмъ не менѣе, всего стола не заняли, потому что панъ Понговскій распорядился поставить приборы болѣе, чѣмъ было нужно. Ысѣндзъ-прелать окинулъ глазами эти пустыя мѣста и началъ восхвалять гостепріимство дома и самого хозяина, но такъ какъ голосъ у него всегда былъ громкій, да тутъ онъ еще немного приподнялся со стула, желая болѣе удобно размѣстить складки сутаны, то всѣ присутствующіе подумали, что онъ хочетъ провозгласить первый тостъ, и потому всѣ замолкли.

— Мы слушаемъ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Нечего и слушать-то, — весело отвѣтилъ всѣмъ. — До тостовъ еще дѣло не дошло, хотя и до нихъ скоро дойдетъ, потому что я вижу, какъ иные изъ васъ потираютъ себѣ голову, а панъ Бохановскій даже шепчетъ про себя что-то и считаетъ по пальцамъ. Что дѣлать, господа! Отъ кого же, какъ не отъ Бохановскаго ожидать стиховъ. Я одно хотѣлъ сказать, что одобряю старопольскій обычай ставить приборы для неожиданныхъ гостей.

— Да, — сказалъ панъ Понговскій, — когда домъ ночью свѣтитъ, то изъ темноты всегда можетъ кто-нибудь подѣхать.

— А, можетъ быть, кто-нибудь и ѣдетъ, — отозвался панъ Бохановскій.

— Развѣ панъ Гротусъ?

— Нѣтъ, панъ Гротусъ на сеймѣ. Если и пріѣдетъ какой-нибудь гость, то совсѣмъ неожиданный.

— Но мы не услышимъ его, потому что земля совсѣмъ размякла.

— Ну, вотъ, собака подъ окномъ залаяла. Должно быть, кто-нибудь пріѣхалъ.

— Съ этой стороны никто не явится, потому что огня выходятъ въ садъ.

— Да и собака не лаетъ, а воетъ.

Дѣйствительно, такъ оно и было. Собака отозвалась разъ, другой и третій, потомъ ея лай перешелъ въ низкій, унылый вой.

Панъ Понговскій поневолѣ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ, какъ много-много лѣтъ тому назадъ, далеко отсюда, въ его домъ на Руси точно также собаки были передъ внезапнымъ нашествіемъ татаръ.

А паннѣ Сенинской пришла въ голову мысль, что ей теперь уже никого ожидать не дозволяется и что если кто-нибудь пріѣхалъ бы изъ темноты въ освѣщенный домъ, то пріѣхалъ бы поздно.

Но и другимъ пирующимъ сдѣлалось какъ-то не по себѣ, тѣмъ болѣе, что къ первой собакѣ присоединилась другая, и за окномъ раздался двойной вой.

Гости невольно прислушивались къ нему въ тягостномъ молчаніи, которое, наконецъ, прервалъ Марціанъ Кшепецкій.

— А ну его совсѣмъ, такого гостя, на котораго собаки воютъ, — сказалъ онъ.

— Вина! — крикнулъ панъ Понговскій.

Но сосуды были полны, и наливать надобности не представлялось. Старикъ Кшепецкій, отецъ Марціана, тяжело поднялся съ кресла и видимо хотѣлъ что-то сказать. Всѣ обратили на него вниманіе, а люди постарше приложили къ уху руку трубочкой, чтобы лучше разслышать, но старикъ долгое время только жевалъ губа-

ми, причеиъ борода его почти сходилась съ носомъ, такъ какъ у него совершенно не было зубовъ.

Тѣмъ временемъ, несмотря на то, что на дворѣ стояла оттепель и земля совсѣиъ размякла, съ другой стороны двора слышался словно глухой стукъ колесъ, и длился долго, словно кто-то два раза объѣхалъ вокругъ двора. Тогда старикъ Кшепецкiй, который было уже поднялъ кубокъ, снова поставилъ его на столъ и началъ смотрѣть на дверь.

Другiе послѣдовали его примѣру.

— Посмотрѣть, кто тамъ прiѣхалъ!—сказалъ панъ Понговскiй слугѣ.

Слуга побѣжалъ, но тотчасъ же возвратился назадъ.

— Никого нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Странно, — отозвался прелать Творковскiй, — слышно было ясно.

— Всѣ слышали,—подтвердилъ одинъ изъ близнецовъ Сульгостовскихъ.

— И собаки перестали выть,—добавилъ другой.

Въ это время двери изъ сѣней, видимо плохо притворенныя, сами собою распахнулись, и въ комнату ворвалось такое сильное дуновенiе вѣтра, что нѣсколько свѣчей сразу погасло.

— Что это? Запирай двери! Свѣчи гаснутъ!—слышалось нѣсколько голосовъ.

Но вѣстѣ съ дуновенiемъ вѣтра въ комнату какъ будто ворвался и какой-то страхъ. Пани Винницкая, особа боязливая, съ предразсудками, начала громко креститься:

— Во имя Отца и Сына и Святаго...

— Тише, сударыня!—перебилъ ее панъ Понговскiй.

Потомъ, повернувшись къ паннѣ Аннѣ, онъ поцѣловалъ у нея руку.

— Радость нашу не можетъ нарушить какая-нибудь погасшая свѣча,—сказалъ онъ,—и дай миѣ Богъ быть до конца жизни такъ счастливымъ, какъ я счастливъ теперь, не правда ли, Анусъ?

Она точно также наклонилась къ его рукѣ.

— Правда, опекунъ,—отвѣтила она.

— Аминь!—закончилъ прелать.

Потомъ онъ всталъ и началъ говорить:

— Господа, коль скоро неожиданный звукъ видимо парализовалъ остроумную рѣчь пана Кшепецкаго, то дозвольте миѣ быть истолкователемъ тѣхъ чувствъ, которыми пламенѣетъ наша душа. И вотъ, прежде

чѣмъ мы воскликнемъ: о, гименей! поднимемъ первый тостъ за здоровье обрученныхъ, за будущее ихъ счастье. Vivant, crescant, flogeant!

— Vivant, vivant! — загремѣли всѣ голоса.

Грянулъ радомскій оркестръ, а за окнами кучера начали шелкать бичами. Челядь точно также подняла крикъ во всемъ домѣ, а въ комнатахъ, среди неустанныхъ виватовъ, раздавалось:

— Vivant, crescant, flogeant!

Долго продолжались крики, топотъ ногъ, звуки трубъ и шелканье бичей, и все утихло лишь тогда, когда панъ Понговскій всталъ, поднялъ кубокъ и заговорилъ громкимъ голосомъ:

— Дорогие родственники, друзья и гости!... Прежде чѣмъ я могу выразить вамъ свою признательность нескладными словами, прежде чѣмъ ударю вамъ челомъ за ваше братское и сосѣдское сочувствіе, которое вы мнѣ оказали, собравшись въ такомъ числѣ подъ моей убогой кровлей...

Слова «подъ моей убогой кровлей» онъ проговорилъ какимъ-то страннымъ, тихимъ, словно покорнымъ голосомъ, потомъ сѣлъ снова и склонилъ голову такъ, что челомъ дѣйствительно коснулся закраины стола. Всѣ гости пришли въ изумленіе, что человѣкъ, обыкновенно такой холодный и надменный, теперь заговорилъ съ такою сердечностью.

Они подумали, что великое счастье растопляетъ даже самыя твердыя сердца, и, ожидая, что онъ скажетъ дальше, смотрѣли на его сѣдую голову, все еще покоящуюся на закраинѣ стола.

— Тише! Мы слушаемъ! — раздались голоса.

И, дѣйствительно, наступила глубокая тишина.

Панъ Понговскій не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

— Что съ вами? Что такое?... Ради Бога!...

— Говорите же!...

Но панъ Понговскій отвѣтилъ только громкимъ хрипомъ, причѣмъ его спина и плечи начали содрогаться.

Панна Сениньская вскочила съ мѣста, блѣдная, какъ полотно, и начала кричать испуганнымъ голосомъ:

— Опекунь! Опекунь!

Въ комнатахъ воцарились шумъ и замѣшательство. Послышались крики и вопросы. Понговскаго окружили цѣлою стѣной, прелать схватилъ его за плечи и перегнулъ черезъ поручень кресла. Другіе поливали его водою и совѣщались, не перенести ли его на постель и не пустить ли ему кровь. Женщины съ пронзительнымъ крикомъ и рыданіями бѣгали по комнатамъ, а панъ Понговскій, съ завинutoй назадъ

головою, съ напрягшимися жилами на лбу и съ закрытыми глазами, хрипѣлъ все громче и громче.

Неожиданный гость, дѣйствительно, прибылъ изъ мрака и вступилъ въ его домъ, страшный и неуомлимый.

XIV.

Челядь по распоряженію ксѣндза взяла больного и перенесла его на другой конецъ дома, въ «канцелярію», которая служила пану Понговскому вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней. Тотчасъ же послали въ деревню за кузнецомъ, который умѣлъ пускать кровь и пускалъ ее одинаково какъ людямъ, такъ и животнымъ. Вскорѣ оказалось, что онъ находится передъ домомъ вмѣстѣ съ цѣлою толпою, собравшеюся на угощеніе, но, къ несчастію, былъ совершенно пьянъ. Пани Винницкая вспомнила, что ксѣндзъ Войновскій славится на всю околицу, какъ общепризнанный врачъ, и за нимъ отправили телѣжку, хотя казалось несомнѣннымъ, что все это ни къ чему не послужить и что для больного нѣтъ уже никакого спасенія.

Такъ оно и оказалось. Кромѣ панны Сенинской, пани Винницкой, двухъ пановъ Кшепецкихъ и пана Забеговскаго, который до нѣкоторой степени считалъ себя медикомъ, ксѣндзъ Творковскій никого не пустилъ въ канцелярію, чтобы толпа не мѣшала лѣченію. Всѣ другіе гости, какъ женщины, такъ и мужчины, столпились въ большой сосѣдней гостиной, гдѣ были приготовлены постели для мужчинъ, и стояли совершенно, какъ стадо встревоженныхъ овецъ, полныя безпокойства, опасенія и любопытства и, смотря на двери, ожидали новостей, а нѣкоторые потихоньку обмѣнивались замѣчаніями по поводу ужаснаго событія и предвѣстій, которыя сулили несчастіе.

— Вы замѣтили, какъ мелькали свѣчи и огоньки были какіе-то красные, — видно, смерть уже заслоняла ихъ, — шопотомъ отозвался одинъ изъ Сульгостовскихъ.

— Она была между нами, а мы не знали объ этомъ.

— И собаки на нее выли.

— А этотъ стукъ колесъ? Можетъ быть, она-то и въѣзжала тогда.

— Видно, Богъ не хотѣлъ допустить брака, который былъ бы несправедливостью для всѣхъ родственниковъ.

Дальнѣйшій шопотъ прервало появленія пани Винницкой и Марціана Кшепецкаго. Она быстро пробѣжала по комнатѣ, спѣша за ковчежцемъ съ мощами, который отгонялъ злыхъ духовъ, а его тотчасъ же окружили толпою:

— Что тамъ, какъ дѣло?

Марціанъ пожалъ плечами и поднялъ ихъ такъ, что голова его почти оказалась на груди, и отвѣтилъ:

— Хрипить еще.

— Надежды нѣтъ?

— Нѣтъ.

Въ это время сквозь полуоткрытыя двери донеслись ясно торжественныя слова прелата Творковского:

— *Ego te absolvo a peccatis tuis, et ob omnibus censuris, in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*

Всѣ преклонили колѣна и начали молиться. Пани Вьяницкая прошла между колѣнопреклоненными, держа въ обѣихъ рукахъ ковчегъ. Марціанъ послѣдовалъ за нею и заминулъ двери.

Но присутствующіе не долго оставались запертыми. Не прошло и четверти часа, какъ Марціанъ показался снова и крикнулъ своимъ скрипучимъ, кларнетнымъ голосомъ:

— Скончался!

Тогда всѣ, со словами «вѣчная память!», одинъ за другимъ двинулись въ канцелярію, чтобы бросить послѣдній, прощальный взглядъ на покойника.

Тѣмъ временемъ на другомъ концѣ дома, въ столовой комнатѣ, начали совершаться омерзительныя вещи. Слуги въ Белчончѣ настолько боялись пана Понговскаго, насколько ненавидѣли его, что имъ теперь казалось, что вмѣстѣ съ его смертью для нихъ наступаетъ время освобожденія, радости и безнаказаннаго своевольства. Слугамъ пріѣзжихъ господъ тоже представлялася возможность разгула, и вотъ вся толпа какъ мѣстная, такъ и чужая, болѣе или менѣе перепившаяся съ полудня, бросилась теперь на ѣду и питье. Слуги приставляли къ губамъ цѣлыя фляги съ гданской водкой, мальвазіей и венгерскимъ; другіе, болѣе жадные на ѣду, вырывали другъ у друга куски мяса. Бѣлоснѣжная скатерть во мгновеніе ока оросилась цѣлыми лужами разнообразныхъ жидкостей. Во всеобщемъ замѣшательствѣ перевернули кресла и свѣтильники на столахъ. Бокалы, украшенные цѣнной рѣзьбой, выскальзывали изъ пьяныхъ рукъ и съ стукомъ разбивались о полъ. Тамъ и здѣсь возникали споры, драки; иные такъ прямо захватывали со стола приборы. Однимъ словомъ, началась оргія, отголоски которой долетали даже на другую сторону дома.

Прибѣжалъ на этотъ крикъ Марціанъ Кшесецкій, за нимъ двое Сульгостовскихъ, молодой Забежовскій и еще одинъ изъ гостей, и, видя, что дѣлается, схватились за сабли. Въ первую минуту замѣ-

шательство еще болѣе увеличилось. Сульгостовскіе ограничились тѣмъ, что били пьяницъ саблями плашмя, но Марціаномъ Кшенецкимъ овладѣло безуміе бѣшенства. Его выпученые глаза еще болѣе выѣзали наверхъ, зубы засверкали изъ-подъ усовъ, и онъ попросту началъ рубить того, кто ему подвернется. Нѣсколько слугъ облились кровью, иные спрятались подъ столъ, остальные безпорядочно искали спасенія въ бѣгствѣ, а онъ все дѣйствовалъ своей шпагой и кричалъ:

— Негодяи! собачьи дѣти! Я тутъ господинъ! я тутъ хозяинъ!

И онъ на ихъ плечахъ выѣхалъ въ сѣни, откуда еще доносился его пронзительный голосъ:

— Палокъ! розогъ!...

А тѣ, которые стояли посреди залы, какъ на полѣ побойща, смотрѣли другъ на друга грустными глазами и покачивали головами.

— Такихъ вещей я еще никогда не видалъ въ жизни, — отозвался одинъ изъ Сульгостовскихъ.

А другой сказалъ:

— Странная смерть и странными обстоятельствами она сопровождалась, — посмотрите вокругъ, точно татары прошли!

— Или злые духи, — добавилъ Забежовскій. — Какая-то страшная ночь.

Тѣмъ не менѣе, они приказали выѣзти изъ-подъ стола прислугѣ, чтобы водворить какой-нибудь порядокъ. Челядь вышла совершенно отрезвѣвшая отъ страха и тотчасъ же принялась за работу, а тѣмъ временемъ возвратился и Марціанъ.

Онъ немного уже успокоился, только его губы тряслись отъ злости.

— Будутъ помнить! — сказалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ. — Но я всетаки благодаренъ вамъ, что вы помогли мнѣ наказать этихъ негодяевъ. Не легче мнѣ будетъ, чѣмъ было при покойникѣ, — головою своею ручаюсь!

Оба Сульгостовскихъ внимательно посмотрѣли на него, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вамъ не за что благодарить насъ, точно такъ же, какъ и мы васъ не благодаримъ.

— Ну?

— И зачѣмъ вы считаете себя единственнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ? — спросилъ другой изъ близнецовъ.

Марціанъ началъ подпрыгивать на своихъ короткихъ, кривыхъ ножкахъ, словно хотѣлъ подскочить къ ихъ глазамъ, и отвѣтилъ:

— Потому что на моей сторонѣ законъ! на моей сторонѣ законъ!

— Какой законъ?

— Не такой, какъ на вашей.

— Что это вы? Да вы читали завѣщаніе?

— Какое тамъ завѣщаніе! (при этомъ онъ дунулъ на ладонь):— вотъ что! вѣтеръ! Бому онъ завѣщалъ? женѣ? А гдѣ его жена? Вотъ что! я здѣсь ближайшій родственникъ,—мы Ешепецкіе,—не вы! Пошли вонъ!

— Какъ, уйти вонъ? Береги ты свою козляную голову!

— Вы угрожаете мнѣ?

Тутъ панъ Марціанъ обнажилъ саблю и приблизился къ братьямъ, но и они также схватились за рукояти.

Но въ это время за ними раздался полный горя голосъ всенда Творковского:

— Господа, господа! Покойникъ еще не остылъ!

Сульгостовскіе страшно смутились, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Всенда-премать, намъ ничего не нужно, потому что у насъ есть и свой кусокъ хлѣба, а къ чужому мы руки не протягиваемъ. Но эта змѣя начинаетъ уже жалить и хочетъ людей приводить въ порядокъ.

— Какихъ людей? Бого?

— Бого угодно. Сегодня насъ, которыхъ онъ приказалъ убираться прочь, а завтра, можетъ быть, и ту сироту-невѣсту, которая живетъ подъ здѣшней кровлей.

— Неправда! неправда! — воскликнулъ Марціанъ.

И вдругъ, свернувшись въ клубокъ, онъ усмѣхнулся, началъ потирать руки и заговорилъ съ какою-то ядовитой любезностью:

— Напротивъ, напротивъ! Я прошу всѣхъ на погребеніе, покорнѣйше прошу, мы оба съ отцомъ просимъ, а что касается панны Сенинской, то она всегда найдетъ здѣсь пристанище и покровительство, всегда, всегда!

Прозвнявъ эти слова, онъ съ великою радостью потиралъ руки.

ХV.

Дѣйствительно, Марціанъ сообщилъ паннѣ Сенинской, что она во всякомъ случаѣ можетъ считать Белчонку за собственный домъ, но окончаніе этого разговора отложилъ до совершенія похоронъ. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ переговорить съ отцомъ, который всю свою жизнь сутяжничалъ, отлично зналъ законы и умѣлъ обходить всякія затрудненія. Они оба были увѣрены, что дѣло ихъ стоитъ хорошо, и поэтому на другой день послѣ печальнаго происшествія, въ ту са-

мую минуту, когда пана Понговскаго укладывали въ гробъ, заперлись въ угловой комнатѣ и начали собесѣдовать, преисполненные самыми добрыми надеждами.

— Провидѣніе за насъ!—говорилъ старикъ,—и говорить нечего, Провидѣніе за насъ! И Понговскій только отвѣтитъ передъ Нимъ за то, что хотѣлъ оказать намъ несправедливость.

— И пускай отвѣчаетъ!—проговорилъ Марціанъ.—На наше счастье, что онъ только хотѣлъ, а не сдѣлалъ, потому что мы все возьмемъ въ свои руки. Сульгостовскіе уже ссорились со мной, но прежде я у нихъ душу вырву, чѣмъ они у меня хоть одинъ клочъ Белчончской земли.

— Шельмы проклятыя!... Но я не ее боюсь, а завѣщанія. Ты спрашивалъ всендза Творковскаго? Если кто-нибудь знаетъ, то только онъ.

— Вчера никакъ было нельзя, потому что онъ накричалъ на насъ при ссорѣ съ Сульгостовскими и сказалъ намъ: «Покойникъ еще не остылъ...», потомъ поѣхалъ за гробомъ и за священниками, а сегодня времени не было.

— А ну какъ Понговскій все завѣщалъ той козѣ?...

— Завѣщать онъ не могъ, потому что достоиніе ему перешло отъ покойной жены, нашей ближайшей родственницы.

— Завѣщаніе-то я, положимъ, уничтожу, но будутъ расходы, тасканья по трибуналамъ... Богъ знаетъ что!

— Вы привыкли къ веденію судебныхъ дѣлъ, а я составилъ въ своей головѣ такой планъ, что и сутяжничества никакого не будетъ. Пока *beatus qui tepet*, значить, изъ Белчончки и ни на шагъ не двинулся, и послалъ уже за своею челядью. Пускай меня потомъ выгоняютъ,—Сульгостовскіе или Забжезовскіе!

— Но какъ она-то, если ей все завѣщено?

— А кто за нее заступится? Она одна, какъ перстъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, ни друзей, ни родныхъ,—сирота сиротою! Кому охота подставлять за нее шею, обрекать себя на ссоры, на поединки, на издержки? Кому она нужна? Тачевскій былъ влюбленъ въ нее, но Тачевскаго уже нѣтъ; онъ, можетъ быть, и совсѣмъ не возвратится, а если бы и возвратился, то онъ—нищій, и въ судебныхъ дѣлахъ понимаетъ столько же, сколько моя лошадь. По правдѣ сказать, положеніе таково, что если бы Белчончку завѣщалъ ей не панъ Понговскій, но даже и родной отецъ, то и тогда мы могли бы наѣхать сюда и распоряжаться, какъ намъ угодно, подъ предлогомъ опеки надъ сиротою. Я думаю, что Понговскій хотѣлъ ей завѣщать что-нибудь только въ брачномъ договорѣ, и духовное завѣщаніе или совсѣмъ не

существует, или если и существует, то только въ пользу воспитанницы, панны Сенинской.

— А такое можно и оспаривать, — сказалъ старикъ. — За это я уже головою ручаюсь. Хотя тяжбы не избѣжать.

— Отчего не избѣжать? Я слушаю васъ, но думаю, что избѣжать можно.

— Если, говоря между нами, покойница пани Понговская (дура она была!... дай ей, Господи, царство небесное!) завѣщала все своему мужу, то и онъ могъ завѣщать все, кому угодно.

Послѣднія слова панъ Кшенецкій произнесъ, оглядываясь на всѣ стороны и почти шопотомъ, хотя зналъ, что въ комнатѣ, кромѣ нихъ, никого не было.

Но сынъ спросилъ у него:

— Какъ она могла завѣщать, коли умерла внезапной смертью?

— Завѣщаніе написано черезъ годъ послѣ ихъ свадьбы. Видимо, Понговскій вынудилъ ее, потому что они жили въ небезопасныхъ краяхъ, и никто не зналъ, когда нахлынетъ татарщина. Онъ и въ ея пользу написалъ завѣщаніе. Когда-то я хотѣлъ судиться съ нимъ; да видѣлъ, что мнѣ не удастся, а теперь дѣло совсѣмъ другое...

— Теперь обойдется совсѣмъ безъ процесса.

— Если обойдется, то тѣмъ лучше, но нужно быть готовымъ.

— Я и безъ васъ обойдусь.

Услыхавъ это, старый панъ Кшенецкій обидѣлся.

— Ты управишься? Только еще работу мнѣ испортишь. Онъ управится!... Не ты ли совѣтовалъ мнѣ не судиться съ Сильницкими изъ-за Дронжковъ, потому что ничего нельзя было подѣлать? Ничего нельзя подѣлать? А почему? Приказали свидѣтелямъ поклясться на землѣ, — какая важная вещь! Я приказалъ людямъ набрать въ сапоги земли съ моего двора, — и что же вышло? Пошли они въ имѣніе пана Сельницкаго и ни одинъ изъ нихъ не солгалъ подъ присягой, когда говорилъ: «Присягаю, что та земля, на которой я стою, принадлежитъ пану Кшенецкому». А ты цѣлый годъ думалъ бы, и ничего такого не придумалъ бы. Ты одинъ управишься? Скажите, пожалуйста!

Въ раздраженіи онъ началъ двигать беззубыми челюстями, словно жевалъ что-то, причемъ его подбородокъ почти сходилъ съ носомъ, искривленнымъ, какъ у хищной птицы.

Сынъ сказалъ ему:

— Успокойтесь и выслушайте. Если дѣло идетъ о томъ, чтобы *lege agere cum aliquo*, то я всегда уступаю вамъ, но что касается женскаго пола, то здѣсь моя опытность больше, и себя я больше вѣрю.

— Ну?

— Если и будетъ дѣло съ панной Сенинской, то совсѣмъ не въ трибуналѣ.

— Что ты придумалъ?

— Угадать не трудно. Развѣ время мое не пришло? Или вы найдете такую дѣвку во всей округѣ?

Сказавъ это, панъ Марціанъ задралъ голову вверху, и началъ смотрѣть отцу прямо въ глаза. Отецъ тоже посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ, пожевалъ челюстями, а потомъ спросилъ:

— Ты такъ думаешь?

— Отчего бы и нѣтъ? у меня эта мысль не со вчерашняго дня въ головѣ.

— Отчего бы нѣтъ? Потому что она гола, какъ Лазарь!

— Но Белчончку-то она получить безъ всякихъ затрудненій. Вы помните, Понговскій говорилъ, что если бы разобраться въ бумагахъ Сенинскихъ, то можно было бы половину воеводства высудить? Вѣдь и Собескіе имъ многимъ обязаны, значить была бы и королевская протекція. Самъ король долженъ же заботиться о какомъ-нибудь приданомъ для нее... А мнѣ дѣвка давно приглянулась, давно! давно!

И онъ началъ подсакивать на своихъ короткихъ ножкахъ, облизываться и представлялся такимъ гаденымъ, что старикъ Кшенецкій сказалъ:

— Она не захочетъ тебя.

— А старика Понговскаго хотѣла? а? Мало было такихъ, которыхъ хотѣли меня? Молодыхъ парней цѣлая уйма пошла на войну, скоро дѣвокъ можно будетъ покупать на дюжины, какъ подковные гвозди. Старикъ Понговскій зналъ, за что выгонялъ меня изъ дома, и не выгналъ бы, если бъ не боялся дѣвки.

— Но предположимъ, что она не захочетъ тебя,—тогда что?

Въ глазахъ Марціана блеснулъ злой огонекъ.

— Тогда,—отвѣтилъ онъ съ удареніемъ,— съ дѣвкой, находящейся безъ всякой опеки, можно поступить такъ, что она сама будетъ просить вести ее къ алтарю...

Но старика слова эти испугали.

— А?—переспросилъ онъ.—Да знаешь ли ты, что это дѣло уголовное?

— Я знаю, что за Сенинскую никто не вступился бы.

— Я говорю тебѣ: берегись! И такъ уже на тебя кричатъ. Выиграешь ли процессъ о наслѣдствѣ, проиграешь ли, опозореннымъ не останешься, а тутъ дѣло уголовное,—понимаешь?

— Положимъ, до этого дѣло и не дойдетъ, развѣ только она сама

захочетъ. Но вы не только не мѣшайте мнѣ, но и сдѣлайте такъ, какъ я скажу. Сейчасъ же послѣ похоронъ вы увезите Теклу домой, а если найдете какой-нибудь предлогъ, то и старуху Винницкую, а я тутъ останусь при сиротѣ съ Агнешкой и Іоанной. Эти гадины шипятъ на всѣхъ, кто красивѣе и моложе ихъ. Онѣ уже и вчера начали жалить бѣдняжку, — что же будетъ, если онѣ останутся съ нею вмѣстѣ подъ одной кровлей? Вотъ онѣ будутъ кусать-то ее, вотъ будутъ колоть, попрекать каждымъ кускомъ хлѣба! Я все это вижу, какъ будто по книжкѣ читаю, а это вода на мою мельницу.

— Что же ты смелѣшь на ней?

— Что я смелю-то? Вотъ когда я стравлю ихъ, то тѣхъ змѣй обругаю, придется, и въ морду заѣду, — довольно, молъ, — а у той ручки цѣловать буду, а то и колѣна: «я твой защитникъ, я—братъ, я истинный другъ, а ты здѣсь полная госпожа!» И вы думаете, что у нея не размякнетъ сердце, что она не полюбитъ того, кто будетъ ея питомъ и охраню, кто будетъ отирать ея слезы, кто будетъ надзирать за нею днемъ и ночью? А если въ разстройствѣ и растерянности дѣло дойдетъ до какой-нибудь экстраординарной конфиденціи, то тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! тѣмъ лучше!..

Тутъ Марціанъ началъ потирать руки и посмотрѣлъ на отца такими козлиными глазами, что старикъ даже сплюнулъ.

— Тѣфу ты, язычникъ! У тебя всегда одно и то же въ головѣ!

— У меня даже мурашки по кожѣ пробѣгаютъ, какъ я только посмотрю на нее. Не даромъ Понговскій вымелъ меня отсюда.

Наступила минута молчанія.

— Такъ ты, значить, скажешь Іоаннѣ и Агнешкѣ, чтобы онѣ дѣйствовали по твоимъ указаніямъ?

— Имъ? Имъ ничего говорить не нужно, ихъ учить нечему, — достаточно будетъ ихъ собственной натуры. Одна Текла голубь, а тѣ—злые вороны.

И дѣйствительно, панъ Марціанъ не ошибался, потому что его сестры, каждая по своему, начали опекать панну Сенинскую. Текла то и дѣло заключала ее въ объятія и плакала съ нею вмѣстѣ, а Іоанна и Агнешка также утѣшали ее, но только иначе.

— Что не удалось, то и не удалось, — говорила старшая, — но вы успокойтесь. Тетушкой нашей вы не будете, потому что Господь Богъ того не желалъ, но васъ здѣсь никто не обидитъ и куса хлѣба вамъ не пожалѣетъ.

— И къ работѣ васъ принуждать никто не будетъ, — продолжала другая сестра, — мы знаемъ, что вы къ этому неспособны. Когда остынете, и сами захотите, — тогда дѣло другое, но во всякомъ слу-

чаѣ не торопитесь, пока горе ваше не утихнетъ, потому что въ самомъ дѣлѣ васъ встрѣтило страшное несчастье. Вы должны были стать важной барыней, имѣть мужа, а теперь, кромѣ насъ, у васъ никого нѣтъ. Но вѣрьте, что мы хотя и не родственники, но будемъ по родственному относиться къ вамъ.

Потомъ Іоанна начинала опять:

— И примиритесь съ волею Божіею. Богъ наказалъ васъ, но за то отпустить вамъ другіе грѣхи. Вы слишкомъ много разсчитывали на свою красоту, слишкомъ много жаждали богатствъ и нарядовъ (впрочемъ, въ этомъ мы всѣ грѣшны, и я только потому и говорю такъ), но одно зачтется за другое.

— Аминь! — закончила Агнешка. — Пожертвуйте въ костелъ за душу покойнаго какую-нибудь драгоценную вещичку, потому что приданое вамъ теперь ни къ чему не нужно, а мы упросимъ отца, чтобы онъ дозволилъ вамъ сдѣлать это.

Зоркими очами онѣ посматривали на платья, лежавшія на столѣ, и на сундуки, въ которыхъ заключалось приданое. Лыбоньство разбирало ихъ такое, что въ концѣ Іоанна не удержалась и сказала:

— Можетъ быть, вамъ помочь отыскать что-нибудь?

И онѣ набросались на сундуки, въ которыхъ находились еще нераспакованныя вещи. А панна Сенинская сидѣла, прижавшись къ Теллѣ, не зная и не вѣдая, что дѣлается съ ней и вокругъ нея.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛУЧАЙНЫЙ НАБРОСОКЪ.

(Разсказъ.)

Какъ-то незадолго до Рождества мнѣ пришлось быть въ редакціи одной изъ газетъ.

— А что, не дадите ли вы намъ разсказецъ для рождественскаго номера?—сказалъ мнѣ редакторъ.

Я поморщился.

— Охъ, вѣдь это вамъ надо состряпать какую-нибудь сахарную елочку или добрую фею съ сюрпризами, а всего лучше — традиціоннаго замороженнаго ребенка съ подобающимъ случаю соусомъ?

— Да зачѣмъ же! — весь подпрыгнулъ редакторъ. — Нѣтъ, а просто напишите вы намъ что-нибудь страшное. Понимаете, страшное, чтобы вотъ такъ, вотъ такъ...

И, напрягши мускулы пальцевъ, онъ быстро заскребъ ими по воздуху. Получилась какъ бы нѣчто терзающая, хищная лапа.

— Такъ, — протянулъ я, невольно присматриваясь къ блиставшимъ на ней драгоценнымъ перстнямъ, — такъ, и что же, на это спросъ, что ли, есть?

— На страшное у публики всегда большой спросъ. И вы знаете...

Редакторъ коснулся моей руки и сталъ какъ бы посвящать меня во что-то. Но въ дверь вошелъ съ гранками въ рукахъ ментранпажъ. Одна его полуфраза, и редакторъ вскочилъ, какъ ужаленный, выхватилъ у него пачку узкихъ и длинныхъ бумажекъ и, громко призывая секретаря, вихремъ вылетѣлъ въ сосѣднюю комнату. Ментранпажъ тихо послѣдовалъ за нимъ, и въ смежной комнатѣ сразу же поднялась цѣлая буря:

— Весь номеръ задавить!... Пусть сократить!... Ну, а моя статья?... До слѣдующаго дня... Что?... Простынетъ она за день... А съ фельетономъ какъ?... Фельетонъ, говорятъ, запишъ... Что?... Ахъ, они дьяволы...

Тутъ, побѣждая ихъ голоса, затрещала и дробь телефона.

«Ну, теперь его не скоро дождешься», — подумалъ я и, докуривъ папиросу, взялся за шапку.

Нашелъ я редактора въ секретарской, вооруженнымъ телефонной трубкой. Въ первый мигъ онъ какъ бы и не узналъ меня, но тотчасъ же ахнулъ и опять повторилъ:

— Такъ будемъ ждать—страшное, страшное!... Строкъ этакъ на четыреста...

Ежевидный секретарь, тщательно вымарывавшій что-то изъ лежащей передъ нимъ на столѣ бумажки, вскинулъ на меня свои рачьи глаза и также какъ-то выбросилъ:

— Это для рождественскаго?... Ка-акъ можно страшище и не позднѣе двадцатаго!...

Я было опять началъ отиѣбиваться. Но редакторъ будто и не слышалъ.

— До свиданія, мое вамъ почтеніе, — напутствовалъ онъ меня и такимъ тономъ, севозъ который ясно просвѣчиваетъ: ну, и убирайся пока ко всѣмъ чертямъ—видишь, некогда!...

Выйдя на морозецъ, я шелъ себѣ и все какъ-то ухмылялся:

«Страшнаго имъ, изволите ли видѣть, подай, строкъ на четыреста, и не позже двадцатаго! Просто страшное напишите, а?... Какъ это просто, подумаешь: взялъ вотъ оскалилъ зубы, подрыгалъ сарюченными пальцами—и готово дѣло. Ахъ, они такіе такіе!»...

И мнѣ было все какъ-то не по себѣ, все какъ-то хотѣлось оттолкнуться отъ этихъ моихъ заказчиковъ.

Не знаю точно, но, вѣроятно, это во мнѣ гомозилось мое слегка поцарапанное авторское самолюбіе: заказъ, наталкиваніе на определенный сюжетъ не можетъ быть пріятенъ никакому художнику, какъ посягательство на его первое сокровище—свободу его творчества.

И вотъ, невольно ограждая себя отъ ощущенія прямого чувства обиды, я все подслащивалъ свое самолюбіе подсиѣиваніемъ надъ этими злободневными дѣятелями, надъ ихъ суетливой снѣжкой, надъ ихъ рабскими забѣганиями навстрѣчу вкусамъ публики.

Придя домой и бѣгло обревизовавъ благополучіе семьи, я пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Подготавливаясь къ порученной мнѣ работѣ, какъ приниматься за нее и въ будущемъ я какъ будто и не намѣревался, но вмѣстѣ съ тѣмъ моя мысль все не отрывалась отъ того, что мнѣ сказали въ редакціи. Съ одной стороны, сознаніе какъ-то исподтишка говорило, что исполненіе заказа, въ смыслѣ полученія за него нѣсколькихъ десятковъ рублей, будетъ передъ праздниками какъ нельзя болѣе

кстати. А съ другой—тоже напризное творческое самолюбіе какъ-то невольно раздражалось и требовало себѣ какого-то лакомства.

Такъ, продолжалъ я защищаться передъ самимъ собой, очень это просто, по ихъ миѣнію, взявъ подрыгалъ пальчиками,—будто бы страшно, да и готово. Но нѣтъ, страшить, такъ ужъ страшить по настоящему, такъ, чтобы и этого обладателя права заказовъ и бриллиантовыхъ перстней прежде всего огрѣть какъ слѣдуетъ по затылку.

И я злился все больше и больше.

«Публикѣ страшнаго требуется?... Что же, этимъ не трудно покормить... Чѣмъ другимъ, а ужасами жизнь кипитъ, какъ трупъ червями,—черпай полной горстью. Что тутъ и размышлять долго,—хватъ за хвостъ первую попавшуюся гадинку, прошипуй ее своимъ собственнымъ ядомъ, да и кушайте съ Богомъ, господа!»...

И мысль съ какимъ-то бѣшенымъ злорадствомъ такъ и прыгала, такъ и вырывала изъ памяти и воображенія сюжетъ за сюжетомъ, картину за картиной—приниженія человѣческой личности, отчаянія безпомощности, торжества насилія, всемогущества безстыдства.

«Все хорошо!... Все пригодно!... Какъ песку въ морѣ, какъ звѣздъ на небѣ!... Только зубами щелкать поспѣвайте!»...

А тамъ и опять какъ-то затосковало авторское самолюбіе:

Любо вамъ? Вы, заказчики, такъ и тянетесь?... Но неужели же вы полагаете, что создать что-нибудь страшное дѣйствительно такъ же просто, какъ подрыгать пальцами?... Кипитъ ужасами жизнь... Но вѣдь вамъ надо дать разсказъ, нѣчто съ собственнымъ ядрышкомъ, нѣчто отдѣльное отъ общаго хаоса жизни?... Надо поработать надъ сюжетомъ, самому сосредоточиться надъ его ужасомъ, самому пропитаться его ядомъ, изболѣть надъ нимъ. Чортъ васъ возьми, подъ гнетомъ всякихъ житейскихъ ужасовъ, наша несчастная, болѣзненно нервная по самой природѣ своей братія, и безъ того вся искалѣчена духовно. Есть писатели, которыхъ эти ужасы такъ властно всасываютъ въ себя, что только имъ невольно и отдають они всю силу своего творчества. Такъ вѣдь это вѣчные страдальцы, вѣчные мученики. А вамъ, можетъ быть, кажется, что и они только пальцами дрыгаютъ?..

Я ходилъ по своей комнатѣ, я волновался все больше и больше.

И опять, и опять мнѣ вспоминалось:

«Просто страшное, строкъ на четыреста, не позже двадцатаго!... Ахъ, шуты гороховые, да чего же именно вамъ хочется. Потрясающей, что ли, и очищающей душу трагедіи?... Нѣтъ, куда тамъ,—такъ чего-нибудь, такъ, такъ,—лишь бы хоть чуть-чуть пострадать, чуть этакъ царапнуть по душѣ... Пострадать,—однимъ словомъ,

вотъ какъ нянька ребенка страшаетъ: у-у, бука въ темной комнатѣ... бо-бо, черный трубочистъ унесетъ въ тартары!...»

Я ходилъ и думалъ дальше:

«Стращать?... И публика сама требуетъ этого?... Мало ей дѣйствительныхъ страховъ въ жизни, что ли?... Пристрастіе вообще къ застращиванію! Меня страшатъ и я пугаю!... Меня покоряютъ и я покоряю!... Сладострастіе какое-то своего рода извращаемое... Злости своей насыщеніе!...

Я остановился и сталъ закуривать надъ лампой папиросу. Извнѣ, изъ другихъ комнатъ слышались смутные голоса зубрящихъ свои уроки дѣтей, трещала подъ рукой жены швейная машина.

Я невольно прислушался къ этимъ будто бы банальнымъ, но много-много говорящимъ звукамъ, оглядѣлъ свой столъ, ярко освѣщенный, прикрытой зеленымъ абажуромъ, лампой и какъ бы прямо призывающій къ мирному и доброму труду. И мнѣ стало какъ-то смутно-совѣстно. Вся семья работаетъ, трудится, только я одинъ на свободѣ шатаюсь по своему кабинету и, глумясь надъ предложенной мнѣ работой, тѣмъ не менѣе все-таки прямо чуть не сатанѣю надъ придумываніемъ, чѣмъ бы мнѣ, дѣйствительно, получше пугнуть добрыхъ людей для праздника Рождества Христова.

«Пугать, страшать? — снова стало мнѣ думать. — Но вѣдь и безъ того уже всѣ застрашены чуть не до идиотизма, и безъ того всѣ дошли до состоянія челоуѣка въ футлярѣ. Футляръ этотъ и есть застрашенность. Люди будто бы спасаются подъ этими футлярами, а на самомъ дѣлѣ окончательно задыхаются подъ ними. Вонъ сынъ понимаетъ и любитъ математику, а получаетъ за нее двойки. Почему? Застрашенъ, — учитель математики черезчуръ страшенъ. Вонъ жена, несмотря на природную доброту, становится на общее мученье семьи прямо-таки нестерпимо раздражительна. Почему? Застрашена, со всѣхъ сторонъ, такъ и ждетъ, что вотъ-вотъ и опять ударъ по головѣ. А самъ-то, самъ-то я?!... Безсонница, нелюдимость, эти вѣчныя злополучныя муки творчества въ большинствѣ случаевъ безъ практическихъ результатовъ. Въ чемъ ихъ причина?—Страхъ, страхъ и страхъ. По ночамъ вонъ пятнышко свѣта покоя не даетъ. Проснешься, — охъ, опять гардины не плотно сдвинуты, опять на изразцѣ печки эта проклятая звѣздочка какъ-то зубы скалитъ, опять мнѣ не уснуть больше. И не спишь, не спишь уже изъ одного страха, что можешь не уснуть... не спишь, и куришь, и куришь до тошноты, и думаешь, и думаешь, цѣпляясь мыслью отъ одного опасенія къ другому... Ужасамъ конца краю нѣтъ!... Все можетъ быть ужаснымъ, во всемъ можетъ объявиться бѣдствие. Своя личная жизнь,—семья,

близкихъ, народа, всего міра. Сердце любвеобильно, о всемъ печалится, о всѣхъ заботится. И страшишься, и трепещешь себѣ въ своей мирной и покойной постели... А въ прошлое оглянуться: Боже, какихъ-то тамъ страховъ не погребено, какихъ только тамъ призраковъ призраковъ не носится?... Призракъ призрака, — не гнусно ли, а вѣдь въ свое время всякій такой призракъ вытянуть-таки изъ тебя капельку твоей реальной крови, твоей дѣйствительной жизни?... Гнусно, гадко, сознаешь это, но все же и оправдываешься: ничего не подѣлаешь, таковы обстоятельства, нервы издерганы, застращены»...

И, оборвавъ себя, я сказалъ мысленно какъ бы кому-то другому:

«Страхъ унижаетъ человѣка, съ ногъ его какъ бы сплибаешь, заставляетъ ползать, пресмыкаться... злитъ онъ человѣка, искажаетъ, гадитъ его душу!»...

И опять мнѣ вспомнился человѣкъ въ футлярѣ: что его такъ омерзило? Да застращали съ дѣтства, — ополоумѣлъ, «какъ бы чего не вышло, какъ бы чего не вышло», да и померъ невзначай со страстей!...

И я невольно заключилъ:

«Эхъ, жалкое, искалѣченное отродье!»...

Но тутъ же что-то и запротестовало во мнѣ на это мое послѣднее озлобленіе:

«Жалкое, искалѣченное, — значитъ больное? За что же его казнить, больного лѣчить надо. Чѣмъ же? Устраниемъ причинъ его болѣзни, его страха, призывомъ борьбы съ этимъ страхомъ?... Да, но если первое не въ нашей, второе не въ его волѣ?... Э-э-эхъ!»...

Я взломилъ руки и глубоко-глубоко вздохнулъ.

Душа моя, наконецъ, окончательно освободилась отъ путъ, навившихся на нее въ редакціи. Гнѣвливость исчезла. Грустью, какъ облакомъ, опажнуло сердце. Только и только своя собственная безпомощность стала ощущаться и какъ-то дѣтски-беззлобно, какъ-то умоляюще-нѣжно. Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу, началъ чувствоваться какъ бы общій ознобъ. До боли захотѣлось теплыни, угрѣва, ласки чьей-нибудь успокоительной.

Я сѣлъ въ свое старое вольтеровское кресло, опять уже съ добѣла износившейся сафьяновой обивкой, съежился весь, поставивъ ноги на перекладину, соединяющую ножки кресла, и поникъ надъ столомъ головой, какъ-то прямо вотъ чувствуя, что вся-то она у меня такая сѣдая, сѣдая.

Первые миги я какъ бы весь замеръ. Затѣмъ въ головѣ стало какъ-то повторяться:

«Да, да... вотъ и опять Рождество подходитъ... и опять Рожде-

ство. И «опять» влекло за собою еще и еще грусть, а «Рождество» струило из себя легкую, легкую теплотцу.

— Да, да, Рождество... Елку надобно дѣтямъ получше устроить!... Елка!... Елка рождественская!... И на меня такъ и повѣяло этой рождественской елкой—теплотой ея огоньковъ, сіяющихъ среди иглистыхъ вѣтвей, увѣшанныхъ всевозможными бездѣлушками, и ея специфическимъ, такимъ добрымъ ароматомъ—и смолкой, и воскомъ, и пряностью сластей.

— Да, елка, мирная, тихо-радостная елка!... И вотъ передъ моими глазами сталъ возникать все яснѣе и яснѣе образъ моей покойной матери. Она съ ея кротко-улыбающимся лицомъ, вся такая маленькая, худенькая, а съ нею и всѣ мои братья и сестры разныхъ возрастовъ, въ разныхъ одеждахъ, но всѣ довольные, счастливые, съ ясною радостью въ глазахъ.

Я не напрягалъ ни памяти, ни мысли, я только весь нѣжился, довольствуясь общимъ впечатлѣніемъ, общимъ отблескомъ былого блага.

Грустью оно отражалось въ моей душѣ, грустью и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то неопредѣленнымъ, едва-едва уловимымъ упрекомъ къ моей совѣсти. Жалость къ прошедшему и боль за настоящее какъ-то тихо боролись между собой, боролись только какъ бы для взаимной утѣхи—такъ какъ-то уступчиво-нѣжно.

Но вотъ въ отогрѣвшееся сердце сталъ врѣзаться и острый, острый холодокъ.

Да, да, какъ бы тамъ ни было, но въ этомъ всетаки была своя доля ужаса.

«Страшное», снова вспомнился мнѣ и заказъ редактора,—а не записать ли мнѣ на всякій случай вотъ этотъ страшный эпизодъ изъ моей юности, благо онъ, кажется, такъ ясно начинаетъ оживать въ моей памяти.

И немного спустя, я сталъ набрасывать.

«Дѣла давно минувшихъ дней».

Большими, какъ у лихача-кудрявича, вились мои пышные, золотистые кудри. Какъ истинный юноша, я былъ и нѣженъ, и рьянъ душой. Какъ истинный юноша, я былъ жизнерадостенъ и, заглядывая въ грядущее, видѣлъ въ немъ больше свѣта, чѣмъ мрака.

Семья наша была хорошая, дружная и честная. Всѣми нами отъ мала до велика руководила мать. А ее иные изъ нашихъ знакомыхъ называли святой душой. Мы всѣ любили ее беззавѣтно, искренней, дѣтской любовью. Любовь наша, конечно, была нѣсколько эгоисти-

ческой, но послѣднее, справедливо или нѣтъ, но какъ бы и въ порядкѣ вещей.

Исторія, которой я хочу коснуться, сопряжена съ праздниками Рождества Христова.

Мать чрезвычайно любила эти праздники, и особенно—какъ бы ихъ общее олицетвореніе,—рождественскую елку.

Вѣчная работница и печальница своихъ дѣтей, мать цѣнила вообще въ праздникахъ не ихъ внѣшнюю пестроту и шумиху, но ихъ истинное значеніе: отдыхъ отъ насилій повседневной суеты, наслажденіе свободой души какъ лично своей, такъ, въ особенности, и своихъ дѣтей.

Всю жизнь, всѣ свои силы одна отдавала воспитанію дѣтей.

По необходимости, дѣти съ достиженіемъ извѣстнаго возраста отдавались въ школы.

Школы со свойственной имъ настойчивостью самоуправски перевоспитывали дѣтей по-своему; онѣ какъ бы отнимали ихъ у матери.

Праздники же снова возвращали ихъ всецѣло ей.

И мать благословляла праздники, съ благоговѣніемъ принимала ихъ благотворные дары.

Юная душой, порою она чувствовала себя и ребенкомъ.

Елку, напримѣръ, помимо ея значенія для дѣтей, она и сама искренне любила, какъ эффектное зрѣлище, какъ эмблему всѣхъ праздничныхъ радостей.

Не знаю, можетъ быть, эту любовь къ елкѣ специально рождественской, елкѣ, такъ сказать, въ ковычкахъ, поддерживала отчасти и ея общая привязанность къ смолистымъ хвойнымъ деревьямъ.

Она была не крѣпка здоровьемъ, была подвержена груднымъ болѣзнямъ, и свѣжій лѣсной воздухъ, пропитанный ароматомъ смолы, дѣйствовалъ на нее, по ея собственному наблюденію, чрезвычайно цѣлительно.

Мать проводила время въ неустанной работѣ, читала, писала статьи, преимущественно для педагогическихъ журналовъ; учила тѣхъ дѣтей, которые еще не доросли до школы; много принимала участія и въ работахъ школьниковъ: въ ихъ сочиненіяхъ, въ зубрежкѣ латинскихъ и греческихъ грамматикъ и господъ Иловайскихъ, въ рѣшеніяхъ задачъ и т. д. и т. д.

Ея недолгіе отдыхи обыкновенно посвящались музыкѣ, игрѣ на рояли.

Но еще задолго до Рождества, она почти всѣ свои досуги начинала отдавать приготовленіямъ къ елкѣ, — перебирала и под-

чинивала, какъ могла, сохранившіяся съ прошлой елки вещицы, оклеивала въ разноцвѣтныя бумажки и золото собираемыя ею въ теченіе всего года аптечныя и другія коробочки, а въ главномъ—мастерила бумажныя цвѣты, все неизмѣнно розы и розы.

И въ дѣланіи этихъ розъ она была истинная художница.

Быстро и легко свивала она между собой два-три подобранныхъ подъ тонъ лоскутка тонкой, папирсной бумаги, прикручивала ихъ къ проволоку, украшала подобіями листьевъ, и роза являлась въ свѣтъ, такая же изящная и свободно-небрежная въ своемъ строеніи, какъ и живая.

И такія розы зацвѣтали въ нашей квартирѣ съ первымъ снѣгомъ за окномъ, съ первыми морозами, съ первыми, однимъ словомъ, предвѣстниками грядущаго зимняго праздника.

Такой работой мать иногда даже увлекалась, засиживаясь за ней до глубокой ночи.

Цѣлые вороха накоплялись такихъ розъ: отдѣльные букеты, вѣнки, гирлянды, лиры.

Мамаша и ея розы какъ-то сливались между собой въ нашихъ глазахъ въ эти первые зимніе мѣсяцы.

Вѣроятно, работѣ ея мысли это легкое, по своему исполненію, мастерство только способствовало.

Бывало придешь къ ней за какимъ-нибудь разъясненіемъ по части характера Евгенія Онѣгина или дѣйствительнаго значенія куликовской битвы, — глядь, очередь уже занята.

Сидитъ она въ глубокомъ креслѣ передъ своимъ стариннымъ съ зеркалами, письменнымъ столомъ; на немъ, сверхъ книгъ и рукописей, цвѣты и цвѣты, подлѣ нея сидитъ на мягкомъ стулѣ одинъ изъ младшихъ дѣтей и докладываетъ ей заданные ему въ училищѣ уроки, — пыхтитъ, запинается, вертитъ руками.

Она перебираетъ себѣ своими хрупкими и бѣлыми-бѣлыми пальчиками нѣжныя бумажныя лепестки и спокойно, тихо наводитъ и поправляетъ его: не «ковранный звѣрь», а коварный звѣрь», не «le vache», а «la vache».

Ласково и какъ-то умоляюще-ободрительно она устремляетъ порою свои щурящіеся, близорукіе глаза на черезчуръ уже возбужденное или наоборотъ слишкомъ приунывшее лицо малытки, слегка всклокочиваетъ его золотистую головку и снова склоняется къ своимъ розамъ.

Вотъ додѣлала эту желтую китайскую, — далеко относить ее отъ себя въ своей слабой рукѣ, всматривается въ нее, щурясь: вполне ли готова, не надо ли еще что-нибудь поправить.

И тихая, спокойная ласка лучится изъ ея блѣдно-голубыхъ, прищуренныхъ глазъ.

Смотрить на цвѣтокъ и ребенокъ, смотреть и какъ-то незамѣтно для себя чуть-чуть любитъся имъ.

Крошечка отдыха, капелька освѣженія и снова: «Исполниши всяко животное благоволенія... Птичка Божія не знаетъ... Купецъ продалъ двѣсти тридцать пудовъ сахара».

Постойшь въ дверяхъ и пойдешь себѣ.

А тамъ и снова къ ней.

— Вотъ, мамаша, какая штука... Въдь въ сущности, Дмитрій Донской...

Она охорашиваетъ свою алую розу и ясно-ясно улыбается.

— Ага, вотъ до чего ты добираешься. Только, смотри, это уже не по Иловайскому будетъ.

И цвѣты цвѣтами,—она вьетъ передо мной и другіе цвѣты,— цвѣты мысли, знанія и жизненной правды.

Въ приготовленіи вещицъ для елки мы и всѣ принимали участіе.

Бывало въ субботніе вечера всей семьей размѣщались мы за круглымъ обѣденнымъ столомъ, подъ освѣщеніемъ висѣвшей надъ нимъ лампы.

Столъ заваливался полосами картона, свитками и листами всевозможной разноцвѣтной бумаги, ящиками съ красками, кружками проволоки, баночками съ клеемъ.

Ходили по бумагѣ циркуля, карандаши, кисти и ножи, рѣзали и рѣзали ножницы, усыпая полъ бумажными обрѣзками.

Всѣ работаютъ чинно, прилежно.

Кто-нибудь, между тѣмъ и преимущественно мать, читаетъ вслухъ что-нибудь доступное всѣмъ членамъ нашей смѣшанной компаніи, что-нибудь изъ сказокъ Пушкина, Гоголя или Бота-Мурлыки.

Для елки всякій и изъ старшихъ считалъ своимъ прямымъ долгомъ поработать. Иногда инымъ изъ нихъ предстояло весьма значительное удовольствіе гдѣ-нибудь внѣ дома, но они отказывались отъ него, сознательно принося его въ жертву елочнымъ трудамъ.

И сознаніе такихъ жертвъ тепло отзывалось на сердцахъ: надо, общее семейное дѣло, нельзя не отдать елкѣ подобающей ей чести.

И каждый дѣлалъ что могъ. Кто вылѣплялъ изъ чернаго хлѣба и затѣмъ раскрашивалъ фигурки гномовъ, звѣрковъ, бабъ и паяцовъ; кто мастерилъ бонбоньерки въ видѣ часовъ, подсвѣчниковъ и гитаръ; кто изготовлялъ только простѣйшіе, традиціонные «фунтики»; кто, наконецъ, только даромъ бромсалъ бумагу и мазалъ свои руки въ клею.

Всѣ старались, всѣ прилагали свои труды на общее дѣло, а тамъ что выходило изъ этихъ трудовъ, зависѣло уже не отъ его доброй воли, а отъ степени опыта и умѣлости каждаго.

Впрочемъ, недѣли за двѣ передъ наступленіемъ праздниковъ всѣ такія работы прекращались. Мать даже и своихъ цвѣтковъ касалась мало.

Передъ Рождествомъ, какъ извѣстно, заканчиваются «четверти», выставляются вторые, «мѣсячные баллы».

Время наступаетъ для всѣхъ учащихся лихорадочно-дѣятельное.

Такъ бывало и у насъ. У того—внушала опасенія математика, того—все преслѣдовалъ грозный грекъ, у этой—все прихрамываетъ диктантъ.

И всѣ прямо-таки всаживались въ ученье, то погружаясь въ свои личные работы, то прибѣгая на помощь одинъ другому.

Возвратятся всѣ, каждый изъ своего училища, домой, передадутъ другъ другу, подъ предсѣдательствомъ матери, въ ея комнатѣ, всѣ свои дневные тревоженія, опасенія и надежды, пообѣдаютъ затѣмъ наскоро, и зубрить, и зубрить себѣ на всѣ голоса и лады вплоть до поздняго вечера.

Всѣмъ доставалось, доставалось и матери. И только уложивъ всю свою семью и оставшись на полной тишинѣ, она, чтобы нѣсколько придти въ себя и успокоить свои натянутые въ струнку нервы, втихомолку снова принималась за свою мирную и изящную работу.

Но вотъ завѣтное двадцать второе наступало.

Учебныя заведенія выпускали изъ своихъ когтей юное поколѣніе, давали ему «отдыхъ и срокъ» на цѣлыя двѣ недѣли.

Прочь же заботы! Какія бы двойки ни тяготили балльника иныхъ изъ членовъ семьи,—Господь съ ними: сдѣлано было все, что было въ силахъ, совѣсть чиста,—и съ чистою же совѣстью всѣ отдавались послѣднимъ, генеральнымъ работамъ, въ заботахъ о царящѣ грядущаго праздника—елкѣ.

Экономія, въ силу ограниченности средствъ семьи, вообще по-сильно преслѣдовалась матерью.

Елка же въ общемъ требовала себѣ большихъ сравнительно расходовъ.

Держались цѣлые семейные совѣты по части выбора дѣйствительно необходимыхъ для елки сластей и предметовъ украшеній. Всякія закупки или самою матерью, или старшими изъ насъ совершались со строгимъ разборомъ, тщательно и аккуратно.

Постепенно приносились корзиночки съ фруктами, пакеты съ

мармеладомъ, орѣхами, изюмомъ и разнаго рода пряниками; пачки свѣчей, коробки конфетъ.

Теперь наши труды главнымъ образомъ сосредоточивались на приспособленіяхъ сластей и игрушекъ къ ихъ развѣскѣ по елочнымъ вѣтвямъ.

Съ помощью сургуча приклеивались къ искусно вызолоченнымъ матерью орѣхамъ нитки и тесемки; въ яблоки и апельсины предварительно втыкались колышки; особенно заботливо обвязывались, конечно, хрупкія бездѣлашки: дутые стеклянные шары, разные флакончики и пр.

Наконецъ, по выбору старшаго брата, въ прихожей появлялась и сама елка, еще холодная, еще вся обледенѣвшая, но уже пахнущая своей душистой смолой.

Праздникъ приближался; и всѣ мы, рука съ рукой, шли ему навстрѣчу съ миромъ и радостнымъ трепетомъ въ нашихъ сердцахъ.

Такъ бывало всегда. Полные такихъ настроеній, встречали мы священные часы праздничнаго отдыха.

Благословляющая рука матері!... Ея забота, теплота, ея радость на радость дѣтей!...

Такъ бывало всегда!...

И никогда не чувствовалась такъ ярко, такъ опредѣленно-ясно общая, взаимная любовь семьи, какъ въ преддверіи рождественскихъ праздниковъ.

Мать!... Никогда, — ни въ томительно-горестные часы твоей борьбы съ нашими недугами, ни въ безконечные часы твоихъ трудовъ наединѣ и вмѣстѣ съ нами, ни въ минуты взрывовъ твоего святого негодованія за наши обиды и оскорбленія, ни при твоихъ тихихъ оплакиваніяхъ этихъ нашихъ несчастій, ни при твоихъ призывахъ насъ къ бодрости и терпѣливой борьбѣ съ житейскими невзгодами, — никогда не являлась ты передъ нашими духовными взорами въ такомъ свѣтломъ, лучезарномъ ореолѣ всемілія и торжества своей материнской любви, какъ въ преддверіи Рождества.

Покоемъ, радостью, благомъ жизни, божествомъ свѣтилась ты вся въ этомъ торжествѣ своего материнства.

Радость на радость людскую, — что можетъ быть свѣтлѣе, лучезарнѣе этого человѣческаго чувства?!

Такъ представляется, по крайней мѣрѣ, все это мнѣ теперь, — мнѣ, безвременно хилому, измученному, обманутому жизнью и людьми, беспомощному въ своей безграничной любви къ своимъ дѣтямъ, на заботы о которыхъ тратятся бесплодно всѣ духовныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и физическія силы...

Такъ мнѣ все это кажется теперь, и такъ оно и должно было быть на самомъ дѣлѣ.

Безнечно-бурно юношеское сердце, но могуче оно и своимъ безсознательнымъ воспріятіемъ любви и добра.

Юноша не сознаетъ силу своихъ душевныхъ благъ, но чувствуетъ все доброе онъ безконечно сильно.

Былъ вечеръ сочельника.

Едва красовалась въ столовой уже почти во всеоружіи своихъ сластей и украшеній.

Вѣзая на стулья и даже на ступья, поставленные сверхъ столовъ, мы, юноши и дѣти, отдавали ей нашу послѣднюю дань,—разбрасывали по ея темнымъ и тяжелымъ вѣтвямъ легкія разноцвѣтныя розы нашей матери, тщательно наблюдая, чтобы онѣ не приходились близко къ свѣчамъ.

Матери не было съ нами.

Одною изъ ея привычекъ была уединенная прогулка въ послѣобѣденное время по полусумраку гостиной. Лампы, бывшія въ гостиной, обыкновенно не зажигались и свѣтъ слабо проникалъ въ нее только черезъ открытыя двери двухъ смежныхъ съ нею комнатъ.

Успокоивающій и располагающій къ размышленію сумракъ мать вообще любила.

Я былъ какъ-то бѣшено веселъ въ этотъ сочельникъ.

Возвышаясь едва ли не выше всѣхъ прочихъ на своемъ поставленномъ сверхъ стола стулѣ, громко, во всю силу своего свѣжеформирующагося баса, я пѣлъ разудалое «Страха не страшусь».

Я пѣлъ, я провозглашалъ свою молодость, свой избытокъ силъ, свою жажду жизни и въ то же время старательно распредѣлялъ по елѣ нѣжныя и скромныя цвѣты матери.

И вдругъ я вспомнилъ наше общее упущеніе. Едва ли не главнѣйшая изъ всѣхъ елочныхъ красотъ, большая звѣзда, которая должна была увѣнчивать самый верхъ дерева, была всѣми нами совсѣмъ забыта.

Съ какой-то озорной и радостной ревностью проникъ я къ своему открытію.

Быстро и акробатически ловко соскочилъ я со своей высоты и грудью впередъ, что было духу понесся въ нашу со старшимъ братомъ комнату, гдѣ должна была находиться забытая звѣзда.

Путь лежалъ черезъ гостиную. Въ ней царилъ полутьма. Быстрый бѣгъ довершалъ мое радостное самозабвеніе.

Я несся... Мать тихо пла мнѣ навстрѣчу...

Я, прекрасно освѣщенный, вѣроятно, былъ доступенъ даже и

ея слабому зрѣнію, и, вѣроятно же, ей и въ голову не приходило, что она въ своей полутьмѣ скрыта отъ моихъ глазъ.

Вѣроятно, она шла и улыбалась себѣ на мой «бѣшеный восторгъ».

Она была по плечо мнѣ, худенькая, тщедушная, больная грудью.

Уже налетая на нее, какъ-то даже не увидѣвъ, а всю почувствовавъ ее передъ собой, я отбросился въ сторону. Какая-то метель завизжала вокругъ. Не помня себя, прибѣжалъ я въ свою комнату и какъ-то весь заплескалъ, словно отъ внезапной физической боли.

Звѣзду, впрочемъ, какъ бы по силѣ какой-то инерціи, я досталъ изъ стоявшей на окнѣ коробки, но возвращаться съ нею къ елѣ уже не могъ, не смѣлъ.

Что-то страшное, ужасное и совершенно невѣдомое мнѣ до сихъ поръ врывалось въ мой мозгъ, въ мое сердце.

Какой-то клубящійся мракъ этого новаго страшилища сначала только какъ-то неопредѣленно давилъ все мое существо: леденилъ и заставлялъ цѣпенить душу, а тѣло—трепетать всѣми членами, тѣло, которое смутно ощущалось мной чѣмъ-то чуждымъ мнѣ, чѣмъ-то внѣ моей власти и какимъ-то богатырски-громозднымъ.

Я вполне опредѣленно сознавалъ только одно, что, налетѣвъ на мать и сшибъ ее съ ногъ, я убилъ бы ее на смерть... Я прямо ощущалъ этотъ толчокъ грудью, всѣмъ тѣломъ, какъ будто онъ, дѣйствительно, былъ произведенъ.

Затѣмъ мало-по-малу голова стала работать, и все яснѣе и яснѣе.

И я ясно, до осязательности ясно, теперь уже сознавалъ, что только ничтожная случайность помѣшала мнѣ стать матереубійцей.

Первыя минуты я какъ-то инстинктивно все отбивался, чѣмъ ни пришлось, отъ этого сознанія, но затѣмъ оно овладѣло мной всецѣло. И я опять сталъ прямо чувствовать это роковое столкновение... Видѣлъ уголъ рояля, у котораго оно произошло; слышалъ звукъ удара головы матери объ этотъ твердый, какъ чугунъ, уголъ; видѣлъ ее распростертой на полу, съ разбитой, окровавленной головой; слышалъ и общую суматоху во всемъ домѣ... Крики, стоны... Видѣлъ обезумѣвшія лица моихъ братьевъ и сестеръ, прислуги...

— Матереубійство?—кричала во мнѣ сама кровь.—Я—и убійца моей, нашей общей возлюбленной матери?... Тамъ приготовленіе къ елѣ, а здѣсь въ этой тьмѣ... Нѣтъ, нѣтъ!...

И я опять не хотѣлъ сдаваться, не смѣлъ признавать самую возможность такого случая. Все существо мое протестовало, я стремился къ борьбѣ, я злобствовалъ, я взывалъ о пощадѣ.

Но тщетно, мой врагъ, мой противникъ даже не появлялся передо

мною. И только какая-то донкихотская вѣтряная мельница, разъ подцѣпивъ меня на одинъ изъ концовъ своихъ крыльевъ, знай била и била меня о твердую землю.

Я быстро ходилъ, почти бѣгалъ по комнатамъ, хватаясь за попадавшуюся мнѣ мебель, отстраняя ее отъ себя, ища себѣ спасенія, мѣста не находя себѣ.

А внутренний голосъ, между тѣмъ, говорилъ мнѣ все тверже и неотразимѣе: возможность факта непоколебима: случай же, только отвелъ случай.

И я не зналъ, не зналъ, что мнѣ дѣлать. Временами мелькала мысль, что вѣдь тамъ елка готовится, что надо идти ко всѣмъ прочимъ, но я чувствовалъ, что прежде мнѣ нужно что-то понять, уяснить, въ чемъ-то снова измѣниться...

Въ комнату вошелъ мой старшій братъ.

— Ты что пропагъ?—сказалъ онъ,—я думалъ, ты за звѣздой... да вотъ ты и досталъ ее. Въ чемъ же дѣло?... Скоро и зажигать пора.

И, слегка приглядѣвшись ко мнѣ, онъ взялъ со стола звѣзду и вышелъ.

Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ и скривилъ губы въ улыбку. Его спокойствіе, его невѣдѣніе пробуждало во мнѣ и сожалѣніе къ нему и злую иронію.

— Забавляются себѣ пока что,—сказала эта иронія,—елочку на общую радость изготавляютъ!...

Что-то отпало отъ меня въ моихъ чувствахъ. Потребность протеста уже не ощущалась. Я чувствовалъ себя только уже посвященнымъ въ то, что отъ другихъ пока еще было скрыто. Ожесточеніе мое смягчилось. Мнѣ стало нужно отъ себя переходить и вообще на людей, въ лично меня коснувшемся случаѣ искать общаго значенія, значенія случая въ человѣческомъ существованіи. Мысль получила возможность работать спокойно.

И вотъ вскорѣ мнѣ сталъ какъ бы вполне ясенъ и общій смыслъ жизни: случайный скачокъ, и разбита цѣлая семья; и въ такихъ скачкахъ вся сила и все безсиліе жизни: все ничтожно, все безсильно передъ бессмысленнымъ произволомъ случая.

И я говорилъ себѣ какъ бы уже и достаточно покойно:

— Очень все это просто, и ничего тутъ, въ сущности, и новаго нѣтъ. Такъ только случая же до сихъ поръ не было столкнуться со всѣмъ этимъ. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*,—давнишняя истина. Да, только и всего, а затѣмъ—и къ чорту, и къ дьяволу!...

Но къ елкѣ я всетаки не возвращался.

Изъ гостиной стали доноситься звуки роля.

Это, очевидно, для послѣ ямочныхъ танцевъ, мамаша опять будто бы репетировала свою единственную и неизмѣнную полечку.

Жиденькій, немовѣрно-пошленькій мотивчикъ, по обыкновенію, какъ-то прямо вышлепывался: апфельзинъ, апфельзинъ, апфельзинъ!...

Мать вообще не большая любительница танцевъ, особенно почему-то не симпатизировала полькѣ и, снисходя къ просьбамъ дѣтей, воспроизводила ее неизмѣнно однимъ и тѣмъ же мотивчикомъ, который она выбивала изъ клавишъ такъ, что онъ какъ бы самъ надъ собою потѣшался. И, выбивая этотъ мотивчикъ, она обыкновенно, въ его пущее осмѣяніе, подпѣвала неизмѣнно же бессмысленное: апфельзинъ, апфельзинъ, апфельзинъ.

Мы ребята, поколѣніе за поколѣніемъ, тоже смѣялись надъ этой полечкой, тоже приговаривали «апфельзинъ, апфельзинъ», но тѣмъ не менѣе отбивали себѣ пятки подъ его дрыгающіе шлепочки въ свое полное удовольствіе.

И вотъ мнѣ стало казаться, что подъ мамашину полечку и теперь кто-то и гдѣ-то пляшетъ, этакъ методично вытанцовываетъ.

Сначала слышался какъ-то особенно назойливо тактъ полечки, далѣе этотъ тактъ началъ отмѣчаться какъ бы пристукиваніями, прищелкиваніемъ и даже чмоканіемъ, чинно, деликатно: апфельзинъ, апфельзинъ, апфельзинъ!...

Затѣмъ сталъ вырисовываться и тотъ, кто танцевалъ: фигура, съ дѣтства противная мнѣ, сорвалась со старой нѣмецкой карриатуры: длинная, тощая, какая-то гусеницеобразная старушенція, одѣтая à l'enfant, manches courtes и décoltée, въ панталонцахъ съ фестончиками, — съ крохотной мордашкой какой-то вышпаренной крысы или выдры, едва-едва выглядывавшей изъ-подъ громадной, пышно-разукрашенной страусовыми перьями, шляпы. Отвисшая кожа на ея тощихъ рукахъ болталась въ складкахъ; одною изъ этихъ ручекъ она держала широкій, блестящій вѣеръ; другою — букетъ живыхъ цвѣтовъ въ золотомъ портбукетѣ.

И эта старушенція танцевала. Сначала сдержанно, какъ истая нѣмочка, вся такъ дѣтски-наивно жеманясь, тамъ и здѣсь пожимаясь въ своемъ тѣлцѣ, шуря и снова открывая глазки, какъ-то стыдливо омахиваясь вѣеромъ и то и дѣло освѣжая свою изжелта-сизую мордашку вышпаренной крысы ароматомъ своего роскошнаго букета; танцевала — какъ бы еще только для примѣра, для репетиціи, какъ бы въ предупрежденіе о чемъ-то будущемъ. И мѣрно, въ тактъ полечки встрихивались перья на ея шляпѣ, складки кожи на рукахъ, цвѣты въ портбукетѣ, фестончики на панталонцахъ, причемъ опичен ея по-

жекъ, обутыя въ розовыя туфельки, такъ и пришепetyвали: апфельзинъ, апфельзинъ, апфельзинъ!...

Затѣмъ она стала какъ бы увлекаться, раззадориваться... Глазки заискрились, расцѣтавшія въ улыбку губки начали прищипывать, ножки, взбалтывая панталонцы съ фестончиками, стали дрыгать все чаще, все вольнѣе.

Апфельзинъ, апфельзинъ... темпъ становился все быстрѣе, какъ-то обострялся, старушенція все надавала, все раскураживалась, входила все въ большій и большій задоръ.

Апфельзинъ,—и она стала жадно коситься изъ-подъ своей шляпки, облизываться языкомъ, вскрикивать... Быстрѣе, шире!... Простору!... И полька обратилась въ какую-то безпардонную свистопляску.

Старушонка уже откалывала, отжаривала, раскамаривала свою польку.

И вотъ, наконецъ, уже не она полечку, а полечка стала ее раздѣлывать. Шляпка сбилась на спину. Блестя, какъ черепъ, головенка тыкалась все впередъ и впередъ. Закруглившіеся, какъ у рака, глазенки прямо выѣзали изъ орбитъ... Цвѣты осыпались... Вся она тряслась, моталась, корчилась, визжала и стучала, какъ стучить ступка,—какъ пятками о полъ, такъ, казалось, и всѣми своими развинтившимися и трясущимися подъ кожей костями.

И тѣмъ не менѣе она наслаждалась, замирала, дохла отъ восторга!

— Мерзость,—говорилъ я себѣ,—архипакость!... И вѣдь она, подлая, сознаетъ свое безобразіе, его-то и торжествуетъ въ себѣ. О проклятая! О несчастная!

Не знаю, не прибавилъ ли я чего-нибудь въ описаніи пляски этой карикатурной старушенціи; даже навѣрное что-нибудь прибавилъ. Но не въ этомъ дѣло: важны мои чувства, создавшія эту карикатуру, а не ея обрисовка.

И я ничуть не галлюцинировалъ. Разъ прищѣпясь слухомъ къ звукамъ польки, а зрѣніемъ къ случайно вспомнившейся мнѣ картинкѣ, я дальше почти сознательно распоряжался тѣмъ и другимъ, чтобы при помощи моего воображенія дать свободу моимъ чувствамъ и мыслямъ.

Эта старушонка являлась въ моихъ глазахъ какъ бы олицетвореніемъ общаго издѣвательства, издѣвательства только ради самого себя и надъ всѣмъ, что кому бы то ни было могло быть свято.

И я упивался полечкой старухи, я самъ до извѣстной степени неистовствовалъ, все расхаживая взадъ и впередъ, корча гримасы,

прищелкивая пальцами и временами ощущая страстное желаніе и самому разразиться самыми пакостно-нелѣпыми скачками. Кричать минутами хотѣлось—такъ бессмысленно, по животному, какъ кричать иногда измучившіеся страданьемъ больные или же черезчуръ несправедливо и больно обиженные дѣти:

«А-а-а!» или «О-о-о»,—какъ ни пришлось, лишь бы громче, диче, безумнѣе.

Полечка оборвалась, наконецъ, на полутактѣ. Раздался негромкій звукъ захлопнувшейся крышки рояля. Тихо такъ стало въ первое мгновеніе. Затѣмъ изъ глубины квартиры, изъ столовой съ елкой стали доноситься смутный гулъ голосовъ, звонкой трелью прозвучалъ смѣхъ моего младшаго братишки.

И какимъ-то стономъ отазвались въ моей душѣ и эти дорогіе мнѣ голоса и, въ особенности, этотъ звонкій и дѣтскій смѣхъ. Снова сказалъ я себѣ, что надо и мнѣ идти къ братьямъ и сестрамъ, и снова почувствовалъ, что не могу, что я прежде всего разрыдаюсь тамъ.

Кулаки мои сжались, и я поймалъ себя на этомъ.

— Грозисься,—сказало мнѣ сознаніе,—но кому же именно?

И снова ко мнѣ стала подкрадываться злоба. И, съ одной стороны, спасаясь отъ другихъ болѣе больныхъ, болѣе нестерпимыхъ чувствъ, а съ другой, какъ бы изъ общаго преклоненія передъ ней, какъ истинной властительницей міра, я охотно поддался ей.

— Не то важно,—сталъ я внушать себѣ,—что не случилось, а то, что могло случиться. Все во власти этой безстыдно-пляшущей старушонки. Скобъ, и рушится семья; скобъ и, пожалуй, полетитъ вверхъ тормашками и вся вселенная. Да, да, мамаша, и при чемъ же тутъ всѣ твои труды, все твое самоотверженіе на пользу воспитанія твоихъ дѣтей, на пользу ихъ будущихъ благъ?

И снова я увидѣлъ мать распростертой на паркетѣ, съ лицомъ мертвымъ, поруганнымъ кровью и синяками.

— И я отнималъ ее отъ семьи?... Я?...

Во мнѣ заговорилъ голосъ самозащиты:

— Такъ, пусть я убійца. Но вѣдь это опять только случай. Вѣдь я-то тоже только жертва чья-то... вѣдь на меня для совершенія этого только жребій какой-то выпалъ... Это могъ сдѣлать и всякій другой, даже малютка Миша, какъ-нибудь тамъ лампу на нее опрокинувъ или подсунувъ ей опиума вмѣсто валеріановыхъ капель.

Но въ то же время я чувствовалъ, что что-то не то: тѣло, мое молодое тѣло, какъ-то опять сказывалось во всемъ своемъ какомъ-то позорномъ богатствѣ.

— Но я ли виновенъ и въ этомъ?—сталъ я опять самооправды-

ваться, а затѣмъ какъ бы и обличать и всѣхъ бывшихъ въ это время у елки, и мать, и едва ли не все человѣчество:

Всѣ, всѣ мы одинаковы въ своемъ безволіи... И это-то и ужасно. Всѣ только вѣчныя жертвы и жертвы!... Жертвы случая, судьбы, этого фатума, рока!

— Фатумъ, рокъ?...—И мысль моя перенеслась. Да, но вѣдь это языческій взглядъ на такую подчиненность человѣка.

У грековъ рокъ тяготѣетъ надъ самими богами. Надъ богами? Но вѣдь у насъ не эти боги, мы христіане. Наша вѣра учитъ иному?

И я спрашивалъ себя, что должна сказать наша вѣра по данному вопросу и не находилъ опредѣленнаго отвѣта.

«Законъ Божій», въ разныхъ его видахъ, какъ и всѣ прочіе предметы, преподаваемые въ училищѣ, учился мной, наравнѣ со всѣми прочими моими товарищами, только ради полученія удовлетворительнаго бала за него. Его ученія не западали въ душу, не будили мысли, но при помощи зубрежки навязывались только одной памяти и постольку, поскольку и на какое время это требовало практическое соображеніе. «Батъка» къ тому же былъ у насъ изъ числа простецкихъ: не слышалъ подсказываній и вообще легко поддавался всякому обману. Не страшилъ учитель, и поневоля́ былъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи и самый предметъ.

Порою случалось тѣ и другія обстоятельства житейскаго обихода сами собою наталкивали мысль на нѣкоторые вопросы, связанные съ догматами церкви, порождали даже и невольно страшившія сомнѣнія, но со страхомъ же какъ-то невольно говорилось себѣ, что «этого» касаться еще рано, что прежде надо вообще расширить свои умственные горизонты, поразвиться и поумнѣть, и пытливость мысли покорно умолкала въ ожиданіи своего болѣе зрѣлаго и свободнаго состоянія.

Я не стремился познавать Бога, какъ мыслитель, какъ философъ, но такъ вообще, попросту, по ребячьи, я зналъ и горячо любилъ этого Бога, видя въ немъ безконечную мудрость, справедливость и любовь.

Мать вселяла въ насъ такое познаніе Бога.

Мать!... Младенецъ насытился отъ ея груди и, чмокая, довольный и радостный, весь раскидывается, — ножи такъ, неопредѣленно вверху, а полныя съ перехватами у кистей ручонки, вслѣдъ за прищуреннымъ взглядомъ, тянутся къ плѣнительно-сіяющей связкѣ образовъ и крестиковъ, подвѣшенной къ обвивающей шею матери золотой цѣпочкѣ.

Младенецъ еще почти ничего не смыслить, но виѣстъ съ молокомъ матери онъ инстинктивно впитываетъ въ себя, какъ бы всѣми порами своего розоваго тѣльца, и познаніе ея любви, — ея матерни-

ской любви къ нему, безпомощному, а вмѣстѣ съ тѣмъ, неотдѣлимо, — и вообще любви, въ смыслѣ ея тепла, добра и ласки, — любви и Божеской, и человѣческой.

Только ли одно питающее и нѣжащее его тѣльце, — тѣло для ребенка его мать?

Нѣтъ, — что ни день, что ни часъ даже, какъ его мутные глазки все болѣе и болѣе освѣщаются смысломъ, отблескомъ духовной жизни. Мать говоритъ и говоритъ съ нимъ — рѣчами, звукомъ своей пѣсенки, глазами, улыбкой, — говоритъ, и слово за словомъ все болѣе и болѣе развиваетъ и образуетъ въ немъ его младенческую, но въ то же время и вообще человѣческую душу.

«Любовь — душа жизни», и истинно животворящая сила любви — духъ.

Младенецъ смѣется-заливается, любуетъ блестяще золотыми образками, но въ то же время онъ наслаждается и близостью той, на чьей груди они покоятся: нѣжится чарой ея ласкающей руки, нѣжится и музыкой ея, вызывающей къ нему, рѣчи.

Сегодня онъ еще бессмысленно сосетъ своимъ едва-едва обзаводящимся зубами ротикомъ сіяющій образокъ, такъ же сосетъ его и завтра, и послѣ завтра, и послѣ-послѣ завтра, но вотъ, наконецъ, повинувшись гипнотизирующей его волѣ матери, онъ начинаетъ уже цѣловать этотъ символъ Божеской красоты.

— Боженка! — съ плѣнительной искренностью твердитъ мать. — Добрый, всѣхъ любить, всѣхъ благословляетъ... Все въ Его власти! Боженка милый, добрый, хорошій-хорошій!

Глотокъ по глотку — и незамѣтно на опущеніе крѣпнеть и развивается дѣтское тѣльце; глотокъ по глотку — и незамѣтно для сознанія все крѣпнеть и развивается дѣтская душа, въ ея представленіяхъ, въ осмысленности, въ чувствахъ, въ ея Божественной силѣ и красотѣ...

Глубоко, всей душой была предана мать завѣтамъ всепрощающаго Христа и, безгранично любя свое дѣтище, она не могла, вскармливая его своей грудью, не вскармливать его и своимъ духомъ, — своимъ материнскимъ любвеобиліемъ.

Такъ познавали мы Бога, такъ зарождалась въ насъ беззавѣтная любовь къ Нему.

Традиціонныхъ лампадъ теплится передъ образами по угламъ комнатъ какъ-то не было въ обычай матери, но тѣмъ не менѣе священные огоньки въ сердцахъ ея дѣтей горѣли.

И вотъ теперь я чувствовалъ, что этотъ завѣтный, родной огонекъ угасаетъ во мнѣ. Мать и видѣлъ передъ собой мертвой. Рели-

гін, къ которой я смутно взывалъ, таилась и не приходила мнѣ на помощь.

Въ общемъ я чувствовалъ себя какимъ-то сорваннымъ и посящимся по вихрю листкомъ.

— Фатумъ, рокъ—языческое ученіе... У насъ не то, у насъ торжество добра... Божій промыслъ, Божье соизволеніе... Богъ все-благой, всепремудрый!

И вдругъ мнѣ вспомнилось, что какъ-то я училъ въ катехизисѣ о предопредѣленіи, которое тогда же казалось мнѣ какъ бы противорѣчіемъ со всѣми остальными ученіями религіи. Вдумываться въ сущность этого предопредѣленія теперь я, конечно, тѣмъ болѣе не могъ и я схватилъ отъ него только то, что, въ сущности, мнѣ и требовалось,—утвержденіе какъ бы и самой религіей, что мы не властны въ своей жизни, въ своей дѣятельности, что наша воля—призракъ.

И я какъ бы нашелъ себѣ опору, всецѣло предаваясь злорадству, основанному на насыщеніи тѣхъ душевныхъ силъ, совокупность которыхъ зовется гордыней.

Какимъ-то лермонтовскимъ демономъ я ощутилъ себя.

Міръ какъ-то раздвигался передо мной.

Богъ—и сквозъ густую дымку высилось и расплывалось нѣчто громадное: небо съ величественно шествующими по нему облаками, толпы храмовъ съ ихъ портиками, колоннами, куполами и низкими, басовымъ перезвономъ колоколовъ.

Случай—и какъ-то необыкновенно-назойливо лупили свои помигивающіе глазки традиціонные уличные фонари, торчащіе на своихъ столбикахъ-тычкахъ.

Порой вѣяло впечатлѣніемъ вселенной. Чудились безбрежные, сливающиеся между собой океаны... смутными пятнами выдѣлялись среди нихъ громады материковъ съ ихъ горными хребтами, рѣками, пропастями и людскими муравейниками.

И вдругъ затѣмъ съ поразительною реальностію рисовался городской тупикъ: сизо-сѣрый домъ направо, сизо-рыжій домъ налѣво и между ними среди двухъ стѣнъ наглухо забитыя ворота съ надписью мѣломъ: «астанавацца воспрещаецца».

Братья и сестры, мать, а за ними и всѣ люди, казались мнѣ какими-то потускнѣвшими, маленькими и такими жалкими-жалкими.

Я ходилъ изъ угла въ уголъ, быстро, точно озябшій, потиралъ руки и все кривилъ ротъ, будто бы ухмыляясь. Приходило ли мнѣ въ голову, что въ сущности во всемъ этомъ я только ломаюсь передъ самимъ собой? Да, вѣроятно, хотя отчасти, но я сознавалъ это.

По крайней мѣрѣ минутами я совершенно здраво говорилъ себѣ, что какъ теперь, что бы тамъ ни было, я долженъ присоединиться къ общему семейному празднику, такъ впоследствии я буду долженъ какъ-нибудь по иному, по настоящему, понять истинное значеніе поразившаго меня открытія.

Но возвращаться къ елкѣ я попросту какъ-то боялся, а за второе я не разъ тутъ же какъ будто и принимался все какъ-то мимоходомъ и свысока:

— Не такъ все? Не вѣрно?... Ну, такъ въ чемъ же тогда истина?

Но мысль металась, рвалась и развѣ только молила о пощадѣ.

И невольно я снова говорилъ себѣ:

— Э, да и что тамъ!... Теперь прежде всего и думать-то со-всѣмъ лишнее. Такъ себѣ, живи какъ пришлось, пока живется, а тамъ...

И снова все дробилось и рвалось на части.

То хотѣлось замереть, ничего не чувствуя и ни о чемъ не разсуждая; то позоръ своего существованія настолько сгущался, что единственнымъ изъ него выходомъ представлялось только самоубійство; то всѣ силы души сосредоточивались на сожалѣніи невозвратно-утраченнаго покоя; то, наконецъ, вдругъ жадно тянуло плюнуть себѣ въ будущемъ на все и вся, да и пуститься во всѣ тяжкія, по примѣру нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, бѣжавшихъ отъ школьной премудрости и поступившихъ въ волювоопредѣляющіеся: дѣло по боку!... Все тринь-трава! Какое-то вино съ его всезабвеніемъ... Какія-то эти прелестныя женщины, отъ самой мысли о которыхъ вся кровь закипаетъ отъ восторга!...

И послѣднее такъ и дышало соблазномъ, такъ и манило исподтишка, какъ-то лукаво пріотыкая и дѣлая доступнымъ то, что до сихъ поръ было за семью печатами и считалось какъ бы и несуществующимъ.

Подлѣ меня появился опять мой старшій братъ.

— Ты что же однако уединился?—спросилъ онъ на этотъ разъ, уже пристально всматриваясь въ мое лицо,—а что съ тобой случилось?

— Такъ я!—и я отвернулся.

Братъ выждалъ немного и повторилъ свой вопросъ.

Смутно было мое чувство: по привычкѣ, я невольно трогался участіемъ брата, но это же участіе и досаждало:

— Что онъ можетъ дать мнѣ? Вѣдь малый ребенокъ онъ въ своемъ невѣдѣніи.

И я не зналъ, что и какъ говорить, и тинулъ въ нерѣшительности:

— Да, право же, ничего со мной такого особеннаго... А что, развѣ ужъ тамъ все готово?

— Тамъ-то, конечно, все уже готово,—какъ-то дѣланно сухо отвѣчалъ братъ.—И ты самъ долженъ понимать, что всё только тебя и ждуть. Твое исчезновеніе, кажется, ужъ и мамашу тревожить... Такъ что, если что-нибудь дѣйствительно есть, такъ ты говори.

Ничего неожиданнаго въ словахъ брата не заключалось, но въ тонѣ его голоса звучали такія какія-то новыя нотки, что я невольно взволновался:

— Ну, допустимъ, что есть... Ну, допустимъ!... А, впрочемъ, ну, и къ чорту! Идти, такъ и пойдемъ!

Я встряхнулся, оправилъ на себѣ куртку. Братъ же протянулъ: «глуно, говори-и...» и опустился на стулъ.

Я заходилъ, дергая плечами, и сталъ говорить что-то о насиліи. Тихо вошла мать.

— Теперь вы оба скрылись,—сказала она,—такъ, что же, сюрпризъ, можетъ быть, какой-нибудь готовите дѣтямъ?

Братъ промывчалъ что-то неопредѣленное, понымалъ немного и сталъ звать идти зажигать ёлку.

— Тайна?—проговорила между тѣмъ мать,—и, какъ мнѣ почему-то кажется, какая-то невеселая, грустная тайна?

— Мамаша, я все равно не скажу!—рѣзко, какъ бы отбиваясь отъ нападенія, началъ я, и тутъ же оборвался, чувствуя, что дѣлаю что-то совершенно помимо своей воли.

— Ну, знаешь ли, Коля,—опять не своимъ, подергивающимся голосомъ и зачѣмъ-то усиленно приглядываясь къ своимъ ногтямъ, заговорилъ братъ,—ну, знаешь ли, тамъ ёлка... а ты тутъ... нестати, какъ будто...

— Некстати, нестати?!—вскипѣлъ я уже окончательно,—совершенно вѣрно, у васъ тамъ ёлка, семейная радость, а у меня... а у меня, можетъ быть... Впрочемъ, говорю вамъ, что все вздоръ, сто разъ, кажется, повторяю. Ёлка, такъ и давайте веселиться!

— Коля,—какъ-то особенно тихо и придерживая вздохъ, сказала мать,—ты чѣмъ-то раздраженъ и едва ли не на самого себя: тебѣ или что-нибудь не удалось, или—и я почти увѣрена въ этомъ, ты чѣмъ-то испуганъ.

Я почувствовалъ себя застигнутымъ врасплохъ.

— Да?—весь проникаясь теперь еще какимъ-то новымъ стра-

хоть, спросилъ я, вливаясь глазами въ лицо матери.—Значить, и ты замѣтила?

— Что я замѣтила?

Лицо ея было покойно. Блѣдно-голубые глаза смотрѣли на меня между прищуренными рѣсницами, теперь уже хотя и съ ласковымъ, но и непоколебимо-требовательномъ вызовомъ.

Я невольно смотрѣлъ и смотрѣлъ въ это блѣдное, худое, изборозженное мелкими морщинками лицо, которое нѣсколько минутъ тому назадъ такъ ясно представлялъ себѣ мертвымъ, разбитымъ, окровавленнымъ: нѣтъ,—оно жило, было властно, дышало всѣмъ величіемъ жизни.

Нѣсколько секундъ мы какъ бы боролись глазами и, наконецъ, я опустилъ свои.

— И я, ты говоришь, могла замѣтить?—стала она продолжать,—и я?... Значить, если только не замѣтила, то, очевидно, по своей близорукости; будь же добръ, пополни передо мной недостатокъ моего зрѣнія.

Я вздохнулъ и бессильно опустился на диванъ.

— Да пустяки же какіе-нибудь,—сказалъ братъ.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе, если пустяки,—чуть-чуть ему въ томъ сказала и мать.

Больно, нестерпимо-обидно мнѣ стало.

«Щадить ихъ или нѣтъ?—боролось въ моей головѣ,—оставлять ихъ въ ихъ дѣтскомъ покоѣ, или взять да и трахнуть все сразу?»

Въ дверь съ шумомъ вбѣжали двое младшихъ дѣтей.

Мать, съ свойственнымъ ей умѣніемъ, тихо выпроводила ихъ и, притворивъ дверь, снова обратилась ко мнѣ:

— Коля, все, что касается одного изъ васъ, касается и меня. Повѣрь, что ваши тайны для меня всего тяжелѣе. Ну, что же тебя такъ испугало, мой мальчикъ?

Последняя фрза, произнесенная почти шепотомъ, дышала страстнымъ нетерпѣніемъ и мольбой. «Мой мальчикъ» прозвучало какъ-то особенно плѣнительно-нѣжно.

— Мамаша,—сказалъ я уже растроганнымъ голосомъ,—ну, а если, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ пустяки...

— Тѣмъ бо-о-о-го!

Ея рука опустилась на мою голову и тихо нажала ее. И куда дѣвалось все мое давешнее ощущеніе своего богатства. Я весь поникъ, весь склонился, весь замеръ подъ этимъ легкимъ давленіемъ материнской руки.

Молчать долѣе было уже не въ моей власти, и я сталъ какъ бы каяться:

— Давеча, когда ты ходила по гостиной, я со всѣхъ ногъ вбѣжалъ туда и, не видя тебя въ темнотѣ, едва не сшибъ тебя съ ногъ... со всего размаха... и если бы только...

Братъ завозился на своемъ стулѣ и оборвалъ меня:

— Вольно же носиться, какъ сумасшедшему.

Мать дотронулась и до его головы. Затѣмъ плавно прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ и, остановясь на ея серединѣ, не громко, съ приостановками стала излагать передо мной приблизительно слѣдующія немудрящія истины:

— Да, конечно, если бы ты сбилъ меня съ ногъ, со мной могло бы быть очень плохо. Но страшень сонъ, да милостивъ Богъ. Сонъ, какъ видишь, миновалъ, я жива и передъ тобой. А затѣмъ, конечно, можетъ таиться безчисленное множество случаевъ, независящихъ отъ нашей воли. Но почему же ждать отъ нихъ непремѣнно однихъ бѣдствій, почему не предвѣщать въ нихъ какое-нибудь необыкновенное счастье? И то, и другое, очевидно, только призраки. Возиться же съ призраками, а тѣмъ болѣе вступать съ ними въ борьбу, воля твоя, простительно развѣ только душевно-больнымъ людямъ.

Она прошлась, громко вздохнула и вся выпрямилась, насколько позволяла ей это сдѣлать ея сутоловатая спина, и, устремляя свои блѣдно-голубые близорукіе глаза куда-то вверхъ, продолжала уже съ увлеченіемъ:

— Здоровому человѣку довольно борьбы съ дѣйствительными ужасами жизни. Страхъ рождается сознаниемъ своего безсилія, безпомощности и въ свою очередь порождаетъ только бессмысленную злобу. Злоба же вообще нигуда не годится. И если вы, мои дѣти, готовите изъ себя дѣйствительно полезныхъ общественныхъ работниковъ, то берегите свое какъ физическое, такъ и душевное здоровье. Смаковать же ужасы, какъ это, навѣрное, дѣлалъ въ своемъ уединеніи Коля, и совсѣмъ сиверно, какъ смаковать и свою безсильную злобу. Страхъ и злоба—рабство, гниль... И «аминь, аминь—разсыпъся» имъ обоймъ!...

Послѣдняя Пушкинская фраза прозвучала прямо съ удалью.

И теперь живая мать окончательно разсѣяла свой мертвый, свой будто бы поруганный матереубійствомъ призракъ.

Едва ли не больше всего дѣйствовала на меня простота приведенныхъ матерью истинъ. И я чувствовалъ уже только стыдъ, и огромный, цѣлительный стыдъ.

Было не до слововзлѣній, и я только закричалъ какъ-то дѣтски-радостно:

— А вѣдь я, оказывается, замѣчательный, великолѣпѣйшій дуракъ!

— Да?—радостно подхватила и мать и, близко подойдя ко мнѣ, быстро оглядѣла мое лицо.—Значить, улетѣли призраки, успокоил-ся?... Ну, то-то же!... Теперь, въ отплату, вотъ и тебѣ признаніе. Знаешь, вѣдь, въ сущности и на меня пахнуло страхомъ отъ всей этой твоей исторіи.

— Ну?—поторопѣлъ ее я.

— Я испугалась того, что не я ли ея истинная виновница, понимаешь, я, какъ слишкомъ дурная или даже прямо вредная воспитательница.

— Мамаша!—возмутился я, еще не совсѣмъ понимая, въ чемъ именно дѣло.

— Но вѣдь этого нѣтъ, нѣтъ,—радуясь, какъ ребенокъ, заговорила она дальше.—Это вѣдь только такъ, случайно, со стороны налетѣло?... Ты, какъ и всѣ вы у меня, хорошій, съ доброй и здоровой душой?... Такъ это, да? О, спасибо же тебѣ, мой мальчикъ! Спасибо!...

И, запрокинувъ мою голову, она горячо впиалась мнѣ въ губы. Величіе души матери. Ей мало было успокоить свое полувзрослое дѣтище, ей нужно было дать ему почувствовать животворящую силу добра, таящагося и въ его душѣ.

И преднамѣренно ли она сдѣлала это? О, нѣтъ, это вырвалось у нея само собой.

И я невольно радовался теперь какъ-то черезъ себя радостью своей матери.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ столовой.

Огонекъ отъ огонька—и елка засвѣтилась какъ бы однимъ общимъ блескомъ.

Мы сплотились вокругъ нея всей семьей, и едва ли не каждый изъ насъ чувствовалъ, что и мы всѣ—сердце отъ сердца свѣтимся одною общею любовью.

Я смотрѣлъ на нашу елку, и, помню, тамъ и здѣсь раскиданныя по ея иглистымъ вѣтвямъ мамашины розы какъ-то особенно нѣжили мой взглядъ.

«Дѣла давно минувшихъ дней!»

Давно умерла мать.

Богъ вѣсть, насколько далеко отъ моихъ близкихъ и мой конецъ.

Не успѣла-таки мать, какъ я уже признавался въ этомъ выше, закалить мои духовныя силы,—слишкомъ, вѣроятно, много пришлось и на мою долю иныхъ, другого рода воспитателей: и злобенъ я, и трусливъ, и изсрамощенъ всячески.

Но все же, несомнѣнно, что описанный случай прошелъ для меня не совсѣмъ безслѣдно. Часто онъ мнѣ вспоминается и часто же и думается:

«А что было бы, если бы мать не исцѣлила меня такъ быстро отъ моего дѣтскаго отчаянія? Пожалуй, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ я пустился бы, по-моему собственному тогдашнему выраженію, во всѣ тяжкія: сталъ бы продолжать смаковать свое личное и общечеловѣческое безсиліе, проникаться всепрезрѣніемъ и всеглумленіемъ и, спасаясь тѣмъ не менѣе отъ щелчковъ презираемой мной жизни, взлѣзъ бы на ходули, въ надеждѣ при ихъ помощи стать сверхчеловѣкомъ, а тамъ—хлопъ, да и завязъ бы въ житейской тинѣ по самыя уши?»

Да, все это легко бы могло случиться по тому утвержденію, что если кто-то увязъ, то и всей птичкѣ пропадать. Но здоровое слово матери, внушенное ей ея любвеобиліемъ, предотвратило смуту моей юной души: свѣтлую, возвышающую душу радость почувствовалъ я вмѣсто унижительнаго страха.

Положимъ, она отторгла меня, глупенькаго юношу, только отъ страха призрачнаго... Только?... Но лучше хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Да если бы люди поменьше боялись хотя бы только однихъ призраковъ, то много бы они стали и умнѣе, и добрѣе.

Довольно же все только страшать и другъ друга, и самихъ себя, будемъ лучше лѣчить другъ друга, а чѣмъ, совѣстно и повторять: панацея эта слишкомъ извѣстна всѣмъ!...

Е. Гославскій.

. * .

Когда съ небесъ струится мгла ночная,
И веругъ царить безмолвье сонныхъ водъ,—
Тогда мой духъ, объята раскрывая,
Навстрѣчу гимнъ восторженный поетъ...

Когда-жъ зоря раскроетъ плащъ багровый,
И жизнь забьетъ горячею струей,—
Тогда мой духъ—угрюмый и суровый—
Съ тоской хранить мучительный покой...

А. Ш.

Мобилизація землевладѣнія въ Россіи и его статистика *).

У.

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о частной земельной собственности и упомянули даже, что крестьянское надѣльное землевладѣніе должно считаться юридически изъятымъ изъ мобилизаціоннаго земельного фонда. Впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями мобилизація крестьянскаго землевладѣнія въ предѣлахъ крестьянскаго же сословія и одной и той же общины признается даже и юридически, вслѣдствіе права крестьянскихъ обществъ распоряжаться надѣльной землей по своему усмотрѣнію, надѣляя по наличнымъ или ревизскимъ душамъ, по работникамъ, ѣдокамъ и т. п. и, слѣдовательно, также производя родъ концентраціи или децентраціи землевладѣнія. Но и помимо этихъ, юридически законныхъ формъ въ крестьянскомъ надѣльномъ землевладѣніи происходятъ скрытая мобилизація, выходящая даже изъ среды участниковъ данной общины и даже вообще крестьянскаго сословія. Этотъ родъ мобилизаціи происходитъ подъ видомъ сдачи надѣльной земли въ аренду, залога ея и т. п.

Конечно, эти виды перехода земельныхъ участковъ, въ строгомъ смыслѣ, не вполне подходятъ подъ понятіе мобилизаціи, въ теоріи свободной отъ какихъ бы то ни было законодательныхъ ограниченій; но, съ другой стороны, собственно вполне свободной мобилизаціи дѣйствительность не знаетъ, и, слѣдовательно, ограниченія мобилизаціи крестьянской общественной земельной собственности не вносятъ, въ сущности, ничего новаго. Между тѣмъ изученіе этихъ скрытыхъ процессовъ мобилизаціи внутри крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что въ этихъ процессахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть обнаружены и скрытыя же причины той или другой эволюціи хозяйства. Кроме того и матеріалъ, которымъ можно пользоваться при изученіи этого вопроса, представляется гораздо болѣе пол-

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1905 г.

книга II, 1905 г.

нымъ, допускающимъ выясненіе нѣкоторыхъ важныхъ деталей. Мы здѣсь и остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся сущности этой внутренней реорганизации крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія.

Остановимся сначала на среднихъ числахъ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія въ общемъ для всей Россіи и въ отдѣльности для нѣкоторыхъ районовъ, воспользовавшись для этого подсчетами, произведенными въ упомянутыхъ «Матеріалахъ комиссіи» относительно размѣра надѣльной (облагаемой) земли на одну душу крестьянскаго населенія въ 1860, 1880, и въ 1900 годахъ, за послѣдній годъ на основаніи данныхъ смѣтныхъ вѣдомостей казенныхъ палатъ и податныхъ инспекторовъ. Не входя въ подробности распределенія крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія по отдѣльнымъ губерніямъ, приведемъ нѣсколько порайонныхъ итоговъ. Такъ, размѣръ надѣла въ десятинахъ на душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ равнялся въ среднемъ по районамъ:

Районы.	На ревнскую въ 1860 г.	На наличную въ 1880 г.	На наличную въ 1900 г.
Сѣверный	7,6	6,1	4,7
Сѣверо-восточный . . .	8,1	6,1	4,6
Восточный	9,5	6,5	4,8
Юго-восточный	8,4	5,2	3,5
Средне-волжскій	4,0	3,1	2,4
Средне-Юго-вост. группа землед. { Сѣв.-зап. »	4,1 3,0	3,0 2,2	2,2 1,7
Средне-промышленный .	4,0	3,3	2,6
Прибалтійскій	3,7	2,9	2,4
Сѣверо-западный	5,0	3,3	2,2
Юго-западный	2,9	2,1	1,4
Малороссійскій	3,3	2,5	1,7
Новороссійскій	6,2	4,0	2,5
Всего по 50 губ. Евр. Россіи	4,8	3,5	2,6

Наименѣ надѣленными землей оказались губерніи юго-западна (Кіевская, Подольская и Волынская—2,9 дес.), сѣверо-западная группа средне-земледѣльческихъ (Курская, Орловская, Тульская и Рязанская по 3,0 дес.) и малороссійскія (Полтавская и Черниговская—3,3 дес.). Въ общемъ тотъ же самый порядокъ, какъ въ первые годы надѣленія землею, сохраняется въ расположеніи губерній по величинѣ надѣла и въ настоящее время: на первомъ мѣстѣ попрежнему стоятъ юго-западна губерніи (съ надѣломъ въ 1,4 дес. на душу); но въ четырехъ средне-земледѣльческихъ губерніяхъ ростъ малоземелья оказывается болѣе быстрымъ, чѣмъ въ другихъ, почему на второмъ мѣстѣ по малоземелью стоятъ одинаково средне-земледѣльскія и малороссійскія (1,7 дес. на душу). Въ общемъ по 50 губ. Европейской Россіи развитіе малоземелья въ теченіе двухъ двадцатилѣтій выражается постепеннымъ уменьшеніемъ надѣловъ съ 4,8 дес. на душу въ 1860 г. до 3,5 дес. въ 1880 г. и 2,6 дес. въ 1900 г., т.-е. приблизительно въ 25% въ двадцать лѣтъ.

Таковы результаты общиннаго землевладѣнія, получившіеся благодаря тому, что площадь надѣльной земли осталась въ теченіе разсматриваемаго періода почти неизмѣнной (увеличившись вслѣдствіе дополнительныхъ надѣловъ съ 1875 по 1900 г. лишь съ 100,97 милл. дес. до 112,33 милл. дес.), тогда какъ населеніе въ то же время возросло вдвое—съ 28,862 тыс. душъ мужского пола въ 1871—75 гг. до 42,736 тыс. душъ мужского пола въ 1896—900 гг. Таковы среднія цифры, но мы были бы далеки отъ истины, если бы предположили, что эти среднія цифры даютъ вѣрную картину распределенія и движенія крестьянской земельной собственности въ Россіи.

Извѣстно, что основы къ неравномѣрному надѣленію крестьянъ земле заложены были еще самой реформой. Право крестьянъ получить даровой «четвертной» надѣлъ, безъ содѣйствія правительства, нашло особенно широкое примѣненіе въ губерніяхъ сѣверо-восточныхъ, поволжскихъ, юго-восточныхъ и южныхъ; въ нѣкоторыхъ этихъ губерніяхъ, наприм., въ Оренбургской, число крестьянъ, получившихъ даровые надѣлы, доходило до 75%, всѣхъ крѣпостныхъ, во многихъ колебалось отъ 30% до 40%; и хотя въ другихъ, въ особенности въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля была болѣе дорога, крестьяне охотнѣе прибѣгали къ выкупу полного надѣла, чѣмъ къ полученію четвертного дарового, однако все же въ 37 губерніяхъ, на которыхъ распространилось «общее положеніе» 19 февраля, число крестьянъ, получившихъ даровые надѣлы, превышаетъ 640 тыс., т.-е. 9%, всего крѣпостного населенія.

Такимъ образомъ съ самаго начала въ надѣленіи крестьянскаго населенія землею, даже въ одной и той же губерніи, обнаружилась значительная неравномѣрность и отклоненія отъ среднихъ цифръ. Еще болѣе, конечно, эта неравномѣрность увеличилась съ теченіемъ времени, благодаря условіямъ крестьянскаго землевладѣнія. Послѣ освобожденія большая часть бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ почти вездѣ переходитъ отъ дореформенной по-тягольной разверсткѣ къ разверсткѣ по наличнымъ душамъ, числу которыхъ въ первые годы соответствовало число ревизскихъ душъ по послѣдней ревизіи 1858 г. Однако съ каждымъ годомъ число «ревизскихъ» душъ уменьшалось, а вмѣсто нихъ являлись новыя, распределяясь и смѣняя ревизскія неравномѣрно какъ по отдѣльнымъ семьямъ, такъ и въ цѣлыхъ общинахъ. Благодаря этому, во всякой общинѣ явились дворы многодушевыя, т.-е. такіе, въ которыхъ число такъ называемыхъ ревизскихъ душъ больше наличныхъ и, слѣдовательно, число надѣловъ превосходитъ наличный составъ семей; малодушевыя семьи, гдѣ, наоборотъ, ревизскихъ душъ числится значительно меньше, чѣмъ душъ въ наличномъ составѣ семей; и лишь въ среднихъ семьяхъ число ревизскихъ и наличныхъ душъ приблизительно совпадаетъ. Въ результатѣ получается крайне неравномѣрное распределеніе земли не только среди отдѣльныхъ общинъ, но и внутри самой общины, такъ какъ и перераспределеніе надѣльной земли по наличнымъ душамъ часто не приводитъ къ уравниванію: не говоря уже о труднотѣ для наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ малодушевыхъ семей до-

биться отъ общества перераспределе́нія на палячныя души, даже при успѣхѣ такого стремленія къ уравнительности землевладѣнія, это приводитъ часто къ такому малоземелью, что создается еще болѣе удобная почва къ окончательному банкротству хозяйства однихъ и сосредоточію ихъ надѣловъ въ рукахъ другихъ.

Поэтому-то приведенныя среднія цифры и не могутъ дать соответствующей дѣйствительности картины распределе́нія крестьянскаго землевладѣнія какъ среди отдѣльныхъ общинъ, такъ тѣмъ болѣе и фактическаго пользованія землею внутри самихъ общинъ. Однако нужно замѣтить, что разложене́іе этихъ среднихъ цифръ на ихъ элементы представляется крайне труднымъ, почти невозможнымъ и въ общихъ итогахъ, благодаря устарѣлости и даже полному отсутствію статистическаго матеріала; поэтому цифрами оказывается возможнымъ пользоваться лишь въ качествѣ иллюстрацій для вывода тѣхъ или другихъ общихъ положеній.

Посмотримъ на распределе́ніе крестьянской надѣльной земли по величинѣ надѣловъ въ ближайшее послѣ реформы время. По подсчетамъ центральнаго статистическаго комитета группировка бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и ихъ общинъ по размѣрамъ надѣла удобной земли на одну ревизскую душу мужского пола представляется въ общихъ итогахъ слѣдующей *):

	% общинъ.	% ревиз. душъ муж. пола.	% земли.
Съ надѣломъ менѣе 1 дес. . . .	4,4	5,5	1,1
1— 2 „ . . .	9,7	13,3	6,3
2— 4 „ . . .	51,7	54,2	49,2
4— 6 „ . . .	28,2	22,3	31,9
6—10 „ . . .	4,7	4,1	8,8
Свыше 10 „ . . .	0,8	0,6	2,7

Понятно, что главнымъ образомъ въ неравномѣрности этихъ цифръ надѣленія играетъ роль различіе хозяйственнаго значенія участковъ одного и того же размѣра въ различныхъ губерніяхъ; по самымъ условіямъ культуры такія губерніи, какъ Московская и Таврическая или Пермская и Киевская, должны для обезпеченія населенія имѣть надѣльные участки весьма различныхъ другъ отъ друга величинъ. Но во всякомъ случаѣ видная роль принадлежитъ здѣсь и тому обстоятельству, что въ предѣлахъ одной и той же губерніи и, слѣдовательно, въ однихъ и тѣхъ же хозяйственныхъ условіяхъ, уже давно создавалась значительная неравномѣрность распределе́нія землевладѣнія, вслѣдствіе самыхъ условій первоначальнаго надѣленія земель, неодинаковаго въ разныхъ общинахъ одной и той же губерніи.

Чтобы выяснитъ хоть приблизительно степень разнообразія и неравномѣрности надѣленія землею крестьянскаго населенія, произведемъ такой приблизительный подсчетъ. Возьмемъ средній по губерніи надѣлъ, указы-

*) Статист. Времен., сер. III, вып. 10-й. Слб., 1886 г.

ваемый «Статистикой поземельной собственности», и высчитаемъ относительное число крестьянъ, имѣющихъ этотъ средній надѣлъ, причислая сюда и колебанія въ предѣлахъ 1 дес. отъ этой средней цифры; относительныя числа владѣвшихъ большими или меньшими, чѣмъ среднимъ, надѣлами, дадутъ другія графы таблицы *).

Губернія.	Надѣлъ менѣе среднего % душъ м. п. къ общ. числу душъ.	Средній по губ. надѣлъ, дес. на душу мужского пола.	Имѣющ. средній надѣлъ въ предѣлахъ колебанія 1 дес.	Имѣющихъ больше среднего на:			
				1 дес.	2 дес.	3 дес.	4—5 дес.
				% душъ муж. пола къ общему числу душъ.			
Бурская . . .	14,8	2,2	33,2	18,0	16,7	11,6	5,1
Орловская . .	5,9	2,4	39,0	30,6	17,3	4,3	2,0
Тульская . .	10,4	2,0	61,6	15,0	7,4	7,3	1,8
Рязанская . .	11,6	2,2	39,5	19,3	9,5	6,2	3,5
Воронежская .	10,6	2,6	11,1	15,8	15,8	17,3	24,9
Тамбовская . .	11,9	2,7	24,3	17,3	17,8	19,1	8,4
Пензенская . .	15,9	2,7	17,0	28,1	15,1	13,8	9,3
Саратовская .	21,8	3,5	10,7	20,4	7,9	17,4	13,3
Сибирская . .	13,1	2,6	14,2	42,1	15,4	9,0	5,5
Казанская . .	9,9	3,6	22,0	25,0	18,5	20,3	4,3
Нижегородск. .	12,6	2,9	18,3	35,8	18,8	7,0	4,2
Волынская . .	5,5	2,6	26,2	26,2	14,9	9,8	10,6
Харьковская .	12,2	2,6	20,6	16,2	16,6	17,6	15,1
Полтавская . .	36,0	2,2	32,6	20,2	7,2	2,5	1,2
Черниговская .	17,3	2,9	22,0	33,2	20,1	4,2	2,5

Приведенныя цифры среднихъ надѣловъ относятся къ цѣлымъ общинамъ и, слѣдовательно, въ нихъ сглаживается неравномѣрность фактическаго владѣнія землей внутри самыхъ общинъ; и, несмотря на это, близкій къ среднему погубернскому надѣлу имѣетъ всего лишь около 20—30% населенія, и рѣдко больше, тогда какъ 10—15% имѣютъ надѣлъ менѣе средняго и въ общемъ около 60% населенія имѣютъ болѣе средняго погубернскаго; средній размѣръ надѣла стоитъ, слѣдовательно, ближе къ низшимъ, чѣмъ къ высшимъ размѣрамъ дѣйствительныхъ пообщинныхъ надѣловъ.

Еще болѣе рѣзкія различія мы встрѣтимъ, если остановимся на фактическомъ распредѣленіи общинной поземельной собственности внутри самой общины; здѣсь мы, такъ же какъ и въ мобилизаціонныхъ процессахъ поземельной собственности всѣхъ другихъ сословій, встрѣтимся съ одной стороны съ полнымъ оставленіемъ земли и обезземеленіемъ части населенія, съ другой—

*) Составлена на основаніи „Статистики поземельной собственности“ и „Матеріаловъ коммиссіи“.

съ концентраціей земельной собственности. И этому оказываются не въ силахъ противостоять ни общинное землевладѣніе, ни всевозможныя ограниченія мобилизаціи надѣльной крестьянской собственности: экономическія условія дѣйствительности оказываются настолько сильными, что находятъ средства въ перестройкѣ поземельныхъ отношеній и помимо законныхъ, юридическихъ формъ.

Посмотримъ же на эти скрытые процессы мобилизаціи, происходящіе внутри общины.

VI.

Вопросъ о дифференціаціи крестьянскаго землевладѣнія внутри общины представляется не только совершенно не поддающимся точному статистическому учету, но даже вообще лишь съ трудомъ могущимъ быть выясненнымъ съ сколько-нибудь законченной полнотой. Полная безземельность значительнаго числа общинниковъ, фиктивное надѣленіе такъ называемыхъ «пустырниковъ», сдача всего или части надѣла въ аренду изъ года въ годъ, временное сокращеніе обрабатываемой домохозяйномъ земельной площади отъ случайно неудачнаго года, отъ падежа скотины—представляютъ безконечный рядъ постепенныхъ переходовъ, явленій, имѣющихъ между собою то общее, что всѣ они готовятъ и создаютъ почву для своихъ антиподовъ въ деревенской жизни—земельнаго кулачества, земельной концентраціи, земельной деревенской аристократіи. Все это должно, конечно, сказываться на общемъ благосостояніи хозяйства отдѣльныхъ группъ, почему для выясненія экономической дифференцировки деревни и представляется статистически столь цѣнной группировка отдѣльныхъ хозяйствъ по ихъ хозяйственнымъ признакамъ.

Но и размѣры землевладѣнія, т.-е. размѣры находящейся въ пользованіи даннаго хозяйства земельной площади, въ этомъ отношеніи столь же важны, какъ и другіе хозяйственные признаки (количество скота, земледѣльческихъ машинъ, рабочихъ силъ и т. п.) и изученіе процесса скрытой мобилизаціи земельной надѣльной собственности—если только не ограничиваться ничемъ не говорящими средними цифрами—можетъ выяснить характеръ и ходъ тѣхъ глубокихъ и коренныхъ измѣненій, которыя происходятъ въ деревнѣ. Потеря или отсутствіе скота или инвентаря все же болѣе поправимы и потому являются менѣе постоянными признаками благосостоянія, тѣмъ окончательная потеря, по какой бы то ни было причинѣ и въ какой бы то ни было формѣ, надѣльнаго участка; конечно, лишь съ точки зрѣнія «крестьянства», какъ сословія, такъ какъ ни благосостояніе крестьянина-рабочаго, окончательно порвавшаго связь съ своей надѣльной землей, ни благосостояніе крестьянина-собственника крупныхъ размѣровъ не зависятъ отъ размѣровъ принадлежащаго имъ юридически надѣльнаго участка. Ни тотъ, ни другой фактически не имѣютъ ничего общаго съ крестьянствомъ; ихъ благосостояніе, какъ благосостояніе рабочаго и рентаера, опредѣляется другими экономическими факторами, и мы въ про-

исходящихъ внутри крестьянской общины процессахъ перераспределеія землевладѣнія можемъ только искать признаковъ зарожденія того и другого явленія, т.-е. искать признаки и причины происходящей въ деревнѣ дифференціаціи общей массы крестьянства на два противоположныхъ по своимъ интересамъ земельные классы.

По весьма распространенному въ литературѣ мнѣнію, на которомъ часто даже сходятся какъ защитники, такъ и противники общины, общинное землевладѣніе имѣетъ два преимущества—два недостатка въ одно и то же время: оно, во-первыхъ, предохраняетъ всю массу крестьянства отъ безземелья, но, во-вторыхъ, должно логически вести къ общему малоземелью и къ парцелляціи крестьянской надѣльной собственности; эти двѣ особенности выставляются обычно, какъ противоположность частному подворному землевладѣнію, въ которомъ должно происходить, съ одной стороны, обезземеліе одной группы населенія и концентрація земельной собственности въ рукахъ другой. Однако разсмотрѣніе внутренней мобилизаціи крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія убѣждаетъ насъ, что ни общинныя формы, ни всяческія законодательныя ограниченія мобилизаціи его не только междусословной, но и внутри того же крестьянства, не предохраняютъ одной группы сельскаго населенія отъ пролетаризаціи и отъ концентраціи ихъ надѣльной собственности въ рукахъ другой группы той же общины; наоборотъ, эти искусственныя законодательныя ограниченія даже, можетъ быть, способствуютъ развитію этихъ явленій и, во всякомъ случаѣ, часто обостряютъ болѣзненность переходнаго времени.

Экономическая тенденція мобилизаціи и крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія оказывается совершенно тождественной съ процессами, отмѣченными нами для частнаго землевладѣнія, т.-е. потеря экономически слабыми группами земельной собственности и переходъ ея въ руки другихъ, болѣе жизнеспособныхъ экономическихъ группъ, при общемъ стремленіи къ концентраціи землевладѣнія. Понятно, здѣсь опять необходимо повторить, что законодательныя ограниченія и запрещенія свободы мобилизаціи, и принадлежность земли на правахъ собственности, въ строгомъ смыслѣ, лишь всей общинѣ въ совокупности создаютъ въ ней такія формы перехода надѣльныхъ участковъ изъ рукъ однѣхъ экономическихъ группъ въ руки другихъ, которыя заставляютъ говорить собственно не о мобилизаціи землевладѣнія, но о мобилизаціи землепользованія. Однако, коль скоро эта мобилизація землепользованія не вызывается случайными и временными обстоятельствами, а является постоянной, то по своей экономической сущности она ничѣмъ не отличается отъ мобилизаціи землевладѣнія въ строгомъ смыслѣ слова.

Остановимся сначала на томъ «оскудѣніи» крестьянства, аналогичное которому явленіе мы уже наблюдали въ дворянскомъ землевладѣніи и представителемъ котораго является группа безземельнаго крестьянства.

Извѣстно, что въ каждомъ сельскомъ обществѣ, какъ сословно-юридической единицѣ, имѣется значительный процентъ населенія, не имѣющаго

съ этой общиной, какъ единицей хозяйственно-территориальной, никакой связи; это есть группа безземельнаго населенія, или лишь приписанная къ обществу и не пользовавшаяся никогда его землей—преимущественно бывшіе помѣщичьи крестьяне, освобожденные до 1864 г. безъ земли, бывшіе дворовые, а также приписавшіяся къ обществу безъ надѣла постороннія лица; или лица, имѣвшія прежде надѣлъ, но впоследствии окончательно утратившія его по какимъ-либо бытовымъ, семейнымъ или экономическимъ причинамъ (продавшія выкупленные надѣлы, утратившія ихъ за неимениемъ, вдовы и старики и т. п.). Всѣ эти категоріи крестьянскаго населенія даютъ въ общемъ весьма значительное число юридически, т. е. окончательно, а не временно безземельныхъ дворовъ. По обследованію центрального статистическаго комитета 1893 г. *) въ общемъ для 46 губерній Европейской Россіи (безъ Донской области и трехъ прибалтійскихъ губерній) относительное число безземельныхъ дворовъ опредѣляется въ 7%, общаго числа дворовъ. Не говоря уже о такихъ губерніяхъ, гдѣ значительный процентъ безземельныхъ обуславливается формами землевладѣнія (наприм., въ Бессарабской губ. 22,9, Ковенской—17,3, Кіевской—14,7, Астраханской—14,1, Нижегородской—11,6, Полтавской—11,4%), даже въ губерніяхъ центрально-земледѣльческихъ, черноземныхъ процентъ безземельнаго населенія почти нигдѣ не спускается ниже 3—3,5%, въ нечерноземныхъ же онъ колеблется болѣею частью 8—9%.

Въ общемъ очень близкія цифры безземельныхъ даетъ и другой источникъ—статистическія обследования земствъ, хотя цифры земскихъ переписей даже нѣсколько выше цифръ центр. статист. комитета. Въ среднемъ для 123 уѣздовъ 22 губерній относительное число безземельныхъ опредѣляется земскими обследованиями **) въ 7,1%, общаго числа крестьянскихъ дворовъ и 5,1 крестьянскаго населенія (благодаря тому, что малоземельными дворами являются преимущественно дворы малодушевые). Если, пользуясь этимъ соотношеніемъ числа безземельныхъ дворовъ и душъ селскаго населенія, даваемымъ земскими изслѣдованіями, вычислить абсолютное число безземельныхъ по даннымъ центр. статист. комитета, взявши общіе итоги населенія по переписи 1897 г., то получимъ для этого года число безземельныхъ дворовъ до 744 тыс., всего же безземельнаго населенія до 4,12 мил. Если же взять принимаемые «Матеріалами комиссіи» коэффициентъ прироста селскаго населенія и его общее число къ 1900 г. въ 86,129 тыс., то общее число безземельнаго населенія опредѣлится въ 4,3 мил. душъ, что дастъ годовой приростъ числа безземельныхъ въ 45 тысячъ. Такия числа получаются, принимая неизмѣннымъ процентное отношеніе безземельнаго населенія (въ 5%); но, кромѣ того, что это число

*) «Населеніе сельскихъ обществъ и количество у нихъ пахотной земли по обследованію 1893 года о сельскихъ обществахъ 46 губерній Европейской Россіи». Врем. кен. стат. ком. № 33, 1894 года.

**) По «Сводному статистическому сборнику хозяйствен. свѣдѣній по земскимъ подвор. переписямъ» *Благовѣщенскаго*. Мос., 1893 г.

можетъ скорѣе считаться вообще пониженнымъ, чѣмъ повышеннымъ, оно безъ сомнѣнія возросло—и весьма существенно—со времени середины 90-хъ годовъ до 1900 года, такъ какъ за это время долженъ былъ не только усилиться процессъ обезземеленія, но и возрастать, вслѣдствіе естественнаго прироста, само безземельное населеніе: въдѣ не все оно состоитъ изъ такихъ нежизнеспособныхъ элементовъ, какъ старики, вдовы и т. п.

Дальнѣйшее изученіе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ элементовъ деревни убѣждаетъ насъ именно въ томъ, что относительное и абсолютное число фактически безземельныхъ дворовъ значительно выше и ростъ ихъ идетъ быстрѣе, чѣмъ въ приведенныхъ исчисленіяхъ. Извѣстно, что изъ дворовъ, получившихъ надѣлы, далеко не всѣ имъ дѣйствительно пользуются; для обозначенія хозяйственнаго положенія этой фактически безземельной группы населенія земскія изслѣдованія обыкновенно называютъ эти семьи «безхозяйными», «бездомовыми», «несѣющими», причемъ всѣ эти термины показываютъ на различную степень хозяйственной несостоятельности, на различную степень оторванности отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства: «бездомовые» крестьяне уже совершенно порвали связь со своей земельной общиной и живутъ исключительно продажей своего труда въ качествѣ батраковъ и рабочихъ при чужомъ хозяйствѣ, вблизи своей общины или далеко на сторонѣ; «безхозяйныя» семьи живутъ также продажей своего труда, а не обработкой своего надѣла, но въ то же время сохраняютъ еще хотя бы только усадѣбную осѣдлость въ своей деревнѣ. Понятно, что полная безземельность способствуетъ развитію этихъ элементовъ и потому «безземельные», «безхозяйныя» и «бездомовые» дворы въ значительной мѣрѣ совпадаютъ другъ съ другомъ; изъ нихъ болѣею частью и образуется тотъ многочисленный надръ «пустырянковъ», которыхъ профессиональное занятіе не имѣетъ ничего общаго съ земледѣліемъ, которые живутъ въ городахъ и лишь «спуста» платятъ подати за свой фиктивный надѣлъ.

Вслѣдствіе такой близости этихъ хозяйственныхъ группъ и невозможности провести между ними рѣзкой границы, трудно опредѣлять, насколько многочисленна каждая эта группа населенія деревни. Для 140 уѣздовъ Европ. Россіи земскія изслѣдованія опредѣляютъ среднее относительное число безхозяйныхъ дворовъ въ 10% общаго числа надѣльныхъ дворовъ, причемъ нѣкоторые, изслѣдованные полностью губерніи даютъ значительно болѣе высокія цифры: Московская—14,8%, Таврическая—12,6%, Саратовская—12,5%, Рязанская—12%. *). Число бездомовыхъ по тѣмъ же земскимъ изслѣдованіямъ для 123 уѣздовъ 22 губерній опредѣляется въ 4,7%. **), причемъ для отдѣльныхъ губерній оно значительно выше, достигая даже въ такой хлѣбородной губернии, какъ Рязанская, до 11,7%. ***).

*) *А. Фортунатовъ*: „Сельско-хозяйственная статистика Европ. Россіи“. Москва, 1893 г., стр. 82.

**) *Благодѣицскій*: „Сводный сборникъ“.

***) *Фортунатовъ*, 1. с. стр. 126.

Отсутствие собственного хозяйства на надѣльной землѣ и усадебной осыдлости въ родной деревнѣ уничтожаютъ послѣднія препятствія къ достиженію полной свободы въ приложеніи своего труда—и безхозяйнымъ, и бездомовымъ остается порвать послѣднюю—юридическую—связь съ своимъ надѣломъ, заплативъ за нее взносомъ податей за негодный или неэксплуатируемый участокъ; отсюда и вырастаетъ тотъ уже упомянутый классъ населенія, особенно многочисленный въ нечерноземной полосѣ по близости къ промышленнымъ районамъ, классъ «пустырниковъ», своеобразный родъ пролетаріевъ, всѣ обязанности которыхъ передъ общиной исчерпываются взносомъ податей да полученіемъ паспортовъ на отходъ. Въ то время, какъ другія группы населенія, болѣе связанныя землей, ищутъ приложенія своего труда ближе къ мѣсту жительства и могутъ отлучаться на работы на сравнительно короткіе сроки, группа бездомовыхъ и безхозяйныхъ даетъ, главнымъ образомъ, рабочихъ—профессионалистовъ, выбирающихъ отъ своихъ обществъ паспорта на болѣе долгіе сроки.

Это обстоятельство, между прочимъ, и можетъ дать косвенныя указанія на то, какъ сильно увеличивается въ числѣ та группа сельскаго населенія, благосостояніе которой все менѣе и менѣе зависитъ отъ земледѣльческаго хозяйства и которая все съ болѣею охотой предоставляетъ свою землю другимъ, болѣе счастливымъ земледѣльцамъ. Если мы сравнимъ данныя о числѣ выдаваемыхъ различными учрежденіями паспортныхъ бланковъ и билетовъ на сроки болѣе года, то получимъ для 50 губерній такія цифры роста выдачъ *):

Выдано паспортовъ за десятилѣтія:				
	1861—70 гг.	1871—80 гг.	1881—90 гг.	1891—1900 гг.
Всего долгосрочныхъ,				
тысячъ	59,2	87,1	91,2	1844,7
% къ общему числу				
выдачъ паспортовъ				
всякаго рода . . .	0,5	0,2	0,2	2,6

За сорокъ лѣтъ число долгосрочныхъ отходовъ возросло въ 31 разъ абсолютно и въ 5 разъ по отношенію къ общему числу выдачъ. Хотя приведенныя числа указываютъ на возрастаніе числа выдачъ всѣми учрежденіями, выдающими паспорта, безразлично (волостными правленіями, городскими управами и др.) и хотя увеличеніе числа выдачъ, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, обусловлено отчасти законами 3 іюня 1894 года и 7 апрѣля 1897 г., упростившими паспортную систему, однако, все же и эти цифры могутъ служить косвеннымъ указателемъ быстроты развитія долгосрочнаго отхода изъ деревни, на быстроту обращенія «оскудѣвающаго» крестьянства въ городского пролетарія, покончившаго всѣ отношенія къ своей надѣльной землѣ.

Таковы въ общихъ итогахъ данныя, могущія косвенно характеризовать

*) „Матеріалы коммисіи“, таб. XX.

размеры и рост той группы сельского населения, которая или только фактически, или и юридически, уже совсем не является собственником надельной земли и окончательно бросила ведение своего земледельческого хозяйства. Но и в хозяйствѣ лицъ, продолжающихъ еще, по заветамъ отцовъ своихъ, трудиться на дѣдовскомъ надѣлѣ, создается родъ неустойчиваго равновѣсія, заставляющаго однихъ все ниже, съ точки зрѣнія крестьянства, опускаться, ликвидировать свое земельное хозяйство и ограничивать размеры землевладѣнія и землепользованія; другихъ—округленіемъ, на счетъ первыхъ, своихъ надѣльных владѣній, заводить болѣе или менѣе рациональное и полное крестьянское хозяйство, по размерамъ своимъ предназначенное не только для покрытія нуждъ потребленія, но и для получения дохода продажей зерна на рынокъ.

Посмотримъ же, какими путями и въ какихъ формахъ идетъ эта хозяйственная и земельная дифференціація на пути къ полному обезземеленію однихъ и концентрація надѣльной земли въ рукахъ другихъ.

VII.

При всемъ разнообразіи формъ разверстки надѣльной земли въ различныхъ общинахъ, особенное хозяйственное значеніе имѣютъ три способа разверстки: душевая разверстка по ревизскимъ душамъ, душевая же по наличнымъ душамъ, ѣдокамъ, и потягальная разверстка по работникамъ. Въ то время, какъ послѣдняя форма является показателемъ болѣе или менѣе нормальнаго и рациональнаго соотношенія главныхъ хозяйственныхъ факторовъ—размеровъ землевладѣнія и количества личныхъ рабочихъ силъ—первая и вторая форма представляютъ противоположныя стороны одного и того же явленія: дифференціація надѣльнаго землевладѣнія. Эта дифференціація обусловливается борьбою изъ-за земли двухъ экономическихъ группъ деревни—деревенской земельной аристократіи и малоземельной демократіи, борьбою двухъ экономическихъ принциповъ: стремленіемъ къ концентраціи землевладѣнія, ради рациональной постановки и доходности хозяйства, съ одной стороны; и стремленіемъ къ раздробленію надѣльной земли, ради возможно равномѣрнаго удовлетворенія продовольственныхъ потребностей большинства.

Однако равномѣрнаго распредѣленія надѣльной земли между хозяйствами нигдѣ не существуетъ: ни разверстка надѣльной земли нигдѣ не соответствуетъ численности семей, ни хозяйственное положеніе ихъ нигдѣ не является настолько устойчивымъ, чтобы при первомъ неудачномъ годѣ ни сокращать количество рабочаго скота, отпускать излишнія рабочія руки на сторонніе заработки, ни сокращать площадь эксплуатируемой надѣльной земли отдачей ее въ аренду другимъ односельчанамъ.

Обратимся къ фактамъ.

Въ Перехтскомъ уѣздѣ, Востромской губерніи, распредѣленіе надѣльнаго

землевлáдѣнія въ общинахъ съ различнымъ надѣломъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ *):

Общины съ количествомъ земли на одну разверсточн. душу.	На одну разверсточ. душу приходится ревизскихъ душъ.	% безземельныхъ.
До 2,5 дес.	9,3	14,1
» 2,6—4 »	10,2	15,7
» 4,1—5 »	10,2	15,4
» 5,1—8 »	11,6	18,4
Свыше 8 »	15,6	22,1

Другими словами, увеличеніе размѣровъ землевлáдѣнія семей идетъ посредствомъ сосредоточенія въ ихъ рукахъ надѣловъ, что, конечно, можетъ быть достигнуто лишь обезземеленіемъ другой части населенія, величина которой возрастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе концентрирована въ этихъ общинахъ земля въ немногихъ семьяхъ.

Такую же концентрацію надѣловъ замѣчаемъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, по числу надѣловъ дворы распределяются слѣдующимъ образомъ **):

Имѣющихъ не болѣе 1 надѣла	30,6%
» отъ 2—3 надѣла	57,2 »
» 4 надѣла и болѣе	12,2 »

Въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, по тому же признаку дворы распределяются ***):

Имѣющихъ не болѣе 1 надѣла	14,6%
» отъ 2—3 надѣла	74,6 »
» 4 надѣла и болѣе	10,8 »

Въ Грайворонскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, распределеніе дворовъ по числу надѣловъ таково ****):

Имѣющихъ менѣе 1 надѣла	0,3%
» 1—2 надѣла	61,2 »
» 2—4 »	31,1 »
» болѣе 4 надѣловъ	7,4 »

Такимъ образомъ, около одного надѣла имѣетъ сравнительно незначительное число крестьянскихъ дворовъ, для большинства ихъ нормой владѣнія почти повсюду служитъ 2—3 надѣла на дворъ, менѣе же значительная часть владѣетъ 4 и болѣе надѣлами. Конечно, средній составъ крестьянской семьи вообще повсюду выше, чѣмъ это среднее число надѣловъ, приходящееся на одинъ дворъ; и слѣдовательно въ общемъ на душу семейнаго состава приходится лишь нѣкоторая часть надѣла. Однако, раз-

*) „Сборникъ стат. свѣд. по Костромской губ.“. Вып. I. Кострома, 1901 г.

**) „Сборникъ стат. свѣдѣній по Самарской губ.“. Вып. VI. Сам., 1889 г.

***) „Сборникъ статистич. свѣдѣній по Чердынскому уѣзду, Пермской губерніи“. Пермь, 1890 г.

****) „Сборникъ статист. свѣдѣній по Курской губ.“. Вып. IX. Курскъ, 1885 г.

мѣры надѣленія не находятся вообще въ прямой зависимости отъ численности семейнаго состава и слѣдовательно концентрація надѣловъ въ рукахъ нѣкоторыхъ семей не зависитъ отъ ихъ численности, а происходитъ отъ другихъ причинъ. Дѣйствительно, въ Воронежской губ., наприм., соответствие земельного надѣленія численному составу семей идетъ какъ будто бы довольно правильно, именно, на одну семью приходится душъ обоаго пола въ хозяйствахъ, имѣющихъ *):

До 5 дес. на дворъ	5,05
» 5—15 » » »	6,50
» 15—25 » » »	8,91
Свыше 25 » » »	12,63

Но и здѣсь, какъ видно изъ таблицы, возрастаніе землевладнія идетъ быстрѣе возрастанія численности семейнаго состава; особенно ясно это несоответствіе обнаруживается при сопоставленіи числа надѣловъ, приходящагося на одного ѣдока въ различныхъ семьяхъ. Такъ, въ Воронежскомъ у. семей, имѣющихъ на 1 надѣлъ ѣдоковъ, было **):

До 1 ѣдока на надѣлъ	5% семей.
» 1—2 ѣдок. » »	38,8 » »
» 2—4 » » »	42,8 » »
» 4 и болѣе	13,4 » »

Въ другихъ мѣстностяхъ несоответствіе землевладнія съ численнымъ составомъ семей проявляется еще болѣе рѣзко. Въ Тамбовской губ., напримѣръ, на одно хозяйство съ различнымъ земельнымъ надѣломъ приходилось душъ ***):

Менѣ 1 дес.	6,1 душъ на хозяйство.
» 1—3 »	6,2 » » »
» 3—5 »	6,7 » » »
» 5—7 »	7,0 » » »
» 7—9 »	6,7 » » »
9 и болѣе	6,4 » » »

Въ Уфимской губ. сопоставленіе численнаго состава семей съ размѣрами землевладнія даетъ такія данныя ****):

Посѣва на семью.	Средній составъ семьи.	Отношеніе.	Посѣва на душу дес.	Отношеніе.
До 2 дес.	4,7	100	0,28	100
» 2—4 »	5,5	117	0,58	207
» 4—10 »	6,6	140	0,97	382
Болѣе 10 »	8,1	173	2,16	771

Слѣдовательно, если возрастаніе земельной площади до нѣкоторой степени и обусловлено возрастаніемъ численности семей, то во всякомъ слу-

*) Щербина: „Крестьянскіе бюджеты“. Вор., 1900 г., стр. 216.

**) „Сборн. стат. свѣд. по Воронежской губ.“. Т. I. Вор., 1884 г.

***) „Сборникъ стат. свѣдѣній по Тамбовской губ.“. Т. XIV. Там., 1890 г.

****) „Хозяйст. статист. обзоръ Уфимской губ. за 1902 г.“. Уфа, 1903 г.

чаѣ это послѣднее идетъ медленнѣе возрастанія земельной площади: «большесемейный и въ то же время многосемейный дворъ является всетаки болѣе обезпеченнымъ землею, чѣмъ дворъ съ небольшимъ посѣвомъ, несмотря на его меньшій семейный составъ».

Все это происходитъ оттого, что деревенская земельная голытьба, деревенскіе «горланы», ратующіе на общественныхъ сходахъ за равномерное распределеніе земли между всѣми, не можетъ, несмотря на свое численное превосходство, достигнуть своего идеала равноправной земельной «республики»: ихъ хозяйственная несостоятельность слишкомъ очевидна, подати и платежи за землю слишкомъ велики, чтобы община не поняла всю опасность прекращенія сосредоточія надѣльного землевладѣнія въ рукахъ наиболѣе хозяйственныхъ группъ населенія, хотя бы цѣною обезземеленія другихъ. Да и никакое юридически равномерное распределеніе земли не спасетъ отъ фактическаго перехода ея въ руки хозяйственныхъ домовъ путемъ аренды, залога или другихъ скрытыхъ способовъ мобилизаціи.

Вотъ какъ описываетъ эту скрытую мобилизацію надѣльной земли среди общинниковъ одинъ изъ новѣйшихъ наблюдателей поземельныхъ порядковъ центрально-земледѣльской Россіи. «Сдають въ аренду свои надѣлы обыкновенно обѣдѣвшіе дворы, не имѣющіе возможности ихъ обрабатывать по отсутствію въ семьѣ работниковъ, или желающіе просто отъ нихъ отвязаться по бездоходности, или же, наконецъ, такіе, составъ которыхъ совершенно уже отбился, такъ сказать, отъ деревенской жизни; въ числѣ послѣднихъ есть часть дворовъ, которые оставили земледѣліе, найдя болѣе выгоднымъ занятіе какимъ-либо ремесломъ. Эти послѣдніе лица, если родъ ихъ занятій допускаетъ возможность прожизванія на родинѣ ихъ самихъ или ихъ семей, сдають по большей части одну полевую землю, оставляя усадьбу въ своемъ распоряженіи; такъ же поступаютъ болѣею частью и дворы, въ которыхъ нѣтъ взрослыхъ рабочихъ. Если же мастерство или занятіе крестьянина требуютъ его пребыванія въ деревнѣ, то обыкновенно сдають весь надѣлъ и нарядко, не являясь по нѣсколько лѣтъ въ общество, въ концѣ концовъ разрываютъ съ нимъ всякую связь; земли такихъ крестьянъ иногда отбираются обществомъ, въ особенности тогда, когда земля сравнительно доходна и общество ощущаетъ въ ней нужду. Кроме того, нарядки и случаи, когда сдача надѣла обуславливается задолженностью крестьянъ кулакамъ, которые и берутъ въ уплату долга надѣлъ. Намъ приходилось констатировать случаи, когда такимъ образомъ сосредоточивалось въ однѣхъ рукахъ (чаще всего это были заводчики и волостные старшины) по нѣсколько десятковъ надѣловъ и даже болѣе» *).

Трудно, конечно, учесть статистически точно размѣры этого явленія, такъ какъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сдѣлки найма и сдачи

*) М. Кашкаровъ: „Статист. очеркъ хозяйственнаго и имущественнаго положенія крестьянъ Орловской и Тульской губ.“. Сиб., 1902 г.

въ аренду надѣльной земли нигдѣ не регистрируются и происходятъ въ такихъ скрытыхъ, разнообразныхъ и сложныхъ формахъ, что иногда не поддаются не только учету, но даже лишь наблюденію; но во всякомъ случаѣ имѣющіеся факты хорошо иллюстрируютъ размѣры указаннаго явленія и вполне выясняютъ его причины.

Возьмемъ, наприм., одно изъ новѣйшихъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій по Калужской губ. Въ Козельскомъ у. распределеніе дворовъ по посѣвной площади, въ сопоставленіи съ размѣрами аренды и числомъ арендующихъ дворовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ *):

Группы по посѣву.	На каждые 100 д. дается:		% сдающихъ дворовъ.	% арендующихъ дворовъ.	Чистая аренда или — сдача.	% безлопашныхъ.
	Надѣльной зем.	Купчей зем.				
Несѣющие	100	100	100	2	—	97,6
Сѣющие до 3 дес.	10,1	30,6	27,5	35	— 0,3	46,1
» » 3—6 »	1,7	9,4	15	61	+13,2	8,4
» » 6—9 »	1,1	9,1	10	77	+20,2	1,0
» » 9—12 »	1,4	6,0	8	82	+24,5	0,3
Свыше 12 дес. . . .	1,1	8,4	11	83	+24,8	—

Слѣдовательно, относительное число сдающихъ дворовъ и размѣры сдаваемой и надѣльной, и купчей земли быстро возрастаютъ съ невозможностью пользоваться надѣльной землею за отсутствіемъ необходимыхъ для этого средствъ: съ паденіемъ хозяйственной состоятельности падаютъ и размѣры оставляемаго семьей для собственнаго хозяйства земельного участка, и возрастаетъ стремленіе къ сдачѣ ея въ чужія руки. Особенный интересъ представляютъ два столбца цифръ приведенной таблицы: одинъ, показывающій размѣры сдаваемой купчей земли, другой—размѣры чистой аренды, т.-е. превышеніе аренды надъ сдачей. Если въ группѣ «несѣющихъ» необходимо видѣть элементы, уже окончательно порвавшіе связь съ землею за невозможностью ее эксплуатировать (97,6% безлопашныхъ!), то группа вторая, сѣющихъ до 3 дес., является представителемъ элементовъ, уже готовыхъ порвать въ скоромъ времени едва поддерживающуюся еще связь съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, поставившихъ свое хозяйство по наклонной плоскости и уже не имѣющихъ, повидимому, возврата къ тому хозяйственному благосостоянію, которымъ они недавно обладали: они когда-то покупали землю, такъ какъ имѣютъ сверхъ надѣльной и купленную землю, до 1,9 дес. на дворъ; но теперь уже сдаютъ треть ея; размѣры пользуемой ими всей площади вообще также падаютъ, такъ какъ арендуемая этой группой земельная площадь уже уступаетъ размѣрамъ сдаваемой ими же земли. Слѣдовательно, вслѣдъ за несѣющими хозяйствами продолжается дальнѣйшее разложеніе еще имѣющихъ связь съ землею, но уже «упавшихъ» хозяйствъ, идетъ дальнѣйшая скрытая мо-

*) „Стат. описаніе Калужской губ.“. Т. I. Козельскій у. Выд. II. Калуга, 1898 г.

биллизация и переходъ ихъ надѣльной земли въ руки другихъ наиболее состоятельныхъ группъ.

Выше мы упомянули, что аренда крестьянской надѣльной земли происходитъ большею частью въ такихъ затемненныхъ и сложныхъ формахъ, что болѣе или менѣе точный учетъ ея совершенно невозможенъ; большая часть случаевъ аренды происходитъ безъ какого-либо закрѣпленія въ юридическомъ актѣ этой сдѣлки и не оставляетъ по себѣ никакого слѣда. Лучшимъ доказательствомъ этого является слѣдующее обстоятельство. Для «Матеріаловъ комиссія 16 ноября 1901 г.» департаментомъ окладныхъ сборовъ были запрошены волостныя правленія, между прочимъ, относительно размѣровъ сдачи крестьянами ихъ надѣльной земли; по нѣкоторымъ обстоятельствамъ департаментъ рѣшилъ «ограничиться требованіемъ отъ волостныхъ правленій данныхъ лишь о тѣхъ случаяхъ аренды, которые были занесены на 1901 г. въ книгу сдѣлокъ и договоровъ, а также тѣхъ, которые случайно были достоверно извѣстны правленіямъ». Можно было предполагать, что волостныя правленія могутъ дать сколько-нибудь правдоподобный матеріалъ лишь относительно сдѣлокъ, занесенныхъ въ книгу договоровъ; число же сдѣлокъ «случайно извѣстныхъ» должно быть, конечно, лишь очень ограничено. Дѣйствительно, оказалось, что показанія волостныхъ правленій регистрируютъ лишь крайне незначительную часть арендуемой надѣльной земли, поскольку это можно судить по другимъ матеріаламъ.

Такъ, если сравнить наиболее полныя матеріалы земельныхъ изслѣдованій, произведенныхъ по большей части даже въ 1882—87 гг., съ данными волостныхъ правленій въ 1901 г., то оказывается, что количество снимаемой надѣльной земли, въ тысячахъ десятинъ, было *):

Г У Б Е Р Н І И.	Данные земской статистики:	Показанія волостныхъ правленій.
Саратовская	231,3	40,9
Тамбовская	77,4	46,5
Воронежская	325,9	70,0
Бурская	188,2	34,4
Орловская	128,3	14,0
Калужская	27,4	8,5

Количество надѣльной аренды по свѣдѣніямъ правленій составляетъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{10}$ чиселъ, даваемыхъ земской статистикой, несмотря на то, что со времени земельныхъ изслѣдованій размѣры аренды должны были сильно возрасти; если принять во вниманіе, что въ показаніяхъ волостныхъ правленій все же должно быть включено нѣкоторое число случаевъ аренды, «достоверно извѣстныхъ» правленіямъ, хотя бы и не внесенныхъ въ книгу, то въ среднемъ можно принять, что по письменнымъ договорамъ снимается надѣльной земли не болѣе $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ всѣхъ сдачъ. А такъ какъ

*) „Матеріалы комиссія“. Таб. XIV, доп. VII.

общее количество сданных и занесенной въ книгу сдѣлокъ надѣльной земли определяется правленіями для 50 губерній Европейской Россіи въ 1.564,970 дес., то дѣйствительную сдачу надѣльной земли можно считать приблизительно въ 7,5—15,0 милл. дес., т.-е. 6,5—12% всей надѣльной земли. Такъ какъ при сдѣлкахъ съ посторонними лицами имѣется наибольшее вѣроятіе, что она занесена въ договорную книгу и такъ какъ по показаніямъ правленій постороннимъ лицамъ сдано крестьянской надѣльной земли 19,4% всего числа, то можно приблизительно предположить, что постороннимъ лицамъ сдается до 500 тыс. дес. крестьянской надѣльной земли. Конечно, въ этотъ счетъ едва ли вошли тѣ «постороннія лица», о которыхъ Кашаровъ говоритъ, что «чаще всего это были лавочники и волостные старшины», аренда которыхъ основывается въ значительномъ числѣ случаевъ на ссудной или на кредитной операціи ихъ съ крестьянами.

Если мы обратимся къ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, то оказывается, что для 22 губерній съ 123 уѣздами они опредѣляютъ процентъ сдающихъ свою надѣльную землю домохозяевъ въ 9,4%, причемъ для отдѣльных губерній этотъ процентъ весьма часто сильно повышается: Бессарабская 27,2, Московская 18,7, Харьковская 17,9, Нижегородская 16,1 и 6 губерній до 11% и болѣе *). Итоги, слѣдовательно, въ общемъ близкіе съ цифрами, вычисленными нами.

Таковы общія цифры, характеризующія размѣры скрытой мобилизаціи крестьянской надѣльной собственности, на первой ступени обращенія надѣленной земли крестьянина-общинника сначала въ малосѣющаго, сдающаго часть надѣла, затѣмъ въ несѣющаго, но все еще ведущаго хоть какое-нибудь хозяйство и такъ или иначе связаннаго съ своимъ деревенскимъ надѣломъ; наконецъ, въ вполне безхозяйнаго батрака, работающаго въ хозяйствѣ ближайшаго помѣщика или своего же односельчанина-богатыря, или же гдѣ-нибудь совсѣмъ далеко отъ своей деревни и поддерживающаго съ нею связь лишь посылкой податей за «надѣлъ», да платы за паспортъ.

Посмотримъ же теперь на нѣкоторые изъ тѣхъ хозяйственныхъ признаковъ, которые являются характерными спутниками земельной мобилизаціи внутри крестьянской общины и служатъ какъ бы предшественникомъ и высшимъ толчкомъ, побуждающимъ обезпеченнаго земельнымъ фондомъ крестьянина разставаться съ своимъ надѣломъ, несмотря на вѣковую и почти непреодолимую для него «власть земли».

VIII.

Главнымъ и въ то же время наиболѣе подвижнымъ и непостояннымъ хозяйственнымъ факторомъ, въ соотвѣтствіи съ которымъ должны найдутся размѣры землевладѣнія, является обезпеченность хозяйства рабочей

*) Сводный статист. сборникъ Благовѣщенскаго.

свой. Мы видѣли, что благодаря этому сосредоточеніе надѣльной земли идетъ до нѣкоторой степени параллельно численному составу семей, хотя возрастаніе перваго идетъ быстрѣе возрастанія второго, такъ какъ при большей вообще благосостоятельности многодушевыхъ хозяйствъ у нихъ есть возможность эксплуатировать и наемный трудъ.

Другимъ факторомъ, или обусловливающимъ и подготовляющимъ возможность расширенія крестьянскаго землевладѣнія и сосредоточія надѣльной земли, или, наоборотъ, обусловливающимъ и подготовляющимъ необходимость сокращенія эксплуатируемой площади и забрасыванія надѣла, является обезпеченность или необезпеченность хозяйства скотомъ. Посмотримъ, насколько велика, по даннымъ мѣстныхъ изслѣдованій, эта связь между благосостояніемъ хозяйства вообще и въ частности между количествомъ рабочаго скота въ хозяйствѣ и размѣрами сдаваемой и нанимаемой имъ надѣльной земли, т.-е. размѣрами и интенсивностью процессовъ мобилизаціи внутри крестьянской общины.

Возьмемъ для примѣра Вятскую губернію, еще сравнительно мало затронутую жалобами объ «упахтѣ», съ почти исключительнымъ развитіемъ крестьянскаго хозяйства; мѣстное изслѣдованіе даетъ такія цифры распредѣленія крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія въ сопоставленія съ нѣкоторыми хозяйственными факторами *).

Въ среднемъ по 5 уѣздамъ губерніи крестьянскіе дворы распредѣляются по размѣрамъ землевладѣнія такимъ образомъ:

	% дворовъ:
Безземельныхъ	4,4
Имѣющихъ 0,1— 5 дес.	4,5
» 5 — 10 »	19,7
» 10 — 15 »	21,7
» 15 — 25 »	31,0
» 25 — 50 »	17,2
» 50 — 100 »	1,4
» болѣе 100 »	0,1

Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ обозрѣватель «несмотря на формальную уравнивательность дѣленія общинной земли между дворами, все же эта самая общинная земля распредѣляется весьма неравномѣрно... И если такая неравномѣрность распредѣленія земли—концентрація ея въ однихъ рукахъ, исчезновеніе въ другихъ—проявляется даже при разсмотрѣніи одного общиннаго землевладѣнія, т.-е. въ значительной мѣрѣ номинальнаго распредѣленія земли, если она прорывается даже черезъ рамки формальнаго уравненія, вносимаго распредѣленіемъ общинной земли, то это значитъ, что въ дѣйствительности существуетъ тенденція къ созданію такой неравномѣрности».

*) Матеріалы по статистикѣ Вятской губ. Т. XII, Вятка 1901 г.

Дальнѣйшія цифры того же изслѣдованія выясняютъ и ходъ, и причины этой тенденціи, а также и экономическія послѣдствія характера идущей дифференціаціи. Дѣйствительно, первое, что отмѣчается въ малоземельныхъ группахъ—это стремленіе удержать въ своихъ рукахъ возможно большее количество пашни путемъ усиленной распашки своихъ надѣловъ; такъ, процентъ распашанности надѣла достигаетъ у малоземельныхъ группъ до 76,3%, тогда какъ у крупныхъ хозяевъ падаетъ до 52,5%. Но и такая усиленная распашка не можетъ, конечно, уравнять количество приходящейся въ пользованіе на одинъ дворъ пашни въ различныхъ земельныхъ группахъ, зато ведетъ къ полному нарушенію рациональнаго соотношенія угодій и къ невозможности содержать необходимое количество скота. Дѣйствительно, на 100 дворовъ приходится лошадей:

У безземельныхъ	19,7
» имѣющихъ 0,1— 5 дес.	80,7
» » 5,1—10 »	107,9
» » 10,1—15 »	142,2
» » 15,1—25 »	191,9
» » 25,1—50 »	267,8
» » свыше 50 »	289,3

Итоги, характеризующіе хозяйственное благосостояніе отдѣльныхъ группъ, такъ же далеки отъ среднихъ цифръ и такъ же разнообразны, какъ и размѣры землевладѣнія этихъ группъ, а отъ этого хозяйственнаго благосостоянія зависитъ и стремленіе, и способность хозяйства къ расширенію своей земельной площади, зависитъ сила прилива къ нему земли въ процессъ мобилизаціи. Развѣтіе арендныхъ отношеній, размѣры и интенсивность внутреннихъ процессовъ мобилизаціи идутъ параллельно развѣтію малоземелья: въ малоземельныхъ группахъ арендныя отношенія особенно оживленны, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ тѣмъ сильнѣе идетъ и окончательное забрасываніе надѣльной земли путемъ сдачи ея въ аренду.

Группы.	% безъ и малоземельн. дворовъ.	% арендующихъ надѣльную землю въ своемъ обществѣ.	% дворовъ, сдающихъ всю надѣльную землю.	Изъ 100 сдающихъ надѣльную землю дворовъ сдаютъ ее дѣлякомъ.
1	83,9	13,0	3,0	16,3
2	65,7	18,7	4,6	19,4
3	43,0	12,6	2,3	9,7
4	17,0	10,3	0,5	2,8
5	11,5	8,0	0,3	2,2
6	5,6	9,2	0,2	1,3

Такимъ образомъ на общемъ фондѣ малоземелья, безхозяйственности и безлошадности выступаетъ тѣмъ болѣе ярко классъ деревенскихъ богатѣевъ, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ надѣльную землю; «насколько за-

житочные крестьяне стремятся сосредоточить въ своихъ рукахъ землю своихъ же однообщинниковъ, говорить цитируемый составитель земскаго изслѣдованія, — разумѣется, только въ тѣхъ случаяхъ, когда земля хорошая и доходная, — и устранить возможныхъ конкурентовъ, видно... изъ того, что во многихъ общинахъ по настоянію богатыхъ крестьянъ составляются даже приговоры, воспреещающіе сдачу земли цѣлыми надѣлами крестьянамъ чужихъ обществъ».

Обратимся теперь къ другимъ мѣстнымъ изслѣдованіямъ, подчеркивающимъ непосредственную зависимость интенсивности мобилизаціи и концентраціи надѣльной крестьянской земли отъ хозяйственнаго благосостоянія арендующихъ дворовъ.

Земскія изслѣдованія Самарской губерніи показываютъ непосредственную и весьма тѣсную зависимость сдачи и найма въ аренду крестьянской надѣльной земли отъ обезпеченности хозяйства рабочимъ скотомъ; въ Новоузенскомъ у., наприм., сопоставленіе размѣровъ аренды съ количествомъ скота даетъ слѣдующія цифры *):

	Снимаютъ въ аренду надѣльной земли:			
	Въ своемъ обществѣ.		Въ чужихъ обществахъ.	
	% снимающ. дворовъ.	Десятинъ на 1 дворъ.	% снимающ. дворовъ.	Десятинъ на 1 дворъ.
Малоскотныя, до 5 шт. раб. скота	7,7	6,1	1,8	4,2
Многоск. свыше 5 » » »	28,5	36,1	53,3	35,0

Въ Орловской губ., въ Трубчевскомъ и Елецкомъ уу. сдача и наемъ въ аренду земли распределяется по домохозяйствамъ слѣдующимъ образомъ:

	% арендован- ной земли.	% сканной земли.	% всего скота.
Безлошадные	1,5	85,8	3,2
Съ 1 лошадыю . . .	14,1	10,0	23,7
2 и болѣе лош. . . .	84,4	4,2	72,5

Въ Воронежской губ., въ Задонскомъ у. по тѣмъ признакамъ дворы распределяются:

	% арендован- ной земли.	% сканной земли.	Скота на 1 дворъ.
Безлошадные	1,5	36,9	0,6
Съ 1 лошадыю . . .	19,5	41,9	2,5
Съ 2 и болѣе лош. .	79,0	21,2	8,3

Въ Саратовской губ., въ Камышинскомъ у. имѣемъ такія цифры:

	% арендован- ной земли.	% сканной земли.
Безъ рабочаго скота .	1,7	52,8
Съ 1 гол. раб. скота .	6,	17,6
» 2—4 » » .	30,1	17,3
» 5 и болѣе » » .	62,2	12,3

*) Всѣ послѣдующія цифры вычислены по итоговымъ даннымъ, приводимымъ Шляпнымъ въ его „Развитіи капитализма въ Россіи“. Спб. 1899 г., стр. 31 и слѣд.

Подобная группировка для Таврической губ. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Рабочаго скота на 1 дв. въ 3 уу.	% домохозяйствъ, сдающихъ надѣльную землю въ 1 у.	% сканной надѣльной земли въ 1 у.
Не сѣющие	0,3	80	97,1
Сѣющие до 10 дес. . .	1,4	53	55,6
» свыше 10 » . . .	6,5	10	8,3

Такимъ образомъ вмѣстѣ съ лишеніемъ скота крестьянскому хозяйству по необходимости приходится сокращать и размѣры эксплуатируемой имъ площади, отдавать часть надѣла въ аренду въ постороннія руки; слѣдовательно, развитіе числа безлошадныхъ и безскотныхъ дворовъ должно усиливать эту скрытую мобилизацію крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, должно увеличивать концентрацію надѣльной земли въ рукахъ наиболѣе многоскотныхъ дворовъ. А какъ быстро возрастаетъ безлошадность крестьянскаго населенія, показываютъ, какъ извѣстно, данныя военно-конскихъ переписей: процентъ безлошадныхъ дворовъ въ 50 губерніяхъ по этимъ даннымъ былъ *):

По переписямъ 1882 г.	26,9
» 1888—91 гг.	27,8
» 1893—96 »	32,2

И хотя послѣдующія переписи 1899—900 гг., произведенныя послѣ болѣе урожайныхъ годовъ, обнаружили нѣкоторое уменьшеніе числа безлошадныхъ дворовъ—для 44 губ. онъ опредѣляетъ въ 28,7%,—однако все же онъ выше данныхъ переписи восьмидесятыхъ годовъ, а для многихъ отдѣльных губерній выше даже данныхъ переписей 1883—96 годовъ **):

	1882 г.	1893 г.	1900 г.
Орловская	23,3	26,7	29,0
Тульская	17,3	26,9	27,8
Рязанская	30,6	35,7	37,4
Ярославская	29,9	34,1	34,9
Нижегородская	30,5	40,7	42,3
Калужская	20,6	17,7	18,6
Тверская	19,3	17,8	19,5
Смоленская	11,2	10,0	13,8

Таковы итоговыя погубернскія данныя; при всей своей общности, они должны ясно доказывать, что въ губерніяхъ, гдѣ болѣе трети, мѣстами почти половина крестьянскихъ дворовъ лишена рабочаго скота, гдѣ воз-

*) „Матеріалы коммиссіи“, таб. XVIII.

**) „Военно-конскія переписи“, соотв. годовъ.

растаніе числа безлошадныхъ идетъ такъ быстро, тамъ мобилизація крестьянскаго землевладѣнія должна идти также очень интенсивно и фактическое распредѣленіе надѣльной земельной собственности не можетъ соответствовать вычисленнымъ погубернскимъ среднимъ величинамъ надѣла. И если даже эти среднія съ теченіемъ времени показываютъ сильное пониженіе, если они свидѣтельствуютъ о раздробленіи крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, вслѣдствіе увеличенія населенія, для насъ, при всей важности этого факта, окажется не менѣе важнымъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ этимъ дробленіемъ надѣльнаго землевладѣнія идетъ концентрація земли въ рукахъ наиболѣе состоятельныхъ домохозяевъ.

Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется данныхъ для выясненія, насколько одинъ изъ этихъ процессовъ по своей силѣ превосходитъ другой, т.-е. насколько за послѣднія 10—15 лѣтъ въ деревнѣ сформировалась и окрѣпла группа крупнаго крестьянскаго землевладѣнія, сосредоточившая въ своихъ рукахъ значительную часть надѣльной земли. Приведенныя выше данныя земскихъ изслѣдованій, единственныхъ дающихъ достаточный въ этомъ отношеніи матеріалъ, не имѣютъ себѣ для сравненія болѣе позднихъ данныхъ повторныхъ изслѣдованій въ послѣдніе годы. Счастливымъ исключеніемъ изъ этого является, впрочемъ, земство Воронежской губ., давшее не только наиболѣе полно обработанный матеріалъ 15 лѣтъ назадъ, но и повторную перепись въ 1900 году. Еще не вполне обработанная, эта перепись даетъ, однако, возможность сдѣлать опредѣленные и весьма важные выводы *).

Общая характеристика крестьянскаго хозяйства 5 изслѣдованныхъ уѣздовъ указываетъ на безусловное паденіе экономическаго благосостоянія и на измѣльчаніе крестьянскаго землевладѣнія. Такъ, сравнительное распредѣленіе крестьянскихъ дворовъ по количеству скота пятнадцать лѣтъ назадъ и въ послѣднюю перепись даетъ такіа цифры:

	На 100 хозяйствъ въ 1885 — 87 гг.	Въ 1900 г
Безъ рабочаго скота .	22,77	23,75
Съ 1 лошадыю . . .	32,95	38,18
» 2 лошадыми . . .	25,48	23,64
» 3 » . . .	12,04	9,80
» 4 » и болѣе .	6,76	4,63

Понятно, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ лошадности падало и количество земли, приходившееся на 1 хозяйство: въ Бротоянскомъ у. оно сократилось съ 13,1 до 11,8 дес. на хозяйство, въ Нижнедѣвицкомъ съ 13,2 до 11,8 дес., въ Землянскомъ съ 9,8 до 8,4 дес., въ Задонскомъ съ 8,2 до 7,2 дес. на хозяйство.

*) „Матеріалы повторной переписи крестьянскаго хозяйства Воронежской губ. 1900 года“. Т. II. Воронежъ, 1903 г.

Видѣтъ съ тѣмъ происходитъ и перераспределение всѣхъ хозяйствъ по размѣру землевладѣнія въ общемъ направленіи увеличенія малоземельныхъ хозяйствъ и уменьшенія многоземельныхъ, какъ видно изъ слѣдующихъ сопоставленій:

На 100 хозяйствъ приходилось:		
1885—87 гг. 1900 г.		
Безземельныя.	3,27	2,57
Имѣющія до 5 дес.	19,80	23,08
» 5—15 »	53,68	54,33
» 15—25 »	17,13	15,49
» 25—50 »	5,76	4,17
» свыше 50 »	0,36	0,36

Такимъ образомъ характеръ мобилизаціонныхъ процессовъ внутри общины ведетъ повидимому къ измѣнчанію крестьянскаго землевладѣнія; однако, было бы ошибочно остановиться на такомъ безусловномъ выводѣ. Уже цифры таблицы показываютъ, что относительное положеніе числа крупныхъ, свыше 50 дес., хозяйствъ осталось за 15 лѣтъ все же неизмѣннымъ, абсолютно же число такихъ хозяйствъ увеличилось съ 146 до 164. Еще болѣе очевиднымъ различный характеръ мобилизаціи для разныхъ хозяйственныхъ группъ станетъ при сопоставленіи въ комбинаціонной таблицѣ размѣровъ землевладѣнія съ измѣненіемъ другихъ хозяйственныхъ факторовъ, напр. обеспеченностью хозяйства скотомъ. Именно измѣненія за 15 лѣтъ въ обеспеченности хозяйствъ землею и рабочимъ скотомъ выражаются слѣдующими цифрами, въ процентныхъ отношеніяхъ къ общему числу дворовъ:

НА 100 ХОЗЯЙСТВЪ ПРИХОДИЛОСЬ:

	Безъ рабоча- го скота.		Съ 1 лош.		Съ 2 лош.		Съ 3 лош.		Съ 4 и болѣе лошадьми.	
	1885	1900	1885	1900	1885	1900	1885	1900	1885	1900
Безземельныя. . .	12,6	9,4	0,9	0,8	0,1	0,2	0,1	0,0	0,1	0,1
Имѣющіе до 5 дес. .	36,6	46,8	24,1	23,9	11,1	9,9	4,8	4,7	2,2	3,1
» 5—15 » . . .	45,5	40,8	63,8	67,5	61,0	60,4	41,9	38,1	25,4	17,3
» 15—25 » . . .	4,8	3,3	9,9	7,4	24,2	26,1	37,1	43,0	32,6	32,5
» 25—50 » . . .	0,5	0,2	1,3	0,4	3,6	3,3	15,9	13,4	35,0	41,1
» свыше 50 » . .	—	—	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,6	4,7	6,9

Оказывается, что число хозяйствъ, наиболѣе обеспеченныхъ землей и скотомъ являются настолько экономически сильными, что даже при общемъ паденіи крестьянскаго землевладѣнія и обеспеченности скотомъ могутъ увеличиваться въ численности и развиваться: цифры таблицы, напечатанныя курсивомъ, показываютъ, на какую именно комбинаціонную по количеству скота и десятинъ земли группу приходится наибольшее для группы увеличеніе числа хозяйствъ, т. е. какія группы являются экономически наиболѣе сильными. Онѣ позволяютъ заключить, что, несмотря на общее

увеличение крестьянской малоземельности, необеспеченности рабочих скотомъ, общаго увеличенія числа «упалыхъ», крестьянскихъ дворовъ—среди крестьянства выделяется и растетъ сильная экономически группа, или, какъ выражается обозрѣватель итоговъ повторной переписи, «вскрывается цѣлая группа хозяйствъ, болѣе или менѣе жизнеспособныхъ и сильныхъ, какъ бы питающихся на счетъ хозяйствъ низшаго слоя, которыя поэтому истощаются и гибнутъ» *).

IX.

Подведемъ вкратцѣ итоги намѣченныхъ нами процессовъ мобилизаціи частновладельческой и крестьянской надѣльной земельной собственности.

Мы видѣли, что интенсивность и быстрота мобилизаціоннаго процесса вообще и перегруппировка земельной собственности между сословіями въ частности очень быстро прогрессируетъ, начиная съ первыхъ же лѣтъ непосредственно послѣ реформы. Самыя условія ея должны были въ высшей степени способствовать усиленію мобилизаціи. Сословный принципъ землевладѣнія, на которомъ основаны были поземельныя отношенія до реформы, имѣлъ преобладающее значеніе также и при осуществленіи земельныхъ реформъ: съ одной стороны, освобожденное крестьянство было признано *in corpore*, какъ сословіе, владельцемъ значительной части земельной собственности, даже съ ограниченіемъ относительно права отчужденія ея въ руки другихъ сословій; съ другой—вслѣдствіе уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ сравнительно съ дореформенными размѣрами, дворянству была предоставлена часть земли, не находившаяся прежде въ ихъ пользованіи, именно въ вознагражденіе его, какъ сословія, лишившагося своихъ привилегій—пользованія крѣпостнымъ трудомъ.

Но извѣстно, что нѣкоторая часть поземельнаго дворянства въ значительномъ районѣ, преимущественно въ нечерноземной полосѣ, и до реформы тяготилась своимъ земельнымъ хозяйствомъ, что можно заключать изъ сравнительно большаго распространенія крестьянскаго хозяйства на помѣщичьей землѣ. Со времени измѣненія вѣстѣ съ реформой всѣхъ условій и отношеній производства, должно было усилиться у этой части землевладельцевъ и стремленіе развязаться съ землей; извѣстно, что, несмотря на громадную сумму въ размѣрѣ 895,871 тыс. руб., полученныхъ дворянствомъ въ видѣ выкупныхъ платежей, оно не могло воспользоваться съ производительными цѣлями значительной частью этой суммы, такъ какъ до 315,804 тыс. руб. пошло въ уплату разнымъ поземельнымъ кредитнымъ учрежденіямъ въ уплату долговъ. Для новаго способа веденія хозяйства, требующаго затраты большихъ денежныхъ средствъ, не нашлось соответствующихъ капиталовъ. Конечно, отчасти не нашлось и желанія у имѣвшихъ достаточныхъ размѣровъ средства; не нашлось и умѣнья у

*) Ibid., стр. 25.

другихъ, желавшихъ рационально поставить свое хозяйство. Все это въ результатѣ и создало тотъ классъ «оскудѣвающаго» дворянства, которое личную свою неприспособленность къ новымъ экономическимъ условіямъ переносила на все сословіе, какъ цѣлое.

Между тѣмъ оживленіе всей торгово-промышленной жизни, развитіе желѣзныхъ дорогъ, кредита, торговли, усиленіе спроса на продукты сельскаго хозяйства и извѣстныя со стороны развивающагося внѣземледѣльческаго населенія—все это должно было не только оживить сельско-хозяйственное производство, но и поставить его на чисто промышленныхъ основаніяхъ. Въ нѣмъ-то и оказалась неприспособленной значительная часть прежнихъ земельныхъ собственниковъ, та, главнымъ образомъ, часть, которая оказалась необладающей значительнымъ капиталомъ. На смѣну ей, какъ мы видѣли, и идетъ другая категорія владѣльцевъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ пменно представители и обладатели капитала, безразлично, будетъ ли это «чужазный», скупающій старыя «дворянскія гнѣзда», или односословецъ того же «оскудѣвающаго» дворянства. Конечно, дробленіе земельной собственности путемъ наслѣдованія и ея дѣленія между наслѣдниками должно затѣмнять противоположные процессы концентраціи землевладѣнія, такъ что средніе размѣры земельной собственности могутъ даже понизиться; всѣ эти и другія бытовые и юридическія причины не могутъ, однако, затѣмнить экономической тенденціи мобилизаціонныхъ процессовъ землевладѣнія, тенденціи къ концентраціи землевладѣнія въ рукахъ наиболѣе экономически сильныхъ классовъ населенія.

Что касается крестьянства, то его частная земельная собственность обнаруживаетъ по характеру мобилизаціонныхъ процессовъ ту же тенденцію къ концентраціи; однако для большинства крестьянскаго населенія это личное землевладѣніе не играетъ почти никакой роли, такъ какъ для массы населенія почти единственнымъ земельнымъ фондомъ являются надѣльные земли; по самому же характеру владѣнія, мобилизація ихъ должна представляться болѣе затѣмненной. Однако цифры и факты земельной дифференціаціи деревни и зависимость ея роста отъ характера перераспределенія другихъ хозяйственныхъ факторовъ и производительныхъ силъ сельскаго населенія показываютъ, что и бытовые особенности крестьянской земельной республики—стремленіе къ равномерному надѣленію землею, и юридическія основы поземельныхъ порядковъ крестьянства—запрещеніе отчужденія надѣльной собственности, не выдерживаютъ натиска экономическихъ условій и требованій дѣйствительности: характеръ скрытыхъ процессовъ мобилизаціи крестьянской надѣльной собственности является вполне тождественнымъ съ характеромъ мобилизаціи частнаго землевладѣнія. Конечно, естественныя условія роста населенія и дробленіе крестьянскихъ надѣловъ затѣмняютъ въ крестьянскомъ надѣльномъ землевладѣніи еще болѣе, чѣмъ въ частномъ, своими конечными и средними цифрами величину дѣйствія противоположныхъ силъ, какъ равнодѣйствующая скрываетъ и уравниваетъ двѣ противоположныя силы. Однако и здѣсь на фонѣ умень-

шенія земельной площади, малоземелья и полной безземельности однихъ именно и создается концентрація земельной собственности въ рукахъ другихъ элементовъ деревни. Ни юридическая равноправность всѣхъ участниковъ земельной общины не можетъ воспрепятствовать фактическому лишенію части населенія принадлежащей ему земли, ни юридическое запрещеніе отчужденія надѣльной земли не можетъ воспрепятствовать фактическому нахожденію части ея въ пользованіи постороннихъ сословій. Земля движется по наклонной плоскости отъ элементовъ экономически слабыхъ къ элементамъ настолько экономически сильнымъ, чтобы поставить свое земельное хозяйство возможно раціонально, на промышленныхъ основахъ и съ промышленными цѣлями.

П. Лященко.

Практика и нужды русскаго фабричнаго законодательства.

I.

Въ сентябрѣ прошлаго года въ ежедневной печати появились извѣстія о томъ, что фабричная инспекція остается попрежнему при министерствѣ финансовъ. Какъ извѣстно, Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1903 года фабричные инспектора подчинялись непосредственному руководству губернаторовъ и градоначальниковъ, съ временнымъ оставленіемъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, впредь до пересмотра дѣйствующаго закона. Вскорѣ послѣ обнародованія Высочайшаго повелѣнія 30 мая, въ обществѣ и печати стали циркулировать слухи о полной реорганизациі существующей фабричной инспекціи, о подчиненіи ея министерству внутреннихъ дѣлъ, для каковой цѣли и была созвана особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. По слухамъ занятія этой коммиссіи не закончились, и послѣ кончины В. Е. фонъ-Шлеве не возобновлялись.

Кажется, ни одинъ изъ правительственныхъ органовъ не испытывалъ столько случайностей, ни объ одномъ изъ нихъ не было столько разногласій, какъ фабричная инспекція. Въ самомъ дѣлѣ, оглядываясь на ходъ развитія русскаго фабричнаго законодательства, мы видимъ неустойчивость даже во взглядахъ на необходимость его вообще. Припомнимъ въ краткихъ словахъ исторію возникновенія государственной охраны труда въ Россіи.

Первымъ случаемъ внимательства правительства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ было изданіе закона 7 августа 1845 года, воспретившаго ночную работу малолѣтнихъ; законъ былъ изданъ безъ нарательной статьи за его нарушеніе, практическаго примѣненія поэтому не получивъ и скорѣ оказался совсѣмъ позабытымъ. Въ сороковыхъ годахъ истекшаго столѣтія въ Петербургѣ и въ Москвѣ при градоначальствахъ были учреждены коммиссіи для разработки правилъ о благоустройствѣ работъ на фабрикахъ и заводахъ въ обѣихъ столицахъ. Работы этихъ коммиссій не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ и слѣда по себѣ не оставили. Въ 1859 г. уже министерство финансовъ подняло вопросъ о необходимости созданія специально фабричнаго законодательства;

была учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ Штакельберга, которая поставила себѣ очень широкую программу; предполагалось пересмотрѣть всѣ существовавшіе до того времени спеціальныя законы и распоряженія, создать новый законъ, который возможно полно охватилъ бы промышленную жизнь и для осуществленія новыхъ законоположеній организовать особыхъ агентовъ—фабричныхъ инспекторовъ. Слухи о желаніи правительства вторгнуться въ «патріархальныя» отношенія между рабочими и промышленниками очень встревожили послѣднихъ; среди нихъ возникла сильная агитація, результатомъ чего явилось прекращеніе занятій комиссіи.

Въ 1872 году заботы объ обезпеченіи интересовъ рабочихъ классовъ беретъ на себя министерство внутреннихъ дѣлъ; при министерствѣ создается комиссія подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Игнатьева для разработки вопросовъ, связанныхъ съ промышленною жизнью; труды и этой комиссіи свѣта не увидѣли.

Наконецъ, въ 1881 г. министерство финансовъ снова начинаетъ проявлять дѣятельность по созданію фабричнаго законодательства, результатомъ чего явился законъ 1 іюня 1882 г., воспрещающій ночную работу малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ; какъ трудно въ то время было проведеніе въ жизнь этого закона, явствуетъ изъ того, что взысканія за нарушенія правилъ 1 іюня 1882 г. были узаконены лишь спустя 2 года, 5 іюня 1884 г.

Съ изданіемъ правилъ, воспрещающихъ ночную работу малолѣтнихъ, дѣло надзора за фабриками и заводами становится уже на болѣе прочную почву; для надзора за правильнымъ исполненіемъ закона учреждается фабричная инспекція, хотя и немногочисленная по количеству, но выдающаяся по своему составу. Въ 1884 году выходитъ законъ о школьномъ обученіи малолѣтнихъ, не давшій въ сущности никакихъ осязательныхъ результатовъ въ виду того, что онъ носитъ лишь характеръ пожеланій, а не заключаетъ категорическихъ требованій. Въ 1885 г. воспрещена ночная работа женщинъ и подростковъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ.

Сильныя волненія рабочихъ на фабрикахъ петербургскаго, московскаго и владимірскаго фабричныхъ районовъ не могли не обратить вниманія правительства на ненормальное, беззащитное положеніе рабочихъ. 3 іюня 1886 г. издается законъ «о наймѣ рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ»; одновременно съ этимъ увеличивается штатъ фабричныхъ инспекторовъ. Этотъ законъ, хотя очень неполный и въ значительной степени устарѣвшій, до сего времени является основнымъ базисомъ надзора за промышленными заведеніями. Въ первое время по изданіи, законъ 3 іюня 1886 г. введенъ въ трехъ губерніяхъ: въ Петербургской, Московской и Владимірской, а затѣмъ постепенно, въ теченіе десяти лѣтъ, былъ распространенъ на всю Европейскую Россію, съ увеличеніемъ вѣстѣ съ тѣмъ количества фабричныхъ инспекторовъ.

Въ 1897 г. вышла «Правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности», регулирующія продолжительность рабочаго дня. Въ 1899 г. «для объединенія дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ» создается окружная инспекція. Въ 1903 г. изданы правила о старостахъ и законъ о вознагражденіи предпринимателями рабочихъ за несчастные случаи; въ томъ же году состоялось Высочайшее повелѣніе объ ограниченіи функций окружныхъ инспекторовъ и о подчиненіи дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ руководству гг. губернаторовъ и градоначальниковъ.

Въ настоящее время фабричная инспекція состоитъ приблизительно изъ 280 лицъ: 2 ревизора, 6 окружныхъ, 64 старшихъ, около 200 участковыхъ инспекторовъ и 10 кандидатовъ на должность фабричныхъ инспекторовъ.

II.

Какъ видно изъ приведеннаго краткаго очерка развитія нашего фабричнаго законодательства, дѣло надзора за фабриками и заводами становится на болѣе прочную почву съ 1886 года, съ изданіемъ закона, регулирующаго взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ. Но и съ этого времени вопросъ: въ какомъ вѣдомствѣ надлежитъ состоять фабричной инспекціи, не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Какъ извѣстно, законъ 1886 г. о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ хотя и введенъ былъ министерствомъ финансовъ, но создавался комиссіей подъ предѣлательствомъ В. К. фонъ-Плеве, тогда бывшаго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1898 году возникъ конфликтъ между министерствомъ финансовъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Горемыкинымъ по поводу засвидѣтельствованія фабричными инспекторами расцѣнковъ заработной платы. Какъ видно изъ журналовъ комитета министровъ *), дѣло заключалось въ томъ, что владимірскій губернаторъ во Всеподданѣйшемъ отчетѣ предполагалъ, въ цѣляхъ охраненія порядка и спокойствія, желательность нормировки заработной платы рабочихъ. Министерство финансовъ возражало, что съ точки зрѣнія существующаго законодательства, фабричные инспектора могутъ лишь свидѣтельствовать расцѣнки. «Это засвидѣтельствованіе имѣетъ значеніе удостовѣренія, что объявленныя расцѣнками условія найма не будутъ измѣнены въ теченіе срока, установленнаго закономъ или договоромъ, а для фабричной инспекціи оно является средствомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы означенныя условія дѣйствительно соблюдались. Но затѣмъ, по истеченіи срока, очевидно, обѣ стороны вольны договариваться вновь на какихъ угодно условіяхъ. Иного

*) Сборникъ узак., прав. и распор. по дѣламъ, касающ. фабр. insp. Вып. II, стр. 231. Изданіе мин. фин. 1899 г.

значенія засвидѣтельствованіе расцѣпочныхъ табелей и вѣдомостей не имѣть и имѣть не можетъ, ибо въ противномъ случаѣ оно было бы равносильно утвержденію инспекціей нормъ заработной платы и затрогивало бы ограждаемую закономъ незыблемость свободы договорныхъ отношеній». Комитетъ министровъ, разсматривавшій дѣло, нашелъ взглядъ министерства финансовъ правильнымъ.

Въ 1901 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Свиягинъ предпринялъ путешествіе по наиболѣе промышленнымъ губерніямъ; въ газетахъ того времени были помѣщены многочисленныя описанія посѣщеній министромъ фабрикъ и заводовъ Ярославской, Костромской, Владимирской и Нижегородской губерній. Результаты этой поѣздки въ печати не извѣстны, но, очевидно, вопросъ о подчиненіи фабричной инспекціи министерству внутреннихъ дѣлъ не былъ оставленъ, такъ какъ спустя три года, при министрѣ В. К. фонъ-Плеле, опубликовано было Высочайшее повелѣніе 30 мая 1903 г. о переходѣ надзора за дѣятельностью фабричныхъ инспекторовъ къ гг. губернаторамъ и градоначальникамъ. Затѣмъ, какъ уже упомянуто, была организована коммиссія для разсмотрѣнія условій перехода фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, какое неустойчивое положеніе, за сравнительно короткое время своего существованія, занимала фабричная инспекція; несмотря на это, органами надзора сдѣлано не мало. Кто помянетъ фабрику до 1886 г., съ штрафами, поступающими въ пользу фабрикантовъ, съ обсчетами рабочихъ, съ принудительной расплатою, вмѣсто денегъ, гнилыми ситцемъ или скверными харчевыми припасами, съ наторженнымъ, продолжавшимся до 18 часовъ сряду, рабочимъ днемъ,—тотъ пойметъ, какъ велика работа, сдѣланная фабричными инспекторами. Мы далеки отъ мысли преувеличенія заслугъ фабричной инспекціи, но не можемъ не признать страшной тяжести труда внесенія законности въ темное царство дореформенной фабрики, особенно принявъ во вниманіе и новизну дѣла, и постоянныя жалобы промышленниковъ на якобы произволъ и притѣсненія ихъ инспекторами и, наконецъ, шаткость положенія инспекціи вообще.

Последнее обстоятельство, безъ сомнѣнія, явилось и страшнымъ тормозомъ для развитія фабричнаго законодательства. Въ самомъ дѣлѣ, распоряженія, касающіяся органовъ надзора, а равно и отдѣльныя мѣропріятія, въ значительной степени носятъ случайный характеръ. Такъ, въ 1899 г. считалось необходимымъ объединить дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ, для чего и были созданы новые органы надзора въ лицѣ окружныхъ инспекторовъ; окружные инспектора завѣдывали огромными районами, заключавшими въ себѣ 7 — 13 губерній, по пространству превышающими площадь германской имперіи. Спустя 4 года, въ 1903 г., объединеніе уже признается излишнимъ, функціи окружныхъ инспекторовъ суживаются и руководство поручается гг. губернаторамъ и градоначальникамъ. До 1899 г. мѣстныя по фабричнымъ дѣламъ присутствія были уполномочены подавать

обязательныя постановленія о мѣрахъ обезпеченія безопасности работъ и охраненія жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Многія мѣстные присутствія выработали и провели въ жизнь очень основательныя обязательныя постановленія. Въ 1899 г. учреждается при министерствѣ финансовъ главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе, на которое, въ числѣ другихъ обязанностей, возлагалось «изданіе общихъ правилъ о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабрично-заводскихъ и горно-промысловыхъ зданіяхъ, а также о мѣрахъ по организаціи врачебной помощи». За пятилѣтіе своего существованія, главное присутствіе ничѣмъ себя не проявило въ этомъ отношеніи, дѣятельность же мѣстныхъ присутствій затормозилась. Засѣданія главнаго присутствія собирались не чаще двухъ разъ въ годъ, а потому работа присутствія состояла главнымъ образомъ въ разсмотрѣніи рѣшеній мѣстныхъ присутствій по протоколамъ, составленнымъ фабричными инспекторами. Самый составъ главнаго присутствія, въ число членовъ коего входятъ представители промышленности со всѣхъ концовъ Россіи, не позволяетъ созыва частыхъ собраній присутствія.

Составъ мѣстныхъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій въ 1894 году также измѣнился: вмѣсто представителей отъ земскаго и городского самоуправленія, въ члены присутствій вошли фабриканты и заводчики; подобная замѣна не могла не отразиться на характерѣ дѣятельности присутствій, особенно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что фабричная инспекція въ присутствіяхъ имѣетъ одного лишь представителя, въ лицѣ старшаго фабричнаго инспектора.

Какъ извѣстно, разрѣшенія на постройку и передѣлку фабрикъ и заводовъ выдаются губернскими правленіями; въ разсмотрѣніи плановъ предполагаемыхъ построекъ фабричная инспекція никакого участія не принимаетъ, слѣдствіемъ чего бывали случаи, что разрѣшенныя постройки совершенно не удовлетворяли требованіямъ, предъявляемымъ инспекціей къ фабричнымъ зданіямъ. Ненормальность постановки дѣла разрѣшеній промышленныхъ заведеній сознавалась министерствомъ финансовъ, была организована такъ называемая «ольгинская» коммиссія, выпустившая серьезные, огромные труды, но практическаго примѣненія работы этой коммиссіи до сихъ поръ не получили, и фабричная инспекція пока остается въ сторонѣ отъ дѣла, по самому существу наиболѣе ея касающагося.

III.

Законы и распоряженія въ области надзора за промышленными заведеніями, изданныя въ послѣдніе два года, носятъ въ значительной степени неопредѣленный характеръ и потому не вошли въ жизнь или были проведены слишкомъ поспѣшно, далеко не въ томъ видѣ, какой отъ нихъ можно было ожидать; мы разумѣемъ два наиболѣе важныхъ законодатель-

ныхъ акта послѣдняго времени: правила объ учрежденіи въ промышленныхъ заведеніяхъ старость и законъ 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи.

Законъ о фабричныхъ старостахъ, являющійся по идѣ прекрасной попыткой представительства рабочихъ, въ сожалѣнію, былъ изданъ въ формѣ пожеланія, а не требованія: законъ этотъ фабриканты могли принять, могли и отказаться отъ него. Какъ и слѣдовало ожидать, среди промышленниковъ оказалось не много охотниковъ ввести у себя столь беспокойный для нихъ институтъ; на тѣхъ же фабрикахъ, гдѣ были введены старосты, пока ничего путнаго не вышло, да и выйти не могло: наилучшій элементъ рабочихъ сторонился отъ выборовъ, такъ какъ зналъ, что, въ случаѣ, если бы дѣятельность старость, хотя бы была и вполне законна, но получила бы направленіе неутодное хозяину фабрики, владѣлецъ можетъ во всякое время уничтожить у себя на фабрикѣ старость. Да и помимо закрытія института старость, хозяинъ всегда легко можетъ отдѣлаться отъ настойчиваго представителя рабочихъ, просто уволивъ его съ фабрики, такъ какъ никакой отвѣтственности, кромѣ гражданской по суду, не несетъ за досрочное увольненіе рабочаго.

Идея рабочаго представительства, необходимость что-либо сдѣлать въ этомъ направленіи, очевидно, была признана министерствомъ финансовъ, разъ оно разработало правила о старостахъ; мысль о старостахъ, очевидно, была не случайная, на нее навели существующія на нашихъ фабрикахъ артели для харчеванія, для найма рабочихъ квартиръ, рабочія артели на подрядныхъ работахъ, но проведена въ жизнь идея необоснованно; отсутствіе обязательности для фабрикантовъ, въ случаѣ желанія рабочихъ, организациі старость, свело значеніе новаго закона къ нулю. Опасенія неожиданныхъ результатовъ, къ коимъ случайно повело бы повсемѣстное введеніе старость, могли бы быть устранены первоначальнымъ, въ видѣ опыта, введеніемъ старость въ какой-нибудь одной губерніи, на фабрикахъ съ извѣстнымъ числомъ рабочихъ.

Еще болѣе рѣзкій примѣръ спѣшности представляетъ законъ 2 іюня 1903 года о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья; слово «спѣшность» мы употребили не въ смыслѣ преждевременности введенія долгожданнаго закона, а въ смыслѣ неполноты его, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Этотъ законъ, послѣ правилъ о продолжительности рабочаго времени 2 іюня 1897 г., представляетъ важнѣйшій актъ нашего фабричнаго законодательства. Беззащитность рабочаго, сложность и продолжительность веденія судебныхъ исковъ о вознагражденіи за увѣчье давно уже сознавались и обществомъ и обращали вниманіе правительства. Вопросъ о государственномъ страхованіи рабочихъ въ теченіе многихъ лѣтъ разрабатывался министерствомъ финансовъ, а также отдѣленіями совѣта торговли и мануфактуръ. На съѣздѣ представителей промышленности, бывшемъ въ 1896 г. на Нижегородской всероссійской выставкѣ, сдѣлано нѣсколько очень обстоятельныхъ докладовъ о необходимости государственнаго вмѣшательства въ дѣло

обезпеченія рабочихъ при потерѣ трудоспособности; нѣкоторые доклады, между прочимъ, исходили отъ крупныхъ фабрикантовъ; такъ, напримѣръ, въ запискѣ директора богородской морозовской мануфактуры, г. Дѣтинова, единственнымъ исходомъ изъ ненормальнаго положенія рабочихъ считается скорѣйшее введеніе обязательнаго государственнаго страхованія. Необходимости государственнаго страхованія за послѣднее десятилѣтіе было посвящено не мало серьезныхъ работъ какъ въ общей, такъ и въ специальной печати.

Принимая во вниманіе все изложенное, естественно было ожидать отъ закона 2 іюня 1903 г. возможно полнаго отраженія взглядовъ какъ самого министерства финансовъ, такъ и представителей науки и промышленности. Дѣйствительность, однако, не оправдала ожиданій: вмѣсто обезпеченія потерявшихъ трудоспособность къ работѣ, законъ 2 іюня устанавливаетъ отвѣтственность предпринимателей лишь за несчастные случаи съ рабочими, причемъ профессиональныя заболѣванія совершенно исключаются. Не отрицая громаднаго значенія введенія этого закона для большинства работающих на фабрикахъ и заводахъ, нельзя не замѣтить, что неопредѣленность многихъ статей его наводитъ на грустные размышленія. Первымъ вопросомъ при разсмотрѣніи закона 2 іюня является: на какія же промышленныя заведенія онъ распространяется? По смыслу, по точному опредѣленію, его дѣйствію подлежатъ заведенія фабрично-заводской промышленности. Въ прошломъ очеркѣ *) мы подробно рассматривали вопросъ объ устарѣлости ст. 1 и 2 устава о промышленности, опредѣляющихъ признаки ремесленной и крупной промышленности, а потому, чтобы не повторяться, упомянемъ лишь, что промышленная жизнь приобрѣла такія разнообразныя формы, что установить по признакамъ принадлежность того или другого заведенія къ типу фабричныхъ или ремесленныхъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно невозможно. Единственнымъ, хотя, конечно, искусственнымъ въ этомъ отношеніи критеріемъ, могло бы быть число рабочихъ, находящихся въ заведеніи. При изданіи закона 2 іюня не была принята во вниманіе указанная, ощущаемая и инспекціей, и мѣстными присутствіями, спутанность понятій о различіи типовъ ремесленныхъ и фабрично-заводскихъ заведеній; такимъ образомъ, къ существовавшему до сихъ поръ недоумѣнію, какія же заведенія должны быть подчинены надзору фабричной инспекціи, прибавилось: на какія предпріятія распространяется законъ о вознагражденіи за увѣчья. Правда, мѣстнымъ присутствіямъ предоставляется право составленія списковъ этихъ заведеній, но чѣмъ руководствуются присутствія при неимѣніи въ законѣ нормъ, мы не знаемъ.

Какіе рабочіе и на какихъ именно работахъ имѣютъ право на полученіе вознагражденія,—законъ указываетъ глухо. Статья первая гласитъ, что оплачиваются поврежденія... «причиненныя имъ (т.-е. рабочимъ) ра

*) „Практика и нужды русск. фабр. зак.“. *Русск. М.*, 1903 г., кн. XII.

извѣст. и, 1906 г.

ботами по производству, или происшедшими вследствие таковых работъ. Мы не знаемъ, какъ толкуютъ эту статью фабричные инспектора, но не сомнѣваемся, что толкованіе ея будетъ существенно различно у отдѣльных инспекторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ понятіемъ производства? Представимъ себѣ такой случай: ткачъ по приказанію директора фабрики выставлялъ или исправлялъ раму въ окнѣ, подлѣ своего станка, оступился, упалъ на дворъ съ высоты третьяго этажа и разбился на смерть. Безъ сомнѣнія, выставленіе рамы не есть работа по производству, не относится къ обязанностямъ ткача и, съ этой точки зрѣнія, хозяинъ какъ бы въ правѣ отказать въ выдачѣ пенсіи семьѣ несчастнаго; съ другой стороны, выставить раму или исправить ее надо было именно въ корпусѣ фабрики, близъ рабочихъ станковъ, для цѣлей освѣщенія, вентиляціи самаго рабочаго помѣщенія, т.-е. какъ ни какъ, а для надобностей производства; съ этой, можетъ быть, спорной, по неполнотѣ закона 2 іюня, точки зрѣнія владѣлецъ обязанъ вознаградить семью потерпѣвшаго. Наконецъ, ткачъ, влѣзая на окно, исполнялъ приказаніе хозяина и едва ли осиротѣвшая семья ткача будетъ удовлетворена, если владѣлецъ не выдастъ пенсіи только потому, что ткачъ убитъ не на ткацкомъ станкѣ, а при исполненіи приказанія хозяина, хотя и не относящагося къ специальности рабочаго. На многихъ заводахъ проведены желѣзнодорожныя вѣтки съ главныхъ линій. Рабочіе на лошадяхъ подвозятъ грузы къ вагонамъ, стоящимъ на дворѣ завода, и производятъ на грузку въ вагоны; иногда желѣзная дорога почему-либо не можетъ подать вагона на линію завода и проситъ прислать грузъ на станцію. Представимъ себѣ, что и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ при нагрузкѣ въ вагоны рабочіе получали увѣчья. Возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли ихъ оплачивать и какой именно случай? Въ первомъ примѣрѣ необходимость уплаты почти несомнѣнна, такъ какъ случай произошелъ во дворѣ завода и нагрузка въ вагоны составляетъ слѣдствіе производства, во второмъ же можетъ возникнуть споръ въ виду того, что работа была внѣ завода и прямого отношенія къ производству не имѣла.

Далѣе законъ исключаетъ оплату потери трудоспособности при профессиональных заболѣваніяхъ. На дѣлѣ, однако, очень часто невозможно поставить границу между несчастнымъ случаемъ и профессиональной болѣзنیю. Напримѣръ, отъ одного фабричнаго врача мы знаемъ о слѣдующемъ поврежденіи: на механическомъ заводѣ отъ носки острыхъ листовъ желѣза у одного рабочаго свело пальцы руки; причиною заболѣванія послужили маленькія, ничтожныя въ сущности, пораненія кожи ладони отъ острыхъ реберъ желѣзныхъ листовъ; за мелкими пораненіями послѣдовало воспаленіе подкожной влѣтчатки, повлекшее за собою потерю движеній пальцевъ. Среди другихъ рабочихъ, носившихъ желѣзо, не замѣчалось заболѣваній. При тщательномъ изслѣдованіи причинъ полученія увѣчья оказалось, что пострадавшій до поступленія на заводъ былъ портнымъ и кожа его рукъ была чувствительнѣе, чѣмъ у другихъ рабочихъ, работа-

юшихъ съ малыхъ лѣтъ на заводѣ; у перваго острые края желѣза причинили утрату движеній пальцевъ, у послѣднихъ же дѣло ограничилось мозолями. А сколько случаевъ поврежденій внутреннихъ органовъ при подъемѣ тяжестей! Изъ 100 такихъ случаевъ въ 75 самый опытный врачъ затрудняется поставить безспорный діагнозъ, были ли то поврежденія отъ несчастныхъ случаевъ, или страданія вызваны многолѣтнею тяжелой работою и представляютъ профессиональныя заболѣванія.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное обсужденіе закона 2 іюня 1903 г.; на страницахъ нашего журнала этому вопросу были посвящены отдѣльныя статьи. Приведенные выше примѣры мы взяли затѣмъ, чтобы показать наиболѣе слабыя мѣста закона, обнаружившіяся при практическомъ его примѣненіи; къ разсмотрѣнію закона о вознагражденіи за увѣчья мы еще надѣемся вернуться, когда будемъ располагать болѣе обширнымъ матеріаломъ, но и изъ вышеприведеннаго можно видѣть, что законъ 2 іюня очень и очень не полонъ; единственнымъ исходомъ изъ этого положенія является скорѣйшее введеніе государственнаго страхованія рабочихъ, необходимость котораго признаетъ само министерство финансовъ. Повторяемъ, не отрицая громаднаго значенія изданія закона 2 іюня, мы смотримъ на него не болѣе какъ на промежуточную ступень къ закону о государственномъ страхованіи труда и сомнѣваемся въ необходимости этой ступени.

IV.

Въ прошломъ очеркѣ *), по поводу опубликованія рѣшеній главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія, мы подробно разсмотрѣли недостатки и устарѣлость нашего фабричнаго законодательства, низводящаго роль надзора фабричныхъ инспекторовъ къ преслѣдованію фабрикантовъ за чисто-формальныя нарушенія; по существу же, при дѣйствительныхъ притѣсненіяхъ фабрикантомъ рабочаго, инспекторъ можетъ сдѣлать не много. Вышедшій недавно сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г. еще болѣе подтверждаетъ проводимый нами взглядъ о назрѣвшей необходимости полнаго пересмотра промышленнаго Устава. Въ теченіе отчетнаго года инспекторами было обнаружено 32,638 случаевъ нарушенія закона заведующими промышленными заведеніями, между тѣмъ какъ протоколовъ было составлено всего 1,714. Первое впечатлѣніе отъ сопоставленія этихъ цифръ получается такое, что гг. фабричные инспектора, очевидно, халатно относятся къ своимъ обязанностямъ, или же пристрастны не въ пользу рабочихъ. На дѣлѣ это не такъ. Если бы предположеніе о халатности инспекторовъ было справедливо, то является вопросъ, почему же инспектора не скрыли въ своихъ отчетахъ дѣйствительно страшной цифры обнаруженныхъ ими правонарушеній? Очевидно, здѣсь имѣетъ мѣ-

*) „Практ. и нужды русск. фабр. закон.“ *Русская Мысль* 1903 г., кн. 12.

сто не небрежность, а что-то другое, и именно устарѣлость, несовершенство нашего фабричнаго законодательства, въ слишкомъ узкія рамки котораго не можетъ уложиться посредническая роль инспектора. Для фабрикъ до 80-хъ годовъ требованія закона 3 іюня 1886 г. были, правда, суровы: штрафы за неправильныя записи въ расчетныхъ книжкахъ, за небрежное веденіе именного списка и т. п. нарушенія для фабрикъ стараго уклада были грозны; въ настоящее же время жизнь какъ-никакъ ушла впередъ, фабриканты держать болѣе умѣлыхъ конторщиковъ и ловко обходятъ подводные камни формальнаго устава о промышленности.

Просматривая въ отчетахъ инспекторовъ поводы жалобъ рабочихъ на хозяевъ, мы видимъ, что значительная часть ихъ составляютъ жалобы на увольненіе до срока, на задержку выдачи заработка, на неправильное исчисленіе заработанныхъ денегъ, на принужденіе работать сверхурочно. Перечисленные проступки составляютъ самое вопіющее зло фабричной жизни и они-то и не могутъ быть караемы фабричными инспекторами: въ промышленномъ уставѣ наказаній за указанныя нарушенія не предусмотрено. Защиты, восстановленія своихъ правъ рабочій можетъ искать судомъ, да и то лишь въ гражданскомъ порядкѣ, инспектору же приходится констатировать фактъ, записать въ дневникъ, внести по окончаніи года въ отчеты — и только.

Естественно, что въ такихъ случаяхъ у рабочаго является недоустріе къ инспектору, подозрѣніе въ корыстныхъ побужденіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ рабочій, въ огромномъ большинствѣ случаевъ малограмотный, а то и совсѣмъ безграмотный, развѣ въ состояніи понять требованія устарѣлаго устава? Представьте себѣ, что на одной фабрикѣ хозяинъ прогналъ рабочаго до срока найма; рабочій идетъ къ инспектору. Онъ знаетъ, что инспекторъ поставленъ правительствомъ для защиты его правъ и всегда ждетъ отъ инспектора удовлетворенія своей нужды; онъ знаетъ или слышалъ, что на такой-то фабрикѣ инспекторъ пріѣзжалъ, разобралъ дѣло, удовлетворилъ рабочихъ и даже составилъ протоколъ на хозяина; на основаніи какой статьи и за какое нарушеніе былъ протоколъ, — ему, конечно, неизвѣстно, да и непонятно, но онъ увѣренъ, что инспекторъ справедливъ и поможетъ въ его бѣдѣ. И вдругъ инспекторъ ему говоритъ: «да, уволили васъ незаконно, и просилъ съ вами помириться хозяина, но онъ не согласился и вамъ придется обратиться къ земскому начальнику, предъявить черезъ него искъ къ хозяину объ уплатѣ вамъ убытковъ». Рабочій увѣряетъ инспектора, что никакихъ ему убытковъ не надо, а онъ проситъ инспектора заставить принять его снова на фабрику, такъ какъ теперь зима, «время тѣсное и дѣваться некуда». Инспекторъ снова разъясняетъ рабочему свои права, но въ головѣ рабочаго совершенно не можетъ уложиться мысль о какой-то разницѣ въ законѣ; онъ думаетъ: «какъ же инспекторъ по жалобѣ рабочихъ на какіе-то пустяки, вроде невѣрной записи въ расчетныхъ книжкахъ, пріѣзжалъ на фабрику, заставлялъ хозяина доплатить гроши рабочимъ и даже оштрафовалъ директора, а меня въ тѣс-

ное время прогнали и онъ не обращаетъ вниманія и гонить къ земскому?» Послѣ такого вопроса у рабочаго готовъ и отвѣтъ: «стало быть, на нашей фабрикѣ инспекторъ большія деньги получаетъ».

Приведенный примѣръ, конечно, не единственный: увольненіе до срока и неуплата заработка представляются для рабочихъ самыми жестокими формами обиды, ибо лишаютъ рабочаго крова и пищи и съ этими-то, самыми существенными для рабочаго, нарушеніями закона инспекторъ не можетъ (по понятіямъ рабочихъ «не хочетъ») ничего подѣлать, а гонить въ судъ.

Послѣ неудовлетворенія подобнаго рода жалобъ авторитетъ инспектора среди рабочихъ падаетъ; они начинаютъ искать какихъ-либо иныхъ путей для удовлетворенія своихъ претензій и перестаютъ обращаться къ инспектору даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ бы помочь ихъ горю.

Анахронизмомъ является существованіе ст. 51^а, карающей рабочихъ въ уголовномъ порядкѣ арестомъ до 1 мѣсяца за отказъ отъ работы до истеченія срока найма. Въ указанномъ сводѣ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г. окружной инспекторъ московскаго округа совершенно справедливо пишетъ: «изъ того обстоятельства, что число случаевъ самовольнаго ухода съ работы нисколько съ теченіемъ времени не уменьшается, несмотря на примѣненіе кары, установленной ст. 51^а Уст. о наказ., можно заключить о бесполезности этой статьи, какъ мѣры предупредительнаго характера; что же касается нравственнаго ея значенія, то она можетъ считаться прямо вредной, ибо, устанавливая для рабочихъ уголовную отвѣтственность за гражданское правонарушеніе, коей работодатель не подлежитъ, она создаетъ неравенство передъ закономъ правъ сторонъ, заключающихъ договоръ о наймѣ». Слова безспорныя, вполне справедливыя и особенно цѣнныя потому, что исходятъ отъ лица, близко стоящаго къ дѣлу и призваннаго руководить работою своихъ сотрудниковъ въ обширномъ районѣ московскаго округа.

Чрезвычайно жаль, что во всѣхъ вышедшихъ сводахъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ какъ за 1900, 1901 гг., такъ и за 1902 г. очень мало удѣлено мѣста тексту: отчеты состоятъ главнымъ образомъ изъ таблицъ. Разумѣется, таблицы эти цѣнны, интересны и поучительны для спеціалиста, но не для большой публики. А какими, навѣрное, поучительнымъ матеріаломъ располагаютъ фабричные инспектора! Мы помнимъ, съ какимъ интересомъ были встрѣчены первые отчеты инспекторовъ въ началѣ ихъ дѣятельности; они освѣтили впервые невѣдомую дотошъ фабричную жизнь. Но вѣдь тогда были лишь первые шаги новыхъ культурныхъ дѣятелей, съ неизбежными ошибками; съ тѣхъ поръ прошло около двадцати лѣтъ, издано немало новыхъ законовъ по охранѣ труда, малочисленный въ первое время штатъ фабричныхъ инспекторовъ достигъ въ настоящее время почтенной цифры, 280 работниковъ, и можно ожидать, что отчеты о дѣятельности ихъ представили бы исключительно большой

интересъ. Слѣдуетъ лишь пожелать, чтобы министерство финансовъ, выступивъ на путь гласности возобновленіемъ печатанія отчетовъ фабричной инспекціи, не ограничивалось бы выпускомъ лишь сводки отчетовъ, но опубликовало бы и самые отчеты.

У.

Въ предыдущихъ главахъ мы постарались дать краткій очеркъ хода развитія нашего фабричнаго законодательства. Мы видѣли, какъ случайно оно возникало, какими неуверенными, робкими шагами двигалось и какъ, наконецъ, заняло какъ будто прочное положеніе; говоримъ «какъ будто» на томъ основаніи, что, хотя и была организована многочисленная фабричная инспекція, но, какъ уже сказано, всѣ распоряженія и законы, изданные послѣ 1894 года, носятъ печать незаконченности, неуверенности въ ихъ необходимости: правила 1897 и 1903 гг. о рабочемъ времени и о сверхурочныхъ работахъ не имѣютъ карательныхъ статей за ихъ неисполненіе, правила о старостахъ вышли необязательными, законъ о вознагражденіи за увѣчья, по неполнотѣ своей, не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій, польза работы окружныхъ инспекторовъ подверглась сомнѣнію, такъ какъ функціи ихъ теперь ограничены.

Что касается положенія непосредственныхъ органовъ надзора фабричныхъ инспекторовъ, то мы не имѣемъ точныхъ указаній, когда именно правильность нахожденія этого института въ вѣдомствѣ министерства финансовъ впервые возбудила сомнѣнія; изъ имѣющихся на этотъ счетъ печатныхъ матеріаловъ, мы располагаемъ лишь приведеннымъ выше рѣшеніемъ комитета министровъ по дѣлу о расцѣнкахъ, относящимся къ 1898 г. Принимая во вниманіе дальнѣйшій ходъ дѣла пересмотра положенія о фабричной инспекціи, завершившійся Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1903 г. о подчиненіи инспекціи руководству губернаторовъ, и сопоставляя съ этимъ отсутствіе законченности въ новыхъ законораспоряженіяхъ, невольно напрашивается выводъ, что польза дѣятельности фабричной инспекціи въ настоящемъ ея видѣ вызвала въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сильныя сомнѣнія. Попробуемъ разобраться въ причинахъ, кои могли бы дать указанія на необходимость реорганизациі существующей инспекціи.

Въ опубликованномъ въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» 22 февраля 1900 г. наказѣ чинамъ фабричной инспекціи назначеніе ея опредѣляется слѣдующими словами (§ 2 наказа): «Ближайшій надзоръ за внутреннимъ благоустройствомъ и порядкомъ на фабрикахъ и заводахъ, какъ-то: наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ требованій законовъ и изданныхъ въ ихъ развитіе постановленій о надзорѣ за заведеніями фабрично-заводской промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, разслѣдованіе недоработѣй и нарушеній, возникающихъ на почвѣ заключеннаго сторонами договора о наймѣ, содѣй-

ствіе къ миролюбивому соглашенію сторонъ и возбужденіе, въ подлежащихъ случаяхъ, закономъ опредѣленнаго преслѣдованія—возлагается *исключительно* *) на чиновъ фабричной инспекціи».

Мы не станемъ перечислять требуемыхъ § 3 наказа дѣйствительно многочисленныхъ и разнообразныхъ обязанностей фабричныхъ инспекторовъ, боясь утомить читателей; замѣтимъ лишь, что работу фабричныхъ инспекторовъ можно раздѣлять на три главные группы: 1) наблюденіе за взаимными отношеніями работодателей и рабочихъ (разборъ недоразумѣній, свидѣтельствованіе расцѣнковъ и т. д.), 2) техническій надзоръ (испытаніе котловъ, техническая экспертиза, разслѣдованіе причинъ несчастныхъ случаевъ и др.) и 3) исполненіе порученій министерства финансовъ и губернскаго начальства (собираніе и разработка различныхъ статистическихъ свѣдѣній, осмотръ въ губернскихъ комиссіяхъ новыхъ фабрикъ и т. п.).

Послѣднія двѣ группы обязанностей фабричныхъ инспекторовъ (технический надзоръ и порученія) едва ли могутъ вызывать необходимость перевода фабричной инспекціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ смыслѣ государственнаго спокойствія совершенно безразлично, какіе органы будутъ испытывать котлы и давать заключенія по технической экспертизѣ; важно лишь, чтобы эти лица обладали знаніями, исполняли бы свои обязанности добросовѣстно и безпристрастно. Собираніе статистическихъ данныхъ и исполненіе порученій по изслѣдованію о состояніи промышленности естественно должны лежать на агентахъ министерства финансовъ, такъ какъ вопросы о положеніи промышленности находятся въ непосредственной связи съ финансовымъ состояніемъ страны; если бы состоялся переходъ фабричной инспекціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, министерству финансовъ неизбѣжно пришлось бы заводить новыхъ агентовъ, для того чтобы быть всегда въ курсѣ промышленной жизни государства, а новые органы потребуютъ и новыхъ расходовъ. Можно возразить, что въ такомъ случаѣ фабричныхъ инспекторовъ министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ освободить отъ вышеуказанныхъ обязанностей, но едва ли это будетъ правильно и вотъ почему: волненія рабочихъ, жалобы ихъ находятся зачастую въ непосредственной связи съ положеніемъ, въ данный моментъ, извѣстной отрасли промышленности, и отсутствіе знаній въ этой области можетъ повести къ совершенно неправильной точкѣ зрѣнія на причины возникшихъ волненій. Слѣдовательно, и чинамъ предполагавшейся инспекціи внутреннихъ дѣлъ неизбѣжно пришлось бы собирать такіе же статистическія свѣдѣнія, какія собирали бы агенты министерства финансовъ, т. е. два раза производить одну и ту же работу. Наконецъ, не всякій техническій обладаетъ такими знаніями и опытомъ, какіе несомнѣнно имѣются у фабричныхъ инспекторовъ министерства финансовъ; многолѣтняя работа во всякомъ случаѣ обогатила ихъ солидными свѣдѣніями и созданіе но-

*) Курсивъ нашъ.

выхъ органовъ надзора—дѣло не столь легкое, какъ кажется на первый взглядъ.

Такимъ образомъ рассмотрѣнныя нами обязанности фабричныхъ инспекторовъ не только не вызываютъ необходимости перевода инспекціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но, какъ мы видѣли, переходъ ея тяжело отразился бы на бюджетѣ государства. Намъ остается разобрать самую существенную группу обязанностей фабричной инспекціи,—дѣло урегулированія взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими.

При рассмотрѣніи вопроса о положеніи инспекціи въ Россіи чрезвычайно интересно и поучительно сопоставить ходъ развитія фабричнаго законодательства во Франціи и у насъ. Какъ извѣстно, французская фабричная инспекція только очень недавно (съ 1892 года) заняла прочное положеніе и находится теперь въ вѣдѣніи министерства торговли и мануфактуръ; до этого времени положеніе ея было шатко; помимо правительственныхъ окружныхъ инспекторовъ, были мѣстные, «департаментскіе» инспектора, назначеніе и увольненіе которыхъ зависѣло отъ власти префектовъ. Дѣятельность департаментскихъ инспекторовъ принесла, по свидѣтельству отчетовъ, въ лучшемъ случаѣ «скромные результаты». Отсутствіе самостоятельности этой инспекціи свело роль надзора къ выполненію чисто формальныхъ требованій, съ пристрастіемъ въ пользу промышленниковъ отношеніемъ. Въ 1872 году, при рассмотрѣніи проекта фабричнаго законодательства въ національномъ собраніи, одинъ изъ участниковъ совѣщанія г. Таллонъ сказалъ слѣдующее: «тамъ, гдѣ инспекція организована на прочномъ основаніи, законъ выполняется, промышленность къ нему приспосабливается и дѣло преуспѣваетъ; напротивъ, тамъ, гдѣ инспектора не имѣютъ точно опредѣленнаго положенія, гдѣ они не составляютъ отдѣльнаго правительственнаго органа, законъ остается невыполненнымъ, а проведеніе его представляется замедленнымъ, колеблющимся и неэффективнымъ» *).

Опредѣленность положенія фабричной инспекціи, независимость ея отъ органовъ мѣстнаго управленія, какъ справедливо говоритъ Таллонъ, только и могутъ дать условія для плодотворной работы. Мы не располагаемъ официальными данными, какая именно сторона дѣятельности русской фабричной инспекціи вызвала въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о подчиненіи инспекціи министр. внутр. дѣлъ. Дѣятельность инспекціи въ теченіе многихъ лѣтъ была покрыта непроницаемой тайною и лишь послѣдніе 3 года появились въ печати отчеты инспекторовъ; при чтеніи этихъ отчетовъ не возникаетъ никакихъ сомнѣній относительно плодотворности дѣятельности инспекціи министерства финансовъ; знакомство съ ними только наводитъ на мысль о необходимости скорѣйшаго пересмотра существующаго фабричнаго законодательства и о желательности распространенія надзора инспекціи, помимо фабрикъ и заводовъ, и на другія отрасли труда,

*) Е. М. Деминъ: „Фабричн. инсп. на Западѣ. Промышл. и здоровье“, 1903 г., кн. 7, стр. 51.

на ремесленные заведенія, на подрядныя строительныя работы и т. д. Какъ смотреть само министерство внутреннихъ дѣлъ на дѣятельность инспекціи, какіе недостатки въ организаціи ея оно находитъ, мы не знаемъ; извѣстно лишь изъ сообщений, имѣвшихъ мѣсто въ общей печати, что въ всеподданнѣйшихъ отчетахъ нѣкоторыхъ губернаторовъ о плодотворной работѣ инспекціи давались и лестные отзывы. Изъ сообщений газетъ и журналовъ также видно, что вопросъ о переводѣ фабричной инспекціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ стоялъ въ связи съ проектомъ губернской реформы, съ проектомъ подчиненія власти губернаторовъ всѣхъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ. Но до сихъ поръ проектъ губернской реформы не получилъ утвержденія, фабричная же инспекція уже подчинена власти губернаторовъ. Изъ рассмотрѣнія обязанностей инспекціи мы видѣли, что ея главнѣйшія функціи состоятъ въ урегулированіи отношеній между фабрикантами и рабочими, т.-е. въ разборѣ столкновеній между тѣми и другими и въ устраненіи возможности возникновенія этихъ недоразумѣній. Безъ сомнѣнія, вопросы, съ которыми приходится сталкиваться инспекціи,—вопросы острые и, по справедливому замѣчанію Туганъ-Барановскаго, при выработкѣ и проведеніи русскихъ фабричныхъ законовъ «оказали чрезвычайное вліяніе соображенія политическаго и полицейскаго характера», но смѣемъ думать, что давно пора перестать смотреть на рабочій вопросъ, какъ на какое-то пугало и пора отдѣлить въ дѣлѣ улучшенія рабочаго быта заботы полицейскаго характера отъ функцій независимаго посредника—инспекціи. Фабричный инспекторъ долженъ быть дѣйствительно безпристрастнымъ агентомъ Правительства, совершенно независимымъ отъ мѣстныхъ властей. Подобно тому, какъ по наказу инспектора не имѣютъ права никомъ, даже косвеннымъ образомъ, напримѣръ покупкою акцій, принимать какое-либо участіе въ промышленности и торговлѣ, на дѣятельности ихъ не должны отражаться соображенія мѣстнаго начальства. При разборѣ жалобъ, при волненіяхъ рабочихъ, пока претензіи не выходятъ изъ предѣловъ спора о договорныхъ отношеніяхъ, пока поведеніе рабочихъ не вызываетъ опасеній за нарушеніе общественнаго порядка и благочинія, фабричный инспекторъ долженъ являться единственнымъ самостоятельнымъ представителемъ правительственной власти. Правда, обязанности инспекторовъ тяжелы, отвѣтственны, не легко—но не невозможно—найти лицъ, удовлетворяющихъ высокимъ требованіямъ, но именно только высокій нравственный уровень, знаніе фабричнаго быта у назначаемыхъ на должности фабричныхъ инспекторовъ и ихъ самостоятельность могутъ внести въ отношенія работодателей и рабочихъ строгую законность. На обязанности инспекціи главнѣйшимъ образомъ лежитъ внесеніе чувства уваженія къ закону въ среду, гдѣ еще въ самое недавнее время царилъ произволъ, слѣды коего и по сейчасъ не изгладились; конечно, законъ долженъ быть строгъ и безпристрастенъ и его недостатки должны быть устранены лишь въ законодательномъ же порядкѣ, а не путемъ административныхъ распоряженій.

Зависимость фабричных инспекторовъ отъ губернаторовъ можетъ повести къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, инспектору, при разборѣ жалобъ рабочихъ, приходится сталкиваться съ очень тонкими, чисто-техническими вопросами, съ которыми губернаторы въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомы. Можетъ случиться, и очень часто, что, по непониманію техническихъ условій даннаго производства, губернаторъ усвоитъ себѣ совершенно неправильный взглядъ на характеръ и причины жалобы рабочихъ; отсюда неизбежный конфликтъ съ инспекторомъ. Въ лучшемъ случаѣ, при добрыхъ отношеніяхъ губернатора съ инспекціей, начальникъ губерніи вполне долженъ положиться на мнѣнія своихъ инспекторовъ. Такимъ образомъ надзоръ губернаторовъ за дѣятельностью фабричной инспекціи или, въ лучшемъ случаѣ, будетъ чисто фиктивный или—что конечно возможно при разницѣ въ служебномъ положеніи и предѣлахъ власти губернаторовъ и инспекторовъ—недоразумѣніи между тѣмъ и другими могутъ повести къ самымъ печальнымъ результатамъ; полицейское направленіе требовать восстановленія порядка во что бы то ни стало, не считаясь съ послѣдствіями, порождаетъ возникновеніе новыхъ волненій, считаться съ коими придется тому же фабричному инспектору. При наличности подчасъ очень острыхъ отношеній между работодателями и рабочими, фабричный инспекторъ долженъ обладать большимъ авторитетомъ среди рабочихъ и въ этомъ отношеніи подчиненіе дѣятельности инспекціи надзору губернаторовъ сильно понизитъ значеніе инспектора въ глазахъ рабочихъ. Бывшій министръ финансовъ С. Ю. Витте, въ циркулярѣ своемъ къ фабричной инспекціи по поводу изданія наказа, слѣдующими словами совершенно правильно говорить о значеніи авторитета инспектора въ дѣлѣ урегулированія отношеній между фабрикантами и рабочими: «чѣмъ труднѣе и сложнѣе обязанности, тѣмъ большее значеніе имѣетъ нравственный авторитетъ должностнаго лица. Приобрѣтеніе такого авторитета должно быть главною заботою фабричныхъ инспекторовъ съ первыхъ же шаговъ ихъ дѣятельности. Авторитетъ этотъ достигается прежде всего строгимъ отношеніемъ къ самому себѣ, сознаніемъ государственной важности порученнаго дѣла и ответственности—не только передъ закономъ, но и предъ своею совѣстью,—служебнымъ тактомъ, строгою законностью дѣйствій, которая исключаетъ лицепріятное отношеніе къ людямъ и увлеченіе односторонностью взглядовъ. Нравственное вліяніе и уваженіе, несомнѣнно, всего болѣе помогутъ фабричнымъ инспекторамъ въ успѣшномъ выполненіи возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей. При нравственномъ авторитетѣ разумный совѣтъ фабричнаго инспектора, его толковыя указанія сдѣлаютъ больше, нежели примѣненіе кары за нарушеніе закона» *).

Наилучшей репутаціей, вполне заслуженной, пользуется англійская фа-

*) Сборн. узакон. прав. и распор. по дѣл. фабр. инсп. Изд. мин. финан., 1898 г. вып. I, стр. 26.

бричная инспекція въ силу того, что при ея созданіи была признана необходимость дать инспекціи полную самостоятельность. Къ поступающему въ число англійскихъ инспекторовъ предъявляются чрезвычайно строгія требованія; такое лицо подвергается особому, очень серьезному и составленному по широкой программѣ, испытанію. Но уже поступившій на службу инспекторъ занимаетъ дѣйствительно самостоятельное и высокое положеніе; онъ пользуется большимъ авторитетомъ не только въ общественномъ мнѣніи, но и въ официальныхъ сношеніяхъ: «въ ряду другихъ правительственныхъ чиновниковъ, англійскій фабричный инспекторъ не просто инспекторъ, но «Его Величества инспекторъ фабрикъ и мастерскихъ» *).

VI.

Въ статьѣ, посвященной разсмотрѣнію нуждъ русскаго фабричнаго законодательства **), мы упоминали о недостаточности надзора за горными промыслами со стороны гг. окружныхъ инженеровъ, замѣняющихъ въ этихъ предпріятіяхъ фабричную инспекцію. Нижеслѣдующее должно еще болѣе подтвердить справедливость нашего предположенія. Мы имѣемъ въ рукахъ чрезвычайно интересный документъ, характеризующій порядки, или вѣрнѣе безпорядки, въ дѣлѣ надзора за горными промыслами и заводами; документъ этотъ — расчетная книжка для рабочихъ одного изъ крупнѣйшихъ уральскихъ заводовъ, — Нижне-Тагильскаго завода. Книжка заключаетъ въ себѣ условія найма на заводъ рабочихъ и имѣетъ слѣдующія пометки: «настоящія условія найма разсмотрѣны окружнымъ инженеромъ и по ст. 142 устава о промышленности заводской и фабричной и ст. 647 устава горнаго изд. 1893 года признаны правильными, а потому утверждаются окружнымъ инженеромъ, что свидѣлствуется подписомъ съ приложеніемъ казенной печати. Марта 10 дня 1894 г. окружной инженеръ верхотурскаго горнаго округа И. Игнатьевъ». Дозволено цензурою іюня 26 дня 1900 года».

Полагаясь на вышеуказанныя официальные пометки, нужно предположить, что условія найма, изложенныя въ этой расчетной книжкѣ, согласованы съ существующими законоположеніями. Но, разсматривая книжку, уже въ первомъ параграфѣ наталкиваемся на прямое и грубое противорѣчіе закону. Наше законодательство предусматриваетъ три рода условій найма рабочихъ, а именно: наемъ на срокъ неопредѣленный, на срокъ опредѣленный и на срокъ по исполненіи какой-либо работы. При наймѣ на неопредѣленный срокъ каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ отказаться отъ договора, предупредивъ другую сторону о своемъ желаніи за двѣ недѣли (ст. 95 уст. пром.). Законодатель, вводя требованіе о двухъ-

*) К. М. Деметъевъ: „Фабричная инспекція на Западѣ“. Промышл. и здоровье, кн. V, 1903 г., стр. 90.

**) Русская Мысль, 1903 г., кн. XII.

недѣльнымъ предупрежденіи, имѣлъ въ виду дать возможность и предпринимателю найти новыхъ рабочихъ и рабочему (что, конечно, всего важнѣе) подыскать себѣ мѣсто въ теченіе этого времени.

Въ правилахъ же Тагильскаго завода § 1 гласитъ: «рабочій, имѣющій расчетную книжку, считается поступившимъ на работу на срокъ неопредѣленный, *прекращающійся съ окончаніемъ работы*, на которую онъ нанимался; *въ случаѣ недостатка* вообще работъ или работы, соотвѣтствующей опытности и способности рабочаго, *все отношенія такого рабочаго съ конторою по найму считаются прекратившимися*».

Статья 96 устава о промышленности требуетъ, чтобы всякое измѣненіе условій найма, какъ-то: сокращеніе рабочаго времени, пониженіе расцѣнковъ, введеніе новыхъ расцѣпочныхъ табелей и т. п., объявлялось бы рабочимъ, нанятымъ на срокъ неопредѣленный, не менѣе какъ за двѣ недѣли до введенія этихъ измѣненій. При нарушеніи предпринимателемъ 96 ст., онъ подлежитъ ответственности по 1359 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., а именно: можетъ быть въ первый разъ оштрафованъ отъ 100 р. до 300 руб.; въ случаѣ обнаруженія нарушенія въ третій разъ, подлежитъ аресту до 3 мѣс.

Въ правилахъ тагильскаго завода читаемъ слѣдующее: «всякое измѣненіе платъ объявляется рабочимъ и заносится въ вывѣшенные табели платъ, причѣмъ рабочій, несогласный на эти измѣненія, имѣетъ право оставить работу и ему производится на *другой день* окончательный расчетъ» (§ 3). «Въ случаѣ окончанія работы, на которую рабочій нанимался раньше двухъ-недѣльнаго срока, положеннаго для расчета, таковой рабочій получаетъ расчетъ не далѣе какъ на другой день, если не будетъ съ нимъ соглашенія на новую работу» (§ 4). «Задѣльные, поштучные или полудные платы назначаются за сходныя произведенія и за работы, выполненныя согласно даннымъ указаніямъ, за бракъ же, какъ и за производство рабочимъ, по небрежности, недоброкачественныхъ издѣлій, не производится таковой платы или же производится штрафъ и *пониженіе платъ*, гдѣ это установлено, объявлено рабочимъ и занесено въ вывѣшиваемыхъ табеляхъ платъ».

Этимъ §§ совершенно игнорируется требованіе закона, имѣющее самое существенное для рабочихъ значеніе. Статья 96 уст. пром. именно и обезпечиваетъ рабочихъ отъ самовольнаго со стороны предпринимателя нарушенія заключеннаго договора. Правила же н.-тагильскаго завода узаконяють полный произволъ предпринимателя.

Не лучше обстоитъ дѣло съ временемъ выдачи заработка. Законъ требуетъ включенія въ условія найма сроковъ расплаты съ рабочими. Въ § 6 разсматриваемыхъ правилъ значится: «деньги выдаются кассиромъ въ назначенные дни». Кѣмъ эти дни устанавливаются, въ правилахъ не указано.

Законъ 2 іюня 1897 г. установилъ нормальный рабочій день; уставомъ о промышленности требуется, чтобы въ условія найма рабочихъ было внесено

расписание рабочихъ часовъ, а равно и расписание праздниковъ. Въ правилахъ н.-тагильскаго завода этихъ расписаній нѣтъ, а говорится лишь, что рабочее время, а равно и праздники, опредѣляются въ особыхъ табеляхъ, кто-жъ эти табели утверждаетъ, правила умалчиваютъ. Не видно изъ правилъ также, какія работы слѣдуетъ считать непрерывными и экстренными. Въ п. 6 главы А правилъ глухо сказано, что... «работы при всѣхъ непрерывно-дѣйствующихъ печахъ съ ихъ *вспомогательными* работами, а также и всѣ экстренныя работы производятся безостановочно и въ праздничные дни»... Не видно въ правилахъ, во сколько смѣнь рабочіе работаютъ, имѣютъ ли они, согласно закона 2 іюня 1897 г. (правила напечатаны, какъ мы уже указывали, въ 1900 г., т.-е. послѣ закона 1897 г.) четверо свободныхъ сутокъ въ теченіе мѣсяца для отдыха. Къ числу непрерывныхъ работъ отнесены работы «вспомогательныя» безъ упоминанія о томъ, какія именно эти работы. При такой неопредѣленности всякую работу на заводѣ можно съ легкою натяжкою причислить къ вспомогательнымъ. То же замѣчаніе должно быть отнесено и къ экстреннымъ работамъ.

Въ главѣ правилъ относительно обращенія рабочихъ съ машинами (гл. Б, § 1) сказано, что «запрещается смазывать или чистить трудно-доступныя части»; въмъ должна опредѣляться доступность или «трудно-доступность» извѣстной части машины, въ правилахъ не указано. Въ правилахъ на фабрикахъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, однимъ изъ первыхъ требованій стоитъ строгое воспрещеніе смазывать и чистить машины на ходу вообще.

Не церемонятся на ниже-тагильскомъ заводѣ съ рабочими, подвергая ихъ обыску, акту, дозволенному въ русскомъ законодательствѣ лишь слѣдственной власти. На страницѣ 5-й читаемъ... «въ случаѣ какого бы то ни было подозрѣнія со стороны надзирающихъ лицъ, какъ-то дозорныхъ и т. д., рабочій можетъ быть подвергнутъ обыску».

Взысканія съ рабочихъ за прогулъ, неисправную работу, порчу инструментовъ и матеріаловъ, согласно стт. 143—152 уст. о пром., могутъ быть налагаемы по утвержденнымъ органами надзора табелямъ, и эти взысканія идутъ въ особый капиталъ, изъ коего выдаются пособия больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ, при пожарѣ имущества рабочихъ и т. п. По смыслу нашего законодательства взысканіе за порчу матеріаловъ налагается по свойству небрежности рабочаго въ данномъ случаѣ, отнюдь же не по степени матеріальнаго ущерба, нанесеннаго рабочимъ владѣльцу, и вносятся также въ вышеупомянутый капиталъ. Взысканіе стоимости испорченной вещи можетъ быть произведено съ рабочаго только судебнымъ порядкомъ. Въ правилахъ н.-тагильскаго завода (стр. 7, § 14) читаемъ: «за порчу со стороны рабочаго, по небрежности или намеренности, матеріаловъ, машинъ, станковъ, инструментовъ и иныхъ орудій производства, взысканіе съ такого рабочаго *опредѣляется заводскимъ начальствомъ*, соответственно свойству неисправности, но не свыше $\frac{1}{3}$ причитающагося рабочему двухнедѣльнаго заработка, и таковыя взысканія также вносятся въ расчетную

книжку рабочему, но какъ возмѣщеніе убытковъ отъ причиненнаго вреда, не присоединяются къ капиталу, упомянутому выше въ § 12, т.-е. къ штрафному.

Изъ всего изложеннаго видно, что даже устарѣлое наше фабричное и горное законодательство для Урала является неизвѣстнымъ, и сравнительно малыми его благами рабочіе не пользуются. Со стороны предпринимателей, разумѣется, вполне понятно желаніе въ вырабатываемыхъ ими правилахъ возможно игнорировать законъ и диктовать рабочимъ условія найма, подобныя вышеописаннымъ. Но вѣдь образецъ рассмотрѣнной нами расчетной книжки былъ утвержденъ лицомъ официальнымъ, нарочито поставленнымъ для обезпеченія законности въ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими. Что же здѣсь: непониманіе ли закона, нежеланіе ли считаться съ его требованіями, или подписываніе правилъ безъ прочтенія, — предоставляемъ судить чтателямъ.

—ъ.

Радій и N—лучи.

Ученіе о радіи представляет въ настоящее время одинъ изъ самыхъ интересныхъ и животрепещущихъ вопросовъ физики. Раскроемъ наудачу какую-нибудь книжку естественно-научнаго журнала: радій, радиоактивность, N-лучи, природа тѣхъ и другихъ, ихъ свойства и т. д.—вотъ тѣ заглавія, которыми пестрятъ страницы такихъ изданій. Знаменитые ученые, а рядомъ съ ними и малозвѣстные, одинаково работаютъ надъ этими вопросами, стараясь внести свой камень на постройку еще только заложенаго зданія, свое участіе въ созиданіи стройной системы новаго ученія. Въ лабораторіяхъ производятся опыты для практическаго объясненія вновь открытыхъ фактовъ и для детальной разработки старыхъ; въ кабинетахъ предлагаются теоріи и гипотезы, которыя могли бы хотя нѣсколько освѣтить ту пока еще мало-извѣстную область, которую указали намъ открытія послѣднихъ лѣтъ. Эти теоріи и гипотезы порою подрываютъ старыя основы и, просуществовавши недолго, сами рушатся послѣ новыхъ внезапныхъ открытій. Но эта смѣна, эта живая предпримчивая работа не пропадаетъ даромъ: даже и при крушеніи казавшихся прежде неизблѣнными основъ мы движемся впередъ, а возникновеніе все новыхъ и новыхъ гипотезъ служить лишь показателемъ постояннаго прогрессивнаго движенія науки.

Вспомнимъ слова, недавно сказанныя однимъ изъ величайшихъ современныхъ умовъ,—слова французскаго математика и физика, Henri Poincaré: «..... физикъ, который отказался отъ одной изъ своихъ гипотезъ, долженъ бы радоваться, потому что тѣмъ самымъ онъ нашелъ неожиданную возможность открытія» ¹⁾).

Но и публика не остается равнодушной свидѣтельницей той интенсивной работы, которая царитъ теперь въ физическомъ ученномъ мірѣ; она живо интересуется всякимъ новымъ фактомъ изъ этой области, усердно прислушивается къ тому, что въ большей или меньшей степени касается этого вопроса. Газеты и журналы, какъ иностранные, такъ и русскіе

¹⁾ Анри Пуанкаре: „Наука и гипотеза“, стр. 186. Москва, 1904.

служать явнымъ доказательствомъ такого внимательнаго отношенія образованнаго общества къ самымъ животрепещущимъ вопросамъ физики.

Значеніе всѣхъ этихъ новыхъ открытій только теперь начинаетъ выясняться; только теперь приходится къ убѣжденію, что существующія нынѣ основныя научныя положенія болѣею частью должны будутъ измѣниться, такъ какъ совершенно расходятся съ вновь полученными данными. Эти открытія показали, что во вселенной существуютъ силы, которыхъ мы и не подозревали; не правиленъ ли будетъ выводъ, что кромѣ этихъ новыхъ силъ, открытыхъ только теперь, существуютъ еще и другія, совершенно намъ неизвѣстныя. Атомистическая теорія, казавшаяся до сего времени неизмѣнимою, должна будетъ подвергнуться теперь коренному преобразованію, такъ какъ новые факты указываютъ на ея несостоятельность; мало того, съ ними совершенно не согласуется давно установленный законъ сохранения энергіи. Наконецъ, эти открытія совершенно подрываютъ фундаментальное положеніе физическихъ наукъ о невозможности «*perpetuum mobile*», — безостановочной траты энергіи безъ восполненія ея расхода, — положеніе, которое совершенно расходится со свойствомъ радія постоянно дѣйствовать, непрерывно и неизмѣнно давать энергію. Много гипотезъ предложено и предлагается для объясненія такого совершенно непостижимаго факта, но ни одна изъ нихъ не можетъ считаться вполне достоверной.

Открытие N—лучей, представляющее собой послѣдній фактъ въ ряду этихъ изслѣдованій, оспаривается многими учеными. Такъ какъ это открытіе является однимъ изъ такъ называемыхъ «боевыхъ» вопросовъ послѣдняго времени, то мы считаемъ не лишнимъ дать краткое резюме этого спорнаго вопроса и привести мнѣнія какъ лицъ, подтверждающихъ открытіе, такъ и тѣхъ, которые отвергаютъ самую возможность существованія N—лучей. Въ числѣ тѣхъ и другихъ мы найдемъ немало извѣстныхъ физиковъ.

Въ прошломъ году на страницахъ нашего журнала были приведены общіе выводы и факты физическихъ открытій до 1904 г. ¹⁾; теперь, мы постараемся, напомнивъ основныя положенія указанной статьи, познакомить читателей съ успѣхами этого новаго ученія за истекшій годъ.

I.

Въ 1857 г. французскій ученый Nierce de Saint Victor опубликовалъ результаты своихъ опытныхъ изслѣдованій о поглощеніи свѣта деревомъ, стекломъ, матеріями, бумагой и т. п.; съ этого времени, вплоть до 1867 г., этотъ ученый далъ рядъ интересныхъ наблюденій по этому вопросу, все болѣе и болѣе разнообразя свои изысканія. Если гравюру, сохраненную въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ темнотѣ, вынести на 15—20 минутъ на солнце, а затѣмъ опять же въ темнотѣ приложить къ ней листь чувстви-

¹⁾ В. Яковлевъ. „Радиоактивные вещества“ Р. М. 1904 № 1.

тельной бумаги, то по истеченіи 24 часовъ на послѣдней появляется точное изображеніе гравюры. Другой опытъ того же ученаго состоялъ въ слѣдующемъ: перомъ, предварительно обмоченнымъ въ концентрированный растворъ азотистаго урана, на листѣ картона было нанесено изображеніе; стоило послѣ этого вынести его на солнце и приложить къ нему чувствительную бумагу,—и черезъ 24 часа получалась репродукція рисунка. Современники Ньерсе-а, напр. Thénard, аббатъ Laborde, Foucault обратили вниманіе на эти опыты, но вскорѣ затѣмъ они были оставлены. Съ тѣхъ поръ до 1896 г. о нихъ не вспоминали, и только благодаря открытію Н. Becquerel'я отвели автору ихъ должное мѣсто въ ряду изслѣдователей новой энергіи.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію новаго ученія, ученія о радиоактивности, постараемся въ краткихъ чертахъ дать общую картину того строенія тѣлъ, которое принимается наукой за основное и безъ котораго непонятны будутъ многіе факты и предположенія. По существующей теоріи, всѣ атомы состоятъ изъ молекулъ и мельчайшихъ электрическихъ частицъ, называемыхъ электронами. Допустимъ, что у насъ имѣется газъ въ такомъ состояніи, когда частицы его отдѣлены другъ отъ друга; говорятъ, что въ такомъ состояніи газъ ионизованъ. При образованіи такого состоянія происходятъ, по гипотезѣ, три перехода: 1) атомъ теряетъ часть изъ своихъ составныхъ электроновъ; 2) эти электроны, вышедшіе изъ атома, окружаются нейтральными молекулами и совместно составляютъ такъ назыв. отрицательный іонъ, несущій отрицательный зарядъ электричества; 3) атомъ, лишенный части своихъ электроновъ, также окружается нейтральными молекулами и образуетъ положительный іонъ; послѣдній несетъ въ себѣ положительный зарядъ электричества. Слѣдствіемъ такого дѣленія и является ионизованный воздухъ. Всѣ эти раздѣленія сохраняютъ свою силу при обычныхъ условіяхъ; но въ случаѣ пустоты, т.-е. безвоздушнаго пространства, происходятъ нѣкоторыя измѣненія. Въ этомъ случаѣ электроны не окружаются нейтральными молекулами,—они остаются въ первоначальномъ своемъ состояніи, но зато приобретаютъ огромную скорость. Такова теорія атомистическаго строенія тѣлъ, принимаемая наукой за основную.

Ознакомившись, такимъ образомъ, въ краткихъ чертахъ съ основными положеніями атомистической гипотезы, прослѣдимъ исторически развитіе мысли, приведшей къ послѣднему открытію,—открытію радія и его свойствъ. Въ 60-хъ годахъ Geissler занялся изготовленіемъ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ стеклянныхъ трубокъ, содержащихъ разрѣженный газъ. Въ оба конца такихъ трубокъ впаивались два проводника или, какъ говорятъ, электрода, которые затѣмъ соединялись съ полюсами Румкорфовой катушки. Если теперь пустить токъ, то наблюдается чрезвычайно странное явленіе: у электрода, соединеннаго съ отрицательнымъ полюсомъ катушки (катода), мы замѣтимъ темное пространство, въ то время, какъ вся трубка будетъ свѣтиться особеннымъ, прерывистымъ свѣтомъ. Эти трубки

были названы по имени Geissler'a. Этимъ открытіемъ заинтересовались современники изобрѣтателя. Одинъ изъ нихъ, Hittorf, въ 1869 г. довѣлъ разрѣженіе газа въ трубкѣ до болѣе высокой степени, и, при повтореніи этого опыта, катодъ былъ окруженъ не темнымъ пространствомъ, а особымъ свѣтомъ нѣжнаго голубоватаго оттѣнка; свѣтъ этотъ обладалъ особеннымъ свойствомъ вызывать флуоресценцію. Подъ флуоресценціей понимаютъ способность нѣкоторыхъ тѣлъ свѣтиться подъ вліяніемъ другихъ лучей, на нихъ направленных. Нѣкоторые тѣла флуоресцируютъ необычайнымъ, сказочнымъ свѣтомъ: такъ, наприимѣръ, бѣлый кристаллъ весь свѣтится голубоватымъ свѣтомъ, рубинъ—ярко краснымъ, обыкновенно безцвѣтные кристаллы плавикового шпата—ярко желтымъ и т. п. Кромѣ этого свойства вызывать флуоресценцію было замѣчено, что вышеозначенные лучи, идущіе отъ катода и называющіеся катодными лучами, двигаются только въ прямомъ направленіи. Это явленіе было тогда оставлено безъ вниманія, и только 10 лѣтъ спустя новые опыты извѣстнаго англійскаго физика, W. Crookes'a, опять обратили на него вниманіе.

Катодные лучи обладаютъ рядомъ интересныхъ свойствъ: если въ разрѣженной трубкѣ помѣстить маленькое слюдяное колесо, то подъ вліяніемъ этихъ лучей оно вращается по направленію къ отрицательному полюсу. Подъ вліяніемъ магнита, поднесеннаго определенной стороной, (сѣвернымъ или южнымъ полюсомъ), катодные лучи отклоняются то вправо, то влево. Наконецъ, они производятъ сильное тепловое дѣйствіе: если ихъ направить на платиновую пластинку, послѣдняя сейчасъ же раскалается.

Для объясненія этихъ явленій было предложено много гипотезъ, но принята лишь предложенная самимъ Crookes'омъ. По его мнѣнію, въ этой разрѣженной трубкѣ молекулы вблизи катода раздѣлены и, кромѣ того, наэлектризованы; одни, положительныя іоны, поглощаются катодомъ, другіе же, отрицательныя, отталкиваются имъ и летятъ съ быстротой 40.000 километровъ въ секунду. Послѣдніе и составляютъ катодные лучи.

Давно уже чувствовался недостатокъ въ состояніяхъ, принятыхъ для объясненія физическихъ явленій; катодные лучи снова поставили на очередь этотъ вопросъ, такъ какъ не подходили ни къ одному изъ трехъ извѣстныхъ состояній матеріи: твердому, жидкому и газообразному. Въ своей знаменитой рѣчи, посвященной «четвертому состоянію матеріи», Crookes говоритъ:

«Станемъ разсматривать одну молекулу, изолированную въ пространствѣ. Тверда ли она, жидка или газообразна? Твердой она не можетъ быть, такъ какъ идея о твердости вводитъ нѣкоторыя свойства, которыхъ не существуютъ въ изолированной молекулѣ. Въ дѣйствительности изолированная молекула есть нѣкоторая непостижимая сущность, будемъ ли мы ее представлять, вмѣстѣ съ Ньютономъ, какъ нѣкоторое сферическое, твердое тѣлце, будемъ ли мы ее, слѣдуя Босковичу и Фарадею, считать центромъ дѣйствія силъ, примемъ ли мы, наконецъ, атомъ-вихрь сэра Вильяма Томсона. Но, если индивидуальная молекула не можетъ быть твердой,

она *a fortiori* не может быть жидкой или газообразной, ибо эти два состоянія тѣла являются результатомъ интермолекулярныхъ ударовъ въ еще большей степени, чѣмъ твердое состояніе. Индивидуальная молекула должна, слѣдовательно, быть выдѣлена по самой сущности дѣла въ специальную категорию. То же разсужденіе прилагается и къ любому числу соприкасающихся молекулъ, лишь бы ихъ движеніе было направлено такимъ образомъ, чтобы не происходило никакихъ коллизій».

«Матерія въ своемъ четвертомъ состояніи есть предѣльный результатъ расширенія газовъ. Вслѣдствіе крайняго разрѣженія, траекторія свободного пробѣга молекулъ удлинняется настолько, что удары становятся ничтожными сравнительно съ общими пробѣгами, и большая часть молекулъ можетъ слѣдовать своему собственному движенію, не встрѣчая помѣхъ: если средній путь близокъ къ размѣрамъ сосуда,—свойства, которыя составляютъ газовое состояніе, сводятся къ *minimū*, матерія достигаетъ своего ультра-газового состоянія».

«Но то же самое состояніе вещей можетъ быть получено, если мы ка-кимъ-нибудь способомъ выдѣлимъ нѣкоторое ограниченное количество газа и, съ помощью какой-либо внѣшней силы, введемъ порядокъ въ беспорядочныя движенія молекулъ, несущихся по всѣмъ направленіямъ»¹⁾.

Доказательство возможности согласованія беспорядочно идущихъ частицъ газа заключается въ устройствѣ такъ называемой Crookes'овой трубки, съ сильно разрѣженнымъ газомъ. Это четвертое состояніе матеріи, необходимое, какъ дополненіе, къ тремъ существующимъ, Crookes характеризуетъ слѣдующими словами:

«Изучая четвертое лучистое состояніе матеріи, мы, какъ мнѣ кажется, имѣемъ подъ руками и въ сферѣ нашихъ изслѣдованій тѣ первичныя атомы матеріи, изъ которыхъ, какъ вполне основательно предполагаютъ, состоятъ всѣ тѣла природы. Мы видимъ, что лучистая матерія по однимъ своимъ свойствамъ такъ же матеріальна, какъ вотъ этотъ столъ, по другимъ—она скорѣе похожа на лучистую энергію. Мы, дѣйствительно, коснулись той пограничной области, гдѣ матерія и энергія переходятъ одна въ другую. Я думаю, что величайшія задачи будущаго найдутъ именно въ этой пограничной области свое разрѣшеніе; болѣе того, здѣсь, какъ мнѣ кажется, лежитъ граница всего реального міра!»²⁾.

Слова эти знаменательны; всѣ открытія послѣднихъ лѣтъ служатъ блестящимъ подтвержденіемъ высказаннаго предположенія англійскаго физика!

Нѣсколько времени спустя, знаменитый боннскій физикъ Hertz занялся вопросомъ о катодныхъ лучахъ и показалъ, что послѣдніе способны проникать черезъ алюминиевые листки малой толщины. Это открытіе заставило многихъ ученыхъ отнести повнимательнѣе къ новому явленію и одинъ изъ нихъ, Léopard, воспользовавшись указаніемъ Hertz'a, на мѣстѣ

¹⁾ Н. Пильчиковъ. Радій и его лучи. Одесса, 1901.

²⁾ А. Эйхенвальдъ. Катодные лучи. Москва, 1901.

выхода катодных лучей помѣстилъ тонкій алюминиевый листокъ. Лучи проходили черезъ этотъ листокъ, и явилась возможность даже измѣрить скорость ихъ движенія.

Въ 1895 г. профессоръ Вюрцбургскаго университета Röntgen занялся изслѣдованіемъ этихъ лучей въ Круксовой трубкѣ и замѣтилъ, что при особыхъ условіяхъ дѣйствіе флуоресценціи проникаетъ внѣ трубы. Заинтересованный этимъ явленіемъ, онъ заключилъ Круксову трубку въ ящикъ съ стѣнками изъ чернаго картона и пустилъ токъ; при поднесеніи къ этому ящику экрана, покрытаго слоемъ платиносеребристаго барія, экранъ начинаетъ свѣтиться, фосфоресцировать. Фосфоресценціей называется свойство нѣкоторыхъ тѣлъ испускать свѣтъ, послѣ того, какъ они предварительно были освѣщены какимъ-либо другимъ свѣтомъ. Предположить проникновеніе на экранъ катодныхъ лучей, заключенныхъ въ трубкѣ, было бы невозможно, такъ какъ окружающая среда для нихъ непроницаема. Тогда Röntgen пришелъ къ заключенію, что въ трубкѣ, кромѣ катодныхъ лучей, дѣйствуютъ особенные лучи: X-лучи, какъ онъ и назвалъ ихъ. Эти лучи возникали въ той же трубкѣ, что и катодные, но въ сторонѣ совершенно имъ противоположной, и при томъ въ мѣстѣ, гдѣ катодные лучи не могли пройти, встрѣчая препятствіе. При дальнѣйшихъ своихъ наблюденіяхъ Röntgen нашелъ, что эти лучи проникаютъ совершенно свободно черезъ нѣкоторыя тѣла, какъ, напр., кожу, дерево, бумагу, тонкую алюминиевую пластинку (до 0, 015 мм. толщины), при чемъ распространяются они по прямой линіи. Кромѣ этихъ свойствъ, мы найдемъ цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, которые совершенно расходятся съ положеніями обыкновенныхъ свѣтовыхъ лучей. Если мы будемъ разсматривать обыкновенный солнечный лучъ, то увидимъ, что, при переходѣ изъ одной среды въ другую, онъ измѣняетъ свое первоначальное направленіе, т.-е. преломляется; кромѣ того, обыкновенный лучъ, при паденіи на какую-либо поверхность, отражается; наконецъ, обыкновенный лучъ подверженъ явленію поляризаціи ¹⁾. Ничего подобнаго мы не замѣчаемъ по отношенію къ X-лучамъ; ни одному изъ этихъ свойствъ они не подвержены.

Одной изъ замѣчательныхъ особенностей этого открытія было явленіе, принесшее много пользы человечеству въ области медицины. Если на пути X-лучей помѣстить руку, то ея контуръ будетъ освѣщенъ болѣе слабо на экранѣ, чѣмъ все окружающее пространство, такъ какъ лучи должны проходить черезъ мясо и кости; послѣднія, состоящія изъ минеральнаго состава, будутъ отбрасывать еще болѣе темную тѣнь, что даетъ возможность различать ихъ положеніе и форму. Отсюда ясно, какое важное значеніе для человечества имѣетъ открытіе Röntgen'a. Всякое патологическое измѣ-

¹⁾ При прохожденіи черезъ какой-нибудь кристаллъ лучъ свѣта раздѣляется на 2 луча одинаково яркихъ; если какой-либо изъ вновь полученныхъ лучей пропустить черезъ 2-ой кристаллъ, то получатся опять 2 луча, но уже различной яркости. Лучъ, раздѣленный на 2 луча, одинаково яркихъ, называется естественнымъ; раздѣленный же на 2 луча различной яркости — поляризованнымъ.

неніе костей, желчные камни, засѣвшая пуля, вообще всякое постороннее тѣло могутъ быть точно опредѣлены при помощи X-лучей.

Фотографическая пластинка, обернутая черной бумагой и помѣщенная на пути X-лучей, на мѣстѣ фосфоресцирующаго экрана, подвергается дѣйствию этихъ лучей. Для полученія Рѣнтгеновской фотографіи достаточно между источникомъ X-лучей и фотографической пластинкой, заключенной въ кассетку, помѣстить фотографируемое тѣло; лучи проникаютъ сквозь него и даютъ на пластинкѣ требуемое изображеніе, которое затѣмъ обрабатываютъ обыкновеннымъ способомъ, употребляемымъ въ фотографіи.

Воздухъ подъ вліяніемъ X-лучей становится проводникомъ электричества; доказательствомъ можетъ служить опытъ съ электроскопомъ ¹⁾. Зарядъ, поднесенный къ электроскопу, можетъ удерживаться на немъ очень долго, такъ какъ воздухъ вообще является плохимъ проводникомъ электричества. Если направить на такой заряженный электроскопъ X-лучи, тотчасъ же листки опадаютъ; очевидно, воздухъ подъ вліяніемъ этихъ лучей сталъ хорошимъ проводникомъ и перенесъ массу электричества на электроскопъ. Что же это за лучи, обладающіе такими интересными свойствами? Какова ихъ природа?

Изъ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія X-лучей, приведемъ наиболѣе вѣроятную: при переносѣ катодными лучами электрически заряженныхъ частицъ (электроновъ) остановка ихъ какимъ-либо тѣломъ вызываетъ ультрафіолетовыя радіаціи ²⁾, расположенныя внѣ солнечнаго спектра со стороны фіолетовыхъ лучей, такъ называемые тепловые лучи.

Въ 1896 г. одинъ изъ французскихъ физиковъ Н. Вескьерелъ заинтересовался открытіемъ Röntgen'a и занялся вопросомъ—не испускаютъ ли всѣ фосфоресцирующія тѣла этихъ радіацій?

Этимъ же вопросомъ занялся и извѣстный ученый Н. Ройскагѣ, слова котораго мы приведемъ: „Нельзя ли спросить себя, всѣ ли тѣла, флуоресценція которыхъ достаточно интенсивна, посылаютъ, кромѣ свѣтящихся лучей, еще и X-лучи, какова бы ни была причина ихъ флуоресценціи ³⁾“? Это указаніе побудило многихъ физиковъ ⁴⁾ заняться изслѣдованіемъ такихъ тѣлъ. 24 февраля 1896 г. Вескьерелъ въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ объявилъ о новомъ открытіи. Для своего опыта означенный ученый воспользовался солями урана, давно уже извѣстными своей флуоресценціей. Эти соли были положены на фотографическую пластинку, защищенную отъ свѣта, при чемъ между ними и пластинкой была положена мо

¹⁾ Электроскопъ—это приборъ съ стеклянными стѣнками, внутри котораго на металлическомъ стержнѣ подвѣшены два тонкихъ золотыхъ листка; стержень оканчивается внѣ прибора металлическимъ шарикомъ. При поднесеніи къ нему заряженнаго тѣла электричество проходитъ по стержню къ листочкамъ, которые подъ этимъ вліяніемъ расходятся.

²⁾ G. H. Niewenglowski, „Technique et Application des rayons X.“

³⁾ Revue générale des Sciences, t. VII, p. 56, 1896.

⁴⁾ Henry, Gustave Le Bon и др.

нета; все было подвержено действию солнца, а послѣ проявленія на пластинкѣ появилась тѣнь отъ монеты. 3-го марта того же года тотъ же ученый сообщилъ объ еще болѣе поразительномъ фактѣ: соли урана производить такое же дѣйствіе на пластинку въ совершенной темнотѣ. Съ этихъ поръ и вплоть до 1903 года опыты производились надъ одними и тѣми же солями, безъ какого-либо измѣненія, что указывало на постоянство явленія ¹⁾. Наконецъ, при помощи электроскопа, Becquerel замѣтилъ, что эти лучи, идущіе отъ урана, разряжаютъ наэлектризованныя тѣла. Всѣ эти свойства дали возможность французскому ученому сдѣлать слѣдующій выводъ: „Уранъ и всѣ соли его посылаютъ невидимые и проникающіе лучи, которые дѣйствуютъ на фотографическую пластинку и разряжаютъ наэлектризованныя тѣла. Это излученіе сохраняетъ постоянную интенсивность, не зависитъ отъ времени и совершенно самостоятельно ²⁾“. Таково было открытіе, которому мы впоследствии обязаны полученіемъ радія.

При появленіи труда Becquerel'я многіе указывали на приведенное въ началѣ главы сообщеніе Nierse de Saint Victor'a, говоря, что Becquerel только пошелъ по слѣдамъ послѣдняго, и честь новаго открытія принадлежитъ Nierse'у; однако, это утвержденіе крайне несправедливо. Въ опытахъ Saint Victor'a требовалось вліяніе солнца для полученія наблюдаемаго явленія; между тѣмъ какъ въ опытахъ Becquerel'я соли урана дѣйствовали совершенно независимо. Послѣ наблюденій Becquerel'я въ лабораторіяхъ занялись изслѣдованіемъ минераловъ, съ цѣлью полученія такихъ же излученій.

Въ 1898 г. Schmidt ³⁾ открылъ новый элементъ—торій, дававшій тѣ же поразительные эффекты, которые были получены при помощи урановыхъ солей ⁴⁾. Вслѣдъ за тѣмъ было предложено назвать всѣ вещества, обладающія тѣмъ же свойствомъ, что уранъ и торій, радиоактивными. М-ме Curie, предпринимавшая совмѣстно со своимъ мужемъ изслѣдованіе этихъ веществъ, показала, что только уранъ и торій обладаютъ атомной радиоактивностью, остальные же тѣла ею не обладаютъ ⁵⁾.

Въ томъ же 1898 г. супруги Curie заявили въ засѣданіи Академіи Наукъ объ открытіи новаго активнаго элемента, въ 400 разъ сильнѣе урана, похожаго на висмутъ и названнаго полоніемъ; наконецъ, въ концѣ того же года при обработкѣ смоляной руды изъ Іоакимсталя въ Богеміи, названными учеными, совмѣстно съ Бемономъ, былъ полученъ новый элементъ, обладающій всѣми тѣми же свойствами, что и уранъ, но въ 900 разъ болѣе сильный, чѣмъ онъ; этотъ новый элементъ былъ названъ

¹⁾ Niewenglowski, *Le Radium*, p. 36. Paris 1904.

²⁾ H. Becquerel. *Mémoires de l'Académie des Sciences*. t. XLVI, chr. II, p. 42.

³⁾ Wiedemann. *Annalen der Physik*, t. LXXV, s. 141.

⁴⁾ Открытіе Schmidt'a было подтверждено изысканіями м-ме Curie, получившей то же вещество совершенно самостоятельно.

⁵⁾ Sklodowska-Curie. *Recherches sur les substances radioactives*. Paris 1904.

радіємъ. Годъ спустя, въ 1899 г., другимъ французскимъ физикомъ, Де-бегне-омъ было выдѣлено съ большими трудностями изъ той же смоляной руды четвертое радиоактивное тѣло, названное актиніемъ. Много минераловъ, обладающихъ радиоактивностью, было найдено при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, но всѣ они получались въ сложномъ видѣ, выдѣленіе ихъ было затруднено; одинъ радій былъ полученъ въ чистомъ видѣ. Чтобы показать, насколько сложно добываніе радія, приведемъ слѣдующія данныя: для полученія нѣсколькихъ миллиграммовъ соли чистаго радія, приходится обрабатывать цѣлыя тонны смоляной руды; получается хлористый радиоактивный барій, и только изъ него путемъ лабораторнаго выдѣленія можно имѣть въ результатъ нѣсколько миллиграммовъ соли радія. Вслѣдствіе такой крайне трудной обработки, цѣна на соль радія очень высока: одинъ миллиграммъ его стоитъ около 5 руб. Отсюда понятно, какое малое количество этого вещества находится въ рукахъ изслѣдователей. Нужно прибавить, что цѣна на него съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, такъ какъ запасы смоляной руды понемногу истощаются.

Высокій атомный вѣсъ радія (225), данный м-ше Сигіо, указываетъ на его отличіе отъ барія.

До сихъ поръ мы говорили о добываніи радиоактивныхъ веществъ, объ ихъ лучеспусканіи, о радіи, полоніи и т. д., но не поясняли, что за удивительные лучи испускаютъ эти тѣла, какими особыми свойствами обладаютъ эти вещества, свойствами, которыя, какъ мы упоминали, обѣщаютъ перевернуть большую часть существующихъ физическихъ основъ.

Радій представляетъ по внѣшнему виду порошокъ желтаго цвѣта, который долженъ сохраняться въ постоянно закрытомъ сосудѣ; одна изъ стѣнокъ послѣдняго дѣлается прозрачной, напр. изъ слюды или стекла. При обычномъ освѣщеніи мы не наблюдаемъ никакого особеннаго явленія; но если мы внесемъ радій, заключенный въ трубкѣ, въ темную комнату, то тотчасъ же увидимъ яркій пучокъ лучей, идущихъ отъ радія. Свѣтъ этого пучка замѣчательнъ по своей ровной, неизмѣняемой силѣ. Стеклянная трубка, толщиной въ карандашъ, длиной не болѣе пальца, содержащая на $\frac{2}{3}$ смѣсь изъ хлористыхъ радія и барія, испускаетъ свѣтъ такой силы, что вблизи него является возможность работать, читать и т. п. По этому поводу проф. Пильчиковъ ¹⁾ высказываетъ мнѣніе, что экономическій источникъ свѣта могъ бы считаться найденнымъ, если бы не такая высокая стоимость хлористаго радія, такъ какъ послѣдній свѣтится съ однимъ и тѣмъ же напряженіемъ, независимо ни отъ температуры, ни отъ какихъ-либо другихъ условій. Въ продолженіе цѣлыхъ годовъ онъ не требуетъ никакой энергіи, по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ намъ, и въ то же время даетъ очень сильный свѣтъ совершенно безвозмездно.

Мы видѣли, что лучи радія обладаютъ свойствомъ дѣйствовать на фотографическую пластинку и разряжать наэлектризованные тѣла; къ этимъ

¹⁾ Н. Пильчиковъ, I. а.

двумъ его свойствамъ нужно прибавить еще третье, — способность вызывать флуоресценцію нѣкоторыхъ тѣлъ. Помѣстимъ позади экрана, покрытаго слоемъ платиносиеродистаго барія, нѣсколько миллиграммовъ радія, и мы тотчасъ же увидимъ, что экранъ начинается флуоресцировать. Лучи этого вещества проходятъ черезъ всевозможныя препятствія; толстый слой свинца не мѣшаетъ этимъ лучамъ проникать и вызывать флуоресценцію экрана, находящагося вблизи. М-ше Curie и Laborde ¹⁾ показали, что соли радія являются самостоятельнымъ источникомъ теплоты; и дѣйствительно, ртуть термометра, помещеннаго вблизи соли радія, сильно повышается.

Такъ какъ существуетъ возможность измѣрить количество теплоты, то применили наиболѣе простой способъ по отношенію къ радію, для выясненія этой величины. Найдено было, что въ теченіе часа одинъ граммъ радія выделяетъ 100 малыхъ калорий; иначе говоря, въ теченіе часа радій заставляеть растаять такое же по вѣсу количество льда. Это выдѣленіе тепла въ одномъ и томъ же размѣрѣ происходитъ при всякой температурѣ, какъ низкой, такъ и высокой. А. Debierne строитъ гипотезу о времени возникновенія тепловой энергіи радія. «Очень возможно, говоритъ онъ ²⁾, что выдѣленіе тепловой энергіи относится ко времени образованія минерала, изъ котораго добываютъ радій; это время вычислить невозможно, но оно несомнѣнно превышаетъ цѣлыя тысячи вѣковъ. Одинъ граммъ радія выделяетъ приблизительно 800.000 калорий въ годъ; отсюда слѣдуетъ, что количество тепла, выдѣленное радіемъ со времени его образованія, совершенно невообразимо. Количество выдѣленія этого тепла позволяеть думать, что солнечная энергія, равно какъ и звѣздная, а можетъ быть отчасти и энергія центра земли, происходятъ отъ радиоактивныхъ веществъ; вычисленіе, недавно сдѣланное Wilson'омъ, указываетъ, что присутствіе одного грамма радія на каждую тонну всего состава солнца достаточно, чтобы объяснить все лучеспусканіе этого свѣтила».

Разряженіе радіемъ наэлектризованныхъ тѣлъ объясняется проводимостью воздуха подъ вліяніемъ его лучей. Это явленіе зависитъ отъ образованія положительныхъ и отрицательныхъ іоновъ (воздухъ ионизованъ) ³⁾. Химическія дѣйствія радія поразительны: бумага подъ вліяніемъ его лучей желтѣетъ, стекло окрашивается, бѣлый фосфоръ становится краснымъ, кислородъ воздуха переходитъ въ озонъ и т. п.

При рассмотрѣніи свойствъ урановыхъ солей мы видѣли, что достаточно ихъ присутствія чтобы получить изображеніе на фотографической пластинкѣ; то же самое явленіе, только гораздо менѣе отчетливо, происходитъ при употребленіи радіевыхъ солей. Такимъ способомъ въ послѣднемъ случаѣ получается радіографія. Причина туманности изображенія кроется въ разсѣиваніи лучей радія воздухомъ, появленіемъ вторичныхъ радіацій и т. п.

¹⁾ Comptes Rendus, 16 Mars 1903.

²⁾ Revue générale des Sciences. t. XV, p. 64. 1904.

³⁾ Niewenglowski, Le Radium, p. 62.

При объясненіи этихъ лучей пытались подвести ихъ подъ категорію X-лучей, но вопросъ оказался гораздо запутаннѣе, чѣмъ предполагали. Въ то время, какъ X-лучи не подвержены вліянію магнита, лучи радія сильно ему подчиняются. Извѣстному англійскому физику Rutherford'у при ихъ изслѣдованіи удалось пролить пенного свѣта на это загадочное явленіе, такъ какъ онъ разложилъ эти лучи на 3 группы, которымъ далъ названіе α , β и γ лучей. Лучи α наименѣе отклоняются подъ вліяніемъ магнита; проникновеніе ихъ сквозь различные тѣла очень слабое, даже алюминіевые листки въ нѣсколько миллиметровъ толщиною задерживаютъ ихъ. Предполагаютъ, что это—положительно заряженныя электрическія частицы, обладающія скоростью около 0,05 скорости движенія обыкновеннаго свѣта; ими-то и объясняется явленіе флуоресценціи находящихся на ихъ пути тѣлъ. По своимъ свойствамъ они напоминаютъ такъ называемые «трубчатые» лучи. Лучи β еще менѣе проникаютъ сравнительно съ лучами α и по своимъ особенностямъ напоминаютъ катодные лучи; подъ дѣйствіемъ магнита они отклоняются. По предположенію, они заряжены отрицательнымъ электричествомъ. Движеніе ихъ очень быстро, а содержаніе въ общемъ пучкѣ лучей очень малое. Наконецъ, лучи γ совсѣмъ не отклоняются магнитомъ, отличаются большою проникающею способностью и напоминаютъ X-лучи; они-то и даютъ радію способность дѣйствія на фотографическую пластинку. Свойства лучей γ были открыты P. Villard'омъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, въ этихъ таинственныхъ лучахъ соединились открытія послѣднихъ лѣтъ: свойства «трубчатыхъ», катодныхъ и X-лучей представляются въ отдѣльности 3-мя группами тѣхъ излученій, которыя исходятъ отъ радія; соединяясь же въ одно цѣлое, лучи радія обладаютъ особенностями, которыя совершенно не поддаются никакому объясненію.

Перейдемъ теперь къ новому свойству этого замѣчательнаго вещества,—къ способности его вызывать въ сосѣднихъ съ нимъ тѣлахъ тѣ же особенности и излученія, какими онъ самъ обладаетъ: супруги Curie назвали это свойство наведенной радиоактивностью. Эта наведенная радиоактивность остается въ продолженіе нѣкотораго времени, а затѣмъ мало-по-малу исчезаетъ. Для объясненія этого свойства Rutherford ¹⁾ предположилъ, что изъ радія и вообще радиоактивныхъ тѣлъ выдѣляется матеріальный газъ, который онъ называлъ эманацией. Воздухъ, въ которомъ распространяется эманация, вызываетъ свѣченіе сосѣднихъ тѣлъ; стекло подъ ея вліяніемъ флуоресцируетъ.

Эти эманации не остаются на одномъ мѣстѣ и постепенно переходятъ съ одного тѣла на другое. Rutherford и Soddy ²⁾ показали, что эманации радія и другихъ радиоактивныхъ веществъ сгущаются при температурѣ

¹⁾ Sklodowska-Curie, l. c.

²⁾ Rutherford, Radioactivity. London, 1904.

³⁾ E. Rutherford und F. Soddy. Physikalische Zeitschrift, 1903, № 11.

жидкого воздуха. Эманацией же могут быть объяснены и некоторыя химическія дѣйствія подъ вліяніемъ радія. Ramsay и Soddy показали, что, кромѣ обыкновенныхъ газовъ, эманация содержитъ и гелій, открытый еще въ 1868 г.; эти ученые при помощи спектроскопа доказали участіе гелія въ спектрѣ эманации радія. На этомъ фактѣ интересно остановиться. Радій, какъ было указано, принадлежитъ къ элементамъ съ очень высокими атомными вѣсомъ, гелій же съ очень малымъ. Между тѣмъ въ эманации радія появляется линія гелія. Теорія постоянства атомовъ не согласуется съ полученнымъ фактомъ; отсюда является сомнѣніе въ правильности этой теоріи.

Вернемся къ положенію, высказанному Rutherford'омъ о матеріальномъ строеніи атомовъ радія. Очевидно, что вещество, посылающее такой потокъ матеріальныхъ частицъ, должно вызвать сильное измѣненіе въ тѣхъ тѣлахъ, которыя встрѣчаются на пути этого потока. И дѣйствительно, мы убѣждаемся въ высказанномъ предположеніи.

Направимъ лучи радія на некоторыя предметы. Бумага подъ ихъ вліяніемъ, какъ мы видѣли, желтѣетъ; мало того, она становится ломкой. На живую ткань лучи радія производятъ различное дѣйствіе; во всякомъ случаѣ, общее положеніе таково, что въ определенной дозѣ радій увеличиваетъ жизненную способность тканей. При болѣе сильномъ дѣйствіи онъ становится вредоноснымъ и можетъ повлечь даже за собой гибель организма. Giesel показалъ, что листья желтѣютъ подъ его вліяніемъ, а Matouf указалъ на полное прекращеніе растительныхъ процессовъ при дѣйствіи радія. Pfeiffer и Friedenbergl¹⁾ показали, что бактерии тифа и холеры задерживаются въ своемъ ростѣ въ томъ случаѣ, если подвергать ихъ дѣйствію лучей радія. На чашечку съ тифозной палочкой были направлены эти лучи и въ мѣстѣ ихъ паденія ростъ палочки задерживался. Причина этого явленія могла бы быть объяснена, если бы вслѣдъ за удаленіемъ источника освѣщенія ростъ совершенно бы прекращался; между тѣмъ, стоитъ отвести лучи радія, палочка начинаетъ произрастать. Danysz показалъ, что даже кратковременное дѣйствіе радія на нервные центры мышей и кроликовъ влечетъ за собою параличъ, а вслѣдъ за тѣмъ и смерть животного. Человѣкъ также подверженъ дѣйствію этихъ излученій. Первымъ испыталъ это на себѣ французскій физикъ Becquerel: концы его пальцевъ, которыми онъ постоянно работалъ съ составами радія, сдѣлались страшно твердыми и болѣзненными. Это воспалительное состояніе продолжалось около 2 недѣль и закончилось паденіемъ кожи, покрывавшей поврежденные мѣста. Супруги Curie также испытали подобное же дѣйствіе радія. Giesel помѣстилъ на своей рукѣ соль радія, завернутую въ целлулоидный листокъ; послѣ двухъ часовъ испытанія показалась краснота, — и только 2 недѣли спустя, произошло на этомъ мѣстѣ воспаленіе. Это разрушительное дѣйствіе радія, проявляющееся спустя довольно долгое время, было испытано еще разъ

¹⁾ Berl. Klin. Wochenschrift, 1903, № 28.

Вескетел'емъ. Онъ поместилъ въ карманъ жилета нѣсколько дециграммовъ хлористаго радія, которые были заключены въ трубочку, закрытую со всѣхъ сторонъ. Эта соль радія находилась въ продолженіе 6 часовъ на экспериментаторѣ. Черезъ 9 дней замѣтили на тѣлѣ, на мѣстѣ кармана, небольшое красное пятно, которое постепенно усиливалось, давая изображение сосуда, содержавшаго соль радія; затѣмъ появился пузырекъ, лопнувшій черезъ нѣкоторое время, а вслѣдъ за нимъ язва съ омертвѣвшими тканями. Только спустя 49 дней рана закрылась, оставивъ слѣдъ, который былъ ясно видѣнъ 2½ года послѣ опыта. Это дѣйствіе лучей радія на кожу побудило многихъ врачей воспользоваться имъ при тѣхъ язвахъ и болязняхъ, которыя не поддавались до сихъ поръ никакому лѣченію. Особенно много страданій причиняетъ человечеству волчанка (lupus): при этой болязни появляются страшныя язвы, не поддававшіяся до сихъ поръ никакимъ употребляемымъ противъ нихъ средствамъ. Исслѣдованія о благопріятномъ дѣйствіи радія, какъ медицинскаго средства, еще не закончены; но во всякомъ случаѣ они даютъ надежду на возможность болѣе успѣшнаго лѣченія. Одинъ изъ изслѣдователей, докторъ Blandamour, ¹⁾ приводитъ въ своемъ трудѣ подробное описаніе метода, практиковавшагося при этомъ.

Радиоактивное вещество, въ видѣ порошка, находилось въ маленькомъ мѣшечкѣ (sachet) изъ каучука или целлулоида, правильной формы, при чемъ толщина этого мѣшечка была около 2—3 миллиметровъ. При лѣченіи пользовались двумя различными методами: 1) методъ короткихъ, но повторяющихся сеансовъ, и 2) методъ продолжительныхъ сеансовъ. 2-й методъ былъ болѣе употребляемъ. Лѣченіе явно распадалось на три фазы. Въ первой появляется краснота, во второй нагноеніе, третья заключается въ зарубцованіи раны. Преимущества при лѣченіи радіемъ заключаются въ большой скорости его вліянія и въ простотѣ метода лѣченія. Изъ другихъ физиологическихъ дѣйствій лучей этого вещества наиболѣе замѣчательно его вліяніе на органъ зрѣнія. Если приблизить къ глазу, въ темнотѣ, небольшое количество соли радія, заключенной въ непроницаемый ящикекъ, то лицо, къ которому поднесенъ этотъ составъ, получаетъ ощущеніе яркаго свѣта. Объясняется это тѣмъ, что всѣ составныя части глаза дѣлаются фосфоресцирующими и такимъ образомъ вызываютъ на ретинѣ впечатлѣніе свѣта. Пробовали производить тотъ же опытъ со слѣпыми, но результаты, полученные до сихъ поръ, не вполнѣ опредѣлялись. Нужно признать, что до этого времени детальной разработки благотворнаго вліянія радія въ медицинѣ еще нѣтъ; только при тщательномъ изученіи вліянія каждаго изъ его составныхъ лучей въ отдѣльности, можно будетъ придти къ окончательному выводу.

Вотъ какова огромная будущность и въ біологіи, и въ медицинѣ открытія радія и вообще всѣхъ радіевыхъ солей; можетъ быть, они помогутъ человечеству въ борьбѣ съ тѣми страшными болязнями, которыя уносятъ ежегодно десятки тысячъ жертвъ.

¹⁾ A. Blandamour. Traitement de lupus par le Radium. Paris.

Такъ какъ радій и его свойства представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ нѣчто особенное, то стали предпринимать изысканія, съ цѣлью нахождения радія въ землѣ, въ окружающемъ пространствѣ. Elster и Geitel при изслѣдованіи состава атмосфернаго воздуха пришли въ заключенію, что онъ содержитъ въ себѣ радиоактивное вещество; также было найдено присутствіе радиоактивныхъ тѣлъ на глубинѣ, въ нѣдрахъ земли. Присутствіе повсюду радиоактивныхъ свойствъ заставило предположить, что воздухъ также радиоактивенъ. Тогда только стало понятно явленіе, происшедшее при изслѣдованіи солей урана: при обработкѣ ихъ химическимъ путемъ было получено соединеніе, названное «уранъ X» и обладающее всеми свойствами первоначальнаго урана; между тѣмъ остатки послѣдняго совершенно утратили свои свойства и, спустя нѣкоторое время, опять получили ихъ. Очевидно, источникъ, изъ котораго оставшіяся уранъ почерпалъ свою утраченную энергію, радиоактивность, былъ окружающій воздухъ. Тогда же было принято изслѣдованіе съ цѣлью узнать, теряетъ ли радій что-либо при своемъ излученіи, и нѣкоторые ученые пробовали опредѣлить время, нужное для уничтоженія одного грамма радія. Колоссальныя цифры, приводимыя при этомъ, указывали на то, что его уничтоженіе слишкомъ ничтожно сравнительно съ необходимымъ временемъ.

Таковы тѣ основныя положенія и открытія, которыя существовали въ наукѣ по этому вопросу вплоть до 1904 г. Посмотримъ, что же далъ намъ въ этомъ отношеніи истекшій годъ.

II.

Среди тѣлъ, открытыхъ въ одно время съ радіемъ и наиболѣе напоминающихъ его по своимъ дѣйствіямъ, находился, какъ было упомянуто, активій, открытый Debierne-омъ. Мы видѣли, что выдѣленіе активія, послѣдняго изъ найденныхъ вмѣстѣ съ радіемъ минераловъ, сопряжено съ большими трудностями. Debierne и въ 1904-мъ году продолжалъ свои изслѣдованія съ этимъ новымъ радиоактивнымъ тѣломъ и сообщаетъ новыя интересныя факты своихъ послѣднихъ наблюденій ¹⁾. Характеризуется активій испускаемой имъ эманацией; эта послѣдняя легко выдѣляется, и дѣйствіе, производимое ею, гораздо больше того, которое производится всякимъ другимъ радиоактивнымъ тѣломъ, конечно, за исключеніемъ радія. Эманация активія вызываетъ, что вполне естественно, фосфоресценцію различныхъ соединеній, напр. сѣрнистаго цинка. Ослабленіе эманации характеризуется, кромѣ того, быстрой потерей половины ея приблизительно по истеченіи 4 секундъ (3,9), а потеря наведенной радиоактивности отъ эманации активія въ половинномъ размѣрѣ происходитъ въ теченіи 40 минутъ.

Половій, открытый супругами Curie, вызвалъ оживленную полемику

¹⁾ C. R., t. CXXXIX, p. 538. 1904

между двумя английскими физиками Markwald'омъ и Soddy ¹⁾. Markwald'омъ было найдено новое радиоактивное вещество, названное радио-теллуріемъ. Soddy упрекаетъ Markwald'a въ новомъ названіи и указываетъ на необыкновенное сходство этой субстанціи съ полученной m-me Curie. Исторія, по словамъ Markwald'a, такова: вскорѣ послѣ открытія полонія супругами Curie, Giesel нашелъ, послѣ ряда изслѣдованій, такую же субстанцію, какъ и полоній Curie; радиоактивность ея была почти утрачена, и поэтому Giesel характеризовалъ ее, какъ индуктированно активный висмутъ. Сами Curie, послѣ опубликованія перваго сообщенія Markwald'a по этому вопросу, опредѣляли полоній, какъ «родъ активного висмута». Вещества Giesel'я и Curie, судя по ихъ сообщеніямъ, отличались по двумъ пунктамъ: полоній Giesel'я посылаетъ лучи α и β и ихъ активность теряется почти черезъ нѣсколько недѣль; между тѣмъ, какъ полоній Curie посылаетъ только α лучи, и большая часть ихъ активности теряется въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ последнее время Giesel показалъ, что висмутъ, погруженный въ растворъ чистаго бромистаго радія, можетъ оставаться постоянно активнымъ (съ тѣмъ Markwald не согласенъ) и посылать только α лучи. Значитъ, достоверно существуетъ наведенно активный висмутъ, испускающій только α лучи, и онъ можетъ быть точно названъ полоніемъ. Это и есть полоній Curie. Затѣмъ существуетъ, какъ мы видѣли, полоній Giesel'я, посылающій α и β лучи. Вотъ въ этомъ то послѣднемъ полоніи, полоніи Giesel'я, Markwald нашелъ слѣды новаго радиоактивнаго вещества и показалъ, что послѣ ихъ удаленія, оставшаяся субстанція энергично посылаетъ β -лучи, радіаціи же α уменьшаются. Вещество это было получено изъ Іоакимсталъской смоляной руды другимъ способомъ, совершенно отличнымъ отъ метода m-me Curie для добыванія ея полонія. Найдено было вещество, схожее съ теллуріемъ, но сильно активное; по этой причинѣ Markwald «на время» назвалъ его радио-теллуріемъ. Можно видѣть изъ этого сообщенія, что идея, ассоціируемая съ именемъ полонія, чрезвычайно неопредѣленна и различна.

Открытія новыхъ радиоактивныхъ веществъ не мѣшали детальному изученію уже извѣстныхъ свойствъ радія. Изъ этихъ свойствъ остановимся прежде всего на новыхъ фактахъ, открытыхъ въ явленіи наведенной радиоактивности.

Наведенная радиоактивность, сущность которой изложена въ предыдущей главѣ, заинтересовала многихъ физиковъ своими особенными свойствами и вызвала дѣятельную работу по этому вопросу. Изъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, интересно полученное Debierne-омъ ²⁾. Онъ замѣтилъ, что явленіе наведенной радиоактивности, зависящее отъ присутствія радиоактивнаго тѣла, активна, отличается отъ подобныхъ тѣхъ же явленій, имѣющихъ своей причиной радій или торій.

¹⁾ Nature, Vol. 69, № 1794, 1904.

²⁾ C. R., t. CXXXVIII, p. 411, 1904.

Эта разница, по мнѣнію изслѣдователя, зависитъ отъ скорости истеченія эманации. При изслѣдованіи эманации радія было найдено, что она уменьшается вполовину за 4 дня, въ то время какъ таковая же активія, уменьшается во столько же разъ по истеченіи 4 секундъ. Отсюда ясно, какую огромную энергію заключаетъ въ себѣ радій сравнительно съ активіемъ. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ вліянія эманации радія была замѣчена быстрая потеря наведенной активности платиновой пластинки, нагрѣтой до очень высокой температуры той же эманацией¹⁾. По сообщенію Miss Gatis, эта активность переносится тогда на тѣла, сосѣднія съ нагрѣваемымъ. Опыты вообще показываютъ, что наведенная радиоактивность измѣняется при измѣненіи температуры.

Особенно изумительное явленіе наведенной радиоактивности видимъ въ сообщеніи итальянскаго физика Chistoni²⁾. 22 марта 1904 г., въ долину рѣки По, разразился сильнѣйшій ураганъ, сопровождавшійся исключительно большимъ числомъ молній. Въ окрестностяхъ Staggia (20 километровъ отъ Модены къ сѣверо-востоку) въ теченіе 10 минутъ было около 19 разрядовъ молній. Одна изъ нихъ въ 4 ч. 10 м. упала на колокольню церкви въ этомъ поселеніи, разрушила ея верхушку и часть самой церкви. 15 мая авторъ сообщенія былъ на мѣстѣ явленія и замѣтилъ слѣды молній, доходящія до земли. Это явленіе дало мѣсто возникновенію сильнаго магнитнаго поля; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ паденія молніи температура была очень высока. Затѣмъ были найдены каменные плитки со слѣдами плавленія. Chistoni явился тогда во второй разъ съ нѣсколькими приборами и, между прочимъ, съ электроскопомъ Эклеръа. При сообщеніи электроскопу положительнаго заряда, а вслѣдъ затѣмъ при поднесеніи расплавленной плитки, было замѣчено быстрое опаденіе золотыхъ листковъ, почему для болѣе тщательнаго изслѣдованія эти плитки были взяты въ Модену. Затѣмъ опытъ велся слѣдующимъ образомъ: верхнюю пластинку электроскопа составлялъ тонкій мѣдный дискъ, а на разстояніи $3\frac{1}{2}$ сантиметровъ выше находилась ровная поверхность, соединенная съ землей. Въ этотъ промежутокъ поимѣшался расплавленный уголь плитки, и тотчасъ же листки электроскопа опадали. Это можно было объяснить только явленіемъ радиоактивности. Для того, чтобы убѣдиться, что дѣйствительно только расплавленная часть производила дѣйствіе, изслѣдователь раздѣлилъ камень на 2 части: нетронутую и расплавленную. Первая не производила никакого дѣйствія, отъ второй же листки опадали. Радиоактивность эта, по мнѣнію автора замѣтки, наведенная; она оставалась около 20 дней. Открытіе этого явленія даетъ Chistoni поводъ для указанія на полное несовершенство нашихъ знаній въ области метеорологіи и вообще естественныхъ наукъ.

Работы Elster'a и Geitel'a показали, какъ мы видѣли, что атмосферныя

¹⁾ P. Curie et G. Danne. C. R., I. c., p. 748.

²⁾ Atti della R. Accademia dei Lincei, 1904, F. 10

газы, равно какъ и вышедшіе изъ земли, отличаются способностью вызывать наведенную радиоактивность. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ было найдено, что даже воды изъ источниковъ отличаются тѣми же особенностями, но въ болѣе ясной формѣ. Последнія наблюденія въ этомъ направленіи показали, что эти явленія зависятъ отъ присутствія въ газахъ эманациі, аналогичной той, которая выделяется радіемъ ¹⁾. Исслѣдователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ, изучали радиоактивный газъ, выделяющійся изъ большинства источниковъ, и нашли, что количество найденныхъ въ нихъ эманаций радія было очень мало. Вопросъ объ эманациі, играющей такую роль во всѣхъ опытахъ съ радіемъ, вызвалъ вполне естественно, живой обменъ мыслей; среди мнѣній, высказанныхъ по этому поводу, особенно интересны слова извѣстнаго англійскаго химика W. Ramsay'я ²⁾.

„Для характеристики какой-нибудь среды, говоритъ онъ, ищутъ всегда ея частныхъ свойствъ, ея дѣйствія, ея мѣсто въ пространствѣ и ея измѣненія. Если состояние газообразно, то его обращаютъ въ жидкость сгущеніемъ; если же оно твердое, то его обращаютъ нагрѣваніемъ въ паръ; наконецъ, стараются охарактеризовать среду спектромъ. Названія: эманациі и истеченія, приложенныя къ явленію радиоактивности, заключаютъ въ себѣ, нужно признать, что-то таинственное и неприкосновенное“. Въ дальнѣйшемъ авторъ приведеннаго сообщенія указываетъ, что прежде приписывали истеченіе атмосферному воздуху; говорили объ эманацияхъ, земныхъ магнитныхъ, звѣздныхъ, называли все терминами, приложимыми къ необъяснимымъ явленіямъ. Опыты убѣдили, наконецъ, что эманациі, идущія отъ радія, заключаютъ въ себѣ свойства настоящаго газа, слѣдующаго закону Бойль-Мариотта и заключающаго въ себѣ насыщенный паръ, при температурѣ кипѣнія атмосфернаго воздуха. Было измѣрено количество эманациі, идущей отъ бромистаго радія въ определенное время, и нашли положеніе спектральныхъ ея линий, наиболѣе свѣтящихся. Спектръ этого радія напоминаетъ спектръ газовъ серіи аргона. Эманациа эта безъ химическаго дѣйствія; Ramsay предложилъ назвать ее exradio.

Эманациа же вызвала изслѣдованіе о вліяніи ея на животныхъ. Для этой цѣли изслѣдователи пользовались мышами ³⁾. Последнія помѣщались въ закрытомъ пространствѣ, причемъ воздухъ, которымъ онѣ дышали, былъ обильно снабженъ эманацией; при этомъ старались смѣнять воздухъ такимъ образомъ, чтобы по возможности эманациа не терялась. По истеченіи часа или болѣе дыханіе животныхъ становится короткимъ, животное свертывается клубкомъ и остается неподвижнымъ; нѣсколько времени спустя, оно впадаетъ въ сонливость, частота дыханій уменьшается, и въ минуту смерти не наблюдается болѣе 6—10 дыханій въ минуту. Живот-

¹⁾ P. Curie et A. A. Laborde C. R., 1. c., p. 1150.

²⁾ 1. c., p. 1388.

³⁾ 1. c., p. 1384. P. Curie, Ch. Bouchard.

ныя, павшія отъ дѣйствія эманациі, имѣють радиоактивныя ткани, при чемъ максимумъ радиоактивности находится въ шерсти. Такимъ образомъ было установлено ядовитое дѣйствіе эманациі радія.

Работы надъ радиоактивными эманациями не установили еще точнаго взгляда на ихъ внутренній составъ. Нѣкоторые физики предполагали, что это слѣды атомовъ, посылавшихъ α лучи. Мы знаемъ, что α лучи заряжены, по предположенію, положительнымъ электричествомъ; очевидно, если вѣрно предположеніе о природѣ эманаций, то онѣ должны быть наэлектризованы, и при томъ положительно. Много изслѣдователей занялось этимъ вопросомъ, между прочими и Rutherford ¹⁾. Пользуясь для своего опыта эманацией торія, онъ пришелъ къ заключенію, что означенная эманация не наэлектризована, такъ какъ скорость ея гораздо ниже скорости электрическаго заряда; то же заключеніе было подтверждено и при опытахъ съ эманацией радія ²⁾. Тѣмъ же вопросомъ занялся Becquerel ³⁾, который высказалъ гипотезу, что дѣйствительно эманация состоитъ изъ положительныхъ іоновъ, посылаемыхъ радиоактивнымъ тѣломъ. Такое разногласіе побудило многихъ ученыхъ обратить вниманіе на этотъ вопросъ: Mc Clland ⁴⁾ въ Англіи и Battelei ⁵⁾ въ Италіи предприняли рядъ наблюденій и, послѣ упорнаго труда, пришли къ заключенію, что эманациі радія не наэлектризованы. Второй изъ указанныхъ физиковъ, совмѣстно съ другимъ итальянскимъ изслѣдователемъ, дѣлають выводъ, что эманациі радиоактивныхъ субстанцій, по всей вѣроятности, не представляютъ изъ себя остатковъ атомовъ, посылавшихъ положительные іоны, и не составлены изъ послѣднихъ ⁶⁾.

Французскій физикъ, Gustave Le Bon, извѣстный своими трудами въ области послѣднихъ открытій, считаетъ эманацию субстанціей полуматеріальной ⁷⁾. Причина этого, по мнѣнію Le Bon'a, заключается въ томъ, что эманация въ одно и то же время является субстанціей (съ особенными свойствами) и матеріальныхъ тѣлъ, и тѣхъ, которыя уже перестали быть таковыми. Эта излучающаяся субстанція съ трудомъ можетъ быть удержана въ закрытой со всѣхъ сторонъ стеклянной трубкѣ въ теченіе очень непродолжительнаго времени; она скоро исчезаетъ, перестаетъ быть матеріальной и, по предположенію французскаго физика, трансформируется въ электрическія частицы. Эти электрическія частицы составлены изъ положительныхъ іоновъ, они являются слѣдствіемъ α —лучей Rutherford'a. Ramsay въ последнее время показалъ, что эманация даетъ въ спектрѣ линію гелія; но этотъ гелій совершенно отличенъ отъ обыкновеннаго, такъ какъ не можетъ быть удержанъ въ закрытыхъ пространствахъ, въ противоположность на-

¹⁾ Philos. Magaz., 1901, 49, 1.

²⁾ I. c., 1903, 5, 95.

³⁾ C. R., t. CXXXIII, 1901, p. 977.

⁴⁾ Phil. Magaz., 1904, 7, 355.

⁵⁾ Atti della R. Accad., 1904, F. 10.

⁶⁾ I. c.

⁷⁾ Revue scientifique, 1904, № 20.

стоящему газу. Всѣ опыты съ эманацией доказывали, по мнѣнію Le Bon'a, очень малое участіе въ нихъ явленій электричества.

Эманация радія, какъ было упомянуто, была открыта Rutherford'омъ; ему же обязаны раздѣленіемъ пучка лучей радія на 3 группы: α , β и γ лучей. Лучи эти въ отдѣльности также подверглись за прошлый годъ самостоятельному изученію, въ особенности лучи α и γ . Лучи— α , какъ показало Rutherford ¹⁾, заряжены положительно; степень ихъ проникаемости исследовалась и раньше, но въ этомъ году доказано опытнымъ путемъ поглощеніе ихъ газами и твердыми тѣлами ²⁾. Затѣмъ Paschen ³⁾ описалъ опыты, въ которыхъ толстый кусокъ свинца, содержащій внутри себя радій, посылалъ отрицательно заряженныя частицы, которыя могли быть отклонены въ магнитномъ полѣ. При точномъ исследованіи Paschen пришелъ въ выводъ, что имѣ были отклонены γ -лучи, считавшіеся до сихъ поръ, подобно X-лучамъ, неотклоняемыми подѣ дѣйствіемъ магнита. Такое противорѣчіе побудило одного изъ англійскихъ физиковъ, Eve ⁴⁾, предпринять повѣрку работы Paschen'a, и, дѣйствительно, оказалось, что отклоняемые лучи были не γ , испускаемые радиоактивными тѣлами, а какіе-то новые лучи, такъ какъ были поглощаемы свинцомъ въ одинъ миллиметръ толщины; впоследствии было найдено, что явленіе, подмѣченное Paschen'омъ, было обязано дифференцированнымъ вторичнымъ радіациямъ, возникшимъ отъ γ -лучей въ свинцѣ.

Дѣйствія радія на различныя тѣла изучались въ продолженіе прошлаго года во многихъ лабораторіяхъ; изъ такихъ исследований отмѣтимъ интересное сообщеніе Stroud'a о полученіи, при помощи радія, рисунковъ отдѣльных частей въ рельефахъ монетъ ⁵⁾. Монета или другой предметъ помѣщается совершенно вплотную съ фотографической пластинкой, которая заключена въ кассету, не пропускающую свѣта. Нѣсколько миллиграммовъ бромистаго радія, заключеннаго въ обыкновенную, покрытую слюдой, коробочку, были положены на нѣкоторомъ разстояніи передъ чувствительной пластинкой, причемъ все было оставлено въ такомъ положеніи на нѣсколько дней. Послѣ проявленія было найдено, что получился ясно очерченный рисунокъ тѣхъ частей рельефа, которыя принадлежали нижней сторонѣ монеты. Такіе контуры частей рельефа получились отъ серебряныхъ монетъ ($\frac{1}{2}$ кроны, 3 пенса) и отъ имени, выгравированнаго на перламутровой печати. Время экспозиціи было 10 дней.

Также интересно сообщеніе Askrovd'a ⁶⁾ о вліяніи лучей радія на степень окисляемости молока. По мысли O. Lodge'a, исследователь сдѣлалъ рядъ опытовъ, сравнивая степень окисляемости этого продукта въ продолже-

¹⁾ Rutherford, Radioactivity, 1904, стр. 115—141.

²⁾ H. A. Wilson, Nature, vol. 70, № 1805, 1904.

³⁾ Paschen, Annalen der Physik, 4, 5. 1904.

⁴⁾ A. G. Eve. Nature, vol. 70, № 1819. 1904.

⁵⁾ Nature, v. 69, № 1798, 1904.

⁶⁾ I. c., v. 70, № 1803, 1904.

ние 2 и 3-х дней, причемъ бромистый радій въ количествѣ 5 миллиграммовъ былъ заключенъ въ коробочку и непрерывно дѣйствовалъ на молоко; выводъ, полученный Askrovd'омъ, склоняется въ пользу того, что при нормальныхъ условіяхъ лучи радія или не имѣютъ вовсе вліянія на степень окисляемости, или же, во всякомъ случаѣ, очень малое.

Лучи радія постоянно сравниваютъ, по ихъ свойствамъ, съ лучами Röntgen'a; одно изъ такихъ сравненій сдѣлано Stefanini и Magri ¹⁾. Электрическая искра, какъ извѣстно, подвержена вліянію X-лучей; это вліяніе очень сложно и зависитъ отъ формы, разстоянія и другихъ причинъ. Этимъ вопросомъ занималась многіе физики, среди которыхъ мы встречаемъ имена Hertz'a, Elster'a и Geitel'a и др.; общаго положенія эти ученые не дали. Stefanini и Magri производили свои изслѣдованія съ бромистымъ радіемъ. Результаты этихъ изслѣдованій были слѣдующіе: между сферической положительной поверхностью и отрицательнымъ дискомъ, при небольшомъ разстояніи, радій облегчаетъ искрѣ прохожденіе черезъ воздухъ, но при болѣе далекихъ разстояніяхъ мѣшаетъ ей, причемъ въ послѣднемъ случаѣ радій вліяетъ на положительный электродъ. Но особенно поразительное сообщеніе о вліяніи радія мы почерпаемъ изъ рѣчи знаменитаго англійскаго ученаго W. Crookes'a, о вліяніи радія на брилліантъ ²⁾: «Если брилліанты входятъ въ соприкосновеніе съ радиоактивной средой въ безвоздушномъ пространствѣ, то они фосфоресцируютъ различнымъ образомъ и принимаютъ темный цвѣтъ, переходящій въ черный, при продолжительномъ на нихъ дѣйствіи. Нѣкоторые брилліанты чернѣютъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, другіе требуютъ для этого окрашиванія нѣсколькихъ часовъ. Это почернѣніе обыкновенно поверхностное; достаточно полировки его брилліантовымъ порошкомъ, чтобы достигнуть полной очистки. Фактъ, что темная краска не появляется при обыкновенно дѣйствующихъ окислахъ, доказываетъ, что въ данномъ случаѣ почернѣніе не является слоемъ аморфнаго углерода, а скорѣе, можетъ быть, графитомъ, который болѣе сопротивляется окисленію. Но это явленіе второстепенное; гораздо важнѣе и замѣчательнѣе тотъ фактъ, что въ присутствіи радія брилліантъ сильно фосфоресцируетъ, и это продолжается все время опыта. Благодаря сильному колебанію внутреннихъ частицъ, получается измѣненіе въ цвѣтѣ брилліанта. Измѣненіе окраски должно быть важно для торговли, такъ какъ этимъ свойствомъ можно пользоваться для отличія настоящаго брилліанта отъ поддѣльнаго».

Такъ различны дѣйствія лучей радія: они имѣютъ примѣненіе въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ физики, а теперь вліяніе ихъ переходитъ уже въ область общихъ интересовъ. Не удивительно, что слѣды радія и радиоактивности отыскиваются въ новыхъ соединеніяхъ, минералахъ и тѣлахъ. Такого рода опыты предпринимались всюду. Разсмотримъ наиболѣе интересныя.

¹⁾ Atti della R. Accademia, 1904, F. 6.

²⁾ Nature, v. 70, № 1809, 1904.

Elster и Gettel указали на существованіе радиоактивности въ лечебной грязи «Fango», итальянскаго купальнаго мѣстечка Battaglia. Проф. Борнхатъ ¹⁾ заинтересовался этимъ открытіемъ и предпринялъ рядъ изслѣдованій надъ грязями различныхъ мѣстностей Россіи. Опыты его увѣчались успѣхомъ; изъ грязей, подвергшихся тщательному изслѣдованію, двѣ оказались сильно радиоактивными: одна изъ нихъ была взята на Одесскомъ Куляницкомъ лиманѣ, другая похъ Аренсбургомъ на о-вѣ Эзель. Первая оказалась гораздо болѣе радиоактивной, чѣмъ вторая. Такое же изслѣдованіе надъ химической природой грязей и водъ «Abaño» было предпринято Pellini ²⁾, причемъ пѣлюю этихъ наблюденій было отысканіе урана и радія.

Путемъ химическихъ соединеній былъ полученъ сильно активный осадокъ; при этихъ же изслѣдованіяхъ оказалось, что грязи Abaño активнѣе грязей Battaglia. Интересная по своимъ работа результатамъ была сдѣлана нѣмецкимъ физикомъ Knett'омъ, трактующая о неясномъ содержаніи радія въ Карлсбадскихъ источникахъ ³⁾. Карлсбадскіе воды содержатъ такое небольшое количество баріевыхъ соединеній, что даже химически-аналитическимъ путемъ не удалось отыскать слѣдовъ барія. Тѣмъ не менѣе, за довольно продолжительное время, было получено достаточное количество кристалловъ серно-кислаго барита ($BaSO_4$) изъ разсѣлихъ источниковъ и на пути прохожденія самого ключа; такъ, напр., въ Felsenquelle, Mühlbrunnquelle и друг. Авторъ этого сообщенія предпринялъ изслѣдованіе радиоактивности этой формации. Кристаллы барита этихъ источниковъ представляютъ собой минералъ въ 2—6 миллиметровъ длины и $\frac{1}{4}$ —1 миллим толщины; цвѣтъ ихъ приблизительно желтый. Большая часть кристалловъ, съ общимъ вѣсомъ въ 500 граммовъ, найденныхъ за періодъ 1901—1904 г., были собраны изслѣдователемъ. Всѣ эти кристаллы оказались въ большей или меньшей степени радиоактивными; отсюда уже возникло предположеніе о радиоактивности водъ въ самыхъ Карлсбадскихъ источникахъ. Означенные кристаллы, послѣ того, какъ находились въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ на свѣтоточувствительной пластинкѣ, дали очень ясное изображеніе; но при этомъ случилось чрезвычайно важное обстоятельство: чѣмъ дольше экспозиція, тѣмъ яснѣе дѣйствіе. Уже черезъ нѣсколько дней лучи эти были такой силы, что могли проникать черезъ листки мѣди, цинка, кадмія и т. п., а черезъ недѣлю даже черезъ фарфоръ. Но не всѣ кристаллы обладаютъ одинаково сильной радиоактивностью. Knettъ приходитъ къ выводу, что существуютъ бариты активные, содержащіе радій, и неактивные, безъ него; первые, какъ совершенно новый минералъ, Knettъ предлагаетъ назвать Radiobarut (радиобаритъ).

Карлсбадскіе радиобариты, которые по всѣмъ наблюденіямъ представляютъ несомнѣнно естественный продуктъ большаго количества воды

¹⁾ Nature, v. 70, № 1807, 1904.

²⁾ Atti del. R. Accad. 1904, F. 5. (R. Nasini).

³⁾ Sitzungsberichte d. k. Akademie der Wissenschaften, B. CXIII, H. VI, 1904, s. 70.

указывают на неизвестное до сих пор существование радиоактивной субстанции въ Карлсбадскихъ источникахъ; отсюда уже можно заключить, что въ этихъ источникахъ находится радій. На это предположение наводитъ и то обстоятельство, что Карлсбадскіе источники лежатъ между Іоахимсталемъ и Шлагенвальдомъ, известными своими радиоактивными богатствами, благодаря присутствію смоляной руды. Здѣсь является возможность опровергнуть мнѣніе m-me Curie, высказанное въ ея работѣ, что «всѣ радиоактивные минералы содержатъ уранъ или торій»; въ данномъ случаѣ полученъ радиоактивный минералъ, безъ присутствія урана или торія. Въ этомъ же направленіи продѣланы были опыты съ неочищеннымъ петролеумомъ; Burton получалъ очень радиоактивный газъ. Воздухъ, черезъ который проходилъ этотъ необработанный петролеумъ, оказался заряженнымъ радиоактивной эманацией. Mac Leppan ¹⁾ произвелъ изслѣдованіе съ воздухомъ въ окрестностяхъ восточнаго Онтарио, около Ніагарскаго водопада, близъ города Brantford'a; повсюду содержалась радиоактивная эманация. Skinner'омъ было продѣлано изслѣдованіе глинозема, находящагося въ Лондонѣ; послѣдній оказался радиоактивнымъ, а лежащая подъ нимъ почва этимъ свойствомъ не обладала: очевидно глиноземъ, задерживалъ радиоактивность ²⁾. Въ дополненіе къ этому вопросу, о содержаніи радія, кромѣ различныхъ тѣлъ, и въ землѣ можно указать на работу Hilmstedt'a ³⁾, въ которой высказывается предположеніе о радіи, какъ о составной части нѣдръ земли; изслѣдователь пытается этимъ воспользоваться для объясненія появленія тепловыхъ источниковъ. Liebenow ⁴⁾ по этому поводу говоритъ, что даже небольшимъ количествомъ радія можно уже объяснить постоянно поддерживаемую температуру земли.

Ясно, что многочисленныя и въ высшей степени замѣчательныя свойства радія должны были вызвать опять вопросъ: какъ продолжительно его существованіе? По этому поводу высказано нѣсколько интересныхъ предположеній, и мы постараемся указать на нѣкоторые изъ нихъ. Гелій, какъ мы видимъ, является результатомъ распада на составныя части атома радія. Rutherford показалъ, что радій аналогиченъ первымъ продуктамъ распада на составныя части особаго вида урана и торія, такъ называемыхъ „уранъ Х“ и „торій Х“ и даже въ большей степени, чѣмъ сами первоначальные элементы. Въ своей книгѣ о радиоактивности Rutherford ⁵⁾ даетъ указаніе на то, что въ самомъ уранѣ можно найти зародышъ радія. Принявъ это положеніе за исходный пунктъ своей работы, Whetnam ⁶⁾, совместно со своей женой, отыскивалъ слѣды эманціи радія въ найденныхъ нетронутыми образчиками окисей и солей химически чи-

¹⁾ Nature, Vol. 70, № 1807, 1904.

²⁾ I. c., № 1823.

³⁾ Physik. Zeitschrift, № 5, 1904.

⁴⁾ I. c., № 20.

⁵⁾ Rutherford, Radioactivity, 1904.

⁶⁾ Nature, Vol. 70, № 1801, 1904.

стаго урана. Между прочимъ, они изслѣдовали образчики составного урана, сохранявшіеся нетронутыми отъ 25 до 70 лѣтъ. Замѣчательное явленіе: при этихъ опытахъ было получено больше эманации отъ болѣе старыхъ кусковъ, чѣмъ отъ новѣйшихъ. Казалось бы, что недавно выдѣленное тѣло заключаетъ въ себѣ больше энергіи и способности испускать эманацию, чѣмъ давно сохраняющійся въ лабораторіи образчикъ окиси урана; между тѣмъ наблюдается фактъ совершенно противоположный! Не удивительно, что изслѣдователь самъ не довѣряетъ своему опыту и проситъ интересующагося этимъ вопросомъ произвести подобный уже опытъ и сообщить ему о результатахъ изслѣдованія.

Мы упоминали въ предыдущей главѣ о колоссальности цифръ, даваемыхъ для средней продолжительности существованія атома радія; познанимся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Rutherford опредѣляетъ эту продолжительность въ 500 лѣтъ; Becquerel и Curie идутъ гораздо дальше, и даютъ огромныя цифры въ миллионъ лѣтъ. По вычисленіямъ Rutherford'a, въ теченіе одного года 1 граммъ радія теряетъ $\frac{1}{4}$ миллиграмма. Ramsay и Soddy даютъ другую величину для степени потери радія—въ $\frac{1}{1000}$ всей массы въ годъ, но при этомъ средняя продолжительность существованія атома радія возрастаетъ до 1000 лѣтъ. Этими предположеніями и вычисленіями воспользовался Joly ¹⁾, который выводитъ изъ приведенныхъ гипотезъ рядъ интересныхъ слѣдствій. Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы быстрое уничтоженіе радія привело его къ существующему теперь на землѣ количеству. Признавая существованіе большого количества радія нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, мы должны придти къ выводу, что земля была раскалена докрасна уже въ предѣлахъ историческаго времени по причинѣ страшной тепловой энергіи радія. Но это невозможно. Поэтому приходится допустить: или что степень замѣченныхъ измѣненій не должна быть приимяема къ радію, находящемуся въ землѣ, а только къ тому, который выдѣленъ химическимъ путемъ изъ смоляной руды, или же, что настоящая жизнеспособность радія зависитъ отъ постоянного пополненія его же субстанціи изъ окружающей среды. Joly склоненъ принять второе предположеніе. Среднюю продолжительность существованія атома радія нашъ авторъ даетъ огромную—въ 10.000 миллионъ лѣтъ. Но, очевидно, въ такомъ случаѣ, что подобное количество лѣтъ должно было уже пройти до нашего времени; и не удивительно, поэтому, что такой результатъ вызываетъ у Joly восклицаніе: „Геологическое время, какъ мы его понимаемъ, является не болѣе, какъ моментомъ въ этой огромной эпохѣ, подобно тому, какъ 36 секундъ ничтожны по отношенію къ часу!...“

Наконецъ Touchet ¹⁾ опредѣлилъ продолжительность существованія атома радія въ размѣръ 1050 лѣтъ. Такъ сильно разнятся цифры этихъ вычисленій. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать одинъ выводъ: существованіе атома радія по своей продолжительности превосходить всѣ наши понятія и заставляетъ допускать огромныя цифры.

¹⁾ La Nature, № 1631, 1904.

Въ предыдущей главѣ упомянуто о массѣ гипотезъ, высказанныхъ различными учеными для объясненія возникновенія энергіи радія и его свойствъ. Изъ предположеній, высказанныхъ до 1904 года, отиѣтитъ гипотезу г-жи Curie, старающейся объяснить источникъ энергіи радія свѣтовыми солнечными лучами, и Gustave Le Bon'a, полагающаго причину этой энергіи во внутренней химической работѣ атомовъ этого вещества. Источникомъ радія является, какъ теперь предполагають, распаденіе на составныя части продукта вещества высокаго атомнаго вѣса. Если это такъ, то, по мнѣнію Joly ¹⁾, можно выбирать между ураномъ и торіемъ, какъ подходящими подъ это условіе. Но Soddy показалъ, что первый изъ этихъ элементовъ сомнителенъ; остается, значить, принять второй, т.-е. торій. Joly съ этимъ не согласенъ и склоненъ придти къ убѣжденію, что радій не долженъ былъ бы разсматриваться, какъ продуктъ распаденія на части, но какъ атомная комбинація радиоактивныхъ веществъ, находящихся въ смоляной рудѣ,—тогда радій представитъ синтезъ эманациі, а не распаденіе. Вопросъ объ источникѣ энергіи трактуется и въ работѣ Desraux ²⁾. Исследователь указываетъ на то, что ни одно изъ радиоактивныхъ тѣлъ не было получено въ отдѣльности; до сихъ поръ найдены только составныя тѣла. Интересно вспомнить, что писалъ Le Bon по этому вопросу; онъ указывалъ, какъ извѣстно, что новѣйшія радіаціи не подходят по своимъ свойствамъ ни къ однимъ изъ извѣстныхъ намъ лучей; эти свойства, по замѣчанію Le Bon'a, представляютъ какую-то смѣсь магнетизма, электричества и X-лучей. Небольшое количество радія содержитъ въ себѣ огромную массу энергіи. По мнѣнію Le Bon'a, матерія превращается въ энергію, между тѣмъ, какъ по законамъ физики, и та и другая неизмѣнны; такимъ образомъ, радій и его свойства противорѣчатъ основнымъ положеніямъ естественныхъ наукъ, подрываютъ фундаментъ казавшагося непоколебимымъ зданія. Desraux предлагаетъ другой взглядъ. Радиоактивныя тѣла, какъ, напр., радій, полоній и др., болѣе всего дѣйствуютъ въ состояніи раствора, т.-е. когда молекулы наиболѣе подвижны и легче всего направляемы. Молекулы, находящіяся въ неспокойномъ состояніи, даютъ начало вихревымъ движеніямъ эира, силамъ, которыя дѣйствуютъ на сосѣднія тѣла. У радія молекулярная энергія такъ же велика, какъ высокъ его атомный вѣсъ: этотъ радій испускаетъ энергію въ такихъ количествахъ, что расходы ея не превышаютъ пополненія; для другихъ тѣлъ это, конечно, иначе. Такимъ образомъ, начало энергіи радія Desraux видитъ въ вихревомъ движеніи молекулъ, находящихся въ неспокойномъ состояніи.

Какъ много гипотезъ и предположеній было высказано различными учеными, чтобы хотя нѣсколько объяснить необыкновенныя свойства новаго тѣла. Часть этихъ гипотезъ, быть можетъ, лишена серьезнаго основанія, другія же болѣе достовѣрны. Но выводъ одинъ: что мы находимся

¹⁾ Nature, vol. 70. № 1804, 1904.

²⁾ Revue Scientifique, № 1, 1904.

теперь въ опытномъ періодѣ, и произведенныхъ наблюденій слишкомъ недостаточно для точнаго объясненія сдѣланныхъ открытій ¹⁾).

Мы старались въ общихъ чертахъ дать обзоръ той огромной работы, которая произведена была за послѣдній годъ надъ радіемъ, радиоактивными тѣлами и ихъ свойствами. Обзоръ этотъ, конечно, не полонъ, такъ какъ литература вопроса слишкомъ велика, но достаточно и приведенныхъ открытій и гипотезъ, чтобы показать, какъ повлияли на весь ученый міръ эти замѣчательныя открытія.

Въ послѣдней главѣ, намъ остается въ краткихъ чертахъ познакомить читателей съ новыми открытіемъ—N-лучей.

III.

Первое сообщеніе объ N-лучахъ было сдѣлано 25 мая 1903 года проф. университета въ Nancy R. Blondlot. Съ этихъ поръ и до послѣднихъ дней отчеты Парижской Академіи Наукъ пестрять сообщеніями о новыхъ и новыхъ открытіяхъ въ этомъ направленіи; мало того, за свое открытіе Blondlot получилъ премию отъ той же академіи. Между тѣмъ внѣ Франціи,—въ Германіи, Англіи, Италіи и др. странахъ слышится упорный и все нарастающій ропотъ, что открытіе это—иллюзія, что N-лучей не существуетъ.

При опытахъ съ X-лучами Blondlot показалъ, что послѣдніе могутъ быть поляризованы ²⁾, между тѣмъ какъ до сихъ поръ они не могли быть подвергнуты поляризаціи. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что это были не X-лучи, а какія-то новыя радіаціи, которыя авторъ называлъ N-лучами въ честь города Nancy. Эти радіаціи были послѣдовательно открыты въ свѣтѣ горѣлки Ауэра, въ солнечномъ свѣтѣ, въ кускахъ дерева, въ каучукѣ и даже въ человѣческомъ тѣлѣ; эти новыя лучи заставляютъ экранъ флуоресцировать, увеличиваютъ яркость электрической искры, зрительную способность глаза и т. д. Вслѣдъ за Blondlot масса физиковъ старались добиться явленія N-лучей: Charpentier, Meyer, Lambert, J. Becquerel и др. сообщаютъ о своихъ успѣшныхъ изслѣдованіяхъ надъ свойствами этихъ лучей.

N-лучи относятся различно къ составу воды: чистая вода задерживаетъ ихъ, соленая, наоборотъ, пропускаетъ. Можетъ быть, это и служить, по мнѣнію Berget ³⁾, причиной, почему $\frac{1}{2}$ земного шара покрыты именно соленой водой. Особенно замѣчательно присутствіе N-лучей въ человѣческомъ тѣлѣ. Достаточно для доказательства этого утвержденія покрыть картонъ фосфористымъ вальцемъ и освѣтить его небольшою долей радія, помѣщенного на нѣкоторомъ разстояніи отъ экрана. Если, вѣтѣмъ, мы помѣстимъ руку у картона и будемъ производить пальцами сокращенія нервовъ, то

¹⁾ M. Pinera, проф. Мадридск. Универс. (Revue Scientifique, № 6, 1904).

²⁾ Всѣ факты и сообщенія объ N-лучахъ почерпнуты изъ выпущенной Blondlot книги: „N-rayons“. Paris. 1904.

³⁾ Le Radium. Paris. 1904.

замѣтимъ, какъ экранъ все ярче и ярче свѣтится по мѣрѣ сжиманія руки; нужно прибавить, что на изображеніи нервы оказываются болѣе фосфоризирующими, чѣмъ вся остальная рука. Особенно интересенъ опытъ Chaperonier ¹⁾ съ вліяніемъ N-лучей на органъ обонянія, при поднесеніи къ носу тѣла, испускающаго эти лучи (какъ напр., сжатой руки, смоченной стали и т. п.). Опытъ долженъ быть произведенъ со всѣми предосторожностями въ спокойномъ воздухѣ, очень медленно, при тихомъ дыханіи, причемъ тѣло, дающее запахъ, должно быть на опредѣленномъ разстояніи. Источникъ N-лучей или вызываетъ ощущеніе запаха, если тѣло такъ далеко, что при обыкновенныхъ условіяхъ его не ощущается, или же увеличиваетъ его, если тѣло близко.

Colson ²⁾ пытался опредѣлить источникъ лучей Blondlot и предполагаетъ составъ особенныхъ основныхъ солей.

J. Becquerel пытается сравнить ихъ съ другими лучами и находитъ сходство между N-лучами и β -лучами радія. Между тѣмъ, заинтересовавшись этими открытіями, нѣкоторые ученые хотѣли принять участіе въ общей работѣ надъ новымъ открытіемъ, но результатомъ былъ полный неуспѣхъ; особенно упрямые отправлялись въ Nancy съ цѣлью на мѣстѣ убѣдиться въ непреклонности новаго открытія. Враждебное отношеніе къ этому открытію вызвалъ опытъ проф. Rubens'a, по поводу котораго Berget ³⁾, проф. Сорбонны, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды утромъ къ берлинскому проф. физики Rubens'у явился адъютантъ императора Вильгельма II и извѣстилъ его отъ имени императора, что послѣдній заинтересовался N-лучами и проситъ приготовить на слѣдующее утро опытъ съ ними. Rubens взялъ отчеты Парижской Академіи Наукъ и, полагая опытъ чрезвычайно простымъ, медленно сталъ готовиться. Весь день и вся ночь прошли въ приготовленіяхъ, а никакихъ результатовъ получено не было. Это, какъ будто, и послужило первымъ толчкомъ къ возбужденію недовѣрія по отношенію къ существованію N-лучей.

Salvioni въ Италіи, Wood въ Балтиморѣ и др. пробовали повторить эти опыты, но также безуспѣшно; Wood даже отправился въ Nancy, но и тамъ не могъ видѣть явленій даже при опытахъ самого Blondlot. Результатомъ этого было письмо Wood'a въ англійскомъ журналѣ «Nature» ⁴⁾, въ которомъ высказывалось полное отрицаніе существованія N-лучей и всѣхъ сдѣланныхъ въ этомъ направленіи открытій. Побужденный такимъ сложнымъ оборотомъ дѣла, французскій научный журналъ «Revue Scientifique» предпринялъ опросъ извѣстнѣйшихъ физиковъ, съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе относительно N-лучей. Въ то время, какъ съ одной стороны мы встрѣчаемъ имена Poincaré, Berthelot, Pellat, Weiz и немногихъ другихъ, согласныхъ съ этимъ открытіемъ,—на противоположной сторонѣ находимъ подавляю-

¹⁾ O. R. t. CXXXVIII, 584. 1904.

²⁾ l. c., p. 902.

³⁾ Revue Scientifique, № 91. 1904.

⁴⁾ „Nature“, Vol. 70, № 1822, 1904.

шее число или совершенно отрицающих даже возможность существования N-лучей, как Perin, Monoyer, Buisson, Wood, Lummer и др., или склоняющихся къ этому же выводу, как напр. Langevin, Abraham, Debiègne и др.

Таково состояніе вопроса объ N-лучахъ къ началу 1905 г. Что дастъ намъ этотъ годъ, поведетъ ли онъ къ подтвержденію сообщенныхъ наблюденій или къ совершенному ихъ отрицанію—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ это «открытіе» вызвало энергичную работу и обиліе мыслей во всѣхъ странахъ, а это является уже достаточнымъ доказательствомъ не бесплодности сообщенія Blondlot. Одно только странно, если допустить невѣрность новаго открытія: какимъ образомъ такъ много людей могли ошибаться!

Сопоставляя всѣ приведенныя открытія, которыя совершены за послѣдніе годы, необходимо признать, что физическая наука сдѣлала огромный шагъ впередъ, конечные результаты котораго еще далеко не опредѣлились.

Не прошло и десяти лѣтъ, какъ Н. Becquerel обнаружилъ открытіе прежде невѣдомыхъ лучей, и положилъ основаніе новому ученію—ученію о лучистой энергіи. Въ этотъ сравнительно короткий періодъ закипѣла дружная, горячая научная работа; открыты новыя вещества съ ихъ особенными свойствами, поставлены новыя научныя проблемы, однѣ изъ которыхъ уже разрѣшены, другія—ждутъ своего разрѣшенія.

Эти новыя лучи находятъ себѣ примѣненіе и въ наукѣ, и въ жизни, и въ физическихъ лабораторіяхъ, и въ медицинскихъ клиникахъ, пробиваютъ дорогу все впередъ и впередъ, оказываются полезными въ практической жизни. Быть можетъ, недалеко то время, когда будетъ найдено добываніе новой энергіи, испускающей яркій свѣтъ во тьмѣ, и по своимъ свойствамъ идущей впереди электричества. Можетъ быть, будетъ найденъ новый даровой источникъ свѣта, движенія и тепла. Мы говоримъ «можетъ быть» потому, что далеко не все еще выяснено и многое ждетъ своей очереди. Мы можемъ только надѣяться, что каждый годъ будетъ подвигать насъ впередъ на этомъ пути, полномъ неизвѣстныхъ, но заманчивыхъ перспективъ. Вѣдь движеніе науки впередъ безконечно...

Открытіе радія и радиоактивности точно приподняло завѣсу, долго скрывавшую отъ насъ тѣлую область явленій, и открыло передъ нами еще пеленный, но все болѣе и болѣе проясняющійся горизонтъ. Новая область пока еще окутана туманомъ, какъ это бываетъ всегда на зарѣ всякаго новаго ученія; но мы вѣримъ, что этотъ туманъ разсѣется при свѣтѣ болѣе яркомъ, чѣмъ свѣтъ самаго радія, — при свѣтѣ чистой науки!

А. Лѣтний.

Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи.

„Слышишь ты могучее вѣяніе, крикъ пробуждающагося духа твоей свободы?... Развѣ наши правители не должны воочію убѣдиться, что нельзя долѣе безнаказанно противиться общественному мнѣнію и нарушать права народа. Пусть они не заблуждаются. Время полноты мрака миновало. Заря новаго дня вымается!“

(Изъ швейцарской *Appenzeller Zeitung*, 1830 г.).

Швейцарія! — страна, гдѣ Альпы красуются въ неизмѣнномъ величій своихъ снѣговыхъ вершинъ, гдѣ синія воды глубокихъ озеръ отражаютъ и «каменную грудь» утесовъ, и изумрудную зелень прибрежныхъ равнинъ съ живописно расположенными селеніями... Кому не знакома эта картина?! Кто не былъ самъ въ Швейцаріи, тотъ знаетъ ее природу по тому, что издавна рассказываютъ о ней и кисть художниковъ, и перо путешественниковъ...

Не только пейзажъ Швейцаріи, но и жители представляются намъ хорошо знакомыми по ихъ складу и духу. Вѣдь это потомки Вильгельма Телля и его сподвижниковъ въ борьбѣ за свободу!

Но вотъ историческая критика скажетъ намъ, что преданіе о Вильгельмѣ Теллѣ только легенда, исторія литературы укажетъ на то, что Шиллеръ заимствовалъ ее изъ скандинавскихъ источниковъ. А если мы захотимъ заглянуть въ исторію кантоновъ швейцарскаго союза, то нерѣдко мы увидимъ здѣсь картины глубокаго внутренняго порабоженія народныхъ массъ и убѣдимся, что борьба за свободу велась не въ легендарныя времена только, а въ эпоху уже «вполнѣ историческую» — вплоть до 30-хъ и 40-хъ годовъ девятнадцатаго вѣка. Полное утвержденіе «народныхъ правъ» въ большинствѣ кантоновъ относится къ новѣйшему времени, къ концу 60-хъ годовъ и къ 70-мъ годамъ. Общій процессъ развитія демократическихъ учреждений представляется еще далеко не завершив-

шимся, въ особенности въ государственномъ правѣ самого союза и въ нѣкоторыхъ малопрогрессивныхъ кантонахъ (Фрейбургъ, Валлисъ, Люцернъ).

Однимъ словомъ, картина народной жизни въ Швейцаріи, въ ея историческомъ прошломъ, не укладывается въ рамки той шаблонной перспективы, къ которой приучаютъ школьные учебники. Но развѣ она утрачиваетъ отъ этого свой интересъ? Скорѣе—напротивъ! Въ самомъ дѣлѣ, какую бы страну въ исторіи политическаго развитія любого изъ значительныхъ кантоновъ мы ни развернули въ освѣщеніи научныхъ изслѣдованій или при свѣтѣ первоисточниковъ, вездѣ передъ нами раскрываются картины борьбы за признаніе жизненнаго значенія насущныхъ общихъ вопросовъ и постепеннаго, иногда бурнаго и грознаго, иногда безболѣзненнаго и мирнаго, ихъ разрѣшенія. Миниатюрные, если можно такъ выразиться, размѣры государственныхъ единствъ или политическихъ организмовъ даютъ возможность наблюдать ходъ политической жизни съ особой наглядностью, прислушиваться непосредственно къ біенію сердца народа и затѣмъ устанавливать причинную связь между условіями и слѣдствіями съ такою степенью достовѣрности, которая идетъ за предѣлы общей только вѣроятности и болѣе или менѣе правдоподобныхъ гипотезъ.

Въ исторіи швейцарскихъ кантоновъ немало страницъ говорятъ о событіяхъ, гдѣ проявился особый подъѣмъ народнаго духа. Швейцарскій патриотизмъ не даетъ приходить въ забвеніе такимъ политическимъ дѣламъ, и народъ не безъ гордаго чувства и въ свѣтломъ сознаніи здоровой и зрѣлой силы въ настоящемъ охотно вспоминаетъ славные дни въ своемъ прошломъ. Такіе дни получаютъ характеръ ежегодныхъ національных праздниковъ. 1 августа вся Швейцарія празднуетъ заключеніе перваго союза кантоновъ (Uri, Schwyz и Unterwalden 1291 г.). Какую красивую картинку вечеромъ этого дня представляетъ изящно иллюминированная набережная въ Цюрихѣ! А если выѣхать на пароходѣ на просторъ Цюрихскаго озера, то получается прямо волшебное зрѣлище: всѣ селенія по берегамъ озера залиты яркими огнями, на вершинахъ горъ горятъ костры и смоляныя бочки, тихія волны озера отражаютъ точки разноцвѣтныхъ фонариковъ, которыми украшены сотни лодокъ, всюду слышится веселый говоръ и стройныя пѣсни.

Впрочемъ, у гражданъ цюрихскаго кантона есть и свой особый національный праздникъ—память «дня въ Устерѣ» (der Ustertag).

Гдѣ это Устеръ? Что это за праздникъ? Въ память какого событія?

Туристъ едва ли заглянетъ въ Устеръ. Этотъ городокъ или, пожалуй, большое селеніе, лежатъ верстахъ въ 20-ти отъ Цюриха, совсѣмъ въ сторонѣ отъ торной дороги путешественниковъ. Аккуратный Бедекеръ говоритъ только, что теперь тамъ много фабрикъ и болѣе 7,000 жителей, что въ развалинахъ замка помѣщается окружный судъ и ресторанъ съ красивымъ видомъ на окрестности. Къ этому остается прибавить, что Устеръ расположенъ въ живописной долинѣ близъ небольшого озера «Грейфензе»; бѣлоснѣжный хребетъ Гларенскихъ Альпъ, цѣпи Кларидъ,

высокій массивъ «Тёди» выступаютъ на заднемъ планѣ, а изъ-за ряда волнистыхъ холмовъ, по ту сторону озера Грифовъ, далеко за Цюрихомъ и за Цугомъ, высится бѣлая шапка «Риги» и шлетъ привѣтъ съ береговъ Фарвальдштедскаго озера.

Ежегодно, по установившемуся обычаю, въ ближайшее къ 22 ноября воскресеніе демократическій союзъ въ Устерѣ приглашаетъ гражданъ кантона почтить память отцовъ и дѣдовъ, участниковъ той «народной думы въ Устерѣ» (1830 г.), которая положила конецъ аристократической олигархіи въ Цюрихѣ и вложила живую силу въ созрѣвающую идею свободныхъ политическихъ учреждений.

За стаканомъ вина, въ исторической гостиницѣ «у Креста», собираются народные представители — члены союзнаго и кантональнаго парламента, профессора, журналисты, представители патріотическихъ студенческихъ союзовъ («Nesociä») и граждане. Оживленная бесѣда и стройное исполненіе хорошихъ національных пѣсень составляютъ общій фонъ картины, которая не даетъ яркихъ красокъ для описанія, но въ своей достойной красотѣ производитъ глубокое впечатлѣніе. Самымъ важнымъ моментомъ праздника всегда бываетъ рѣчь какого-либо изъ видныхъ представителей политической мысли. Въ этой рѣчи, по обычаю, затрогиваются существенные и коренные вопросы національной жизни въ принципиальномъ освѣщеніи, съ точки зрѣнія современной демократической идеи.

Въ этомъ году ораторомъ выступилъ членъ союзнаго парламента (Nationalrat), профессоръ уголовного права въ Цюрихѣ—Эмиль Цюрхеръ (Dr. Emil Zürcher). Онъ говорилъ на тему о необходимости «установленія въ союзной конституціи Швейцаріи общихъ гарантій для политическихъ правъ народа въ отдѣльныхъ кантонахъ». Въ живой и образной рѣчи ораторъ напомнилъ главные моменты изъ исторіи развитія «народныхъ правъ» въ союзѣ и въ отдѣльныхъ кантонахъ, чтобы затѣмъ намѣтить ближайшіе постулаты на пути желаннаго развитія демократическихъ учреждений. Однимъ изъ важѣйшихъ постулатовъ слѣдуетъ считать, — въ этомъ и заключается основная мысль всей рѣчи, — расширеніе содержанія 6 статьи союзной конституціи 1874 г. Эта статья воспринята безъ измѣненій изъ конституціи 1848 г., — она нуждается въ обновленіи. Союзная конституція въ этой статьѣ гарантируетъ только общій «республиканскій» (представительный или непосредственный) принципъ въ государственномъ строѣ отдѣльныхъ кантоновъ и предусматриваетъ возможность пересмотра кантональных конституцій, если того потребуетъ большинство гражданъ кантона. Но этихъ гарантій недостаточно. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы союзная конституція установила обязательность болѣе или менѣе равномѣрнаго проведенія демократическихъ началъ въ государственномъ правѣ отдѣльныхъ кантоновъ. Въ настоящее время до такой равномѣрности еще очень далеко. Въ четырехъ кантонахъ народъ еще не имѣетъ права законодательнаго почина; въ семи кантонахъ члены правительства получаютъ свои полномочія не на основаніи народныхъ выборовъ и т. д.

Далеко несовершеннымъ представляется осуществленіе идеи народовластія и въ строй самого союзнаго государства: начало народнаго голосованія законовъ, исходящихъ отъ союзной власти (*Gesetzesreferendum*), должно получить надлежащее развитіе. Только тогда демократія будетъ располагать необходимыми политическими средствами для выполненія лежащихъ на ней культурныхъ задачъ и только при этихъ условіяхъ истинная свобода найдетъ себѣ путь и въ тѣ части швейцарскаго отечества, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Фрейбургѣ и въ Валлисѣ, сторонники демократической идеи должны еще вести упорную и нелегкую борьбу съ элементами косности и застоя.

Рѣчь профессора Цюрхера была принята съ большимъ сочувствіемъ. По предположенію редактора газеты *Zürcher Post* и представителя «журналистическихъ дисциплинъ» на юридическомъ факультетѣ Цюрихскаго университета Веттштейна единодушно была постановлена резолюція въ смыслѣ высказанныхъ ораторомъ праздника пожеланій въ томъ убѣжденіи, что «развитіе демократіи въ Швейцаріи должно служить вѣрнымъ залогомъ укрѣпленія союзнаго государственнаго начала и необходимымъ условіемъ для содѣйствія народному благосостоянію и народному освобожденію!» Въ этой резолюціи ясно резюмируется весь смыслъ праздника; она даетъ вѣрное представленіе о томъ, какое значеніе имѣетъ въ настоящее время такое ежегодное памятованіе «народной думы въ Устерѣ».

Обратимся теперь къ прошлому. Откроемъ интересную и знаменательную страницу изъ исторіи народнаго представительства въ Швейцаріи. Посмотримъ, чѣмъ были вызваны событія, приведшія 22 ноября 1830 года гражданъ цюрихскаго кантона въ Устерѣ на собраніе подъ открытымъ небомъ. Бросимъ взглядъ на то, что было достигнуто могучимъ народнымъ движеніемъ во всей его непосредственной простотѣ и величіи, безъ всякой борьбы и насилія *).

Кантонъ Цюрихъ, какъ политическая единица съ характеромъ дѣйствительнаго государства, строго говоря, долженъ считать свою исторію только съ начала прошлаго вѣка **). Въ дореволюціонную эпоху не было на территоріи, которую занимаетъ кантонъ, единства политической жизни, а су-

*) Нижеслѣдующій историческій очеркъ не претендуетъ на оригинальность. Источники, относящіеся къ событіямъ въ Устерѣ и къ предшествующей эпохѣ народныхъ движеній, вполне использованы, между прочимъ, въ специальной работѣ профессора Дэндликера (*Dändliker*, „Der Ustertag, 1831“; см. также исторію Швейцаріи того же автора. Ср. *Bluntschli*, „Staats- und Rechtsgeschichte der Stadt und Landschaft Zürich“, 1865. Bd. II и его же „Denkwürdigkeiten aus meinem Leben“, 1884. Въ своемъ изложеніи я ставлю себѣ задачей всецѣло слѣдовать той характеристикѣ, которую даютъ сами швейцарскіе наслѣдователи, въ особенности Дэндликеръ. На мой взглядъ, эта характеристика „причинъ и слѣдствій“ сама по себѣ представляетъ значительный интересъ и заслуживаетъ вниманія.

**) См. *Dr. Hans Strähli*: „Die Entwicklung der Demokratie im Canton Zürich“, 1903 (лекція).

ществовала полная противоположность какъ правъ, такъ и интересовъ. Съ одной стороны, суверенный и полновластный «городъ», а съ другой—безправная и подчиненная «земля». Исторія Цюриха, вплоть до конца XVIII столѣтія, представляетъ собою любопытную картину «собиранія земли». Путемъ завоеваній, договоровъ, залога и купли богатый городъ Цюрихъ постепенно расширялъ свои владѣнія и увеличивалъ число своихъ подданныхъ и вѣрнопостныхъ. Жители «земли» (die Landschaft—«земщина»—«земство») не принимали безусловно никакого участія въ управленіи, имъ было даже закрытъ доступъ въ ряды должностныхъ лицъ и служилого чиновничества; ихъ дѣло было, какъ говорить одинъ современный историкъ, только «слушаться и платить подати и повинности». Городскіе «ландфогты» держали народъ въ строгомъ повиновеніи и управлялись неумолимымъ высокомеріемъ и жестокостью. Всякое воспоминаніе о стародавнихъ вольностяхъ было изглажено, а если кто рѣшался упомянуть о нихъ, то съ нимъ была короткая расправа, какъ съ мятежникомъ или заговорщикомъ.

Непрочнымъ было торжество началъ свободы и равенства, занесенное въ Швейцарію волнами французской революціи и оружіемъ французскаго войска, какъ не прочна была и «гельветическая конституція» 1798 г. съ ея попыткой обратить Швейцарію въ единое и нераздѣльное государство. «Актъ посредничества» Наполеона I (1803 г.) возстановилъ самостоятельность кантоновъ и возвратилъ большинство изъ нихъ на путь самостоятельнаго развитія. Текстъ наполеоновскихъ конституцій, хотя и не заключалъ въ себѣ особыхъ привилегій въ пользу городовъ, но фактическія условія, въ особенности выборный цензъ, отдали перевѣсъ въ руки представителей городской аристократіи. Паденіе Наполеона повлекло за собою во всей западной Европѣ эпоху реакціи и реставраціи. Этотъ процессъ совершился и въ Швейцаріи. Союзная конституція 1814 года и кантональныя хартіи 1814—15 гг. всѣ проникнуты духомъ этого «движенія вспять» и отражаютъ на себѣ страхъ передъ свободной мыслью и недовѣріе къ народнымъ чувствамъ и желаніямъ.

Въ Цюрихѣ также произошла весьма замѣтная реакція. Въ 1814 году «большой совѣтъ» по собственному почину объявлялъ наполеоновскую конституцію утратившей свою силу и провозгласилъ новую конституцію, помимо всякаго участія народа.

Правда, на первый взглядъ эта конституція какъ будто отдастъ должное измѣнившимся условіямъ времени. Она говоритъ о томъ, что всѣ «граждане кантона» должны пользоваться одинаковыми политическими правами, что имъ должно быть предоставлено равенство передъ закономъ и одинаковая свобода въ торговлѣ и ремеслахъ. Но въ дѣйствительности все это было только голословными обѣщаніями. Правительство обошло совершеннымъ молчаніемъ вопросъ объ участіи народа въ законодательствѣ, оно не внесло въ основные законы ни одной статьи о свободѣ совѣсти, свободѣ печати, свободѣ союзовъ и собраній. Въ результатъ получилось, что все, что не было прямо дозволено, оказалось запрещеннымъ, и во

всякомъ случаѣ для административнаго произвола былъ открытъ самый широкій просторъ. Такой порядокъ вещей заключалъ въ себѣ зародышъ необходимыхъ политическихъ переворотовъ уже потому, что правительство желало оставаться безучастнымъ къ вопросамъ народной жизни и не предоставляло никакого пути для законнаго и правотѣрнаго выраженія желаній народа.

Во главѣ кантона стоялъ «большой совѣтъ» (Grosser Rat) въ составѣ 212 членовъ. Сложная и неуравновѣшенная система выборовъ давала въ распоряженіе города двѣ трети общаго числа представителей, а остальное населеніе кантона, превышавшее горожанъ болѣе чѣмъ въ двадцать разъ, было представлено лишь слабымъ меньшинствомъ голосовъ. Къ тому же въ основу выборовъ былъ положенъ высшій цензъ (около 30,000 франковъ), такъ что конституція 1814 г. возводила въ политическій принципъ господство денежной аристократіи. Фактическое руководство всѣми государственными дѣлами захватили, уже вопреки буквѣ и смыслу конституціи, такъ называемый «малый совѣтъ» изъ 25 членовъ, причемъ представители города имѣли въ немъ подавляющее большинство голосовъ, а «земство» едва лишь одну пятую часть.

Все управленіе въ кантонѣ было построено по бюрократической системѣ. Всѣ важныя и вліятельныя должности предоставлялись не иначе какъ горожанамъ Цюриха, всюду господствовала такая практика, которая очень напоминаетъ обычай «кормленія» и привычки самаго широкаго служебнаго кумовства. О мѣстномъ самоуправленіи въ общинахъ не было и помину. Должностныя лица и здѣсь назначались не иначе, какъ по усмотрѣнію правительства. «Отцы и господа въ Цюрихѣ хотѣли вездѣ видѣть только своихъ преданныхъ слугъ; они не задумывались передъ назначеніемъ людей безчестныхъ и подкупныхъ, если только были увѣрены въ ихъ готовности служить своимъ видамъ и цѣлямъ»^{*)}. Правительство старалось опираться въ проведеніи своей властной политики на вліяніе мѣстнаго духовенства. Приходскіе пасторы назначались городскими властями и въ своемъ усердіи изъ-за интересовъ городской аристократіи нерѣдко «забывали и проповѣдь, и Евангеліе». Черезъ пасторовъ правительство вліяло и на народную школу, такъ какъ школы были въ рукахъ церкви. Не менѣе безотрадную картину представляла организація суда и практика управленія правосудія. Высшимъ закономъ для судовъ были «виды и цѣли правительства»; судопроизводство было окружено канцелярской тайной, а для «раскрытія истины» въ распоряженіи суда была, между прочимъ, и пытка голодомъ или публичнымъ «предварительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ».

Такова была въ общихъ чертахъ политическая система, установившаяся въ Цюрихѣ въ эпоху реставраціи. Никто не рѣшался говорить о правахъ народа; рѣчь была только объ обязанностяхъ, и главная обязанность со-

^{*)} Prof. H. Escher: „Erinnerungen“, 1866—67.

стояла въ безпрекословномъ и безсловесномъ повиновеніи. Сложилась даже особая благонамѣренная поговорка:

«Ruhe ist des Bùrgers erste Pflicht!»

Правительство принимало всѣ казавшіяся ему полезными мѣры для водворенія и поддержанія спокойствія. Цензура процвѣтала до конца двадцатыхъ годовъ. Свободное слово было запрещено не только относительно вопросовъ внутренней жизни кантона, но даже и въ отзывѣхъ объ «иностранныхъ дѣлахъ». Проявленіе общественнаго мнѣнія не было терпимо. Народъ находился подъ вѣчной опекой. «Государство представлялось исключительнымъ достояніемъ немногочисленнаго правящаго класса, и кромѣ правительства никто не долженъ былъ имѣть права сужденія и разумѣть что-либо въ государственныхъ дѣлахъ» *).

Въ области народнаго образованія правительство заботилось только о привилегированныхъ учебныхъ учрежденіяхъ, доступныхъ, въ силу закона, исключительно для горожанъ города Цюриха. Народная школа внѣ городскихъ стѣнъ должна была служить не цѣлямъ образованія, а для насажденія благочестія. Дѣтей обучали только Закону Божію и элементамъ грамотности, причемъ для чтенія и для упражненій въ прописяхъ допускалось одно только Священное писаніе. Каковъ былъ составъ преподавателей, назначаемыхъ не иначе, какъ при участіи мѣстныхъ церковныхъ властей, объ этомъ свидѣтельствуютъ такіе отзывы современниковъ, которыми трудно вѣрить: такъ, одинъ изъ ревизоровъ въ 1834 г. долженъ былъ убѣдиться, что наставники юношества иногда полагаютъ, что Галифъ палъ въ славной битвѣ при Зинпахѣ, или что Лютеръ и Цвингли принадлежать къ лику святыхъ католической церкви. Экономическое положеніе народныхъ учителей было поистинѣ плачевнымъ (въ среднемъ около 75—100 руб. въ годъ!); не удивительно поэтому, что учитель былъ въ то же время и деревенскимъ портнымъ или башмачникомъ.

При такихъ условіяхъ, — замѣчаетъ проф. Дендликеръ, — нельзя не предположить, что подобное пренебреженіе народнымъ просвѣщеніемъ было не дѣломъ случая или недоразумѣнія, а сознательнымъ и нарочитымъ въ интересахъ аристократической олигархіи. Въ тридцатыхъ годахъ среди правителей было не мало такихъ, которые разсуждали приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Зачѣмъ простолюдину знать больше, чѣмъ слѣдуетъ да прописи? Если на всю деревню найдется одинъ грамотный да толковый, то и того довольно. А простому народу нечего и носъ совать не въ свои дѣла!» (изъ брошюры того времени). Такая точка зрѣнія болѣе чѣмъ понятна. «Народное просвѣщеніе—отъ освобожденія народа!» Образованіе, это—сила; если лишить народъ образованія, то это значитъ лишить его всякой силы. Чѣмъ просвѣщеніе народъ, тѣмъ болѣе у него развито чувство самосознанія, и онъ свободолюбивѣе; ограниченность и невѣжество, напротивъ, дѣлаютъ народъ зависимымъ и покорнымъ. Только благодаря

*) Daendliker.

искусственно поддерживаемому низкому уровню просвѣщенія правительству и удавалось вести народъ по своей указкѣ *).

Общую безотрадную картину можно было бы дополнить еще весьма характерными чертами изъ условій экономической жизни. Но это заставляло бы вдаваться въ цѣлый рядъ подробностей. Достаточно упомянуть, что вся почти налоговая тяжесть лежала «на мужикѣ», на хлѣбопашцѣ (десятина, поземельный сборъ, различные косвенные налоги), тогда какъ владѣнія горожанъ и капиталы не подлежали почти никакому обложенію. Въ промыслахъ и торговлѣ господствовали стѣсненія цехового строя, который предоставлялъ всѣ преимущества горожанамъ Цюриха; известные промыслы составляли даже предметъ особыхъ государственныхъ (т.-е. городскихъ) монополій и т. д.

Однимъ словомъ «земля» цюрихскаго кантона, казалось, была осуждена на неподвижное прозябаніе въ подчиненіи властному городу; народъ былъ связанъ крѣпкими узами во всѣхъ направленіяхъ. Всякая попытка высказать прогрессивную мысль или заговорить о необходимости реформъ считалась «зловреднымъ новшествомъ и крамолой».

Ошибочно было бы утверждать, что во всемъ и вездѣ въ дѣйствіяхъ правящаго класса мотивами служилъ одинъ только эгоизмъ, злой расчетъ и безсердечіе. Много среди аристократической партіи было такихъ, которые держались началъ стараго порядка просто по привычкѣ и изъ страха передъ новыми вѣяніями. Были, конечно, и убѣжденные консерваторы, полагавшіе, что государство, вступивъ на путь прогресса, вмѣсто движенія впередъ, устремится внизъ по наклонной плоскости политическихъ экспериментовъ и пойдетъ навстрѣчу полному крушенію.

Какимъ незыблемымъ ни представлялось господство созданнаго рестра-вращенія строя, однако основное стремленіе правительства остано-вить нормальное развитіе политической жизни постепенно утрачивало твердую почву и надежную точку опоры даже тамъ, гдѣ сочувствіе казалось такимъ естественнымъ. Въ рядахъ самихъ горожанъ, въ числѣ видныхъ представителей аристократіи исторіи цюрихскаго кантона называютъ не мало именъ, съ которыми связана благодарная память о благородной борьбѣ словомъ и дѣломъ въ пользу освободительныхъ реформъ. Наиболѣе яркой фигурой такого истиннаго пророка и поборника либеральныхъ началъ для роднаго кантона и для всей Швейцаріи является Устери (Paul Usteri) **). Солидный ученый и искусный врачъ, Устери былъ въ то же время и политическимъ дѣятелемъ, редакторомъ газеты, основателемъ, вдохновителемъ и руководителемъ различныхъ кружковъ и обществъ. Вполнѣ понятно, что Устери снискалъ себѣ въ Цюрихѣ много враговъ, клеветниковъ и хулителей. Но онъ не утрачивалъ вѣру въ прогрессъ и высоко держалъ

*) Daendliker, S. 22, 23.

**) См. Paul Usteri: Gesammelte kleine Schriften 1832; ero же. Handbuch des schweizerischen Staatsrechts 1822, ott. Paul Usteri, 1836.

знамя искренняго идеализма; вокруг этого знамени группировались всѣ, кто не былъ чуждъ либеральному движенію

Весьма замѣтной группой въ рядахъ этихъ сторонниковъ прогресса была плеяда «молодыхъ юристовъ»^{*)}, профессоровъ и адвокатовъ (Hirzel, Keller, Ulrich, T. Meigg, Hess и др.). Воспринявъ въ германскихъ университетахъ лучшіе заветы идеализма, проникнутые любовью къ родинѣ и вооруженные знаніемъ, эти «молодые юристы» представляли собой въ глазахъ оптимистовъ и консерваторовъ весьма беспокойный и опасный элементъ. Городская аристократическая партія предпочитала, по свидѣтельству Блюнчли, пойти скорѣе на уступки «мужичьимъ» чѣмъ имѣть дѣло съ требованіями и притязаніями этой «земской молодежи»^{**)}.

Почва и настроеніе для новыхъ идей среди самихъ горожанъ подготовлялись незамѣтно дѣятельностью такихъ обществъ и союзовъ, которые не ставили себѣ непосредственной задачей политическую агитацію. Но вопросы родной политической жизни возникали на различныхъ собраніяхъ сами собою съ неотразимой настоятельностью; объѣмъ мнѣній служилъ къ выясненію «корня зла» и укрѣплялъ сознаніе въ необходимости реформъ. Большую роль сыгралъ въ этомъ смыслѣ «греческій союзъ», основанный въ 1821 г. для содѣйствія грекамъ въ борьбѣ за освобожденіе отъ турецкаго ига. Хотя этотъ союзъ съ самаго начала заявилъ, что ему чужда всякая политическая тенденція, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству современниковъ, «греческія симпатіи» являлись въ то же время грознымъ осужденіемъ существующаго порядка вещей и въ собственномъ отечествѣ.

Однако слова и убѣжденія очень медленно переходили въ дѣло. Въ рядахъ самихъ «городскихъ либераловъ» (Stadtliberalen) была замѣтна нерѣшительность, недовѣріе къ народу, склонность къ «постепеновщанію» (System des «gehemmten Fortschrittes!») и къ полумѣрамъ. Поэтому практическіе результаты либеральныхъ теченій въ высшемъ обществѣ и среди горожанъ были весьма незначительны. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о народной школѣ, порученное проф. Готтингеру (Höttinger) изслѣдованіе раскрыло всю безпорядочность положенія дѣла народнаго просвѣщенія, но проектъ реформы того же Готтингера боязливо сторонился отъ всякихъ существенныхъ отступленій отъ заведеннаго порядка. Школьная реформа послѣдовала уже послѣ переворота 1830 г. До того времени правительство, быть можетъ, считало своею обязанностью поговорить о преобразованіи и показывать видъ, что ему не чужды попеченія о «народномъ просвѣщеніи», но и не болѣе.

Самымъ крупнымъ успѣхомъ, котораго дѣйствительно достигла либеральная партія, несомнѣнно является уничтоженіе цензуры въ 1829 г. Этотъ успѣхъ былъ въ значительной степени дѣломъ неустанной энергіи

*) Strüßli, 162.

**) Bluntschli: Denkwürdigkeiten, I. 118: „Lieber Bauern und Ochsен als die Jungen“.

Устери. Въ качествѣ члена «большаго совѣта», Устери не упустилъ случая выступить поборникомъ свободы печати. Цензура въ Цюрихѣ погибла подъ ударами пламеннаго краснорѣчія и неотразимой логики. Лѣтописцы швейцарской свободы не безъ основанія называютъ рѣчи Устери въ государственномъ совѣтѣ кантона—бессмертными. Одну изъ этихъ рѣчей Устери заключилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ другимъ членамъ совѣта: «Если окажется, что собраніе не раздѣляетъ моихъ взглядовъ, то я, конечно, приму рѣшеніе высшаго учрежденія моего родного кантона съ должнымъ уваженіемъ. Но, господа, я буду апеллировать. Вы спросите, куда я обращаюсь, къ какой высшей инстанціи. Вы готовы усмѣхнуться въ увѣренности, что я укажу на общественное мнѣніе. Относительно этой инстанціи у васъ готовый отвѣтъ для меня, какъ для журналиста: общественное мнѣніе и публицистика состоятъ между собою въ открытомъ союзѣ, и здѣсь для моихъ убѣжденій нельзя допустить нелицепріятнаго и безпристрастнаго судьи. Не скрою, что я дѣйствительно готовъ поставить просвѣщенное общественное мнѣніе выше всѣхъ учрежденій страны. Но не къ этой инстанціи я хочу апеллировать, а къ другой—законной и признанной, верховенство которой виѣ всякаго спора уже потому, что будущее всегда несетъ съ собою возможность торжества для тѣхъ, кто не выходитъ побѣдителемъ въ настоящемъ: Съ своей жалобой на большой совѣтъ, который засѣдаетъ теперь, я мысленно обращаюсь къ совѣту, который будетъ стоять во главѣ кантона черезъ десять лѣтъ. По всей вѣроятности, я уже не буду въ числѣ его членовъ,—нѣкоторые изъ васъ, господа, также. Но многіе доживутъ до того времени, когда требованіе гласности въ дѣлахъ нашей родины уже не встрѣтитъ такого несочувствія и отпора, какъ сегодня! Быть можетъ, моя рѣчь принесетъ мнѣ теперь лишь слова укора и осужденія. Это не оскорбитъ меня. Я буду видѣть въ нихъ лишь залогъ недалекаго лучшаго будущаго. Я буду думать о томъ времени, когда всѣ рѣчи непріязни и несочувствія, которыя раздаются противъ меня, давно будутъ забыты, и когда, напротивъ, навѣрное не одинъ изъ присутствующихъ вспомнитъ съ добрымъ чувствомъ о томъ, кто, всей душой и всѣми мыслями желая блага отечеству, сдѣлалъ себѣ задачей жизни борьбу за гласность, кто въ теченіе тридцати лѣтъ неуклонно стоялъ за тѣ убѣжденія, о которыхъ я держалъ рѣчь и сегодня, и кто не устанетъ въ своей борьбѣ до конца, до самой смерти!».

Устери говорилъ такъ въ 1828 г., его рѣчи производили глубокое впечатлѣніе. Устери было суждено видѣть торжество своихъ идей. Онъ умеръ въ 1831 г., а свобода печати была провозглашена въ Цюрихѣ въ 1829 г.

Свободная печать послужила однимъ изъ могучихъ орудій прогресса. Уничтоженіе цензуры въ Цюрихѣ всего только на нѣсколько мѣсяцевъ предварило парижскія событія въ іюлѣ 1830 г. Іюльская революція во Франціи послужила, подобно великой революціи, примѣромъ того, какъ народъ низвергаетъ ненавистное иго. Швейцарская печать посвящала ходу

дѣлъ во Франціи совершенно исключительное вниманіе и не задумывалась проводить параллели и дѣлать выводы.

За полной подписью Устери печатаѣ въ своей газетѣ пламенные статьи, доказывая, что не только одну Францію ждетъ славное будущее, но что ея освобожденіе должно служить залогомъ лучшаго будущаго для другихъ народовъ и внушать новыя силы въ борьбѣ всѣмъ тѣмъ, кому предстоитъ завоевать политическую свободу. Съ неменьшей силой раздавался призывъ къ свободѣ и въ печати другихъ кантоновъ, въ особенности съ высоты Аппенцеля:

«Слышишь ты могучія вѣнія, крикъ пробуждающагося духа твоей свободы? Да, швейцарскій народъ, ты слышавъ, но разумѣешь ли ты весь истинный смыслъ?... Вотъ передъ тобою великая нація. Она разбила цѣпи произвола и притѣсненій, она возвратила себѣ свое вѣчное достоинство—равенство передъ закономъ, свободу и признаніе человѣческаго достоинства и совершила это все съ такой умѣренностью, благородіемъ и благородствомъ!... Развѣ наши правители не должны будутъ воочію убѣдиться, что нельзя болѣе безнаказанно противиться общественному мнѣнію и нарушать священные права народа?! Пусть они не заблуждаются. Время полночнаго мрака миновало безвозвратно. Заря новаго дня встаетъ!»

Печать пробуждала и пробудила народъ. Живую силу и непосредственный импульсъ освободительное движеніе должно было получить, говоря словами Дэндиера, именно изъ этого могучаго источника: «*Vom Lande, vom Volk*»—изъ земскихъ силъ, отъ самого народа.

Центромъ или очагомъ движенія, которое съ точки зрѣнія легитимизма нельзя не назвать революціоннымъ, явились приозерныя селенія въ близкомъ сосѣдствѣ съ Цюрихомъ. Здѣсь образовались кружки людей, искренно преданныхъ дѣлу политической реформы въ духѣ развитія народныхъ правъ и установленія свободныхъ государственныхъ учреждений. Среди вѣжечныхъ жителей въ Стѣфа (Stäfa), Хоргенъ, Кюснахъ были люди съ большими дарованіями и съ европейскимъ образованіемъ; имъ была хорошо извѣстна вся освободительная литература XVIII в., но не менѣе были извѣстны и дѣйствительныя народныя нужды и невзгоды; здѣсь еще хорошо памятна была суровая расправа цюрихскаго правительства съ отцами и дѣдами въ 1795 г., когда жители Стѣфа, повѣривъ обѣщаніямъ представителей города, осмѣлялись въ самой почтительной формѣ напомнить «отцамъ и господамъ» о своихъ прежнихъ вольностяхъ. Отсюда, изъ Стѣфа, расходились по всему кантону воззванія о томъ, чтобы народъ постоялъ за свои права и положилъ конецъ угнетенію. Здѣсь, вскорѣ послѣ іюльской революціи во Франціи, стали собираться единомышленники для совѣщаній. Въ сентябрѣ 1830 года на одномъ изъ такихъ собраній было постановлено перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ октябрѣ появилась новая политическая брошюра «Разговоръ Якова съ

Конрадомъ», гдѣ недостатки существующаго порядка вещей осуждались самымъ недвусмысленнымъ образомъ и требованія народа сводились къ яснымъ и опредѣленнымъ формуламъ. Эта брошюра разошлась во многихъ тысячахъ экземпляровъ; она встрѣтила самое широкое сочувствіе, тысячи недовольныхъ находили въ ней собственныя желанія и свои давнія жалобы.

Однимъ словомъ, общее настроеніе было вполне подготовлено. Недоставало только виѣшняго объединенія и фактическаго проявленія тѣхъ теченій, которыя охватили всю «земскую» часть кантона. Революція была неизбежна. Оставался открытымъ вопросъ, вѣтъ ли основаній ожидать, что она произойдетъ «сверху», т.-е., что правительство само пойдетъ по пути реформъ, въ предупрежденіе революціи «снизу».

Руководители движенія въ Кюснахтѣ и Стѣфа искренно желали найти какой-либо средній путь. Но это оказалось невозможнымъ. Городская либеральная партія представлялась весьма ненадежнымъ союзникомъ и вовсе не выражала охоты поступиться всѣми преимуществами и привилегіями города до полнаго уравниенія съ «земцами». У однихъ брали верхъ аристократическія традиціи и страхъ передъ народомъ, когда онъ самъ требуетъ свободы: «Vor dem Sklaven, wenn er die Kette bricht,—er zittert» (Шаллеръ). Другимъ мѣшала пойти навстрѣчу народнымъ желаніямъ односторонность ихъ политическихъ взглядовъ и «научное» или, вѣрнѣе, «школьное» доктринерство.

Вотъ, что пишетъ, напримѣръ, въ своихъ воспоминаніяхъ Блюнчли *): «Я страдалъ при видѣ успѣховъ революціи и страдалъ вдвойнѣ. Я болѣлъ душой, такъ какъ оскорблено было мое чувство привязанности къ авторитету государственной власти и къ началу порядка, и въ то же время пробуждены были опасенія передъ необузданными страстями народа. Я испытывалъ горечь и съ теоретической точки зрѣнія «болѣлъ умомъ» (litt geistig), потому что мнѣ, ученику и поклоннику исторической школы, насильственная ломка существующаго строя и внезапное обновленіе всѣхъ органовъ государственной власти представлялось гибельнымъ; съ отвращеніемъ я замѣчаю, что прекрасныя идеи естественнаго права распространяются въ Швейцаріи и приобретаютъ широкое вліяніе (wirksam waren). Меня оскорбляло, что реформа обращалась въ революцію и что вино становилось уксусомъ. Итакъ,—замѣчаетъ Блюнчли,—въ моемъ отношеніи къ событіямъ перемѣшивались чувства, заслуживающія уваженія, съ совѣстнъ некрѣпыми сужденіями **). Блюнчли переплывался

*) Блюнчли, одинъ изъ корифеевъ нѣмецкой науки государственнаго и международнаго права, извѣстный писатель и знаменитый профессоръ Гейдельбергскаго университета, былъ по происхожденію швейцарецъ. Онъ родился въ Цюрихѣ 7 марта 1808 г. Въ 1830 г. онъ только начиналъ свою служебную карьеру въ Цюрихѣ, вернувшись изъ Германіи, гдѣ получилъ высшее образованіе. Блюнчли принадлежалъ къ партіи «молодыхъ» и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ ея лучшими представителями.

**) Bluntschli: Denkwürdigkeiten. I, s. 123, 124.

съ своимъ учителемъ, со старикомъ историкомъ Нибуромъ. Въ своемъ дневникѣ онъ приводитъ выдержки изъ письма Нибура, который въ то время былъ для него непогрѣшимымъ оракуломъ. Нибуръ, впрочемъ, и говорить тономъ пророка: «Я высказалъ въ предисловіи ко второму тому своей исторіи непоколебимое убѣжденіе, что намъ предстоитъ одичаніе послѣ періода крайнихъ невзгодъ. У васъ (т.-е. въ Швейцаріи): «wird es ein trübseliges Wesen werden» — наступитъ печальный порядокъ вещей» *). Исторія однако показала, что она далеко не всегда идетъ тѣми путями, которые предстоятъ политической жизни народа по мнѣнію поклонниковъ одностороннихъ «историческихъ» теорій! Другой очевидецъ событій, также впоследствии представитель науки государственнаго права и профессоръ въ Цюрихѣ, Эшеръ, въ своихъ воспоминаніяхъ, не безъ пафоса задаетъ между прочимъ такой вопросъ: «Можно ли было ожидать, чтобы народныя массы въ Швейцаріи усвоили себѣ или хотя бы только возвысились до пониманія той государственной мудрости, которой учили Платонъ, Периклъ и Цицеронъ, о которой говорили Боденъ, Филианжери, Беркъ, Бентамъ, Гизо, Бюлау, Штейнъ, Гогернъ **)? Постоянныя высокія требованія для народнаго пониманія: цѣлая университетская программа по исторіи философіи права.

При такомъ настроеніи «городскихъ либераловъ» на ихъ дѣйствительную поддержку нельзя было рассчитывать, даже болѣе — ихъ печать уже начинала «бить отбой».

Правительство съ своей стороны имѣло въ виду дѣйствовать по девизу «divide et impera» и рассчитывало, сдѣлавъ, по собственному почину и съ возможной снѣшностью, извѣстныя формальныя уступки, лишить все движеніе опасной степени напряженія, и затѣмъ отложить всѣ существенныя реформы въ долгій ящикъ.

Не безъ скрытаго содѣйствія городской партіи состоялся въ середникѣ октября 1830 г. «земскій съѣздъ», т.-е. совѣщаніе представителей «отъ земли» въ большомъ совѣтѣ, хотя на этотъ въ извѣстномъ смыслѣ официальный съѣздъ явилось менѣе половины представителей «земли», однако здѣсь была составлена памятная записка, гдѣ высказывалось столь угодное правительству пожеланіе, чтобы дѣло реформы шло «съ верху», и чтобы для этой цѣли былъ созванъ въ чрезвычайную сессию большой совѣтъ, и ему порученъ пересмотръ нѣкоторыхъ статей конституціи 1814 г. Такимъ образомъ хозяиномъ положенія оставалось все то же городское большинство въ совѣтѣ.

Не удивительно, что такая постановка вопроса была встрѣчена «отцами и господами» въ Цюрихѣ очень милостиво; уже 1 ноября состоялось засѣданіе большого совѣта и была избрана коммиссія, которой и поручено было намѣтить планъ «преобразованій». Въ составъ коммиссіи вошли пре-

*) Тамъ же, s. 128.

**) Escher: Erinnerungen, II, 12.

имущественно горожане. Дѣйствительныхъ обсужденій нужды народа и не было. Надо было ковать желѣзо, пока горячо, и поскорѣе дать «новую конституцію». Уступка заключалась лишь въ томъ, что земскимъ представителямъ предполагалось предоставить столько же голосовъ, сколько горожанъ Цюриху и Винтертуру вмѣстѣ. О равномѣрности представительства, слѣдовательно, не было рѣчи; городъ Винтертуръ былъ въ этомъ проектѣ искусственно слитъ въ числѣ представителей вмѣстѣ съ Цюрихомъ, чтобы оторвать его отъ прежняго тяготѣнія въ «земцамъ». На 25 ноября было уже назначено слѣдующее засѣданіе большаго совѣта, гдѣ предложенія коммисіи должны были получить надлежащую санкцію.

Если бы все это удалось, то, какъ говоритъ Дэндлиеръ, «народъ оказался бы попавшимся въ ловушку, обманутымъ (*geprellt und betrogen*)». Положеніе народа было бы даже хуже прежняго, такъ какъ въ такомъ случаѣ была бы на долгіе годы наложена печать коснѣнія на все дѣло реформы.

Все это ясно понимали руководители движенія въ проозерныхъ селеніяхъ. Надо было дѣйствовать.

На совѣщаніяхъ въ Кюснахтѣ также была выработана «памятная записка», редактированная талантливымъ и политически-прекрасно образованнымъ нѣмецкимъ эмигрантомъ Людвигомъ Снеллемъ *). Этотъ, такъ называемый «кюснахтскій меморіалъ» намѣчалъ широкую программу: уничтоженіе непрямыхъ выборовъ, устраненіе имущественнаго ценза, выборное начало для занятія государственныхъ должностей, проведеніе принципа раздѣленія властей, гласное производство въ судѣ и управленіи, отчетность и отвѣтственность передъ народнымъ представительствомъ. Этотъ меморіалъ былъ напечатанъ и распространенъ по всему кантону. Вотъ знаменательныя слова воззванія:

«Высказывая эти убѣжденія, мы думаемъ не объ одномъ только нашемъ «земствѣ» (*der Land*—въ противоположность «городу»), а обо всемъ кантонѣ, обо всемъ нашемъ общемъ отечествѣ. Если осуществится, какъ мы того желаемъ, уравниеніе правъ, если будутъ устранены причины недовольства и вражды, тогда всѣ граждане, гдѣ бы они ни жили,—въ городѣ или деревнѣ,—будутъ сплочены воедино крѣпкими узами единодушія; тогда уснетъ непробуднымъ сномъ всякое воспоминаніе о бывшихъ невзгодахъ и сойдетъ въ могилу прежняя вражда и раздраженіе. Но мы думали даже не объ одномъ нашемъ кантонѣ, а о всей Швейцаріи. Когда у насъ свобода воскреснетъ въ новой славѣ и въ своемъ истинномъ величіи, тогда она только расцвѣтетъ и въ другихъ кантонахъ. Тогда Швейцарія,—родина высокаго образа мыслей и великихъ людей въ прошломъ,—снова завоюетъ себѣ свою былую славу и честь передъ глазами грядущихъ поколѣній!»

Затѣмъ слѣдуютъ подписи всѣхъ выдающихся руководителей кюснахтскихъ совѣщаній **).

*) См. *Stiefel*. „Ludvig Snell's Leben und Wirken“, 1858.

**) Экземпляръ воззванія хранится въ городской библіотекѣ Цюриха. XXX, 490.

Это было уже прямымъ и смѣлымъ вызовомъ. Затѣмъ состоялось новое совѣщаніе въ Мейленѣ (Meilen), гдѣ принимали участіе представители очень многихъ общинъ не только наиболѣе близкихъ, но и заозерныхъ частей кантона. Здѣсь впервые вполне созрѣла мысль о внушительной, по возможности обще-народной демонстраціи, о «народной думѣ» подъ открытымъ небомъ.

19 ноября, въ торговый и рыночный день, въ Стофа собралось большое число людей, рѣшившихся приступить къ дѣйствіямъ. Послѣ горячихъ рѣчей, затянувшихся до полуночи, было рѣшено, не теряя времени, созвать «народную думу» (Landesgemeinde *) въ Устерѣ. Устеръ былъ избранъ, какъ наиболѣе центральный пунктъ кантона и въ то же время не очень близко къ Цюриху. Срокъ былъ назначенъ на 22 ноября, т.-е. всего черезъ два дня. Приходилось спѣшить, чтобы предупредить рѣшеніе большого совѣта въ ближайшемъ засѣданіи (25 ноября). Для руководства всѣмъ дѣломъ была избрана коммиссія изъ наиболѣе энергичныхъ и преданныхъ дѣлу единомышленниковъ.

Созвать народъ на собраніе въ теченіе двухъ дней въ то время было дѣло не легкое; тогда не было ни телеграфовъ, ни телефоновъ, не было даже правильно организованной и скорой почты. При такихъ условіяхъ успѣхъ воззванія долженъ былъ ясно свидѣтельствовать о томъ, насколько созрѣло само по себѣ дѣло освободительной реформы.

Вотъ что рассказываетъ профессоръ Дэдливеръ о послѣдующихъ событіяхъ:

Члены избранной коммиссіи, т.-е. «главари заговора», собрались уже наканунѣ въ Устерѣ и продолжали совѣщаться въ гостиницѣ «У Креста» («Zum Kreuz»). (Эта гостиница сохранила свой внѣшній обликъ и до сихъ поръ; и теперь, вмѣсто вывѣски или надписи, надъ главнымъ входомъ помѣщается причудливая голова какой-то небывалой птицы, которая держитъ въ клювъ, на звеньяхъ короткой цѣпи, большой золоченый крестъ; весь стиль и рисунокъ указываютъ на очень старинное происхожденіе.)

Не безъ смущенія ожидали они наступленія утра урочнаго дня, не зная, «что день грядущій имъ готовить». Соберется ли внушительное число гражданъ со всего кантона? Какія мѣры приметъ правительство? Какъ лучше всего вести самое собраніе? Все это вопросы, на которые нельзя было отвѣтить заранѣе. Между тѣмъ сознаніе важности дѣла и отвѣтственности за возможный неуспѣхъ—было сильно и неустранимо.

Было рѣшено, по мѣрѣ возможности, не покидать законной почвы. Въ послѣднюю минуту въ 8 ч. утра члены комитета сдѣлали формальное заявленіе о предстоящемъ собраніи мѣстнымъ властямъ. Въ своему удивленію они получили отвѣтъ, что правительство рѣшило не противиться народному собранію, если не послѣдуетъ прямыхъ нарушеній порядка **).

*) „Landesgemeinde“—называются въ кантонахъ съ непосредственной демократіей народныя собранія полноправныхъ гражданъ кантона.

**) Ср. объ этомъ рѣшеніи Escher: „Ereignungen“, I, 330. Авторъ также зани-

Ясное ноябрьское утро занималось 22-го надъ Устеромъ. Занималась вѣсть съ тѣмъ и «заря новыхъ дней».

Съ церковной колокольні раздавалась радостная вѣсть, что отовсюду видны цѣлыя шествія народныхъ массъ. Безконечной вереницей, пѣшкомъ, верхомъ и въ колыхагахъ тянулись они къ сборному пункту близъ «Креста». Невеселыя думы должны были волновать при этомъ зрѣлищѣ только душу намѣстника въ замкѣ близъ Грейфензе; но и онъ впоследствии сознавался, что былъ пораженъ достойнымъ и серьезнымъ настроеніемъ народа. Постепенно собирались представители общинъ со всего кантона. Особенную бодрость внушило руководителямъ появленіе жителей города Винтертура. На нихъ всего менѣе рассчитывали, такъ какъ «отцы и господа» въ Цюрихѣ съ своей стороны обѣщали городу большія преимущества. Но Винтертурцы не покинули общаго дѣла: наканунѣ граждане держали совѣтъ и рѣшили отвергнуть предложенія Цюриха и поддержать «земство» въ Устерѣ.

Изъ оконъ гостиницы «У Креста» открывалось величественное зрѣлище на спокойно и чинно ожидающій народъ. Это зрѣлище вложило увѣренность въ успѣхъ въ сердца тѣхъ, кто еще колебался. Рассчитывали, что соберутся сотни, что, быть можетъ, окажется возможнымъ вести совѣщанія въ мѣстной церкви. Между тѣмъ собралось болѣе 10,000. Наскоро была устроена подъ открытымъ небомъ, на ближнемъ камнѣ, трибуна для произнесенія рѣчей. И вотъ началась «народная дума въ Устерѣ» (der Ustertag).

Первымъ говорилъ Генрихъ Гюберъ (Gujer)—молодой мельникъ, полный жизни и пламенной увѣренности. Въ своемъ торговомъ дѣлѣ онъ не разъ испыталъ придирки и притѣсненія администраціи, а во время досуга онъ пополнялъ свое образованіе, такъ что былъ однимъ изъ сотрудниковъ передовой *Аппенцельской Газеты*. Говорятъ, что онъ не безъ колебаній рѣшился выступить первымъ, но, разъ рѣшившись, повелъ рѣчь громкимъ и твердымъ голосомъ. Онъ говорилъ вполне опредѣленно въ духѣ «Кюснахтскаго меморіала», указывая на недостатки существующаго строя и на необходимость реформъ, но въ то же время рѣчь его не заключала призыва къ возстанію, а скорѣе звучала снисхожденіемъ къ грѣхамъ правительства.

Народъ слушалъ въ безмолвіи; всѣ стояли съ непокрытой головой. По окончаніи рѣчи раздалась бурная клань сочувствія и одобренія.

Затѣмъ выступилъ Хегетшвейлеръ (Dr. Hegetschweiler), ученый съ европейскою извѣстностью, искусный и популярный врачъ, одинаково любимый и въ богатыхъ домахъ и хижинахъ бѣдняковъ. Онъ началъ словами пѣснопѣи свободы:

„Frei ist der Mensch, ist frei, und wär'er in Ketten geboren!“

малъ въ то время правительственную должность въ мѣстномъ управленіи. Соответствующія инструкціи были ему доставлены поздно ночью.

Онъ говорилъ о томъ, что надо разумѣть подъ истинной свободой, и оъ основахъ государственнаго строя, гдѣ народныя интересы получаютъ должное признаніе.

Но и эта вторая рѣчь была полна умѣренности. Ораторъ увѣщевалъ не поддаваться голосу страстей и духу безпорядка. Онъ высказывалъ успокоительную увѣренность, что правительство не останется глухимъ къ желаніямъ народа. Онъ призывалъ слушателей имѣть въ виду общее дѣло и благо всей родины и не преступать предѣловъ законности и почтительности.

Иной характеръ получила рѣчь третьяго оратора — Стеффона. Это былъ человѣкъ увлекающійся и умѣвшій увлекать другихъ своимъ краснорѣчіемъ *).

Громовымъ голосомъ онъ прочелъ проектъ петиціи, составленный членами комитета, и сталъ говорить о томъ, что было всего ближе простому народу — объ улучшеніи экономическаго положенія. Ободренный видимымъ сочувствіемъ слушателей, Стеффонъ не зналъ уже должной мѣры въ своихъ обѣщаніяхъ. Товарищамъ оратора пришлось все чувствительнѣе и сильнѣе подергивать его за фалды сюртука и, наконецъ, прямо положить конецъ потоку его словъ и обѣщаній. Они понимали, какъ опасно и неразумно обѣщать и въ послѣдствіи не сдерживать слова, и не хотѣли вовлекать народъ на путь несбыточныхъ требованій **).

Народъ сохранялъ свое спокойное настроеніе до конца собранія, до конца своей «думы въ Устерѣ».

Послѣ рѣчи Стеффона тысячи рукъ поднялись въ знакъ согласія съ высказанными въ петиціи желаніями; радостный кликъ огласилъ долину.

«Гласъ народа — гласъ Божій!»

22 ноября 1830 г. въ Устерѣ былъ слышанъ голосъ цюрихскаго народа. Этотъ день, говоритъ Дандликеръ, останется вѣчно памятнымъ въ нашей исторіи. Это былъ день перваго пробужденія народа къ свободѣ и къ самоопредѣленію!

День 22 ноября въ Устерѣ и «народная дума» прошли спокойно и мирно. Успѣхъ собранія превышалъ самыя смѣлыя ожиданія руководителей движенія: тысячи подписей покрывали задуманную петицію, и ни одного упрека нельзя было сдѣлать не только въ нарушеніи порядка, но и даже въ непочтительности къ предержавшимъ властямъ.

Такой благопріятный исходъ нельзя, конечно, не поставить въ извѣстную связь съ природнымъ характеромъ настоящаго швейцарца — съ его разсудительностью и сдержанностью. Но въ то же время несомнѣнно, что открытое возстаніе не вспыхнуло между прочимъ и по тому, что прави-

*) Стеффонъ былъ директоромъ фабрики въ Устерѣ. Эмеръ (I, 332) говоритъ о немъ: „Steffen war ein originellen Genie, mitunter etwas überschnappend und rapplig“.

**) Въ пылу рѣчи Стеффонъ обѣщалъ между прочимъ уничтоженіе ткацкихъ станковъ. Съ этимъ связываютъ поджоги ткацкой фабрики въ 1832 г.

тельство воздержалось на этотъ разъ отъ мѣръ «предупрежденія и пресѣченія». Если теперь право свободы собраній гарантировано конституціей, и органы власти обязаны стоять на стражѣ безпрепятственнаго осуществленія этого права даже въ томъ случаѣ, если собраніе высказывается прямо противъ политики правительства, то въ 1830 г. собраніе въ Устерѣ было преступнымъ сборищемъ, противозаконной сходкой. Участники не могли быть увѣрены, что многихъ изъ нихъ не ожидаетъ тюрьма и пытка, а ораторы и главари отлично знали, что они рискуютъ поплатиться самой жизнью.

Почему же правительство не рѣшилось употребить открытую вооруженную силу?

Трудно отвѣтить вполне опредѣленно на этотъ вопросъ. Вѣрнѣ всего—допустить, что въ развитіи этого миниатюрнаго государственнаго организма, какинѣ чужестранцу—и въ особенности русскому—представляется республика Цюрихскаго кантона, наступилъ тотъ моментъ, когда старый порядокъ какъ въ строѣ государства, такъ и въ пріемахъ дѣятельности органовъ правительства сталъ совершенно невозможнымъ. Было поколеблено не только представленіе о законности и справедливости этого порядка, но исчезали также и фактическія основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «психологическія гарантіи» для дальнѣйшаго властвованія съ одной стороны и для покорнаго подчиненія—съ другой. Всякая норма (всякій строй и порядокъ есть только совокупность нормъ) обладаетъ силой и устойчивостью лишь постольку, поскольку она встрѣчаетъ въ народной массѣ, какъ среднее и типическое отношеніе, — убѣжденіе въ необходимости слѣдовать и подчиниться ея требованіямъ и запретамъ *). Вотъ этого необходимаго психологическаго момента уже не было среди «земства» въ Цюрихскомъ кантонѣ въ 1830 г. Въ «городѣ» не могли этого не сознать, и рѣшительныя мѣры были признаны опасными.

Къ тому же, городская либеральная партія, если и не выражала желанія слиться съ земскимъ движеніемъ, не могла, конечно, стать къ нему въ положеніе открыто враждебное и употребила всѣ усилія, чтобы умирить воинственный пылъ оптимистовъ **).

Въ извѣстной мѣрѣ, наконецъ, рѣшимость и энергія правительства была парализована быстрымъ ходомъ событій и политическимъ тактомъ истолкователей народныхъ нуждъ и желаній.

Благодаря совокупности всѣхъ этихъ условій, революціонный, по существу дѣла, день 22 ноября въ Устерѣ повелъ не къ разгрому и мятежу,

*) См. Еллинекъ. „Право современнаго государства“. Русск. перев. Спб., 1903 г., стр. 218, 219 и примѣчанія.

**) Этотъ пылъ проявился и впоследствии. Блюмчелъ рассказываетъ въ своемъ дневникѣ (I, 120, 121), что: „Es gab ein heftiges Ringen zwischen den beiden Parteien, den kriegerischen Aristokraten und den liberalen „Jungen“... wir wollten um keinen Preis den Bürgerkrieg zwischen Stadt und Land einleiten lassen“.

а послужилъ исключительно моментомъ для мирнаго проведенія политической реформы.

Петиція, послужившая предметомъ рѣчей въ Устерѣ, была пересмотрѣна и получила новую редакцію. Въ этой редакціи она извѣстна подъ названіемъ «Uster-Memorial».

Тонъ и слогъ петиціи въ высшей степени почтительный. Не опущено даже обычное обращеніе со всѣми необходимыми титулованіями («Hochwohlgeborener, Hochgeachteter Junker Amtsbürgermeister! Hochgeachtete, Hochzuverehrende Herrn und Obere!»)

Начинается петиція съ указанія на то, что іюльская революція во Франціи снова пробудила и въ гражданахъ цюрихскаго кантона тѣ стремленія и желанія, которыя были заглушены и подавлены ходомъ событій за время реставраціи. Затѣмъ идетъ рѣчь о томъ, что правительственная инициатива въ дѣлѣ необходимыхъ реформъ не внушаетъ довѣрія, послѣ того какъ стало извѣстнымъ то направленіе, которое получили проекты реформъ по предложенію коммисіи большаго совѣта. Между тѣмъ, говорится далѣе, въ народѣ усиливается недовольство и броженіе; можно опасаться открытаго возстанія. Вотъ почему многіе друзья порядка и законности рѣшились созвать народъ на собраніе въ Устерѣ: съ цѣлью предупредить насилія и дать народу возможность высказаться, а большинству—принять рѣшенія съ указаніемъ опредѣленныхъ пожеланій.

Послѣ этого общаго вступленія слѣдуетъ длинный перечень того, въ чемъ «убѣжденъ собравшійся въ Устерѣ народъ». Здѣсь повторяются прежде всего конституціонные принципы представительной демократіи, выраженные еще въ «вюснахтскомъ меморіалѣ», причемъ каждый пунктъ обосновывается или ссылками «на естественную свободу и на унаслѣдованный отъ Бога права народа», или указаніями на конституціи 1798 и 1803 гг., т.-е. на положительное право въ эпоху, предшествовавшую реакціи и реставраціи. Затѣмъ идетъ длинный рядъ пунктовъ, гдѣ намѣчаются подробности желаемой реформы въ системѣ обложенія, въ законодательствѣ, регулирующемъ экономическую жизнь, въ строѣ и порядкѣ мѣстнаго управленія и т. д. Въ числѣ постулатовъ видное мѣсто занимаютъ, конечно, гарантіи личн. и общественной свободы; петиція требуетъ, между прочимъ, «свободу печати, какъ неизмѣнный основной законъ», право обращаться къ народному представительству съ жалобами и съ выраженіемъ своихъ желаній «или, какъ говорятъ петиція, гарантированное закономъ право петицій» и т. п. Интересно отмѣтить еще одинъ пунктъ: «Въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ желаній (мы присоединяемъ къ требованіямъ политической реформы)—коренное улучшеніе постановки дѣла народнаго просвѣщенія». Заключение петиціи гласитъ слѣдующимъ образомъ:

«Согласно съ спокойнымъ, но твердымъ проявленіемъ воли народной, но не безъ волненія и трепета въ ожиданіи будущихъ событій рѣшились мы составить эту просьбу и напоминаніе. Мы слышали въ Устерѣ жалобы народа и убѣждали его сохранить терпѣніе и спокойствіе. Мы передаемъ

его желанія въ руки мудраго и справедливаго правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ беремъ на себя смѣлость (wagen) высказать увѣренность, что только коренныя улучшенія во всемъ государственномъ строѣ и дѣйствительное, прочное облегченіе всѣхъ тѣхъ невзгодъ, которыя даютъ поводъ къ возрастающему неудовольствію и возбужденію,—могутъ въ настоящее время быть умѣстными. Мы сказали народу въ Устерѣ: «реформы должны совершиться!» (Es soll Abkölpe geschafft werden). Если правительство возьметъ въ свои руки исполненіе этого давняго нами народу слова, то оно снова можетъ рассчитывать на прочное спокойствіе и на вѣрную преданность народа и будетъ въ правѣ при всякомъ стеченіи обстоятельствъ вполне положиться на любовь народа и на его радостную готовность жертвовать своею кровью и своимъ имуществомъ на благо родины. Если же желанія народа не будутъ исполнены, то народъ повторитъ ихъ, конечно, съ тою же рѣшимостью, но, быть можетъ, уже не съ тѣмъ же спокойствіемъ и сдержанностью... *)).

24 ноября депутація изъ девяти членовъ явилась къ высшему представителю правительства, къ бургомистру Цюриха, и передала ему «устерскій мемориаль». Бургомистръ принялъ депутацію съ степенной важностью и очень сдержанно, но въ то же время и не безъ «отеческаго благоволенія». Почтительность депутація произвела на него впечатлѣніе.

На слѣдующій день, 25 ноября, состоялось, какъ было ранѣе назначено, засѣданіе большаго совѣта, но уже при измѣнившихся условіяхъ. Обсуждать приходилось уже не предложеніе собственной, домашней коммисіи, а дѣйствительныя нужды и желанія народа. Вполнѣ понятно то волненіе, которое охватило всѣхъ присутствовавшихъ представителей «государя-города» и «земли». Однако засѣданіе прошло безъ крайностей и рѣзкостей. Только одинъ голосъ раздался за «аресты и преслѣдованія»; но это предложеніе было отвергнуто съ негодованіемъ. Представители городской либеральной партіи высказались за то, что приходится уступить неотвратимой необходимости. Представители отъ земскихъ частей кантона настоятельно и съ видимымъ подъемомъ патріотическаго чувства убѣждали взять голосу народа... Коммиссія большаго совѣта взяла обратно свои предложенія, которыя должны были именно въ этомъ засѣданіи получить утвержденіе. Въ концѣ-концовъ большаго совѣтъ постановилъ рѣшеніе, въ которомъ всецѣло пошелъ навстрѣчу желаніямъ народа. Было принято новое, болѣе справедливое распредѣленіе представительства (городъ сохранялъ только $\frac{1}{3}$ голосовъ), измѣненъ порядокъ выборовъ и, — что всего важнѣе, — большаго совѣтъ рѣшилъ поручить дѣло изданія конституціи новому составу представителей. Были назначены сроки для выборовъ; прежній большаго совѣтъ провозгласилъ свой «ропускъ» и въ 7 час. вечера 27 ноября сложилъ съ себя свои полномочія.

Блгнчли въ своихъ мемуарахъ говорить по этому поводу: «Своею сла-

*) Полный текстъ петиціи см. приложение къ монографіи Дандликера.

бостью большой советъ показалъ, что онъ недостойнъ былъ оставаться правителемъ государства». Блюнчли ставятъ эту «слабость» въ упрекъ и добавляютъ: «Такимъ образомъ была рѣшена побѣда революціи».

Намъ кажется, что и въ этомъ отзывѣ Блюнчли звучатъ односторонность и доктринерское нерасположеніе все къ тѣмъ же «презираемымъ принципамъ естественнаго права». Затѣмъ въ немъ говорить, быть можетъ, и оскорбленное молодое самолюбіе; Блюнчли самъ составилъ проекты реформъ въ духѣ «заторможенного прогресса» и желалъ играть видную роль «просвѣщенного европейскаго мыслителя»; въ этомъ убѣждаютъ многія страницы его воспоминаній и дневниковъ, причемъ авторъ нерѣдко въо-слѣдствіи самъ признаетъ незрѣлость своихъ юношескихъ сужденій.

Выдающіяся событія народной жизни должно разсматривать не съ точки зрѣнія той или иной партіи, а въ свѣтѣ объективной исторической оцѣнки, которая ставитъ себѣ цѣлью уяснить общій смыслъ и основное, непреходящее значеніе этихъ событій. Нельзя поэтому не признать гораздо болѣе правильнымъ тотъ выводъ, къ которому приходитъ профессоръ Дэнди-керъ—въ прямую противоположность мнѣнію Блюнчли. Свой рассказъ о событіяхъ 22—27 ноября 1830 г. Дэнди-керъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

«Итакъ, это было несомнѣнно крушеніе стараго порядка вещей; но старыя порядки отходили въ прошлое такъ мирно, безъ бури и громовыхъ ударовъ, какъ рѣдко тому бываютъ примѣры въ исторіи».

Съ этой безпристрастной и болѣе широкой точки зрѣнія уступчивость большого совета въ Цюрихѣ представляется уже не слабостью, какъ это могло казаться современникамъ и очевидцамъ, а проявленіемъ высшей политической мудрости, на которую способно полновластное правительство. Пусть рѣшенія правительства были не совсѣмъ добровольны, пусть въ немъ говорила не только политическая справедливость, но и въ известной мѣрѣ также и голосъ страха передъ народнымъ движеніемъ и энергичной инициативой земства. Все это имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Основ-ной и неизмѣнный смыслъ уступчивости правительства заключается въ томъ, что оно своевременно увидало предѣлъ народнаго долготерпѣнія и своимъ рѣшеніемъ пойти навстрѣчу народнымъ желаніямъ не только не дало вспыхнуть дѣйствительной революціи, но и открыло возможность для мирнаго и правомѣрнаго измѣненія политическаго строя и условій экономической жизни въ государствѣ.

20 марта 1831 г. новая либеральная конституція была уже принята народнымъ голосованіемъ. Изъ общаго числа полноправныхъ гражданъ кантона 40,503 высказались за «новый порядокъ» и только 1,721 оказались приверженцами «старого» и голосовали противъ коренной политической реформы. Мы не будемъ входить въ изложеніе подробностей преобразований, такъ какъ здѣсь уже идутъ новыя страницы въ исторіи цюрихской республики. Нашъ рассказъ долженъ касаться только того, что относится

ко «дню въ Устерѣ». Но для того, чтобы дать точное представленіе о значеніи этого дня, не достаточно указать на то, что онъ привелъ къ крушенію стараго порядка; необходимо указать и на то, что является положительнымъ слѣдствіемъ этого знаменательнаго въ исторіи народнаго освобожденія цюрихцевъ дня. Отмѣтимъ поэтому въ самыхъ общихъ чертахъ, что принесла съ собой конституція 1831 г.

Прежде всего эта конституція установила и провела въ жизнь начала представительнаго государственнаго строя въ истинномъ смыслѣ этихъ началъ. Въ организаціи и въ порядкѣ государственнаго управленія получилъ признаніе принципъ раздѣленія функций государственной власти, что выразилось главнымъ образомъ въ изъятіи суда изъ зависимости отъ органовъ администраціи. Была произведена коренная реформа мѣстнаго управленія, причемъ во главѣ округовъ перестали находиться полновластные чиновники съ характеромъ «ландфогтовъ», а были поставлены коллегіальныя учрежденія. Въ общинахъ было проведено широкое начало самоуправленія. Наконецъ, конституція заключила въ себѣ признаніе равенства всѣхъ передъ закономъ, свободу совѣсти, свободу печати, право петицій, свободу торговли и ремесла, свободу передвиженія и мѣстожителъства, и необходимыя гарантіи личной неприкосновенности... Чего не могли дать сразу основные законы, то должно было принести развитіе законодательства при новыхъ условіяхъ законодательной дѣятельности (финансовыя и экономическія реформы, надлежащая постановка народной школы и высшаго образованія и т. д.).

Итакъ, вѣковыя дѣла были сняты. Господство бюрократіи и немногочисленнаго правящаго класса надъ народными массами стало невозможнымъ. Чиновники и должностныя лица, говоритъ Дендликеръ *), перестали быть какою-то стоящей внѣ народа священной и непогрѣшимой силой, а получили соответствующее значеніе: стали отвѣтственными и смѣняемыми служителями народныхъ интересовъ. Все управленіе было построено на принципѣ гласности; канцелярскія тайны и закулисная, кабинетная политика должны были отойти въ область преданій. Во всѣ проявленія народной жизни, въ личную дѣятельность и въ дѣла общественныя проникла животворящая струя духа свободы и самодѣятельности. Народъ научился совсѣмъ иначе любить свое отечество, съ тѣхъ поръ какъ у него были не только обязанности, но и права, съ тѣхъ поръ какъ онъ не чувствовалъ себя осужденнымъ только на неподвижность и на повиновеніе чужимъ указаніямъ, а видѣлъ себя призваннымъ къ новой жизни и къ новой дѣятельности. Взаимныя отношенія народа и государства, замѣчаетъ Дендликеръ **), совершенно измѣнились, ибо государство перестало быть для народа и для общества чѣмъ-то чужимъ, почти враждебнымъ и постороннимъ. Если новое

*) S. 71.

**) S. 72.

развитіе культурной жизни, которое при новомъ политическомъ строѣ пошло впередъ неудержимыми, гигантскими шагами, потребовало и отъ государства, и отъ народа большого напряженія духовныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, то это была здоровая и творческая дѣятельность, которая заставляетъ забывать тягости труда, а вселяетъ только гордость и удовлетвореніе при видѣ достигнутыхъ результатовъ. Даже экономическія жертвы ощущались только какъ временная тягость; общимъ же и прочнымъ не замедлило весьма скоро стать сознаніе достигнутого или близкаго къ осуществленію благосостоянія и удовлетворенности (*das Gefühl des Wohlbefagens*), доступнымъ теперь уже не однимъ только избраннымъ и привилегированнымъ классамъ, но всѣмъ и каждому, всѣмъ слоямъ населенія... *).

Одинъ изъ современниковъ и свидѣтелей этого подъема народной и государственной жизни въ республикѣ цюрихскаго кантона высказалъ увѣренность, что «это было время, о которомъ съ благодарностью будутъ вспоминать самые благородныя сердца и самыя энергичныя и просвѣщенныя головы грядущихъ поколѣній націи».

Развѣ эти слова не оказались какъ бы пророческими? Память о днѣ народной думы въ Устерѣ неизгладимо живетъ въ народѣ, а ежегодный ноябрьскій праздникъ въ исторической гостиницѣ «у Креста» приводитъ въ Устерѣ для патріотическихъ воспоминаній и для новыхъ думъ и благородныя сердца, и энергичныхъ, просвѣщенныхъ дѣятелей!

Швейцарію называютъ иногда «самоцвѣтнымъ камнемъ». Это алмазъ, заключенный въ кольцо большихъ европейскихъ государствъ. Иностранцы посѣщаютъ Швейцарію, восхищаются ея природой. Но сама по себѣ страна, съ ея во многихъ отношеніяхъ самобытной культурой,—остается чужеземцу мало понятной, а иногда вызываетъ въ болѣе внимательномъ наблюдателѣ чувство зависти **).

Пониманію можно научиться! Для этого слѣдуетъ идти въ своей любознательности далѣе поверхностнаго знакомства съ швейцарскими отелями и курортами. Надо внимательно вглядываться въ современную политическую жизнь страны и изучать эту жизнь въ ея историческомъ прошломъ.

Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ мы имѣли возможность раскрыть передъ читателемъ только одну небольшую страницу изъ исторіи народнаго освобожденія въ цюрихскомъ кантонѣ. Позволяемъ себѣ предположить, что «день народной думы въ Устерѣ», *der Ustertag*, заслуживаетъ, чтобы о немъ знали и за предѣлами Швейцаріи, и что такое знаніе дѣйствительно способно расширить наше пониманіе.

Но какъ быть съ возможнымъ чувствомъ *зависти*, если такое чувство

*) См. *R. Nisch.*, въ біографіи Готтфрида Келлра, одного изъ наиболѣе вѣстныхъ и популярныхъ швейцарскихъ писателей середины прошлаго вѣка.

**) Тамъ же.

дѣйствительно способно зашевелиться? Зависть злое, нехорошее чувство. Но можно ли всегда побѣдить это чувство одними только нравственными императивами, добровольно осуждая себя на отрѣшеніе и на неудовлетвореніе? Иногда это самоотреченіе бываетъ полезно и необходимо. Но въ извѣстныхъ случаяхъ предметомъ зависти могутъ быть такія блага, стремленіе къ которымъ вытекаетъ изъ глубокихъ и культурныхъ источниковъ, а неудовлетвореніе этого стремленія бываетъ равносильно обреченію на застой или на болѣзненное броженіе всей общественной и національной жизни. Какъ быть съ чувствомъ зависти въ подобныхъ случаяхъ?

Очевидно, остается только пожелать, чтобы была устранена самая причина, вызывающая зависть, т.-е. чтобы и тѣ, кому приходится испытывать чувство зависти, стали причастными къ тѣмъ культурнымъ благамъ, которыя способны вызывать зависть при сравненіи своего съ чужимъ.

Итакъ, пусть возрастаетъ пониманіе и разумѣніе! Пусть не будетъ ни повода, ни мѣста для зависти!

Сергѣй Живаго.

Символизмъ въ человѣческой мысли и творествѣ).

Въ последнее время мы часто слышимъ о символизмѣ, о символистическомъ творествѣ и символистическомъ истолкованіи литературныхъ и художественныхъ произведеній.

Еще не такъ давно эти выраженія были въ ходу лишь у небольшой группы людей, настроенныхъ особымъ образомъ. Они отчаивались въ безсиліи науки, указывали на медленный ходъ ея работы, ея неспособность подняться до высшихъ задачъ; въ противоположность наукѣ они объявляли искусство ключомъ ко всему загадочному, невѣдомо-тайному въ мірѣ, а затѣмъ самую загадочность, неясность возвели въ законъ искусства. Въ ихъ глазахъ вся реальность состоитъ изъ непонятныхъ символовъ, которые раскрываются только воображенію художника. Искусство продолжаетъ собою таинственную рѣчь окружающаго насъ міра, оно лишь возбуждаетъ чуждое, загадываетъ и пытается.

Запросъ на символизмъ, повидимому, распространился теперь шире. Къ картинамъ, къ драматическимъ произведеніямъ, къ бытовымъ рассказамъ множество людей приступаетъ съ особою цѣлью: разгадать скрытый смыслъ, заключенный въ реальныхъ образахъ; они заранее считаются за символы. Вотъ, напр., на выставкѣ привлекаетъ вниманіе большая картина, изображающая двухъ молодыхъ людей, нѣсколько неосторожно, въ городскихъ костюмахъ, зашедшихъ на край приморской гѣстницы, о которую разбиваются волны. Мысль художника осталась неизвѣстной, и толкованія были различны. Но они болѣе или менѣе сводились къ тому, что молодые люди и море—лишь знаки чего-то гораздо болѣе общаго, широкаго, что они—краткія наглядныя формулы большихъ человѣческихъ отношеній, что въ морѣ надо видѣть жизнь или слѣпую массу, или предстоящій кризисъ, притягательный, какъ просторъ, и опасный, какъ бурныя волны, и т. д. Или вотъ другая, всѣмъ извѣстная картина Бёклина «Валла у моря»; въ волнахъ, непрерывно бьющихся о берегъ и отбывающихся назадъ, художественный критикъ непремѣнно хочетъ видѣть символы вѣчности и знаменія безцѣльности. Въ этомъ для него смыслъ картины и замыселъ художника.

*) Публичная лекція, прочитанная въ Москвѣ 27 ноября 1904 года.

Въ небольшой драматической спелѣ, повидимому, написанной не для театра, изображено нѣсколько слѣпыхъ, которые лишились своего руководителя и осуждены на голодъ и холодъ среди суровой необитаемой обстановки. И опять многіе спрашиваютъ: не символъ ли это чело-вѣчества? Не надо ли разумѣть подъ слѣпыми чело-вѣческую массу, безпомощную въ чуждомъ ей мірѣ, изолированную вслѣдствіе ограниченности своихъ чувствъ, зависящую отъ случая, готовую въ отчаяніи искать спасенія въ истиннѣхъ животнаго или въ крикѣ младенца?

Я не ставлю сейчасъ вопроса о томъ, что собственно выигрываютъ зрители и читатели отъ разгадки таинственнаго образа, отъ сознанія, что они уразумѣли алгебраическую формулу и подставили ясныя величины, я не спрашиваю, какой шагъ они дѣлаютъ при этомъ въ пониманіи явленій; я только отмѣчаю эту жажду подозрѣвать вездѣ символы и заниматься ихъ чтеніемъ.

Искусство идетъ навстрѣчу этому вкусу. Все больше какъ будто входитъ въ обычай говорить загадками, выражаться двойственно мѣлжающими и переливающимися знаками и сравненіями. Популярный драматургъ нашего времени непрерывно прибѣгаетъ къ этому языку. У него одиночное заключеніе означаетъ замыканіе чело-вѣка въ самомъ себѣ, броситься изъ дому въ снѣжную метель значить выйти навстрѣчу жизненнымъ бурямъ; вершина высокой башни есть верхъ чело-вѣческаго дерзанья. Въ одной его пьесѣ рѣчь постоянно идетъ о таинственномъ существованіи пойманной дикой птицы, живущей на чердакѣ дома. Скоро вы, однако, начинаете чувствовать, что въ этомъ, хотя и реальномъ, но невидимомъ существѣ, какъ будто заключена участь людей, живущихъ подъ той же кровлей; въ чистотѣ дикая утка оказывается талисманомъ жизни одичавшей дѣвочки въ семьѣ. Когда въ порывѣ ненужной жертвы дѣвочка, вмѣсто выстрѣла въ птицу, застрѣливается сама, можно, если угодно, считать символическую игру законченной: въ ключѣ прочитанъ отвѣтъ на ребсъ.

Подобныя же приемы символистическихъ переливовъ можно замѣтить у автора повѣсти, изображающей драму обезумѣвшаго священника. Злыя, страшныя мысли, одолевашія несчастнаго, глядятъ на него со стороны въ видѣ когтистаго чудовища, воющаго и крутящагося въ морозной ночи. Читатель можетъ принимать этотъ образъ въ объективномъ смыслѣ за олицетвореніе художникомъ враждебной чело-вѣку природы; иные такъ и увидали здѣсь новую демонологию, реальную вѣру автора въ злыхъ духовъ. Во всякомъ случаѣ намѣренно оставлена неясность, загадка: ужасная ли это ночь или дикія терзанія, или то и другое вмѣстѣ.

Но, можетъ быть, эти символистическіе приемы и обороты представляютъ одну лишь новую художественную технику, можетъ быть, это только особенное средство для достиженія усиленнаго эффекта или для подъема воображенія? Можетъ быть, вся перемена не что иное, какъ реформа художественнаго языка?

На такое истолкованіе символизма большинство его сторонниковъ, одна-

но, не согласится. Въ области искусства, особенно живописи, вы услышите самый горячій протестъ противъ стараго реализма. Изображеніе конкретнаго—задача второстепенная и отылекаящая отъ главнаго. Художникъ долженъ искать далекой, чуждой міру красоты; въ немъ пробудилась нескрываемая болѣе жажда заглядывать за тѣ границы, которыя поставлены дѣйствительностью, соединяться съ первоначальнымъ источникомъ жизненной силы, который нельзя понять, но можно лишь чувствовать. Слѣдовательно, окружающая насъ видимость только маскпровка истины; нужно уметь читать разбѣянные всюду знаки этой истины; нужно изображать общій чертежъ идеальнаго міра, закрытый отъ непосвященнаго глаза символами, загадочными и колеблющимися; они и живы, и говорятъ между собою, но смолкаютъ при приближеніи человѣка: надо уметь внезапно обнаруживать ихъ таинственную рѣчь.

Нѣчто аналогичное литературному и художественному символизму можно замѣтить и въ научно-философской области, въ частности въ философіи общественныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ человѣкомъ, его психикой, его строемъ и судьбами. Мы слышимъ теперь постоянно, что есть двѣ жизненные сферы, два міра, одинъ—міръ конкретнаго наблюденія и разсудочнаго анализа, другой—міръ нравственнаго созерцанія и творческой воли человѣка. Въ этой послѣдней сферѣ человѣкъ обладаетъ совершенно особой силой, способной поднять его надъ слабостями его разсудочной натуры и надъ тѣми досадными ограниченіями, какія налагаетъ на него эмпиризмъ, условія вѣшной природы и историческое наслѣдіе общества. Задачи внутреннего волевого міра сопрягаются съ вѣчностью; они влоняются въ установленію неизмѣнныхъ началъ въ человѣческомъ строѣ и дѣятельности. Когда состроится это новое теоретическое сооруженіе, оно какъ бы призвано будетъ упразднить мучительный и сложный путь конкретно описательнаго изученія и анализа тѣхъ условій, которыя выдвинуты реальной жизнью современности и другихъ эпохъ.

И здѣсь опредѣленно звучитъ протестъ противъ реализма. Онъ слагается приблизительно въ такой приговоръ. Реалистическая наука ползаетъ по землѣ и придавлена своей непомерной ношей, тогда какъ внутреннее созерцаніе обладаетъ крыльями; углубляясь въ него, человѣкъ таинственнымъ зрѣніемъ можетъ видѣть высшій свѣтъ.

Подобныя формулы позволяютъ намъ говорить о символизмѣ въ наукѣ или, по крайней мѣрѣ, около науки. Я еще обращаю вниманіе ваше на одну характерную черту всѣхъ этихъ направленій въ области искусства или теоретической мысли. Символисты постоянно зовутъ къ различнымъ реставраціямъ: они любятъ, по ихъ собственному выраженію, приглашать «назадъ», къ такому-то вѣку или «назадъ», къ такому-то великому имени. Они любятъ говорить о возрожденіяхъ; они думаютъ оживить идеи, исконныя и вѣчно присущія человѣку, но отодвинутыя временно новой культурой. Между ними есть люди, которые прямо ищутъ сближенія или даже

слиянiя съ народной мистикой. Итакъ, есть источникъ живой воды, который надо найти, чтобы въ немъ обновиться.

Поставимъ и мы вопросъ: возможно ли такое возрожденiе? А для этого постараемся опредѣлить: что же такое былъ живой дѣятельный подлинный символизмъ, который такъ хотѣтъ возродить теперь? Когда было время его силы и процвѣтанiя и какому настроенiю человѣка отвѣчалъ онъ?

Намъ прежде всего важно для этой цѣли выяснитъ складъ мысли человѣка на самой ранней ступени развитiя. Мы склонны думать, что на его психикѣ можно было бы провѣрить наименѣе стѣсненное проявленiе первоначальныхъ данныхъ и наклонностей человѣческой природы.

Въ исторiи самаго ранняго искусства наблюдается поразительное явленiе. Человѣкъ стараго каменнаго вѣка, пещерный житель, не умѣвшiй строить домъ и обрабатывать землю, оставилъ намъ художественные рисунки. На своемъ нехитромъ оружii, на какихъ-нибудь просверленныхъ костяхъ, служившихъ и молоткомъ, и метательнымъ снарядомъ, или на пещерной стѣнѣ онъ чертилъ каменнымъ остриемъ фигуры животныхъ, окружавшихъ его жизнь: сѣвернаго оленя, полудикой лошади и т. п. Въ этихъ рисункахъ виденъ вѣрный глазъ охотника, наблюдательность, умѣнье выдѣлить характерное: животные идутъ къ водопою, наклоняются къ травѣ, убѣгаютъ; поворотъ головы, напряженiе мускуловъ переданы превосходно; позы разнообразны. Эти первые, сколько мы можемъ судить, безымянные художники были замѣчательными реалистами.

Но какая задача и смыслъ этого искусства? Нацарапанныя полоски, конечно, не могли имѣть практическаго значенiя, они не улучшали орудiя технически. Но едва ли можно такъ же предположить какую-нибудь общую высшую идею, какъ въ позднѣйшемъ искусствѣ. Художество не служило священной цѣли—привлечь какую-либо чудесную силу или прогнать злого духа. Повидимому, это была только забава, развлеченiе безъ дальней мысли, полумечтательное подражанiе природѣ въ часы досуга; оно, вѣроятно, вызывало наивную дѣтскую улыбку у самого исполнителя и окружающихъ.

Какую огромную разницу представляетъ искусство послѣдующаго времени! Люди живутъ довольно большими группами въ укрѣпленныхъ деревняхъ, они привили растенiя, приручили животныхъ, вскапываютъ поле и рубятъ лѣсъ, у нихъ весьма сложныя и тонкiя орудiя, есть знакомство съ металлами. Но реалистическая, непринужденная и безцѣльная живопись пропала.

Вмѣсто нея на строенiяхъ, на кувшинахъ и чашкахъ, на рукояткахъ орудiй, на украшенiяхъ—удивительно правильныя симметрическiя фигуры и ряды. На мѣсто случайныхъ, беспорядочныхъ, но живыхъ отраженiй дѣйствительности—орнаменты, арабески, хитро сложбинированныя схемы. Иногда кажется, что въ извѣстныхъ очертанiяхъ смутно еще чувствуется реальный сюжетъ, наприм., фигура человѣка съ распростертыми руками, солнце съ расходящимися лучами, вѣтвистое дерево, голова рогатаго звѣря и т. п. Но отъ реальной основы остались только намеки: индивидуальныя

черты стерты, формы приведены въ однообразное равновѣсіе, сохранялся жесткій скелетъ. Или, напротивъ, твердая фигура расплылась и растрепалась въ завиткахъ, въ замысловатыхъ кривыхъ линіяхъ, ползущихъ и возвращающихся назадъ. Художникъ явно жертвовалъ непосредственными впечатлѣніями въ пользу своихъ предвзятыхъ плановъ; въ его воображеніи сильнѣе и ярче, чѣмъ реальность, стояли какіе-то идеальные образцы; они пригнетали въ свою систему все, что онъ воспринималъ.

Вотъ, я думаю, гдѣ было полное господство, гдѣ былъ пышный расцвѣтъ символизма. Нельзя объяснить эту обдуманную и сложную симметрію одними привычками руки или упрощеніями художественной скорописи. Въ умѣ художниковъ и ихъ публики явно былъ заложенъ цѣлый условно-идеалистическій міръ; въ рамки его должны были укладываться всѣ реальные впечатлѣнія.

Мы видѣли: искусство въ первыхъ шагахъ—безпорядочно, реалистично, въ послѣдующихъ оно—строго символично; анархія замѣнилась деспотизмомъ. Но такая смѣна происходитъ и въ другихъ областяхъ мысли и творчества. Прimitивная духовная жизнь вообще отличается тѣмъ, что можно было бы назвать *хаотическимъ конкретизмомъ*. Память и воображеніе полны удивительно отчетливыхъ образовъ, которые въ своей совокупности составляютъ невѣроятное смѣшеніе. Дѣло въ томъ, что внѣшнія чувства необыкновенно развиты въ то время, какъ крайне слабы формальные средства, служащіе для того, чтобы расчленивъ, анализировать матеріалъ впечатлѣній и потомъ расположить, упорядочить его.

При этихъ условіяхъ малоразвитый человѣкъ не способенъ придавать своимъ объясненіямъ мировыхъ явленій священную цѣну. Глядя на звѣздное небо, онъ замѣчаетъ красивыя и оригинальныя сочетанія. Орионъ съ Тельцомъ, это, говоритъ онъ, большой помостъ, на которомъ сушится хлѣбъ, а Плеяды—недалеко отъ него горсть разсыпавшейся муки; но ничто не мѣшаетъ ему въ другой разъ объяснить, что Плеяды—пучокъ цвѣтовъ или взошедшія на небо женщины и т. п. Эти подвижныя, случайныя объясненія какъ будто скорѣе всего тѣшатъ, почти смѣшаютъ толкователя.

Одному наблюдателю хотѣлось выяснитъ у пигмеевъ, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ низшей расѣ, понятіе о небесной высшей силѣ. Но когда онъ показалъ на небо, толпа, отвѣчавшая ему недурно на вопросы объ охотѣ и семейномъ бытѣ, вдругъ громко разсмѣялась. Кто-то сдѣлалъ еще комическій жестъ страха, но разговоръ не завязался. Тема не способна была занять, а лишь моментально развлекала публику.

И опять картина совершенно иная на болѣе высокой ступени развитія. У человѣка не только расширяется кругозоръ, растетъ наблюденіе. Онъ начинаетъ распредѣлять всю окружающую природу по разрядамъ и категориямъ, вносить въ нее іерархію, учреждаетъ въ ней власти. На основанія странныхъ для насъ ассоціацій, по цвѣту, звуку, движеніямъ, онъ находитъ связь вещей и явленій и отдаетъ цѣлыя группы ихъ въ вѣдомство извѣстныхъ силъ, которыя онъ надѣляетъ большею частью звѣ-

риными атрибутами. Получается очень хитрая систематика, если хотите, ее можно назвать магической физикой. Предпосылки этой науки, разумѣется, дико неожиданны. Наприм., количество и распространение дождя въ известной мѣстности зависитъ отъ того, что будетъ дѣлать старикъ-волшебникъ съ запасомъ толченой извести, которая таинственно похожа на облака. Но разъ эта связь принята, дальнѣйшее разсужденіе и послѣдующія дѣйствія развиваются по всѣмъ правиламъ аналогій. Какъ мы говоримъ, что сходныя причины въ параллельныхъ сферахъ должны вызывать сходныя послѣдствія, такъ и здѣсь. Разсыпая известь по вѣтру въ разныхъ направленіяхъ, человѣкъ увѣренъ, что эти дѣйствія повторятся съ полнымъ торжествомъ въ родственной сферѣ, т.-е. на небѣ: образуются облака, и влага нисойдетъ на землю.

Итакъ, человѣкъ начинаетъ думать, что захватилъ въ свои руки невидимыя нити, протянутыя въ окружающемъ его мірѣ, что можетъ участвовать въ его творческой жизни. Онъ составляетъ подробную роспись производительныхъ силъ природы; по принципамъ своей волшебной физики онъ слагаетъ магическую технику. У племенъ центральной Австраліи ежегодно много времени уходитъ на сложныя символическія дѣйствія; изображаютъ драматическія картины, подражаютъ движеніямъ животныхъ, выполняютъ провѣю хитрые чертежи на землѣ. Всѣ эти церемоніи направлены къ тому, чтобы вызвать или усилить производительность той или другой живой породы, птицъ, насекомыхъ, травы и т. д. Но всякая группа людей имѣетъ волшебную силу только надъ известными породами, съ которыми она соединена таинственнымъ звѣринимъ знакомъ. Часто она не можетъ, по священнымъ соображеніямъ, потреблять ихъ въ пищу; тогда она работаетъ для другой группы, сосѣдней, дружественной; та опять въ свою очередь и посредствомъ своей симпатической магіи доставитъ союзникамъ нужный имъ продуктъ. Это уже будетъ волшебная политика или магическая кооперація, цѣль которой сохранить или увеличить питательные ресурсы значительнаго общества.

Вся эта сложная дѣятельность показываетъ, что человѣческій интеллектъ уже продѣлалъ большую и сложную работу: онъ собралъ массу матеріала, сравнилъ и установилъ аналогіи, классифицировалъ и упорядочилъ свой идеальный запасъ. Но при этомъ произошла своеобразная психическая перестановка: всю работу своего сознанія человѣкъ перенесъ на вѣншній міръ. Порядокъ, симметрію своей головы онъ сталъ считать закономъ міра. Тогда оказалось, что наружный міръ, если только глубже въ него взглянуть, смотритъ на человѣка особымъ таинственнымъ ликомъ, идетъ къ нему навстрѣчу своими знаками. И какъ будто есть два міра: одинъ—раздробленный въ мелочахъ, хаотичный, колеблющійся, это то, что видится безъ работы сознанія, другой—стройный, ясный и твердый, но онъ доступенъ только особому зрѣнію. А если такъ, то ежедневный конкретный міръ и не настоящій, не главный, а мнимый, обманчивый; есть другой—истинный, подлинный, образцовый; онъ или скрытъ въ первомъ,

или удаленъ отъ него и можетъ быть вызванъ только силою воображенія. Ясно тогда, въ чемъ состоитъ высшая дѣятельность человѣка: она должна быть направлена къ тому, чтобы переноситься въ этотъ неощутимый міръ, улавливать его линіи, повторять въ своихъ изображеніяхъ и поступкахъ его законы и соотношенія.

Но тогда знамя великой тайны, символы, разсѣянные въ міръ, получаютъ для человѣка особенный смыслъ, становятся особенною драгоценностью. На вѣрное ихъ воспроизведеніе онъ кладетъ огромную энергію; ихъ видъ особенно его воспаляетъ, ободряетъ, ожесточаетъ. И тогда онъ способенъ бросаться подъ колеса повозки, везущей божество. Или онъ ищетъ на тѣлѣ своемъ врестообразныхъ знаковъ, символовъ особой благодати. Или онъ думаетъ, что знамя дороже жизни людей, собранныхъ подъ нимъ.

Мнѣ кажется, можно говорить о настоящемъ *эпохѣ символизма*, — вѣѣ, очень продолжительномъ для разныхъ обществъ человѣческихъ. Чтобы иллюстрировать складъ понятій этого вѣка, я хочу остановить ваше вниманіе на великой системѣ, исходившей отъ самыхъ широкихъ пространственныхъ впечатлѣній и долго заполнявшей религію, науку, искусство, общественный бытъ. Я разумѣю астрономическую символику, внѣшнимъ остаткомъ которой служатъ еще нашъ календарь и названія созвѣздій. Мы знаемъ теперь, что на ея родинѣ, въ древнемъ Вавилонѣ, эта символика образовала цѣлую философію міроизданія, которая съ силой замыкала человѣка въ закодированномъ кругу представленій.

Основа этой философіи въ томъ, что міръ земной копія и постоянное воспроизведеніе небснаго. Поэтому небо — великая книга прошлаго и будущаго. Небо раздѣлено на тѣ же три сферы, что и нижній, человѣческій міръ: тамъ также область воздуха, земля въ видѣ горба и океанъ, который кругомъ земли и подъ землею, образуя собою адскую бездну. На небѣ тѣ же великія рѣки, та же столица міра, тѣ же святые мѣста, что и на землѣ.

Въ небесныхъ явленіяхъ господствуетъ строгая закономерность. Два великія свѣтила совершаютъ правильные круги, періодически сходятся и расходятся. Большія кольца повторяются въ малыхъ и обратно, циклъ крупныхъ періодовъ воспроизводитъ кругъ короткихъ. Каждый день свѣтило рождается, достигаетъ силы, умираетъ, чтобы вновь возродиться. Въ годовомъ кругу та же смѣна возрастовъ, то же оживаніе и умирание. Тѣ же фазы проходитъ и весь міръ, если его понимать, какъ громадный вѣкъ: у него есть своя весна, свое рожденіе, своя смерть и для него возможно новое возрожденіе.

Вѣчно повторяющіяся явленія и сочетанія не только написаны въ смѣняющихся катастрофахъ большихъ и малыхъ круговъ: они также закрѣплены въ сотнѣ неподвижныхъ символовъ. Солнце и мѣсяцъ считаются двумя близнецами, которые постоянно встрѣчаются и разлучаются: одинъ бѣжитъ наверху въ райскомъ сіяніи, въ то время какъ другой скрытъ подъ

землей, въ аду и темнотѣ. По этому великому примѣру фигуры близнецовъ отыскиваются всюду: они разсѣяны въ видѣ двойныхъ звѣздъ по всему небу. Міръ начался съ великаго единоборства: сіяющій богъ разрубилъ дракона, парившаго въ водѣ, и изъ его двухъ половинокъ сотворилъ небо и землю. Но богъ самъ потомъ померкъ, низошелъ въ океаническую бездну и былъ поглощенъ морскимъ чудовищемъ. Въ знакъ этихъ событій на небѣ начерчены неизгладимо въ видѣ созвѣздій великое море съ рыбами, водолемъ и т. д.; тамъ поднимается великій охотникъ или боецъ, тамъ тянется страшный драконъ, его противникъ, тамъ распростерся китъ, глотающій свѣтлаго бога.

Итакъ, въ мірѣ установленъ вѣчный круговоротъ. Онъ открывается съ событій въ началѣ вещей и кончается послѣдней катастрофой. Но законъ мірового круга есть въ то же время судьба каждаго періода, каждой доли цѣлаго, онъ отражается въ каждой капелькѣ, чувствуется въ біеніи каждаго сердца. И вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ въ его символическомъ начертаніи изображенъ сіяющими вѣчными знаками въ міровомъ пространствѣ. Онъ составляетъ сущность историческаго теченія вещей, но онъ также стоитъ въ видѣ сжатой обозримой глазомъ формулы.

Въ примѣненіи къ человѣческимъ дѣламъ это значитъ, что вся исторія написана впередъ; надо умѣть только развертывать страницу за страницей великой божественной книги. Впередъ обозначена также жизнь и судьба каждаго отдѣльнаго человѣка: въ ней должны отразиться комбинаціи міровыхъ круговъ и кругообразныхъ волнъ.

Эти мысли получали особенно детальную и конкретную форму. Вѣрили, что существуетъ небесная божественная исторіографія и бухгалтерія. Особый богъ—секретарь и протоколистъ пишетъ общую лѣтопись міра; онъ пишетъ также біографію каждаго человѣка. Онъ подводитъ каждому его моральный бюджетъ, вычисляетъ одинъ итогъ на «доскѣ добрыхъ дѣлъ» и другой на «доскѣ грѣховъ». При этомъ любопытная непоследовательность въ разсужденіяхъ людей. Они знаютъ, что небесныя книги непогрѣшимы. Тѣмъ не менѣе они думаютъ, что богъ-писецъ своей работой можетъ удлинить и сокращать дни людей. Благочестивый молящійся проситъ небеса, чтобы было побольше записи въ доскѣ его добрыхъ дѣлъ и чтобы разломали или бросили въ воду доску его грѣховъ. Непоследовательность эта, однако, кажется мнѣ, еще ярче выражала общее вѣрованіе. Человѣкъ такъ вѣрилъ въ непрекаемую силу небесной лѣтописи, что для отклоненія, измѣненія своей судьбы онъ видѣлъ лишь одну возможность: если сдвинется, если пережѣнится самъ божественный оригиналъ. Скорѣе, казалося ему, вѣчный законъ самъ нарушится, чтобы спасти бѣдное человѣческое существо: но что должно остаться нерушимымъ, это—связь небеснаго круга и земного; внизу должно безусловно повториться то, что начертано наверху. Кто хочетъ что-нибудь измѣнить на землѣ, долженъ знать, что это возможно лишь въ случаѣ, если высшія силы перестановятъ вѣчные образцы всѣхъ вещей.

Всѣмъ извѣстно, что на этой философiи міроизданiя и міроокруженiя основана была астрологiя, гаданiе по небесной книгѣ. Но астрологiя была только однимъ изъ проявленiй великой символистической системы; она была доступна немногимъ лицамъ, прошедшимъ огромный кругъ знанiй, хотя знанiй вполнѣ фиктивныхъ на нашу взглядъ. Между тѣмъ система въ цѣломъ служила живой силой для массы людей и забирала всѣ стороны повседневной жизни.

Человѣческая работа и мысль должны быть распределены по кругамъ и отрѣзкамъ круговъ, совершаемыхъ свѣтлани. Число главныхъ свѣтилъ, затѣмъ числа, выражающiя періодичность ихъ хода и повторенiе круговыхъ долей, эти числа, пять, семь, двѣнадцать, шестьдесятъ, стали священными. Нужно, чтобы было двѣнадцать судей или свидѣтелей, иначе не замкнется таинственный кругъ, въ средѣ котораго только и возможенъ прочный приговоръ. Для божьяго дома нужно семь этажей. Шестьдесятъ колебанiй, шестьдесятъ ударовъ, это—великій шагъ временъ: въ году шесть разъ шестьдесятъ дней; шестьдесятъ часовъ составляютъ важный періодъ; затѣмъ идутъ шестьдесятъ минутъ, шестьдесятъ секундъ—вплоть до мельчайшаго дѣленiя, почти равнаго биенiю пульса.

Событiя небеснаго міра воспроизводились въ сотнѣ праздничныхъ обрядовъ, игръ, поэтическихъ и историческихъ рассказовъ. Вотъ примѣръ: начало года, это—борьба маленькаго, только что народившагося божка противъ чудовищнаго, но обезсилѣвшаго исполина, такъ какъ прошлый годъ неизмѣримо больше начинающагося, но онъ уже прожитъ, его силы нѣтъ. Этотъ мотивъ повторяется потомъ въ историческомъ сказанiи о борьбѣ Давида съ Голиафомъ, а это сказанiе имѣетъ аналогіи чуть не у всѣхъ народовъ.

Вотъ другой примѣръ. Зимой во время мировой ночи свѣтлый богъ проходитъ черезъ небесный адъ, т.-е. океаническую сферу, воданую бездну: онъ плыветъ по ней на кораблѣ и пристаетъ къ противоположному берегу. Затѣмъ всѣ боги собираются на веселое пиршество, передъ которымъ обсуждаютъ судьбы міра въ предстоящую эпоху. Въ это время міръ кажется перевернутымъ, небеса стоятъ низомъ вверхъ, южная половина сферы, область свѣта, видна ночью надъ головой. Отсюда всѣ эти новогодніе и масляничные обычаи, которые еще теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы сохранили многія старинныя принадлежности: корабль на колесахъ, это вѣдь и есть буквально «карнавалъ», т.-е. морская телега, затѣмъ огромное тучело прошлаго года, осужденнаго на провалъ и сожженіе, маски и каррикатуры, смыслъ которыхъ изобразить міръ наизнанку, вверхъ ногами, въ смѣшномъ противорѣчiи съ собою.

Сейчасъ все это—слабые, разрозненные знаки когда-то очень шумной, захватывавшей всѣ народныя слои смѣлы символическихъ дѣяній и представлений, которыя однообразно и могущественно колебали человѣческія чувства. Мы не можемъ въ достаточной мѣрѣ представить себѣ, какъ широко была распространена эта символика.

Рядомъ съ небесной символической и съ нею сплетаясь, жила другая крупная система, которую я называлъ бы символической душевныхъ кризисовъ человѣка. Психическая основа ея, мнѣ кажется, понятна. Жизнь чувствъ у стариннаго человѣка отличалась бурнымъ стихійнымъ характеромъ. Среди счастья, успѣха онъ отдавался необузданной радости, вызывающему высокомерию. Неудачи вызывали въ немъ продолжительное и глубокое уныніе. Въ гнѣвѣ, раздраженіи онъ не зналъ мѣры. У современныхъ малайцевъ сохранился характерный въ этомъ отношеніи обычай. Иногда человѣкъ подѣ влияніемъ тяжелаго потрясенія, охваченный бѣшенствомъ, бросается въ дикое бѣгство; бѣда попасться ему на дорогѣ, такъ какъ онъ слѣпо бьетъ и сокрушаетъ все, что встрѣтится; но въ свою очередь мѣстное право не знаетъ и для него пощады: какъ дикаго звѣря всякій можетъ его пристрѣлать.

Человѣкъ всегда старался регулировать жизнь своихъ чувствъ, которые такъ сильно расшатываютъ все его существованіе. Онъ замѣтилъ, что напряженныя состоянія души смѣняются противоположными, напр., вдохновеніе и увѣренность сопровождаются сомнѣніемъ, энергичный порывъ—апатіей. Онъ пришелъ къ заключенію, что въ мірѣ чувствъ есть какой-то законъ возмездія, точно существуетъ отплата, равная тому, что положилъ, внесъ человѣкъ. Часто сіяющая радость, гордое сознаніе удачи и торжества сверхъ границъ сопровождается гибелью, паденіемъ, разгромомъ. Если это такъ, то, очевидно, и обратно—страданіе, приниженность, разстройство чувствъ могутъ привести къ противоположнымъ результатамъ: они могутъ купить человѣку радость; чѣмъ крупнѣе будетъ цѣна, чѣмъ тяжелѣе будетъ искушительная работа, тѣмъ выше, тѣмъ прочнѣе должно быть пріобрѣтеніе.

Изъ этого факта смѣны чувствъ человѣкъ сдѣлалъ общеобязательный законъ. Онъ рѣшилъ: пусть въ жизни каждаго будетъ испытаніе, страданіе, потеря. Страданіе неизбежно и оно полезно: оно возвышаетъ, очищаетъ душу, даетъ высшую радость. Если нѣтъ настоящихъ мученій, пусть будутъ мыслимыя, фиктивные, воспроизведенныя. Но пускай испытанія проходятъ въ стройной очереди, чтобы осуществился законъ возмездія. И человѣкъ ставитъ себѣ различныя вѣхи для напоминанія, фиксируетъ траурныя и торжественныя дни, размѣряетъ сроки для тѣхъ или другихъ обязательныхъ и очередныхъ душевныхъ состояній.

Но мы знаемъ уже, какова будетъ характерная перестановка и смѣшеніе понятій: психическій законъ непременно долженъ быть и мировымъ. Обратите вниманіе на обычную черту въ началѣ новой религіозной проповѣди: основатель грозно призываетъ къ покаянію, возвышаетъ, что наступилъ моментъ суда совѣсти для всѣхъ людей, суда безпощаднаго и окончательнаго. Но этотъ мотивъ нечувствительно переходитъ въ другой, въ ожиданіе суда Божія, т.-е. мировой катастрофы; а съ нимъ сплетается еще третій, призывъ къ суду народному, ожиданіе катастрофы исторической, въ которой наглядно выразится торжество правды.

Итакъ, періодическая, неизбежная драма души необходимо должна быть воспроизведеніемъ вѣчнаго символа. Слагается представленіе, что божество въ старину пережило подобный кризисъ, и люди должны его вѣчно копировать. Богъ или герой смирился, вытерпѣлъ величайшія униженія, бичевалъ себя покаяніемъ и за это былъ возвышенъ надъ всеми существами, возсіялъ въ вѣщѣ славы; или даже онъ понесъ послѣднее, худшее страданіе, смерть, гибель всѣхъ чувствъ, и затѣмъ ожилъ, возродился къ болѣе чистой и свѣтлой второй жизни.

Крайне разнообразны тѣ картины и дѣйствія, въ которыхъ люди воспроизводятъ божественную норму своей чувственной жизни. Извѣстенъ драматическій праздникъ, уводившій весь народъ афинскій изъ его города. Происходилъ рядъ дѣйствій: сначала симулировали смерть, погруженіе во мракъ, блуждали въ темныхъ ходахъ, не спали ночей, проводили ихъ въ безпокойномъ ожиданіи или мертвой подавленности; все это была подготовка къ тому, чтобы выйти потомъ къ внезапному свѣту и почувствовать рѣзко моментъ возрожденія. Въ Египтѣ люди въ теченіе долгаго срока оплакивали умершаго бога, хоронили его, усиливали, сгущали чувство отчаянія, чтобы поднять острую силу лѣкарства надежды.

Тысячи и миллионы людей привыкли регулировать свои настроенія, жизнь своихъ чувствъ по періодическимъ цикламъ символическихъ событій. Этого мало: и фантазія ихъ подчинялась тѣмъ же отвердѣвшимъ типамъ и рубрикамъ; воображеніе постоянно направлялось все по тѣмъ же линиямъ общечеловѣческой драмы.

Въ Византіи существовалъ своеобразный пасхальный обычай: императоръ бралъ на себя главную и единственную роль великой драмы. Онъ показывался народу въ символической одеждѣ Христа, воскресшаго и вышедшаго изъ могилы; золотыя ленты обвивали его тѣло и поддерживали наброшенный на него бѣлый саванъ; въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ въ формѣ креста, въ другой—шелковый красный мѣшочекъ, въ которомъ была собрана горсть могильнаго праха. Каждый годъ вѣрующіе могли видѣть воочию божественную мистерію; въ ея исполнителей на моментъ сливались личности земного и небеснаго властителя. Въ этомъ изображеніи, отдѣленномъ отъ всего обыкновеннаго и единичнаго, они узнавали свой собственный душевный кризисъ, свой собственный упорядоченный поворотъ отъ мрака къ свѣту.

Въ какой мѣрѣ воображеніе отдѣльной личности подчиняется существующему символистическому циклу, можно, напр., судить по видѣніямъ и легендамъ мистиковъ. Беру наудачу рассказъ нѣмецкой монахини XIII вѣка. Фантазія визионерки пытается олицетворить душевный процессъ; свои порывы, колебанія и свое просвѣтленіе она изображаетъ въ видѣ восхожденія души въ небесныя края.

Душа подавлена сознаниемъ своего безсилія. Она думаетъ, что недостойна таинства, потому что у нея нѣтъ добрыхъ дѣлъ, есть только благія намѣренія. Тогда Богъ отнимаетъ у нея земныя чувства, и она видитъ

себя въ прекрасной церкви. Приходятъ юноши и разбрасываютъ цвѣты, ученики зажигаютъ свѣчи. Входитъ Іоаннъ Креститель, длинный, худощавый человѣкъ въ бѣдной разорванной одеждѣ и кладетъ на алтарь бѣлаго ягнѣнка: идетъ евангелистъ Іоаннъ съ нѣжнымъ, терпѣливо кроткимъ видомъ, неся въ рукахъ орла, затѣмъ апостолъ Петръ «простоватый собой», а за ними «толпа здоровыхъ ребятъ царства небснаго» наполняютъ всю церковь. Бѣдная душа прячется въ церковномъ углу, потому что на ней плохая одежда. Но черезъ минуту она уже видитъ себя въ красномъ одѣяннѣ, сотканномъ изъ божественной любви. Въ это время Божія Матерь, которая стоитъ въ церковномъ хорѣ на переднемъ мѣстѣ, манитъ ее къ себѣ, и душа подходитъ, какъ «ворона къ горящѣ». Начинается обѣдня. Небесная Царица велитъ Іоанну Крестителю исповѣдать бѣдную душу. Она подходитъ къ пасхальной жертвѣ, ягнѣнку на алтарѣ. Богоматерь даетъ душѣ золотую монету, чтобы заплатить за жертву—это значитъ пробуждаетъ ея волю. Во время причащенія совершается чудо: душа вкушаетъ самого агнца, истекающаго кровью, и чувствуетъ свое соединеніе съ божествомъ: она видитъ глазами Божиими, слышитъ Его ушами, говоритъ Его устами, ей кажется, что нѣтъ у нея другого сердца, кромѣ сердца Божія.

Вы видите, какъ своеобразно вошли въ эту картину реалистическіе элементы. Впечатлѣнія окружающаго быта очень ярки и живы, визионерна-монашескія несомнѣнно—большая художница, но ея реалистическій запасъ ушелъ весь въ условно-неподвижную схему.

Безконечно велико число примѣровъ подобной символизаци. Но намъ не нужно на нихъ останавливаться. Основной фактъ простъ и понятенъ. Символь становится сильнѣе непосредственной дѣятельности, энергіи и впечатлительности человѣка; къ нему тяготеютъ всѣ отдѣльныя воспріятія. Впечатлѣнія утрачиваютъ самостоятельное значеніе и уже не могутъ обратиться въ другія комбинаціи помимо тѣхъ, которыя врѣзались у человѣка какъ будто неизгладимыми мозговыми извилинами.

На рядѣ примѣровъ мы видѣли, какъ съ развитіемъ сознательной жизни человѣкъ регулировалъ свои впечатлѣнія, свои знанія и чувствованія. Отъ хаотическаго неорганизованнаго реализма онъ переходилъ всюду къ стройной систематикѣ понятій и дѣйствій; но при этомъ онъ становился какимъ-то крѣпостнымъ своихъ умственныхъ созданий. Средства, служившія ему для организаціонной работы, превращались въ тиранническія силы, получавшія власть надъ нимъ; онъ придавливалъ свое сознаніе неподвижной громадой символовъ, и затѣмъ многія поколѣнія съ необходимостью вращались въ кругу разъ сложившихся формулъ и священнодѣйствій.

Безъ сомнѣнія, мы все болѣе и болѣе отодвигаемся отъ этого вѣка символизма и свойственныхъ ему представленій. Въ началѣ эпохи новоевропейской культуры я не знаю вещи, которая въ этомъ отношеніи была бы болѣе характерна и выразительна, чѣмъ знаменитый діалогъ Джордано Бруно «Изгнаніе торжествующаго звѣря». Въ умѣ смѣлаго мыслителя не-

вѣроятно раздвинулось понятіе о вселенной; вмѣсто тѣсной тверди небесной съ землей посрединѣ, онъ представляетъ себѣ безконечное множество міровъ. Стараясь разбить старыя рамки мысли, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаетъ старую символику, связанную съ картиной неподвижнаго неба. Онъ осмѣиваетъ мнѳологическія названія созвѣздіи и соединенныя съ ними представленія о волшебномъ воздѣйствіи этихъ фиктивныхъ небесныхъ тѣлъ на земныя отношенія; вотъ этого звѣря символизма, долго торжествовавшего надъ умами, онъ хочетъ прежде всего изгнать, чтобы открыть просторъ «солнцу знанія и свѣту разума».

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ постоянный анализъ, перекрестный и расчленяющій группы представленій, разбиваетъ тѣ симметрическія идеи, тѣ стройныя узоры, которые внушены были жаждой душевнаго успокоенія. Въ новой наукѣ категоріи не могутъ казаться отраженіями неизмѣнныхъ вѣчныхъ образцовъ, законы отношеній — творческими силами; мы слишкомъ привыкли видѣть въ нашихъ идеяхъ лишь мысленные разрѣзы вещей.

Мы назвали предшествующія эпохи познанія — первый вѣкомъ *хаотическаго реализма*, второй вѣкомъ *символизма*; мы могли бы назвать свое время по его характернымъ приемамъ познанія вѣкомъ *организованнаго реализма*.

Возможно ли среди него новое возрожденіе символистическаго міровоззрѣнія? Способенъ ли человѣкъ опять такъ сжаться, такъ сузить кругъ своихъ представленій, чтобы видѣть въ себѣ центръ міра, чтобы нечувствительно сливать свои душевныя состоянія съ явленіями окружающаго міра, чтобы считать законы своего духа законами міровыхъ отношеній? Если нѣтъ, отпадаетъ и побужденіе для символистическихъ реставрацій. Но есть и объективный показатель, чтобы судить о возможности возрожденія.

Новый символизмъ весь еще находится въ періодѣ протеста и общаній; однако на самомъ порогѣ своихъ дѣйствій онъ безнадежно борется съ одной технической трудностью: онъ не можетъ найти и выработать общепонятный языкъ. Въ искусствѣ обращаются къ архаическому костюму, къ стариннымъ приемамъ художественнаго изображенія. Мы видимъ либо подражаніе формамъ жесткой рѣзьбы по дереву XVI вѣка, либо топорности и связанности фигуръ въ искусствѣ «примитивовъ» какого-нибудь XIV вѣка, либо примѣненіе условно-рѣзкихъ густо черныхъ линій очертаній, либо заимствованіе замысловатой игры чертежа изъ священно-декоративной живописи. Цѣль всѣхъ этихъ приемовъ большею частью не въ томъ, чтобы дать намъ историческія репродукціи обстановки или горизонтовъ зрѣнія старыхъ временъ. Нѣтъ, въ необычныхъ чертахъ хотятъ отыскать тотъ таинственный міръ, который былъ доступенъ лишь неспорченному зрѣнію натурального человѣка. Думаютъ, что старое искусство въ своихъ символахъ обладало ключомъ къ этому секрету. Но то, что человѣкъ стараго времени считалъ своей тайной, такъ и остается чужой тайной.

Вѣдь таинственность возникла изъ чуждой намъ игры сливающихся представленій. Вѣдь старинный символизмъ, когда превращалъ свой психи-

ческий кризисъ въ историческій фактъ или когда, обратно, ощущалъ въ своихъ душевныхъ колебаніяхъ повтореніе мировыхъ катастрофъ, не замѣчалъ этого превращенія, не признавалъ его; онъ переживалъ его. Мы видимъ теперь ясно, какіе элементы онъ смѣшивалъ вмѣстѣ. Какъ мы можемъ, зная существо превращенія, поддаться его иллюзіи? И развѣ этому поможетъ воспроизведеніе старыхъ знаковъ, старыхъ внѣшнихъ формъ, иногда даже техническихъ несовершенствъ прежняго искусства? Притомъ усилія остаются раздробленными, символы, которые намъ предлагаютъ, индивидуалистичны. Между тѣмъ, символизмъ нуждается въ символикѣ, въ большой готовой, закрѣпившейся въ умахъ системѣ активныхъ воспламеняющихъ образовъ, въ такой общепонятной системѣ, къ которой онъ могъ бы постоянно апеллировать. Когда такая система есть, къ ея формамъ, какъ мы видѣли, тяготеютъ всѣ умственные и художественныя комбинаціи. Но она требуетъ вѣковой сложной коллективной работы. Мы можемъ думать, что соответствующее творчество сейчасъ изсякло.

Но гдѣ же, въ чемъ мотивъ реставрацій символизма? Безъ сомнѣнія, новыя умственные привычки потребовали и требуютъ большихъ жертвъ. А между тѣмъ въ символикѣ человѣкъ ощущалъ непосредственно близкую опору; въ ней онъ имѣлъ постоянно доступное и легкое утѣшеніе, когда испытывалъ душевныя волненія и колебанія; въ ней онъ обладалъ разнѣренными періодами, прочными и покойными остановками для организаціи своихъ воспріятій. Отказъ отъ этихъ традиціонныхъ опоръ составлялъ всегда для цѣлыхъ поколѣній и для отдѣльных лицъ большой и страшный шагъ. Мы понимаемъ, что всякій разъ, когда этотъ шагъ дѣлался особенно рѣшительно, получалась реакція. Множество людей выражали сожалѣніе о потерянномъ равновѣсіи и дѣлали попытки возстановить долю утраченнаго наслѣдія. Это и есть психологія возврата къ символизму.

Я бы хотѣлъ остановить ваше вниманіе на ея характерныхъ мотивахъ. Одна попытка въ этомъ смыслѣ у всѣхъ на памяти: это—система понятій художественнаго и школьнаго классицизма въ XIX вѣкѣ. Мы имѣемъ здѣсь всѣ черты символистической реставраціи. Вѣдь рѣчь шла о томъ, чтобы сдѣлать характеръ и понятія современныхъ людей воспроизведеніемъ нѣкоего идеальнаго міра; черты этого идеала хотѣли прочесть въ общихъ вѣчныхъ свойствахъ людей и въ то же время ихъ видѣли закрѣпленными въ неуязвимыхъ образахъ исчезнувшей старины. Призывъ «назадъ», отождествленіе идеальнаго міра съ золотымъ символическимъ вѣкомъ и программа копировать безъ конца вѣчные символы.

Греки и римляне были въ глазахъ первыхъ направителей классицизма только символами райскаго состоянія молодого *человѣчества*. «Греки,—говорить одинъ изъ нихъ въ началѣ XIX в.,—представляли собой картину сельской простоты и невинности среди свѣжаго, бодрящаго утра, съ котораго начался великій мировой день. Они еще не знали сомнѣнія, которое возникаетъ въ душѣ послѣ паденія, они творили правду по чувству внутренней необходимости, они пренебрегали всѣмъ чужимъ безъ всякаго

самоуничи, они развились самопроизвольно въ безукоризненной чистотѣ и стали тѣмъ образцомъ, на которомъ Богъ хотѣлъ показать, что достижимо для рода человѣческаго».

Почему же такъ необходимо возродиться живой водой этого вѣчнаго источника силы? Какое основаніе у современнаго общества отчаиваться въ себѣ и искать спасенія въ могущественныхъ символахъ старины? На этотъ вопросъ можно найти очень опредѣленный отвѣтъ. Вотъ характеристика, которую нѣмецкій поэтъ конца XVIII в., (Гёльдерлинъ) увлеченный классической древностью, даетъ современнымъ ему людямъ: «Варвары изстари, еще больше одичавшіе благодаря прилежанію и паукъ, глубоко неспособные къ чувству божественнаго, испорченные, скудоумные и склонные къ крайностямъ, далекие отъ гармоніи, какъ глухо дребезжащіе осколки брошенной посуды. Нѣтъ народа болѣе растерзаннаго. Я вижу ремесленниковъ, мыслителей, священниковъ, господъ и слугъ, молодыхъ и старыхъ, но не вижу людей. Развѣ это не поле битвы, на которомъ раскинуты лишь разорванные члены? Все святое, все, что даже у дикарей сохраняется въ божественной чистотѣ, принижено у этого народа, у этихъ варваровъ, во все вносящихъ расчетъ».

Одинъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей Германіи нѣсколько позже пишетъ: «Наша современность ведетъ, собственно говоря, лишь призрачное существованіе. Ея жизнь двоятся между грустнымъ влеченіемъ къ исчезнувшему міру и неувереннымъ исканіемъ ошущю міра будущаго. Среди этого безнадежнѣйшаго положенія фантазіи и чувства жаждутъ успокоенія и находятъ его лишь въ древности» (В. Гумбольдтъ).

Итакъ, мысль о шатаніи умовъ, о неустойчивости настроеній, вотъ что страшило и заставляло искать опоры въ золотомъ свѣѣ прошлаго. Первые поборники классицизма были, правда, въ большинствѣ сторонниками политическаго либерализма и философскаго раціонализма. Но въ открытое ими идеальное убѣжище въ слѣдующую эпоху нашли себѣ путь всѣ страхи, вызванные политической революціей и религіознымъ отрицаніемъ. Жажда умственнаго успокоенія получила новый оттѣнокъ: начали думать, что идеальный міръ древности можно превратить въ укрѣпленный замокъ, въ монастырь, за стѣнами котораго молодой умъ будетъ совершенно застрахованъ отъ соблазновъ. Одинъ изъ крупныхъ нѣмецкихъ историковъ въ первой четверти XIX в. (Нибуръ) съ ужасомъ смотрѣлъ на разрушительную, какъ ему казалось, политическую работу своего времени. Отъ ея вліянія онъ хотѣлъ особенно предохранить свое потомство. Онъ обѣщалъ, въ случаѣ, если у него родится сынъ, повести его воспитаніе вполне въ духѣ древнихъ.

Онъ даетъ сыну римское имя. Съ первыхъ же лѣтъ отецъ начинаетъ говорить съ нимъ по-латыни; онъ читаетъ мальчику древнихъ авторовъ и увѣренъ, что ребенокъ принимаетъ боговъ и героев за историческія существа. Въ видѣ уступки христіанству онъ, разумѣется, считалъ нужнымъ прибавлять, что древніе не вполне знали истиннаго Бога и что ихъ

боги были потопъ свергнуты, но это не испортило, по его мнѣнію, главнаго результата: «древній міръ, въ глазахъ моего сына, истинно настоящій, новый же представляетъ собой для него нѣчто случайное; древняя исторія и міеологія въ такой мѣрѣ вошли въ его сознаніе и близки ему, какъ у римскаго мальчика 1800 лѣтъ тому назадъ».

Мысль о такомъ нормальномъ воспитаніи въ спасительномъ предразсудкѣ и сейчасъ не исчезла. Я читаю у новѣйшаго педагога сожалѣніе, что дѣтямъ 11—12 лѣтъ сообщаютъ о шаровидности земли и вращеніи ея вокругъ солнца, т.-е. о явленіяхъ, которыхъ они сами доказать и провѣрить вѣдь не могутъ. «Я желалъ бы имъ,—говоритъ педагогъ,—въ слѣдующемъ классѣ учителя, который бы высмѣялъ хорошенъко ихъ мнимую научность и наполнилъ бы ихъ головы греческими сказками, гдѣ наивно изображена земля въ видѣ круглой доски, окруженной моремъ, а небо—опрокинутой чашкой; это—вѣдь болѣе естественное для нихъ міровоззрѣніе».

Не забудемъ одного изъ важнѣйшихъ мотивовъ этой воспитательной системы. Люди тянулись къ золотому вѣку, къ періоду невинно-правдиваго человечества потому, что имъ казались страшными тѣ сомнѣнія, колебанія, какія могла вызвать въ умахъ мысль новаго времени. Эти страхи были всего рельефнѣе сформулированы реакціонными романтиками начала XIX в. Мы найдемъ у нихъ много мотивовъ, напоминающихъ новый символизмъ.

Романтики возмущались результатами просвѣщенія предшествующаго столѣтія, они призывали всѣ силы противъ разрушительной работы, сдѣланной наукой и критицизмомъ. Они говорили, что «истребленъ энтузіазмъ; разсудочный анализъ убилъ фантазію и чувство, нравственность и любовь къ искусству, будущность и прошлое». «Онъ обратилъ безконечную творческую музыку вселенной въ однообразный стукъ громадной мельницы, влекомой теченіемъ случая и плывущей по его волнамъ,—мельницы, которая лишена строителя и управителя, представляетъ собой *regretting mobile* и крошитъ сама себя».

Въ страхѣ заодно достается и самому элементу свѣта, который такъ возлюбилъ просвѣщеніе: «вотъ онъ,—говорили реакціонеры,—благовѣнъ просвѣтителей, этотъ свѣтъ, который такъ дорогъ имъ своею дерзостью и вѣрностью точной наукѣ». Эти слова очень характерны: къ нимъ примыкаютъ различныя идеализаціи темной ночи, туманности и неясности, дремоты и сна, въ противоположность всему, что ярко, отчетливо, что дневной свѣтъ.

Еще другая идеализація реакціонной эпохи начала XIX в. своеобразно напоминаетъ нѣкоторыя новыя формы протеста противъ разсудочности; это—возвеличеніе спутанной головы, восхваленіе умственного безпорядка въ сравненіи съ яснымъ мышленіемъ. «Чѣмъ болѣе спутана мысль человѣка, тѣмъ выше она потомъ поднимется. Упорядоченный умъ быстро входитъ въ дѣло, но также быстро покидаетъ его. Спутанная голова долго и мучительно борется съ затрудненіями; но, овладѣвъ собой, она достигаетъ небесной прозрачности и самопросвѣтленія».

Въ концѣ концовъ вершиной этихъ страховъ является идеализація мудрыхъ церковныхъ правителей среднихъ вѣковъ, которые истребляли всякій духъ умственного протеста и критики. «Справедливо глава церкви противился дерзкому вырожденію человѣческихъ наклонностей насчетъ святого смысла вещей; справедливо онъ возставалъ противъ несвоевременныхъ открытій въ области знанія. Не даромъ онъ не позволялъ смѣлыми мыслителями утверждать, что земля—незначительная блуждающая планета; онъ вѣдь хорошо зналъ, что люди, потерявъ уваженіе къ своему жилищу и земной родинѣ, утратятъ также уваженіе къ небесному отечеству и къ своему происхожденію отсюда; онъ зналъ, что тогда они предпочтутъ безграничной вѣрѣ ограниченное знаніе; они приучатся презирать все великое и чудесное и видѣть въ немъ лишь мертвое дѣйствіе законовъ» (Новалис).

Впрочемъ, легко убѣдиться въ безсиліи научной мысли. Легко видѣть всю разницу двухъ путей: «одинъ тяжелый, безъ просвѣта и видимой цѣли съ безчисленными искривленіями, это—путь опыта; другой—почти моментальный прыжокъ, это—путь внутреннего созерцанія. Въ одномъ случаѣ нами руководитъ разсудокъ, который сбивается постоянно мыслью о своей пользѣ, который ослѣпленъ безконечнымъ числомъ новыхъ случайностей и сплетеній. Не вѣрнѣ ли насъ проведетъ дѣтская наивная простота черезъ лабиринтъ явленій на землѣ?» Но разъ вся сила во внутреннемъ созерцаніи, человѣкъ можетъ сдѣлаться «магомъ міра, чудотворомъ и волшебникомъ». Отдаваясь этому созерцанію, человѣкъ чудеснымъ образомъ привлекаетъ на землю потусторонній міръ, небеса; онъ «наполняетъ этотъ видимый свѣтъ чудесами, таинственными тѣнями и привидѣніями».

Я привелъ эти выраженія реакціонныхъ романтиковъ потому, что они близко напоминаютъ мотивацію нѣкоторыхъ новыхъ теоретиковъ символизма. Не тѣ ли самые страхи просыпаются теперь, не тотъ ли самый протестъ противъ механичности научнаго міровоззрѣнія, противъ мучительныхъ путей науки и ея конечнаго бездушія; не тотъ ли самый слышится призывъ къ внутреннему углубленію, внутреннему созерцанію, въ тайникахъ котораго внезапнымъ отраженнымъ свѣтомъ долженъ засіяť потусторонній міръ? Это — психологія малодушія. Нѣтъ терпѣнія, нѣтъ мужества вести наблюденіе, направлять критику, признаваться въ ограниченности познанія, и вотъ—поиски какого-то потайного кратчайшаго хода помимо научныхъ путей.

Но въ этихъ поискахъ особой дороги пока можетъ ослабѣть чутье къ реальному, вниманіе къ дѣйствительности.

То философское направленіе, о которомъ я упомянулъ въ началѣ и которое придаетъ такую цѣну внутреннему созерцанію, поражается именно такимъ невниманіемъ къ конкретному научному матеріалу исторіи, права, народовѣдѣнія, психологіи. Оно легко и свободно передвигаетъ свои воздушные термины, но и предпосылки, и выводы его остаются внѣ пространства и времени.

Мнѣ приходитъ по этому поводу на память утопическая картина, принадлежащая одному замѣчательному новому социологу *). Утопія состоитъ въ томъ, что человѣчество, вслѣдствіе ослабленія свѣтовой энергіи солнца и охлажденія земной коры, вынуждено покинуть земную поверхность и уйти въ подземныя сферы; оно обращаетъ старый мифологическій адъ въ человѣческій рай и переноситъ туда все совершенство своей культуры.

Новый подземный міръ и новый вѣкъ человѣческаго сознанія отличаются тѣмъ, что изъ круга зрѣнія людей исчезла вовсе внѣшняя живая природа: нѣтъ солнца, неба и разнообразнѣйшей игры красокъ, нѣтъ горизонта, нѣтъ пейзажа, возвышенностей, рѣкъ, лѣсовъ. Отсутствуетъ весь животный и растительный міръ; остался только человѣкъ да камни. Нѣтъ больше дѣленій на государства и націи, нѣтъ мѣстныхъ особенностей, нѣтъ расовыхъ характеровъ, разныхъ языковъ. Нѣтъ ни деревни, ни города; все превратилось въ дома, залы, фасады и коридоры между ними.

Реального матеріала нѣтъ; нечего наблюдать, не на чемъ дѣлать опыты. Это оказываетъ своеобразное воздѣйствіе на науку и искусство. Всѣ предметы, которые изучаются или воспроизводятся учеными и художниками, имѣютъ совершенно отвлеченный интересъ; никто не видитъ ни ихъ самихъ, ни чего-либо подобнаго. Исчезло само побужденіе чувствовать конкретность. Когда попробовали при помощи кинематографа и фонографа воспроизвести картину стараго надземнаго міра съ его днемъ и ночью, дѣніемъ соловья, журчаніемъ ручья и шелестомъ листвы, обитатели подземнаго рая напали, что пресловутая симфонія старинной природы скучна и смѣшна.

Старая вселенная, о которой такъ много говорятъ, обратилась въ сплошную символъ. Ученые начинаютъ походить на прежнихъ богослововъ, которые исключительно говорили о томъ, чего не могли видѣть и проверить. Теологія подземной культуры также, какъ схоластика, распадается на секты и ереси, которыя ведутъ между собою ожесточенную борьбу: «вѣдь бесполезные вопросы всегда способны волновать людей, разъ они неразрѣшимы».

Богѣ всего, разумѣется, должна процвѣтать философія. Эта область кишитъ школами, которыя жадно тянутся мыслью назадъ, къ великимъ авторитетамъ: есть нео-аристотелики, нео-кантіанцы, нео-платоники и т. д. Философія имѣетъ свою арену, свой храмъ: въ огромномъ гротѣ, украшенномъ всѣми чарами подземной архитектурной и ювелирной техники, сидятъ руководители школъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, на гранитныхъ пьедесталахъ, окруженные группами поклонниковъ и поклонницъ.

Ничто не мѣшаетъ полету отвлеченной мысли; одна теорія другой тоньше и блестяще, одна гипотеза другой красивѣе, но все это—великолѣпная артистическая игра словъ, чудеснѣйшій воздушный замокъ терминологіи. Несравненная параллель въ то же время къ культу красоты, который составляетъ основу общественной жизни въ изумительныхъ дворцахъ.

*) *Tarde*. Fragment d'histoire future въ *Revue internationale de sociologie*, 1896. Недавно вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Еще одна особенность этого окрыленія мысли, свободной отъ реальной основы. Изъ всей старой природы остался только человѣкъ, притомъ человѣкъ, если возможно такъ сказать, одухотворенный, поднятый надъ эмпиріей. Вотъ она—абсолютная личность, очищенная отъ всякихъ оттѣнковъ и красокъ, налагаемыхъ естественными условіями, случайностями жизни и пережитыми впечатлѣніями. Вотъ она—полная свобода для самоуглубленія, для тончайшаго изученія своего «я», выдѣленная отъ всѣхъ стѣсненій пространства, времени и среды. Понятно, что первое мѣсто между науками занимаетъ новая психологія, она же атомологія личнаго «я». «Наши психологи,—говоритъ изобразитель подземнаго царства,—раскрываютъ намъ въ малѣйшихъ деталяхъ нашъ духъ, это — удивительнѣйшее изъ всѣхъ обществъ, эту іерархію сознаний, этотъ феодализмъ вассальныхъ психическихъ единицъ, въ которомъ наша личность образуетъ вершину».

Конечно, эта наука, будучи безпредметной, ничѣмъ не связанной съ жизнью и опытомъ, исключительно покоясь на комнатной гимнастикѣ человѣческаго духа, не заключаетъ въ себѣ большой энергіи. Она носитъ характеръ «милой безвредности»,—говоритъ лѣтописецъ подземнаго салона. «Раздѣленіе на секты и фракціи въ средѣ нашихъ философовъ несущественно. Ихъ методы и данныя одинаковы. Они, если позволено будетъ такъ выразиться, пережевываютъ одно и то же на одинъ манеръ и въ однихъ и тѣхъ же отдѣленіяхъ».

Картина, которую я вамъ передалъ, рассказана съ полною серьезностью и въ свое время была помѣщена въ ученомъ журналѣ, какъ социальная утопія будущаго безъ всякаго комментарія. Мнѣ думается, однако, что составитель посмѣялся надъ нами и изобразилъ въ концѣ концовъ современный научно-артистическій салонъ, въ которомъ нѣсколько чрезмерно презрѣли конкретную дѣйствительность и, подъ влияніемъ символистическихъ увлеченій, отклонились отъ реализма. Вѣдь можно и вида, не глядѣть и, не будучи запертымъ, замкнуться.

Новый символизмъ со своимъ исканіемъ тайнаго внутренняго міра сквозь явный внѣшній, т.-е. безъ вниманія къ внѣшнему, стоитъ на этомъ опасномъ склонѣ. Онъ можетъ подниматься до выраженій все болѣе возвышенныхъ и красивыхъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ дѣлаться все болѣе безпредметнымъ, онъ все меньше будетъ оказывать на насъ воздѣйствія. Мы еще пока на земной поверхности и хотимъ, чтобы намъ говорили объ ея реальныхъ горизонтахъ, ея реальныхъ формахъ и краскахъ.

Мы хотимъ, чтобы намъ открывали идеальныя цѣли жизни; но онѣ не требуютъ загадочнаго и преувеличеннаго языка. Идеалы велики не тѣмъ, что вѣчны—это слово не вызываетъ у насъ отвѣтнаго біенія сердца—они велики тѣмъ, что человѣчны, тѣмъ, что отвѣчаютъ человѣческому достоинству нашему, человѣку нашего времени. Все, чего мы хотимъ, мы можемъ сказать конкретнымъ языкомъ нашего времени.

Р. Випперъ.

Надѣльные земли въ проектахъ крестьянской реформы.

26 февраля 1903 года последовалъ Высочайшій манифестъ: «Предначтанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи по ихъ первоначальному выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣриемъ общественнымъ обложенныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить *неприкосновенность общиннаго строя* крестьянскаго землевладѣнія, изыскать одповременно способы къ облегченію *отдѣльнымъ крестьянамъ выхода* изъ общины...» (курсивъ нашъ).

8 января 1904 года именнымъ указомъ правительствующему сенату предписано: «Пересмотръ сей (положеній о крестьянахъ) Мы признали за благо произвести на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года, положивъ въ основу упомянутого пересмотра, какъ сказано Нами въ манифестѣ 26 февраля, *неприкосновенность общиннаго строя* крестьянскаго землевладѣнія при условіи облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины. Въ развитіе сихъ предназначеній признаемъ Мы необходимымъ на ряду съ этимъ сохранить крестьянамъ *сословный строй и неотчуждаемость* отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель».

Ясность преподанныхъ принциповъ безспорна. И тѣмъ не менѣе редакціонная коммиссія проектъ свой о надѣльныхъ земляхъ составила въ прямое нарушеніе этихъ ясныхъ началъ.

Уже въ очеркѣ работъ редакціонной коммиссіи въ отдѣлѣ, трактующемъ объ основныхъ началахъ, принятыхъ коммиссіей, ясное указаніе манифеста о сохраненіи общиннаго строя превращено въ начала «неприкосновенности основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ насильственнаго, велѣніемъ закона, измѣненія», т.-е. распространено въ равной мѣрѣ и на землевладѣніе подворное. Коммиссія при этомъ не скрываетъ своего отрицательнаго отношенія къ общинной формѣ землепользованія, идеализируя и склоняясь къ хозяйству хуторскому, къ сведенію владѣній каждаго двора въ одинъ отрубноу участокъ; и, вопреки яс-

наго и категорическаго Высочайшаго повелѣнія, она вносить въ проект такіе способы искусственнаго поощренія и развитія хуторскихъ хозяйствъ, которые прямо расшатываютъ основные устои общиннаго землевладѣнія. Со стороны правительственной комиссіи, призванной къ редактированію началъ, преподанныхъ ей Высочайшей волей, такое отношеніе къ серьезной и отвѣтственной работѣ по пересмотру крестьянскихъ Положеній ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Если бы еще рѣчь шла о принципиальныхъ вопросахъ, объ отвлеченныхъ теоріяхъ, тогда, конечно, каждой сторонѣ, и защитникамъ, и противникамъ общины, позволительно и естественно было бы отстаивать свои убѣжденія и проводить свои взгляды. Но при творчествѣ законодательнаго акта, при ясно выраженной волѣ законодателя, навязывать свои противоположные принципы недопустимо; тѣмъ болѣе, что проекты эти, направляясь для дальнѣйшаго обсужденія въ губернскіе комитеты, въ сущности являлись предрѣшенными въ своей редакціи при томъ личномъ составѣ комитетовъ, которыми одобрительные отзывы о предложенныхъ на ихъ сужденіе проектахъ были значительно гарантированы. Мы съ тѣмъ болѣею силой и тѣмъ болѣею горячностью указываемъ на эту явную ошибку редакціонной комиссіи, что ошибка эта можетъ стать непоправимой и роковой, можетъ принести невознаградимыя потери народному богатству: вспомнимъ, что рѣчь идетъ объ измѣненіи и объ отнятіи основныхъ правъ собственности на землю. Сама же редакціонная комиссія въ ст. 5 проекта о надѣльныхъ земляхъ устанавливаетъ то основное положеніе, что «при общинномъ порядкѣ владѣнія *собственникомъ* всей надѣльной земли признается земельное общество, отдѣльные же, входящіе въ составъ общества, крестьянскіе дворы имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли». Но при такомъ правильномъ юридическомъ основаніи, — ибо при общинномъ землепользованіи право собственности на землю, конечно, принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу, — какая же рѣчь возможна «о необходимости облегчать отдѣльнымъ крестьянамъ выдѣленіе *своихъ* (?) земель изъ общаго состава надѣла къ одному мѣсту»? Во-первыхъ, никакихъ «своихъ» земель у крестьянъ общинниковъ нѣтъ, а есть земля, принадлежащая въ собственность общинѣ, лишь временно, до перваго передѣла, предоставленная въ пользованіе отдѣльному крестьянину; во-вторыхъ, санкционировать *требованіе* выдѣла чужой земли, принадлежащей въ собственность другому, а тѣмъ болѣе выдѣла принудительнаго, значитъ нарушать основныя права собственности, нарушать основные гражданскіе законы. Можетъ быть, здѣсь редакціонная комиссія прикроется Высочайшимъ повелѣніемъ 26 февраля 1903 года объ изысканіи способовъ къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины? Но для кого же не понятна кардинальная разница въ понятіяхъ свободнаго выхода изъ общины, въ смыслѣ личной свободы выбора занятій, и свободнаго выдѣла общинныхъ земель, т.-е. иными словами свободнаго расхищенія чужой собственности? Развѣ община, какъ юридическое лицо, беззащитна въ своихъ граждан-

скихъ правахъ предъ закономъ и развѣ насильственный раздѣлъ земель, принадлежащихъ ей въ собственность, не составляетъ нарушенія гражданскаго правопорядка? Какую безмѣрную осторожность въ этой именно области должно блюсти законодательство цивилизованныхъ народовъ. Отъ каждаго неосторожнаго шага здѣсь нѣтъ возврата, иначе какъ съ новыми нарушениями правъ собственности; разъ общинныя земли будутъ разобраны по рукамъ, права общины разлетятся какъ дымъ и никакими новыми законодательными актами нельзя уже будетъ поправить дѣла, нельзя будетъ возстановить ея правъ безъ нарушенія правъ другихъ собственниковъ; никакіе опыты, никакія пробы въ этой твердой области гражданскихъ правъ недопустимы; здѣсь нужна ясная и твердая политика, ясное и категорическое положеніе закона; гдѣ этого нѣтъ, гдѣ законодательныя нормы шатки и неясны, тамъ нѣтъ права, нѣтъ порядка; всякія политическія, всякія общественно-правовыя нормы переходящи и допускаютъ измѣненія; но гражданскія права должны стоять твердо и неизмѣнно.

Что же именно предлагаетъ редакціонная коммиссія въ цѣляхъ достиженія хуторскаго хозяйства, какъ «идеальнаго порядка крестьянскаго землевладѣнія», по выраженію коммиссіи? Въ этомъ направленіи проектомъ приняты двѣ основныя мѣры, въ самомъ корнѣ подрывающія весь общинный нашъ строй, идущія вразрѣзъ съ основными принципами общиннаго землепользованія: во-первыхъ, принудительный раздѣлъ общинныхъ земель по требованію одной группы домохозяевъ, выселяющихся съ своими усадьбами на край полей, и, во-вторыхъ, принудительный выдѣлъ изъ общинной надѣльной земли отрубныхъ участковъ въ индивидуальное пользованіе каждаго отдѣльнаго домохозяина, выселяющагося на этотъ участокъ.

Едва ли нужно доказывать, что принудительный раздѣлъ или выдѣлъ общинной земли, самымъ грубымъ образомъ нарушая законныя права собственности общины, какъ юридическаго лица, никакимъ образомъ и ни при какомъ толкованіи не можетъ быть причисленъ къ мѣрамъ, содѣйствующимъ упроченію неприкосновенности общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія. Правда, коммиссія въ мотивахъ *) къ ст. 130 проекта о надѣльных земляхъ, о выдѣлѣ участковъ отдѣльныхъ дворовъ, какъ бы оправдываетъ исключительность предлагаемой ею мѣры ссылкой на нѣкоторыя дѣйствующіе законы,—на статью 12 Общаго Положенія о крестьянахъ, изданія 1902 года, согласно которой каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Но въѣдъ коммиссія, вѣроятно, извѣстно, что цитированная статья относится не къ надѣльнымъ, а къ частно-владѣльческимъ землямъ, пріобрѣтеннымъ обществомъ на частныя средства; и кто же станетъ отрицать, какое огромное различіе существуетъ между крестьянскими надѣлами и ихъ частной

*) Т. V, „Труды“, стр. 356.

собственностью, между земельнымъ фондомъ, составляющимъ главный, если не единственный, ресурсъ земельного обезпеченія всего крестьянскаго населенія имперіи и съ этой точки зрѣнія представляющимъ государственное значеніе первостепенной важности, и тѣми небольшими клочками земли, которые крестьянскія общества пріобрѣтаютъ на частныя свои средства. Правда, что и здѣсь коммиссія стремится успокоить увѣреніемъ, что различіе это слишкомъ абстрактно и несущественно (стр. 360), ибо и на надѣльныхъ земли дѣйствующій законъ распространяетъ принципы статьи 12-й, коль скоро земли эти будутъ выкуплены крестьянами (статья 106-я Положенія о выкупѣ, изданія 1902 года). Но къ увѣренію этому необходимо отнестись съ большою осторожностью: если бы дѣло обстоило дѣйствительно столь просто, какъ оно представляется коммиссіею, то къ чему свелись бы всѣ жаркіе споры по поводу классической статьи 165 Положенія о выкупѣ (нынѣ 113)? Какъ будто всѣ споры, всѣ пренія, вся литература, вся законодательная работа по поводу измѣненія этой статьи 165 имѣли въ виду не интересы общины, какъ таковой, а лишь интересы наивысшаго обезпеченія выкупныхъ ссудъ. Да кто же въ наши дни сомнѣвается въ этомъ обезпеченіи? И колоссальный ростъ земельныхъ цѣнъ, и не менѣе колоссальный спросъ, болѣе того—нужда въ землѣ, и значительное погашеніе первоначальныхъ размѣровъ выкупныхъ ссудъ,—все служить такимъ вѣрнымъ обезпеченіемъ выкупныхъ долговъ, что нимало не нуждается въ спеціальной законодательной охранѣ.

«Но вѣдь статья 106 Положенія о выкупѣ однако же существуетъ», быть можетъ, скажетъ намъ редакціонная коммиссія. Да, къ сожалѣнію, она существуетъ; хотя на практикѣ пока и не примѣняется. Но будто бы редакціонная коммиссія такъ связана въ созданіи своихъ проектовъ существующими нормами? И развѣ Высочайше преподанныя ей начала о неприкосновенной охранѣ общиннаго землевладѣнія не указывали ей тотъ единственно вѣрный путь, которымъ она должна была слѣдовать, и развѣ на этомъ пути оставалось мѣсто для столь тщательно оберегаемыхъ коммиссіею статей 12-й общаго Положенія и 106-й Положенія о выкупѣ, статей, противныхъ общинному строю, противныхъ общинному законодательству, статей, дающихъ возможность индивидуализаціи общинныхъ земель. Если бы коммиссія рѣшила въ проектахъ своихъ строго сообразоваться и считаться съ существующимъ законодательствомъ, хотя бы и вопреки ясно выраженной Высочайшей волѣ о сохраненіи общиннаго строя, то ей прежде всего и во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы вводить своихъ новшествъ о принудительномъ раздѣлѣ и выдѣлѣ общинныхъ земель, ибо этихъ губительныхъ для общины нормъ не знаетъ еще существующее законодательство и на такія новшества коммиссія не имѣла никакого уполномочія. Однако она не затруднилась ввести ихъ въ проектъ.

«Въ земельныхъ обществахъ,—гласятъ статьи 115 и 116 проекта о надѣльныхъ земляхъ,—имѣющихъ отъ 20 до 50 дворовъ, домохозяева въ числѣ не менѣе 8, а при наличности въ обществѣ свыше 50 дворовъ, не

менѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ домохозяевъ, въ правѣ во всякое время требовать отвода имъ полевой земли къ одному мѣсту у края полей, если изъявить согласіе выселиться на отведенный имъ участокъ. Требованіе объ отводѣ полевой земли къ одному мѣсту, заявленное не менѣе чѣмъ 50 домохозяевами, подлежитъ удовлетворенію, хотя бы домохозяева эти составляли менѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ домохозяевъ общества».

Такимъ образомъ въ статьѣ 5 проекта провозглашаются права общины, какъ собственника надѣловъ, а въ статьѣ 115 права эти уничтожаются правами отдельной группы домохозяевъ, почему-либо желающихъ выйти изъ общины. Мало того, пятнадцатью статьями ниже тотъ же проектъ уничтожаетъ права общины даже въ интересахъ правъ каждаго отдельнаго домохозяина: «Каждый домохозяинъ въ правѣ при всякомъ передѣлѣ *требовать* выдѣла къ одному мѣсту полевой земли, причитающейся его двору по передѣлу, если изъявить согласіе выселиться на отводимый ему участокъ».

Но и этихъ мѣръ кажется недостаточнымъ для комиссія, зачарованной ослѣпительнымъ блескомъ миража хуторскихъ хозяйствъ: даже въ случаѣ «обнаружившейся невозможности выдѣлить означенные участки безъ явнаго и значительнаго ущерба для земельного общества», послѣднее все же обязывается удовлетворить выселяющагося домохозяина деньгами (ст. 130 и 136 проекта). «Въ принятіи въ этомъ случаѣ болѣе рѣшительныхъ мѣръ, — такъ разсуждаетъ комиссія въ мотивахъ къ этой статьѣ *)», — не представляется надобности въ виду того, что желающій перейти на отрубной участокъ домохозяинъ на полученное имъ денежное вознагражденіе всегда можетъ пріобрѣсти на сторонѣ съ помощью крестьянскаго банка необходимое для веденія хозяйства количество земли не меньше того, какое причиталось бы ему къ выдѣлу, и такимъ образомъ безъ нарушенія своихъ интересовъ выйти изъ общины».

Какія же *болѣе рѣшительныя* мѣры имѣлись въ виду комиссіей? Мѣры эти проектируются ею при раздѣлѣ общинныхъ земель для выселившейся на край полей группы домохозяевъ: въ случаѣ отказа схода отъ указанія земли, подлежащей выдѣлу, отводъ этой земли производится земскимъ начальникомъ и утверждается губернскимъ присутствіемъ (ст. 128).

Если въ проектѣ о надѣльных земляхъ законныя права общины приносятся въ жертву интересамъ пресловутаго хуторскаго хозяйства, то въ проектѣ крестьянскаго управленія попечительными заботами всевѣдающаго земскаго начальника права собственности поземельной общины могутъ быть ограничены простымъ административнымъ распоряженіемъ: «Земскимъ начальникамъ предоставляется входить въ губернское присутствіе съ представленіями о раздѣленіи многочисленныхъ земельныхъ обществъ (т.-е. общинъ) на два или нѣсколько самостоятельныхъ обществъ, независимо отъ составленія подлежащимъ сходомъ соответственнаго къ сему предмету при-

*) Т. V, стр. 380.

говора» (ст. 16, стр. 112, т. I). Въ мотивахъ къ этой статьѣ коммиссія указываетъ на возможность постоянныхъ смутъ и раздоровъ въ общинахъ, состоящихъ, наприм., изъ различныхъ національностей, и находитъ, что нынѣ существующій порядокъ принудительнаго раздѣла подобныхъ обществъ Высочайшими повелѣніями по ходатайствамъ о томъ правительствующаго сената представляется слишкомъ сложнымъ для столь *«маловажныхъ дѣлъ»*. Дабы не обременять верховной власти такими *«маловажными дѣлами»*, ихъ слѣдуетъ, по мнѣнію коммиссіи, предоставить разрѣшенію административныхъ распоряженій.

Мотивировка статьи этой представляется для насъ изумительной: трудно предположить въ составѣ коммиссіи подобное незнакомство съ основными началами правовыхъ нормъ и законодательныхъ функций. Правительствующій сенатъ, практикой котораго и установленъ нынѣ существующій порядокъ раздѣла многолюдныхъ общинъ не иначе какъ по Высочайшимъ повелѣніямъ, сдѣлалъ не болѣе того, что требовалось, согласно основныхъ началъ юриспруденціи; ни о какомъ обремененіи верховной власти здѣсь не можетъ быть рѣчи, ибо ограниченіе, измѣненіе, отнятіе дарованныхъ Высочайшей властью правъ, въ данномъ случаѣ правъ собственности общины, какъ юридическаго лица, можетъ послѣдовать не иначе какъ съ Высочайшаго же соизволенія, — этого первоисточника всѣхъ вообще правъ гражданъ. Заботы администраціи объ облегченіи функций верховной власти не могутъ и не въ правѣ простираются такъ далеко, вплоть до присвоенія себѣ законодательныхъ правомочій! Такія заботы оказываютъ плохую услугу Монарху, ибо граничатъ съ узурпаціей верховныхъ правъ подъ участливымъ видомъ облегченія обязанностей верховной власти. И развѣ отнятіе правъ собственности возможно подводить подъ категорію *«маловажныхъ дѣлъ»*? Коммиссія, вѣроятно, имѣла въ виду выразить подъ словомъ *«маловажный»* слишкомъ дробную индивидуальность и возможную повторяемость такихъ дѣлъ на пространствѣ всей имперіи. Но съ такими мотивами можно дойти и до *«маловажности»* дѣлъ и постановленій судебныхъ, повергаемыхъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и милость. Вѣдь и такихъ дѣлъ немало: не проще ли, не утруждая Монарха, предоставить и ихъ рѣшеніе административному усмотрѣнію? Нѣтъ, гдѣ рѣчь идетъ объ изъятіяхъ изъ общаго законнаго порядка, тамъ законодательныя прерогативы верховной власти непоколебимы; тамъ не можетъ быть дѣлъ *«маловажныхъ»*; и домогаться такихъ пономочій значить обнаруживать стремленіе не къ облегченію, а къ узурпаціи верховныхъ правъ.

Что-нибудь одно: или община, какъ юридическое лицо, снабжена правами собственности на надѣлы и тогда отобраніе сихъ правъ можетъ послѣдовать лишь по Высочайшему повелѣнію въ каждомъ конкретномъ случаѣ; или община правъ собственности не имѣетъ; но тогда нѣтъ и общины, ибо въ правахъ собственности на надѣлы заключается весь смыслъ, вся цѣль, все существованіе поземельной общины; община безъ надѣла, безъ

земли, это — король безъ королевства, это нѣчто безплотное, отвлеченное понятіе безъ всякаго реальнаго значенія.

Къ крайнему нашему удивленію комиссія общину только и признаетъ въ такомъ абстрактномъ значеніи. «Существуетъ мнѣніе, — такъ рассуждаетъ комиссія, — усматривающее въ допущеніи выдѣла участковъ безъ согласія общества коренное нарушеніе самаго существа общиннаго владѣнія. Согласно этому мнѣнію предоставленіе каждому домохозяину права на досрочный выкупъ своего участка шло бы вразрѣзъ со статьей 107 Положенія о выкупѣ, по которой собственникомъ всего надѣла признается сельское общество, пользующееся правомъ разверстки земли между своими членами». — «Обязывать общину отрывать часть отъ общаго достоянія отдѣльнымъ ея членамъ, которые самостоятельно, безъ согласія другихъ членовъ, будутъ выходить изъ общины, несомнѣнно, говоритъ Тернеръ, противно всѣмъ требованіямъ ассоціационной справедливости. Неправедливо и то, что лица, выкупающія надѣльные земли въ разные эпохи, находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ. Вносящій выкупъ за надѣлъ, которымъ онъ пользуется въ данное время, можетъ въ дѣйствительности выкупать такую землю, которою до него владѣли и за которую платили десятки лѣтъ другіе члены общества. И эта несправедливость распределенія должна все болѣе и болѣе усиливаться по мѣрѣ приближенія выкупной операціи къ окончанію, такъ какъ при досрочномъ выкупѣ требуется взносъ не всей стоимости земли, а только остальной невыплаченной еще части капитальнаго долга; такимъ образомъ, одни могутъ получать выгоду на счетъ другихъ». Приведенныя соображенія, какъ заключаетъ комиссія, нельзя не признать справедливыми, если исходить изъ *отвлеченнаго* понятія объ общинномъ владѣніи, при которомъ *единственнымъ* собственникомъ надѣльной земли является *земельное общество*, какъ юридическое лицо, отдѣльные же общинники имѣютъ лишь право срочнаго, отъ передѣла до передѣла, владѣнія причитающимся имъ по разверсткѣ количествомъ земли, а отнюдь не *право собственности на определенную долю этой земли*. Но будущій законъ долженъ имѣть дѣло не съ отвлеченной общиной, а съ тою, которая существуетъ у насъ въ дѣйствительности (?) и земельный строй которой сложился подъ воздѣйствіемъ многообразныхъ причинъ, значительно отклонившихъ его отъ типа чисто общиннаго владѣнія и внесшихъ въ него личное индивидуалистическое начало» *).

Какимъ же образомъ однако объяснить происхожденіе основной статьи 5-й проекта, провозглашающей принципъ общиннаго землевладѣнія: «при общинномъ порядкѣ владѣнія собственникомъ всей надѣльной земли признается земельное общество, отдѣльные же, входящіе въ составъ общества, крестьянскіе дворы имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли». Вѣдь это законодательное начало должно лечь неизбѣжно въ основаніе правъ собственности по-

*) Т. V, стр. 360. (Курсивы комиссія).

земельной общины; нельзя же въ самомъ дѣлѣ, издавая какой-либо законъ, предупреждать въ то же время подданныхъ, что эта законодательная норма есть лишь необязательное абстрактное начало, которое безнаказанно и всячески можно нарушать?

«Задача закона,—провозглашаетъ комиссія,—вообще заключается именно въ примиреніи сталкивающихся въ жизни правъ и интересовъ, въ созданіи такого порядка, при которомъ и общественные интересы, и интересы отдѣльной личности получили бы по возможности удовлетвореніе», (стр. 363 *ibid.*)—характерное признаніе, какъ нельзя лучше доказывающее, по какому неправильному пути и какими неправильными приемами пользовалась и шла комиссія, создавая свой проектъ: здѣсь очевидное смѣшеніе причинъ и слѣдствій, игнорированіе основныхъ началъ всякаго права, всякаго порядка, именно началъ *порядка, а не безпорядка*. Безспорно, что задачей законодательнаго творчества является удовлетвореніе «сталкивающихся въ жизни интересовъ», въ томъ именно смыслѣ, чтобы законодательная норма соответствовала требованіямъ и запросамъ жизни. Я не стану пока останавливаться на этой сторонѣ вопроса, насколько труды комиссіи соответствуютъ этому требованію; о томъ рѣчь впереди. Но всякая, разъ установленная, законодательная норма должна быть крѣпка и прежде всего должна быть признаваема самимъ закономъ, отнюдь не представляя собой какого-то абстрактнаго изреченія, не имѣющаго равно никакого практическаго примѣненія и смысла. Такимъ образомъ, если законодательство признаетъ за общиной права собственности на надѣлъ, то и всѣ послѣдующія нормы должны исходить изъ этого начала. Поясню это нагляднымъ примѣромъ: предположимъ, что законъ признаетъ права собственности за монастыремъ или за причтомъ, какъ за юридическимъ лицомъ; отсюда очевидно, что именно монастырь и именно причтъ и должны быть ограждены въ своихъ правахъ собственности, и что ни монахи даннаго монастыря, ни отдѣльные члены причта—священники, дьяконы, причетники, никакихъ правъ собственности на эти земли предъявлять не могутъ; комиссія полагаетъ возможнымъ примирять интересы общественные и частные; отчего и не примирить, если жизнь того требуетъ; но и примиряя ихъ, необходимо исходить изъ какого-либо определеннаго начала, и если запросы жизни склоняются къ установленію такого правового порядка, чтобы обезпечивались, скажемъ, не монастыри, какъ учрежденія, а каждый отдѣльный монахъ,—пусть будетъ издана такая законодательная норма. Но отнюдь нельзя допустить нормы двойственной, т.-е. провозгласить право собственности на одно и то же имущество, принадлежащимъ какъ монастырю, такъ и каждому отдѣльному монаху сего монастыря.

Законодательная норма должна быть ясна и безспорна и никакимъ замаскированнымъ тенденціямъ въ ней не можетъ быть мѣста. Если слѣдовать приему редакціонной комиссіи, то возможно составить проекты, прямо противоположные преподаннымъ началамъ и задачамъ. Именнымъ Вы-

сочаишимъ указомъ 8 января 1904 года преподано начало сохраненія сословнаго крестьянскаго строя. Слѣдуя примѣру коммиссiи, всѣмъ сторонамъ и защитникамъ всесословной мелкой организаціи нетрудно составить проектъ введенія всесословной земской волости, поставивъ во главѣ своего труда основную статью, провозглашающую неприкосновенность сословнаго строя, но лишь въ качествѣ начала чисто абстрактнаго, не имѣющаго ни малѣйшаго вліянія на весь послѣдующій ходъ занятій; въ проектъ вошли бы и всесословный судъ, и мелкая земская организація, и земская полиція, и прочіе атрибуты всесословной волости. И такой проектъ съ неменьшей убѣдительностью могъ бы аргументировать требованіями и запросами жизни, поскольку они вылились во всеподданнѣйшихъ ходатайствахъ общественныхъ учреждений. А гдѣ эти аргументы у редакціонной коммиссiи по вопросу объ упраздненіи общины? Въ Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по пересмотру положеній о крестьянахъ, созданныхъ въ началѣ прошлаго десятилѣтія въ качествѣ бюрократическихъ совѣщаній чистой воды, составленныхъ изъ земскихъ начальниковъ и прочихъ чиновъ уѣздной и губернской администраціи? Въ отзывѣхъ этихъ, мало для кого авторитетныхъ, коммиссiй не только нѣтъ единогласія, но нѣтъ даже и большинства по отрицанію общинныхъ распоряжковъ. Или, можетъ быть, коммиссiя считаетъ себя достаточно вооруженной литературными источниками въ своихъ немногочисленныхъ ссылкахъ на нѣкоторыхъ авторовъ, работавшихъ по общиннымъ вопросамъ? Ссылки эти далеко не исчерпываютъ однако литературы вопроса, имѣютъ отрывочный характеръ и доказываютъ лишь, что коммиссiя не имѣла собственныхъ фактическихъ цифровыхъ данныхъ, принимаясь за выработку общиннаго законодательства; что всѣ данныя почерпнуты ею изъ вторыхъ рукъ, и что большинство авторовъ, на которыхъ въ этомъ отдѣлѣ ссылается коммиссiя, какъ-то: Чуировъ, Тернеръ, Миклашевскій, Бачаровскій, вѣроятно, пришли бы въ ужасъ, если бы предвидѣли, на какихъ изумительныхъ выводахъ и положеніяхъ остановилась коммиссiя, «изучивъ» ихъ труды. Не большими свѣдѣніями вооружена была, повидимому, коммиссiя и изъ практики западно-европейскихъ государствъ, иначе она, вѣроятно, избѣжала бы ссылки на бѣглую замѣтку Ф. Гр. изъ *Вѣстника Финансовъ* за 1902 годъ о преобразованіи общиннаго земельного строя въ Германіи; врядъ ли вопросъ этотъ не заслуживаетъ болѣе серьезнаго изученія.

Главнѣйшимъ недостаткомъ проекта Положенія о надѣльных земляхъ является,—помимо слабой обоснованности его, не говоримъ уже, какими-либо положительными фактическими данными, которыми, конечно, должна была въ изобиліи снабдить себя правительственная коммиссiя, приступая къ коренному видоизмѣненію законодательства о надѣлахъ, о тѣхъ земляхъ, которыми живетъ огромное большинство населенія Имперіи и которыя требуютъ къ себѣ въ высшей степени внимательнаго и осторожнаго отношенія,—у коммиссiи не было,—по крайней мѣрѣ ихъ не видно въ проектѣ,—и болѣе серьезной подготовки литературной; помимо этихъ недостатковъ,

отдѣльныя части проекта поражаютъ своей невыдержанностью и несогласованностью, какъ будто мы имѣемъ предъ собой компилятивный сборникъ разныхъ авторовъ, совершенно различныхъ по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, или труды такого забывчиваго автора, который въ концѣ книги забылъ то, что онъ написалъ въ началѣ. Мы только что рассматривали основные отдѣлы проекта, такъ сильно подрывающіе начала общиннаго землепользованія, какъ въ отдѣлѣ объ уничтоженіи чрезполосности, въ статьяхъ 165—169 натапливаемся на принципы совершенно противоположнаго характера, облегчающіе переходъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному. Какъ извѣстно, по нынѣ дѣйствующему законодательству такой переходъ возможенъ лишь при условіи единогласія подворныхъ владѣльцевъ; требованіе единогласнаго приговора для перехода къ общинному владѣнію отъ подворнаго устанавливается и проектомъ въ ст. 176. Но цитированныя нами статьи объ уничтоженіи чрезполосницы предоставляютъ право двумъ третямъ домохозяевъ, владѣющихъ подворно наслѣдственными надѣльными участками, требованія принудительнаго разверстанія чрезполосныхъ угодій съ отводомъ ихъ къ однимъ мѣстамъ и съ измѣненіемъ земельныхъ долей каждаго, разъ ему отводится наделла худшаго качества; для такихъ типичныхъ качественныхъ передѣловъ установлены проектомъ лишь два ограничительныя условія: во-1-хъ,—чтобы двѣ трети домохозяевъ, требующіе такого передѣла, владѣли не менѣе какъ двумя третями площади надѣла и, во-2-хъ, чтобы передѣлы эти совершались не чаще, какъ чрезъ 30 лѣтъ.

Мы не станемъ обсуждать рациональности проектируемаго начала въ интересахъ уничтоженія чрезполосницы; мы лишь констатируемъ, что авторы статей 130 и 166 проекта, очевидно, два разныхъ лица: одинъ изъ нихъ—сторонникъ общиннаго, а другой—подворнаго землевлѣдѣнія. Быть можетъ, комиссія укажетъ, что при поставленныхъ ею ограничительныхъ условіяхъ опасность такихъ передѣловъ подворныхъ земель не велика, одинъ только разъ въ 30 лѣтъ, и при томъ по требованію квалифицированного большинства. А поручится ли комиссія, что эти предположенныя ею ограничительныя условія будутъ приняты губернскими совѣщаніями?

Переходимъ къ рассмотрѣнію двухъ чрезвычайно важныхъ отдѣловъ проекта, которые почему-то, вѣроятно по совзвучію, принято рассматривать совмѣстно, которые и въ проектѣ непосредственно слѣдуютъ одинъ за другимъ,—о *передѣлахъ и семейныхъ раздѣлахъ*; хотя это—два совершенно различныхъ института и не имѣютъ между собой никакой связи, если только не считать за таковую одинаково неудачные опыты нормировки обычнаго права крестьянскаго быта ограничительными законами 8 іюня 1893 года и 18 марта 1886 года.

Законы эти нашли въ литературѣ такую всестороннюю и подробную оцѣнку, что врядъ ли необходимо останавливаться на вопросѣ о безопасности поставленной этими законами задачи: являясь прямымъ послѣдствіемъ

режима вездѣсущей и всевѣдущей власти земскаго начальника, нормировака эта оказалась въ результатѣ отчасти неосуществимой — особенно въ семейныхъ раздѣлахъ, отчасти тормозящей лишь естественный ходъ крестьянской жизни, каковы, наприм., установленные закономъ 8 іюня двѣнадцатилѣтніе сроки передѣловъ.

По удостовѣренію самой комиссіи, «передѣлы стоятъ въ тѣсной связи съ бытовыми и экономическими условіями нашего крестьянства... Воспрещеніе передѣловъ было бы въ сущности равносильно уничтоженію общины съ замѣною ея подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ. Въ общихъ объясненіяхъ было уже подробно указано на нежелательность подобнаго принудительнаго уничтоженія общины. Особенно опаснымъ способомъ упраздненія общиннаго владѣнія было бы именно воспрещеніе передѣловъ. Последствіемъ его являлось бы увѣковѣченіе случайно существующаго въ данное время распредѣленія земли между домохозяевами, но такое принудительное путемъ закона заврѣпленіе разъ навсегда за отдѣльными домохозяевами размѣра надѣловъ, рассчитаннаго на временное пользованіе, было бы явно несправедливо и повело бы къ тому, что безъ всякаго основанія семьи разросшіяся, многодушныя остались бы при прежнемъ маломъ надѣлѣ, а тѣ семьи, составъ которыхъ уменьшился со времени послѣдняго передѣла, получили бы въ собственность надѣлы несоотвѣтственно большой. Принудительное увѣковѣченіе такой неравномѣрности, кромѣ несправедливости своей было бы и практически весьма нежелательно, такъ какъ имѣло бы результатомъ увеличеніе числа малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ» (т. V, стр. 211).

Окончательно предъ нами Янусъ, благосклонно взвѣснѣющій на общину; не такъ онъ диктовалъ свои нормы по выдѣлу отрубныхъ участковъ!

О неудобствахъ двѣнадцатилѣтняго срока для передѣловъ также немало писалось. Сама комиссія, ссылаясь на мнѣніе г. Тернера, который доказывалъ, что установленіе двѣнадцатилѣтняго срока приведетъ къ результатамъ какъ разъ обратнымъ тѣмъ, къ которымъ стремился законъ и что общины, «у которыхъ передѣлы перешли уже въ область преданія, возвратятся къ двѣнадцатилѣтнимъ періодическимъ срокамъ и вмѣсто удлинненія получится сокращеніе сроковъ», сама комиссія находить, что «съ приведенными соображеніями нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что обязательное означеніе срока въ приговорѣ о передѣлѣ вообще не вызывается практической необходимостью. Гораздо проще, казалось бы, вовсе не обязывать земельнаго общества непременно опредѣлять въ приговорѣ срокъ, на который совершается имъ передѣлъ, съ тѣмъ лишь, чтобы приговоръ, въ которомъ срокъ не указанъ, считался постановленнымъ на 12 лѣтъ».

Этому выводу комиссія нельзя отказать въ умѣнны отпаривать направленные на нее удары; не думаемъ, однако, чтобы общинные распорядки выиграли сколько-нибудь отъ подобнаго способа замаскированной нормировки. Мы вполне согласны съ комиссіей, что «гораздо проще» не только не обязывать земельныя общества опредѣлять срокъ передѣла

въ приговорѣ, но и вообще «проще» не совать пальцевъ въ чужіе горшки: неужели возможно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что сами домохозяева, всю жизнь свою проводящіе на своемъ надѣлѣ, во всѣхъ подробностяхъ изучившіе каждую межу, каждую лошину, каждый клочокъ, каждую борозду своего небольшого надѣла, разберутся въ вопросахъ передѣловъ этихъ, вдоль и поперекъ извѣстныхъ имъ земель, хуже, чѣмъ петербургскіе чиновники, нѣрѣдко всю жизнь свою не выѣзжавшіе дальше дачныхъ мѣстъ? Вѣдь и срокъ передѣла не составляетъ какого-нибудь безжизненнаго придатка общинныхъ распоряжковъ, которымъ можно манипулировать какъ угодно и безъ всякаго вреда для общины. Если большинство домохозяевъ приходитъ къ убѣжденію о необходимости передѣла, то при чемъ тутъ срокъ, прошло ли 12 лѣтъ, или не прошло; важно, что распределение земель не удовлетворяетъ большинство общины и притомъ большинство квалифицированное, и нѣтъ положительно никакихъ основаній ставить ей въ этомъ какія-либо преграды, а тѣмъ болѣе скрытыя и замаскированныя. Возраженія сторонниковъ нормировки намъ давно и хорошо извѣстны: они не идутъ далѣе крестьянскаго навоза. Но ужъ если имъ, этимъ народнымъ печальникамъ, такъ дорогъ крестьянскій навозъ, то почему же имъ не дорогъ крестьянскій хлѣбъ? Почему навозъ тѣхъ домохозяевъ, которые захватили и владѣютъ излишками надѣльных земель противъ ихъ личнаго семейнаго состава (ибо вѣдь только такіе дворы и будутъ препятствовать передѣлу), почему этотъ навозъ долженъ пользоваться усиленной охраной закона и почему въ то же время тотъ же самый законъ отказывается въ защитѣ справедливымъ притязаніямъ семей обдѣленныхъ, составляющихъ квалифицированное большинство, въ нарѣзкѣ земли, явными словами, въ хлѣбѣ насущномъ?

Эта *навозная точка* зрѣнія приводитъ проектъ вообще къ немалымъ курьезамъ; такъ, статья 81 проекта о надѣлахъ гласитъ: «въ случаѣ несовершенія передѣла немедленно по истеченіи срока, прежній приговоръ о передѣлѣ считается продолженнымъ еще на три года, до окончанія которыхъ общество не въ правѣ приступать къ новому передѣлу. Если передѣлъ не послѣдуетъ и по прошествіи этихъ 3-хъ лѣтъ, то прежній приговоръ остается въ силѣ на слѣдующее трехлѣтіе и продолжаетъ такимъ образомъ сохранять свое дѣйствіе отъ трехлѣтія до трехлѣтія»... Эти ограничительные трехлѣтніе періоды, при полной ихъ произвольности, невольно наводятъ на мысль, не руководствовалась ли здѣсь коммиссія преобладающимъ въ Имперіи трехпольнымъ сѣвооборотомъ, хотя нецѣлность подобнаго предположенія прямо бросалась бы въ глаза каждому хозяину, каждому деревенскому жителю. Беремъ мотивы къ этой статьѣ проекта; оказывается какъ разъ, коммиссія вѣрно такъ и рассуждала, что «каждый домохозяинъ получить увѣренность, что въ теченіе трехъ лѣтъ, на срокъ всего сѣвооборота, состоящаго въ его владѣніи полосы земли не будутъ ни перемѣщены, ни уменьшены и что, слѣдовательно, затраты, сдѣланныя имъ на обработку и на унавоженіе полосъ, не пропадутъ даромъ» (т. 5, стр. 240).

Повидимому, комиссія предполагаетъ, что при трехпольномъ сѣвооборотѣ и обработка, и «унавоженіе» полосъ производится одинъ разъ въ три года!

Практикующійся въ общинахъ обычай «скидки и накидки тягловъ», т.-е. передачи отъ однихъ домохозяевъ другимъ надѣльных душевыхъ участковъ впредь до общаго передѣла въ зависимости отъ измѣняющагося личнаго состава семей, представляется проекту настолько предосудительнымъ, что онъ не считаетъ нужнымъ даже говорить о немъ въ законѣ: «само собой разумѣется, значитъ въ мотивахъ комиссіи къ статьѣ 81, что скидка и накидка тягловъ, какъ совершенно не предусматриваемая настоящимъ проектомъ, не допускается также и въ обществахъ, въ коихъ совершенно не производилось передѣловъ со времени изданія закона 8 июня 1893 года, въ виду чего въ установленіи по сему предмету особой статьи необходимости не представляется». Тѣмъ не менѣе запрещеніе этого обычая проведено въ статьѣ 93-й проекта.

Мы не станемъ теперь останавливаться на вопросѣ, не разъ отмѣченномъ въ литературѣ, насколько запрещеніе это недопустимо на практикѣ и насколько оно противорѣчитъ основному стремленію удлиннить періодъ передѣловъ: для каждаго вполне очевидно, что чѣмъ рѣзче выступаютъ отдѣльные случаи неравномѣрнаго распредѣленія надѣльной земли, тѣмъ быстрее созрѣваетъ убѣжденіе въ необходимости общаго передѣла. Эта мысль не нова. Но вотъ что любопытно: очевидно, и здѣсь комиссія исходить изъ того же стремленія охранить владѣніе «унавоженныхъ» полосъ. А извѣстно ли комиссіи, что въ Имперіи немало мѣстностей, гдѣ домохозяинъ, владѣлецъ такой «унавоженной» полосы, съ великой охотой отступится не только отъ этой полосы, но отдастъ въ придачу и весь свой инвентарь, лишь бы общество приняло отъ него надѣлъ? Это тѣ самыя мѣстности, гдѣ доходность надѣловъ не окупаетъ лежащихъ на ней платежей и повинностей; тѣ мѣстности, гдѣ доминируетъ такъ называемая *производительная* разверстка земли или, иными словами, разверстка платежей, а не земли, которой никто не дорожитъ. Со словъ извѣстныхъ изслѣдователей общины, — Орлова, Качаровскаго и Чупрова, — комиссія трактуетъ объ этихъ разверсткахъ въ своихъ трудахъ (т. 5, стр. 178—182). Такъ неужели же и въ этихъ случаяхъ представляется хотя малѣйшее основаніе настаивать на принудительномъ двѣнадцатилѣтнемъ періодѣ передѣловъ и на запрещеніи «предосудительнаго» обычая скидки и накидки тягловъ?

Или, можетъ быть, и здѣсь все тѣ же чары коварнаго, двуликаго языческаго божества?

Увѣренность комиссіи въ непогрѣшимости, непреложности бюрократическимъ порядкомъ созданныхъ нормъ особенно рельефно вылилась въ проектированномъ ею отдѣлѣ о *семейныхъ раздѣлахъ*. Не говоря уже о литературныхъ отзывахъ, даже отвѣты губернскихъ совѣщаній, которымъ былъ предложенъ вопросъ: оказать ли замѣтное вліяніе на сокращеніе се-

мейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта 1886 года, и которые съ замѣчательнымъ единодушіемъ отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, долженъ былъ бы, казалось, убѣдить комиссію въ тщетномъ стремленіи закона повелительными нормами не только внести любовь и единство въ семейный союзъ, но еще и создать исключительный союзъ лицъ, соединенныхъ между собою не столько родственными, сколько хозяйственными отношеніями. Кому бы и повѣрить комиссіи, какъ не мѣстнымъ органамъ попечительной о крестьянскомъ населеніи власти?

Комиссія удостовѣряетъ, что «всѣ постановленія, направленные къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ, въ дѣйствительности не остановили дальнѣйшаго распространенія ихъ и съ точки зрѣнія успѣшности борьбы противъ семейныхъ раздѣловъ, законъ 18 марта 1886 года долженъ быть признаванъ не достигающимъ цѣли». По показаніямъ губернскихъ совѣщаній, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи процентное отношеніе самовольныхъ раздѣловъ къ законнымъ достигало цифры 80 и даже 95. Комиссія подробно выписываетъ мнѣнія отдѣльныхъ совѣщаній, доказывающихъ невозможность совместнаго семейнаго сожителства при «несогласіи, враждѣ между членами семьи, при неравномѣрности раздѣленія труда и потребностей каждаго члена семьи, при безпечности однихъ и разгулѣ другихъ»; но въ такихъ подробныхъ доказательствахъ врядъ ли и представляется какая-нибудь надобность, — стоить лишь на одинъ мигъ представить самого себя въ высшей степени странномъ и ненормальномъ положеніи принудительнаго сожителства и принудительной общности имущества и заработковъ, общности квартиры, стола и даже ложа — при тѣсотѣ крестьянскихъ избъ — не только съ ближайшими нашими кровными родичами, но даже и съ отдаленными родственниками, съ зятьями, приймаками, съ вотчинниками и т. п. Не трудно предугадать, какой кромѣшный адъ водворился бы подчасъ у такого семейнаго очага.

Исчерпавъ всѣ доводы и указанія практики на вредъ влія, по крайней мѣрѣ, на безполезность нормировки семейныхъ раздѣловъ, комиссія заключаетъ, что «стихийный характеръ семейныхъ раздѣловъ и тѣсная связь ихъ съ бытовыми условіями крестьянской жизни даютъ многимъ поводъ признавать регламентацію семейныхъ раздѣловъ въ законѣ не только излишнею, но и вредною и считать наиболее желательнымъ предоставленіе такихъ раздѣловъ естественному теченію жизни. *Минніе это едва ли, однако, правильно* (курсивъ нашъ, стр. 280). Комиссія приводитъ затѣмъ шаблонные доводы о хозяйственномъ вредѣ семейныхъ раздѣловъ, о болѣе исправной обработкѣ земли многорабочими семьями, объ измелчаніи участковъ, — словомъ вновь переноситъ вопросъ на ту почву абстрактныхъ умозаключеній, которыя не имѣютъ ровно никакого отношенія къ засвидѣтельствованной практикой тщетѣ регламентаціи *личныхъ* семейныхъ отношеній и на которой трудно придти къ какому-либо соглашенію по пословицѣ: кто про Фому, а кто про Ерему. Въ концѣ-концовъ все дѣло сводится къ необходимости «усиленія административнаго надзора за соблю-

деніемъ при семейныхъ раздѣлахъ постановленій закона о предѣлахъ дробленія усадебныхъ и полевыхъ участковъ... «Впередъ обрѣзать на неуспѣхъ,—говоритъ коммиссія,—всякую законодательную попытку, ограничить семейные раздѣлы нѣтъ достаточнаго основанія. Неудача въ этомъ отношеніи закона 18 марта не служитъ еще сама по себѣ доказательствомъ безсилія закона въ вопросѣ о семейныхъ раздѣлахъ, ибо, во-первыхъ, законъ 18 марта страдаетъ многими недостатками, которые, можетъ быть, и послужили причиною недостиженія имъ цѣли, ради которой онъ былъ изданъ, во-вторыхъ, на-ряду съ этимъ закономъ не принималось до сихъ поръ положительныхъ мѣръ, которыя дѣлали бы возможнымъ семейный раздѣлъ безъ дробленія земли въ натурѣ». Въ дальнѣйшемъ коммиссія останавливается лишь на первомъ вопросѣ, т.-е. на недостаткахъ закона 18 марта; но здѣсь мы за ней не послѣдуемъ, этихъ недостатковъ такъ много, что они совершенно поглощаютъ всѣ его положительные стороны, если только таковыя кто-либо въ немъ находитъ.

Въ упорномъ стремленіи коммиссія во что бы то ни стало втиснуть семейную крестьянскую жизнь въ рамки предначертанныхъ выше нормъ и правилъ семейныхъ раздѣловъ, какъ нельзя лучше сказалась чисто-бюрократическая черта не сознавать всѣми признанныхъ ошибокъ: и жизнь, и практика, и мѣстные органы, и литература, и пресса—всѣ въ одинъ голосъ указываютъ на непригодность закона 18 марта 1886 года, вымышленнаго кабинетнымъ путемъ подъ вліяніемъ реакціонныхъ вѣяній о попечительной опеѣ надъ крестьянскимъ населеніемъ. Ничто не убѣдительно для коммиссіи, сознательно или безсознательно увѣряющей, что власть не можетъ ошибаться: ошибается жизнь, а не писанная норма.

Отъ такого самообольщенія бѣда была бы еще не велика, ибо, во-первыхъ, есть основаніе полагать, что и нынѣ созванные губернскіе комитеты по вопросу о необходимости регламентаціи семейныхъ раздѣловъ отвѣтятъ отрицательно; во-вторыхъ, даже и писанныя, но не согласованныя съ жизнью, нормы не приносятъ еще особаго вреда, если для требованія жизни остается свободная возможность ее обойти, т.-е. если она не снабжена резолютивной частью принудительнаго характера. Но усиленіе административнаго надзора, установленіе для ослушниковъ какихъ-либо каръ или невыгодныхъ послѣдствій—это уже насиліе надъ семейной жизнью гражданъ. О какомъ еще усиленіи административнаго надзора возможна рѣчь, когда и въ настоящее время разрѣшеніе вопросовъ о семейныхъ раздѣлахъ предоставлено единоличному усмотрѣнію земскихъ начальниковъ? А единоличный самовластный и безапелляціонный надзоръ—развѣ онъ не граничитъ съ произволомъ? И что сказать, какія достаточно сильныя порицанія отнести къ тѣмъ статьямъ проекта, которыя свои отвергнутыя практикой нормы стремятся во что бы то ни стало втиснуть въ жизнь, исковеркать и отравить властнымъ насиліемъ не только священные родственныя чувства любви и согласія, но и права собственности цѣлаго общественнаго союза: «само-вольно раздѣлившіеся дворы не могутъ быть надѣляемы обществомъ изъ

его запасныхъ участковъ»,—говоритъ статья 112 проекта. «При передѣлахъ самовольно раздѣлившіеся дворы,—продолжаетъ перечень каръ ст. 113,—ни въ какомъ случаѣ не могутъ требовать отъ земельного общества увеличенія ихъ полевого надѣла, хотя бы, по принятому обществомъ способу разверстки общинной земли, такимъ дворамъ причиталось большее количество земли, чѣмъ какое находится ко времени передѣла въ ихъ владѣніи».

Какую же практическую задачу преслѣдуетъ проектъ своими гоненіями на самовольные раздѣлы? Задачу эту составляетъ установленіе извѣстнаго предѣла дробленія надѣльныхъ участковъ какъ полевыхъ, такъ и усадебныхъ, мельче котораго они не могутъ дробиться. Установленіе этихъ предѣловъ предоставляется проектомъ земскимъ собраніямъ съ утвержденія комитета министровъ. Какъ будто вся сущность вопроса здѣсь заключается въ установленіи тѣхъ или другихъ инстанцій. Комиссію прельщаютъ способы перехода недробныхъ наследственныхъ участковъ въ одному наследнику у нѣмецкихъ колонистовъ и она проектируетъ созданіе подобной же системы на пространствѣ всей Имперіи; но она забываетъ при этомъ, что самая сущность вопроса здѣсь заключается въ наличности матеріальныхъ для него средствъ, въ наличности земельного или денежнаго фонда, изъ котораго можно было бы удовлетворять уходящихъ или выдѣляющихся членовъ двора, а вовсе не въ установленіи тѣхъ бюрократическихъ инстанцій, которымъ надлежитъ вѣдать этимъ дѣломъ. Предположимъ, что согласно проекту, установлены минимумы надѣльныхъ участковъ для отдѣльныхъ мѣстностей. Какъ же предполагаетъ комиссія поступать съ тѣмъ жалкимъ населеніемъ, который не найдетъ себѣ мѣста въ данной семьѣ, на данномъ минимальномъ участкѣ? Комиссія говоритъ, что такой членъ семьи не въ правѣ требовать раздѣла; сельское общество также не въ правѣ разрѣшить раздѣла, разъ достигнута минимальная норма участка. Мало того, «самовольно» раздѣлившійся дворъ въ данномъ случаѣ лишень даже всякой надежды на полученіе земли и въ будущемъ ни изъ запасныхъ участковъ, ни при передѣлахъ. Желаящему выдѣлиться члену двора, быть можетъ, тѣсному и гонимому своими родственниками, остается одинъ исходъ—уйти безъ всякаго имущества; но куда же ему уйти, хорошо если одному, а если съ семьей? Комиссіей подробно предусмотрѣны всѣ способы облегченія выхода изъ состава двора такихъ отщепенцевъ; да оно и понятно; стѣснять этотъ выходъ не представляется никакимъ основаніемъ. Но вопросъ о томъ, куда идти, остается открытымъ, и всѣ проектированныя комиссіей мѣры его не разрѣшаютъ; онѣ имѣютъ въ виду лишь охранить интересы оставшихся, но не уходящихъ членовъ семьи. Вотъ если бы комиссія сказала намъ, что для уходящихъ должно быть предоставлено право обращаться къ правительственному кредиту на покупку новыхъ участковъ, для чего долженъ быть въ запасѣ опредѣленный на этотъ именно предметъ извѣстный земельный или денежный фондъ, или что крестьянскій банкъ обязывается особое преимущественное вниманіе удѣлять такимъ выходцамъ изъ семьи, причѣмъ впредь до присканія участковъ обя-

занность содержанія ихъ лежала бы на прежнемъ дворѣ; тогда, конечно, проектъ являлъ бы законченную систему. Въ настоящемъ же своемъ видѣ онъ представляется законодательной попыткой съ негодными средствами, неосуществимымъ на практикѣ законодательнымъ мечтаніемъ и кація бы строгія, даже драконовскія, мѣры ни сопровождали эти законодательныя нормы, онъ все же останется мертворожденнымъ въ положительной его части.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы, скажемъ, въ какомъ-нибудь государствѣ было установлено обязательное всеобщее обученіе подѣ страхомъ тюремнаго заключенія для родителей и воспитателей, уклоняющихся отъ этой обязанности, то нужно ли говорить о томъ, что постройка школъ должна тамъ предшествовать постройкѣ тюремъ. Комиссія полагаетъ какъ разъ наоборотъ, и пусть она не говоритъ намъ, что мѣры обезпеченія земель крестьянскаго населенія не входятъ въ настоящую задачу создаваемого ею проекта, ибо, во-первыхъ, къ чему же и должно клониться Положеніе о надѣльных земляхъ, какъ не къ равномерному обезпеченію крестьянскаго населенія землей, а, во-вторыхъ, возможно ли проектировать какія-либо кары для лицъ заведомо невинныхъ? Единственнымъ фактическимъ результатомъ проектируемой мѣры явится искусственное созданіе пролетаріата, выдѣленнаго самимъ закономъ изъ состава многодушныхъ семей, которымъ не къ чему будетъ примѣнить своихъ силъ и привычнаго труда. Врядъ ли такой результатъ можно признать соответствующимъ принципу общиннаго землепользованія.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить еще одной бьющей въ глаза непоследовательности проекта въ этомъ отдѣлѣ: устанавливая минимальные размѣры участковъ для семейныхъ раздѣловъ, проектъ ни словомъ не обмолвился о такихъ же участкахъ при передѣлахъ. Мы далеки отъ мысли указывать на желательность подобной мѣры; мы лишь указываемъ на непоследовательность авторовъ проекта, какъ будто вредъ раздробленныхъ участковъ при раздѣлахъ является болѣе злостнымъ, чѣмъ при передѣлахъ!

Чтобы покончить съ вопросомъ объ общинномъ землевладѣніи, рассмотримъ проектируемыя комиссіей способы увольненія изъ общины (земельнаго общества, по терминологіи комиссіи) и приѣма новыхъ членовъ.

За отрицной круговой поруки и за Высочайше выраженной волей облегчить условія выхода крестьянъ изъ общины, не представляется ужъ болѣе никакихъ основаній ставить какія-либо препятствія къ выходу крестьянъ изъ общины; такъ оно и проектируется комиссіей въ двухъ Положеніяхъ: въ Положеніи о надѣльных земляхъ (статья 24—27) и въ Положеніи о крестьянскомъ общественномъ управленіи (стт. 153—160), причѣмъ первое имѣетъ въ виду выходъ отдѣльных членовъ двора, второе же — выходъ самихъ домохозяевъ. Единственнымъ условіемъ, которое ставитъ проектъ для выходящихъ изъ общины членовъ, это — отказъ отъ права участія во владѣніи мірской землей, отказъ, оформленный известнымъ порядкомъ и навсегда закрывающій крестьянину возвращеніе въ свою общину.

Я не разъ указывалъ уже въ статьяхъ своихъ на крайнюю нежелательность подобнаго условія, нимало не облегчающаго, а, наоборотъ, стѣсняющаго выходъ изъ общины. Какая надобность, въ самомъ дѣлѣ, лишать крестьянина возможности возвратиться въ надѣлъ, разъ занятія его на сторонѣ окажутся для него невыгодными или непосильными? Какой убытокъ причиняетъ онъ общинѣ тѣмъ, что на время (а не навсегда) оставляетъ въ ея пользованіе свой надѣльный участокъ и почему не предоставить ему возможности безъ особаго риска испытать счастья на сторонѣ? Скажутъ, что община можетъ быть затруднена отводомъ ему участка-надѣла, переданнаго въ пользованіе другого. Но въ такомъ именно смыслѣ и должны быть поставлены ограниченія, т.-е. удовлетвореніемъ притязаній возвратившагося изъ запасныхъ участковъ или при ближайшемъ передѣлѣ. Если ограничительное условіе совершеннаго отказа отъ полевой и усадебной земли, проектируемое комиссіей, имѣетъ хотя нѣкоторое оправданіе по отношенію къ выходу изъ общины самостоятельныхъ домохозяевъ въ томъ предположеніи, что такіе самостоятельные крестьяне должны какъ можно обдуманнѣе относиться къ своимъ рѣшеніямъ перемены мѣстожительства и занятій, то по отношенію къ несамостоятельнымъ членамъ двора, въ огромномъ большинствѣ случаевъ уходящихъ отъ невыносимаго гнета и деспотизма старшихъ, мѣра эта ничѣмъ не можетъ быть оправдана, особенно при драконовскихъ нормахъ проекта о семейныхъ раздѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому и чему помѣшаетъ въ общинѣ выходъ изъ двора отдѣльнаго его члена? Къ чему заставлять его переносить всѣ муки невыносимаго совместнаго сожительства съ старшимъ домохозяиномъ или навсегда отказаться отъ надѣла полевого и усадебнаго? Если бы такой крестьянинъ рѣшилъ безропотно покориться своей участи въ ожиданіи лучшаго будущаго, община была бы обязана надѣлить его землей при передѣлѣ. Къ чему же предоставлять общинѣ возможность незаконнаго обогащенія за счетъ одного наиболѣе несчастнаго, быть можетъ, ея члена, сбѣжавшаго отъ гнета семьи въ поискахъ лучшаго на сторонѣ? Проектъ полагаетъ въ статьѣ 27, что «крестьяне, вышедшіе изъ состава двора, продолжаютъ состоять членами земельного общества, къ коему принадлежатъ оставленный ими дворъ, причемъ общество въ правѣ, если пожелаетъ, надѣлить ихъ землей либо при передѣлѣ, либо изъ запасныхъ участковъ, либо изъ иныхъ свободныхъ общественныхъ земель».

Думается намъ, однако, что такому благопожеланію вовсе не должно быть мѣста въ законѣ, ибо оно равно никого и ни къ чему не обязываетъ; разъ крестьянинъ, вышедшій изъ состава двора, продолжаетъ состоять членомъ земельного своего общества, то къ чему ему и нужно это право, какъ не для того, чтобы потребовать на свой пай землю при передѣлѣ; права общины отъ того нисколько не страдаютъ и не умаляются, ибо онъ такой же законный ея членъ, какъ и прочіе; перемена же семейнаго его положенія нимало не опорочиваетъ его социальныхъ правъ. Можно согласиться съ комиссіей относительно установленія извѣстной давности

для отсутствія членовъ общины (думаемъ, что 10-тилѣтняя давность здѣсь неподходяща въ виду минимальнаго срока для передѣловъ, установленнаго самимъ же проектомъ въ 12 лѣтъ); но требовать отъ выходящаго отказа отъ земли—мѣра ничѣмъ не вызываемая.

Мы не разъ уже обращали вниманіе на отсутствіе послѣдовательности и обоснованности различныхъ предположеній и мѣропріятій проекта: въ самомъ дѣлѣ, мы только что видѣли, какими обширными прерогативами надѣляется комиссіей община по отношенію къ выходящимъ ея сочленамъ. Сейчасъ мы увидимъ обратную тенденцію: какими ограниченіямъ подвергаются законнѣйшія права общины по отношенію къ вновь вступающимъ членамъ. Комиссія полагаетъ, что домохозяинъ, не имѣющій сыновей, въ правѣ ввести въ составъ общины мужа одной изъ своихъ дочерей, крестьянина, принадлежащаго къ другой общинѣ. Равнымъ образомъ бездѣтный домохозяинъ въ правѣ безъ согласія общины ввести въ ея составъ одного приемыша, усыновленнаго до 10-тилѣтнаго возраста или по прошествіи 10-тилѣтней давности.

Здѣсь очевидное нарушеніе правъ общины: комиссія мотивируетъ ихъ необходимостью дать возможность бездѣтному домохозяину утилизировать свои имущественныя права, хотя, замѣтимъ кстати, эта презумпція, допустимая лишь въ интересахъ одной изъ дочерей, является положительно ничѣмъ не мотивированной. Знаемъ также и то, что сенатскими толкованіями нынѣ узаконена такая практика съ нѣкоторыми ограниченіями. Но вѣдь и сенатская практика можетъ быть ошибочной; намъ извѣстно, къ какимъ вопіющимъ несправедливостямъ нерѣдко приводитъ нынѣ это дозволеніе вводить въ составъ общины новыхъ членовъ вопреки согласія послѣдней; достаточно сказать, что въ практикѣ отмѣчены случаи усыновленія лицъ, опороченныхъ по суду, къ крайнему неудовольствію общества, терроризированнаго такимъ новымъ невольнымъ своимъ сочленомъ. Пусть существуетъ институтъ пріимачества и усыновленія, но пусть онъ не затрагиваетъ и не нарушаетъ общинныхъ прерогативъ; права пріимковъ на общинный надѣлъ пусть санкціонируется или соответствующимъ приговоромъ общины, или давностью, хотя бы и десятилѣтнею, какъ проектируется для усыновляемыхъ. Отмѣтимъ, что десятилѣтній возрастъ при усыновленіи, имѣющій смыслъ при льготахъ по отбыванію воинской повинности, въ данномъ вопросѣ о правахъ на надѣлъ лишенъ всякаго основанія.

Не разъ цитированная нами основная 5 статья проекта, которая гласитъ, что «при общинномъ порядкѣ землевладѣнія собственникомъ всей надѣльной земли признается земельное общество», какъ мы видѣли, подвергается большимъ превращеніямъ при разработкѣ подробныхъ отдѣловъ общиннаго землепользованія. Едва ли, однако, мы ошибемся, сказавъ, что относительно *усадебныхъ* участковъ основной принципъ статьи 5 такъ и остается неиспользованнымъ: мы не видимъ никакого различія въ спосо-

бахъ пользова́нія и распоря́женія по проекту между усадебными участками въ общинахъ и послѣдственными участками при подворномъ землепользовании; уже одно право распоря́женія, право отчужденія усадьбы, предоставляемое крестьянскому двору, доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ правомъ неограниченной собственности и что тѣ немногія ограниченія, которыя имѣются въ этомъ отдѣлѣ проекта, — наприм., относительно предѣловъ дробленія или скупки усадебныхъ участковъ, относительно отчужденія участковъ только лицами крестьянскаго сословія, относительно правъ на участки при распланированіи селеній, — всецѣло должны быть отнесены къ категоріи ограниченій общественнаго или государственнаго характера, но не вытекаютъ изъ самой юридической конструціи правъ общины на эти участки. Совершенно тождественнымъ ограниченіямъ подвергаются и права собственности подворныхъ владѣльцевъ; мало того, мы прибавимъ съ своей стороны, что право государственной экспроприаціи можетъ быть распространено и на всякую вообще частную собственность.

Конструція права собственности на усадебные участки при общинномъ землевладѣніи вообще трудно поддается опредѣленію; отсутствіе предѣловъ лишаетъ его характернаго признака общиннаго землепользованія; съ другой стороны, въ дѣйствительной жизни крестьяне-домохозяева безпрепятственно пользуются правомъ распоря́женія и отчужденія усадебными землями. Проектъ, провозгласившій права собственности общины на усадьбы, настолько забываетъ затѣмъ это основное начало, что даже въ терминологіи послѣдующихъ статей прямо отступаетъ отъ него, предоставляя домохозянину право *«отчужденія усадебныхъ участковъ»* (а не правъ владѣнія усадебнымъ участкомъ, какъ бы то вѣрнѣе слѣдовало выразить).

Итакъ, совершенно отринувъ общинное начало по отношенію къ усадьбамъ, проектъ вводитъ новый институтъ *«семейной собственности»*, согласно коего права на усадьбы, равно какъ и на подворные участки, принадлежать цѣлому крестьянскому двору, всему семейству; за домохозяиномъ остается лишь право хозяйственнаго распоря́женія; отчуждать же участокъ, а равно отдавать его въ наемъ болѣе года домохозяинъ въ правѣ лишь съ согласія жены и всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ двора мужского пола. Къ этому нововведенію проекта, въ интересахъ наибольшей устойчивости надѣльнаго землевладѣнія, мы всецѣло присоединяемся.

Одинъ изъ спорныхъ и въ то же время насущныхъ вопросовъ деревенской жизни — распланированіе селеній, не оставленъ проектомъ безъ вниманія; но то разрѣшеніе, которое дается ему этимъ проектомъ (ст. 49—51), насъ совершенно не удовлетворяетъ. Проекту, провозгласившему по отношенію къ усадьбамъ основное начало общиннаго землепользованія, казалось бы вполне естественно было признать за общиной право собственности на усадебные участки при распланированіи селеній; вопросъ разрѣшился бы очень просто; проектъ этого, однако, не дѣлаетъ и признаетъ, что усадебные участки принудительному отобранію отъ домохозя-

ствѣ не подлежатъ, но лишь не могутъ быть застраиваемы съ нарушеніемъ правилъ устава строительнаго; право экспропріаціи проектъ признаетъ за обществомъ лишь въ случаяхъ необходимости обратить усадебный участокъ подъ проулокъ или проѣздъ съ обязанностью общества отвести двору новую усадьбу и возмѣстить ему убытки за такія сооруженія, которыя нельзя перенести.

Всѣ эти правила представляются совершенно непригодными къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, все затрудненіе при распланированіи и все зло существующаго порядка построекъ въ селеніяхъ заключается въ маломѣрныхъ усадьбахъ, порождающихъ крайнюю скученность построекъ, опасную въ пожарномъ отношеніи. Въ устраненіи этихъ маломѣрныхъ усадебъ и заключается весь вопросъ; въ интересахъ противопожарныхъ мало того, чтобы экспропріировать нѣкоторыя усадьбы, обративъ ихъ въ проулки или, какъ говорятъ, въ прожоги; необходимо сдѣлать такую передвинуку всѣхъ границъ усадебъ, чтобы каждая изъ нихъ являлась усадьбой полномѣрной. Такимъ образомъ, определяя, что въ такихъ случаяхъ усадьбы не подлежатъ отобранію отъ дворовъ, но лишь не могутъ быть застраиваемы, мы не достигаемъ ровно ничего, ибо и усадьбы продолжаютъ оставаться маломѣрными и не подлежащими застройкѣ, и права владѣнія ими отдѣльныхъ дворовъ остаются неосуществимыми на практикѣ: на что и нужна такая усадьба, на которой стронься нельзя? Чтобы пахать ее и зазѣвать? Но однѣ потравы сосѣдей исключаютъ всякую возможность подобнаго способа утилизаціи усадебъ. Наконецъ, для постройки должна же быть отведена новая усадьба и тогда у двора являются двѣ усадьбы, одна настоящая, а другая мнѣшеская.

Мы совершенно не уясняемъ себѣ, почему проектъ, признающій возможность экспропріаціи усадебъ подъ проулки, не признаетъ ее вообще при распланированіи селеній. Думается намъ, что въ интересахъ противопожарныхъ, въ интересахъ общественныхъ право экспропріаціи здѣсь вполне примѣнимо, тѣмъ болѣе, что распланированіе примѣняется лишь только послѣ пожаровъ, когда постройки уничтожены огнемъ, остаются лишь голыя усадьбы. Но мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ проектомъ, чтобы обязанность возмѣщенія потерпѣвшихъ отъ такой экспропріаціи лежала на данномъ сельскомъ обществѣ; создавать такую норму, значить заранѣе обречать ее на безжизненность, ибо такіе расходы для каждаго даннаго общества въ подавляющемъ ихъ большинствѣ будутъ прямо-таки непосильны. Страховой капиталъ—вотъ кто долженъ отвѣчать за убытки потерпѣвшихъ отъ экспропріаціи при распланированіи селеній. Единственной задачей распланированія именно и являются мѣры противопожарныя; всего естественнѣе и всего легче проводить мѣры эти въ жизнь при посредствѣ страхового капитала; возможные убытки въ этомъ дѣлѣ лягутъ равномерно и притомъ въ незначительной степени на цѣлую массу плательщиковъ. А можетъ быть и убытковъ-то никакихъ не будетъ?

Съ совершенно одинаковымъ основаніемъ принципъ этотъ можетъ быть примѣненъ и къ усадьбамъ дворовъ, выселяющихся на край полей, поскольку такимъ выселеніемъ достигаются мѣры противопожарныя; а онѣ и въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, достигаются; не даромъ многія земства идутъ навстрѣчу подобнымъ расселеніямъ, выдавая переселяющимся ссуды и пособія изъ страхового капитала. Только такими поощрительными мѣрами и возможно достигнуть того широкаго расселенія деревень на край надѣловъ, къ которому направлены стремленія проекта. Конечно, расселеніе это далеко еще не должно влечь за собой обязательнаго раздѣла общинныхъ полей, какъ то проектируетъ коммиссія; но думается намъ, что и эта послѣдняя цѣль скорѣе будетъ достигнута добровольнымъ соглашеніемъ самихъ домохозяевъ и ихъ собственнымъ здравымъ смысломъ, подсказывающимъ имъ, что для нихъ выгоднѣе. Кабинетнымъ же мыслителямъ и прожектерамъ мы посовѣтовали бы, съ своей стороны, не задаваясь задачами, имъ чуждыми и неосуществимыми,—перекроить народные обычаи и жизнь по мановенію перста,—осмотрѣться и рѣшить, нѣтъ ли въ ихъ распоряженіи болѣе близкихъ и болѣе имъ доступныхъ средствъ помочь деревнѣ въ вопросахъ переселенія и расселенія на край надѣловъ; организаціей дешеваго государственнаго кредита, если не безвозвратныхъ пособій на расходы крестьянъ, связанные съ переселеніемъ, какъ-то: расходы по постройкамъ, по вырытію колодезевъ и прудовъ, по проведенію дорогъ къ новому поселку, по постройкѣ тамъ школы. Не мѣшало бы подумать и объ облегченіи ихъ податнаго бремени—вотъ благодарная задача, достойная государственныхъ дѣятелей. Перерѣзывать же и перекраивать жизнь по своему образцу—слишкомъ сложная и слишкомъ отвѣтственная задача, чтобы за нее браться съ легкимъ сердцемъ, хотя бы и правительственной коммиссіи: предоставимъ жизнь ея свободному развитію и теченію и будемъ лишь слѣдить и укрѣплять то русло, которымъ она течетъ. Такъ и въ законодательствѣ отдѣлимъ все естественное отъ искусственнаго и будемъ тщательно слѣдить, чтобы это искусственное не заслонило и не поглотило естественнаго. Для примѣра укажемъ на отдѣлъ проекта о домохозяинѣ: здѣсь естественна только одна статья о томъ, что домохозяиномъ признается старшій въ семьѣ по обычаю; всѣ остальные статьи проекта—искусственны, а ихъ болѣе десяти. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не искусственно заставить членовъ двора при отсутствіи родоначальника назначить домохозяина «по избранію», развѣ не искусственно предоставить право назначать домохозяина по завѣщанію; развѣ не искусственно, наконецъ, вводить цѣлую градацию зашщченія домохозяина по степени родства: сначала сыновья; при несовершеннолѣтіи ихъ—мать или вочимъ, затѣмъ внуки; затѣмъ мужъ дочери или нисходящій ея потомокъ; далѣе усыновленный, боковые родственники и такъ далѣе? Да развѣ въ вопросахъ совмѣстнаго сожителства, обоснованнаго исключительно на добромъ согласіи членовъ семьи, допустима подобная градация? Все это плодъ кабинетной фантазіи—не болѣе. Очевидно и безспорно лишь одно, что въ

семьѣ домохозяйномъ или домохозяйкой всегда старшій; но умираетъ этотъ старшій—и семья распадается, покуда доброе согласіе не соединитъ ихъ вновь у того или иного семейнаго очага. А по проекту выходитъ, что послѣ смерти родоначальника должны быть назначены «выборы» домохозяйина,—можетъ быть, баллотировкой шарами? Заспорятъ между собой наследники, кому принадлежитъ старшинство—и здѣсь приходится на помощь проектъ: ты, вотчимъ, сюда; ты, внукъ, сюда; а усыновленные обождите. Совершенно, какъ въ баснѣ: ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта!

Мы закончили разсмотрѣніе выдающихся отдѣловъ проекта Положенія о надѣльных земляхъ: первое, что бросается въ глаза, это: 1) невыдержанность его принциповъ—таковы отдѣлы объ общинѣ; 2) искусственность многихъ его отдѣловъ и несоотвѣтствіе ихъ жизненнымъ потребностямъ—отдѣлы о домохозяйствѣ, о передѣлахъ, о семейнымъ раздѣлахъ, объ увольненіи и приѣмѣ новыхъ членовъ; 3) стремленіе проникнуть съ опекой попечительной власти въ самыя священныя стороны семейныхъ и имущественныхъ правъ, таковы: принудительные выдѣлы общинныхъ земель, принудительные раздѣлы земель, административный надзоръ за семейной жизнью, за семейными раздѣлами, за назначеніемъ домохозяевъ и проч.

Единственными положительными сторонами проекта мы признаемъ провозглашенный имъ принципъ предѣла сосредоточенія надѣльных участковъ въ однѣхъ рукахъ, предѣла, устанавливаемого комитетомъ министровъ по представленію о томъ земскихъ собраній, и сохраненный имъ принципъ неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, хотя этотъ послѣдній принципъ также не проведенъ съ достаточной послѣдовательностью, таково, наприм., признаваемое за фискомъ право отчужденія подворныхъ участковъ за невозможность повинностей.

При такихъ данныхъ проекта не представляется особой нужды поднимать вопросъ о распространеніи понятія надѣльных земель на разныя категоріи земель, приобретенныхъ при содѣйствіи правительства, таковы, наприм., земли, купленные при помощи крестьянскаго банка (статья 1 и 2 проекта).

Совершенно иная картина представлялась бы, однако, если бы основныя начала надѣльнаго землепользованія были сохранены и проведены послѣдовательно: неприкосновенное право поземельной общины; неотчуждаемость надѣловъ, не нарушаемая ни при какихъ обстоятельствахъ; самостоятельное право общины жить безъ опеки и безъ указки попечительной власти. Эти начала нарушены проектомъ въ самомъ корнѣ и мы, заканчивая обзоръ нашъ, не можемъ не завершить его пожеланіемъ полной и радикальной передѣлки составленнаго комиссіей проекта въ духъ указанныхъ началъ; но для такой работы силъ однихъ бюрократическихъ органовъ слишкомъ недостаточно; пора вспомнить и о представителяхъ мѣстнаго населенія, пора выслушать, наконецъ, и ихъ мнѣніе.

А. Еропкинъ.

Условія труда и жизни рабочихъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ.

Предлагаемый очеркъ составленъ на основаніи данныхъ осмотра и описанія 110 мелкихъ промышленныхъ заведеній въ одномъ изъ пригородовъ г. Москвы, Марьиной рошѣ. Марьяна роша представляетъ собою довольно любопытное мѣстечко съ чрезвычайно быстро растущимъ населеніемъ, — въ 1897 году здѣсь было около 8 тысячъ жителей, а въ 1902 г. — уже болѣе 20 тысячъ *). Наиболѣе полныя свѣдѣнія о числѣ имѣющихся въ Марьиной рошѣ промышленныхъ заведеній удалось получить отъ торговаго депутата, по даннымъ котораго такихъ заведеній имѣется здѣсь около 600. Можно однако же думать, что это число ниже дѣйствительнаго, такъ какъ далеко не всѣ заведенія попадаютъ въ списки торговаго депутата, и при обходѣ намъ нерѣдко приходилось встрѣчать подобныя незарегистрованныя заведенія.

Близость огромнаго рынка, удобство въ смыслѣ полученія матеріала и сбыта готовыхъ продуктовъ даютъ въ результатѣ то, что мелкія заведенія растутъ здѣсь, какъ грибы. Этому еще болѣе способствуетъ то обстоятельство, что можно открыть какое-нибудь заведеніе и пустить въ ходъ предпріятіе съ небольшимъ капиталомъ. Дѣло въ томъ, что въ мелкихъ заведеніяхъ примѣняется исключительно ручной трудъ и въ силу этого не приходится покупать дорого стоящихъ машинъ, а матеріалы для производства можно имѣть въ кредитъ. Но тѣ же самыя условія, которыя вызываютъ появленіе большого числа мелкихъ промышленныхъ заведеній, способствуютъ нерѣдко и ихъ гибели и во всякомъ случаѣ дѣлаютъ ихъ чрезвычайно непрочными: заведеній такъ много, владельцы ихъ такъ не организованы и не объединены между собою, что является полный просторъ для конкуренціи, которая въ концѣ-концовъ и губитъ, конечно, наиболѣе слабыхъ изъ нихъ.

Составъ хозяйчиковъ поэтому здѣсь необыкновенно подвижной: на про-

*) Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 января 1902 г. Выпускъ I.

тяженіи 2—3 лѣтъ, посѣщая одну и ту же мѣстность, намъ приходилось встрѣчать въ какомъ-нибудь помѣщеніи послѣдовательно разныхъ владельцевъ.

Для рабочихъ это обиліе заведеній всякаго рода сказывается въ выгодную сторону,—болѣе или менѣе хорошій мастеръ можетъ всегда рассчитывать на то, что тамъ или здѣсь найдетъ себѣ работу. Конечно, это имѣетъ мѣсто только при обычномъ теченіи дѣла, а въ минуты большого или меньшаго кризиса рабочіе, тоже совершенно неорганизованные, сбиваютъ заработную плату другъ другу. Значительныя оговорки требуются и по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ производствамъ, гдѣ отъ рабочихъ не требуется большой предварительной подготовки и гдѣ, слѣдовательно, въ число конкурентовъ можетъ попасть всякій, пришедшій изъ деревни искать работы.

Чтобы получить болѣе или менѣе полное представленіе объ обстановкѣ и условіяхъ жизни рабочихъ въ разныхъ мастерскихъ, были взяты для осмотра заведенія съ самымъ разнообразнымъ характеромъ производства. Въ числѣ 110 осматрѣнныхъ заведеній было:

Столярныхъ, кіотныхъ, багетныхъ, позолотныхъ, токарно-венточныхъ и т. под.	23 съ 253 раб.
Сапожныхъ, юхотныхъ, посадныхъ	21 » 256 »
Мѣдно-паннакательныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ, ювелирныхъ, слесарно-механическихъ	20 » 207 »
Ткацкихъ, вышивальныхъ, бахромныхъ	11 » 118 »
Портновскихъ	10 » 143 »
Коробочныхъ, игрушечныхъ	9 » 92 »
Зеркально-наводныхъ и обдѣлочн., стеклянныхъ	9 » 83 »
Сало-и масло-топечныхъ, квасныхъ, пряничныхъ	4 » 24 »
Прачечныхъ	3 » 27 »

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ заведенія эти работаютъ на крупныя торговыя и промышленныя фирмы Москвы, но есть немного и такихъ, которыя работаютъ непосредственно на рынокъ (Сухаревскій и Смоленскій) и даже на опредѣленнаго заказчика-потребителя. Очень многія изъ нихъ получаютъ отъ московскихъ фирмъ всѣ необходимыя для производства матеріалы и отдають туда готовыя издѣлія, пользуясь, такимъ образомъ, только платой за работу.

Общая черта осматрѣнныхъ заведеній состоитъ въ томъ, что въ нихъ примѣняется исключительно ручной трудъ; если и употребляются иногда тѣ или другіе аппараты и машины, то они приводятся въ дѣйствіе опять-таки силой человѣка (точильные станки при обработкѣ дерева и металловъ, швейныя машины и т. п.). Техника производства въ главныхъ чертахъ почти такая же, какъ она была и много лѣтъ назадъ. Имѣя въ виду все это, мы не рѣшились подвести всѣ осматрѣнныя заведенія подъ какую-нибудь опредѣленную рубрику, что и заставило употребить въ заго-

ловѣ такое неопредѣленное и общее названіе, какъ «мелкія промышленныя заведенія». Скорѣе всего ихъ можно было бы назвать кустарными заведеніями, если имѣть въ виду данное нѣкоторыми авторами опредѣленіе этихъ послѣднихъ, какъ «децентрализованнаго товарнаго производства съ мало развитой техникой». Но есть среди нихъ и въ строгомъ смыслѣ слова ремесленные заведенія, а нѣкоторыя напротивъ подходятъ прямо подъ понятіе домашней формы капиталистическаго производства *). Называя осматрѣнные заведенія мелкими, нужно однако же имѣть въ виду, что въ данномъ случаѣ это опредѣленіе довольно относительное, — среди нихъ встрѣчались и такія, на которыхъ число рабочихъ доходило до 30 и болѣе человекъ. Предпріятія съ такимъ числомъ рабочихъ значительно превышаютъ ту предѣльную грань, за которой по существующимъ опредѣленіямъ заведеніе начинаетъ уже считаться фабрикой и должно было бы подчиняться вѣдѣнію фабричной инспекціи и выполнять всѣ узаконенія, изданныя за послѣднее время по отношенію къ фабрикамъ и заводамъ.

При обычномъ порядкѣ дѣлъ однако и такія сравнительно большія заведенія, разъ въ нихъ не имѣется механическаго двигателя, ускользаютъ отъ надзора фабричной инспекціи; мелкія же заведенія живутъ своею особою жизнью безъ всякаго контроля и надзора съ чьей бы то ни было стороны. Въ задачу дальнѣйшаго и входитъ ознакомить съ условіями этой жизни.

I.

Среди 110 осматрѣнныхъ заведеній есть и очень мелкія, съ небольшимъ числомъ рабочихъ и сравнительно крупныя. По числу рабочихъ заведенія распределяются такъ:

Отъ 1 до 5 рабоч.	имѣютъ 18 заведеній или 16,4% общаго числа ихъ.
» 5 » 10 »	» » 46 » » 41,8% » » »
» 10 » 16 »	» » 33 » » 30,0% » » »
» 16 » 20 »	» » 5 » » 4,5% » » »
Больше 20 »	» » 8 » » 7,3% » » »

Во всѣхъ 110 заведеніяхъ зарегистрировано 154 мастерскихъ съ 1,203 рабочими. Помѣщаются мастерскія болѣею частью въ деревянныхъ одно- и двухъэтажныхъ домахъ и только 6 изъ нихъ (3,9% общаго числа мастерскихъ) — въ каменныхъ. Приблизительно одна треть мастерскихъ (34,4%) находится въ домахъ, принадлежащихъ владѣльцамъ заведеній, а остальные двѣ трети (65,6%) — въ наемныхъ зданіяхъ. Это подтверждаетъ между

*) Интересны указанія нѣкоторыхъ мастерковъ, что за послѣдніе годы одна изъ крупныхъ московскихъ фирмъ, занятая выработкой художественныхъ надѣлій изъ золота и серебра, сократила почти наполовину число своихъ рабочихъ и часть работъ отдаетъ на сторону — въ заведенія Марьиной рощи. Такого же рода свѣдѣнія дамы и относительно одной изъ фирмъ по изготовленію обуви.

прочимъ высказанную выше мысль о неустойчивости мелкихъ промышленныхъ заведеній *), а съ другой стороны заставляетъ уже заранее предполагать, что санитарное состояніе мастерскихъ далеко не во всемъ удовлетворительно, ибо трудно надлежащимъ образомъ въ санитарномъ отношеніи приспособить и оборудовать наемное помѣщеніе. При ближайшемъ изученіи такъ дѣйствительно и оказывается.

Наибольшаго вниманія при оцѣнкѣ санитарнаго состоянія мастерскихъ заслуживаетъ вопросъ, насколько онѣ просторны для занятыхъ въ нихъ рабочихъ и какой объемъ воздуха даютъ на одного человѣка. Достаточное представленіе объ этомъ можно получить изъ слѣдующей таблицы:

На одного рабочаго приходится:

Менѣе 5 куб. метр. въ 13 мастерскихъ съ 180 рабоч.	
Отъ 5 до 10 куб. метр. въ 39 мастер. съ 346 рабоч.	
» 10 » 15 » » 38 » » 308 »	
» 15 » 20 » » 26 » » 187 »	
» 20 » 25 » » 9 » » 73 »	
» 25 » 30 » » 7 » » 39 »	
Выше 30 кубич. метр. » 18 » » 70 »	

Чтобы освѣтить эти цифры, необходимо привести на справку, что по требованіямъ гигиены въ помѣщеніяхъ, гдѣ находятся занятые работой люди, должно приходится на одного человѣка 25—30 куб. метр.; болѣе скромныя требованія предъявляются къ жилымъ казармамъ рабочихъ, но и тамъ необходимое содержаніе воздуха равняется 10—15 куб. метр. Эту вторую норму мы беремъ здѣсь потому, что, какъ увидимъ ниже, тѣ же самыя мастерскія, гдѣ происходитъ работа, служатъ и въ качествѣ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ. Сравнивая теперь съ этими нормами выше приведенныя данныя, получимъ, что 1,094 рабочихъ или 91%, общаго числа ихъ пользуются содержаніемъ воздуха меньше 25 куб. метр.; въ 82,8%, всего числа мастерскихъ рабочіе обставлены въ смыслъ простора хуже, чѣмъ это требуется ииеной. Если даже взять для сравненія болѣе скромныя требованія, предъявляемыя къ жилымъ помѣщеніямъ, то и тутъ окажется, что 526 рабочихъ или 43,8%, общаго числа ихъ въ 52 мастерскихъ живутъ и работаютъ въ такихъ условіяхъ въ смыслъ простора помѣщенія, ниже которыхъ идти непозволительно съ точки зрѣнія гигиены, такъ какъ на каждаго изъ нихъ приходится менѣе 10 куб. метр.

Знакомясь ближе съ размѣрами мастерскихъ по отдѣльнымъ производствомъ, мы увидимъ, что большій или меньшій просторъ ихъ обуславливается не сознаніемъ необходимости для здоровья человѣка извѣстнаго количества чистаго воздуха, не доброй волей хозяина заведенія, а исключительно характеромъ производства. Тамъ, гдѣ употребляются болѣе или

*) Другое доказательство той же мысли можно видѣть въ томъ, что около четверти (23,7%) всѣхъ заведеній отмѣчены существующими менѣе года и 58,2% существуютъ отъ 1 до 5 лѣтъ.

менѣе громоздкія приспособленія для мастерства, какъ, напримѣръ, верстаки въ столярномъ производствѣ или точильные станки, на каждого рабочаго приходится въ среднемъ большій объемъ воздуха; въ другихъ мастерствахъ, которыя не требуютъ занимающихъ много мѣста орудій производства, люди сидятъ почти рядомъ и на каждого приходится поразительно мало кубическаго содержанія *).

Лучше всего иллюстрировать это могутъ слѣдующія цифры:

Заведенія.	Менѣе 10 к. м.	Отъ 10 до 20 к. м.	Больше 20 к. м.
Столярныя, ютныя и т. п.	8 %	64 %	28 %
Сапожныя, посадныя. . . .	66,8%	32 %	1,2%
Мѣдныя, серебряныя, бронзов.	33,3%	50,7%	16 %
Ткацкія, бахромныя	35,6%	38,1%	26,3%
Портновскія.	100 %	—	—
Коробочныя, игрушечныя . .	23,3%	55,6%	21,1%
Зеркальныя, стежильныя . .	38,6%	53 %	8,4%

Такимъ образомъ, ни въ одной изъ портновскихъ мастерскихъ не приходится на рабочаго болѣе 10 куб. метр.; въ среднемъ на каждого рабочаго приходится въ нихъ 6,6 куб. метр. и по временамъ эта цифра спускается до 3 куб. метр. Въ сапожныхъ и башмачныхъ заведеніяхъ на каждого рабочаго въ среднемъ приходится 8,9 куб. метр., причѣмъ по отдѣльнымъ мастерскимъ объемъ воздуха на одного рабочаго очень часто колеблется около 4 куб. метр. и одинъ разъ доходилъ даже до 2,6 куб. метр. Въ то же время въ столярныхъ мастерскихъ на каждого рабочаго приходится въ среднемъ 15,8 куб. метр. и нигдѣ эта величина не идетъ ниже 8 куб. метровъ.

Авторъ одной изъ появившихся за послѣднее время работъ по изслѣдованію санитарнаго состоянія двухъ селеній, отнесенныхъ имъ къ категоріи вымирающихъ, даетъ содержаніе воздуха въ крестьянской избѣ на каждого живущаго въ 17,2 куб. арш. или 6,2 куб. метра и только въ одной избѣ встрѣтилъ онъ на каждого живущаго пространство, названное имъ «гробовымъ», въ 9,5 куб. арш. или въ 3,4 куб. метр. **). Наши данныя показываютъ, что по отношенію къ жилищу портновскія мастерскія недалеко ушли отъ «вымирающей» деревни и въ нѣкоторыхъ изъ этого рода мастерскихъ приходится на каждого рабочаго пространство даже менѣе «гробового». А между тѣмъ, въ деревнѣ большая часть работъ производится вѣдь внѣ дома и во всякомъ случаѣ очень много времени

*) То же самое явленіе отмѣчено было и при изслѣдованіи фабрикъ и заводовъ и заставило сдѣлать заключеніе, что „при устройствѣ мастерскихъ гигиеническія соображенія ни въ какой разсчетъ не берутся“. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ санитарной статистики. Т. IV, ч. II, стр. 9—11.

**) А. И. Шмидтъ: Село Ново-Животинное и деревня Моховатовка въ санитарномъ отношеніи. Опытъ санитарно-экономическаго изслѣдованія вымирающей деревни.

живущіе проводятъ на свѣжемъ воздухѣ, тогда какъ мастеровые, занятые въ портновскихъ мастерскихъ, работаютъ все время въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ и здѣсь же въ громадномъ большинствѣ случаевъ и спятъ.

Большій или меньшій коррективъ тѣсноты помѣщений могло бы дать устройство надлежащей вентиляціи мастерскихъ. Оказывается однако, что и эта сторона дѣла поставлена очень плохо въ изслѣдованныхъ заведеніяхъ. Вентиляціи въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. подачи строго опредѣленнаго количества воздуха нѣтъ ни въ одной изъ мастерскихъ, а можно говорить только о *продѣлываніи* ихъ. Продѣлываніе мастерскихъ совершается или естественнымъ путемъ (черезъ стѣны, двери, окна), или при помощи форточекъ разнаго рода. Надо думать, что въ большинствѣ случаевъ и продѣлываются мастерскія недостаточно, такъ какъ въ 48 мастерскихъ, или въ 31,2% общаго числа ихъ, форточекъ совсѣмъ нѣтъ, а въ 64 или 41,6%,—имѣется только по одной форточкѣ, притомъ очень часто крайне незначительныхъ размѣровъ. Въ связи съ этимъ недостаткомъ продѣлыванія, а также въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ недочетовъ въ отопленіи стоятъ еще одно отрицательное явленіе,—это сырость, присутствіе которой отмѣчено въ 26 мастерскихъ или 16,8% общаго числа ихъ.

Для обогрева мастерскихъ служатъ обычно или русская печь (въ 59 заведеніяхъ или 53,6% общаго числа ихъ), или утермарковскія и чугуныя печи съ проведенными отъ нихъ желѣзными трубами (въ 45 заведеніяхъ или 40,9%); нерѣдко случается и комбинація этихъ двухъ видовъ печей. Голландскія печи отмѣчены только въ 6 мастерскихъ. Отсюда видно, что въ большомъ числѣ мастерскихъ отопленіе устроено не особенно цѣлесообразно. Быстро грѣющіяся чугуныя и утермарковскія печи даютъ по временамъ чрезвычайно высокую температуру, заставляющую открывать форточки и даже двери, какъ, напримѣръ, намъ приходилось встрѣчать въ портновскихъ заведеніяхъ. Но быстро же и остывая, эти печи не въ состояніи поддерживать все время надлежащую температуру и ночью въ нѣкоторыхъ изъ мастерскихъ бываетъ поэтому въ достаточной мѣрѣ холодно.

Очень важную, съ санитарной точки зрѣнія, роль въ устройствѣ предназначенныхъ для жилья и работы помѣщений играетъ освѣщеніе ихъ дневнымъ свѣтомъ.

Не говоря уже о томъ, что солнечный свѣтъ обладаетъ сильными дезинфицирующими свойствами и считается однимъ изъ лучшихъ средствъ въ борьбѣ съ микроорганизмами, удовлетворительное освѣщеніе того или иного помѣщенія содѣйствуетъ поддержанію его въ надлежащей чистотѣ, значеніе которой въ санитарномъ отношеніи такъ велико. Наконецъ, для всѣхъ болѣе или менѣе тонкихъ работъ (какковы, напримѣръ, шитье одежды и обуви, приготовленіе и отдѣлка серебряныхъ и золотыхъ надѣлій и т. под.) необходимо достаточное освѣщеніе мастерскихъ дневнымъ свѣтомъ. Изъ нижеслѣдующей таблицы можно видѣть, насколько соблюдено это требованіе гигиены въ изслѣдованныхъ мастерскихъ. Въ поясненіе

необходимо сказать, что степень удовлетворительности освѣщенія того или иного помещенія дневнымъ свѣтомъ можетъ быть опредѣлена, между прочимъ, отношеніемъ между свѣтовой поверхностью и площадью пола, причемъ за крайній предѣлъ считается, что таковое отношеніе должно быть не менѣе 1:12.

	Число мастерск.	Число рабочихъ въ
	абсол. въ проц.	нихъ абсол. въ проц.
Освѣщ. слабо (1:100—1:25). . . .	5 или 3,3%	26 или 2,2%
» подсредств. 1:25—1:12,5). . .	31 » 20,1%	235 » 19,5%
» удовлетворит. (1:12,5—1:8). . .	61 » 39,6%	548 » 45,6%
» хорошо (1:8 и больше). . . .	57 » 37 %	394 » 32,7%

Эти данныя показываютъ, что въ смыслѣ освѣщенія дневнымъ свѣтомъ изслѣдованныя мастерскія устроены сравнительно хорошо: только приблизительно четвертая часть (23,4%) изъ нихъ освѣщены недостаточно и этотъ недостатокъ освѣщенія должны переносить 261 рабочій или 21,7% общаго числа ихъ.

Изъ всего числа осматрѣнныхъ мастерскихъ только 47 или 30,5% не служатъ для рабочихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ для ночлега, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ рабочіе здѣсь же и спятъ. Для сна рабочіе обитатели мастерскихъ располагаются чаще всего прямо на полу вповалку, рѣже на верстакахъ или другого рода столахъ, гдѣ таковыя имѣются по условіямъ производства, иногда на полатахъ подъ потолкомъ.

Затѣмъ во всѣхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ только 23, тѣ же мастерскія превращаются по временамъ въ столовыя, — здѣсь рабочіе обѣдаютъ, уживаются и пьютъ чай.

Если теперь свести все то, что сказано объ устройствѣ мастерскихъ, то получится крайне неприглядная обстановка, въ которой приходится жить и работать большинству тѣхъ 1,203 человекъ, которыхъ коснулось настоящее изслѣдованіе. Помѣщенія, гдѣ имъ приходится проводить почти круглыя сутки, въ большинствѣ случаевъ очень тѣсны, часто лишены достаточныхъ приспособленій для проветриванія, иногда сыры и не всегда удовлетворительно освѣщены дневнымъ свѣтомъ. О комфортѣ или даже какомъ-либо уютѣ нечего и говорить.

Мастерскія, превращаясь ежедневно по нѣскольку разъ въ столовыя, а затѣмъ и въ спальни, такимъ образомъ, почти не бываютъ свободны отъ людей и въ большинствѣ случаевъ содержатся неопрятно; днемъ постельныя принадлежности валяются гдѣ-нибудь въ углу и, понятно, при этомъ не могутъ похвалиться чистотой. Для довершенія картины остается еще прибавить, что воздухъ мастерскихъ, кромѣ періодически появляющагося запаха разнаго рода кушаній, подчасъ въ значительной степени портится благодаря тѣмъ или инымъ условіямъ производства, — то утариныи газомъ отъ постоянно горящихъ утюговъ въ портновскихъ мастерскихъ, то запахомъ клея — въ столярныхъ, амміака — въ зернально-наводныхъ и т. д. и т. д.

Чтобы покончить съ жилищными условиями, намъ необходимо остановиться еще нѣсколько на тѣхъ случаяхъ, когда при исследованныхъ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ имѣются специально предназначенныя для жилья рабочихъ помѣщенія. Небольшое количество рабочихъ кромѣ того живетъ на «вольныхъ» квартирахъ, но эти послѣднія исследовать не пришлось.

Особые спальни имѣются при 18 заведеніяхъ (по отношенію ко всему числу 110 обследованныхъ это составляетъ 16,4%) для 132 рабочихъ. Наиболѣе важное значеніе этотъ фактъ существованія особыхъ спаленъ имѣетъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что мастерскія хоть на время освобождаются отъ присутствія людей и могутъ быть болѣе или менѣе основательно провѣтрены, а съ другой стороны и спать рабочимъ приходится въ помѣщеніи, также предъ тѣмъ бывшемъ свободнымъ и провѣтреннымъ. Но по своему устройству эти особые спальни въ свою очередь оставляютъ желать очень и очень многого.

Прежде всего въ 13 изъ этихъ спаленъ на каждого изъ ночующихъ въ нихъ 87 человекъ (66%, или почти двѣ трети изъ всего числа рабочихъ, пользующихся особыми помѣщеніями для сна) приходится менѣе предѣльныхъ 10 куб. метр., а выше 15 куб. метр. на человека нѣтъ нигдѣ; какія бы то ни было приспособленія для провѣтриванія имѣются только въ 7 спальняхъ или менѣе, чѣмъ въ половинѣ случаевъ. Дневнымъ свѣтомъ недостаточно освѣщены 10 спаленъ съ 72 рабочими или, другими словами, болѣе половины (54,6%) рабочихъ, имѣющихъ счастье пользоваться особыми спальнями, живутъ въ полутемныхъ помѣщеніяхъ.

II.

Изъ 1,203 рабочихъ, оказавшихся въ исследованныхъ заведеніяхъ, 1094 человека были подвергнуты болѣе или менѣе обстоятельному опросу для того, чтобы выяснить хотя въ главныхъ чертахъ, изъ кого набирается рабочая армія мелкихъ промышленныхъ предпріятій.

Огромное большинство изъ числа опрошенныхъ (88%) составляютъ мужчины, которыхъ оказалось 962, женщинъ же было всего 132 или 12%. По возрасту эти 1,094 человека распределяются такъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
До 12 лѣтъ . .	49	4	53 или 4,8%.
Отъ 12 до 15 л.	160	25	185 > 16,9%.
> 15 > 18 >	170	23	193 > 17,6%.
> 18 > 40 >	522	68	590 > 54,0%.
> 40 > 60 >	60	10	70 > 6,4 %.
Выше 60 лѣтъ .	1	2	3 > 0,3 %.

Отсюда видно, что большинство (54%) занятыхъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ рабочихъ находится въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ

отъ 18 до 40 лѣтъ; приблизительно пятую часть (21,7%) всего числа рабочихъ составляютъ дѣти (до 12 лѣтъ) и малолѣтніе (отъ 12 до 15 л.). Обычно эти двѣ послѣднія группы поступаютъ въ мелкія промышленныя заведенія въ качествѣ учениковъ и затѣмъ, пройдя болѣе или менѣе продолжительную школу, остаются уже почти навсегда рабочими въ томъ или иномъ мастерствѣ.

Что именно такъ пополняется контингентъ рабочихъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что 862 человека, или 80,6% всего числа опрошенныхъ, начали работать въ возрастѣ до 15 лѣтъ, а изъ нихъ 507, или 47,4%, даже въ возрастѣ до 12 лѣтъ.

Распределеніе рабочихъ сообразно тому, сколько лѣтъ они работали въ данномъ мастерствѣ, даетъ слѣдующая таблица:

Отъ 1 года работали	114 чел. или 10,7%
» 1 » до 5 лѣтъ работали . . .	364 » » 34 %
» 5 лѣтъ » 10 » . . .	261 » » 24,4%
» 10 » » 20 » . . .	207 » » 19,3%
Больше 20 » . . .	124 » » 11,6%
Неизвѣстно	24 »

Эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что связь съ определеннымъ мастерствомъ устанавливается довольно прочно: около трети (30,9%) рабочихъ провели болѣе 10 лѣтъ въ занятіяхъ тѣмъ или инымъ ремесломъ.

Обращаясь къ вопросу о грамотности рабочихъ, мы прежде всего видимъ, что около двухъ третей (65,5%) изъ нихъ обучены грамотѣ. Это однако же относится ко всей массѣ рабочихъ, а если взять отдѣльно мужчинъ и женщинъ, то получимъ большую разницу: процентъ грамотности среди мужчинъ равняется 70,6%, а среди женщинъ только 28%. По всей вѣроятности, это является слѣдствіемъ общихъ условій, въ силу которыхъ грамотность среди женщинъ распространяется гораздо медленнѣе, чѣмъ среди мужчинъ.

Если взять процентъ грамотныхъ среди различныхъ возрастныхъ группъ, то получается слѣдующая картина: среди рабочихъ въ возрастѣ до 18 лѣтъ процентъ этотъ равняется 73,1%, въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ—63,1%, а свыше 40 лѣтъ только 39,7%.

Надо думать, что и это является отраженіемъ общей дѣйствительности и показываетъ, что за послѣдніе годы грамотность распространяется все болѣе и болѣе. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ мастерствамъ процентъ грамотности оказывается выше средняго: такъ, среди рабочихъ, занятыхъ обработкой металловъ и приготовленіемъ серебряныхъ, золотыхъ, бронзовыхъ и т. п. издѣлій, грамотныхъ было 86,1%.

Не лишено интереса сопоставленіе процента грамотныхъ среди опрошенныхъ нами рабочихъ и среди населенія вообще, но мы имѣемъ возможность сдѣлать такое сопоставленіе только по отношенію къ Московской губ. Въ то время какъ процентъ грамотныхъ и учащихся среди населенія

Московской губ. равняется 49,6% для мужчинъ и 13,9% для женщинъ *), среди рабочихъ мелкихъ промышленныхъ заведеній—уроженцевъ Московской губ. этотъ процентъ для мужчинъ опредѣляется въ 69,4 и для женщинъ въ 24,3%. Еще большаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что среди рабочихъ, пришедшихъ изъ другихъ губ., процентъ грамотныхъ не только не ниже (71,9% для мужчинъ и 32,8% для женщинъ), но даже нѣсколько выше, чѣмъ у рабочихъ изъ Московской губ., гдѣ уже давно поставленъ на очередь вопросъ объ осуществленіи общественности обученія. Эти данныя еще разъ подтверждаютъ ту мысль, что отхожіе промыслы, предъявляя къ жителямъ деревни болѣе повышенныя требованія, являются однимъ изъ могучихъ факторовъ въ развитіи грамотности **).

Тотъ фактъ, что одна треть (34%) работающихъ дѣтей до 12-лѣтняго возраста оказались неграмотными, долженъ наводить на мысль, что уклоненіе отъ школы зависитъ нерѣдко отъ экономическихъ причинъ, заставляющихъ съ раннихъ лѣтъ приниматься за работу. И до тѣхъ поръ, пока начальное обученіе не будетъ сдѣлано обязательнымъ, различными ремесла и другія занятія всегда будутъ отбивать у школы известную часть дѣтей.

Чтобы ознакомиться съ семейнымъ положеніемъ рабочихъ, мы исключили тѣхъ, которые не достигли 18-лѣтняго возраста. Изъ 583 мужчинъ въ возрастѣ выше 18 лѣтъ болѣе половины (59,5%) оказались женатыми, тогда какъ среди женщинъ замужнихъ только одна треть (33,7%).

Наконецъ по мѣсту рожденія опрошенные рабочіе распределяются такими образомъ:

Уроженцевъ Московскаго уѣзда.	52 чел. или 4,7%.
» другихъ уѣздовъ Московской губ.	538 » » 49,2%.
» другихъ губерній.	504 » » 46,1%.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, слѣдовательно, рабочіе являются пришлыми изъ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ пригорода Москвы мѣстностей. Въ виду этого представлялось крайне интереснымъ выяснить, поскольку эти пришлые рабочіе остаются связанными съ мѣстомъ своей родины, имѣютъ ли они тамъ какое-либо хозяйство или, другими словами, является ли для нихъ работа въ тѣхъ или иныхъ промышленныхъ заведеніяхъ подсобной или, наоборотъ, единственнымъ средствомъ къ жизни.

Взяты были рабочіе въ возрастѣ выше 18 лѣтъ, которыхъ оказалось 663 человека, и изъ нихъ было:

Мѣщанъ, пеховыхъ, духовныхъ, дворянъ	83 чел. или 12,5%.
Крестьянъ безземельныхъ	13 » » 2 %.
Крестьянъ, владѣющихъ землею, но не ведущихъ хозяйство.	107 » » 16,1%.
Крестьянъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство	460 » » 69,4%.

*) Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Том. I.

**) См. статью К. Воробьева „Связь грамотности съ факторами хозяйства“. Образование, 1904 г., № 9.

Такимъ образомъ, огромное большинство опрошенныхъ рабочихъ состоитъ изъ крестьянъ, владѣющихъ землею. Если взять исключительно этихъ послѣднихъ, то изъ нихъ только 107 человекъ, т.-е. немногимъ меньше пятой части (18,9%), порвали связь съ деревнею и бросили свои хозяйства, а остальные 460 человекъ, или 81,1%, вполне сохранили эту связь, живутъ въ деревняхъ дома и занимаются земледѣлiемъ, — однимъ словомъ, крестьянствуютъ, какъ перѣдко выражаются они сами. Мало того, болѣе половины (57,7%) изъ этихъ владѣющихъ землею рабочихъ сами ѣздятъ на полевые работы въ деревню, гдѣ проводятъ время съ Пасхи или съ Петрова дня (29 июня) до Успенья (15 августа), покидая совсѣмъ на эти мѣсяцы свои мастерскія. Въ этомъ и лежатъ, между прочимъ, одна изъ главныхъ причинъ того, что изъ 110 осмотрѣнныхъ заведенiй 41, или 37,3%, работаютъ не круглый годъ, а съ перерывами, причѣмъ эти послѣдiе приходится обыкновенно на лѣтнее время.

Итакъ, въ большинствѣ случаевъ рабочiе мелкихъ промышленныхъ заведенiй являются тѣми же крестьянами, которые ищутъ въ томъ или иномъ мастерствѣ только добавочнаго заработка, чтобы свести свой бюджетъ; всѣ наиболѣе важные и близкіе имъ интересы связаны съ деревнею, гдѣ живетъ почти всегда ихъ семья и куда они ѣздятъ лѣтомъ для работъ, а въ праздничные дни просто на побывку.

Разбираясь въ отдѣльныхъ группахъ рабочихъ по мастерствамъ, можно, однако же, видѣть, что не вездѣ связь съ землею одинаково прочна. Изъ числа рабочихъ, напримѣръ, слесарно-механическихъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ и т. п. заведенiй ведутъ свое хозяйство въ деревнѣ 76,7%, и ѣздятъ лѣтомъ на полевые работы 47,6%, тогда какъ изъ сапожниковъ и башмачниковъ сохраняютъ деревенское хозяйство 90%, и лѣтомъ покидаютъ мастерскія 72,6%; изъ работающихъ въ столярныхъ, багетныхъ, кiотныхъ, токарныхъ и т. п. мастерскихъ соответственный процентъ въ первомъ случаѣ равняется также 90%, а во второмъ — 71,2%.

Слѣдуетъ сказать, что по условiямъ производства рабочiе слесарно-механическихъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ и т. п. заведенiй нѣсколько выделяются изъ всѣхъ другихъ, являясь наиболѣе видными представителями, такъ сказать, квалифицированнаго труда и пользуясь въ силу этого сравнительно хорошимъ заработкомъ. Можетъ быть, этимъ и объясняется тотъ фактъ, что они чаще другихъ превращаются въ профессиональных рабочихъ, живущихъ исключительно заработкомъ отъ мастерства и бросившихъ свое деревенское хозяйство.

Одну изъ характерныхъ особенностей большинства изслѣдованныхъ нами заведенiй составляетъ присутствiе среди рабочихъ дѣтей и малолѣтнихъ въ положенiи такъ называемыхъ учениковъ: изъ 1,094 опрошенныхъ рабочихъ 373, или 34,1%, оказались учениками. Имя своею задачею обученiе мастерству во всѣхъ его деталяхъ и широкую предварительную практику подъ руководствомъ опытнаго мастера, ученичество очень распространено въ ремесленныхъ заведенiяхъ и освящено закономъ. Статья 393 устава о промышлен-

ности (Сводъ закона, т. XI, часть 2-я) гласить, напримѣръ, слѣдующее: «мастеръ обязанъ учениковъ своихъ учить усердно, обходиться съ ними человѣколюбивымъ и кроткимъ образомъ, безъ вины ихъ не наказывать и занимать должное время наукою, не принуждая ихъ къ домашнему его служенію и работамъ». Знакомство съ этой статьей отражается въ тѣхъ договорныхъ условіяхъ, которыя заключаются между хозяевами заведенія, куда поступаютъ ученики, и родителями отдаваемыхъ въ ученіе дѣтей. Подобнаго рода контракты очень характерны, почему мы позволимъ себѣ привести здѣсь выдержки изъ одного такого условія. «... Сынъ мой долженъ быть у хозяина въ полномъ повиновеніи и послушаніи, и если хозяиномъ будетъ замѣчено что-либо дурное или нерадѣніе къ мастерству, то воленъ онъ по мѣрѣ вины моего сына наказывать его закономъ дозволенными мѣрами... Я, мастеръ, съ своей стороны обязуюсь обучать мальчика въ теченіе означеннаго срока мастерству вполне добросовѣстно, обходиться съ нимъ крѣтко и человѣколюбиво, безъ всякой причины не наказывать, лишней и непосильной работы на него не налагать, а также и не принуждать его къ своему домашнему служенію и не позволять того ни своимъ семейнымъ, ни мастерамъ»... Ниже мы увидимъ, въ какой мѣрѣ выполняются всѣ эти обязательства.

Ученики берутся на срокъ отъ 3 до 5 лѣтъ. За это время хозяинъ долженъ кормить взятыхъ имъ въ ученіе дѣтей и давать имъ помѣщеніе и постель; затѣмъ въ разныхъ случаяхъ дается имъ то одежда, бѣлье и обувь, то только одежда и обувь, то, наконецъ, одна обувь и шапка. Бани и стирка бѣлья учениковъ оплачиваются обыкновенно хозяиномъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ же оплачиваются и расходы по поѣздкѣ дѣтей въ деревню на праздники. «На отживѣ», т.-е. при окончаніи срока ученичества, хозяинъ обыкновенно обязуется своему бывшему ученику «списать хорошую одѣжу» и уплатить опредѣленную сумму денегъ, колеблющуюся въ предѣлахъ отъ 15 до 30 рублей.

Владельцы заведеній, конечно, охотно брали и берутъ себѣ учениковъ, такъ какъ въ лицѣ ихъ имѣютъ сравнительно очень дешевую и часто безответную рабочую силу, которой они, къ тому же, пользуются и для домашнихъ надобностей. Намъ, по крайней мѣрѣ, случалось слышать опредѣленные указанія, что «прислуга, молъ, стоитъ денегъ, а вмѣсто нея все дѣло можетъ справиться и мальчикъ». Обычно, несмотря на существованіе цитированной статьи 393 и опредѣленныхъ договорныхъ условій, ученики въ теченіе перваго года или даже двухъ совсѣмъ почти не посвящаются въ тайны мастерства, а служатъ въ качествѣ нянекъ, кухонныхъ мальчиковъ и вообще исполняютъ разнаго рода домашнія работы или состоятъ на побѣгушкахъ у хозяина и мастеровъ, получая въ поощреніе колотушки и другіе не менѣе чувствительные знаки благоволенія.

За послѣднее время, по показаніямъ большинства хозяевъ, ученичество, по крайней мѣрѣ, въ Марьиной рощѣ, начинаетъ значительно сокращаться. Причину этого, по разъясненіямъ тѣхъ же хозяевъ, надо искать въ двухъ

направленіяхъ. Съ одной стороны, тутъ играетъ роль фактическая невозможность удержать нежелающихъ оставаться учениковъ или вернуть уже ушедшихъ и то обиліе мелкихъ промышленныхъ заведеній, о которомъ говорилось выше и которое заставляетъ хозяевъ подчасъ переманивать другъ у друга мало-мальски обученныхъ учениковъ. Подтвержденіемъ этому могутъ служить часто встрѣчавшіяся указанія на такіе, напримѣръ, случаи: «выучишь немного мальчишка, обучешь-одѣнешь его, а онъ возьмъ да уйдетъ», или: «не успѣеть мальчикъ мало-мальски заняться, глядишь, его сманили на другое мѣсто».

Съ другой стороны, эта, такъ сказать, неустойчивость и неуживчивость учениковъ объясняется большимъ или меньшимъ развитіемъ въ нихъ чувства личнаго достоинства, связаннаго, можетъ быть, съ большимъ распространеніемъ среди нихъ начального образованія. Теперь зачастую встрѣчаются такіе ученики, которые не относятся такъ покорно и безразлично къ полотушкамъ, тасканію за вихры и другимъ проявленіямъ «кроткаго и человѣколюбиваго» отношенія къ нимъ мастеровъ, какъ это бывало прежде.

Намъ неоднократно приходилось слышать сѣтованія, что «прежде проще было, а теперь учениковъ совсѣмъ держать нельзя, — оттаскаешь мальчишка за волосы, а онъ сейчасъ къ мировому»... А между тѣмъ все еще живетъ и крѣпко держится въ умахъ большинства хозяевъ и мастеровъ убѣжденіе, что «безъ строгости обучить мастерству никакъ невозможно».

Какъ бы то ни было, а фактъ сокращенія размѣровъ ученичества приходится признать достовернымъ. Чтобы удержать своихъ учениковъ или привлечь постороннихъ, хозяева нѣкоторыхъ заведеній стали вводить у себя для обучавшихся нѣкоторое время учениковъ заработную плату въ томъ или иномъ размѣрѣ; обычно эта плата начинается съ 1—2 руб. и доходитъ до 5 и болѣе рублей въ мѣсяцъ. Въ силу этихъ условій на сцену по необходимости выступаетъ въ данное время вопросъ о томъ, какъ придется современемъ пополнять комплектъ мастеровъ и вообще обученныхъ рабочихъ. Оказывается, какъ намъ приходилось лично слышать, въ настоящее время среди самихъ владѣльцевъ разныхъ промышленныхъ предпріятій циркулируетъ мысль о замѣнѣ обученія тому или иному мастерству въ заведеніяхъ частныхъ лицъ обученіемъ въ особыхъ учебныхъ мастерскихъ. Съ общественной точки зрѣнія это было бы лучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣшеніемъ «ученическаго» вопроса, который такъ интересовалъ общество за последнее время и широко дебатировался въ печати и на разныхъ сѣздахъ.

III.

Согласно дѣйствующему законодательству (статья 431 устава о промышленности), въ ремесленныхъ заведеніяхъ «рабочіе часы въ суткахъ суть отъ 6 час. утра до 6 час. вечера, исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ». Наши данныя показываютъ, что тре-

бование, заключенное въ этой статьѣ, абсолютно ни въ одномъ изъ заведеній не соблюдается.

О томъ, какова продолжительность рабочаго дня въ изслѣдованныхъ мастерскихъ, можно составить достаточное представленіе изъ слѣдующей таблицы:

Продолжительность рабочаго дня.	Число заведе- ній.		Число рабочихъ въ нихъ.	
	Абсол.	% по отноше- нію ко всему числу.	Абсол.	% по отноше- нію ко всему числу.
Менѣе 13 часовъ	6 или	5,5%	51 или	4,2%
Отъ 13 до 14 часовъ	10 >	9,0%	105 >	8,7%
> 14 > 15 >	32 >	29,1%	364 >	30,3%
> 15 > 16 >	33 >	30,0%	410 >	34,1%
16 и болѣе часовъ	29 >	26,4%	273 >	22,7%

Чтобы не породить недоразумѣній, необходимо пояснить, что здѣсь изъ рабочихъ часовъ не выключено время, которое потребно для того, чтобы рабочимъ пообѣдать или выпить чаю. Вызвано это тѣмъ соображеніемъ, что продолжительность перерывовъ для обѣда и чаепитія въ мастерскихъ обычно не установлена: какъ только рабочіе встаютъ изъ-за стола, перерывъ въ работѣ считается законченнымъ и рабочіе должны снова приниматься за свое дѣло.

Въ среднемъ, однако же, можно считать такъ, что на обѣдъ и два чая уходитъ въ общей сложности не болѣе $1\frac{1}{2}$ часовъ.

Приведенныя цифры показываютъ, что для большей половины (56,4%) всего числа рабочихъ трудовой день продолжается болѣе 15 часовъ, если не вычитать времени перерывовъ для обѣда и чаепитія; если исключить эти перерывы, то и тогда для указанного числа рабочихъ ежедневная продолжительность, такъ сказать, чистаго рабочаго времени выразится $13\frac{1}{2}$ и болѣе часами въ сутки.

Такая продолжительность рабочаго дня не можетъ не быть признава вредной для здоровья рабочихъ, особенно если принять во вниманіе то, въ какой обстановкѣ и при какихъ условіяхъ имъ приходится проводить эти рабочіе часы.

Къ тому, что сказано было выше о неблагоприятной обстановкѣ работы въ смыслѣ неудовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ санитарнаго состоянія мастерскихъ, мы здѣсь должны присоединить еще рядъ отрицательныхъ условій, которые порождаются самимъ характеромъ того или иного мастерства. Портные, напримѣръ, въ теченіе всѣхъ 13—14 или даже болѣе часовъ работы вынуждены сидѣть, поджавши подъ себя ноги и согнувшись надъ шитьемъ. Не менѣе неудобна поза и у сапожниковъ, которымъ приходится сидѣть на очень низкихъ скамьяхъ, также въ сильно согнутомъ положеніи, съ приведенными въ туловищу нижними конечностями.

ми. Занятые тканьем бахромы рабочие обязаны все время сидеть за станкомъ, работая ногами и руками и сильно упираясь грудью о доску на переднемъ краѣ станка. Уже это краткое описаніе показываетъ, что при всѣхъ перечисленныхъ видахъ работъ характерною особенностью является отсутствіе сильныхъ движеній и сидячее положеніе; а это въ связи съ крайне неудобной позой имѣетъ своимъ послѣдствіемъ слабость мышечной системы, пониженную дѣятельность легкихъ и сердца, недостаточный обменъ веществъ и, какъ результатъ, пониженіе жизненной энергіи и способности противостоятъ различнаго рода вреднымъ влияніямъ.

Если ближе ознакомиться съ продолжительностью рабочаго дня по отдѣльнымъ мастерствамъ, то получимъ опять довольно рѣзкую разницу между различными группами рабочихъ. Въ то время какъ общая продолжительность рабочаго дня болѣе 15 часовъ отмѣчена положительно во всѣхъ портновскихъ мастерскихъ съ ихъ 143 рабочими, въ сапожныхъ и башмачныхъ такой день встрѣчается уже не вездѣ и касается только 69,9% общаго числа этого рода рабочихъ; въ столярныхъ, плотныхъ, багетныхъ, токарныхъ и т. под. заведеніяхъ болѣе 15 часовъ работаютъ 60,1%, всего числа рабочихъ, а въ слесарно-механическихъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ, ювелирныхъ и другихъ заведеніяхъ этой группы—только 20,3%, изъ всѣхъ рабочихъ. И въ этомъ отношеніи, такимъ образомъ, рабочіе последней группы оказываются въ привилегированномъ положеніи по сравненію со всѣми другими.

Продолжительность рабочаго дня въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ обыкновенно бываетъ совершенно одинакова для всего состава рабочихъ, хотя бы въ числѣ ихъ были и дѣти въ возрастѣ до 12 лѣтъ, и малолѣтніе отъ 12 до 15 лѣтъ, находящіеся подъ спеціальной охраной закона въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Въ мелкихъ же промышленныхъ заведеніяхъ, наоборотъ, намъ постоянно приходилось наталкиваться на такіе случаи, что ученики, убирая мастерскія по окончаніи работъ или оставаясь за дѣломъ въ то время, когда мастера уходятъ пить чай въ трактиръ, работаютъ даже большее число часовъ, чѣмъ взрослые. Едва ли нужно особенно доказывать, что подобное чрезмерное утомленіе работой и притомъ въ такихъ условіяхъ, неудовлетворительность которыхъ въ санитарномъ отношеніи, кажется, достаточно выяснена выше, должно отражаться на несложившихся дѣтскихъ организмахъ несравненно болѣе вредно, чѣмъ на взрослыхъ.

Въ очень многихъ изъ осматрѣнныхъ заведеній сохранился старинный обычай, въ силу котораго знойный рабочій день продолжается нѣсколько (обыкновенно на одинъ часъ) дольше, чѣмъ лѣтомъ. Между прочимъ, при составленіи вышеприведенной таблицы, характеризующей продолжительность рабочаго дня въ различныхъ заведеніяхъ, приняты въ расчетъ зимніе мѣсяцы; для лѣтняго времени, следовательно, въ ту же таблицу должна была бы быть внесена поправка, сводящаяся къ уменьшенію во

многих группях рабочего дня на одинъ часъ. Начало болѣе продолжительныхъ рабочихъ дней приурочивается къ первой половинѣ сентября, когда устраиваются такъ называемыя «засидки», сопровождающіяся обычно обильнымъ угощеніемъ рабочихъ за счетъ хозяина того или иного промышленнаго заведенія.

Въ праздничные дни въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ работъ обыкновенно не бываетъ, а если и бываетъ, то рабочіе всегда получаютъ за это особую плату. Передъ праздниками почти всегда рабочий день сокращается, такъ какъ кончаютъ работать часа на 2—3 раньше; впрочемъ, это имѣетъ мѣсто далеко не во всѣхъ мастерскихъ. Въ нѣкоторыхъ сапожныхъ и портновскихъ заведеніяхъ, которыя работаютъ, между прочимъ, непосредственно на заказчика, передъ праздниками рабочий день иногда, наоборотъ, значительно удлиняется: нами были зарегистрированы, напримеръ, такіе случаи, когда рабочий день начинался въ 5 час. утра и оканчивался въ 11 час. вечера, т.-е. *длился 18 час.*

Праздничные дни рабочіе отдаютъ отдыху и развлечениямъ, причѣмъ въ качествѣ источника веселья и развлеченій на первомъ планѣ стоятъ трактиры, пивныя и т. под. учрежденія. Оно, впрочемъ, и понятно. Сидѣть всю недѣлю въ душной, тѣсной, мрачной и днѣмъ, и еще болѣе вечеромъ мастерской, не видѣть кругомъ ни малѣйшаго уюта, а только одну и ту же намоловившую глаза неприглядную обстановку, наконецъ, надоѣдаетъ, хочется попасть на просторъ, въ болѣе красивое и уютное помѣщеніе, гдѣ было бы свѣтло и весело. Шестидневный продолжительный и однообразный трудъ заставляетъ въ силу реакціи искать интереса и веселья, а искать его всякій будетъ, конечно, тамъ, гдѣ это ему доступно и привычно.

Необходимо, впрочемъ, на основаніи собранныхъ путемъ опроса данныхъ, съ положительностью отмѣтить тотъ фактъ, что не всегда трактиры, пивныя и другія учрежденія подобнаго рода привлекаютъ къ себѣ рабочихъ только какъ таковыя,—очень часто рабочіе ищутъ въ нихъ возможности поговорить съ товарищами, почитать газету и т. п.

Надо, между прочимъ, сказать, что въ Марьиной рощѣ съ ея слишкомъ двадцатью тысячами населенія, нѣтъ ни библіотеки, ни читальни и отсутствіе таковыхъ ощущается очень и очень многими рабочими. «Была бы читальня, можно было бы сходить въ нее отъ скуки... тутъ охотниковъ много бы нашлось». «Книжку достать негдѣ... была бы здѣсь библіотека, стали бы ходить, а то въ Москву ходить далеко». «Газету прохѣ негдѣ достать, какъ въ трактирѣ, самимъ выписывать дорого». «Если бы можно было достать книжку, конечно, стали бы читать».

Такия и много подобныхъ же указаній, записанныхъ нами со словъ рабочихъ, подтверждаютъ только что высказанную мысль о томъ, что не всегда въ трактиръ влечетъ желаніе выпивки, ибо, какъ картинно выразился въ одномъ случаѣ спрашиваемый рабочий, «не всякій по водкѣ... въ трактиръ и поговорить, и почитать можно».

Спросъ на чтеніе и на книгу, безъ сомнѣнія, есть среди рабочихъ и они готовы поступиться ради этого извѣстными доступными имъ, хотя, конечно, небольшими расходами. Намъ нерѣдко приходилось встрѣчать, что въ какомъ-нибудь заведеніи рабочіе выписываютъ артелью газету (чаще всего *Русскій Листокъ* и *Московскій Листокъ*); нерѣдка покупаются листовыя или двулистовыя книжки, которыя потомъ, по откровенному заявленію, идутъ «на пыгарки». Наконецъ, заходятъ въ рабочимъ и особые предприниматели—книгоноши, у которыхъ можно получать книги для прочтенія по пятачку за штуку съ правомъ держать ее неопредѣленно долгое время, пока книга не будетъ прочтена самимъ рабочимъ, а, можетъ быть, и всею артелью. Можно уже предположить заранѣе, что, при такомъ способѣ снабженія рабочихъ матеріаломъ для чтенія, едва ли часто попадетъ въ ихъ среду хорошая книга. И дѣйствительность, къ сожалѣнію, вполне подтверждаетъ это предположеніе.

IV.

Что же получаютъ рабочіе мелкихъ промышленныхъ заведеній за свой нелегкій трудъ? Заработную плату въ томъ или иномъ размѣрѣ и кромѣ того въ громадномъ большинствѣ случаевъ харчи и помѣщеніе для ночлега.

О послѣднемъ намъ уже приходилось говорить выше и теперь нѣтъ нужды повторять, что тѣсныя, душныя, неуютныя и т. д. мастерскія могутъ служить именно только мѣстомъ для ночлега и едва ли заслуживаютъ названія жилыхъ помѣщеній.

Въ 100 заведеніяхъ изъ всего количества 110 обследованныхъ (90,1%) рабочіе получаютъ отъ хозяина харчи, т.-е. обѣдъ и ужинъ, а нерѣдко и чай. Характеръ питанія рабочихъ удалось выяснитъ только приблизительно, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ пришлось ограничиться, за отсутствіемъ цифровыхъ данныхъ, разспросами и указаніями общаго характера. Меню обѣда и ужина почти вездѣ одинаково и состоитъ въ скромные дни изъ мясного супа (щи, лапша, картофельный супъ) и каши или жаренаго картофеля съ масломъ или саломъ; количества мяса всюду опредѣляется въ размѣрѣ, приблизительно, полфунта на человѣка. Въ постные дни супъ варится со снѣтками, грибами, головизной или селедкой, а на второе остаются тѣ же каша или картофель, приготовленные только съ подсолнечнымъ масломъ. Въ двухъ-трехъ заведеніяхъ намъ пришлось натолкнуться на такое явленіе: хозяинъ кормитъ всѣхъ рабочихъ, но ученики пользуются харчами бесплатно, а съ мастеровъ вычитается по 20 к. въ день. Мы останавливаемся на этомъ потому, что приблизительно такая же стоимость харчей показана тѣми рабочими, которые едятъ сами артелью и у которыхъ на продовольствіе приходится съ каждаго отъ 5 до 6½ руб. въ мѣсяцъ. Это даетъ основаніе думать, что указанія относительно характера питанія рабочихъ, полученныя путемъ опроса какъ ихъ самихъ, такъ и хозяевъ, въ большей или меньшей степени соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Составъ пищевыхъ продуктовъ, потребляемыхъ въ той

или иной артели, можно опредѣлять съ большею точностью (по заборнымъ книжкамъ) и здѣсь мяса расходуетъ тоже около полфунта въ день на человѣка. Если въ продовольствіи харчующихся артелью рабочихъ вычислить содержаніе главныхъ пищевыхъ веществъ, то оно будетъ соответствовать общепринятымъ на этотъ счетъ требованіямъ гігіены, за исключеніемъ развѣ нѣскольکو меньшаго содержанія жировъ; надо, впрочемъ, замѣтить, что у рабочихъ, какъ и вообще у крестьянскаго населенія, бѣла въ пищѣ, главнымъ образомъ, растительнаго происхожденія. Артельное столованіе отмѣчено въ 5 заведеніяхъ съ 101 рабочимъ; въ другихъ 5 заведеніяхъ 35 рабочихъ питаются у себя на квартирахъ, каждый въ отдѣльности.

Заработная плата колеблется въ широкихъ размѣрахъ не только въ заведеніяхъ разнаго рода, но даже въ однихъ и тѣхъ же, въ зависимости отъ умѣлости и ловкости рабочихъ, возраста и пола ихъ. Общую картину колебаній заработной платы можетъ дать слѣдующая таблица:

Размѣры заработной платы въ мѣсяцъ.	Ч и с л о р а б о ч и х ъ .	
	Мужчинъ.	Женщинъ.
Не болѣе 5 руб.	55 или 7,4%	29 или 26,3%
Отъ 5 до 8 руб.	115 » 15,6 »	63 » 57,3 »
» 8 » 10 »	167 » 22,6 »	9 » 8,2 »
» 10 » 12 »	99 » 13,4 »	9 » 8,2 »
» 12 » 15 »	106 » 14,3 »	—
» 15 » 20 »	110 » 14,9 »	—
» 20 » 25 »	51 » 6,9 »	—
Болѣе 25 руб.	36 » 4,9 »	—

Изъ этой таблицы прежде всего видно, что женщины зарабатываютъ гораздо меньше мужчинъ: ни одна изъ женщинъ не получаетъ болѣе 12 руб., а около четверти ихъ (26,3%) получаютъ не болѣе 5 руб. И это касается не только ученицъ, которыхъ вообще очень мало среди женщинъ, а взрослыхъ работницъ. Если принять во вниманіе, что изъ этого скуднаго заработка необходимо производить траты на обувь, одежду и нѣкоторыя другія потребности, то невольно приходится допустить предположеніе, что многія изъ занятыхъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ женщинъ вынуждены, послѣ долгаго и утомительнаго рабочаго дня, искать еще какого-то сторонняго заработка. И дѣйствительность, къ сожалѣнію, нерѣдко подтверждаетъ это... Изъ числа рабочихъ мужчинъ, о заработкѣ которыхъ удалось собрать свѣдѣнія, большая половина (59%) получаетъ менѣе 12 руб. въ мѣсяцъ, а около четверти (23%) даже менѣе 8 руб. Но здѣсь можно съ опредѣленностью сказать, что вышеіе размѣры заработной платы приходится на долю, съ одной стороны, учениковъ и подростковъ, а съ другой—чернорабочихъ и поденщиковъ, исполняющихъ болѣе грубую работу, не обладающихъ знаніемъ даннаго мастерства и являющихся случайными работниками заведеній въ зимнее время.

По отдѣльнымъ мастерствамъ размѣръ заработной платы далеко не оди-

наковъ. Не болѣе 10 руб. въ мѣсяцъ зарабатываютъ, напримѣръ, 60%, изъ числа рабочихъ въ ткацкихъ и бахромныхъ заведеніяхъ, 73,1%, портныхъ, 58,4%, сапожниковъ и башмачниковъ, тогда какъ изъ столяровъ ту же плату получаютъ 36,6%, а изъ рабочихъ въ слесарно-механическихъ, мѣдныхъ, серебряныхъ, ювелирныхъ и т. п. заведеніяхъ даже только 26,4%. Наоборотъ, болѣе 20 рублей не получаетъ ни одинъ изъ портныхъ, изъ ткачей и бахромщиковъ въ такомъ размѣрѣ получаютъ только 5,9%, изъ сапожниковъ и башмачниковъ—11%, изъ столяровъ—11,1%, а изъ рабочихъ слесарно-механическихъ и т. п. заведеній уже 23,6%. Такимъ образомъ, въ смыслѣ оплаты труда болѣе или менѣе выделяется изъ всѣхъ остальныхъ группа заведеній, обрабатывающихъ металлы, т.-е. слесарно-механическихъ, мѣдныхъ, серебряныхъ, ювелирныхъ и т. п. Здѣсь сравнительно нерѣдко можно встрѣтить такихъ рабочихъ, которые получаютъ 1 р. 50 к., 1 р. 70 к., 2 р. въ день. Понятное дѣло, такой заработокъ между прочимъ обуславливается особымъ характеромъ работъ, требующихъ большой подготовки, значительной сноровки и извѣстной доли развитія. Этотъ сравнительно высокій заработокъ, связанный съ повышенными требованіями къ рабочимъ, и влечетъ за собой нерѣдко разрывъ связи съ землею, болѣе или менѣе окончательное переселеніе въ городъ со всею семьей и превращеніе въ настоящихъ, профессиональныхъ рабочихъ. Главнымъ образомъ рабочіе этой группы заведеній и отиѣчены изъ числа тѣхъ немногихъ, которые живутъ не въ мастерскихъ, а на вольныхъ квартирахъ, и не пользуются хозяйскими харчами, а столуются дома.

Въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ встрѣчаются всѣ формы заработной платы: и сдѣльная, и помѣсячная, и поденная. Сдѣльно оплачивается главнымъ образомъ трудъ сапожниковъ, башмачниковъ и портныхъ, а въ остальныхъ заведеніяхъ почти исключительно практикуется помѣсячная или поденная плата. На вопросъ о штрафахъ въ случаѣ прогуловъ намъ сравнительно рѣдко приходилось получать положительный отвѣтъ: только въ двухъ заведеніяхъ за каждый прогульный день берется причитающаяся плата въ двойномъ размѣрѣ, а въ двухъ другихъ при прогулѣ понедѣльника вычитается и за воскресный день. Это послѣднее, сводясь обычно въ сущности къ тому же двойному вычету, имѣетъ однако же специальною цѣлью уменьшить прогулы въ послѣпраздничные дни, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не являются на работу въ другой какой-нибудь, вычитается именно только за этотъ день. Въ 9 заведеніяхъ кромѣ того, при отсутствіи вычетовъ за прогульные дни собственно изъ заработной платы, существуютъ вычеты за харчи въ размѣрѣ обычно около 20 коп. въ день.

У.

Подведемъ итоги.

Мелкія промышленныя заведенія для большого числа нашихъ крестьянъ являются мѣстомъ приложенія труда въ свободное отъ полевыхъ работъ

время и, давая большій или меньшій заработокъ, увеличиваютъ бюджетъ крестьянской семьи и помогаютъ ей свести концы съ концами. Съ этой точки зрѣнія, при условіяхъ настоящаго времени, можно смотрѣть на нихъ, казалось бы, только какъ на положительное явленіе и возможность для крестьянъ попасть въ то или иное заведеніе считать относительнымъ благомъ. Но не такъ легко оцѣнить значеніе мелкихъ промышленныхъ заведеній въ народной жизни, если принять въ расчетъ вліяніе этихъ послѣднихъ на здоровье занятыхъ въ нихъ рабочихъ *). Продолжительный, а нерѣдко и чрезмѣрный трудъ, неблагоприятная обстановка его какъ со стороны неудовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ помѣщенія мастерскихъ, такъ и въ смыслѣ вредныхъ вліяній, проистекающихъ отъ специальныхъ условій и особенностей самаго производства, должны, конечно, невыгодно отражаться на здоровьи рабочихъ вообще и малолѣтнихъ преимущественно. Конечно, такое заключеніе сдѣлано на основаніи общихъ соображеній, такъ какъ нами не производилось specialнаго изслѣдованія здоровья рабочихъ, ихъ заболеваемости и смертности; но нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы усомниться въ существованіи этого вреднаго вліянія неблагоприятныхъ условій, которые дѣйствуютъ именно такимъ образомъ на фабрично-заводскихъ рабочихъ, какъ это установлено значительнымъ числомъ изслѣдованій. Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ осмотра 1,203 рабочихъ, хотя и не можетъ быть выражено въ цифрахъ, служить въ свою очередь въ пользу все того же заключенія. Рабочіе, напримѣръ, въ портновскихъ заведеніяхъ поголовно почти поражаютъ своимъ плохимъ питаніемъ, плохо развитой мышечной системой, впалой грудью и блѣдностью наружныхъ покрововъ; очень многіе изъ нихъ къ тому же жалуются на головныя боли и головокруженіе. Такое же впечатлѣніе блѣдныхъ, худыхъ, плохо развитыхъ физически и очень вялыхъ производятъ почти всѣ дѣти и малолѣтніе и многіе изъ взрослыхъ рабочихъ въ сапожныхъ, игрушечныхъ, коробочныхъ, серебряныхъ и нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ. Условія жилья и питаніе рабочихъ, характеръ времяпрепровожденія въ свободные отъ занятій и предназначенные для отдыха дни таковы, что едва ли могутъ компенсировать сказанное вредное вліяніе. Но въ этомъ послѣднемъ смыслѣ имѣютъ, вѣроятно, немаловажное значеніе періодическія поѣздки рабочихъ въ деревню, особенно же—на лѣтнія полевныя работы. Проведя два-три лѣтнихъ мѣсяца въ деревнѣ, отдавши значительную часть этого времени здоровой работѣ въ здоровой обстановкѣ, рабочіе въ значительной мѣрѣ пополняютъ тѣ недочеты, которые порождены зимнимъ, можетъ быть, и не такимъ тяжелымъ, но куда болѣе нездоровымъ трудомъ въ душныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ, и являются въ свои мастерскія съ подновленными силами. Учесть это благотворное вліяніе деревни опять-таки нельзя, но оно безъ сомнѣнія есть и, можетъ быть, отчасти этимъ объясняется тотъ фактъ, что среди рабочихъ слесарно-механическихъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ, се-

*) Выясненіе роли и значенія этого рода заведеній въ исторіи рабочаго вопроса не входитъ, конечно, въ задачи настоящей статьи.

ребриных и т. п. мастерских, откуда значительно реже уходят въ деревню на лѣтнія полевые работы, имѣющіе болѣе 40 лѣтъ составляютъ 5,6%, общаго числа, тогда какъ изъ числа рабочихъ въ сапожныхъ и башмачныхъ заведеніяхъ таковыхъ имѣется 7,9%, хотя по условіямъ работы послѣднее мастерство обставлено не только не лучше, а пожалуй даже хуже перваго.

И все-таки, несмотря на этотъ коррективъ въ видѣ періодически дѣйствующаго благотворнаго вліянія деревни, работа въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя нами описаны, называется, очевидно, невыгоднымъ образомъ на рабочихъ и способствуетъ скорѣйшему изнашиванію ихъ организма. Въ этомъ насъ отчасти можетъ убѣдить тотъ фактъ, что въ составѣ всѣхъ вообще рабочихъ мелкихъ промышленныхъ заведеній возрастъ выше 40 лѣтъ представленъ только 6,7%, въ то время какъ среди населенія Московской губерніи вообще на возрасты выше 40 лѣтъ падаетъ 26,1% *). Тѣ, изъ которыхъ составляется эта разница въ возрастномъ составѣ населенія вообще и рабочихъ мелкихъ промышленныхъ заведеній въ частности, представляютъ изъ себя, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ мало способныхъ или даже неспособныхъ въ работѣ, выброшенныхъ за бортъ промышленными заведеніями, и почти всѣ цѣлкомъ возвращаются въ деревню.

Извлекая изъ населенія цѣлыя рабочія, мелкія промышленныя заведенія такъ же, какъ и крупныя фабрично-заводскія, обыкновенно возвращаютъ туда стариковъ, инвалидовъ, больныхъ и вообще неработоспособныхъ. А это не можетъ, конечно, не отозваться на здоровьѣ и коренного населенія и должно въ большей или меньшей степени способствовать повышенію среди него заболеваемости и смертности и пониженію физическаго типа слѣдующихъ поколѣній. Тѣ же заведенія могутъ вліять на населеніе, расположенное въ непосредственной близости около нихъ, и болѣе прямымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что рабочіе мелкихъ промышленныхъ заведеній, живя очень скученно и представляя изъ себя менѣе стойкихъ въ борьбѣ за существованіе и болѣе доступныхъ вліянію разныхъ инфекцій, очень часто заболеваютъ всевозможными эпидемическими болѣзнями (въ той же Марьяной рошѣ, напримѣръ, эпидемія всѣхъ видовъ положительно не переводится); а разъ начавшись среди рабочихъ, эпидемія потомъ, конечно, распространяется и въ окружающемъ населеніи.

Всѣ эти соображенія неизбѣжно приводятъ къ тому заключенію, что мелкія промышленныя заведенія должны обратить на себя вниманіе общественныхъ учреждений, приванныхъ блюсти интересы здоровья населенія.

*) П. И. Куркина: „Возрастной составъ сѣльскаго населенія въ Московской губерніи“. (По матеріаламъ, собраннымъ статистическимъ отдѣленіемъ московской губернской земской управы при подворномъ обследованіи губерніи въ 1898—1900 гг.) Надо думать, что процентъ, падающій на возрасты выше 40 лѣтъ въ населеніи другихъ губерній, откуда также въ значительномъ числѣ рекрутируются рабочіе на слѣдованныхъ заведеній, не долженъ особенно резко разниться отъ такового же въ Московской губерніи.

Именно въ этихъ интересахъ здоровья какъ самихъ рабочихъ, занятыхъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ, такъ и остального населенія, болѣе или менѣе близко стоящаго къ нимъ, необходимо употребить всѣ усилія къ тому, чтобы улучшить условія труда рабочихъ и упорядочить санитарное состояніе означенныхъ мастерскихъ. Казалось бы, что это сдѣлать не трудно, стоитъ только выработать рядъ требованій санитарнаго характера къ устройству и содержанію мелкихъ промышленныхъ заведеній и предъявить эти требованія къ ихъ владѣльцамъ. На самомъ дѣлѣ однако же вопросъ этотъ гораздо болѣе трудный и сложный. Прежде всего, недостаточно только установить рядъ требованій и предъявить ихъ къ владѣльцамъ заведеній, а нужно постоянно слѣдить за ихъ выполненіемъ, т.-е. имѣть для этого особый персоналъ. Въ данномъ случаѣ это представляется особенно необходимымъ въ виду того, что придется имѣть дѣло съ такими не особенно культурными людьми, каковы въ большинствѣ случаевъ владѣльцы мелкихъ промышленныхъ заведеній, которымъ подчасъ трудно будетъ усвоить рациональность и необходимость предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Какъ будетъ организованъ этотъ надзоръ за мелкими промышленными заведеніями и въ какую форму онъ выльется, это, конечно, покажетъ будущее, но что онъ безусловно необходимъ, въ этомъ, думается, нельзя сомнѣваться. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ специальныхъ сѣздовъ (VIII сѣздъ врачей въ память Н. И. Пирогова) высказался именно въ этомъ смыслѣ, что вопросъ о неотложномъ установленіи врачебно-санитарнаго надзора за ремесленными и мелкими промышленными заведеніями достаточно выясненъ и назрѣлъ *).

Есть и еще одна сторона дѣла, которую необходимо имѣть въ виду при обсужденіи вопроса объ упорядоченіи мелкихъ промышленныхъ заведеній въ санитарномъ отношеніи. Суть въ томъ, что среди этихъ заведеній есть немало мелкихъ, которымъ могутъ быть непосильны болѣе или менѣе строгія требованія, и предъявленіе къ нимъ такихъ требованій, увеличивши издержки производства, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ способствовать ихъ гибели.

Не считая себя призванными предлагать здѣсь то или иное рѣшеніе общаго вопроса о мѣрахъ къ упорядоченію всѣхъ видовъ мелкихъ промышленныхъ заведеній, мы однако же должны сказать, что очень и очень многія изъ исследованныхъ нами заведеній и по своимъ размѣрамъ, и по характеру производства таковы, что могли бы выдержать повышенныя санитарныя требованія.

И въ данномъ случаѣ въ цѣляхъ оздоровленія мелкихъ промышленныхъ заведеній и въ интересахъ охраны труда многихъ сотенъ и даже тысячъ рабочихъ предъявленіе такого рода требованій и надзоръ за выполненіемъ ихъ представляются въ высокой степени желательными и даже необходимыми.

В. Лебедевъ.

*) Труды восьмого Пироговскаго сѣзда. Вып. VII, стр. 420.

О положеніи торговых служащихъ.

Не такъ давно газеты сообщали, что при министерствѣ финансовъ работаетъ особая коммиссія по вопросу объ урегулированіи труда служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Насколько намъ извѣстно, «большая» пресса не отмѣтила этого факта, хотя онъ, безспорно, заслуживаетъ общественнаго вниманія. Настоящая статья и представляетъ собою попытку выяснитъ современное положеніе и ближайшія нужды приказчиковъ, насколько это позволяютъ, съ одной стороны—имѣющіеся въ литературѣ скудный матеріалъ, съ другой—размѣры отведеннаго въ журналѣ мѣста. Подъ ближайшими нуждами мы разумѣемъ тѣ, которыя сами приказчики выдвигаютъ на первый планъ въ своихъ петиціяхъ, много разъ подававшихся и въ городскія думы, и губернской администраціи, и въ высшія правительственныя учрежденія. Приказчики просятъ прежде всего о нормированіи ихъ рабочаго дня и объ установленіи правдивнаго отдыха. Они имѣютъ и много другихъ нуждъ, но останавливаться на всѣхъ ихъ въ бѣглой журнальной статьѣ не представляется возможнымъ,—развѣ мимоходомъ придется коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ, и особенно торговаго ученичества.

Каковъ численный контингентъ приказчиковъ—опредѣленныхъ статистическими данными нѣтъ. Но, судя по тому, что въ торговыхъ заведеніяхъ одной Одессы занято до 33 тыс. человекъ, нужно думать, что онъ весьма значителенъ: посредствомъ нѣкоторыхъ гадательныхъ выкладокъ мы можемъ принять его минимумъ въ 700 тысячъ *). Охрана жизни и здоровья такой общественной группы, не меньше какъ $\frac{2}{3}$, которой люди семейные, какъ хотите,—дѣло стоящее заботы государственной власти, и жаль, конечно, что на него не обращалось вниманія.

*) По такому расчету: на 500 тыс. населенія Одессы въ 1902 г. приходилось около 33 тыс. торг. служащихъ, т.-е. они составляли около 6,6%. Принявъ этотъ % для всѣхъ городовъ съ населеніемъ выше 100,000,—а ихъ до 25 съ населеніемъ до 51½ милл., а для остальныхъ городовъ Россіи, съ населеніемъ до 11½ милл. % торг. служащихъ убавивъ наполовину,—получимъ 708 тыс.—По переписи 1897 г. городского населенія оказалось 16.785,212 (Зяб. словарь Брокг. и Ефр., „Россія“).

Что такое приказчикъ? При какихъ условіяхъ онъ живетъ и трудится? Каковъ его внутренній міръ? Каково отношеніе къ окружающей жизни? Какъ онъ реагируетъ на нее и она на него?

Надо сознаться, до сего времени мало опредѣленного извѣстно о бытѣ приказчиковъ, хотя и не секретъ, что доля ихъ куда какъ не привлекательна. Специальное обследованіе труда и жизни приказчиковъ было предпринято лишь въ Одессѣ *); кромѣ того, санитарнымъ отдѣломъ московскаго отдѣленія техническаго общества была произведена анкета посредствомъ разсылки вопросныхъ листовъ, которая обнимаетъ, впрочемъ, лишь 27 городовъ и съ небольшимъ 3,000 лицъ. Результаты этихъ изслѣдованій широкой публикѣ почти неизвѣстны, и о положеніи торговыхъ служащихъ она можетъ судить главнымъ образомъ по личнымъ наблюденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы постоянно видимъ, что въ лавкахъ у насъ чуть не круглый годъ торгуютъ съ ранняго утра до поздняго вечера; мы знаемъ о необезпеченномъ положеніи приказчика въ случаѣ инвалидности, о тѣхъ страшныхъ послѣдствіяхъ для его семьи, когда онъ оставляетъ ее безъ всякихъ средствъ къ существованію. Мы знаемъ кое-что и объ усѣянномъ терніями обученіи мальчиковъ торговому дѣлу. Обо всемъ этомъ, кромѣ личныхъ наблюденій, мы можемъ знать еще и по сообщеніямъ, появляющимся иногда на страницахъ повременной прессы. Но съ духовной жизнью приказчицъ массы, съ господствующими въ ней настроеніями, вкусами, традиціями, нравами русское общество, правду сказать, знакомо мало. Объясняется это, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что тутъ недостаточно случайныхъ наблюденій и мѣстныхъ изслѣдованій, а необходимо изученіе ея во всѣхъ проявленіяхъ домашней и общественной жизни, изученіе социальныхъ условій, опредѣляющихъ положеніе приказчиковъ. Нужно замѣтить здѣсь, что и современная изящная литература мало мѣста отводитъ «темному царству», точно въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій, со временъ Островскаго, оно нисколько не «просвѣтилось» и типъ «молодца» и «услуживающаго» не возвысился до сознательнаго человѣка. Но въ дѣйствительности едва ли такъ, едва ли торговая среда потому не находитъ мѣста въ художественной литературѣ, что блѣдна и убога. Даже сославшись на одинъ рассказъ изъ быта торговыхъ служащихъ, напечатанный въ 1902 г. въ одномъ изъ «толстыхъ» журналовъ **), мы должны заключить, что типъ «молодца» понемногу выводится, уступая мѣсто «служащему», который знаетъ себѣ цѣну, сознаетъ свое человѣческое достоинство, разумно относится къ окружающей жизни. И приводимые здѣсь факты убѣждаютъ въ вырожденіи «молодца» и въ нарастаніи «служащаго», и именно этотъ процессъ духовнаго оздоровленія приказчицъ массы являетъ ся причиной того, что о ней начинаютъ заботиться правящая сфера.

*) Брошюра г. Гудванъ „Приказчики въ Одессѣ“. Одесса, 1903 г. Ц. 20 к.

**) „Служащій“, очеркъ С. Я. Елпатьевскаго. Рус. Бю., янв. 1902 г.

I.

Изъ какого общественнаго класса вербуется и при какихъ условіяхъ готовится къ своей профессіи приказчикъ армія, лучше всего видно изъ доклада самарскаго общества приказчиковъ о положеніи торговыхъ мальчиковъ, доклада, доставленнаго второму съѣзду представителей обществъ взаимопомощи частному служебному труду. Въ немъ говорится, что для приученія къ торговлѣ принимаются большею частью мальчики изъ дѣтей бѣдныхъ родителей въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ. При приѣмѣ ихъ коммерсанты ставятъ обыкновенно такія условія: мальчикъ долженъ служить при магазинѣ безвозмездно 5 лѣтъ, находясь «въ полномъ повиновеніи, какъ у самого хозяина, такъ и у довѣреннаго его по торговому дѣлу». Въ теченіе всего обусловленнаго срока содержаніе и квартиру мальчикъ получаетъ отъ хозяина; «нѣкоторые хозяева, принимая къ себѣ «на выучку» сиротъ или очень бѣдныхъ мальчиковъ», обусловливаютъ, что «первые два или три года родители и воспитатели мальчика должны окупировать (экспролировать) его на свой счетъ, а послѣдніе два года платье, бѣлье, обувь даются отъ хозяина». Условія заключаются словесныя, а иногда и письменныя; редакція ихъ вырабатывается коммерсантомъ «и всецѣло принимается родителями или воспитателями отдаваемыхъ въ науку мальчиковъ». Побуждаютъ соглашаться на «всякія условія», съ одной стороны, «необходимость во что бы ни стало пристроить ребенка къ дѣлу», съ другой—надежда вывести его въ люди. Разумѣется, надежды родителей исполняются далеко не всегда. «Принявъ къ себѣ мальчика для обученія торговому дѣлу», хозяинъ «прикомандировываетъ его къ себѣ на кухню для исполненія всевозможныхъ домашнихъ—ничего не имѣющихъ, конечно, общаго съ торговлею—обязанностей: убирать комнаты, мести и мыть полы, чистить ножи, вилки, самовары и мыть посуду». Иногда мальчиковъ «заставляютъ чистить дворы, носить въ зимнее время во второй и третій этажи дрова для топки печей (которыхъ бываетъ въ большихъ домахъ до 5 и болѣе)». Мало того, мальчикъ «вынужденъ вставать раньше всѣхъ и ложиться позже всѣхъ», такъ что нѣкоторымъ спать приходится «не болѣе 3 или 4 часовъ въ сутки», на полу хозяйской передней, «дабы немедленно, по первому звонку, отворить наружную дверь возвращающемуся домой хозяину или членамъ его семьи».

«Въ теченіе дня мальчика не бьетъ развѣ только лѣнивый, каждый считаетъ своимъ долгомъ принести посылную ленту по части «выучки» подростка, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе черствѣетъ, ожесточается и въ каждомъ окружающемъ лицѣ начинаетъ видѣть своего личнаго врага».

При такихъ условіяхъ подготовка къ торговому дѣлу идетъ, конечно, очень медленно и малоуспѣшно. «Магазина или лавки онъ (мальчикъ) не видитъ совсѣмъ», такъ какъ, находясь на кухнѣ для лакейскихъ и т. п. обязанностей, не имѣетъ времени для «выучки». Проходитъ срокъ обуче-

ніа, мальчику исполняется уже 17—18 лѣтъ, а «онъ ни въ какому дѣлу не приученъ». Бываютъ,—говорить докладъ—случаи, что за годъ или за два до срока хозяева переводятъ мальчика въ магазинъ, «но пользы отъ того не получается никакой, такъ какъ подростокъ къ этому времени становится уже настолько нравственно испорченнымъ и утратившимъ способность къ какому-либо серьезному труду, что попытка... приучить его къ торговому дѣлу» оказывается «безплодной». Случаи, когда хозяева заботятся о мальчикахъ, приучаютъ къ дѣлу и «выводятъ въ люди»—очень рѣдки и терются въ массѣ фактовъ противоположнаго характера *).

Едва ли мы въ правѣ говорить о преувеличеніи, сгущеніи красокъ, тенденціозности и т. п., какъ обыкновенно дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительность превосходитъ даже смѣлыя ожиданія. Авторы доклада, возможно, сами прошли трудную приказничью школу, не говоря уже о томъ опытѣ и знаніи торговой среды, которымъ они, представители профессиональной организаціи, располагаютъ.

«Особенно тяжелымъ» считаютъ положеніе торговыхъ мальчиковъ и одесскіе приказчики. Въ петиціи, поданной ими въ октябрѣ 1901 года министру финансовъ, они говорятъ: «поступаетъ мальчикъ въ магазинъ обыкновенно 10—12 лѣтъ; первое время, т.-е. года 3—4, онъ исполняетъ исключительно черную работу, какъ-то: подметаетъ магазинъ, идетъ приказчикамъ за обѣдомъ, относитъ покупателямъ товаръ на домъ и т. д.», т.-е. состоитъ на положеніи прислуги,—только даровой, а не платной, работая, на ряду со взрослыми, по 14—18 часовъ въ сутки.

На ненормальное положеніе торговыхъ мальчиковъ указываетъ и елисаветградскій биржевой комитетъ въ своемъ отвѣтѣ на запросъ министерства финансовъ, не своевременно ли приступить къ урегулированію положенія приказчиковъ. Комитетъ пишетъ: «Въ приказчики принимаютъ мальчиковъ начиная съ 9-лѣтняго возраста, которыхъ обременяютъ часто непосильнымъ физическимъ трудомъ. Мальчикъ, утомленный работой, продолжающейся нерѣдко 14 часовъ, а иногда и того болѣе, не имѣетъ возможности получить какое-либо образованіе, при этомъ онъ даже цѣлые годы не готовится къ своей будущей специальности, такъ какъ бываетъ занятъ исполненіемъ работъ, которыя имѣютъ мало общаго съ торговлей **).

То, что самарское общество описываетъ положеніе мальчиковъ болѣе мрачно, чѣмъ одесскіе приказчики или биржевой комитетъ, не измѣняетъ дѣла и объясняется очень просто. Самарское общество дѣлало сообщеніе съѣзду своихъ товарищей, съ которыми могло говорить свободнѣе и откровеннѣе, чѣмъ, наприм., одесскіе приказчики въ петиціи на имя министра финансовъ, а тѣмъ болѣе биржевой комитетъ... Въ большинствѣ случаевъ

*) *Труды съѣзда*, Москва, 1899 г., стр. 199 и сл.

**) Прихожу глубокую благодарность елисаветгр. бирж. комитету, приславшему мнѣ копию своего отвѣта на запросъ министерства финансовъ, и одесскому обществу приказчиковъ за присылку копій ходатайства на имя министра финансовъ.

въ торговые мальчики, положеніе конхъ оказывается столь ужаснымъ, идутъ дѣти несостоятельныхъ родителей, научившіеся грамотѣ дома, или окончившіе низшія, главнымъ образомъ начальныя учебныя заведенія. Состоя на службѣ, рѣдкіе изъ нихъ могутъ пополнить свой скудный запасъ знаній; какъ увидимъ дальше, обстоятельство это тяготитъ приказчиковъ и они выставляютъ его однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу нормированія ихъ труда. По свѣдѣніямъ, собраннымъ московскимъ отдѣленіемъ русскаго техническаго общества, образовательный цензъ приказчиковъ таковъ. Изъ 3,254 лицъ, приславшихъ техническому обществу отвѣты на вопросныхъ листахъ, 67,8%, проходило низшую школу, 20,4%, обучалось дома, 10,7 окончило курсъ въ среднихъ и 0,9 въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Два послѣдніе разряда служатъ почти исключительно въ Москвѣ и занимаютъ высшія должности въ торговыхъ предпріятіяхъ. Еъ сожалѣнію, лица, разработывавшія собранный матеріалъ, не выдѣлили въ разныя группы кончившихъ низшія (городскія и т. п.) училища и начальныя (приходскія, церковныя и пр.) школы. А это было бы важно въ томъ отношеніи, что дало бы возможность составить болѣе определенное понятіе о школьной подготовкѣ торговыхъ мальчиковъ, ибо окончившій хотя бы городское училище въ моментъ выхода изъ него въ большинствѣ случаевъ окажется болѣе развитымъ и подготовленнымъ къ борьбѣ за существованіе, чѣмъ только что вышедшій изъ приходской школы. Мы смѣло утверждаемъ, что изъ 67,8%, едва ли и третья часть окончилъ городскія и равныя имъ по курсу училища, и вотъ почему. Во-первыхъ, въ торговые мальчики принимаются дѣти 10—13 лѣтъ, а между тѣмъ въ эти годы многіе мальчики не оканчиваютъ курсъ городского училища; во-вторыхъ, едва ли кончившаго городское училище соблазнить безплатное торговое ученичество (правильнѣе было бы сказать: мученичество); всего скорѣй такіе мальчики идутъ въ торговыя конторы, гдѣ служба всетаки легче и лучше оплачивается.

Такимъ образомъ, мы можемъ установить пока слѣдующее положеніе: торговцы сознательно берутъ въ ученики бѣдныхъ и малоразвитыхъ дѣтей, такъ какъ они являются матеріаломъ, наиболѣе удобнымъ: вначалѣ—для «выучки», а впослѣдствіи для эксплуатаціи.

II.

Самымъ важнымъ, самымъ чувствительнымъ по своимъ послѣдствіямъ зломъ положенія приказчиковъ является чрезмѣрный рабочій день: большинству приходится проводить въ торговыхъ заведеніяхъ минимумъ 15 часовъ въ сутки, а многимъ до 18—20 час., т.-е. $\frac{3}{4}$ жизни! Условія труда приказчиковъ весьма разнообразны, но даже считая ихъ болѣе или менѣе сносными, нельзя не удивляться, откуда люди берутъ силу и терпѣніе столько времени отдавать торговлѣ, буквально отказавшись отъ личной жизни. Чтобы не быть голословными, обратимся къ фактамъ, иллюстри-

рующими положеніе торговых служащихъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи.

Приказчикамъ бакинскихъ виноторговцевъ приходится работать съ 6 час. утра до 12 ч. ночи *); въ Костромѣ рабочий день торговых служащихъ продолжается отъ 12 до 16 час.; въ отдѣльных случаяхъ торговли производится съ 4 час. утра до 10—11 ч. веч., т.-е. уже до 18—19 ч. **). Въ Смоленскѣ лѣтомъ, по взаимному соглашенію нѣкоторыхъ купцовъ, торговля прекращается въ 7 час. веч., сокращаясь противъ обыкновеннаго на 1—3 часа. Въ остальныхъ же торговых заведеніяхъ въ продолженіе всего года занятія происходятъ (исключая праздники) 13—15 час., а то и 16 и болѣе часовъ безъ перерыва для обѣда и чая; обѣдомъ на дому пользуются лишь немногіе, на что полагается не болѣе часа. Обѣдающіе въ магазинахъ и лавкахъ нерѣдко принимаютъ уже остывшую пищу, урывками, когда явится возможность, и то, какъ говорится, на скорую руку; такъ же пьютъ и чай ***). Въ Черниговѣ большинство торговых заведеній открывается въ 6 ч. утра, а закрывается одновременно: въ 3 или 4 магазинахъ въ 9 ч. вечера, въ остальныхъ—въ 10, 11 и даже въ 12 ч. ночи, т.-е. торгуютъ по 17—18 часовъ въ сутки. «Если къ этому,—говорится въ заявленіи, поданномъ приказчиками и торговцами въ думу относительно ограниченія будничной торговли,—присоединить время, потребное для прохода отъ магазиновъ до дома и обратно, время на утренній туалетъ, чай, а вечеромъ ужинъ, то спать служащимъ, несущимъ поистинѣ наторженный трудъ, совсѣмъ ужъ почти нѣтъ времени...» «Лѣтомъ приказчики проводятъ въ душной и спертѣй, а зимой и осенью въ болѣе шинствѣ магазиновъ въ холодной и сырой атмосферѣ $\frac{3}{4}$ сутокъ или $\frac{3}{4}$ всей жизни». И если «по цѣлымъ недѣлямъ дѣтей не приходится иначе видѣть какъ во время сна», то нечего, конечно, и говорить объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей, развлеченіяхъ или просто даже объ отдыхѣ въ семейномъ кругу ****). Въ Одессѣ, по изслѣдованію г. Гудванъ, средняя продолжительность работы въ колоніальныхъ, галантерейныхъ и бакалейныхъ магазинахъ—16 час. (съ колебаніемъ отъ 15 до 18); въ магазинахъ готоваго платья въ среднемъ работаютъ 14 час. (отъ 12 до 16) и т. дал. «За ничтожными исключеніями, всюду приказчики не имѣютъ времени обѣдать у себя дома, а ограничиваются сухояденіемъ и чаемъ при магазинѣ, иногда урывками тутъ же, за прилавкомъ» *****). «Почти добрая половина ихъ ютится въ подвалахъ; многіе хотя и занимаютъ квартиры въ верхнихъ этажахъ, но квартиры эти сыры, холодны, не обладаютъ достаточнымъ свѣтомъ. Жизнь въ этихъ квартирахъ, скудное питаніе, тяжелый

*) *Нов. Обзор., Русск. Вѣд.*, 1903 г., № 104.

**) *См. Край, Русск. Вѣд.*, 1903 г., № 296.

***). *Д. Вѣстн., Русск. Вѣд.*, 1903 г., № 227.

****) *Русск. Вѣд.*, 1903 г., № 194.

*****) *Русск. Вѣд.*, 1903 г., № 114.

утомительный трудъ, недосыпанье расшатываютъ организмъ приказчика и подрываютъ его здоровье» *).

Приказчики и торговцы Нижняго-Новгорода въ заявленіи, поданномъ городской думѣ, между прочимъ, говорили: «Условія торговли, того занятія, которымъ мы добываемъ себѣ пропитаніе, настолько тяжелы, что всякому, кто знаетъ поближе нашу жизнь, станутъ непонятно, какъ это мы могли до сихъ поръ терпѣть ее. То зло, отъ котораго мы страдаемъ,—чрезмѣрная продолжительность нашей суточной работы». Она тянется отъ 14 до 18 час. въ сутки, и просители жалуются, что «на удовлетвореніе духовныхъ потребностей и для развлеченій у приказчиковъ не остается и одного часа времени». Какъ и черниговскимъ товарищамъ, имъ некогда отдохнуть въ семейномъ кругу и также по цѣлымъ недѣлямъ не приходится видѣть дѣтей иначе какъ во время сна. Ко всему этому приказчикъ не можетъ «отдохнуть и въ праздники, что дано даже лишенному всѣхъ правъ каторжному». Приказчики хотѣли бы, чтобы покупатели смотрѣли на нихъ «не какъ на бездушныя машины, а какъ тоже на людей, желающихъ имѣть сонъ, имѣть отдыхъ, видѣть своихъ дѣтей, видѣть въ жизни не только трудъ, но хоть немного радостей. Это не прихоть,—говорять они,—каждый человекъ въ правѣ желать себѣ условій человѣческой жизни». Желаніе приказчиковъ скромны: они требуютъ того, что имѣютъ уже фабричныя работники и ремесленники **)

(хотя это и не одно и то же: рабочий день первыхъ, по закону, 11½ час., вторыхъ—10 час.).

Мы могли бы долго еще продолжать этотъ своеобразный мартирологъ, но, находя его достаточнымъ, дополнимъ лишь слѣдующими краснорѣчивыми фактами. Елисаветградскій биржевой комитетъ сообщилъ министерству финансовъ, что «трудъ приказчиковъ въ большинствѣ торговыхъ заведеній чрезмѣрно тяжелъ, продолжаясь болѣе 14 часовъ въ сутки и достигая нерѣдко 20 часовъ». И по собраннымъ московскимъ отдѣленіемъ русск. техническаго общества свѣдѣніямъ наивысшая величина рабочаго дня торговыхъ служащихъ падаетъ на Елисаветградъ, гдѣ она равна 17¼ час. въ сутки, доходя въ 31 случаѣ до 18 ч. и въ 14—до 19 часовъ. Затѣмъ слѣдуетъ Новочеркасскъ, гдѣ эта средняя равна почти 16 час. (доходя въ 50 случаяхъ до 16 ч., въ 34 до 17 ч., въ 11 до 18 ч., въ 6 до 19 ч. и въ 2 до 20 и 21 часа!). Въ остальныхъ 25 городахъ, о которыхъ техническимъ обществомъ получены свѣдѣнія, средняя выражалась въ 14¼ ч. ***).

Какое гибельное вліяніе долженъ оказывать практикуемый въ торговыхъ заведеніяхъ непомерно продолжительный рабочий день, при обычныхъ для этой профессіи нездоровыхъ условіяхъ труда, о томъ едва ли надо распространяться. Однообразная до утомительности, цѣлый день на ногахъ, работа, нездоровая санитарно-гигіеническая обстановка, недосыпа-

*) Од. Лист., лит. по Жур., 1903 г., № отъ 25 апрѣля.

**) Миръ Божій, 1903 г., XII, отд. II, стр. 22—23.

***) Русск. Вѣд., 1904 г., № 135.

ніе, принятіе «на скорую руку» холодной пищи, притупляющая нравственная атмосфера, отсутствіе или неудовлетворенность духовныхъ потребностей, экономическая угнетенность, невольное подавленіе въ себѣ патримональных чувствъ, — вотъ составныя части того цѣлаго, которое приводитъ большинство приказчиковъ къ зоологическому существованію и затѣмъ къ преждевременному вымиранію или къ инвалидности.

Г. Гудванъ сообщаетъ поразительныя данныя о возрастѣ ихъ. Отъ 40 до 50 лѣтъ приказчиковъ оказывается только 3%, свыше 50 лѣтъ ихъ вовсе нѣтъ. «Если знать, — продолжаетъ онъ, — что приказчикъ, простоявъ десяти лѣтъ за стойкой, неспособенъ намѣнить на пятномъ-шестомъ десяти лѣтъ родъ занятій, и если помнить, что никакихъ пенсій приказчики не получаютъ, то остается заключить, что къ 40—50 годамъ они или вымираютъ, или въ инвалидномъ состояніи должны кормиться чужимъ хлѣбомъ». Бываетъ, правда, третій выходъ: «нѣкоторые, особенно ловкіе и счастливые, открываютъ собственную торговлю, но при 30 руб. жалованья и дороговизнѣ одесской жизни немногіе выбиваются на эту дорогу» *). Съ этимъ согласуется и показаніе елисаветградскаго биржевого комитета, который пишетъ: «приказчики, совершая тяжелый трудъ безъ всякаго отдыха при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, рѣдко могутъ прослужить болѣе 20 лѣтъ, малые же разиѣры жалованья, которое они получаютъ, не даютъ имъ возможности сдѣлать сбереженія. Сдѣлавшись негодными къ работѣ, они при первомъ удобномъ случаѣ рассчитываются съ хозяевами, увеличивая ряды пролетаріевъ». Какъ легко приказчику «увеличить» своей особой «ряды пролетаріевъ», можно судить по способу расчета ихъ и по получаемому ими вознагражденію. Тотъ же комитетъ говоритъ: «писанныхъ условій между приказчиками и ихъ хозяевами вовсе не пишется, вслѣдствіе чего въ силу ст. 8 торг. уст. приказчики не могутъ требовать отъ хозяевъ исполненія заключенныхъ съ ними условій. Условія же эти нарушаются какъ только при нѣкоторомъ застоѣ торговли является въ торговомъ заведеніи избытокъ приказчиковъ». То-есть отъ хозяина зависитъ каждую минуту лишить служащаго заработка и оставить его съ семьей безъ куса хлѣба. А разиѣры этого заработка въ петиціи одесскихъ приказчиковъ, поданной министру финансовъ, значатся такія.

Изъ 30,000 одесскихъ приказчиковъ:

12%	получаютъ отъ	5 до 10 руб.
21%	» »	10 » 15 »
10%	» »	15 » 30 »
14%	» »	30 » 40 »
8%	» »	40 » 75 »
5%	» »	75 » 125 »
3%	» болѣе	125 рублей.

*) Русск. Вѣд., 1903 г., № 114.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ московскимъ техническимъ обществомъ, приказчики первого класса получаютъ въ среднемъ 756 руб. въ годъ (сумма эта спускается въ отдѣльных случаяхъ до 15 р. въ мѣс.); приказчики второго класса въ среднемъ вознаграждаются по 498 р. въ годъ (кроме Москвы), причемъ нерѣдко это вознаграждение доходить до 5—8 руб. въ мѣсяцъ; среднее жалованье кассировъ равняется 486 руб. въ годъ (въ отдѣльных случаяхъ не менѣе 300 р.). Кроме жалованья, 27% служащихъ (преимущественно не семейные и малообеспеченные) получаютъ отъ хозяевъ квартиры. Достойно вниманія и слѣдующее обстоятельство: «20% опрошенныхъ лицъ отвѣтили, что получаютъ жалованье нерегулярно, а «по усмотрѣнію хозяина», «когда онъ въ духѣ» и т. д. *). Ждать, когда хозяинъ будетъ «въ духѣ», для того, чтобы получить кровью, потомъ и массой униженій заработанные гроши, — это ли не убѣдительное доказательство крайней необходимости обуздать своеволие нашихъ Титъ Титычей?

Главная причина чрезвычайнаго рабочаго дня приказчиковъ—отсутствие закона, нормирующаго трудъ ихъ. Государственная власть до сихъ поръ не считала нужнымъ установить свой контроль надъ положеніемъ труда въ торговыхъ заведеніяхъ и регулировать отношенія хозяевъ и служащихъ, и это въ значительной степени зависѣло, вѣроятно, отъ того, что послѣдніе безмолвно подчинялись вѣлами установившемуся режиму. Съ 1901 г. они болѣе чѣмъ когда-либо начали ходатайствовать о нормированіи рабочаго дня и передъ думами, предъ губернской властью, а иногда и передъ высшими правительственными учрежденіями. Не подѣрпывая, однако, своихъ просьбъ болѣе дѣйствительными средствами, чѣмъ жалобы на угнетенное положеніе свое, приказчики тѣмъ самымъ ослабляли силу и значеніе ихъ и рѣдко достигали желательныхъ результатовъ.

Отношеніе городскихъ думъ къ «приказничьему вопросу» далеко не одинаково; въ то время какъ въ однихъ мѣстахъ ходатайства приказчиковъ встрѣчаются сочувственно, въ другихъ—получаютъ рѣшительный отпоръ. Также неодинаково и отношеніе торговцевъ. Одни изъ нихъ и слышать не хотятъ о какихъ-либо «новшествахъ», другіе, наоборотъ, присоединяются къ приказчикамъ. Такъ, «большинство магазинововладѣльцевъ (г. Чернигова), подписавшихъ (вмѣстѣ съ приказчиками) заявленіе (въ думу), сознаютъ бесполезность и вредъ безпрестаннаго и постояннаго труда»; они «наравнѣ съ приказчиками страдаютъ отъ существующаго порядка торговли» **) и просятъ урегулировать таковой. Нижегородскіе торговцы, также поддержавшіе петицію приказчиковъ, современную постановку торговли признаютъ совершенно ненужной для успѣха дѣла. «Сами хозяева торговыхъ заведеній хорошо понимаютъ, что непомерно долгій трудъ и непомерно короткій сонъ приказчиковъ изнуряютъ ихъ до послѣдней

*) Русск. Вѣд., 1904 г., № 135.

**) Русск. Вѣд., 1903 г., № 194.

степени и тѣмъ заставляютъ ихъ только ненавидѣть дѣло торговли, торговать разсѣянно, невнимательно, что для хозяина является лишь ущербомъ *). Объ ограниченіи торговли по буднямъ съ 7 ч. утра до 9 час. вечера (и то 14 часовъ!), просили также 62 торговца г. Θεοδοσία. Ходатайство свое они мотивировали крайней обременительностью какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ служащихъ практикуемой нынѣ поздней вечерней торговли **).

Что касается губернской администраціи, то въ однихъ мѣстахъ, самопроизвольно расширяя свои полномочія, она приходитъ имъ на помощь, въ другихъ—рѣшительно отказывается въ какомъ-либо содѣйствіи. Бывали и такіе случаи, что когда губернская власть удовлетворяла требованіе служащихъ, препятствіе являлось со стороны высшей власти, какъ это имѣло мѣсто, наприм., въ Минскѣ. Здѣсь, по инициативѣ губернатора Мусина-Пушкина, 378 приказчиковъ обратились въ думу съ заявленіемъ, въ которомъ, жалуются на непосильный 15-часовой трудъ, просили о закрытіи всѣхъ магазиновъ ежедневно съ 9 ч. вечера. На засѣданіе думы было допущено по 3 представителя отъ приказчиковъ и отъ купцовъ. Послѣдніе соглашались закрывать магазины лишь въ 10 час. Избранная для обсужденія вопроса коммиссія изъ 3 человекъ нашла возможнымъ закрывать всѣ магазины въ 9½ ч. вечера. Дума согласилась съ мнѣніемъ коммиссіи, но приказчики обжаловали рѣшеніе ея, мотивируя главнымъ образомъ тѣмъ, что съ половины 10 вечера имъ «нѣтъ никакой возможности заняться чѣмъ-либо вродѣ самообразованія и т. п.» ***). Губернаторъ сталъ на сторону приказчиковъ и издалъ обязательное постановленіе о закрытіи ежедневно магазиновъ въ 9 час. вечера ****). Но не дальше какъ черезъ мѣсяцъ имъ было объявлено, что постановленіе это отмѣнено министромъ внутреннихъ дѣлъ *****).

Административное вмѣшательство въ отношенія труда и капитала (какъ и во многія другія сферы, неподвѣдомственные администраціи), практикуется у насъ настолько широко, что и въ данномъ случаѣ на первый взглядъ оно можетъ показаться явленіемъ правомѣрнымъ. Но его отнюдь нельзя считать таковымъ, если бы оно даже и имѣло своей цѣлью удовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей времени. Не забываясь въ дебри государственнаго права, мы спросимъ лишь, какое вліяніе на общество должно имѣть сопоставленіе такихъ фактовъ, когда одинъ администраторъ считаетъ законнымъ и нужнымъ осуществить то, о чемъ другой администраторъ того же ранга не хочет и слышать? Минскій губернаторъ былъ инициаторомъ подачи въ думу приказчиками коллективнаго прошенія объ ограниченіи будничной торговли, а тамбовскій губернаторъ отказался представить въ

*) *Міръ Божій*, 1903 г., XII кн., отд. II, стр. 22.

**) *Кр. Вѣст.*, *Русск. Вѣд.*, 1902 г., № 193.

***) *Курьеръ*, 1903 г. 15 марта.

****) *Курьеръ*, 1903 г., № 149.

*****) *Курьеръ*, 1903 г., № 176.

министерство финансов ходатайство общества мѣстныхъ приказчиковъ о томъ же, мотивируя свой отказъ некомпетентностью общества въ данномъ вопросѣ, имѣющемъ общегосударственное значеніе *).

Въ настоящее время, пока нѣтъ specialнаго закона, единственнымъ путемъ для опредѣленія рабочихъ часовъ остается путь взаимныхъ соглашеній служащихъ съ хозяевами. Къ сожалѣнію, опытъ показалъ, что и этотъ единственный путь не достигаетъ цѣли, такъ какъ администрація считаетъ себя въ правѣ поставить надъ нимъ свое veto. Такъ, напримѣръ, въ Севастополѣ купеческое общество единогласно рѣшило закрывать магазины по буднямъ въ 8 час. вечера **). Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ мѣстный полицеймейстеръ издалъ приказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: въ виду выяснившихся неудобствъ закрытія магазиновъ зимой въ 8 ч., лѣтомъ въ 9 ч. веч., какъ для торговцевъ, такъ и для обывателей, порядокъ закрытія остается прежній. А чтобы предоставить приказчикамъ болѣе времени для отдыха, владельцы торговыхъ заведеній, согласно предложенію г. градоначальника, обязываются ежедневно съ 8 ч. вечера освобождать часть служащихъ по очереди ***).

Распоряженіе это заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ немъ выясняется типичная точка зрѣнія администраціи на нормировку труда и свою роль въ этомъ дѣлѣ. Администрація принимаетъ въ расчетъ удобства хозяевъ и публики, но не служащихъ; она предлагаетъ торговать «попрежнему», хотя бы это шло въразрѣзъ съ желаніями торговцевъ; она обязываетъ отпускать служащихъ по очереди прежде закрытія торговли, санкционируя тѣмъ необходимость и справедливость предоставленія имъ болѣе отдыха. Повидимому, она смотритъ на торговое дѣло, какъ на своего рода службу, подчиненную ея благотворительной оцѣнѣ. Позволительно спросить: нормально ли это?

Севастопольскіе опыты нѣсколько разнятся отъ многихъ, но въ томъ и другомъ случаѣ нельзя не видѣть одну общую черту: желаніе и купцовъ, и администраціи пойти навстрѣчу нуждамъ приказничьей арміи. Возможно, что и въ Севастополѣ распоряженіе объ отиѣй рѣшенія купеческаго общества послѣдовало подъ внушеніемъ свыше, и тогда необходимость законодательнаго разрѣшенія «приказничьяго» вопроса не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Очевидно, что нормировка рабочаго дня приказчиковъ — неотложная потребность, удовлетворить которую «своими средствами» нельзя, какъ нельзя обойтись и административными распоряженіями: взгляды отдѣльныхъ представителей власти подвержены постояннымъ колебаніямъ, а вопросъ требуетъ твердаго и опредѣленнаго рѣшенія, каковое можетъ послѣдовать лишь въ законодательномъ порядкѣ.

*) *Русск. Вѣд.*, 1903 г., № 243.

**) *Курьеръ*, 1903 г., № 266.

***). *Сиб. Вѣдом.* отъ 22 ноября 1903 г.

III.

Другой жгучей потребностью торговыхъ служащихъ, на которой мы должны остановиться, является немѣнне ими отдыха даже въ праздники. О закрытіи торговыхъ заведеній по праздникамъ приказчики начали хлопотать гораздо раньше, чѣмъ объ опредѣленіи рабочаго дня, но и тутъ результаты постоянныхъ ходатайствъ получались болѣею частью плачевныя. Не имѣя опоры въ законѣ, а со стороны купцовъ встрѣчая рѣшительное противодействіе и рѣдко участіе, ходатайства приказчиковъ въ лучшемъ случаѣ имѣли послѣдствіемъ ограниченіе торговли въ праздники съ обычнаго времени до 3—7 часовъ.

По закону въ праздничные и воскресные дни нельзя торговать лишь до и во время литургій (ст. 14 и 16 уст. о пред. и прес. прест.); городскимъ думамъ предоставлено право ограничивать праздничную торговлю (т. II, ст. 108 город. Полож.), но не во всехъ безусловно торговыхъ заведеніяхъ: исключеніе составляютъ лавки и магазины, торгующіе предметами продовольствія. Впослѣдствіи сенатская практика еще болѣе сузила значеніе этого закона. По разъясненію сената, обязательныя постановленія думъ могутъ касаться лишь времени открытія и закрытія торговыхъ заведеній для публики, на опредѣленіе же времени производства и превращенія въ этихъ заведеніяхъ работъ въ праздники городскимъ думамъ права не предоставлено.

При столь шаткихъ юридическихъ основаніяхъ, приказчикамъ очень трудно было добиваться праздничнаго отдыха, и немудрено, что во множествѣ городовъ до сихъ поръ онъ является горячей мечтой ихъ. Вотъ факты, характеризующіе попытки приказчиковъ, администрацій, думъ и торговцевъ ограничить праздничную торговлю, попытки, обязанныя своимъ происхожденіемъ, какъ и самый вопросъ, несоотвѣтствію дѣйствующаго закона требованіямъ жизни.

Владимірскіе торговцы пробовали столкнуться между собою объ устройствѣ праздничнаго отдыха, и послѣ того, какъ это не удалось, они стали дѣйствовать черезъ думу. Купецъ Андреевъ подалъ ей заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «эти люди (т.-е. приказчики) все время ежедневно съ утра до вечера несутъ такое тяжелое ярмо, что привязаны на одно мѣсто и томъ же мѣстѣ стоятъ около 15—16 час. и болѣе въ сутки безъ отдыха и обѣда на ногахъ». «Необходимо,—говоритъ онъ,—во все время года, въ праздничные дни, ограничить торговлю не болѣе 5 час., т.-е. съ 12 до 5 час. вечера». Казалось бы, льгота небольшая, которою пользуются приказчики многихъ и многихъ городовъ, но... «предложеніе гласнаго Андреева баллотировалось и большинствомъ одного голоса (15 и 14) было отклонено» *) Въ Кременчугѣ поданное приказчиками заявленіе объ ограниченіи праздничной торговли городская управа не доложила

*) *Курьеръ*, 1903 г., № 124.

думъ *). Груша казанскихъ приказчиковъ въ заявленіи думѣ писала: «въ Казани до сихъ поръ, несмотря на неоднократныя наши просьбы», нѣтъ постановленія объ ограниченіи праздничной торговли. «Пользуются праздничнымъ отдыхомъ всевозможные мастера, рабочіе и прочіи трудящіеся люди, не говоря уже о разнаго рода служащихъ въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Намъ работать приходится ежедневно съ 8, а очень многими съ 6 час. утра до 8—10 час. вечера, причѣмъ на обѣдъ опредѣленнаго часа мы нѣчто не имѣемъ». Противниками устройства праздничнаго отдыха въ Казани оказались гласные магометане. Они указывали, что «свобода въ праздники поведетъ приказчиковъ къ разврату, пьянству и, слѣдовательно, къ непосильнымъ излишнимъ расходамъ» **).

Такая милая заботливость о карманахъ служащихъ дѣлаетъ честь гг. гласнымъ; но какъ они не сообразили, что чрезмѣрный трудъ не только влечетъ «излишніе расходы», наприм., на лѣченіе, но и быстро изнашиваетъ организмъ служащихъ?

Столь же заботливыми оказались и серпуховскіе гласные: гг. Бердюковъ и Щербановъ. При обсужденіи въ думѣ заявленія «сіи почтенные мужи говорили, что это баловство для приказчиковъ, называли вопросъ пустой затѣей праздныхъ людей», и если бы не гласные изъ интеллигенціи,—потерпѣть бы ему фіаско, какъ то произошло года 2—3 назадъ. Тогда просьбѣ приказчиковъ никто не сочувствовалъ, «въ тѣхъ, яко бы, видахъ, что сокращеніе часовъ торговли въ праздничные и воскресные дни будетъ имѣть дурныя послѣдствія для приказчиковъ, которые, по словамъ думцевъ, въ свободное время начнутъ «озорвать» (?) и, конечно, набалуется ***). Печально было бы, если бы подобные случаи не научили приказчиковъ умѣнью отягчать дѣйствительныхъ друзей отъ инимыхъ «благодѣтелей», каковыми обыкновенно считаютъ себя купцы въ отношеніи служащихъ. Характернымъ образчикомъ благодѣтельнаго попечительства можетъ служить также прошеніе торговцевъ г. Батума въ думу по поводу постановленія послѣдней объ открытіи магазиновъ въ праздники съ 12 ч. до 2 ч. дня. «Что отдыхъ необходимѣйшая потребность всякаго человѣка,—писали торговцы,—въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться, но отдыхъ отдыху рознь. Чрезмѣрный отдыхъ дѣйствуетъ на человѣка губительнымъ образомъ. И вотъ въ такомъ-то губительномъ положеніи находятся наши меньшіе братья, наши приказчики, объ интересахъ которыхъ мы нравственно обязаны заговорить. Дума своими постановленіемъ о праздничномъ отдыхѣ предоставила имъ такое широкое право на отдыхъ, что приказчики рѣшительно потеряли головы и не знаютъ, какъ употребить дарованное имъ право. Поэтому-то совсѣмъ неудивительно, что драгоценное время убивается ими въ гуляніи на фаэтонахъ съ резиновыми шина-

*) *Курьеръ*, 1903 г., № 204.

**) *Рус. Вѣд.*, 1903 г., № 35.

***) *Курьеръ*, 1902 г., № 21.

ми и въ разныхъ другихъ увеселеніяхъ, благодаря чему они могутъ сильно пострадать матеріально. Кроме того, и мы не въ завидномъ положеніи: праздничныхъ дней въ Россіи много и черезъ воспрещеніе торговли въ эти дни и наши интересы пострадаютъ. Поэтому просимъ думу принять слѣдующій нашъ проектъ: по воскреснымъ днямъ открывать магазины съ 11 час. до 1 час. дня, а по другимъ праздникамъ съ отхода литургіи до 11 час. вечера *). Дума, однако, поняла крокодиловы слезы торговцевъ и большинствомъ голосовъ, хотя и незначительнымъ, отклонила предложеніе ихъ.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить нѣкоторую эволюцію во взглядахъ торговцевъ на праздничный отдыхъ, что, вѣстакъ сказать, освобождаетъ насъ отъ обязательства доказывать столь очевидную истину, какъ потребность установить таковой. Укажемъ пока на нѣсколько фактовъ, такъ какъ ниже намъ еще придется имѣть съ ними дѣло. Когда въ Бременчугѣ прошеніе приказчиковъ о праздничномъ отдыхѣ не было городской управой доложено думѣ, то объ этомъ просили 150 мѣстныхъ торговцевъ **). Приказчики саратовскихъ пристаней просили своихъ хозяевъ устроить отдыхъ, и 18 хозяевъ изъявили свое согласіе ***). Праздничный отдыхъ рѣшили дать своимъ служащимъ томскіе мясоторговцы, которые прежде торговали съ 5 ч. утра до 5 вечера съ небольшимъ перерывомъ на время литургіи ****). Петербургскіе торговцы обращались съ просьбой объ установленіи отдыха по праздникамъ и въ думу, и къ митрополиту.

И тѣмъ не менѣе обезпеченіе праздничнаго отдыха для большинства приказчиковъ остается завѣтной мечтой.

Они съ нетерпѣніемъ ждутъ хотя бы неполнаго отдыха, каковой можетъ быть данъ городской думой. Но тамъ, гдѣ праздничная торговля уже ограничена думскими постановленіями и гдѣ приказчики уже успѣли понять и оцѣнить значеніе отдыха, — тамъ естественно стремленіе ихъ къ полному освобожденію отъ праздничной работы. Между тѣмъ, какъ мы уже говорили, городскія думы имѣютъ право лишь ограничивать, но не воспрещать совершенно торговлю по праздникамъ, чего нѣкоторые думы желали бы. Спрашивается, какъ же выйти изъ этой коллизіи: удовлетворить справедливыя претензіи служащихъ, разъ законъ не даетъ опоры для рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ? Примирить законъ и жизнь стремились многія думы, и если имъ удавалось это, такъ только цѣной нарушенія перваго въ силу требованія второй, конечно, съ вѣдома мѣстной администраціи. Характернымъ примѣромъ этого рода служить Кутанскъ.

Желая предоставить приказчикамъ полный праздничный отдыхъ, о чемъ они ходатайствовали «положительно неустанно», кутансская дума стала изыскивать способы, чтобы, не парушая закона, по возможности осуще-

*) *Спе. Буржес.*, 1 ноября 1900 г.

**) *Киев. Газ., Кур.*, 1903 г., № 204.

***) *Сар. Лис., Рус. Вѣд.*, 1902 г., № 204.

****) *Сиб. Ж., Кур.*, № 217.

ствовать отдыхъ. Въ этомъ смыслѣ ему неоднократно дѣлались соответствующія постановленія, но всѣ они, обыкновенно, отиѣнялись губернской властью, какъ противорѣчащія закону. «Въ концѣ концовъ рѣшено было прибѣгнуть къ нѣкоторому обходу закона, а именно: допустить торговлю по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ самое неудобное для торговцевъ время, такъ что торговля заведенія никогда по воскресеньямъ и праздникамъ не отворялись бы и полный праздничный отдыхъ для приказчиковъ, слѣдовательно, былъ бы обезпеченъ. Такое время было избрано думою отъ 8 до 9 ч. утра». Расчеты ея, однако, не оправдались: присутствіе по городскимъ дѣламъ усмотрѣло здѣсь нарушеніе 14 ст. уст. о пред. и прес. преступ. и отиѣнило постановленіе думы *). Оставалось считать дѣло приказчиковъ проиграннымъ, но черезъ нѣкоторое время, по предложенію губернатора, состоялось чрезвычайное засѣданіе думы, на которомъ рѣшено: въ дни воскресные и двенадцатые праздники торговли и промышленныя заведенія вовсе не открывать; что же касается до другихъ праздниковъ и табельныхъ дней, то въ эти дни открывать ихъ съ 12 час. дня до 6 ч. веч. **).

Такимъ образомъ, вмѣсто обхода закона, надъ которымъ столько времени дума ломала голову, велѣніемъ губернской администраціи рѣшено было прямо нарушить его. Мы думаемъ, подобныя распоряженія администраціи, симпатичныя по цѣли, подрываютъ довѣріе къ закону, который, при желаніи, можно повернуть какъ угодно, и потому нежелательны. Но они неизбежны, разъ законодательство отстаеетъ отъ жизни; нерешавшая себя, оно, очень понятно, теряетъ «дѣйствительную силу», становится ненужнымъ. Отсюда вытекаетъ поучительное соображеніе: чтобы не прибѣгать къ различнымъ комбинаціямъ, вносящимся къ обходу или нарушенію закона, предпочтительнѣе было бы своевременно подвергнуть его измѣненіямъ соответствующимъ духу и требованіямъ жизни.

Затѣмъ, предоставленіе городскимъ, думамъ права ограничивать праздничную торговлю, помимо установленія полного праздничнаго отдыха законодательнымъ путемъ, обнаруживаетъ еще и слѣдующіе недостатки. Во-первыхъ, городскими гласными состоятъ преимущественно представители торгово-промышленнаго класса; рѣшая вопросъ о праздничномъ отдыхѣ, они являются судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ, что врядъ ли допустимо съ юридической точки зрѣнія. Во-вторыхъ, недостаточно издать обязательное постановленіе; нужно еще, чтобы оно соблюдалось, а для того за исполненіемъ его должно быть строгое наблюденіе, и нарушившіе его должны нести отвѣтственность, которая воспрепятствовала бы повторять нарушенія. Иначе постановленіе грозитъ остаться мертвой буквой, какъ въ жизни часто и бываетъ; а взысканія въ настоящее время назначаются настолько ничтожныя, что не могутъ отвадить купцовъ отъ праздничной

*) С.-Пет. Вид., 1903 г., № 112.

**) Курсъ, 1903 г., № 229.

торговля, такъ какъ въ одинъ праздникъ они успѣютъ выручить барыша гораздо больше штрафа. Конечно, если бы служащіе были болѣе развиты и болѣе солидарны, они могли бы требовать выполненія думскихъ постановленій, и это былъ бы, пожалуй, наилучшій контроль. Къ несчастію, не будучи достаточно сознательны и объединены и находясь въ полной экономической зависимости отъ хозяевъ, приказчики обыкновенно не рѣшаются протестовать, и протесты ихъ въ той или иной формѣ случаются очень рѣдко.

Второй, установившійся на практикѣ, путь обезпеченія полнаго праздничнаго отдыха—это взаимныя соглашенія купцовъ, слѣдовавшія иногда также подъ воздѣйствіемъ администраціи. Города съ полнымъ праздничнымъ отдыхомъ въ Е. Россіи немного; колонія Сибирь въ этомъ отношеніи шагнула впередъ своей метрополіи, такъ какъ тамъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ и даже въ нѣкоторыхъ селахъ по праздникамъ не торгуютъ. Газета *Восточное Обозрѣніе* въ № 213 за нынѣшній годъ пишетъ: оставляя Владивостокъ, гдѣ полный воскресный отдыхъ сложился подъ вліяніемъ особыхъ условій (газета указываетъ на сильное вліяніе иностранныхъ фирмъ), вопросъ объ отдыхѣ прежде всего получалъ разрѣшеніе въ Барнаулѣ (май, 1888 г.); затѣмъ въ 1889 г.—въ Иркутскѣ и Томскѣ; въ 1890 году—въ Благовѣщенскѣ и Омскѣ; въ 1891 г.—въ Тюмени и Семипалатинскѣ; въ 1892 году—въ Тобольскѣ и Бійскѣ; въ 1893 г.—въ Читѣ, Нерчинскѣ и Якутскѣ; въ 1894 году—въ Браспоюрскѣ и Висейскѣ; въ 1895 году—въ Миусинскѣ и Ачинскѣ; въ 1896 г.—въ Маринскѣ и Тюкалинскѣ; въ 1897 г.—въ Бомывани, Хабаровскѣ и Никольскѣ-Уссур.; въ 1898 году—въ Курганѣ и Канскѣ; въ 1902 г.—въ Канскѣ и Сургутѣ; въ 1903 г.—въ Срѣтенскѣ, Балаганскѣ, Нижне-и Верхне-Удинскахъ; въ 1904 г.—въ Ново-Николаевскѣ.

По словамъ почтенной газеты, практика блестящимъ образомъ доказала полную возможность совершеннаго прекращенія торговли по воскреснымъ, праздничнымъ и табельнымъ днямъ. «Отдыхи» не убавили торговлю, что предвѣщали нѣкоторые торговцы при учрежденіи ихъ, и теперь «купцы такъ же торгуютъ, какъ торговали раньше; такъ же наживаютъ десятки и сотни тысячъ, какъ наживали раньше; такъ же отъ избытка кутятъ, какъ кутили и раньше» *). И разъ добровольныя соглашенія не нарушаются купцами, то, повидимому, послѣдніе не испытываютъ отъ нихъ никакихъ неудобствъ, не терпятъ убытковъ и не могутъ, очевидно, обвинять приказчиковъ въ неразумномъ пользованіи праздничнымъ отдыхомъ, чего такъ опасаются батумскіе, сериуховскіе, казанскіе и, вѣроятно, многіе другіе купцы.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на видимый успѣхъ, путь взаимныхъ соглашеній нельзя считать раціональнымъ способомъ разрѣшенія вопроса о праздничномъ отдыхѣ. Вѣдь если среди торговцевъ найдется хоть одинъ,

*) *Вост. Обзор.*, 1904 г., № 213.

который откажется присоединиться къ такому соглашенію, то заставить его слѣдовать ему уже невозможно. Ясно, что данный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только въ законодательномъ порядкѣ, что признали и нѣкоторые биржевые комитеты при обсужденіи запроса министерства финансовъ, не своевременно ли приступить къ урегулированію труда торговыхъ служащихъ. Къ ознакомленію съ сущностью заключеній биржевыхъ комитетовъ мы теперь и перейдемъ.

IV.

Хотя мы не располагаемъ заключеніями всѣхъ существующихъ въ Россіи биржевыхъ комитетовъ, но и тѣхъ заключеній, которые имѣются, можно признать достаточными для нашей работы. Пусть читатель не ожидаетъ отъ нихъ единодушія «по всѣмъ пунктамъ»,—его не было даже принципиально по обсуждавшемуся вопросу. Едва ли особенно интересно останавливаться на причинахъ подобнаго факта, но вотъ что необходимо отметить: нѣкоторые комитеты, прежде чѣмъ обсуждать вопросъ, а тѣмъ болѣе дать министерству опредѣленный отвѣтъ, просили мѣстныя общества взаимной помощи приказчиковъ обсудить предложеніе министерства; другіе комитеты приглашали на свои засѣданія представителей названныхъ обществъ. И гдѣ приказчики принимали, въ той или иной формѣ, участіе въ разсмотрѣніи вопроса, послѣдній разрѣшался болѣе *безпристрастно*, чѣмъ тамъ, гдѣ «хозяева» единолично вершили дѣло. Такъ «единолично» поступали, наприм., кievскій комитетъ, высказавшійся принципиально противъ предложенія министерства.

«Работа приказчиковъ,—изрекъ онъ,—не требуетъ никакого напряженія силъ, а есть больше наблюдательное занятіе, которое не только не изнуряетъ, но даетъ еще приказчикамъ возможность во время перерывовъ отдыхать и даже заниматься самообразованіемъ—чтеніемъ книгъ и газетъ, что въ дѣйствительности и наблюдается. Что касается воскресныхъ и праздничныхъ дней, то торговые заведенія если не весь день, то большую часть дня закрыты и тогда приказчики свободны». Поэтому они въ урегулированіи труда вовсе не нуждаются *)».

Вотъ въ какихъ счастливыхъ условіяхъ, по мнѣнію кievскихъ коммерсантовъ, находятся ихъ служащіе. Чего имъ еще надо? Должны не объ «облегченіи» хлопотать, а благодарить хозяевъ за то, что, давая хотя и продолжительную, но «легкую» работу, они жалованье платятъ да еще и «самообразоваться» помогаютъ! Къ счастью, сами кievскіе приказчики не въ такихъ радужныхъ краскахъ представляютъ себѣ свое положеніе, о чемъ не одинъ разъ заявляли въ коллективныхъ петиціяхъ. Что касается «легкости» приказничьего труда, то другой биржевой комитетъ, елисаветградскій, отзываясь о немъ такъ: трудъ приказчиковъ, несмотря

*) Русск. Вѣд., 1903 г., № 272.

на кажущуюся при первомъ взглядѣ легкость, очень тяжель даже въ физическомъ отношеніи, когда имъ, напримѣръ, приходится торопливо перебросить передъ глазами покупателя массу товара; эта работа совершается ими въ возбужденномъ состояніи, при опасеніи потерять покупателя и навлечь на себя чрезъ это недовольство хозяина, что ее дѣлаетъ особенно утомительной». Кому же вѣрить? Что мы должны допустить: сантиментальность елисаветградскаго комитета или обычную предпринимательскую ухватку кievскаго?

Но если въ Кіевѣ сильно обозначилась защита узко-классовыхъ интересовъ, то заключеніе ростовскаго комитета вызываетъ полнѣйшее недоумѣніе. Онъ высказался противъ всякаго законодательнаго вмѣшательства въ опредѣленіи часовъ торговли, признавъ совершенно достаточнымъ, чтобы охрана интересовъ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ была возложена на мѣстныхъ общественныхъ учрежденія въ лицѣ думъ, земства, биржевыхъ комитетовъ и т. п. *). Непонятно то, почему пельзя въ законодательномъ порядкѣ опредѣлить часы торговли, а путемъ обязательныхъ постановленій общественныхъ учреждений можно? Недоумѣніе наше должно, впрочемъ, разлечься, какъ только мы выйдемъ въ заключеніе комитета. Гласными городскихъ думъ у насъ состоятъ преимущественно представители торгово-промышленнаго класса; они же возсѣдаютъ и въ биржевыхъ комитетахъ. И со стороны ихъ очень естественно желаніе взять въ свои руки «охрану интересовъ служащихъ», потому что тутъ можно не забыть и себя. Право, это такъ похоже на то, какъ если бы охрана стада овецъ была поручена стаѣ волковъ. А если комитетъ согласенъ привлечь къ дѣлу и земства, то вѣдь онъ понимаетъ, что постановленія его, будучи даже «стѣснительными», распространятся лишь на уѣздъ, гдѣ торговыхъ заведеній сравнительно мала.

Другіе биржевые комитеты, заключенія которыхъ извѣстны намъ изъ газетъ и изъ частныхъ источниковъ, высказались такъ:

а) Одесскій и елисаветградскій напши необходимымъ воспретить пріемъ въ торговныя заведенія мальчиковъ моложе 12 лѣтъ.

б) Елисаветградскій считаетъ нужнымъ установить обязательныя письменныя условія между приказчиками и хозяевами наподобіе книжекъ фабричныхъ рабочихъ. По его словамъ, и купцы, и приказчики «единогласно признали эту мѣру безусловно необходимою... При желаніи удалить приказчика хозяинъ обязанъ предупредить его о томъ за два мѣсяца, а также точно приказчикъ долженъ за два мѣсяца предупредить хозяина о своемъ желаніи оставить службу».

в) Продолжительность рабочаго дня не должна превышать 12 часовъ, съ перерывомъ для обѣда и отдыха 2 часа (самарскій, казанскій комитеты), 1½ часа (одесскій), 1 часа (елисаветградскій). Въ это время занятія въ торговыхъ заведеніяхъ должны быть прекращены (самарскій), или же можно

*) Одесск. Нов., 15 окт. № 1902.

торговать двумя сѣнами въ предѣлахъ времени отъ 5 час. утра до 8 час. вечера (одесскій). По мнѣнію томскаго комитета, продолжительность работы не должна простирается болѣе 12 часовъ отъ времени открытія до закрытія торговаго заведенія и не болѣе 9 час. фактической работы (?) въ торговыхъ конторахъ. Лавки, торгующія однороднымъ товаромъ, должны открываться и закрываться одновременно.

г) «Безусловно необходимъ воскресный и праздничный отдыхъ, каковой долженъ быть установленъ въ законодательномъ порядкѣ» (томскій комитетъ). Желательно установить законодательнымъ путемъ «прекращеніе торговли въ праздники». Опредѣленіе мѣстныхъ праздниковъ лучше предоставить компетенціи мѣстныхъ общественныхъ учреждений (самарскій). Казанскій комитетъ находитъ нужнымъ совсѣмъ прекратить торговлю по воскресеньямъ и въ большіе праздники; тѣхъ и другихъ имъ насчитано 71. Торговые заведенія должны быть закрыты и приказчики освобождены отъ занятій въ теченіе всего дня въ слѣдующіе праздники: Новый годъ, Брещеніе, Благовѣщеніе, первые два дня Пасхи, Рождества Христова, Вознесеніе, день св. Троицы, Преображеніе. Въ высокаторжественные дни и по воскресеньямъ открывать утромъ, съ 7 до 10 час. (одесскій). Допустить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ торговлю не болѣе 6 час. (елисаветградскій).

д) Въ каждомъ торговомъ помѣщеніи должна находиться таблица, обозначающая время, когда приказчики обязаны работать (одесскій).

е) За исполненіемъ закона о рабочемъ днѣ и условій, заключаемыхъ хозяевами съ приказчиками, необходимо установить надзоръ со стороны независимыхъ органовъ наподобіе фабричной инспекціи. «Биржевой (елисаветградскій) комитетъ придаетъ этой мѣрѣ исключительное значеніе и указываетъ на ея необходимость, такъ какъ безъ правильно функционирующаго надзора всѣ остальные мѣропріятія не принесутъ никакихъ результатовъ. Въ этомъ отношеніи обѣ заинтересованныя стороны были вполне согласны».

Можно ли теперь еще сомнѣваться, нуждаются ли торговые служащіе въ нормировкѣ труда, въ нормировкѣ хотя бы главнѣйшихъ сторонъ ихъ профессіи? Въ таковымъ, какъ уже говорилось, мы относимъ рабочий день, праздничный отдыхъ и торговое ученичество, изъ которыхъ дѣйствующее законодательство касается только второго. Именно касается, а не гарантируетъ праздничнаго отдыха какъ права приказчиковъ, котораго они, если хотятъ, вполне заслуживаютъ. Это глубокая несправедливость, но еще большая несправедливость отдать въ безконтрольное распоряженіе невѣжественныхъ, алчныхъ и безсердечныхъ Кить Китычей тысячи дѣтей*), изъ которыхъ они фабрикаютъ «молодцовъ»—слабыхъ здоровьемъ, искалѣчен-

*) Въ одной Одессѣ въ 1902 г. было 8,507 учениковъ. *Русск. Видом.*, 1904 г., № 276.

ныхъ нравственно, съ притупленнымъ самосознаніемъ и чувствомъ собственного достоинства. Надо только удивляться, какъ благотельные Кить Китычи всетаки не вытравили у всѣхъ своихъ служащихъ все живое, — мысль, чувство, стремленіе къ человѣческой жизни. Къ этой цѣли и въ періодъ обученія, и впослѣдствіи направлены всѣ «хозяйскія» усилія, потому что достиженіе ея обезпечиваетъ имъ возможность самой широкой, самой грубой, самой безпощадной эксплуатаціи, лучшимъ показателемъ которой является непомерно-продолжительный рабочій день—отъ 14 до 21 ч. — при нищенскомъ вознагражденіи.

Необходимо, и какъ можно скорѣй, удовлетворить хотя бы ближайшія нужды приказчиковъ посредствомъ изданія specialнаго закона, въ которомъ значилось бы:

1. Торговля въ лавкахъ и магазинахъ не должна производиться между 10 час. вечера и 6 час. утра. Въ предѣлахъ этого времени рабочій день служащихъ не долженъ превышать 12 час., изъ которыхъ 2 часа приказчики употребляютъ на обѣдъ и отдыхъ, по желанію, у себя дома.

2. Въ дни неприсутственные торговля не должна производиться вовсе. Продажа въ эти дни съѣстныхъ припасовъ можетъ быть произведена, по очереди, въ опредѣленномъ числѣ торговыхъ заведеній.

3. О расчетѣ хозяева и объ уходѣ приказчики должны предупреждать другъ друга, по крайней мѣрѣ, за мѣсяцъ, а наймъ долженъ производиться по письменному, засвидѣствованному договору или по книжкѣ утвержденнаго образца.

4. Пріемъ въ обученіе дѣтей, не имѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи начальной школы, воспрещается. Ученики приучаются къ торговому дѣлу съ момента поступленія, причѣмъ занимать ихъ работой разрѣшается не болѣе 10 час. въ сутки, въ томъ числѣ 2 часа на обѣдъ и отдыхъ. За возложеніе на малолѣтняго непосильной физической работы или не относящейся непосредственно къ торговлѣ (носить дрова и топить печи, ставить самовары и т. п.) хозяинъ лишается права держать учениковъ.

5. Установленные правила должны быть вывѣшены въ каждомъ торговомъ помѣщеніи на видномъ мѣстѣ.

Въ защиту выставленныхъ положеній мы должны высказать еще слѣдующія соображенія. По п. 1: между 6 ч. утра и 10 вечера—16 часовъ; малые торговцы, у которыхъ работаютъ преимущественно дѣти и подростки (ученики), могутъ установить 2 сдѣлы по 8 час. Если бы не было признано необходимымъ требовать отъ поступающихъ въ ученики свидѣтельства начальной школы, то дѣти могли бы, слѣдовательно, посѣщать на 2—3 часа школу утромъ или вечерніе классы вечеромъ. Большіе магазины открываются обыкновенно въ 7¹/₂—8 час. утра, и при 12 час. рабочемъ днѣ (минусъ 2 часа на обѣдъ) могутъ закрываться въ 7¹/₂—8 час. веч., а ученики будутъ прекращать въ нихъ работу въ 5¹/₂—6 час. и для нихъ тоже явится возможнымъ посѣщать вечерніе классы. Публика скоро привыкнетъ къ перерывамъ, какъ она привыкла къ нимъ, напрямъ, въ почто-

выхъ учрежденійхъ. По п. 2: закрывать въ праздники всѣ торговныя заведенія, продающія съѣстные припасы, врядъ ли возможно, но установить очередь для опредѣленнаго числа такихъ заведеній (наприм., по одному-два на полицейскую часть, кварталъ и т. п., смотря по величинѣ города) не составитъ большихъ затрудненій. Функции эти можно возложить на органъ, обязанный имѣть надзоръ за положеніемъ труда въ торговыхъ заведеніяхъ. По п. 3: обязательство предупредить за мѣсяцъ о разсѣтѣ вытекаетъ изъ необходимости оградить служащаго отъ произвола хозяина, имѣющаго право каждую минуту оставить служащаго безъ всякихъ средствъ къ существованію и тѣмъ въ концѣ подорвать и безъ того незавидное экономическое положеніе его. Съ другой стороны, и обязанность за мѣсяцъ предупредить хозяина объ отходѣ имѣетъ для послѣдняго большое значеніе. Письменные условія о наймѣ или разсѣтныя книжки являются лучшимъ показателемъ договорныхъ отношеній сторонъ, конечно, если эти условія или книжки будутъ контролироваться. По п. 4: общепризнано, что даже простая грамотность является однимъ изъ могучихъ факторовъ развитія народно-хозяйственной жизни, что трудъ грамотнаго производительнѣе, чѣмъ неграмотнаго, и потому выше оплачивается. Разумѣется, въ торговомъ дѣлѣ грамотность и развитіе не менѣе нужны, чѣмъ во многихъ другихъ занятіяхъ. Вотъ основанія, по которымъ желательно было бы допускать въ ученики только дѣтей, кончившихъ начальную школу. Это правило вѣстѣ съ тѣмъ практически установило бы, что въ ученики не принимались дѣти моложе 12—13 лѣтъ, 8-ми часовой рабочій день для малолѣтнихъ (т. е. не достигшихъ 15 лѣтъ) исполнѣн достаточенъ, и увеличеніе его отозвалось бы на ученикахъ весьма неблагоприятно.

Мы не будемъ здѣсь касаться частностей вопроса, а равно и организаціи надзора за исполненіемъ закона, безъ чего (надзора) трудно ждать осуществленія послѣдняго. Но мы полагаемъ, что приказчикамъ должно предоставить полное право объединяться въ общества и союзы, и всѣми непротиворѣчащими нравственному закону мѣрами защищать интересы своей профессіи. Опытъ другихъ государствъ показываетъ, что законы, направленные къ нормировкѣ труда, лучше всего достигаютъ цѣли тогда, когда къ выполненію ихъ не относятся пассивно тѣ, кому они покровительствуютъ.

Все то, что составляетъ предметъ нашихъ возжеланій въ вопросѣ о нормировкѣ данной области труда, давно уже достигла и превзошла западно-европейская практика. Ссылкой на нее и пожеланіемъ, чтобы, добываясь улучшенія своего положенія, торговые служащіе использовали опытъ зарубежныхъ товарищей, мы и заканчиваемъ настоящую статью.

Ал. Колычевъ.

Новая книга о Некрасовѣ *).

Книга о Некрасовѣ А. Н. Пыпина—последній заключительный аккордъ дѣятельности не бывалой у насъ по своимъ размѣрамъ, продолжительности и напряженности.

Вѣрный сынъ и поклонникъ «эпохи великихъ реформъ», онъ закончилъ свое писательское поприще и жизнь апологіей типичнѣйшаго ея вдохновителя и выразителя. Онъ близко зналъ Некрасова, имѣлъ возможность заглянуть въ его душу, въ наиболѣе интимныя стороны его жизни, и на сломѣ своихъ дней, послѣ болѣе чѣмъ 50-лѣтняго непрерывнаго литературнаго труда, съ юношеской энергіей и увлеченіемъ блистательно выполнилъ свое давнишнее желаніе—начертать объективно и всесторонне скорбный образъ поэта «мести и печали», застрѣльщика передовой журналистики кануна и заката «эпохи реформъ», на широкомъ фонѣ идейныхъ и общественныхъ теченій его времени.

Личность и повѣія Некрасова подвергались и до сихъ поръ подвергаются самымъ противорѣчивымъ истолкованіямъ. Его крупная натура съ широкимъ размахомъ мысли, чувства и дѣятельности, но и съ бросающимися въ глаза шероховатостями и противорѣчіями, вызывала восторги и ненависть, «судъ глупца» и «смѣхъ толпы холодной»... Къ ней давно уже пора было подойти историкъ-ислѣдователю, освѣдомленному и осторожно-му, съ фактами въ рукахъ и методическою опытностью. Задача эта въ значительной степени выполнена А. Н. Пыпинымъ въ послѣдней его книгѣ—подъ очень скромными заголовками: «Нѣсколько воспоминаній», «Историко-литературныя справки», «Письма Некрасова къ И. С. Тургеневу, 1847—1861 гг.», «Обзоръ литературной дѣятельности», «Библиографическій обзоръ литературы о Некрасовѣ, съ его смерти».

Современнымъ строгимъ судьямъ Некрасова, какъ нравственнаго характера, Пыпинъ напоминаетъ условія времени и среды, когда и гдѣ сла-

*) „Н. А. Некрасовъ“. А. Н. Пыпинъ. Спб., 1906 г. Часть ея была напечатана въ видѣ отдѣльныхъ статей въ *Вѣстникъ Европы*. Онѣ перепечатаны съ значительными дополненіями и исправленіями. Приложено затѣмъ три новыхъ портрета Некрасова.

глася поэтъ, — чего часто не знаютъ болѣе молодые поколѣнія и что необходимо нужно знать для правильной исторической оцѣнки.

«То время, когда складывался характеръ Некрасова, несомнѣнно наложило на него свой отпечатокъ. Прежде всего, это было время полнаго разгара крѣпостныхъ правовъ и бюрократическаго самовластия. Въ такъ называемомъ обществѣ человекъ имѣлъ значеніе прежде всего или по числу принадлежавшихъ ему «душъ», или по служебному положенію. У Некрасова не было ни того, ни другого. Извѣстны рассказы о томъ, какъ онъ бѣдствовалъ, когда безпомощнымъ юношей пріѣхалъ въ Петербургъ. Домашнее обученіе было скудное; между тѣмъ онъ желалъ поступить въ университетъ... Онъ не стѣснялся своихъ бѣдственныхъ воспоминаній и рассказывалъ, наприм., какъ онъ съ грѣхомъ пополамъ учился латини, необходимой для экзамена, у какаго то учителя, который принималъ его въ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, и урокъ шелъ за штофомъ водки. Изъ этого ничего потомъ не вышло, потому что для дальнѣйшаго ученія вообще было слишкомъ много препятствій. «Петербургскіе углы», которые Некрасовъ описывалъ впоследствии, были извѣстны ему по наглядному собственному опыту. Такимъ образомъ, эта тяжкая и элементарная сторона жизни была однимъ изъ первыхъ и довольно продолжительныхъ опытовъ, какіе пришлось ему извѣдать и которые, конечно, не могли не оставить своего трудно изгладиماго слѣда... Но въ молодомъ человѣкѣ, такъ тяжело испытуемомъ судьбой, жило тѣмъ не менѣе рѣшеніе не покориться этой судьбѣ, приобреталось реальное знаніе жизни; закалялся сильный характеръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и грубѣлъ...» (стр. 7—8).

На литературное поприще и на «оный путь, журнальный путь» ему пришлось выступить въ ту пору, «когда по внушеніямъ «негласнаго комитета», который былъ настоящимъ пугаломъ литературы и самой цензуры, распространились особенная боязнь печатнаго слова и преслѣдованіе всякаго намёка на критическую мысль» (стр. 14).

Время глушило, обезпложивало мысль, «наверху» считали литературу опасной и ненужной забавой, и профессиональному писателю, журналисту, каковымъ былъ Некрасовъ, приходилось влечь жалкое и приниженное существованіе...

Брымская война и вызванный ею общественный толчокъ создали новыя условія жизни. Некрасовъ становится во главѣ прогрессивной журналистики и «вмѣшивается въ самую гущу» литературной борьбы.

На смѣну старымъ поколѣніямъ, «идеалистамъ 40-хъ годовъ», приходили новыя, «шестидесятники», «реалисты». И тѣ, и другіе восходили къ традиціямъ Бѣлинскаго, вели отъ него генезисъ своихъ идей: Тургеневъ и Григоровичъ считали себя и считались друзьями и послѣдователями Бѣлинскаго, «Очерки гоголевскаго періода» Чернышевскаго и критическія статьи Добролюбова крѣпко привязывали самыя задушевныя убѣжденія молодого поколѣнія 60-хъ годовъ къ его же идейнымъ завѣтамъ, пропагандировали культъ великаго критика. Но одни восходили къ эстетическимъ,

художественнымъ завѣтамъ Бѣлинскаго, въ особенности раннихъ стадій его развитія, другіе же симпатизировали тому публицистическому и реалистическому направленію, которымъ онъ былъ охваченъ въ послѣдніе годы своей жизни: въ «плебей» Бѣлинскомъ они, «разночинцы», увидѣли своего единомышленника, свой прообразъ...

Происхожденіе могло бы сблизить Некрасова съ первыми, но тяжелый жизненный опытъ, многолѣтняя жизнь интеллигентнаго пролетарія толкнула его ко вторымъ; онъ любилъ Тургенева, Герцена, Огарева, Григоровича, но всетаки видѣлъ въ нихъ баръ, «занимающихся и литературою», и больше уважалъ Чернышевскаго и Добролюбова. Онъ не симпатизировалъ стремленію «поддерживать *Пушкинское* направленіе *противъ* Гоголевскаго» — такъ какъ, конечно, понималъ, что между ними нѣтъ такого неисходнаго противорѣчія, которое чудилось тогдашнимъ «критикамъ-эстетикамъ».

Литература и журналистика получали все болѣе и болѣе боевой характеръ, все глубже «выѣшивались въ гущу жизни» — и политической борьбы; публицистика часто заслоняла эстетику. «Некрасовъ понималъ эту новую точку зрѣнія и этотъ порывъ литературы, но то и другое остались мало понятны его друзьямъ, и для нѣкоторыхъ совсѣмъ непонятны. Новое литературное поколѣніе съ своей стороны платило Некрасову своими симпатіями (иногда, можетъ быть, нѣсколько преувеличенными), — потому что въ его поэзіи находили сродные ему мотивы общественнаго чувства; и именно въ эти годы являлись нѣкоторыя изъ самыхъ яркихъ его стихотвореній... Такимъ образомъ, здѣсь естественнымъ образомъ возникало взаимное пониманіе, — когда у старыхъ друзей *Современника* относительно новаго поколѣнія была только нетерпимость, нѣсколько высокомерная, потому крайне враждебная. Очевидное сочувствіе Некрасова «новымъ людямъ» его старымъ друзьямъ казалось измѣной.

«Тургеневъ пишетъ, что если старшій другъ Добролюбова *) былъ «змія», то Добролюбовъ — «змія очковая»: говорилось это въ видѣ шутки, но шутка была, какъ видно, очень острой формы, а въ существѣ была и не шуткой. Некрасовъ, какъ умный человѣкъ, не могъ не оцѣнить этого сильнаго дарованія и не думать уступать старымъ пріятелямъ, которые въ концѣ концовъ вооружались противъ Добролюбова, ихъ нападенія казались ему, вѣроятно, мелочными, а иногда они были и просто несправедливы» (стр. 31).

На поминальномъ обѣдѣ по Бѣлинскомъ въ 1858 г. рѣзко сказалась вся противоположность точекъ зрѣнія и настроеній представителей разныхъ поколѣній: «застольная бесѣда» старыхъ друзей Бѣлинскаго показала Добролюбову пошлой и вызвала съ его стороны страстный стихотворный протестъ: онъ не понималъ неумѣстной и несвоевременной шутки, какъ не понималъ компромисса, эстетическаго прекраснотворія при

*) Чернышевскій.

наличности серьезных запросов жизни. Его, кристально чистого душой разночинца, отталкивали все противорѣчія барской психологін.

«При такомъ настроеніи всякое разнорѣчіе во взглядахъ принимало у раздраженной стороны прямо враждебный характеръ. Историки, пытавшіеся изображать эти отношенія, грубо ошибались, когда принимали буквально показанія одной раздраженной стороны... они хотѣли отвергать и заявление, сдѣланное въ самомъ *Современникѣ*, о разницѣ литературныхъ взглядовъ новой редакціи журнала съ Тургеневымъ; чтобы увидѣть, какъ несостоятельны эти отрицанія, довольно взглянуть собраніе писемъ Тургенева, другое собраніе писемъ друзей стараго кружка въ воспоминаніяхъ Фета: обильная (даже слишкомъ) коллекція бранныхъ выраженій противъ новаго направленія журнала не говорила о согласіи «литературныхъ взглядовъ» (стр. 34).

Принципиальная рознь шла все глубже и глубже и осложнялась мелкими недоразумѣніями и столкновеніями личнаго характера: «вражда между прежними друзьями бываетъ обыкновенно самая раздражительная и ядовитая». Многое сознательно преувеличивалось, многое безсознательно искажалось. Темная и до сихъ поръ исторія съ Огаревскими деньгами (главное обвиненіе противъ Некрасова) разыгралась на давно уже подготовленной почвѣ *).

Накипь личныхъ счетовъ и личнаго раздраженія скрыла подъ собою разросшійся идейный разладъ.

Молодежь считала великимъ пріобрѣтеніемъ новѣйшей русской литературы то, что она «становилась художественнымъ выраженіемъ живой общественной дѣйствительности»: «высшимъ выразителемъ этого момента художественнаго развитія представлялся Гоголь; одушевленнымъ критическимъ истолкователемъ его былъ Бѣлинскій».

«Друзья стараго кружка редакціи этого не понимали... Новая критика была имъ непріятна, «политика», т.-е. вопросы общественные, была не интересна; «разные экономическіе вопросы» (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, интересы молодыхъ поколѣній,—тѣ самые, которые подняты были въ тревожную пору крымской войны и волновали лучшую часть общества,—были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы «животрепещущіе» (стр. 37).

Некрасовъ сумѣлъ понять своевременность и законность настроеній молодого поколѣнія и стать къ нему близко. Въ эти годы и его поэзія получила тотъ характеръ, который заставилъ Тургенева сказать: «а Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ, жгутся». Могучая волна общественнаго возбужденія глубоко захватила его...

*) Одно изъ писемъ Некрасова (стр. 170) бросаетъ на нее новый и неожиданный свѣтъ: Тургеневъ долженъ знать, что Некрасовъ былъ въ ней не при чемъ: «если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде надо бы знать, имѣлъ ли я его».

Молодые друзья казались ему болѣе вѣрными хранителями лучшихъ традицій Бѣлинскаго, чѣмъ старые.

То, что было у Некрасова результатомъ дальнѣйшаго развитія его исконныхъ взглядовъ, или законной реакціи на новыя впечатлѣнія общественной жизни, казалось его старымъ друзьямъ дѣломъ разсчета или даже лѣзвѣйной. «Когда при этомъ Некрасовъ продолжалъ высказывать имъ дружескія чувства, это считали лицемеріемъ и обманомъ. Взглянувъ на дѣло проще, не трудно видѣть, что для человека спокойнаго разнища взглядовъ, собственно теоретическихъ, нисколько не вызывала надобности забыть дружескія отношенія, существовавшія многіе годы... Некрасовъ въ этомъ случаѣ вовсе не лицемерилъ, и когда онъ старался сглаживать возникавшія столкновенія, онъ оберегалъ старыхъ друзей, въ душѣ считая ихъ раздражительность неумѣстной и мотивы мелочными» (стр. 39).

«Не безъ значительнаго вліянія нѣкоторыхъ своихъ друзей прежняго кружка», Тургеневъ не сблизился съ новыми участниками журнала. Для Фета они были люди чужого, далекаго круга, «разночинцы». «Дѣйствительно, у этихъ лицъ не бывало деревень, они не «покупали поваровъ» по тысячѣ рублей, не имѣли понятія о дворянскихъ потѣхахъ, игрѣ, охотѣ и т. д.; съ ними отпадала значительная доля занимательной пріятельской бесѣды и препровожденія времени. Старые друзья (наприм., Боткинъ, Фетъ) не видѣли только, что эти «разночинцы» были широко образованные люди, иногда образованнѣе ихъ самихъ и, между прочимъ, горячо преданные серьезнымъ интересамъ литературы».

Тургеневъ, гораздо болѣе образованный человекъ, чѣмъ его тогдашніе друзья, при первой встрѣчѣ съ литературною молодежью, не достаточно выикъ въ ея настроеніе и мировоззрѣніе. Гдѣ была кристальная чистота убѣжденія, органическая ненависть къ компромиссу, моральной двойственности дворянъ-эстетовъ, тамъ ему чувствовались только сухость сердца и желчь. И онъ самъ дѣлался нетерпѣливъ, даже нетерпимъ...

Въ концѣ концовъ онъ вступилъ самъ въ то литературно-общественное движеніе, «начало котораго, на переломѣ отъ 40-хъ годовъ, онъ встрѣтилъ такъ непріязненно», а «его друзья изъ стараго кружка уже вскорѣ перешли прямо въ лагерь обскурантовъ» (въ особенности В. Боткинъ и Фетъ).

Но надломившіяся и совсѣмъ оборвавшіяся, благодаря всевозможнымъ личнымъ обидамъ, отношенія съ Некрасовымъ уже не могли возродиться...

Впервые напечатанныя А. Н. Пыпинымъ письма Тургенева къ Некрасову чрезвычайно характерны для исторіи «смѣны сороковыхъ годовъ пятидесятыми».

Боткинъ, Фетъ, даже Тургеневъ въ минуты раздраженія, считая себя вѣрными хранителями традицій 40-хъ годовъ и учениками Бѣлинскаго, на самомъ дѣлѣ далеко уклонялись отъ нихъ. Некрасовъ, «среди колебаній и, наконецъ, вражды прежнихъ друзей, ясно понималъ историческое преемство двухъ поколѣній и защищалъ новое направленіе не изъ «коммер-

честных расчетов», которые ему любят навязывать, а именно потому, что понимал ясно общественный смысл нового направления. Некрасов совершенно определенно утверждал то, въ чемъ Тургеневъ еще нѣсколько колебался, и въ тогдашней ихъ дружеской, иногда очень рѣзкой манерѣ, указывалъ слабыя стороны въ понятіяхъ кружка, и указывалъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ именно продолжается преданіе ихъ стараго учителя» (стр. 85).

Въ 1856 году Некрасовъ пишетъ Тургеневу (стр. 156): «при нынѣшнихъ обстоятельствахъ естественно литературное движеніе сгруппировалось около Дружинина... Какого *нового* направленія они хотятъ? Есть ли другое—живое и честное, кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, оттого оно и пережило Бѣлинскаго, и совсѣмъ не потому, что «Современникъ»—въ лицѣ Чернышевскаго—будто бы подражаетъ Бѣлинскому. Иное дѣло, можетъ быть, Чернышевскій недостаточно хорошо ведетъ дѣло,—такъ дайте намъ человѣка или пишите сами. Больно видѣть, что личное свое нерасположеніе... переносить на направленіе, которому сами донныѣ служили и второму служить всякій честный человѣкъ въ Россіи».

Мы взяли одну только сторону книги А. Н. Пыпина, ея общій фонъ. Когда письма Тургенева въ Некрасову появлялись по частямъ въ *Вѣстникъ Европы*, *Русская Мысль* отиѣтила въ нихъ все характерное для Некрасова, какъ редактора: его простыя и благожелательныя отношенія къ сотрудникамъ (обычныя обвиненія въ эксплуатаціи и скупости опровергаются тѣмъ, что онъ самъ, если были деньги, по собственному желанію, прибавляетъ сотрудникамъ гонораръ, предлагаетъ авансы и т. д.), его вдумчивое отношеніе къ новымъ явленіямъ общественной и литературной жизни.

«Обзоръ литературной дѣятельности» даетъ рядъ новыхъ фактовъ для характеристики Некрасова, какъ журналиста—живого, отзывчиваго, вдумчиваго, и указаній на неподписанныя его произведенія въ «Современникѣ».

Все это—прочный базисъ для будущей научной біографіи Некрасова и любопытнѣйшая страница изъ исторіи нашихъ общественныхъ движеній половины прошлаго вѣка. Но, при дробности матеріала, эта часть книги пересказу не поддается, и мы прямо отсылаемъ къ ней заинтересованнаго Некрасовымъ читателя.

Вл. Каллашъ.

Памяти Е. С. Некрасовой.

Бываютъ люди на свѣтѣ, роль которыхъ свѣтитъ путеводными огоньками. Для этого не надо непременно имѣть блескъ таланта, свѣточъ генія, для этого надо имѣть душу живую. Такіе люди, какъ магнетизмомъ, притягиваютъ къ себѣ нравственными обликомъ, а если еще они отмечены дарованіемъ, вдвойнѣ около нихъ бываетъ хорошо. Подобными ~~магнитными~~ личностями были у насъ въ литературной средѣ Станковичъ, Огаревъ; къ нимъ принадлежить и умершая недавно писательница Е. С. Некрасова (+ 13 января въ Москвѣ).

Это не была пожиная лавры звѣзда, это была скромная труженица; но кто цѣнить въ представителяхъ мысли и слова нравственную красоту на первомъ планѣ, убежденное служеніе идеѣ, тотъ отнѣтитъ въ Е. С. цѣльную личность, соединившую запросы ума, искры дарованія съ требованіями сердца, юношескія восторженнаго и чистаго.

Е. С. была типомъ семидесятиницы по идеямъ и по складу; народническое настроеніе въ ней было углублено, расширено знаніемъ предшествующихъ эпохъ русской и иностранной литературы. На нее можно указать, какъ на одного изъ лучшихъ знатоковъ 40-хъ годовъ въ Россіи, именно западной ея плеяды, Герцена въ особенности; это былъ ея излюбленный писатель. Недаромъ ее называли *герценисткой* сынъ самого А. И. Герцена, профессоръ физиологій въ Лозаннскомъ университетѣ, который ссылался на Е. С. всякій разъ, что къ нему обращались за біографическими свѣдѣніями касательно его отца. Съ нимъ и его семьей Е. С. поддерживала дружескія отношенія.

Цѣлый рядъ статей о Герценѣ (главнымъ образомъ въ *Русск. Мысли*) появился изъ-подъ пера Некрасовой, изучавшей его жизнь по первоисточникамъ (переписки съ невѣстой и другія юношескія произведенія Г. обнаружены ею впервые). Будущій біографъ Герцена скажетъ ей большое спасибо за это мозаично-художественное собраніе эпизодовъ о Герценѣ. Е. С. устроила въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ, отдѣльную комнату людей 40-хъ годовъ. Съ присущимъ ей энтузіазмомъ она собирала всякіе

сувениры, реликвии, относящіеся къ почитаемымъ ею людямъ, какъ будто это были ея близкіе, друзья.

Некрасова писала и въ популярномъ духѣ для народнаго чтенія (напримѣръ, «Іоаннъ Воинъ» въ изданіи Посредника), излагая просто, наглядно, съ настроеніемъ. Просвѣтительная струя была въ ней живымъ ключомъ; въ молодости она занималась также педагогической дѣятельностью. Е. С. принадлежала къ высоко-интеллигентной и даровитой семьѣ: ея покойный братъ былъ профессоромъ Московскаго университета; сестра, погибшая въ русско-турецкую войну—одною изъ первыхъ пионеровъ женскаго медицинскаго образованія въ Россіи (ея памяти посвященъ Е. С. очеркъ, изданный въ пользу женскаго медицинскаго института). Культурные завѣты были усвоены Некрасовой изъ непосредственныхъ источниковъ: отъ близости университета, литературнаго и научнаго круга. Многие изъ людей, съ которыми она вела общеніе, были солью русской земли: такъ, она была дружна съ Гл. Успенскимъ, Е. М. Станюковичемъ, С. С. Борсак-овымъ, писала о нихъ прочувствованныя воспоминанія. Въ представителяхъ литературы, науки она видѣла «рыцарей духа», почему и относилась бережно къ ихъ личностямъ, къ ихъ памяти.

Скромная, уютная квартира Е. С. на М. Никитской привлекала многихъ, на ея огонекъ шли съ полной увѣренностью найти пріветъ и ласку. Простота убранства соединялась здѣсь съ изяществомъ вкуса: стѣны увѣшаны портретами людей 40-хъ годовъ, ея героевъ, также видами, вывезенными изъ путешествій по Европѣ, которыя Е. С. совершала со свойственной ей страстью—посмотрѣть на интересныя мѣста, завязать обогащающія умъ знакомства. А бесѣда за чайнымъ столомъ чего стоила: собирались здѣсь труженики мысли—писатели, доктора, учительницы, погрѣться душой въ уютномъ уголкѣ, какихъ немного. Звучали то кипучія, то горестныя рѣчи о современности, передавались воспоминанія о другихъ временахъ и людяхъ. Е. С. любила слушать о прошедшемъ, любила встрѣчать типы другой эпохи, съ присущей ей художественностью собирая повсюду цѣнные обломки.

Замѣчательною чертою Некрасовой, рѣдкой среди людей, не исключая и литературнаго круга, было ея горячее, неутомимое участіе къ людямъ, готовность ихъ поддерживать изъ всѣхъ силъ—словомъ, совѣтомъ, чѣмъ только можно. По себѣ и знаю изъ опыта, что значить толкаться въ двери редакцій и встрѣчать официальные пріемы и отвѣты. А тутъ съ перваго знакомства ваши статьи выслушиваются съ величайшимъ вниманіемъ, вы возбуждаете интересъ, какъ новая личность. По указанію Е. С. я принялась за старый матеріалъ въ *Вятскихъ* и *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1838—39 гг., который заставлялъ меня порою огорчаться своею сухостью, но, разработанный, можетъ теперь послужить для біографіи Герцена періода его ссылки («Культурная дѣятельность Герцена въ провинціи», *Русская Мысль*, 1900 года, февраль). Какъ много значить такая дружеская поддержка опытной руки для человѣка, начина-

ющаго пробовать свои силы... И все это участіе было неподдѣльно, горячо и искренно, выливалось изъ сердца. Е. С. была гуманистой до мозга костей, до глубины души, способная сочувствовать, сострадать такъ же естественно, какъ дышать воздухомъ. Кто ее зналъ, никогда не забудетъ ни ея нравственно обаятельной личности, ни живой бесѣды въ ея маленькомъ кружкѣ съ повышеннымъ общественнымъ настроеніемъ, столь цѣннымъ въ годы безвременья. Она, можно сказать, жила духомъ, потому что ее давно подтачивалъ тѣлесный недугъ, который забывался въ кругу друзей, среди нравственнаго подъема. Больно становится за жизнь, когда она теряетъ такихъ горячихъ людей, но нельзя не позавидовать и этимъ самымъ людямъ, сохранявшимъ молодость души, жаръ сердца до конца.

Н. Маншьева.

Журнальное обозрѣніе.

Въ XII книгѣ *Русскаго Богатства* за истекшій годъ обращаютъ на себя вниманіе маленькіе рассказы С. Бондурушкина «Изъ жизни современной Сиріи». Они переносятъ читателя въ экзотическій пейзажъ, въ глубину чужого и чуждаго быта, и хотя передъ нами—Сирія современная, однако вѣетъ надъ нею, ровесницей Библіи, дыханіе безконечной старины. И то, что живетъ въ ней, тоже запечатлѣно бессознательными воспоминаніями о первыхъ дняхъ человѣчества.

Между горами Геваль и Гаризимъ, утопая въ садахъ и голубомъ сумракѣ вечера, прижался красивый городокъ Наблусъ, древній Сихемъ. Все кругомъ говоритъ о разнообразномъ и далекомъ прошломъ: галчьи надстройки домовъ вежливо дѣлятся на древнихъ прочныхъ стѣнахъ временъ римскаго владычества; изящный порталъ римскаго храма, обращеннаго въ мечеть, и теперь еще радуется зрителя чистотой и игрой украшеній, своей правильной, какъ радуга, аркой. Поодаль отъ города, въ долинѣ, виднѣется изгородь вокругъ обломковъ старинной постройки надъ колодеземъ Іакова. Всюду валяются, точно трупы, почернѣвшія колонны, карнизы, капители... По бокамъ города высятся сѣрыя вершины двухъ старцевъ, видѣвшихъ подъ своими ногами цѣлыя сотни народовъ, цѣлыя рѣки крови, цѣлый адъ человѣческой злобы, вражды, преступленій. Они ко всему уже присмотрѣлись; имъ все равно. Были здѣсь хананеяне, евреи, потомъ приходили ассирійцы, персы, римляне, татары, арабы, приходили крестоносцы, а теперь властвуютъ турки и копошатся въ пыли разношерстная толпа. Не все ли равно?

Городокъ звенитъ въ вечерней прохладѣ. Съ высоты мечетей льется пѣсня музаванновъ; по горамъ съ радостнымъ блельемъ скатываются внизъ стада козъ и овецъ; около колодезевъ столпились дѣвушки съ кувшинами на головахъ; на выпрямленномъ стамъ выпукло вырѣзываются дѣвическія груди, звонко раздается плескъ воды, смѣхъ и говоръ.

Среди такой обстановки одинъ изъ героев г. Бондурушкина испыталъ «единственную непріятность»: жена родила ему не сына, а дочь; и къ женѣ, лежащей послѣ родовыхъ мукъ, съ горькой укоризной обращается разочарованный отецъ: «Ахъ ты, дочь прожженнаго! Да сократишь Богъ твою жизнь, разрушить твою вѣру! Собака ты, дочь собаки! Развѣ ты не знаешь, что мнѣ не нужно твоихъ дѣвчонокъ? Ты этого не знаешь?» И свою единственную дочь, прервавшую мужественный рядъ сыновей,

отецъ называлъ арабскимъ именемъ, которое означаетъ: «единственная неприятность»...

Въ этой же обстановкѣ, въ виду старыхъ горъ Геваль и Гаризимъ, неприятность другого рода испыталъ градоначальникъ, каймакамъ Сихема Рустомъ-эффенди. Велика и безгранична держава турецкаго падишаха, но здѣсь, въ Сиріи, больше значитъ слово англичанина. И Рустомъ-эффенди можетъ показывать свою власть только надъ бѣдными туземцами, а когда онъ потребовалъ сдѣлать то же самое по отношенію къ четырѣмъ путешественникамъ-англичанамъ, то онъ потерпѣлъ очень неприятное пораженіе. За то, что англичанки не проявили, какъ ему казалось, должнаго уваженія къ его начальственной особѣ, Рустомъ-эффенди вздумалъ было задержать ихъ на пути и окружилъ солдатами ихъ палатку. Онъ телеграфировалъ своему консулу въ Іерусалимъ, и черезъ нѣсколько часовъ съ большой тревогой и смущеніемъ передавалъ Рустому телеграфный служитель такую депешу отъ іерусалимскаго губернатора: «Ты—дуракъ. Оставь англійскихъ путешественницъ въ покоѣ, а позаботься лучше немедленно собрать и выслать мнѣ подати съ твоего округа».

Христіане-арабы, радуясь пораженію Рустома-эффенди, посрамленію непавистой турецкой власти, провожали англичанокъ ласковыми криками: «Съ миромъ, съ миромъ, наши госпожи! Да облегчитъ Богъ вамъ дорогу!»

«Но горы Геваль и Гаризимъ остались и въ это утро такъ же хмуры и молчаливы, какъ всегда: онѣ не улыбнулись надъ людскимъ ничтожествомъ, не нахмурились сильнѣе надъ людской злобой. Онѣ достаточно всего насмотрѣлись въ свою долгую жизнь, чтобъ могли еще чему-либо радоваться, удивляться, негодовать. Только на востокъ смотрѣли ласково ихъ сѣдыя вершины и нѣжились подъ теплыми лучами южнаго солнца. Геваль и Гаризимъ улыбаются только навстрѣчу утреннему солнцу».

И люди улыбаются навстрѣчу утреннему солнцу, ищутъ его,—но солнце восходитъ не для всѣхъ. Его не видѣли, напримѣръ, заключенные въ глубину огромнаго котла два мальчика изъ желѣзно-дорожнаго депо,—въ умѣломъ очеркѣ А. Библика «Во чревѣ жита» (*Миръ Божій*, I). Въ депо рисуются «громадные силуэты паровозовъ, погруженныхъ въ угрюмыя думы», и «рычажокъ трещетки кричитъ торопливо и однообразно, точно спѣшитъ разсказать что-то, но помнить только начало разсказа». Мальчики Степка и Сашка, самолюбивые и гордые, соединенные самоотверженной, хотя на видъ и суровой дружбой, чѣмъ-то обидѣли обидѣвшаго ихъ машиниста, и за это ихъ оштрафовали и заставили чистить котелъ. И вотъ они киркой рубятъ нагипъ и глотаютъ ѣдкую гарь керосина. «Тѣсно и одиноко въ котлѣ, и весь онъ гудитъ и стонетъ отъ толпящихся въ немъ звуковъ». Голые, голодные, въ огромной пастѣ котла, переставъ его чистить, всю ночь проводятъ мальчики, читая заветную книжку о подвигахъ свободы, о человѣческой силѣ. И такъ заснули они. «Тихо колыхалась книжка на жѣрно поднимавшейся груди; а копилка подсаפו-вато моргала и, слегка склонивъ свои чадашіе языки, съ любопытствомъ

заглядывала на ея пожелтѣвшія, съ пятнами отъ грязныхъ пальцевъ страницы. Въ концахъ котла стояли сторожкія тѣни, и онъ казался длиннымъ-длиннымъ».

Въ наши кровавые дни многіе не видятъ солнца, безвременно перестаютъ его видѣть потому, что на востокѣ, роднѣ солнца, его затмеваетъ кошмаръ войны. И война отражается въ произведеніяхъ нашихъ белетристовъ. О ней говоритъ г. Максъ-Ли въ разсказѣ «Рожь цвѣла» (*Образованіе*, XII). Эскизъ автора не чуждъ «литературы», которая иногда охлаждаетъ страсть и страстность, проникающую его страницы,—но въ общемъ онъ производитъ хорошее впечатлѣніе, и въ немъ есть искренній лиризмъ. Рожь цвѣла, когда восемнадцатилѣтняя дѣвушка и юнкеръ Федя любили другъ друга любовью молодой и пылкой (быть можетъ, въ описаніи г. Максъ-Ли, слишкомъ пылкой и слишкомъ чувственной для юношеской четы). «Душистая золотая пыль тяготѣла сладкимъ бременемъ надъ слоночными колосьями ржи», и «отъ земля, поднимавшей обильную жатву, къ низкимъ облакамъ несло жаркое, страстное дыханіе любви, зачатія, плодородія. Сдержаннымъ стономъ упоенной, утомленной, но еще влюбленной страсти дрожали короткія іюльскія ночи». Влюбленные бродили въ лѣсу, и въ лѣсу ихъ встрѣчала «ровная, широкая тѣнь высокихъ дубовъ, знакомый терпкій запахъ листвы и земли, мягко сгибающаяся трава и колокольчики, похожіе на блѣдныя, тихія дѣтскія лица». «Какъ сладкое вино», страсть переполняла душу Федя, и блѣдный отъ нея, объятый ею, онъ, вѣроятно, думалъ о смерти, потому что смерть и любовь близки между собою, и во имя этой любви Федя хотѣлъ отдать всего себя, хотѣлъ умереть. «И если этими свѣтлыми, лѣтними утрами онъ думалъ о смерти, то какъ? Какой онъ видѣлъ ее передъ собою? Шла ли она ему навстрѣчу, какъ торжествующая побѣдительница, съ челомъ гордымъ и прекраснымъ или какъ призракъ печальнаго, страшнаго забвенія? Почему я не спросила его тогда?». Авторъ тонко подмѣтилъ этотъ союзъ блаженства и печали, это предчувствіе смерти, ея дыханіе, живущее въ паосѣ страсти. Конецъ жизни и ея высшее напряженіе, любовь, связаны между собою, и съ вершины счастья видѣется могила,—явственнѣе, тѣмъ когда-либо.

Ночью, въ душистую мглу, ѣхали дѣвушка и Федя въ плетеномъ ша-рабанѣ. Были они одни въ полѣ, словно отрѣзало ихъ отъ всего міра.

Я чувствовала его сильное, теплое плечо и тотъ знакомый запахъ молодого, здороваго тѣла, съ которымъ неразрывно въ душѣ моей былъ связанъ его милый образъ: загорѣлыя нѣжныя щеки, синіе глаза подъ бархатомъ рѣсницъ, темный пушокъ надъ яркими губами, продолговатыя, смуглыя руки...

Федя,—прошептала я и схватила его руки, державшія вожжи.

Лошади остановились, и мнѣ показалось, что въ эту минуту остановилась вся моя жизнь, какъ столбъ огненнаго неподвижнаго пламени.

Медленно Федя выпрямился, медленно поднималъ голову... Переходъ мой мелькнулъ громадные темные глаза, лицо дивной, сіяющей красоты, полураскрытыя, трепетныя губы...

И уже не было ни меня, ни Оеди, ни темныхъ холмовъ, ни брезжущаго неба—былъ одинъ вздохъ, одинъ подѣлуй, одна трепеть святого ужаса... Рожь нѣла и отъ земли, поднимавшей обильную жатву, къ низкимъ, теплымъ облакамъ неслое страстное дыханіе: дыханіе любви, зачатія, плодородія...

Съ полей не всегда несется дыханіе любви и плодородія,—есть и поля кровавыя, поля смерти. Разразилась война, и ея чудовище поглотило Оедию. Были они съ дѣвушкой одинъ въ мірѣ, теперь эта дѣвушка осталась въ мірѣ одна. И своею мыслью, своимъ чувствомъ она вызываетъ къ ушедшему.

Оеди, какъ ты умеръ? Какой подошла она къ тебѣ, эта смерть, дыханіе которой касалось твоей души, въ тѣ минуты, когда ясными солнечными утратами ты слушалъ грустную пѣснь родины? Какъ умеръ ты? Я этого никогда не узнаю. Я могу видѣть это только въ тяжелыхъ мучительныхъ снахъ, я могу думать объ этомъ въ бессонныя долгія ночи и знать, что отвѣта не будетъ. Какъ ты умеръ? Когда?...

Ты, можетъ быть, крестился, Оеди, и вспоминалъ слова, которые ты когда-то говорилъ ребенкомъ: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“. Но неба не было, а былъ потокъ крови. Тебѣ, можетъ быть, хотѣлось упасть на землю и вспомнить... послѣдній разъ вспомнить всю муку, всю сладость жизни. Но свади, такъ же тяжело и прерывисто дыша бѣжали люди и бѣжавшій свади толкалъ бѣжавшаго впередъ, а за послѣднимъ шелъ молчаливый привракъ, въ лицо которому никто не смѣлъ взглянуть...

Въ тихія июльскія ночи, Оеди, когда бухеть цвѣсти рожь—я буду за тебя молиться, такъ страстно и горячо, какъ молятся теперь тысячи насъ—женъ, матерей и сестеръ.

Война является невидимой героиней и въ рассказѣ Семена Юшкевича «Левка Гемъ» (*Миръ Божій*, кн. I). Всѣ обычные недостатки автора налицо и здѣсь: напряженно-истерическій тонъ, налѣшекъ преувеличенныхъ словъ, блѣдность и бѣдность движенія; фразы, которыми обильниваются его герои, необычны, тяжелы, и такъ какъ онѣ представляютъ собою переводъ съ еврейскаго жаргона, то въ нихъ много чуждыхъ, хотя и характерныхъ выраженій. Но по замыслу и въ нѣкоторыхъ моментахъ исполненія рассказъ г. Юшкевича всетаки очень хорошъ; если бы онъ былъ разработанъ спокойнѣе и красками болѣе здоровыми, впечатлѣніе отъ него было бы чрезвычайно сильно, и сочетаніе человѣческой скорби и человѣческой красоты, которое показалъ авторъ, засіяло бы еще благодатнѣе.

Авторъ рисуетъ кошмаръ бѣдной еврейской семьи. Кромѣ ея постоянныхъ невзгодъ, къ ней приближается еще реальный призракъ все той же злощастной войны. Объявлена мобилизація, и Левка Гемъ, какъ и другіе запасные, уйдетъ въ Маньчжурію, оставитъ дѣтей, оставитъ жену, которая недавно похоронила ребенка и теперь ожидаетъ другого. Родные убѣждаютъ Левку бѣжать; они говорятъ, что еврей не можетъ быть убійцей и что еврей не обязанъ быть убитымъ... Въ особенности увѣщаваютъ его мать и отецъ его жены; истомленные жизнью, они не хотятъ отъ нея новыхъ ударовъ, они уклоняются отъ новой горести. Они устали. Старикъ Мендель поутру даже подымается съ трудомъ: «ахъ, кости, ну, ужъ кости у меня; въ землю они хотятъ, въ землю!»

«Онъ былъ мрачный, придавленный человѣкъ, и съ ранняго утра не

видѣлъ въ мірѣ ничего веселаго, бодрого. Каждое его слово, казалось, прибывало въ рѣкахъ крови, каждое пахло какими-то неискоренимыми, застарѣлыми мученіями, и самъ онъ, сморщенный, угнетенный, съ своей сѣдой бородой, дико разросшейся по маленькому лицу, съ тоскующими глазами, тоже казался упорной, застарѣлой болѣзнью, которую ничто не способно было извести.

Мендель смотрѣлъ въ глубь жизни, Мендель ея «не одобрялъ».

— Когда умру, Левка, я у Бога въ домѣ стекла выбью.

— Ну-у,—поддразнила Маня.

— Выбью, всё стекла выбью,—сурово и мрачно повторялъ старикъ, повернувшись къ дочери.—Если ты, Богъ, рождаешь людей, подумай о нихъ! Да, подумай о нихъ. Хочешь благословенія отъ людей, заслужи его! Вотъ какъ должно быть.

Мендель не могъ, отказывался благословлять Бога, потому что онъ слишкомъ уже былъ избитъ жизнью и видѣлъ, какъ она била и убивала его родныхъ, его соплеменниковъ. Онъ зналъ, что никогда нельзя видѣть «веселыхъ евреевъ». И если бы даже онъ привыкъ къ своей обездоленности, къ нищетѣ, смертямъ и голоду, его сразитъ новое, страшное: родилось «красное чудовище» войны, которое прежде чувствовалось только какъ гнетъ повсемѣстнаго обвиненія, какъ «ужасъ чужого ужаса», а нынче запылало надъ роднымъ городомъ, надъ родной семьей. «Народъ цѣлѣнѣлъ... Неспрошенный и незаинтересованный, онъ мрачно готовился къ жертвѣ безъ мечты о спасеніи... И только женщины плакали, плакали днемъ, плакали по ночамъ».

Родные Левки, «глубоко преданные другъ другу враги», послѣ долгихъ «тягучихъ и страстныхъ разговоровъ», убѣдили его бѣжать, спастись отъ войны, отъ смерти. И Левка бѣжалъ, хотя это ему было стыдно, хотя онъ и не считалъ себя лучше другихъ, — «развѣ я избранникъ?»

Но вотъ пришла одна ночь,—та, о которой авторъ говорить: «А ночь шла. Какъ усталый путникъ въ безконечной степи, безъ звѣзды впереди, она шла усталая, залитая кровью, залитая слезами, она шла, чтобы идти и снова придти и идти безъ конца. И шла безрадостная навстрѣчу безрадостному дню».

На улицѣ льетъ «осенній дождь, нехорошій дождь»,—тамъ «прошехотать недоброе, ходитъ несчастье съ вѣлюкою въ рукѣ и стучать, стучать». Въ эту ночь Левка, къ отчаянію и злобѣ родныхъ, но не своей жены Песьки, вернулся домой, чтобы изъ дому уйти въ Маньчжурію: онъ бѣжать раздумалъ, ему было стыдно бѣжать,—ему, не лучшему, чѣмъ другіе, не избранному. Песька съ умиленіемъ встрѣтила мужа, такъ какъ и она въ глубинахъ сердца чувствовала, что бѣжать стыдно, что бороться съ судьбою не надо. Любовь къ мужу не убила въ ней благородства, и въ кругу эгоистическихъ, несчастныхъ, озлобленныхъ, она, тоже несчастная, тихой радостью отзывалась на благородство мужа. И когда Левка утѣшалъ ее, говорилъ ей: «у насъ есть Богъ, Песька... И съ войны возвращаются»,—она плакала, плакала...

И ничего въ мірѣ не было въжиге, прекраснѣе, благовопнѣ этихъ чудесныхъ слезъ! Словно въ нихъ отразились и ея горе, и ея покорность, и ея жертва,—такъ заплакала она... А Голда, увидѣвъ обоихъ рядомъ, точно лишь теперь поняла глубину несчастія и закричала всѣми голосами отчаянія... И до самого утра не прерывались разговоры, грязные и трогательные, высокіе и страшно земные, но, высокіе и низкіе, ихъ заливали слезы, кровавыя слезы несчастнѣйшихъ сердецъ, не единственныхъ сердецъ. Такъ мучились вездѣ, такъ бились вездѣ...

А.

Въ декабрьской книгѣ *Образованіа* помѣщена обстоятельная статья г. Мижуева «Женскій вопросъ и женское движеніе». Изложивъ основныя, наиболѣе существенныя причины возникновенія женскаго движенія, которыя по мнѣнію автора статьи сводятся къ великому перевороту въ экономическомъ укладѣ культурныхъ обществъ, характеризующемуся наступленіемъ періода денежнаго хозяйства, прослѣдивъ первыя проявленія женскаго движенія, относящіяся къ концу XVIII в., авторъ переходитъ къ изложенію современнаго состоянія женскаго вопроса въ разныхъ странахъ. Начинаетъ онъ съ характеристики женскаго образованія, справедливо полагая, что состояніемъ образованія женщинъ опредѣляется въ значительной степени ихъ экономическое положеніе.

Въ области начальнаго образованія всѣ культурныя страны одинаково признаютъ принципъ его обязательности, распространяющійся въ одинаковой степени на все мужское и женское населеніе.

Мы видимъ это въ Германіи, Франціи, Англіи, Швеціи, Норвегіи, Даниі, Австріи, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Канадѣ и Австраліи. Таково положеніе дѣла, если исходить главнымъ образомъ изъ состоянія законодательства. Фактически однако даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ замѣчается болѣе или менѣе значительная разница въ распространеніи элементарнаго образованія среди мужчинъ и женщинъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи по даннымъ въ 1892 г. изъ жениховъ могли подписать брачный контрактъ 92%, а изъ невѣстъ 88%, въ Бельгіи въ 1890 г. % неграмотныхъ мужчинъ составлялъ 25%, женщинъ 30%, въ Соединенныхъ Штатахъ неграмотныхъ мужчинъ 12%, женщинъ 14%, въ Италіи въ 1881 г. 55% неграмотныхъ мужчинъ и 69% женщинъ и т. д. Въ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, отсутствуетъ законодательный принципъ обязательности народнаго образованія, разница между грамотностью мужского и женскаго населенія, достигаетъ какъ и вообще въ менѣе культурныхъ странахъ, громадныхъ размѣровъ. По даннымъ 1898 г. изъ всего мужского населенія имперіи училось въ школахъ около 4,8%, а изъ женскаго только 1,6%, т.-е. въ три раза меньше.

Всѣ эти данныя, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ статьи, имѣютъ огромное значеніе, какъ показатель культурнаго состоянія страны вообще и въ особенности положенія женскаго вопроса въ низшихъ слояхъ населенія, гдѣ этотъ вопросъ также существуетъ, хотя правда въ стихійной, полусознательной формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли возможно сомнѣваться

въ томъ, что необычайно низкій уровень образованія среди женщинъ низшихъ классовъ долженъ гибельно отражаться на ихъ экономическомъ положеніи, когда имъ по тѣмъ или инымъ условіямъ приходится самостоятельно добывать себѣ средства существованія; это же самое обстоятельство чрезвычайно затрудняетъ для женщинъ этихъ классовъ осуществленіе своихъ нарушенныхъ правъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ, безъ всякаго сомнѣнія, на ихъ сторонѣ.

Если въ наиболѣе культурныхъ странахъ современнаго міра принимаются довольно энергичныя мѣры къ тому, чтобы все населеніе, какъ мужское, такъ и женское проходило черезъ начальную школу, то не таково отношеніе къ среднему образованію мужчинъ и женщинъ. «Европейскія правительства уже давно тратятъ народныя деньги на разнаго рода среднія мужскія учебныя заведенія, но вопросъ объ организаціи общеобразовательныхъ или иныхъ учебныхъ заведеній для женщинъ, поставленъ серьезно во второй половинѣ XIX в. Да и въ настоящее время въ большинствѣ странъ дѣло средняго женскаго образованія предоставлено частной инициативѣ; правительства же расходующія болѣе или менѣе значительныя суммы на содержаніе среднихъ мужскихъ школъ, въ отношеніи женскаго образованія нерѣдко довольствуются контролемъ его, предоставляя содержаніе женскихъ гимназій преимущественно городамъ (Германія) или даже частнымъ лицамъ и разнымъ обществамъ (Италія). Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ изъ 200 общественныхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Германіи правительственныхъ не наберется и 20, изъ 412 общественныхъ мужскихъ среднихъ школъ три четверти представляютъ собой правительственныя учрежденія». Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что среднія учебныя заведенія уступаютъ мужскимъ не только по количеству, но и по качеству.

Что касается высшаго женскаго образованія, то изъ европейскихъ странъ Швейцарія принадлежитъ честь наиболѣе ранняго (въ концѣ 60-хъ годовъ), наиболѣе смѣлаго и рациональнаго разрѣшенія этого вопроса, путемъ допущенія женщинъ къ совмѣстному обученію съ мужчинами въ университетахъ по всѣмъ факультетамъ, не исключая и медицинскаго. Во Франціи женщины также допускаются во всѣ университеты на одинаковыхъ условіяхъ съ мужчинами и могутъ подобно мужчинамъ получать разныя ученыя степени. Въ послѣднее десятилѣтіе и въ отдѣльныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи стали допускать женщинъ въ университеты съ тѣми или иными ограниченіями. Начало положилъ Баденъ, гдѣ уже въ 1891 г. правительство разрѣшило допускать женщинъ на философскій факультетъ Гейдельбергскаго университета. За тѣмъ примѣру Бадена послѣдовали Пруссія и другія союзныя государства. Въ настоящее время женщины допускаются почти во всѣ германскіе университеты, но лишь на положеніи вольнослушательницъ; нигдѣ женщины не могутъ быть имматрикулированы, хотя бы онѣ обладали необходимыми дипломами (аттестатомъ зрѣлости и т. п.). Впрочемъ, даже и въ качествѣ

вольнослушательницъ, женщины допускаются въ нѣмецкіе университеты лишь условно, при полученіи specialнаго согласія каждаго отдѣльнаго профессора (каждой отдѣльной слушательницей). Помимо всего этого требуется разрѣшеніе ректора и министра народнаго просвѣщенія. Большею частью женщинамъ разрѣшается при указанныхъ условіяхъ посѣщать лишь лекціи такъ называемаго философскаго факультета. Съ 1891 г. женщины стали допускаться въ берлинскій сельско-хозяйственный институтъ, и въ концѣ 1900 г. великій герцогъ баденскій издалъ указъ, разрѣшающій женщинамъ имматрикулироваться въ университетахъ герцогства баденскаго—Гейдельбергскомъ и Фрейбургскомъ. Въ настоящее время въ австрійскіе университеты женщины допускаются на всѣ факультеты при условіи представленія аттестата зрѣлости. Наиболѣе значительные успѣхи въ отношеніи доступа въ университеты женщины сдѣлали въ англо-саксонскихъ странахъ. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ женщины допускаются къ слушанію лекцій и могутъ быть удостоиваемы степени В. А., т.-е. бакалавра наукъ. Онѣ не могутъ лишь получать званіе М. А., т.-е. магистра, такъ какъ съ этимъ званіемъ связано участіе въ управленіи университетомъ. Въ Америкѣ и въ Австраліи дѣло высшаго женскаго образованія поставлено на широкихъ и рациональныхъ началахъ. Никакихъ ограниченій или стѣсненій специально для женщинъ тамъ совершенно не существуетъ.

У насъ въ Россіи, какъ извѣстно, женщины ни подъ какимъ видомъ не допускаются къ слушанію лекцій въ университетахъ. На спеціальныя же высшія женскія курсы и въ одинъ медицинскій институтъ, какъ показалъ опытъ, попадаетъ лишь сравнительно небольшая группа «счастливицъ».

Относительно экономическаго положенія женщинъ въ различныхъ странахъ, авторъ статьи справедливо замѣчаетъ, что чѣмъ дальше ушла въ своемъ культурномъ развитіи та или иная страна, тѣмъ, вообще говоря, болѣе рѣшительныя мѣры принимаются правительствомъ этой страны для того, чтобы не допустить женскаго труда въ тѣхъ или иныхъ производствахъ или занятіяхъ, могущихъ вредно отразиться на здоровьи женщинъ или на здоровьи ихъ потомства. Съ другой стороны, чѣмъ прогрессивнѣе та или иная страна, тѣмъ меньше законъ стѣсняетъ сферы приложенія своего труда и способностей для интеллигентныхъ женщинъ. То обстоятельство, что трудъ женщинъ-работницъ оплачивается вдвое или втрое меньше, чѣмъ трудъ мужчинъ, слѣдуетъ объяснить отчасти тѣмъ, что трудъ женщинъ не такъ постояненъ, въ общемъ уступаетъ мужскому труду, и, наконецъ, тѣмъ, что женщины не участвуютъ обыкновенно въ мужскихъ профессиональныхъ организаціяхъ и не имѣютъ собственныхъ союзовъ, которые могли бы защищать ихъ интересы.

Изъ интеллигентныхъ профессій въ настоящее время для женщинъ доступны прочія профессіи педагогическая. Педагогическій персоналъ начальныхъ школъ въ Россіи, Франціи, Германіи и другихъ странахъ Западной Европы въ значительной степени составляютъ женщины; въ Сое-

дивенныхъ Штатахъ женщины почти вовсе вытѣснили мужчинъ изъ начальныхъ школъ. Въ области средняго образованія, которая оплачивается, вообще говоря, значительно лучше, женщины допускаются уже только къ обученію лицъ своего пола, да и то не вездѣ. Въ Германіи преподаваніе въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ находится преимущественно въ рукахъ мужчинъ; во Франціи и Италіи среднее женское образованіе находится наоборотъ почти исключительно въ рукахъ женщинъ. Въ Америкѣ дѣло пошло гораздо дальше: тамъ область средняго образованія находится преимущественно въ рукахъ женщинъ; одна женщина состояла даже заведующей народнымъ образованіемъ цѣлаго штата. Область высшаго преподаванія находится уже почти всецѣло въ рукахъ мужчинъ даже въ самыхъ культурныхъ странахъ; женщины-профессора представляютъ собой большую рѣдкость даже въ Америкѣ.

Даже служба въ канцеляріяхъ разныхъ учреждений—притомъ всегда въ младшихъ должностяхъ,—писать далѣе авторъ статьи,—стала доступной женщинамъ лишь въ сравнительно недавнее время. Надо сказать при этомъ, что частныя конторы, банки и т. п. стали принимать женщинъ къ себѣ на службу много раньше, чѣмъ аналогичныя правительственныя учрежденія, хотя, конечно, главнымъ мотивомъ здѣсь было стремленіе пріобрѣсть дешевыхъ, надежныхъ работницъ. Этотъ мотивъ оказалъ, разумеется, вліяніе и на правительственныя и общественныя учрежденія, когда оно рѣшило допускать женщинъ въ число своихъ служащихъ.

Медицинская профессія доступна женщинамъ въ настоящее время въ Италіи (гдѣ число женщинъ врачей превосходитъ 300), въ Германіи, Австріи, Франціи *), Швеции, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ. Судьба изученія медицины въ Россіи достаточно извѣстна.

Занятія юридической дѣятельностью и въ частности адвокатурой, женщинами осуществилось въ полной мѣрѣ лишь въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ теперь насчитывается около 200 женщинъ-адвокатовъ. Изъ европейскихъ странъ допускаются къ адвокатской дѣятельности женщины лишь въ Швеціи и Норвегіи, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, Финляндіи и Румыніи. Въ самое послѣднее время (1900 г.) на этотъ шагъ отважилась, наконецъ, и республиканская Франція, гдѣ первой женщиной, получившей право адвокатской практики была г-жа Пти, по происхожденію русская (урожденная Болоковская).

Въ области гражданскаго права въ огромномъ большинствѣ культурныхъ странъ женщина, выходя замужъ, теряетъ свое право и дѣеспособность. Это положеніе замужней женщины лишь въ недавнее время радикально измѣнилось въ Англіи и Америкѣ, гдѣ были отменены всѣ законы, стѣснявшіе юридическую самостоятельность замужней женщины. Въ томъ же направленіи измѣнилось въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, а частью

*) Въ одномъ Парижѣ теперь до 80 женщинъ врачей, хотя большинство изъ нихъ иностранки.

даже въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, юридическое положеніе женщины въ скандинавскихъ странахъ, въ Италіи, Германіи и Швейцаріи. Слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, гдѣ дѣйствуютъ принципы французскаго *code civil*, женщины, выходя замужъ, могутъ обезпечить себѣ имущественную самостоятельность заключеніемъ соответственнаго содержанія брачнаго контракта. Для Россіи, какъ извѣстно, эта сторона женскаго вопроса не имѣетъ значенія, такъ какъ въ отношеніи охраны гражданскихъ правъ замужней женщины Россія принадлежитъ къ наиболѣе передовымъ странамъ. По русскому законодательству гражданскія права жены уравниваются съ правами мужа, кромѣ двухъ случаевъ: 1) жена не можетъ наниматься въ услуженіе или на работы безъ согласія мужа, 2) не можетъ выдавать векселей, если не ведетъ торговли. Уравниваются у насъ и права супруговъ относительно наслѣдованія, чего до сихъ поръ нѣтъ, напримѣръ, въ Англіи. Напротивъ не таково, какъ извѣстно, отношеніе закона къ вопросу о правахъ наслѣдованія дочерей по сравненію съ такими же правами сыновей.

Политическими правами обладаютъ женщины лишь въ Австраліи и нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Въ Англіи, гдѣ онѣ пользуются правами участія въ мѣстномъ самоуправленіи, и въ Норвегіи, гдѣ недавно въ стортингѣ въ пользу дарованія женщинамъ права участія въ парламентскихъ выборахъ высказалось абсолютное большинство голосовъ (требуется $\frac{2}{3}$), разрѣшеніе этого вопроса стоитъ на очереди.

Одной изъ безчисленныхъ сторонъ сложнаго женскаго вопроса, вытекающей изъ ненормальнаго положенія женщины даже въ культурныхъ странахъ, изъ ея экономическаго порабощенія, является то страшное зло, которое называется проституціей. Только съ подъемомъ благосостоянія низшихъ классовъ, въ связи съ освобожденіемъ женщины отъ опутывающихъ ее цѣпей, способно если не уничтожиться вовсе, то значительно ослабиться это зло. Чрезвычайно интересная статья д-ра Бентовина по этому вопросу помѣщена въ ноябрьской и декабрьской книгахъ *Русскаго Богатства* подъ заглавіемъ «Торгующія тѣломъ».

Разбирая, на основаніи личныхъ наблюденій, систему регламентаціи надъ проституціей, авторъ статьи приходитъ къ убѣжденію въ ея полной несостоятельности. Однако разрѣшеніе вопроса, по мнѣнію автора, лежитъ внѣ спора между абolicіонистами и регламентистами. Для характеристики точки зрѣнія г. Бентовина мы позволимъ себѣ привести заключительныя строки его статьи.

„Если внимательно вникнуть въ вопросъ, который за послѣднее время все чаще становится на разрѣшеніе различными спеціальными комиссіями, общественными дѣятелями и публицистами—что лучше: допустить ли существованіе однихъ только домовъ терпимости, или, совершенно уничтожавъ ихъ, сдѣлать всю толпу проститутокъ бланковыми, невольно хочешь дать отвѣтъ: „оба хуже!“; адѣсь допустимо только рассужденіе сравнительное, какое изъ двухъ золъ меньше, но и это рѣшать едва ли возможно. Говорятъ, что дома терпимости вносятъ развратъ въ общественное совнѣніе, такъ какъ узаконяють существованіе спеціальныхъ лавокъ, гдѣ тор-

гуютъ женскимъ тѣломъ. Конечно, это такъ... Но не узаконяется ли развратъ и всю существующую систему регламентація, которая признаетъ легальность спеціального промысла проститутки? Указываютъ на примѣръ городовъ, гдѣ домовъ терпимости нѣтъ (хотя бы Берлинъ). Но зато увидимъ этихъ городовъ кшми кшатъ бланковыми, вообще число проститутокъ не падаетъ ни на одинъ процентъ! Говорятъ, что ужасна эксплуатація, которой подвергаются обитатели домовъ терпимости. Выше я указалъ, что эксплуатація бланковыхъ хозяйками квартиръ, быть можетъ, еще ужаснѣе. Изъ двухъ комиссій, занимавшихся въ последнее время этимъ вопросомъ („комиссія общественнаго здравія при московской городской думѣ“ и въ Петербургѣ „комиссія по вопросу о врачебно-полицейскомъ надзорѣ за проституціей“), высказались: первая окончательно, а вторая—въ значительномъ большинствѣ за уничтоженіе домовъ терпимости. Въ пунктѣ 6-мъ мотивированныхъ положеній д-ра М. Моргулиса, послужившихъ матеріаломъ для заключеній послѣдней комиссій, между прочимъ сказано: „При необходимости въ силу мѣстныхъ условий постепенно готовить переходъ отъ регламентированной проституціи къ свободной“, прежде всего должно уничтожить дома терпимости. Дома терпимости уменьшаются въ числѣнствѣ повсемѣстно и при томъ очень быстро. Безцѣльно больше удерживать учрежденіе, стремящееся исчезнуть естественнымъ путемъ“.

„Но мы видѣли уже, какіе неподходящіеся контролю замаскированные дома терпимости съ бланковымъ населеніемъ создаются въ центръ города. Слѣдовательно, совершенное закрытіе, даже на окраинахъ, домовъ терпимости заставитъ ихъ принять только другую внѣшнюю форму, симулируя ту же сущность. Стоять за закрытіе домовъ теперь считается „моднымъ“. Но мое глубокое убѣжденіе, что сущность вопроса о проституціи этимъ мѣропріятіемъ нисколько не замѣнится“.

Съ міромъ «отверженныхъ» встрѣчаемся мы и въ другой статьѣ, помѣщенной въ декабрьской книгѣ *Русскаго Богатства*, г. Гернета, подъ заглавіемъ «Старое въ новомъ». При характеристикѣ авторомъ современной пенитенціарной системы получается такая картина ужасовъ, которая мало чѣмъ отличается отъ жизни средневѣковаго застѣнна. Становятся глубоко понятными слова автора статьи о томъ, что «мы успокоились слишкомъ рано». «Мы вышли въ XX в.,—пишетъ г. Гернетъ,—съ отрицательно кваліфицированной казнью, но съ казнью посредствомъ элентричества; безъ пытокъ, но съ развитою системой дисциплинарныхъ тюремныхъ наказаній, въ которыхъ сказалась вся жестокость людей конца XIX в.; безъ клеймованія преступника, но съ ихъ оскотленіемъ, безъ запаванія живыми въ землю, но съ погребеніями заживо въ одиночныхъ камерахъ усовершенствованныхъ тюремъ». Съ ужасомъ пробѣгаешь страницы статьи г. Гернета. Вотъ, на примѣръ, описаніе французскихъ исправительныхъ кандаловъ для сдавливанія пальцевъ арестанта, для сжиманія костей рукъ и для надѣванія на ноги наказываемаго, устроенныхъ при посредствѣ особыхъ винтовъ. Для отягченія наказанія оковы надѣваются на загнутыя за спину руки, которыя связываются съ пригнутыми къ задѣ ногами въ колодахъ. Такимъ образомъ, выгнутый въ дугу арестантъ съ выпяченнымъ впередъ животомъ не можетъ ни сидѣть, ни стоять, а только лежать. Для увеличенія страданія вставляютъ между зубами наказуемаго палку съ веревкою, притянутою къ рукамъ, сложеннымъ на спинѣ или къ ногамъ, пригнутымъ къ задѣ; связанный такимъ образомъ арестантъ не можетъ двигать головою. Однимъ изъ послѣднихъ нововведеній

пенитенціарной системы является кастрація преступниковъ, введенная въ Америкѣ въ штатѣ Мичиганъ. Тамъ же практикуется мучительная казнь, электричествомъ «этимъ величайшимъ открытіемъ на позоръ человѣчества!» Наказанія розгами и девятихвостю кошкою, линьями до сихъ поръ практикуются въ Даніи, Пруссіи и многихъ другихъ государствахъ. Въ Англіи для мученія арестантовъ изобрѣтенъ цѣлый рядъ видовъ такъ называемаго безрезультатнаго труда.

Но довольно! Интересующіеся этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ цитированной нами статьѣ, которая заканчивается слѣдующими, глубоко справедливыми словами: «Думается мнѣ, что приведенныхъ примѣровъ «Старого въ новомъ» слишкомъ достаточно, чтобы рѣшиться назвать ихъ случайными; не исключеніями они являются изъ общей системы современной суровой борьбы съ преступностью, но ея дѣтищами. Четыреста лѣтъ тому назадъ Томасъ Моржъ, указывая на ту всемогущую силу, которую придавали наказанію современныя ему законодательства, сравнивалъ юстицію Англіи и другихъ странъ съ дурнымъ учителемъ, охотнѣе наказывающимъ дѣтей, нежели ихъ воспитывающимъ. Мы пыѣмъ всѣ основанія повторить эти не состарившіяся слова въ XX в., когда «великія силы» — электричество и царъ — заставили забыть въ борьбѣ съ преступностью силу еще болѣе великую — силу любви къ ближнему.

В. Арн.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Сложность явленій русской жизни за послѣднее время. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о губернскихъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу. — Работы комитета министровъ по выполнению Высочайшаго указа 12 декабря. — Охраненіе полной силы закона и примѣненіе исключительныхъ мѣръ. — Рабочее движеніе въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ. — Учрежденіе петербургскаго генералъ-губернаторства. — Предполагаемое сокращеніе дѣйствія усиленной охраны. — Ненормальность настоящаго хода русской жизни. — Отношеніе правительства къ экономическимъ требованіямъ рабочихъ и къ общеполитическимъ требованіямъ. — Адресы земства, дворянства и частныхъ лицъ. — Двойной путь осуществленія реформъ.

Обозрѣвателю русской внутренней жизни за послѣднее время иногда трудно бываетъ дать связную картину ея, отчасти потому, что и по зависящимъ, и по независящимъ отъ него причинамъ онъ далеко не всегда располагаетъ необходимыми для нея образами и красками, отчасти потому, что и сама жизнь не течетъ ровно, въ опредѣленномъ руслѣ, а представляетъ изъ себя какой-то спутанный, быстро натягивающійся клубокъ событій. Несомнѣнно, что уже давно внутренняя русская жизнь пошла не по тому направленію, по которому она шла раньше, но, вмѣсто того чтобы перевести нашу историческую колесницу на новую, правильную колею, соответствующую ея собственному движенію, ее останавливаютъ, тормозятъ, и она скачетъ безъ дороги по камнямъ, приводя въ страхъ и недоумѣніе и своихъ сѣдоковъ, и окрестныхъ зрителей. Что изъ этого можетъ произойти вообще и даже чего можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ — никто не знаетъ, и вслѣдствіе этого никто не имѣетъ увѣренности даже въ завтрашнемъ днѣ. И прежде всего неяснымъ является направленіе нашей законодательной политики. Въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря, приведенномъ нами въ прошлой, январской книгѣ *Русской Мысли*, были намѣчены многія реформы, если и не тѣ, которыхъ ожидало русское общество, то во всякомъ случаѣ тѣянія, которыя въ различныхъ сферахъ вносились къ смягченію административныхъ стѣпленій, расширенію нѣкоторыхъ правъ личности и общества, вообще имѣли либеральную тенденцію. Такой характеръ указа 12 декабря казался тогда вполне естественнымъ:

въ немъ видѣли намѣреніе правительства пойти до нѣкоторой степени навстрѣчу ясно выразившимся желаніямъ общества, и такого рода частичное удовлетвореніе этихъ желаній, казалось, логично вытекало изъ либеральныхъ, хотя и неопредѣленныхъ, заявленій министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго. Можно было не рассчитывать на скорое исполненіе предположенныхъ въ указѣ мѣръ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ и по существу дѣла требовали серьезнаго подготовительнаго обсужденія; можно было и съ достаточнымъ основаніемъ сомнѣваться въ томъ, что дальнѣйшая ихъ разработка не уклонится отъ направленія, намѣченнаго въ указѣ 12 декабря. Но все же самый фактъ изданія этого указа долженъ былъ, повидимому, для всякаго человека, непосвященнаго въ тайны бюрократическихъ лабораторій, служить доказательствомъ того, что высказанные въ указѣ положенія и взгляды представляютъ собою нѣчто желательное для правительства, желательное вообще, какъ въ будущемъ, такъ и въ настоящемъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало ожидать, что и текущая правительственная дѣятельность будетъ идти приблизительно въ томъ же направленіи. Конечно, не отмѣненный законъ долженъ былъ исполняться; но въ предѣлахъ закона было бы странно, если бы текущая дѣятельность правительства не находилась въ соответствіи съ высказываемыми имъ реформаторскими намѣреніями, особенно если такое несоответствіе проявлялось бы даже въ дѣйствіяхъ, имѣющихъ въ виду подготовку тѣхъ же самыхъ реформъ. Нѣчто подобное происходитъ однако въ настоящее время по отношенію къ той реформѣ, которая указомъ 12 декабря поставлена во главѣ всѣхъ прочихъ, къ реформѣ крестьянской. «Мы повелеваемъ, — говорится въ этомъ указѣ, — чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ свободныхъ сельскихъ обывателей». Съ какихъ бы разнообразныхъ точекъ зрѣнія ни толковать это положеніе, всетаки нельзя не видѣть, что въ немъ идетъ рѣчь объ *объединеніи*, хотя бы и не полномъ, крестьянъ съ другими сословіями, а не о еще большемъ обособленіи ихъ. Такой объединяющій характеръ имѣетъ и записка статсъ-секретаря Ватте, внесенная въ состоящее подъ его предсѣдательствомъ особое совѣщаніе о сельской промышленности и въ настоящее время рассматриваемая этимъ послѣднимъ, на что имѣется ссылка и въ самомъ указѣ 12 декабря.

Между тѣмъ, ранѣе этого указа, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, еще при управленіи имъ В. К. Плеве, былъ составленъ проектъ реформы крестьянскаго законодательства, въ которомъ въ качествѣ главнаго основанія, положена была «обособленность крестьянскаго сословія и установленный въ соответствіе съ этимъ особый порядокъ управленія крестьянами». Этотъ проектъ, какъ извѣстно, данъ былъ въ руководство губернскимъ совѣщаніямъ, на которыя возложены были лишь дальнѣйшая разработка и согласованіе его съ мѣстными особенностями. Очень естественно,

что, как констатирует циркулярное письмо министра внутренних дѣлъ къ губернаторамъ отъ 31 декабря, среди членовъ этихъ совѣщаній возникло предположеніе, «что воспослѣдовавшій 12 декабря Высочайшій указъ кореннымъ образомъ измѣнитъ какъ предудказанныя Высочайшею волею 8 января сего (1904) года основныя начала новыхъ крестьянскихъ законоположеній, на почвѣ коихъ построены первоначальныя по сему предмету предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и самый порядокъ разработки означенныхъ законоположеній. При такихъ условіяхъ члены упомянутыхъ совѣщаній признавали, что дальнѣйшее разсмотрѣніе ими трудовъ образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ представляется въ полной мѣрѣ бесполезнымъ и посему его надлежитъ прекратить». Однако, какъ ни естественно, повидимому, такое разсужденіе, министръ внутреннихъ дѣлъ счтаетъ нужнымъ разъяснить, что оно основано на недоразумѣніи. Между указами 8 января и 12 декабря нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія. Послѣдній указъ заключаетъ лишь дальнѣйшее развитіе основаній, предначертанныхъ указомъ 8 января. Указомъ 8 января повелѣно пересмотрѣть законоположенія о крестьянахъ произвести на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 г. Начала эти соблюдены въ полной мѣрѣ и указомъ 12 декабря. Весь циркуляръ состоитъ изъ доказательствъ отсутствія противорѣчія между двумя актами, изданными въ началѣ и въ концѣ прошлаго года, изъ чего выводятся то пратическое заключеніе, что занятія губернскихъ совѣщаній должны продолжаться на прежнихъ основаніяхъ, съ тѣмъ, чтобы работы ихъ были завершены и доставлены въ министерство къ назначенному сроку.

Въ то же время, однако, въ виду заявленій о томъ, что въ нѣкоторыхъ губернскихъ совѣщаніяхъ при обсужденіи ими общихъ вопросовъ предсѣдателями не было допущено должной свободы сужденій, министръ нашелъ нужнымъ указать, что отъ совѣщаній требуется не одобреніе посланныхъ на ихъ заключеніе проектовъ, а выраженіе дѣйствительныхъ, господствующихъ по сямъ вопросамъ въ средѣ людей, ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ, взглядовъ и мнѣній. Что же однако должны обсуждать губернскія совѣщанія? Могутъ ли они совершенно отвергнуть проектъ редакціонной комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ и вмѣсто того высказаться, наприм., за записку статсъ-секретаря Витте? Или въ основу ихъ разсужденій долженъ быть всетаки положенъ первый проектъ? Въ такомъ случаѣ несомнѣнно получится довольно необычайное явленіе. По одному и тому же государственному вопросу первой важности высшими государственными учрежденіями будутъ разрабатываться и обсуждаться два проекта діаметрально противоположныхъ; ибо, если даже и не признавать разницы въ содержаніи и направленіи двухъ указовъ 8 января и 12 декабря, то между двумя проектами: тѣмъ, который въ настоящее время разсматривается въ особомъ совѣщаніи о сельской промышленности, и тѣмъ, который разсматривается въ губернскихъ совѣщаніяхъ, разница эта для

всякаго очевидна. Мы не имѣемъ официальныхъ сообщеній о томъ, въ какомъ направленіи происходитъ въ особомъ совѣщаніи разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса; но изъ частныхъ газетныхъ свѣдѣній извѣстно, что тамъ вовсе нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы возвратиться къ проекту редакціонной комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ, газета *Русь*, обыкновенно довольно хорошо освѣдомленная, сообщаетъ слѣдующее: Въ двухъ засѣданіяхъ особаго совѣщанія уже разсмотрѣны вопросы о крестьянскомъ управленіи и крестьянскомъ судѣ. Существующее положеніе обонихъ вопросовъ признано препятствующимъ правильному развитію государственной жизни, такъ какъ способствуетъ упроченію сословной обособленности. Эта сословная обособленность препятствуетъ приливу культурныхъ теченій въ обиходъ деревенской жизни. Помимо этого нынѣшнее крестьянское управленіе и судъ не могутъ удовлетворять существеннымъ цѣлямъ какъ по самому составу, такъ и въ виду полной зависимости этихъ учреждений и ихъ представителей отъ отдѣльныхъ административныхъ лицъ, въ особенности отъ земскихъ начальниковъ. Было, между прочимъ, отмѣчено, что этотъ весьма своеобразный институтъ является совершенно исключительнымъ и лишеннымъ какой бы то ни было прочной основы. Это едва ли не единственный официальный органъ, отправляющій свои функціи не на опредѣленныхъ основахъ, а на отвлеченномъ и растяжимомъ принципѣ отеческаго попеченія, которое, конечно, не поддается ни учету, ни контролю. Это влечетъ къ еще большому развитію усмотрѣнія. Засѣданіе пришло къ заключенію о необходимости выработки новыхъ формъ, главнымъ образомъ реформирующихъ современное положеніе и преслѣдующихъ полное уничтоженіе сословной обособленности. Изъ этого сообщенія прежде всего видно, что особое совѣщаніе разсматриваетъ вопросъ о крестьянской реформѣ по существу, не останавливаясь передъ тѣмъ, что разработка его въ губернскихъ совѣщаніяхъ только что начата; а затѣмъ ясно, что то направленіе, въ которомъ ведется въ особомъ совѣщаніи обсужденіе этого дѣла, и тѣ заключенія, къ которымъ оно приходитъ, не имѣютъ ничего общаго съ положеннымъ въ основаніе разсужденій губернскихъ совѣщаній проектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. По слухамъ, на частномъ совѣщаніи нѣсколькихъ членовъ комитета министровъ, рѣшено также вопросъ о крестьянской реформѣ поставить въ смыслѣ необходимости полного уравненія крестьянъ въ правахъ съ прочими гражданами. По мнѣнію совѣщавшихся, прогрессъ сельско-хозяйственной промышленности не можетъ развиваться при существующихъ условіяхъ крестьянскаго положенія, въ силу котораго они поставлены въ полную зависимость отъ распоряженій, не соответствующихъ истиннымъ потребностямъ. Въ первую очередь въ комиссіи по положенію крестьянъ будетъ поставлено разсмотрѣніе записки С. Ю. Витте. При такихъ условіяхъ трудно ожидать, чтобы циркулярное письмо министра внутреннихъ дѣлъ послужило бы къ возбужденію энергіи въ членахъ губернскихъ совѣщаній. Разумѣется, они увидятъ изъ него, что начальство требуетъ, чтобы они дали свой отзывъ и, ко-

начно, они его и дадутъ. Но чтобы этотъ отзывъ въ настоящее время могъ дѣйствительно выразить взгляды мѣстныхъ людей, знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ,—это очень мало вѣроятно. Скорѣе всего мѣстные свѣдущіе люди едва ли въ большомъ числѣ будутъ и посѣщать губернскія совѣщанія, отъ которыхъ они не будутъ ожидать практическихъ результатовъ. Намъ нѣсколько удивляетъ и выраженная въ циркулярномъ письмѣ министра внутреннихъ дѣлъ забота доказать, что между указами 8 января и 12 декабря «нѣтъ и не можетъ быть противорѣчій». Почему же не можетъ быть? Что за фетишизмъ по отношенію къ нѣкоторымъ государственнымъ актамъ? Для чего нужно смотрѣть на нихъ какъ на неизмѣнные догматы вѣры? Вѣдь всякая реформа есть не что иное, какъ замѣна стараго, признававшагося когда-то лучшимъ, другимъ новымъ, признаваемымъ въ данное время еще лучшимъ. Поэтому мы не видимъ ничего непочтительнаго въ предположеніи, что взгляды законодателя, какъ всякія человѣческія сужденія, могутъ измѣняться даже въ сравнительно недолгій срокъ, не только вслѣдствіе измѣненія вѣшнихъ условій, но и въ силу естественнаго процесса развитія человѣческой мысли. Но если такое измѣненіе совершается, если по той или иной причинѣ признается нужнымъ начать разработку вопроса,—въ данномъ случаѣ вопроса о крестьянской реформѣ,—въ новомъ направленіи, то для чего же ради сохраненія какого-то престижа неизмѣнности заставлять людей продолжать работу на прежнемъ пути, уже оставленномъ? Не есть ли это шига-бюрократія?

Такая же двойственность проявляется и по отношенію къ другимъ реформамъ, намѣченнымъ въ указѣ 12 декабря, съ той разницей, что относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ она выказывается еще болѣе рѣзко, выражаясь не въ различіи законодательныхъ проектовъ, а въ противорѣчій между высказанными въ указѣ намѣреніями законодателя и практической правительственной дѣятельностью. До сихъ поръ еще не обнародовано ни одного правительственнаго акта, или хотя бы проекта такового, который-бы вытекалъ изъ одного изъ восьми пунктовъ указа 12 декабря. Изъ официальныхъ извѣстій о работахъ комитета министровъ по осуществленію намѣченныхъ мѣропріятій мы имѣемъ правительственное сообщеніе о засѣданіи комитета 14 декабря, изъ котораго видно, что комитетъ полагаетъ поручить разработку дѣлъ подлежащимъ министрамъ или же образовать особые вѣдѣдомственные совѣщанія подъ предсѣдательствомъ лицъ, кои къ тому будутъ Его Императорскимъ Величествомъ призваны, въ составѣ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ, сообразно свойству вопроса, также и мѣстныхъ дѣятелей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ представиться надобность возбудить предъ его Величествомъ предположеніе о передачѣ вопросовъ для предварительнаго обсужденія на мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ предстоящихъ мѣропріятій окажется, по всей вѣроятности, возможнымъ выполнить въ порядкѣ административныхъ распоряженій, или чрезъ посредство комитета министровъ. Тѣ же вопросы, которые могутъ быть разрѣшены окончательно лишь въ порядкѣ законодатель-

помѣ, должны быть направлены въ государственный совѣтъ, который будетъ имѣть полную возможность относиться къ этимъ дѣламъ столь же свободно, какъ обсуждаетъ онъ и всѣ прочія дѣла. Кроме того, по мнѣнію комитета, залогомъ успѣха должно послужить и возможно широкое оглашеніе въ печати Высочайше утверждаемыхъ предположеній по исполненію указа отъ 12 декабря; изъ газетныхъ же свѣдѣній видно, что первыя засѣданія комитета по разсмотрѣнію указа 12 декабря были посвящены установленію порядка работъ, Большинство съ предсѣдателемъ во главѣ пришло къ заключенію, что не вполне выяснена самая задача комитета; по мнѣнію этого большинства, такую задачу не можетъ быть только распределеніе различныхъ вопросовъ по вѣдомствамъ, но что комитету надлежитъ болѣе широко и полно принять участіе въ рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ государственной жизни, причемъ участіе это должно выразиться въ выработкѣ возможно болѣе обстоятельной и детальной программы введенія необходимыхъ реформъ. Всю работу было предположено довести до конца не позже послѣднихъ чиселъ января. Въ этому времени должны быть выработаны программы по всѣмъ пунктамъ указа, за исключеніемъ тѣхъ вопросовъ, урегулированіе которыхъ сопряжено съ детальнымъ облѣдованіемъ статистическаго матеріала или положенія дѣла на мѣстахъ. Съ цѣлью скорѣйшей и болѣе успѣшной работы по нѣкоторымъ пунктамъ, наприм., по 6 и 7, объ иновѣрцахъ и инородцахъ, и по 8 о печати, рѣшено выдѣлять изъ комитета особыя комиссіи. Окончательное же рѣшеніе должны прежде всего получить вопросы, отиѣченные въ пунктахъ 4, о страхованіи рабочихъ, и 5—объ отиѣнѣ положенія объ усиленной охранѣ. Большинство членовъ комитета признавало необходимымъ привлеченіе въ комиссіи, съ правомъ совѣщательнаго голоса, представителей общества и свѣдущихъ людей изъ провинціи.

Что касается до отдѣльныхъ пунктовъ указа 12 октября, то до сихъ поръ (по 23 января) имѣются officialныя свѣдѣнія лишь по 1 пункту и по 4—о государственномъ страхованіи рабочихъ. По первому комитетъ постановилъ разъяснить, что: 1) изданіе новаго постоянного закона или временныхъ правилъ, имѣющихъ обязательную силу закона, а также изменение, приостановленіе или законодательное разъясненіе законовъ и временныхъ правилъ должны происходить только въ видѣ Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта и Высочайшихъ указовъ за собственноручнымъ Императорскаго Величества подписаніемъ; 2) министры, если бы оказалась надобность, обязываются безотлагательно представлять объ изданіи временныхъ правилъ или постоянного закона въ установленномъ порядкѣ. Второе: проектировать дополненіе учрежденія правительствующаго сената съ указаніемъ на обязанность сената приостанавливать обнародованіе постановленій, не отвѣчающихъ по формѣ требованіямъ закона. Третье: предоставить государственному секретарю разобрать означенныя законодательныя предположенія на указанныхъ основаніяхъ и ввести ихъ безотлагательно, безъ предварительнаго сношенія съ подлежащими вѣ-

домствами, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Пунктъ второй: о поддержаніи силы закона, обезпеченіи неуклоннаго его примѣненія путемъ усиленія надзора. Постановлено: Первое. Для выработки въ связи съ преобразованиемъ сената законоположеній о мѣстныхъ административныхъ судахъ учредить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго Высочайшимъ довѣріемъ изъ Всемилоостивѣйше назначаемыхъ къ сему членовъ государственнаго совѣта, имѣющихъ званіе сенаторовъ, и сенаторовъ изъ представителей вѣдомствъ, равно другихъ лицъ, которые могутъ своими познаніями принести пользу дѣлу, по приглашенію предсѣдателя. Второе. Предсѣдателю совѣщанія предоставить внести выработанный онымъ проектъ непосредственно въ государственный совѣтъ безъ сношеній съ вѣдомствами. Пунктъ третій. О мѣрахъ, которые должны быть приняты для внесенія измѣненій въ существующій порядокъ ответственности должностныхъ лицъ. Постановлено: Первое. Поручить министру юстиціи пересмотрѣть правила, касающіяся гражданской и уголовной ответственности служащихъ и войти съ дополнительнымъ по сему предмету въ государственный совѣтъ представленіемъ. Второе. Испросить Высочайшее соизволеніе на безотлагательное разсмотрѣніе указанныхъ представленій министра юстиціи въ государственномъ совѣтѣ, отдѣльно отъ обсужденія остальныхъ частей трудовъ Высочайше утвержденной комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части.

Мы остановимся нѣсколько на содержаніи этого постановленія комитета министровъ, а затѣмъ уже взглянемъ на то, насколько правительственными мѣропріятіями какъ общаго, нормирующаго, такъ и частнаго, прямо практическаго характера, имѣвшія мѣсто въ послѣднее время, соотвѣтствуютъ выраженному законодателемъ намѣренію охранить полную силу закона. Изъ вышеприведеннаго постановленія видно, что комитетъ министровъ предполагаетъ разрѣшить задачу, поставленную 1 пунктомъ указа тремя путями: 1) установленіемъ правильнаго порядка изданія законовъ; 2) обезпеченіемъ ихъ неуклоннаго примѣненія путемъ усиленнаго надзора, и 3) установленіемъ лучшаго порядка ответственности должностныхъ лицъ. Обращаясь къ 1 пункту, очевидно, для осуществленія его необходимо прежде всего уяснить себѣ самое понятіе закона. Весьма интересная статья по этому вопросу г. Н. Лазаревскаго помѣщена во 2 № журнала *Право* за нынѣшній годъ. «Надо (для возможности осуществленія законности), — говорятъ авторъ, — чтобы въ каждомъ дѣлѣ можно было установить, что именно является дѣйствующимъ закономъ. Въ этомъ отношеніи положеніе дѣла является въ Россіи удивительно страннымъ: мы не знаемъ, что признается закономъ по дѣйствующему русскому праву. Въ конституціонныхъ государствахъ вопросъ, что такое законъ, разрѣшается весьма опредѣленно и просто: то, что издано въ формѣ акта народнаго представительства и утверждено королемъ, или вообще главою государства, то, и только то и есть законъ. То, что издано въ формѣ закона, можетъ быть отиѣнено, измѣнено, дополнено или устранено въ томъ или иномъ частномъ случаѣ

не иначе, какъ въ формѣ закона же. У насъ яснаго и опредѣленнаго формальнаго признака закона нѣтъ». Далѣе авторъ перечисляетъ попытки установить такой признакъ, который всѣ оказались неудачными, и продолжаетъ: «Если оставить въ сторонѣ чуждый для нашего правового строя вопросъ о формальномъ признакѣ закона, о томъ, что именно должно называться закономъ, и перейти на единственно существенную въ практическомъ отношеніи точку зрѣнія, что имѣетъ въ Россіи обязательную силу закона, то, оставаясь на почвѣ реальной дѣйствительности, мы должны будемъ признать, что въ Россіи, какъ въ свое время и во всѣхъ неограниченныхъ монархіяхъ, силою закона обладаетъ каждый актъ, несомнѣнно, исходящій отъ Государя и выражающій его волю, въ какую бы форму этотъ актъ ни былъ облеченъ: въ форму ли Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта или положенія комитета министровъ, въ форму ли именного указа или устно утвержденнаго доклада отдѣльнаго министра. Для обязательной силы акта Государя безразлично, является ли онъ общею мѣрою законодательнаго характера, или даваемымъ администраціи на будущее время полномочіемъ отступить въ томъ или другомъ частномъ случаѣ отъ общаго требованія закона, или же, наконецъ, одобреніемъ мѣры уже принятой администраціей съ нарушеніемъ закона (ст. 210 и 213 учр. мин.)». Но если, такимъ образомъ, единственною санкціей закона, дѣлающей его закономъ, является у насъ воля Монарха, то не все ли равно, кто составляетъ проектъ закона, государственный ли совѣтъ, или другое учрежденіе, или даже частное лицо по уполномочію Монарха и почему установленіе какого бы то ни было правила для составленія такихъ проектовъ можетъ способствовать укрѣпленію силы закона? Вѣдь воля Монарха остается равной себѣ, не дѣлаясь ни сильнѣе, ни слабѣе отъ этихъ правилъ, а слѣдовательно, и основывающаяся на ней исключительно сила закона не можетъ ни усилиться, ни ослабѣть. Другое дѣло, если бы законъ получилъ опору еще въ какихъ-нибудь новыхъ элементахъ. Но комитетъ министровъ не говоритъ ни о какихъ такихъ новыхъ элементахъ, и, конечно, нельзя было и ожидать, чтобы онъ заговорилъ о нихъ. Остаются затѣмъ надзоръ и отвѣтственность. Но вѣдь они и сейчасъ были; отчего же понадобились новыя заботы объ упроченіи силы закона? Опять-таки и въ надзоръ и отвѣтственность по проекту комитета министровъ не вводится никакихъ новыхъ элементовъ: надирать будетъ бюрократія за бюрократіей и отвѣчать будетъ бюрократія передъ бюрократіей. Общественные элементы въ томъ и другомъ случаѣ остаются въ сторонѣ, сохраняя свою всегдашнюю пассивную роль. Законъ потому и не имѣлъ у насъ силы, что на мѣсто его становилось начальственное усмотрѣніе. Но развѣ въ этомъ отношеніи безъ введенія въ правительственный механизмъ общественнаго элемента что-нибудь измѣнится? Развѣ съ какимъ угодно надзоромъ и отвѣтственностью для исправника будетъ не важнѣе предписаніе губернатора, а для губернатора предписаніе министра, чѣмъ абстрактный законъ, охраняющій собою только права обывателя, отъ котораго ни

исправлять, ни губернаторъ не чувствуютъ себя ни въ какой зависимости, кромѣ, конечно, отдѣльных случаевъ, когда этотъ обыватель самъ есть какое-нибудь знатное и вліятельное лицо. То же самое, только, конечно, въ еще большей степени относится до условій, господствующихъ въ крестьянской средѣ, гдѣ законъ представляетъ собою нѣчто совсѣмъ далекое отъ жизни и малозвѣстное и ни въ какомъ случаѣ не можетъ стоять на ряду съ очень близкимъ и знакомымъ приказаніемъ земскаго начальника. «Тамъ,—говорится въ упомянутой статьѣ *Права*,—гдѣ на психику общества систематически воздѣйствовали постановленіями вродѣ 61 ст. Пол. зем. нач., запрещающей обжалованіе распоряженій земскихъ начальниковъ, состоявшихся съ явнымъ нарушеніемъ закона, а также практикой высшей администраціи, оставлявшей безнаказанными чуть ли не открыто совершавшіяся должностныя преступленія,—тамъ и въ населеніи не можетъ быть вѣры въ то, что законный порядокъ вообще осуществимъ, а въ органахъ управленія не можетъ быть убѣжденія въ томъ, что этотъ порядокъ для нихъ обязателенъ. А въ такомъ обществѣ самый настоятельный приказъ, хотя бы и исходящій отъ самодержавнѣйшей власти о томъ, чтобы законы исполнялись, останется только мертвою буквою». Что же касается до воздѣйствія самого населенія въ формѣ жалобъ на незаконныя дѣйствія администраціи, то мы со своей стороны очень боимся, что, какія бы ни устанавливались для этого правила, при неизмѣнности общаго государственнаго правового строя, всѣ они на практикѣ будутъ имѣть значеніе закона Крыловской басни о томъ,

Что воля тутъ властва овца,

Не разбираючи лица,

Схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить.

Жизненная практика послѣдняго времени тоже наводитъ на скептическія размышленія. Какъ разъ то время, когда въ комитетѣ министровъ разсуждали объ упроченіи законности, было временемъ примѣненія въ жизни исключительныхъ сверхзаконныхъ мѣръ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ самомъ ужасномъ видѣ эти мѣры проявились въ Петербургѣ, гдѣ результатомъ ихъ примѣненія была гибель нѣсколькихъ сотъ, а можетъ быть и большаго числа людей. Мы не будемъ здѣсь описывать петербургскихъ происшествій. То, что стало извѣстнымъ изъ правительственнаго сообщенія и изъ частныхъ извѣстій, иногда далеко расходившихся съ первымъ, но не имѣвшимъ возможности появиться на страницахъ газетъ,—все это, конечно, настолько глубоко проникло въ сознание и чувство всего общества, что не нуждается въ повтореніи. Точныхъ же, подробныхъ и вполне достоверныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ и теперь, какъ не имѣли ихъ и тотчасъ послѣ 9 января, да, по всей вѣроятности, и не будемъ ихъ имѣть до тѣхъ поръ, пока эти событія не сдѣлаются достояніемъ безпристрастной исторіи. Какъ бы то ни было, существуетъ несомнѣнный фактъ, что 9 января на улицахъ Петербурга войска стрѣляли въ толпу народа, причемъ было убито не менѣе 96, и ранено не менѣе

333 человекъ. Несомнѣнно, что толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ забастовавшихъ передъ тѣмъ фабричныхъ рабочихъ, была безоружна и не проявляла никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ кого бы то ни было, а желала только подать Государю петицію о своихъ нуждахъ, съ присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ пожеланій политическаго характера. Хотя въ правительственномъ сообщеніи говорится, что *были иногда даже нападенія на войска*, но нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, гдѣ были такіа нападенія и въ чемъ они могли состоять, какъ будто это безразлично и не важно, хотя трудно себѣ и представить такіа серьезные нападенія со стороны безоружныхъ людей, которые могли потребовать со стороны войскъ палбы залпами въ толпу. Притомъ даже изъ вышеприведенной фразы правительственнаго сообщенія видно, что стрѣляли и тамъ, гдѣ не было никакого нападенія; стрѣляли и въ публику, не имѣвшую никакого отношенія къ рабочему движенію: въ Александровскомъ саду залпомъ убито нѣсколько просто гулявшихъ тамъ женщинъ и дѣтей. Чѣмъ мотивированы всѣ эти убійства невинныхъ людей? Была ли дѣйствительно крайняя необходимость для такого пролитія крови? Кто и по чѣму требованію распоряжался всѣмъ этимъ дѣломъ и были ли приняты необходимыя и требуемыя по закону мѣры предупрежденія? Вѣдь если были убійства излишнія, ненужныя, то виновные въ нихъ должны быть, конечно, привлечены къ отвѣтственности. Между тѣмъ принимались мѣры къ тому, чтобы скрыть бывшіе факты. Не говоря уже о запрещеніи печатать свѣдѣнія о происходившемъ 9 января иначе какъ съ разрѣшенія градоначальника, — полиція ночью увозила и зарывала трупы убитыхъ, изъ которыхъ многіе такъ и остались неопознанными. По свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать, когда 11 января въ комитетѣ министровъ предсѣдатель его поднималъ вопросъ о текущихъ событіяхъ и необходимости высказаться по этому поводу, заняться изслѣдованіемъ ихъ причинъ и выработать мѣры для предупрежденія на будущее время такихъ печальныхъ явленій, то предложеніе это не встрѣтило сочувствія. При этомъ многіе члены комитета отмѣтили, что разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ въ сферу компетенціи комитета министровъ, да если бы даже и входило, то обсуждать его въ настоящемъ засѣданіи не представляется возможнымъ, такъ какъ онъ не поставленъ на повѣсткѣ. Въ чью компетенцію входитъ вопросъ о разслѣдованіи совершившихся событій — такъ и осталось неизвѣстнымъ; на будущее же время признано необходимымъ принять мѣры опять-таки исключительнаго, сверхзаконнаго характера. Высочайшимъ указомъ 11 января учреждена должность с.-петербургскаго генералъ-губернатора на основаніяхъ, указанныхъ въ законоположеніяхъ о главныхъ начальникахъ губерній и нижеслѣдующихъ правилъ: 1) с.-петербургскому генералъ-губернатору подчиняется городъ С.-Петербургъ и С.-Петербургская губернія; 2) по предметамъ, относящимся къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности генералъ-губернатору подчиняются всѣ мѣстныя гражданскія управленія и учебныя заведенія всѣхъ безъ исклю-

ченія вѣдомствъ; 3) генераль-губернаторъ имѣетъ право, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ, принимать мѣры, указанныя въ ст. 140 уст. цензуры.; 4) генераль-губернатору, независимо отъ права по изданію обязательныхъ постановленій въ порядкѣ правилъ о положеніи усиленной охраны, предоставляется издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся до благоустройства и благочинія, въ предѣлахъ генераль-губернаторства, съ установленіемъ взысканій и порядка разрѣшенія дѣлъ о нарушеніяхъ сихъ постановленій согласно статьямъ 15 и 16 Пол. уси. охр., причѣмъ генераль-губернаторъ можетъ уполномочивать на рѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ ему с.-петербургскаго губернатора и градоначальника; 5) генераль-губернатору предоставляется право вызывать, для содѣйствія гражданскимъ властямъ, войска во всѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это необходимымъ, и опредѣлять по своему усмотрѣнію какъ родъ оружія, такъ и количество потребованныхъ войсковыхъ частей, которыя съ момента вызова дѣйствуютъ по его указанію; 6) власти генераль-губернатора, въ предѣлахъ генераль-губернаторства, подчиняются какъ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, такъ и жандармскія полицейскія управленія желѣзныхъ дорогъ и въ полицейскомъ отношеніи—все учрежденія и должностныя лица въ полосѣ желѣзно-дорожнаго отчужденія; 7) генераль-губернатору подчиняются въ полицейскомъ отношеніи все казенныя фабрики, заводы и мастерскія въ предѣлахъ генераль-губернаторства; 8) все права министра внутреннихъ дѣлъ по утвержденію въ должностяхъ лицъ городского общественнаго и земскаго управленій въ предѣлахъ столицы и губерніи передаются генераль-губернатору, и 9) генераль-губернатору предоставляется воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ столицѣ и С.-Петербургской губерніи.

Новымъ генераль-губернаторомъ со всеми этими правами тогда же назначенъ бывшій московскій оберъ-полицеймейстеръ, свиты Его Величества генераль-маіоръ Треповъ, состоявшій послѣ уничтоженія въ Москвѣ должности оберъ-полицеймейстера въ распоряженіи главнокомандующаго вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ. Это назначеніе, несомнѣнно, знаменательно, такъ какъ оно указываетъ на то, что во главу требований времени, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ С.-Петербургской губерніи, ставятся не мѣропріятія въ духѣ реформъ, намѣченныхъ въ указѣ 12 декабря 1904 г., а энергическая репрессія всѣхъ проявленій общественной самостоятельности, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ развѣ самое отдаленное соотношеніе съ рабочимъ движеніемъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, съ одной стороны, намѣренія правительства урегулировать общественную жизнь на началахъ законности, съ другой—назначеніе административно-полицейской диктатуры и примѣненіе военной силы.

И такая тенденція къ примѣненію исключительныхъ мѣръ и къ употребленію силы проявилась не только въ одномъ Петербургѣ. Имѣются извѣстія о кровавыхъ столкновеніяхъ въ Варшавѣ, въ Ригѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ Варшавѣ и Ригѣ, впрочемъ, судя по официальнымъ

извѣстіямъ (другихъ мы не имѣемъ), толпа рабочихъ выказывала сопротивленіе полиціи и войскамъ, дѣйствуя иногда и оружіемъ. Въ Варшавѣ волненія происходили 14, 15 и 16 января, и вызваны были забастовкой рабочихъ на фабрикахъ. По свѣдѣніямъ *Варшавскаго дневника*, число забастовавшихъ къ вечеру 14 января было около 15 тысячъ. Столкновенія съ войсками происходили во всѣ три дня. Установить точную цифру убитыхъ и раненыхъ, по словамъ *Дневника*, не представляется возможнымъ въ виду того, что забастовщики разсѣивались послѣ каждаго столкновенія съ войсками, старались унести своихъ убитыхъ и раненыхъ. По извѣщеніямъ у газеты свѣдѣніямъ, убито всего за три дня около 60 человекъ, раненыхъ зарегистрировано 69; задержано до 300 чел. Изъ чиновъ полиціи жандармовъ и военныхъ частей ранено 7 человекъ. 17 января все уже было спокойно и столкновений больше не было.

О событіяхъ въ Ригѣ имѣется обширное официальное сообщеніе, помѣщенное въ *Прибалтійскомъ Краѣ*. Изъ него видно, что 12 января рабочіе рижскихъ фабрикъ и заводовъ прекратили работы и большой толпой пошла по улицамъ. На рыночной площади толпа остановилась и одинъ изъ рабочихъ прочелъ прокламацію о петербургскихъ событіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толпы были разсѣяны войсками и полиціей и нѣсколько человекъ были арестованы; но вообще насилій и безчинствъ рабочіе не производили, кромѣ того, что въ редакціяхъ двухъ газетъ были выбиты стекла. 13 января забастовка и беспорядки продолжались; къ забастовавшимъ пристали рабочіе съ другихъ фабрикъ, и огромная толпа направилась во внутреннюю часть города. У желѣзнодорожнаго моста толпѣ загородила дорогу полурота учебнаго унтеръ-офицерскаго батальона. Въ происшедшемъ столкновеніи изъ толпы бросали камнями и стрѣляли въ солдатъ, которыми былъ открытъ огонь по толпѣ. Затѣмъ подошла вторая полурота, которая тоже стала стрѣлять, послѣ чего толпа разсѣялась. На плацу остались 22 убитыхъ, между ними двѣ женщины и 60 раненыхъ, изъ которыхъ потомъ 16 умерли. Съ другой стороны смертельно ранены помощникъ пристава и ранены 8 солдатъ, изъ которыхъ одинъ умеръ. 14 января забастовка продолжалась, но вооруженныхъ столкновений не было. Въ политехническомъ институтѣ состоялась сходка, выразившая свое сочувствіе рабочимъ; вывѣшенъ былъ траурный флагъ съ надписями: «Слава павшимъ, проклятіе убійцамъ»; послѣ чего политехническій институтъ по распоряженію попечителя округа былъ закрытъ. 15 января на похоронахъ убитаго студента Печуркина была многотысячная толпа; передъ гробомъ несли вѣнки отъ товарищей и рабочихъ съ надписями; по окончаніи погребенія надписи эти читались по-русски, по-нѣмецки и по-латышски. На обратномъ пути демонстранты были разсѣяны казаками и войсками. 16 января спокойствіе нигдѣ болѣе не нарушалось.

Вооруженная сила пускалась въ ходъ иногда и тамъ, гдѣ безоружная толпа, двигавшаяся по улицѣ, не представляла изъ себя ничего необыкновеннаго ни по своимъ размѣрамъ, ни по образу дѣйствій. Такъ, извѣстно, что въ

Москвѣ 5 и 6 декабря, т.-е. во время управленія московскою полиціей теперешняго петербургскаго генералъ-губернатора генерала Тренова, толпа около 1,000 человекъ, шедшая мирно по Тверской улицѣ съ пѣніемъ за-прещенной пѣсни и съ нѣсколькими красными флагами подверглась избіенію со стороны полиціи, дѣйствовавшей обнаженными шашками, при чемъ нѣсколько десятковъ человекъ, въ томъ числѣ женщины и шедшіе по тротуарамъ совершенно непричастныя демонстраціи лица получили серьезныя пораненія. Исслѣдованіе по этому дѣлу, порученное московскою городской думой городскому головѣ, не привело, повидимому, ни къ какимъ результатамъ, по крайней мѣрѣ о таковыхъ ничего не извѣстно. Одинъ изъ эпизодовъ этого прісшествія разбирался у мирового судьи А. Н. Халюткина, по обвиненію полиціей провизора Столянида по 38 ст. Уст. о наказ. въ нарушеніи тишины и по 29 ст. «за упорное сопротивленіе». Несмотря на все нежеланіе судьи допустить, чтобы дѣло вышло изъ рамокъ обвиненія Столянида, изъ свидѣтельскихъ показаній вполне выяснился фактъ избіенія не только тѣхъ, кто былъ на улицѣ, но и тѣхъ, которыхъ отводили въ полицейскіе участки. Такъ, свидѣтель Шатерниковъ показалъ: «Когда мы входили во дворъ участка, тамъ насъ ожидала толпа служителей, человекъ двадцать, они-то и били главнымъ образомъ. Когда меня ввели, то кто-то закричалъ: «бей эту сволочь!» и меня стали бить. Въ такомъ же родѣ показывали и нѣкоторые другіе свидѣтели. Въ результатъ—избитый Столянидъ былъ оправданъ, и на этомъ дѣло и кончилось. Въ Нижнемъ-Новгородѣ избіеніе полиціей обывателей произошло не на улицѣ и не въ участкѣ, а въ общественномъ собраніи. Вотъ текстъ заявленія, поданнаго по этому поводу въ нижегородское губернское земское собраніе. «29 декабря на вечеринкѣ въ народномъ домѣ, устроенной обществомъ взаимопомощи учащихся, около 11 часовъ вечера нарядъ полиціи человекъ въ 70 ворвался въ залъ и безъ всякаго предупрежденія, быстро обнаживъ шашки, началъ тѣснить находившуюся въ залѣ публику, среди которой было много женщинъ и учащихся, и наносить ей шашками удары. Били всѣхъ безъ разбора—били тѣхъ, кто, стиснутый полиціей, надалъ въ залъ среди стульевъ, били женщинъ, падавшихъ въ обморокъ; протесты отдельныхъ лицъ, заявленные помощникамъ полицеймейстера, распоряжавшимся побойщамъ, успѣха не имѣли. Въ результатъ среди публики оказались избитые, раненые и увѣчные. «Это избіеніе, повода къ которому со стороны публики, не имѣвшей чѣмъ защищаться, совершенно не было, устроено было полиціей не съ цѣлью удалить публику изъ зала народнаго дома, а носило характеръ сознательнаго и преднамѣреннаго побойща, что видно, между прочимъ, и изъ того, что били публику уже на улицѣ по выходѣ ея изъ народнаго дома. «Мы нижеподписавшіеся доводимъ до свѣдѣнія губернскаго земскаго собранія свой протестъ противъ проявленнаго полиціей звѣрскаго насилія надъ личностью русскаго гражданина»... Въ Николаевѣ, какъ пишутъ въ *Нашу Жизнь*, полиція устроила, такъ сказать, профилактическое насиліе надъ обывателями: всякаго, кто только показывался на Соборную улицу,

немедленно хватали и отправляли въ участокъ, гдѣ запирали въ холодный сарай на полицейскомъ дворѣ, гдѣ хранятся пожарныя бочки и прочій хламъ. Задержанныхъ продержали въ этомъ мѣстѣ до поздней ночи безъ пищи, безъ чая. Въ числѣ ихъ было нѣсколько чиновниковъ, возвращавшихся со службы, были лица, шедшія изъ церкви, были больные и т. п. Всю эту катавасію полиція устроила въ цѣляхъ предупредить яко бы готовившуюся въ этотъ день уличную демонстрацію, о которой однако никто изъ обывателей ничего не зналъ, и со стороны полиціи не было никакихъ соответствующихъ предупрежденій. Всюду только и слышишь, что бьютъ, бьютъ. Само собой разумѣется, что избіенія en grand не мѣшаютъ избіеніямъ en détail. Мы не будемъ останавливаться на разныхъ мелкихъ фактахъ насилія, совершаемыхъ городовыми, стражниками и т. д. Ихъ можно встрѣтить едва ли не въ любомъ номерѣ ежедневныхъ газетъ. Но мы не можемъ не обратить вниманіе на несомнѣнно существующее натравливаніе низшихъ слоевъ населенія на яко бы неблагонамѣренныхъ представителей интеллигенціи. Припомнимъ напечатанный въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* разговоръ съ какимъ-то крестьяниномъ, говорившимъ, что надо разорвать на клочки И. И. Петруневича и ему подобныхъ. Въ болѣе непосредственной формѣ это натравливаніе проявилось въ инцидентѣ, бывшемъ 14 декабря въ тамбовскомъ земскомъ собраніи, о которомъ мы говорили въ январской книжкѣ *Русской Мысли*. Извѣстно, что нападеніе на нѣкоторыхъ гласныхъ тамбовскаго земскаго собранія произведено было при полномъ бездѣйствіи полиціи. Отголоскомъ этого происшествія было разбирательство у городского судьи дѣло объ избіеніи лавочникомъ Озеровымъ студента Агатова. Изъ показанія свидѣтелей видно, что городской на просьбу студентовъ оградить ихъ отъ побоевъ, отвѣтилъ, что это не его дѣло, а Озеровъ при этомъ говорилъ: «Намъ такихъ велѣно бить». Судья приговорилъ Озерова къ двухмѣсячному аресту.

Для разслѣдованія происшествія 14 декабря въ Тамбовѣ пріѣзжалъ вице-директоръ департамента полиціи, г. Бологовской, разспрашивалъ предсѣдателя и членовъ земской управы, бывшаго присяжнаго повѣреннаго Луженовскаго, нѣкоторыхъ гласныхъ и другихъ лицъ, затѣмъ уѣхалъ, и результаты его поѣздки остались неизвѣстны. Нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ подали жалобу прокурору окружнаго суда, въ которой между прочимъ просятъ привлечь къ отвѣтственности и полицію. О дальнѣйшемъ направленіи этой жалобы тоже неизвѣстно. Любопытный документъ доставленъ въ редакцію газеты *Наши Дни* изъ Пскова; онъ озаглавленъ: «бейте студентовъ». Вотъ его содержаніе. «Въ настоящее время студенты всѣхъ университетовъ подстрекаютъ и привлекаютъ рабочихъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ Петербурга къ бунту и забастовкѣ и вообще студенты, какъ инициаторы всѣхъ сѣверныхъ и противозаконныхъ поступковъ, вредны для внутренняго государственнаго строя, а тѣмъ болѣе въ такое тяжелое для Россіи время, а потому для студентовъ, находящихся во Псковѣ, организована особая подъ названіемъ «усмиряющая шайка», которая вездѣ будетъ

слѣдить за студентами, особенно вечеромъ. Вся идея этой шайки заключается въ томъ, чтобы основательно поколотить этихъ студентовъ, прохвостовъ и бунтовщиковъ. Шайка будетъ дѣйствовать, не щадя своей жизни. Бейте, господа, студентовъ, заступаться за нихъ никто не будетъ, потому они много зла дѣлаютъ для государства, чего не должно быть, и такихъ прохвостовъ нужно усмирять, бить и бить безъ конца». Вотъ при какихъ условіяхъ комитету министровъ приходится изыскивать средства для установленія и охраненія законности въ русской жизни. Несомнѣнно поставленная ему задача крайне трудна.

Не легки также и другія его задачи, болѣе частнаго характера, относящіяся къ остальнымъ пунктамъ указа 12 декабря. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, которыми пришлось ему заняться, былъ вопросъ о дѣйствіи положенія объ усиленной охранѣ. Большинство присутствовавшихъ находило, что установившаяся система возобновленія усиленной охраны привела страну къ крайне печальной ненормальности: эти положенія, изданныя не надлежащимъ законодательнымъ органомъ—государственнымъ совѣтомъ, а комитетомъ министровъ, однако, приобрѣли, благодаря ихъ непрерывному возобновленію, характеръ постоянныхъ законовъ. Между тѣмъ, положенія эти кореннымъ образомъ противорѣчатъ основнымъ законоположеніямъ страны, значительно нарушая личные права гражданъ, предоставленныя законами. Получилось, такимъ образомъ, дискредитированіе имперскихъ законовъ, за которыми осталось лишь значеніе мертвой буквы; они не только не примѣняются, но даже нарушаются въ силу функціонированія положеній, исходящихъ отъ правительственнаго органа, не имѣющаго полномочій законодательной власти. Хотя комитетъ министровъ и пользуется властью издавать временныя постановленія, но и въ этомъ отношеніи на практикѣ давно перешелъ свои дѣйствительныя полномочія, такъ какъ эта временность фактически продолжается уже 25 лѣтъ. Отмѣчено было также, что неумѣстность существующаго положенія вопроса въ настоящее время еще болѣе выяснилась, въ виду того, что на одномъ изъ прошлыхъ засѣданій комитетъ уже высказался о необходимости такого порядка, чтобы всѣ узаконенія, даже временныя, исходили отъ единаго законодательнаго органа — государственнаго совѣта. Подавляющее большинство приняло къ убѣжденію о безусловной нежелательности возобновленій Положенія объ усиленной охранѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ срокъ ихъ дѣйствія истекъ. Возобновленіе ихъ можетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда это дѣйствительно будетъ вызвано исключительными обстоятельствами, угрожающими государственной безопасности, при чемъ таковыя постановленія о возобновленіи дѣйствій Положенія объ усиленной охранѣ должны быть обусловлены не годичнымъ срокомъ, а лишь впредь до выясненія вопроса и выработки особой комиссіей новыхъ узаконеній въ указанной области.

Такимъ образомъ комитетъ министровъ признаетъ необходимость сокращенія дѣйствія усиленной охраны. Но такова теорія, а на практикѣ

мы видимъ другое: Варшава и Лодзь, Варшавская и Петроковская губернія объявлены на положеніи усиленной охраны, въ Саратовѣ, гдѣ срокъ его кончился — оно возобновлено; наконецъ, въ Петербургѣ установлено совсѣмъ особое, исключительное положеніе. Намъ думается, что вопросъ объ усиленной охранѣ есть лишь частный случай того же вопроса объ установленіи законности и, подобно послѣднему, не можетъ быть рѣшенъ безъ введенія въ государственный механизмъ новыхъ элементовъ, т.-е. общественныхъ силъ. Усиленная охрана есть исключительное, сверхзаконное положеніе, вызываемое исключительными обстоятельствами. Справедливо видя логическое противорѣчіе въ томъ, что это исключительное положеніе неизмѣнно продолжается на десятки лѣтъ, комитетъ министровъ не находитъ возможнымъ однако отказаться отъ примѣненія положенія объ усиленной охранѣ въ тѣхъ случаяхъ и на тотъ срокъ, когда это примѣненіе будетъ вызываться исключительными обстоятельствами, угрожающими государственной безопасности. Но кто будетъ опредѣлять эти обстоятельства и съ какой точки зрѣнія будетъ опредѣляться ихъ предполагаемая опасность для государства? Если это опредѣленіе будетъ зависѣть исключительно отъ бюрократіи, для которой сохраненіе *statu quo* есть вопросъ самосохраненія, то, по всей вѣроятности, отождествляя себя, какъ это было и до сихъ поръ, съ государствомъ, она будетъ видѣть во всякомъ предоставленіи общественнымъ силамъ активнаго значенія въ государственной жизни угрозу для безопасности государства. А такъ какъ сознаніе въ обществѣ и народѣ неотложности удовлетворенія ихъ общественныхъ требованій и ихъ правъ на активное участіе въ государственномъ строителствѣ настолько созрѣло, что уже не можетъ не выражаться все болѣе и болѣе явно и сильно, то между бюрократіей, отстаивающей существующій строй, и живыми силами общества и народа необходимо долженъ продолжаться, можетъ быть, даже переходя въ болѣе рѣзкія формы, тотъ конфликтъ, который существуетъ и въ настоящее время. А разъ будетъ такой конфликтъ, то онъ всегда будетъ считаться достаточнымъ, для того, чтобы признавать существующее положеніе ненормальнымъ, исключительнымъ, а слѣдовательно и требующимъ примѣненія усиленной охраны. И мы, дѣйствительно, живемъ теперь на положеніи ненормальномъ, немирномъ, на положеніи борьбы между двумя началами—бюрократическимъ и общественнымъ, изъ котораго можно перейти на мирное положеніе или удовлетвореніемъ основныхъ требованій общества, или тѣмъ способомъ, о которомъ говоритъ Тацитъ: *Solitudinem faciunt, расет аррелант*. Послѣдній способъ логически и приводитъ къ исключительнымъ, сверхзаконнымъ мѣропріятіямъ.

Что борьба продолжается съ неуменьшающеюся силой, это доказывается приходящими ежедневно со всѣхъ сторонъ извѣстиями, носящими двойной характеръ. Съ одной стороны—это забастовка рабочихъ, которыми прежде всего высказываются требованія профессиональнаго, экономическаго характера, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, объ увеличеніи заработной платы,

объ установленіи большей независимости рабочихъ отъ хозяевъ и т. д. Во многихъ случаяхъ, какъ было и въ Петербургѣ, къ этимъ требованіямъ присоединяются другія, имѣющія общеполитическую окраску и въ общихъ чертахъ сходныя съ тѣми, какия высказывались въ земскихъ, думскихъ и общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Вторую категорію требованій составляютъ эти послѣднія, имѣющія чисто-политическое содержаніе и за разными болѣе вѣдными, редакционными различіями сводящіяся приблизительно къ формулѣ, высказанной петербургскимъ земскимъ съѣздомъ 6 ноября. Отношеніе правительства къ тѣмъ и другимъ далеко не одинаково. Если рабочія движенія подавляются съ беспощадной суровостью, когда они выражаются въ формѣ уличныхъ манифестацій, то къ высказываемымъ рабочими пожеланіямъ и надеждамъ правительство относится, повидному, благосклонно, даже какъ бы поддерживая эти надежды, хотя и безъ определенныхъ обѣщаній. Немедленно послѣ назначенія генерала Трепова петербургскимъ генералъ-губернаторомъ имъ, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ, по Высочайшему повелѣнію издано было объявленіе, обращенное къ рабочимъ, въ которомъ, увѣщая ихъ возвратиться къ обычному труду и не слушать тѣхъ, «кому нужна одна смута», министръ и генералъ-губернаторъ говорятъ: «возвращаясь къ работѣ, пусть знаетъ трудящійся людъ, что его нужды близки сердцу Государя Императора такъ же, какъ и нужды всѣхъ Его вѣрныхъ подданныхъ, что Его Величество еще столь недавно повелѣтъ соизволялъ, по личному Своему произволенію, приступить къ разработкѣ вопроса о страхованіи рабочихъ, имѣющемъ своею задачею обезпечить ихъ на случай увѣчья и болѣзни, что этою мѣрою не исчерпываются заботы Государя Императора о благѣ рабочихъ и что одновременно съ симъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему людю законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ». 19 января Государь Императоръ изволилъ принимать депутацію отъ рабочихъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ въ числѣ 34 человекъ, прибывшую въ Царское Село въ сопровожденіи генерала Трепова. Обращаясь къ депутаціи, Его Величество произнесъ слѣдующее: «Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашимъ товарищамъ. Прискорбныя событія съ печальными, но неизбѣжными послѣдствіями смуты произошли оттого, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины. Приглашая васъ идти подавать мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего правительства, насильственно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго вѣшняго врага. Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это

непобѣжно вызываетъ и неповинныя жертвы. Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мнѣ о своихъ нуждахъ преступно. Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ нуждъ. Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ. Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами и да будетъ Богъ вамъ въ помощь».

Со стороны депутатовъ не было сказано ничего. Правительственное сообщеніе не упоминаетъ, какимъ порядкомъ были назначены или избраны депутаты и какимъ способомъ они передали рабочимъ царскія слова. Затѣмъ Государь Императоръ и Государыни Императрицы, движимые состраданіемъ къ семьямъ убитыхъ и раненыхъ во время безпорядковъ 9 января, Всемилостивѣйше соизволили назначить изъ собственныхъ средствъ 50,000 руб. для оказанія помощи нуждающимся членамъ этихъ семействъ. Сумма эта препровождена министромъ императорскаго двора въ распоряженіе петербургскаго генералъ-губернатора для распределенія между пострадавшими на основаніи подробныхъ данныхъ, выясненіе коихъ возлагается на особую комиссію въ составѣ, образуемомъ по усмотрѣнію генералъ-губернатора. Надо надѣяться, что послѣ этого оказаніе помощи пострадавшимъ рабочимъ не будетъ считаться преступнымъ, какъ тому бывали примѣры. Сама петербургская полиція иногда благосклонно бесѣдуетъ съ рабочими. Такъ, *Наши Дни* сообщаютъ, что одинъ изъ петербургскихъ полицеймейстеровъ, заинтересовавшись положеніемъ рабочихъ металлическаго производства въ Петербургѣ, познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ и подробно бесѣдовалъ объ ихъ нуждахъ. Рабочіе, встрѣтивъ со стороны полицеймейстера привѣтливое и сочувственное отношеніе, просили между прочимъ посоветовать имъ, гдѣ они могутъ похлопотать объ освобожденіи своихъ арестованныхъ товарищей. Въ заключеніе бесѣды полицеймейстеръ предлагалъ рабочимъ изложить письменно свои главныя нужды. Рабочіе обѣщали исполнить это и затѣмъ, посоветовавшись съ товарищами, вручили полицеймейстеру записку слѣдующаго содержанія: «Сейчасъ, положи руку на сердце, мы, какъ рабочіе металлическаго производства, можемъ заявить вамъ только объ ужасномъ состояніи рабочаго, о той пропасти, къ которой ведетъ его теперешнее положеніе вещей. Только это мы и можемъ заявить вамъ. Выяснить же детально положеніе рабочихъ можетъ, по нашему мнѣнію, только выборная комиссія изъ представителей отъ самихъ рабочихъ. Такъ какъ одни мы, очевидно, не можемъ работать на всѣхъ русскихъ металлическихъ заводахъ, то мы не можемъ считать себя въ правѣ говорить о нуждахъ рабочихъ металлическаго производства вообще. Поэтому мы не можемъ

взять на себя рѣшенія такого большого вопроса. Собственный опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, а также и то, что мы родились и выросли въ рабочей средѣ, убѣдилъ насъ въ томъ, что безъ всеобщаго участія въ рѣшеніи вопроса выборныхъ представителей рабочихъ мы вамъ на него отвѣтить не можемъ. Мы считаемъ нашимъ долгомъ сказать еще, что этотъ вопросъ захватываетъ не только положеніе рабочихъ петербургской металлической промышленности или всей русской металлической промышленности, но даже и всего русскаго рабочаго народа». Въ Лодзи, гдѣ въ 20-хъ числахъ января организовалась грандіозная забастовка съ участіемъ свыше ста тысячъ рабочихъ, предъявляющихъ требованія о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, объ установленіи минимума платы въ 1 р. 60 к., охранѣ женскаго и дѣтскаго труда и т. п., опубликовано объявленіе петровскаго губернатора, въ которомъ между прочимъ говорится объ общности интересовъ фабрикантовъ и рабочихъ. «Не слушайтесь подговорщиковъ, преслѣдующихъ постороннія цѣли, подбивающихъ васъ на забастовки и на невѣроятно преувеличенныя требованія, которыя ни одинъ фабрикантъ исполнить не можетъ безъ полнаго разоренія для себя, а разореніе фабриканта есть гибель многихъ сотенъ и даже тысячъ рабочихъ. Поймите, что интересы ваши тѣсно связаны съ интересами фабрикантовъ и заводчиковъ. Если вы станете на работы при обычныхъ условіяхъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ правительство и сами фабриканты пойдутъ навстрѣчу вопросамъ о возможномъ улучшеніи вашего быта и облегченіи вашего положенія. Силою вы ничего не сдѣлаете; всякое насиліе будетъ подавлено силою оружія». Не всегда администрація довольствовалась такими увѣщеніями. Иногда она принимала мѣры, которыя нельзя не назвать странными. Такъ, въ Москвѣ, когда тамъ начались забастовки и ожидалась уличныя беспорядки, полиція распорядилась расклеить по городу телеграмму какого-то неизвѣстнаго латинскаго агентства о томъ, что петербургская рабочая демонстрація произведена была лицами, подкупленными Англіей и Японіей. Въ телеграммѣ указывалась даже и сумма, употребленная на подкупъ. Несмотря на всю нелѣпость этого извѣстія и на заявленный, какъ говорятъ, протестъ по этому поводу англійскаго посланника, это объявленіе нѣсколько дней провисѣло на московскихъ стѣнахъ и столбахъ*).

Что касается до заявленій, въ которыхъ высказывались политическія требованія, то ихъ за последнее время было очень много, но мы не имѣемъ возможности не только изложить ихъ, но даже и резюмировать сколько-нибудь полно и правильно, такъ какъ именно наиболѣе характерныя изъ нихъ, какъ, наприм., адресъ харьковскаго земскаго собранія, не нашли себѣ мѣста въ нашей періодической печати. Поэтому мы упоминаемъ лишь о нѣкоторыхъ изъ бывшихъ за это время дворянскихъ и земскихъ собранійхъ. Вообще дѣятельность земскихъ собраній этой сессіи, какъ справедливо

*) Авторомъ этого сообщенія оказался прискорбно извѣстный г. Черашъ-Слидовичъ.

замѣчаетъ *Наша Жизнь*, оказалась совершенно выбитой изъ колен. Причиной этому было то общее потрясеніе нашей государственной жизни, которое не могло не отразиться и на земскихъ дѣятеляхъ. Мѣстные дѣла поневолѣ отступили на второй планъ, особенно послѣ петербургскихъ событій. Нѣкоторыя собранія закрылись, не закончивши своихъ очередныхъ дѣлъ и не утвердивши смѣты. Въ другихъ многіе изъ ихъ членовъ вовсе отказались отъ званія гласныхъ. Во всѣхъ собраніяхъ самое живое участіе принимала публика, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже активно выступавшая со своими заявленіями. Такъ, въ уфимское собраніе явилась депутація желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и вручила предсѣдателю петицію, которую онъ, впрочемъ, отказался принять. Послѣ этого губернаторъ потребовалъ, чтобы засѣданія собранія продолжались не иначе какъ при закрытыхъ дверяхъ. Въ новгородскомъ собраніи, открытомъ 10 января, гласные заявили, что не могутъ приступить къ своимъ занятіямъ, прежде чѣмъ не будутъ получены точныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ, и такъ такъ предсѣдатель собранія отказался принять мѣры къ удовлетворенію требованія гласныхъ, находя, что предложеніе это выходитъ изъ предѣловъ вѣдѣнія земства, то земское собраніе было прервано на нѣкоторое время. Въ воронежскомъ собраніи произошелъ такой инцидентъ: при открытіи засѣданія предсѣдатель губернской управы А. Н. Урсулъ предложилъ, въ виду важности переживаемаго момента, обратиться съ вѣрнопоподанинскимъ адресомъ къ Государю Императору. Выработанный особой комиссіей проектъ адреса былъ принятъ большинствомъ пятидесяти голосовъ противъ четырехъ. Вслѣдъ за этимъ засѣданіе было закрыто. Но въ публикѣ, наполнявшей въ большомъ количествѣ залу, сначала раздались рукоплесканія, какъ сочувствіе принятой редакціи, а затѣмъ возгласы, слышны были свистки и крики, направленные противъ гл. Безрукова, высказавшагося противъ адреса и его главныхъ положеній. Явилась полиція, зданіе дворянскаго собранія было оцеплено и нѣсколько чиновъ полиціи, руководимыхъ приставомъ дворянской части, бросились на нѣкоторыхъ изъ публики и арестовали. Публика возмущалась и требовала, чтобы всѣ арестованные были отпущены. Послѣ переговоровъ съ полиціей арестованные были отпущены. Когда публика получила заявленіе объ этомъ, она мирно разошлась. На другой день засѣданія земскаго собранія были, по распоряженію губернатора, объявлены закрытыми для публики. Когда земскіе служащіе узнали о такомъ приказѣ, то заявили, что они всѣ отказываются посѣщать собраніе для дачи необходимыхъ справокъ, причемъ распоряженіемъ управы, какъ выяснилось послѣ, въ залу засѣданія могли быть допущены 12 человекъ служащихъ. Открытое въ этотъ день засѣданіе собранія не было продолжительнымъ. Предсѣдатель управы заявилъ, что засѣданіе должно происходить при исключительныхъ условіяхъ: по распоряженію начальника губерніи входъ публикѣ воспрещенъ. Между тѣмъ публика собралась на улицѣ, но ей не пускаютъ въ залу. Такое положеніе непремѣнно должно отразиться на нервномъ настроеніи гласныхъ, и онъ полагаетъ отложить засѣданіе до болѣе удобнаго

дня, тѣмъ болѣе, что въ собраніе не явился никто изъ служащихъ. Дальнѣйшіе переговоры съ губернаторомъ и со служащими не привели ни къ чему, и собраніе было отложено до 1 марта. Въ Симферополѣ къ общему первому напряженію гласныхъ и публики по поводу общихъ вопросовъ присоединилось еще волненіе по поводу частнаго случая: отставка наканунѣ собранія по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ членовъ управы кн. Оболенскаго и Мурзаева. Появившійся въ залѣ собранія князь Оболенскій былъ встрѣченъ аплодисментами многочисленной публики. Редакція вѣрноподданническаго адреса была принята единогласно. Такъ какъ онъ былъ напечатанъ въ *Крымскомъ Вѣстникѣ* и перепечатанъ въ другихъ газетахъ, то и мы приведемъ его здѣсь, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ собою нѣчто среднее между болѣе крайними редакціями адресовъ другихъ собраній. Безпрепятственное его появленіе на страницахъ газетъ въ то же время какъ бы даетъ мѣрку того, что въ выраженіи взглядовъ общества на волнующіе его въ настоящее время общегосударственные вопросы считается допустимымъ. Вотъ текстъ адреса, какъ онъ изложенъ въ *Крымскомъ Вѣстникѣ*: «Ваше Императорское Величество! Таврическое губернское земское собраніе всеподданнѣйше привѣтствуетъ Васъ, Государь, и Государыню Императрицу съ рожденіемъ Сына, Наслѣдника русскаго Престола. Въ трудную годину народнаго бѣдствія появился Онъ на свѣтъ, въ годину войны, жестокой и кровопролитной, въ годину тяжелой внутренней смуты. Да будетъ миръ, миръ внутри Россіи и на ея границѣ—вотъ лучшее пожеланіе, которое всѣ русскіе подданные могутъ сдѣлать у колыбели Царственного Сына Вашего. Указъ Вашего Величества, данный въ 12-й день, окрыляя русскій народъ надеждой на близость желаемаго внутренняго мира, всегда и всюду покоящагося на охраненіи полной силы закона, на равноправности всѣхъ гражданъ, на свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій, свободѣ слова и печати, союзовъ и собраній. Мы искренно вѣримъ, что въ единеніи государственной власти съ народомъ лежитъ залогъ могучаго роста просвѣщенныхъ и производительныхъ силъ нашей родины и что, призвавъ представителей народа къ законодательству, къ составленію государственной росписи, Вы создадите изъ Россіи мощную державу, несокрушимую извнѣ и процвѣтающую внутри, при свѣтѣ права и правды». Въ этомъ же отношеніи представляетъ значительный интересъ адресъ екатеринославскаго земскаго собранія, посланный черезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ немъ собраніе, ссылаясь на присягу, обязывающую его говорить правду, проситъ министра доложить Государю Императору ходатайство собранія о томъ, чтобы Высочайше повелѣно было разрушить вѣковую преграду, отдѣляющую русскій народъ отъ своего Вѣщеноснаго Вождя и въ укрѣпленіи незыблемости всѣхъ провозглашенныхъ Высочайшимъ указомъ свѣтлыхъ началъ призвать свободно избранныхъ представителей земли для постоянного участія ихъ въ разработкѣ законоположеній, долженствующихъ утвердить эти великія начала, и въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще законовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Екатерино-

славское губернское земское собраніе позволяеть себѣ выразить убѣжденіе, что во всѣ времена тяжелыхъ испытаній на святой Руси довѣріе русскаго Царя къ созываемымъ Имъ земскимъ соборамъ служило не къ ослабленію основъ Верховной Власти, а къ вицшему укрѣпленію русскаго Престола, вызывая въ призванныхъ представителяхъ русской земли могучій приливъ гражданской доблести и лучшихъ духовныхъ силъ. Только при этихъ условіяхъ прекратятся всѣ вицшія и внутреннія неурядица Россіи передъ грознымъ и несокрушимымъ единеніемъ Верховной Власти и народа».

Вообще высказанная въ этомъ адресѣ идея земскаго собора, ранѣе бывшая совершенно запретною, въ послѣднее время, если не получаетъ права гражданства, то, по крайней мѣрѣ, право быть терпимой. О ней разсуждаютъ въ *Словѣ* даже такіе представители печати, какъ гг. Розановъ и Сыромятниковъ. Мы не думаемъ, чтобы эта славянофильская утопія могла имѣть въ настоящее время серьезное значеніе, но мы указываемъ на ея появленіе, какъ на симптомъ общаго броженія русской мысли въ области вопросовъ государственнаго устройства. Въ саратовскомъ губернскомъ собраніи 10 января былъ предложенъ на обсужденіе проектъ постановленія объ общихъ условіяхъ дѣятельности земства. Предсѣдательствовавшій по болѣзни губернскаго предводителя князь А. А. Ухтомскій заявилъ: «Сегодня я получилъ категорическое указаніе о незаконности обсужденія общихъ вопросовъ; въ виду этого я долженъ считать такое обсужденіе незаконнымъ; но, считая важнымъ переживаемый нами моментъ, я предоставляю самому губернскому собранію разрѣшить, ставить ли вопросъ на обсужденіе, и подчинюсь его рѣшенію». Н. Н. Львовъ находитъ невозможнымъ участвовать въ собраніи при такихъ условіяхъ, когда обсужденіе вопросовъ связано съ самопожертвованіемъ предсѣдателя... С. Е. Усачевъ также не считаетъ возможнымъ приносить въ жертву честь князя А. А. Ухтомскаго. Прочіе гласные присоединяются къ этимъ заявленіямъ. Секретарь собранія А. М. Масловниковъ слагаетъ съ себя полномочія. Собраніе дѣлаетъ слѣдующія постановленія: прервать засѣданія, приложить постановленія коммисіи къ протоколу засѣданія; послать копію съ этихъ постановленій министру внутреннихъ дѣлъ съ объясненіемъ причинъ перерыва собранія. Гласные одинъ за другимъ удаляются изъ залы... Послѣдними выходятъ представители вѣдомствъ. Собраніе прервано на неопредѣленное время. О томъ, что послѣ закрытія собранія происходило въ Саратовѣ, въ настоящее время едва ли возможно сообщить точныя и правдивыя свѣдѣнія; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что саратовское общество пережило нѣсколько весьма тревожныхъ дней.

По поводу общегосударственныхъ вопросовъ высказывались и бывшія этимъ временемъ дворянскія собранія. Такъ, костромское собраніе въ принятomъ имъ 11 января адресѣ, принося всеподданнѣйшую благодарность за повелѣнія, изложенныя въ указѣ 12 декабря, проситъ дозволенія сказать «идущее изъ глубины души правдивое слово» и, останавливаясь на способѣ проведенія въ жизнь Высочайшихъ предначертаній, говорить: «Вен-

ценосные предшественники Вашего Величества уже неоднократно начертали въ законахъ всѣ указанныя права и съ любовью шли навстрѣчу нарождавшимся жизненнымъ потребностямъ, но имъ—монархамъ—постоянно оказывала противодействіе бюрократія, образовавшая непреступную стѣну между Царемъ и народомъ, свободно избравшимъ 290 лѣтъ тому назадъ великаго родоначальника Вашего Величества. Въ законѣ ясно и теперь начертано, что всѣ равны передъ нимъ, что всякое лицо отвѣтствуетъ за его нарушеніе, что всѣ русскіе подданные и ихъ вѣроисповѣданія одинаково уважаются, и однако же именно лица, облеченныя особымъ довѣріемъ,—стража закона,—несмотря на царскіе запреты, дѣйствіями своими указываютъ, что они выше закона. Въ виду этого въ цѣляхъ государственнаго спокойствія и удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ нашего мѣстнаго дворянства, которыя въ то же время являются и общенародными, считаемъ долгомъ высказать Вамъ, Государь, глубокую увѣренность въ томъ, что лишь непосредственное общеніе Самодержавнаго Государя со свободно избранными представителями населенія можетъ успокоить умы, придать непоколебимость проведенію въ жизнь законовъ и обезпечить неуклонное исполненіе предначертанныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ уважѣ 12 декабря преобразований».

Въ такомъ же характерѣ составленъ и адресъ бессарабскаго дворянства. Текстъ его слѣдующій: «Ваше императорское величество, Великій Государь! Бессарабское дворянство, собравшись въ тяжелую годину испытаній, постигшихъ Россію, для обсужденія своихъ нуждъ, чувствуютъ неотразимую потребность оказать своему Внѣчанному Царю и первому русскому дворянину то слово правды, котораго Вы требуете отъ Вашего вѣроподданнаго дворянства. «Внѣшнія затрудненія и внутреннія, охватившія всю страну, велики и тягостны для всякаго, кому дороги слава и величіе Царскаго Престола и Россіи. Государь! Призовите свободно избранныхъ представителей дворянства и всей земли русской сказать свое правдивое слово. «Обновленная на началахъ правды и незыблемой законности Россія, при непосредственномъ общеніи съ самодержавной верховной властью, станетъ сильна и счастлива и будетъ благословлять имя Вѣнценосца, даровавшаго Россіи миръ и внутреннее спокойствіе».

Кромѣ дворянскихъ и земскихъ собраній, государственныя нужды Россіи продолжали обсуждаться и на разныхъ частныхъ и профессиональных собраніяхъ и сѣздахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, наприм., бывшій въ Москвѣ сѣздъ дѣятелей по техническому образованію, были закрыты по распоряженію администраціи или полиціи. Точно такъ же былъ закрытъ по распоряженію своего предсѣдателя И. Я. Фойницкаго при содѣйствіи полиціи 5-й сѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ, ранѣе постановившій слѣдующія резолюціи:

«Рѣшая вопросъ о юридической помощи населенію, сѣздъ находитъ, что при условіи безправія и произвола, являющихся основными устоями современнаго русскаго строя, ни о какой юридической помощи не можетъ

быть рѣчи, и полагаетъ, что устраненіе бѣдственнаго положенія, въ которомъ находится страна, и установленіе нормальной политической и юридической жизни возможны лишь тогда, когда въ Россіи будетъ введено представительное правленіе и будутъ созданы твердыя гарантіи свободы личности, мысли, слова, печати, вѣроисповѣданія, собраній и союзовъ, а также равенство всѣхъ частей населенія передъ закономъ.

Реформы эти не могутъ быть осуществлены бюрократіей, неспособной къ творческому обновленію русской жизни, но лишь представителями народа, свободно избранными на началахъ всеобщей, тайной, прямой и равной подачи голосовъ.

Смертная казнь, сохранившаяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ только за нѣкоторые изъ, такъ называемыхъ, политическихъ преступленій, а на практикѣ широко примѣняемая и во многихъ другихъ случаяхъ, должна быть безусловно исключена изъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, такъ какъ нѣтъ такихъ интересовъ или соображеній государственнаго характера, которые могли бы оправдать ея примѣненіе.

Изъ всѣхъ злоупотребленій судейскимъ усмотрѣніемъ наиболѣе тяжкимъ является то, которое имѣетъ цѣлю воспрепятствовать выясненію истины на судѣ, и для этого прибѣгаетъ, какъ къ средству, къ насилію надъ неотъемлемыми правами сторонъ въ процессѣ. Такія злоупотребленія, нерѣдко повторяющіяся въ послѣднее время въ процессахъ общественнаго и политическаго характера, должны вызвать искреннее негодованіе во всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы правосудія.

Не только одни прогрессивные элементы русскаго общества высказывали свои взгляды на политическое положеніе Россіи. Элементы противоположнаго характера тоже не оставались безмолвными, напротивъ, они вели съ первыми упорную борьбу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ одерживали побѣду. Такъ было въ московскомъ дворянскомъ собраніи, гдѣ адресъ, предложенный консервативной партіей, съ О. Д. Самаринимъ во главѣ, былъ принятъ большинствомъ 213 голосовъ противъ 153. Въ курскомъ земскомъ собраніи большинствомъ 38 голосовъ противъ 23 былъ также принятъ адресъ, предложенный консервативной фракціей собранія. По инициативѣ гл. А. Н. Рутцена, меньшинство отказалось отъ подписи адреса, принятаго большинствомъ. Заявленіе это было встрѣчено рукоплесканіями многочисленной публики, которой предсѣдатель предложилъ оставить залу засѣданія, но такъ какъ значительная часть публики не ушла, то засѣданіе было прервано до слѣдующаго дня. Въ симбирскомъ земскомъ собраніи предсѣдатель его В. Н. Поливановъ, высказавъ, что «въ нашемъ земствѣ не должно быть мѣста новшествамъ», предложилъ соответствующій проектъ всеподданнѣйшаго адреса. Многіе гласные возражали въ томъ смыслѣ, что современное состояніе страны требуетъ, чтобы земство откровенно выразило то, что оно думаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, когда жизнь отклонилась отъ нормальнаго хода, а именно, теперь необходимо создать прочныя гарантіи для улучшенія внутренней жизни, и предлагало для выработки адреса

избрать комиссію. Но предсѣдатель поставилъ на баллотировку принятіе предложеннаго имъ адреса, который безъ обсужденія былъ принятъ большинствомъ 22 противъ 18. Шесть гласныхъ заявили, что при такомъ стѣсненіи слова они не находятъ возможнымъ участвовать въ собраніи, и вышли, сопровождаемые рукоплесканіями публики. На другой день двѣнадцатью гласными было представлено особое мнѣніе, но предсѣдатель отказался доложить его собранію. Содержаніе принятаго симбирскимъ земскимъ собраніемъ слѣдующее: «Великій Государь! Симбирское губернское земское собраніе, впервые собираясь послѣ радостнаго событія рожденія Наслѣдника Россійскаго Престола, приносить Тебѣ и Государынѣ Императрицѣ горячее вѣрноподданническое свое поздравленіе. Да благословить Господь Цесаревича Алексѣя на радость Августѣйшихъ Родителей Его, на счастье и благо Русской Державы. Въ годину тяжелыхъ испытаній, ниспосланныхъ промысломъ Божиимъ дорогой нашей родинѣ, вѣрноподданное Твое симбирское земство живетъ одною только мыслью неразрывнаго единенія съ своимъ Самодержавнымъ Царемъ, памятуя, что въ этомъ единеніи православная Русь искони черпаетъ ту необходимую мощь, которая заставитъ смириться ея внутренняго и вѣшняго врага. Величіе Россіи, созданное ея сынами подъ мудрымъ руководствомъ Самодержавныхъ Вождей ея, составляетъ ея несокрушимую силу, и преступное уклоненіе отъ основныхъ началъ русской государственной жизни, навѣянными намъ чуждыми вождѣльниками, страшитъ насъ за ея будущее. Симбирское земство, какъ встарь, такъ и теперь, повинуется одному только Твоему Царскому слову и твердо вѣрить, что въ единеніи съ Тобою, Государь, на началахъ, завѣщанныхъ намъ исторіею, путемъ мирнаго развитія достигнуто будетъ преуспѣяніе общаго народнаго блага. Земскіе люди Симбирской губерніи благодарятъ Тебя, Самодержавный Государь, за тѣ великія начала, которыя Тебѣ благоугодно было возвѣстить во Всемилостивѣйшемъ Твоемъ указѣ правительствующему сенату отъ 12 декабря 1904 г. Мы твердо вѣримъ, что правильное и неуклонное проведеніе этихъ началъ въ жизнь государства обезпечитъ благосостояніе вѣреннаго Богомъ Твоему отеческому попеченію русскаго народа». На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ симбирскаго адреса Государь Императоръ собственноручно соизволилъ начертать: «Искренно благодаримъ за выраженные чувства».

Наканунѣ новаго года Государю Императору представлялось правленіе русскаго собранія и преподнесло всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ выражало желаніе духовно противоѣствовать голосамъ, дерзновенно требующимъ отказа отъ русскихъ родныхъ святынь. Сознаніе, что мощь родины зиждется на нераздѣльности православія, самодержавія и народности, вызоветъ увѣренность, что русскій государственный строй огражденъ отъ посползновенія лицъ, возмнявшихъ себя призванными переустроить государственный укладъ. Государь Императоръ по выслушаніи адреса сказалъ: «Благодарю отъ души за честныя и истинно русскія мысли. Въ томъ, что

вы прочитали, ничего ни добавять, ни убавить нельзя. Дай Богъ счастья всему русскому собранію на благо русское. Передайте это собранію. Желаю ему дальнѣйшаго развитія».

Были вѣрноподданническіе адреса и отъ группъ частныхъ лицъ, наприм., отъ 420 обывателей Харькова. Въ *Церковномъ Вѣстникѣ* напечатана присланная на имя оберъ-прокурора святѣйшаго синода отъ дворянина Михаила Новикова, студента Владиміра Воловика, студента Михаила Трифановскаго, студента Михаила Гордіевскаго, дворянки Елены Поповой, окончившей гимназію Софіи Воловикъ, студента Виталія Догбина, студента Теодора Цѣшинскаго и дворянина Леонида Полова телеграмма, отъ 16 декабря минувшаго года, слѣдующаго содержания:

«Покорнѣйше просимъ ваше высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества нижеслѣдующую всеподданнѣйшую телеграмму: Великій Всемиловитѣйшій Государь Самодержецъ! Возмущенные дерзкимъ заявленіемъ предсѣдателя черниговскаго губернскаго земскаго собранія, мы, русскіе патріоты, считаемъ своимъ долгомъ выразить Вашему Императорскому Величеству чувства вѣрноподданнической преданности; глубоко убѣжденные въ незыблемости Самодержавія, мы готовы посвятить всѣ свои силы на служеніе Самодержцу и грудью постоять за Русь».

На представленной д. т. с. К. Побѣдоносцевымъ копіи съ телеграммы Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 30-й день декабря минувшаго года, собственноручно начертать: «Искренно всѣхъ благодарю».

Мы привели всѣ эти общественныя и частныя заявленія какъ доказательство высказаннаго нами выше взгляда, что въ русской жизни въ настоящее время происходитъ несомнѣнная борьба, проникающая въ самую глубь общества. Борьба эта ведетъ, конечно, къ отсутствію спокойствія, необходимаго для правильной общественной работы. Мы это видѣли на примѣрѣ земскихъ собраній, но еще больше это отсутствіе спокойствія чувствуется, наприм., въ сферѣ народнаго образованія; почти всѣ высшія учебныя заведенія или формально закрыты или фактически бездѣйствуютъ. Само по себѣ это, конечно, явленіе нежелательное, но оно является лишь однимъ изъ частныхъ симптомовъ общаго нарушенія равновѣсія и не можетъ быть исправлено иначе, какъ если возстановлено будетъ это общее равновѣсіе. А какъ его возстановить? На это имѣется два отвѣта: одинъ говоритъ, что это возможно сдѣлать лишь путемъ привлеченія къ дѣлу государственнаго устроительства свѣжихъ народныхъ силъ и предоставленіемъ народу личной и общественной свободы, другой—предполагаетъ возможнымъ достигъ этого путемъ бюрократическихъ реформъ и репрессій. Время покажетъ и, вѣроятно, въ очень недалекомъ будущемъ, на чьей сторонѣ правда. Но, оставаясь даже на почвѣ логическаго разсужденія, нельзя не видѣть, что второй путь, соединяющій стремленіе къ реформамъ, имѣющимъ въ виду освобожденіе общества отъ разныхъ стѣсненій, съ репрессивными дѣйствіями по отношенію къ освободительнымъ стремленіямъ идущимъ отъ самого общества—носить въ самомъ себѣ внутреннее противо-

рѣше. Поэтому мы не надѣмся, чтобы предпринятые въ настоящее время законодательныя работы, производимыя исключительно бюрократическимъ путемъ, могли привести не только къ серьезному улучшенію нашего государственно-общественнаго положенія, но даже и къ временному успокоенію общества. Въ частности онѣ едва ли достигнутъ и тѣхъ двухъ частныхъ цѣлей, о которыхъ мы говорили выше: упроченія законности и отиѣны исключительныхъ законовъ. Намъ слѣдовало бы сказать еще по поводу другихъ пунктовъ указа 12 декабря, разрабатываемыхъ въ настоящее время различными специальными коммиссіями, а также по поводу многочисленныхъ личныхъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи; но наше обзорѣніе на этотъ разъ настолько разрослось, что, несмотря на богатство незатронутаго нами матеріала, мы принуждены отложить обзоръ его до слѣдующей книжки.

В. Л.

II.

Разстройство учебной жизни.—Записка московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Послѣднія событія, глубоко заволновавшія всю Россію, внесли совершенное разстройство и въ учебную жизнь. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Казани, Юрьевѣ въ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній занятія послѣ рождественскихъ каникулъ не возобновлялись и по слухамъ не предвидится ихъ возобновленія и въ ближайшемъ будущемъ. Молодежь повсюду отказывается приступать къ занятіямъ, съ молодежью въ большинствѣ случаевъ вполне солидарны профессора и университетское начальство, которые находятъ, что при ненормальныхъ условіяхъ, въ какихъ теперь находится страна, правильное веденіе учебнаго дѣла невозможно. Эта солидарность между учащими и учащимися составляетъ одну изъ свѣтлыхъ сторонъ переживаемаго момента. Лишь недавно мы были свидѣтелями индифферентнаго отношенія профессоровъ и къ массовымъ увольненіямъ студентовъ, и къ отдачѣ ихъ въ военную службу за безпорядки, и ко всякимъ другимъ репрессіямъ, какими администрація надѣялась подавить студенческое движеніе; лишь недавно читали мы слова укоризны, съ какими молодежь обращалась къ своимъ профессорамъ и начальникамъ за такое ихъ отношеніе. Теперь картина мѣняется. Волна общественнаго движенія, все выше и выше растущая, захватила и академическіе круги, и прежняя рознь между учащими и учащимися начинаетъ замѣняться солидарностью и сознаніемъ общности интересовъ. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ инициатива отсрочки на неопредѣленное время начала учебныхъ занятій принадлежитъ именно учебному начальству. Весьма интересно въ этомъ отношеніи появившееся въ газетахъ сообщеніе о бесѣдѣ петербургскаго генералъ-губернатора ген. Трепова съ начальниками высшихъ учебныхъ заведеній столицы. Генералъ Треповъ предложилъ имъ возобновить занятія 15 февраля, причемъ добавилъ, что если студенты назначать сходку и на ней меньшинство постановитъ не начинать заня-

тій, то это меньшинство должно быть немедленно уволено, если же такъ постановитъ большинство, то будутъ уволены всѣ студенты, и учащіеся составъ будетъ вновь комплектоваться по выбору. Категорическое требованіе генералъ-губернатора не было, однако, принято собравшимися начальниками учебныхъ заведеній.

Князь Гагаринъ, директоръ петербургскаго политехникума, замѣтилъ, что во ввѣренномъ ему заведеніи существуетъ полная солидарность между профессорами и студентами, и поэтому возобновиться занятія могутъ въ любой моментъ, но, что возобновленіе занятій при нынѣшнихъ условіяхъ, если и можетъ имѣть мѣсто, то только на время. Такимъ образомъ это былъ бы палліативъ; событія послѣдняго времени еще болѣе обострили вопросъ. Князь Гагаринъ находить, что возобновленіе и правильное теченіе занятій возможно только тогда, когда неприкосновенность студентовъ и профессоровъ будетъ вполне гарантирована, когда учащіе и учащіяся будутъ гарантированы отъ вторженія полицейскаго элемента во внутреннюю жизнь учебныхъ заведеній и когда имъ будетъ предоставлена автономія. Въ этомъ же духѣ высказался директоръ электротехническаго института Качаловъ, который указалъ на полную невозможность правильного продолженія занятій при тѣхъ репрессіяхъ, которыя за послѣднее время приобрѣли хроническій характеръ; эти репрессіи, не принося никакой пользы, вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе волнуютъ молодежь и ведутъ все къ большому обостренію вопроса. Ректоръ петербургскаго университета Ждановъ заявлялъ, что объединить университетъ въ одно общее нравственно цѣлое нѣтъ возможности и что возобновленіе занятій возможно только тогда, когда послѣдуетъ официальное распоряженіе объ открытіи учебныхъ заведеній. Г. Жданова поддержалъ директоръ высшихъ женскихъ курсовъ Раевъ.

Возбужденное состояніе общества отражается не только на университетахъ, но даже на среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, весьма печальныя событія разыгрались въ саратовскихъ гимназіяхъ. 15 января здѣсь прекратили занятія ученики старшихъ классовъ 1-й классической и 1-й реальной гимназій и въ сопровожденіи публики отправились къ женскимъ гимназіямъ, чтобы переговорить тамъ о прекращеніи занятій. По дорогѣ ихъ встрѣтили казаки подъ начальствомъ помощника пристава Логинова и по командѣ его «бей ихъ» бросились на дѣтей. Очевидцы передаютъ, что ученики шли спокойно и не дали никакого повода къ дикой расправѣ. Никакихъ предупрежденій и предложеній разойтись не было. Дѣтей, бросившихся въ страхѣ бѣжать, мая на тротуарахъ лошадьми, били уже упавшихъ нагайками, гнали бѣгущихъ по улицамъ. Многіе падали въ полубоморочномъ состояніи на землю. Въ тотъ же день происходили совѣщанія земцевъ, думцевъ и родителей, затѣмъ совѣщанія родителей съ администраціей учебныхъ заведеній. Совѣщаніе отправило депутацію къ губернатору съ просьбой обезпечить дѣтямъ безопасность на улицахъ. Кроме того, оно рѣшило требовать закрытія всѣхъ средне-учебныхъ заведеній впредъ до

успокоенія общественнаго движенія. Въ думу внесено было покрытое 500 подписей заявленіе, въ которомъ указывалось, что причины волненія дѣтей кроются внѣ условій жизни мѣстныхъ учебныхъ заведеній, что волненія эти явились результатомъ общихъ причинъ, коренящихся въ условіяхъ русской общественной жизни. Въ виду этого родители просятъ думу возбудить ходатайство предъ министромъ народнаго просвѣщенія, чтобы къ ученикамъ не были примѣнены суровыя мѣры.

Конечно, суровыя полицейскія мѣры въ данномъ случаѣ не только были бы нецѣлесообразны, но и глубоко несправедливы. Можно ли ставить въ вину молодежи, что она волнуется, когда событія, происходящія въ странѣ, до такой степени потрясли всѣ классы общества, что не только организованныя группы и учрежденія, но и неорганизованные мирные и умѣренные элементы его, въ которыхъ всегда привыкли видѣть оплотъ и опору «порядка», считаютъ долгомъ объединиться и поднять свой голосъ для протеста противъ господствующаго бюрократическаго режима и для заявленія твердаго убѣжденія въ необходимости новаго правопорядка. Очень интересны въ этомъ отношеніи заявленія, сдѣланныя по поводу извѣстныхъ событій, происходившихъ въ Петербургѣ. 25 января депутація инженеровъ представила предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Витте записку, подписанную 198 товарищами ихъ, въ которой указываютъ на то, что послѣднія событія, потрясшія всю промышленность, создали невыносимое положеніе для инженеровъ и техникувъ, работающихъ въ разныхъ областяхъ промышленности.

Высказавъ свой взглядъ на причины рабочаго движенія, являющагося результатомъ главнымъ образомъ общаго неустройства русской жизни, инженеры объясняютъ необходимость предъявленія рабочими требованій политическаго характера. Охарактеризовавъ условія возникновенія и развитія движенія, шедшаго на глазахъ у администраціи и въ обстановкѣ, ею самой созданной, записка останавливается на выясненіи обстоятельствъ 9 и 10 января. Настаивая на необходимости самаго серьезнаго вниманія къ рабочему вопросу, инженеры утверждаютъ, что мѣропріятія послѣдняго времени, принятіе исключительныхъ мѣръ, изъятіе изъ гласнаго обсужденія причинъ и условій послѣднихъ событій и желаніе администраціи вновь приняться за руководство рабочими организаціями могутъ привести промышленность къ еще большимъ потрясеніямъ. Единственный выходъ изъ тягостнаго положенія инженеры видятъ въ переустройствѣ русской жизни.

Какъ выяснилось чрезъ два дня на собраніи общества инженеровъ, С. Ю. Витте обѣщалъ представить записку на обсужденіе комитета министровъ, но при этомъ просилъ измѣнить первоначальную редакцію, причемъ вовсе былъ выброшенъ конецъ слѣдующаго содержанія: «единственной гарантіей котораго служить постоянное участіе народа въ осуществленіи законодательной власти и въ контролѣ надъ администраціей. Только созывъ свободно избранныхъ представителей страны можетъ сообщать госу-

дарственной жизни устойчивость, безъ которой немислимо мирное развитіе отечественной промышленности». Собраніе инженеровъ постановило: признать, что вычеркнутый конецъ представляется весьма существеннымъ и необходимымъ и довести объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдателя комитета министровъ.

Весьма интересна записка, составленная московскими фабрикантами и заводчиками. Записка эта, принятая цѣлымъ рядомъ фабрикантовъ и заводчиковъ, въ томъ числѣ представителями крупнѣйшихъ предприятий, прочтана была также въ многолюдномъ собраніи петербургскихъ фабрикантовъ, и встрѣчена ими очень сочувственно. По основательности мотивировки и блестящему литературному изложенію записка московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ представляетъ собою самый замѣчательный изъ всѣхъ документовъ этого рода, какіе только появлялись за послѣднее время.

Въ своей запискѣ московскіе фабриканты исходятъ изъ безспорно правдѣльнаго положенія, что состояніе промышленности находится въ тѣснѣйшей связи съ устойчивостью правовой организаціи страны, съ обезпеченіемъ свободы личности, ея инициативы, свободы науки и научной истины, просвѣщеніемъ народа, изъ котораго она вербуетъ рабочія руки, тѣмъ менѣе продуктивныя, чѣмъ онѣ невѣжественныѣ. Между тѣмъ со времени освободительной эпохи Александра II русская народная масса почти не подвинулась впередъ въ культурномъ отношеніи, но зато въ ней выросъ глухой протестъ противъ всего, что ее гнететъ и давитъ, что оскорбляетъ ея достоинство и честь созданіемъ для нея особыхъ судовъ и администраціи и что не даетъ ей никакихъ законныхъ способовъ требовать и достигать лучшихъ условій своего быта. Накопившееся въ рабочей массѣ недовольство тяжелыми ударами отзывается на русской промышленности, между тѣмъ какъ при прочномъ правовомъ порядкѣ, при равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, при гарантіяхъ неприкосновенности личности, при свободѣ коалицій и союзовъ, экономическая борьба могла бы вылиться въ спокойныя и законныя формы, какъ это наблюдается въ западной Европѣ и Америкѣ, гдѣ отъ этого промышленность не только не пострадала, но, наоборотъ, достигла такого расцвѣта, какого еще не наблюдается въ Россіи.

Поэтому авторы записки думаютъ, что и имъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, своевременно было бы, подобно тому, какъ это сдѣлали и другіе представители существующихъ организацій, поднять свой голосъ и заявить, что русская промышленность тяжело страдаетъ отъ недостатковъ современнаго государственнаго строя, въ которомъ народъ лишень всякой возможности открыто высказываться, докладывать о своихъ потребностяхъ, обсуждать назрѣвшіе вопросы. Отсутствіе въ странѣ прочнаго закона, опека бюрократіи, распространенная на всѣ области русской жизни, выработка въ мертвыхъ канцеляріяхъ, далекихъ отъ всего того, что происходитъ въ неостанавливающемся теченіи бурнаго потока текущихъ жизненныхъ явленій, нормъ и правилъ на всѣ случаи многосложныхъ народныхъ потребно-

стей задерживаютъ развитіе хозяйственной жизни въ странѣ. Отсталостью, какъ прямымъ послѣдствіемъ непрочнаго правового порядка, поколеблено положеніе Россіи на мировомъ рынкѣ и отодвинута ея роль, какъ страны промышленной, на второстепенный планъ. Бѣдность крестьянской массы, ея обособленность, ея невѣжество, примитивные способы обработки земли, отсутствіе у народа потребностей на многочисленные продукты обрабатывающей промышленности—обрекаютъ послѣднюю на неподвижность, инертность и постоянное перепроизводство съ его обычными спутниками—периодическими кризисами. Между тѣмъ съ ростомъ и процвѣтаніемъ промышленной жизни тѣсно связано также благосостояніе рабочихъ, въ значительной степени влияющее на жизнь деревни, съ которой русскій рабочий въ большинствѣ случаевъ не прерываетъ связи.

Нельзя не признать, что на положеніе промышленности и благосостояніе рабочихъ оказываетъ вредное вліяніе разстроенное финансовое хозяйство страны, для урегулированія котораго необходимо участіе общественнаго элемента въ обсужденіи бюджета.

Устранить указанные основныя препятствія, дѣлающія невозможнымъ для промышленности идти впередъ и съ успѣхомъ бороться съ иностранною конкуренціей, мыслимо лишь тогда, когда будутъ осуществлены коренныя реформы, за необходимость которыхъ единодушно высказались земскіе дѣятели, представители городского самоуправления и разныхъ другихъ обществъ и сословій.

На прошедшія рабочія волненія авторы записки смотрятъ какъ на крупное политическое движеніе, хотя построенное на экономической почвѣ. Движеніе это давно готовилось самой жизнью и естественной потребностью, вложенной въ самую природу человѣка—добиваться свободы для открытаго выраженія своихъ мыслей путемъ слова и печати. Искони русскій народъ обсуждалъ свои дѣла открыто на площадяхъ, въ собраніяхъ, земской думѣ, земскомъ соборѣ, пока это право не было у него отнято все усиливавшейся администраціей. Но стремленіе къ свободѣ въ немъ все-таки осталось. И напрасно администрація приписываетъ всякое народное возмущеніе агитаціи злонамѣренныхъ лицъ: на невспаханной нивѣ не принялось бы никакое зерно. Рабочіе и крестьянскіе беспорядки, безпрестанно разѣдающіе русскую промышленность, нанося ей огромные убытки, наввно объяснять воздѣйствіемъ революціонныхъ элементовъ. Въ общемъ нестроеніи государственной жизни, въ отсутствіи политическихъ правъ, отсутствіи гласнаго заступничества за народныя интересы въ лицѣ свободно избранныхъ представителей изъ народа—вотъ гдѣ кроются причины рабочихъ волненій. Конечно, и экономическое положеніе рабочаго сословія требуетъ перемѣнъ и является однимъ изъ факторовъ, вызывающихъ его недовольство. Но не слѣдуетъ забывать, что въ правовомъ государствѣ имѣются законные пути борьбы, ведущіе къ улучшенію быта рабочихъ массъ и къ урегулированію конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ

помимо участія вооруженныхъ силъ и безъ необходимости разстрѣливать мирныхъ безоружныхъ жителей.

Сознавая опасность, угрожающую его благополучію отъ происходящаго среди рабочихъ массъ броженія, бюрократическое правительство старалось взять движеніе въ свои руки, объединивъ рабочихъ въ союзы чрезъ посредство лицъ, съ которыми оно вступало въ соглашеніе. Главными руководителями и вдохновителями новыхъ организацій явились чины охраннаго отдѣленія въ обѣихъ столицахъ и жандармы въ провинціи.

Однако, продолжаютъ авторы записки, вмѣшательство въ рабочее дѣло жандармскихъ ротмистровъ и чиновниковъ, съ печатью сыщиковъ на челѣ, оттолкнуло отъ названныхъ союзовъ не только общественные элементы, фабрикантовъ, заводчиковъ, но и самихъ рабочихъ, въ коихъ была болѣе чуткая совѣсть, а здравый смыслъ и практическій опытъ брали верхъ надъ несбыточными обѣщаніями гааварей-членовъ совѣтовъ и комитетовъ, сдѣлавшихся въ концѣ-концовъ простыми агентами жандармскихъ управленій на жалованьи.

Вскорѣ изъ рабочей среды стали внезапно исчезать отдѣльные лица, члены комитетовъ стали возбуждать подозрѣнія въ лояльности своихъ поступковъ, менѣе податливые на компромиссы рабочіе начали выступать изъ организацій, и въ результатъ—опена администраторовъ-бюрократовъ надъ рабочими вопросомъ привела къ полнѣйшей деморализаціи рабочихъ массъ, къ поселенію раздора между самими рабочими и къ обостренію отношеній между ними и фабрикантами.

Потерявъ жизнеспособность въ Москвѣ и провинціи, рабочія организаціи сохраняли привилегированное положеніе въ Петербургѣ, гдѣ руководство ими попало въ руки человѣка, смотрѣвшаго на свою задачу иначе, чѣмъ то было угодно лицамъ, его поставившимъ.

Грандіозная стачка, только что наблюдавшаяся въ Петербургѣ, подтверждаетъ, по мнѣнію авторовъ записки, правильность ихъ взгляда на истинный внутренній характеръ рабочихъ волненій. Выставивъ первоначально одни экономическія требованія, рабочіе заканчиваютъ цѣлой политической программой. Было бы глубокимъ заблужденіемъ приписывать эти требованія агитаціи злопамѣренныхъ людей. Рабочіе, какъ и все русское общество настолько уже политически созрѣли, что имъ, какъ и всему русскому обществу, должны быть дарованы политическія права и свободныя учрежденія.

Далѣе авторы записки высказываютъ убѣжденіе, что происшедшія событія являются грознымъ предостереженіемъ существующему режиму, что движенія нельзя будетъ остановить никакими репрессіями и что преуспѣаніе въ Россіи промышленности и улучшеніе быта рабочихъ возможны лишь при соблюденіи элементарныхъ условій правового государства. Изъ этихъ условій, намѣчаемыхъ запиской, приведемъ, между прочимъ, слѣдующія:

1) Необходимо ввести равноправность всѣхъ и каждого передъ проч-

нымъ закономъ, сила и святость котораго не могла бы быть ничѣмъ и ничѣмъ поколеблена.

2) Полная неприкосновенность личности и жилища.

3) Рабочему сословію должно быть предоставлено полное право сходокъ и собраній въ нерабочее время, право организоваться въ союзы и всякаго рода другія сообщества для самопомощи и защиты своихъ интересовъ, право отдѣльно и совокупно отказываться отъ работы.

4) Свобода слова и печати, такъ какъ этимъ единственнымъ способомъ возможно достиженіе наилучшихъ результатовъ для постоянного роста промышленности, выясненія рабочихъ нуждъ и интересовъ и улучшенія быта и положенія рабочихъ.

5) Существующее законодательство и способъ его разработки не соответствуютъ указаніямъ современной науки государственнаго права и потребностямъ населенія, въ частности и русской промышленности; необходимо въ выработкѣ законодательныхъ нормъ участіе представителей всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ рабочихъ и промышленниковъ. Участіе тѣхъ же представителей необходимо и въ обсужденіи бюджета, ибо послѣдній является могущественнымъ двигателемъ въ рукахъ государства при разрѣшеніи промышленныхъ вопросовъ страны.

6) Введеніе всеобщаго обязательнаго школьнаго обученія съ расширеніемъ программъ существующихъ народныхъ школъ. Явочный порядокъ открытія всякихъ учебныхъ заведеній, библиотекъ, читаленъ всякаго наименованія, просвѣтительныхъ учреждений и обществъ, такъ какъ въ просвѣщеніи народа—сила и могущество государства и его промышленности: несчастная для Россіи до сихъ поръ война съ Японіей слишкомъ явственно это доказала.

Записку авторы заканчиваютъ напоминаньемъ, что въ 1861 г. русскій народъ получилъ свободу тѣла. Теперь наступила пора для освобожденія духа отъ опеки бюрократіи. Этой свободы добивается весь народъ, его низшіе и высшіе слои.

Записка московскихъ фабрикантовъ, составленная по поводу только что происходившаго рабочаго движенія, производитъ глубокое впечатлѣніе.

Если еще кто-нибудь полагалъ, что отказъ рабочимъ въ ихъ требованіяхъ и подавленіе жестокими мѣрами движенія необходимы были въ интересахъ русской промышленности, то записка должна разсѣять всякія иллюзіи на этотъ счетъ. Представители промышленности убѣжденно заявляютъ, что рабочее движеніе является законнымъ и необходимо вытекающимъ изъ современнаго положенія вещей стремленіемъ народа къ свободѣ, а что неудовлетвореніе этого естественнаго стремленія грозитъ гибелью той же промышленности. Интересы промышленности въ данномъ случаѣ совпадаютъ съ интересами рабочихъ, съ интересами всей русской жизни: дальнѣйшее развитіе и процвѣтаніе ея невозможны безъ осуществленія условий правового государства.

А. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Англія, по обыкновенію, искусно воспользовалась ошибками русской дипломатіи и нашею войною съ Японіей, чтобы укрѣпить свое положеніе въ Азіи. Экспедиція въ Тибетъ имѣетъ большое значеніе и военное, и политическое, она сильно подняла престижъ Англіи. Далай-лама скрывается въ Монголіи, но его таинственной власти нанесенъ тяжелый ударъ. Военно-дипломатическая миссія въ Афганистанъ имѣла цѣлью укрѣпленіе признанныхъ отношеній съ эмиромъ Хабибуллою. Англичане даютъ деньги на вооруженіе афганской арміи съ тѣмъ, чтобы она служила имъ оплотомъ для Индіи. И въ Персіи дѣлаются попытки поднять политическое значеніе Великобританіи, въ ущербъ русскому, и развитъ англійскую торговлю.

Внутреннее положеніе Великобританіи нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ. Чемберленовская пропаганда имперіалистическаго протекціонизма продолжаетъ волновать страну. Правительство не рѣшается открыто разорвать съ Чемберленомъ, а усилія либераловъ добиться немедленнаго распущенія парламента и общихъ выборовъ имѣютъ мало шансовъ на успѣхъ. Изъ вождей либеральной партіи лордъ Розбернъ—открытый имперіалистъ, между другими существуютъ разногласія и ни одинъ не достаточно авторитетенъ.

Безспорно, что недовольство нынѣшнимъ правительствомъ увеличивается. На это указываютъ и отдѣльные выборы въ парламентъ, на которыхъ консервативное большинство уменьшается и либералы перѣдко одерживаютъ побѣду. Но у нихъ нѣтъ достаточно-яркой программы, и все дѣло сводится къ тому, что они—противъ покровительственной системы и крайностей имперіализма. Въ международной политикѣ появленіе у власти либераловъ также едва-ли могло бы повести къ серьезнымъ измѣненіямъ. Англо-японскій союзъ, повидимому, вполне удовлетворяетъ англійское общественное мнѣніе. Конечно, агрессивный духъ Чемберлена былъ бы смягченъ при смѣнѣ нынѣшняго консервативнаго комитета и голосъ Англіи зазвучалъ бы тверже въ иныхъ вопросахъ, между прочимъ въ вопросахъ о созданіи самоуправленія въ Македоніи и Арменіи.

Въ газетахъ появилось извѣстіе, что вмѣсто Милнера постъ генераль-

губернатора въ Южной Африкѣ занять Бальфуръ. Это было бы уступкою справедливымъ домогательствамъ голландскаго населенія колоніи. Раны населенія бывшихъ Оранжевой и Трансваальской республикъ далеко еще не зажили. Г. Штафбергъ сообщаетъ (отдѣльнымъ воззваніемъ, напечатаннымъ въ Берлинѣ), что послѣ заключенія мира съ Англіей, въ маѣ 1902 г., нѣсколько лицъ посѣтило печально знаменитый лагерь, въ которомъ англичане держали бурскихъ женщинъ и дѣтей. Тамъ оказалось *пятнадцать тысячъ крѣпкихъ сиротъ*. Страна разорена отъ края до края. Кто возвращается на свои мѣста, не находитъ ни мебели, ни скота, часто самихъ домовъ. Убитыхъ и погибшихъ отъ войны насчитываютъ 20,000 женщинъ и дѣтей. Пасторъ Брилъ, въ Лонглаагтѣ, около Йоганнесбурга *), устроилъ убѣжище для дѣтей сиротъ. Самъ онъ человекъ бѣдный, приходяще его совсѣмъ разорены. Дѣти стекались со всѣхъ сторонъ. Но средствъ нехватаетъ. Убѣжище обращается за помощію въ Англію и Германію. (Адресъ: Pastor v. Bodelshwingh, Bethel, nach dem Kinderheim Longlaagte, Transvaal).

Газета *Die Friedens-Warte* продолжаетъ энергично бороться за дѣло всеобщаго мира. Она возражаетъ противъ той мысли, что война, какъ выразился недавно Бебель, можетъ быть *счастіемъ*, если поражение наносится отсталой въ культурномъ отношеніи странѣ, тормозящей развитіе живущихъ въ ней народностей. Болѣзнь всей системы лишь находитъ въ войнѣ одно изъ своихъ наиболее тяжелыхъ выраженій, и не мѣшаетъ прибавить къ этому, что далеко не всегда побѣждаетъ болѣе культурное государство. Пораженіе реакціоннаго правительства потому только служитъ прогрессу, что временно ведетъ къ ослабленію носителей такой системы, а война всегда была, теперь въ особенности остается величайшимъ зломъ для народа и несчастіемъ для всего человѣчества. Замѣна войны рѣшеніями международнаго суда,—вотъ единственный правильный путь, которымъ могутъ устраняться и внутреннія препятствія для поступательнаго хода цивилизаціи **).

Жестокій урочъ русско-японской войны не пройдетъ даромъ для человѣчества. Эта война едва ли не послѣдній примѣръ кровопролитнаго столкновенія, въ которомъ одинъ народъ принималъ лишь пассивное участіе. Но идея всеобщаго мира и международнаго законодательства продолжаетъ, какъ мы уже многократно указывали, пролагать себѣ дорогу сквозь всѣ препятствія и предрассудки.

Съ этой точки зрѣнія важно отмѣтить успѣхи международной ассоціаціи для законнаго покровительства рабочихъ. Ея задачамъ противятся правительства отдѣльныхъ государствъ, опасаясь умаленія своей власти и

*) *Kinderheim Longlaagte, Transvaal.*

**) *Die Friedens-Warte*, 1905 г., № 1. Нобелевскій норвежскій комитетъ присудилъ въ 1904 году премію за содѣйствіе идее мира *Институту международного права*.

европейскаго контроля. Но за утопическимъ проектомъ Овена, Воровскаго и другихъ послѣдовали другія попытки, со стороны швейцарскаго федеральнаго правительства. Онѣ не удались. Одна изъ нихъ была предложена въ 1876 г. президентомъ федеральнаго совѣта Фреемъ, другая на Берлинской конференціи 1890 года. Съ 1883 по 1886 г. депутаты рабочихъ въ французскомъ и германскомъ парламентахъ, англійскія и швейцарскія рабочія организаціи старались добиться въ этомъ отношеніи какихъ-либо благоприятныхъ результатовъ, но безуспѣшно.

Общество Грютли (Швейцарія) въ 1886 г. постановляетъ, что необходимо международное фабричное законодательство. Въ основу требованій ставится десятичасовой рабочий день, запрещеніе ночной работы женщинъ и дѣтей, отмена пользованія отравляющими веществами, когда есть возможность замѣнить ихъ другими. Общество Грютли выразило также желаніе, чтобы было учреждено международное бюро, которое должно входить въ сношенія съ фабричною инспекціею отдѣльныхъ государствъ.

Движеніе въ Швейцаріи развивалось. Въ 1889 году Декуртенъ, вожь католической рабочей партіи, представлялъ въ федеральный совѣтъ записку, въ которой доказывалъ необходимость созданія международного бюро труда. 15 марта того же года швейцарское правительство обратилось ко всѣмъ европейскимъ государствамъ съ предложеніемъ прислать представителей на международную конференцію по рабочему вопросу. Конференція не состоялась, потому что императоръ Вильгельмъ пожелалъ созвать ее въ Берлинѣ, на другой годъ. Она дѣйствительно открылась, подъ председательствомъ министра Берлепша, но не достигла цѣли. Французскіе делегаты (въ числѣ ихъ былъ Жюль Симонъ, такъ много сдѣлавшій для регулированія во Франціи работы женщинъ и дѣтей) доказывали, что различныя экономическія и техническія условія отдѣльныхъ государствъ не допускають единообразнаго международного законодательства.

На международномъ конгрессѣ для покровительства рабочихъ, въ Цюрихѣ, въ 1897 г., Бурти, членъ правительства штата Санъ-Галли, предложилъ организовать центральное частное бюро для собиранія свѣдѣній о положеніи рабочихъ, о существующихъ законоположеніяхъ и т. д. Собраніе единодушно приняло это предложеніе и постановило созывать конгрессы для приведенія въ ясность законодательства о рабочихъ. Въ 1890 г. на парижскомъ международномъ конгрессѣ была, наконецъ, основана международная ассоціація для законнаго покровительства рабочихъ. Задача ея заключается въ собираніи точныхъ свѣдѣній, въ подготовкѣ международныхъ соглашеній, въ изданіи періодическаго сборника (на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкѣ), въ которомъ бы появились всѣ законы и правила, дѣйствующие въ разныхъ государствахъ и т. д. При этомъ начали дѣйствовать національныя секціи (въ Бельгіи, въ Германіи, въ Австріи, во Франціи, въ Италіи, въ Голландіи, въ Венгріи и въ Швейцаріи).

Въ маѣ 1901 г. президенту ассоціаціи, Генриху Шереру, удалось устроить

международное бюро. Городъ Базель предоставилъ бесплатно помѣщеніе, а федеральное правительство назначило 8,000 франк. ежегодной субсидіи.

Слѣдующій конгрессъ былъ въ Бѡльнѣ, въ 1902 году. Для подробной разработки поднимавшихся на немъ вопросовъ была выбрана коммиссія (международная), которая собиралась въ 1903 г. въ Базелѣ. Послѣдній конгрессъ ассоціаціи происходилъ также въ Базелѣ, въ сентябрѣ 1904 г. Въ немъ приняли участіе 15 официальныхъ представителей и 63 делегата. Къ сожалѣнію, отъ Россіи никакого не было. На конгрессъ было постановлено нѣсколько важныхъ резолюцій и между прочимъ слѣдующая: обезпеченныя рабочему права не должны допускать различія, какъ и профессиональная отвѣтственность, въ зависимости отъ національности и мѣстъ пребыванія рабочихъ (резолюція была предложена Баспаромъ, официальнымъ представителемъ Германіи, и Мильераномъ и принята единогласно).

Этой резолюціи предшествовалъ знаменательный франко-итальянскій договоръ 15 апрѣля 1904 года, который мы своевременно отиѣтили на страницахъ *Русской Мысли*. Во Франціи работаютъ двѣсти тысячъ итальянцевъ. Они не пользуются никакими благодѣтельными постановленіями фабричнаго французскаго законодательства. Въ Италіи считается не болѣе десяти тысячъ работниковъ-французовъ. Съ 1902 г. итальянское правительство выразило французскому свои заботы о положеніи итальянскихъ рабочихъ. Предложенія Люццати были сочувственно встрѣчены Мильераномъ и Делькассе. Франція указала на то, что дарованіемъ равноправности итальянскимъ рабочимъ она возлагаетъ на себя извѣстное бремя. Вознагражденіемъ за это должно быть введеніе и въ Италіи фабричнаго законодательства, сокращающаго рабочее время, вознаграждающаго за несчастные случаи и т. д. Это и было положено въ основу договора, составляющаго одно изъ украшеній начала XX вѣка.

Третья статья договора говоритъ, что если одна изъ заключившихъ соглашеніе сторонъ присоединится къ международной конференціи съ цѣлью объединенія покровительствующихъ рабочимъ законовъ и правилъ, то въ принципѣ на это соглашается и другая сторона. Такое постановленіе особенно важно потому, что въ нынѣшнемъ году должна собраться въ Бернѣ официальная дипломатическая конференція и участіе на ней Италіи обезпечено.

Сентябрьскій базельскій конгрессъ международной ассоціаціи для законнаго покровительства рабочихъ постановилъ, по предложенію Арто, члена французскаго высшаго совѣта о трудѣ, распространить покровительство закона на торговыхъ служащихъ. Національнымъ секціямъ предложено собрать для этого необходимыя данныя.

Какъ мы и предвидѣли, съ замѣною въ Австріи одного министра-бюрократа, Кѣрбера, другимъ такимъ же министромъ, Гаучемъ, никакого улучшенія во внутренней жизни страны не произошло. Федералистическая (славянская) идея развивается въ Цислейтаніи, непримиримо сталкиваясь

съ стремленіями австрійскихъ иѣмцевъ-централистовъ, одушевленныхъ пан-германскою идеею. Въ Венгріи событія приняли еще болѣе острый характеръ. Восстаніе 1848 г., имѣвшее цѣлью освобожденіе мадьяръ отъ despотическаго австрійскаго режима, потерпѣло полное крушеніе вслѣдствіе вооруженнаго вѣнштательства императора Николая I. Вожди національнаго движенія были или казнены, или удалены въ изгнаніе. Въ числѣ спасшихся на чужбину былъ прославленный герой Венгріи, Людвигъ Кошутъ.

Наступили тяжкіе годы для Австріи. Она потеряла Ломбардію, потомъ Венецію, изгнана была изъ германскаго союза. Тогда явился пресловутый дуализмъ, творцами котораго явились графъ Бейсть и Деакъ. Имперія была раздѣлена на двѣ половины, раздѣляемые рѣкою Лейтою: Цислейтанія (Австрія) и Транслейтанія (Венгрія). Мадьяры получали широкія права и собственный парламентъ. Связь между обѣими частями имперіи поддерживается общою арміею, общимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, делегаціями и общимъ таможеннымъ тарифомъ. Но національная партія стремится къ отдѣленію венгерской арміи отъ имперской, къ установленію полной независимости Венгріи, связанной съ Австріей только личною униєю, т. е. тѣмъ, что императоръ австрійскій будетъ одновременно и королемъ венгерскимъ.

Людвигъ Кошутъ, непоколебимый сторонникъ независимаго мадьярскаго государства, такъ и не вернулся на родину, хотя это было вполне возможно послѣ введенія въ Венгрію конституціоннаго образа правленія. Вернулся, въ триумфальномъ шествіи, прахъ Кошута. Во главѣ національной партіи сталъ его сынъ, Францъ Кошутъ.

Мы говорили уже въ предшествовавшемъ обзорѣ, что Тисса, въ виду сильной оппозиціи со стороны партіи независимости, прибѣгнулъ къ распущенію парламента и новымъ общимъ выборамъ. Правительственная партія потерпѣла пораженіе. По численности первое мѣсто занимаетъ теперь партія Кошута. Остальныя партіи, кромѣ правительственной, которая стала второю по числу принадлежащихъ къ ней депутатовъ, не велики.

Поучительно, что теперь произойдетъ. Дѣлаются попытки призвать къ власти вождей мелкихъ парламентскихъ группъ, которыя вступили бы въ соглашеніе съ національною партіею. А, можетъ быть, императору Францу-Иосифу, который назначилъ предводителей венгерскаго восстанія и казнилъ бы Людвигъ Кошута, еслибъ тотъ не спасся бѣгствомъ, придется поручить постъ министра-президента Францу Кошуту *).

Казалось бы, что при указанныхъ условіяхъ вниманіе австрійскаго правительства должно быть всецѣло устремлено на улаженіе опасныхъ внутреннихъ затрудненій, на примиреніе національностей, отъ вражды которыхъ страдаютъ интересы и этихъ національностей, и всей имперіи. Но

*) Газеты сообщаютъ, что Кошутъ былъ принятъ императоромъ въ продолжительной аудіенціи.

нѣтъ, габсбургская монархія не отказалась отъ честолюбивыхъ и завоевательныхъ плановъ. Пользуясь ослабленіемъ Россіи, которая ввязалась въ невую и изнурительную войну, Австрія не прочь наложить свою тяжелую руку на Македонію, проложить себѣ открытый путь въ Салоники. Съ весною на Балканскомъ полуостровѣ можетъ начаться новый пожаръ, и имъ постарается воспользоваться наша добрая сосѣдка. Роль Россіи будетъ трудная, во всякомъ случаѣ начинать вторую войну было бы безуміемъ. Сильно вредить дѣлу, конечно, непрекращающійся антагонизмъ между сербами и болгарами, несмотря на многочисленныя попытки къ его устраненію. Событія осложняются еще тѣмъ, что греческій патріархатъ и греки вообще враждебно относятся къ болгарамъ. *Bulletin d'Orient*, который печатается въ Афинахъ, на правахъ рукописи, зорко слѣдитъ за дѣятельностью болгаръ и часто сообщаетъ объ убійствахъ, которыя совершаются македонскими заговорщиками. Такъ, по дорогѣ изъ Салоникъ въ Гуменицу схваченъ и убитъ молодой греческій учитель Питсуласъ. Убиваютъ и мусульманъ. Въ Флоринѣ членъ македонскаго комитета Илькосъ Дане, по поддѣльному приказу, арестованъ въ Стребено грека Паскалисъ Іоанну, закованъ его и дорогою убилъ, а самъ присоединился къ болгарской бандѣ *). Разумѣется, мы оставляемъ всѣ эти свѣдѣнія на отвѣтственности афинской газеты, которая утверждаетъ, что въ новой жандармеріи, формируемой подъ надзоромъ европейскихъ офицеровъ, вообще много македонцевъ-повстанцевъ.

Та же газета сообщаетъ, что Нассиръ-паша имѣетъ въ виду устроить въ Македоніи болѣе пятисотъ постовъ, по пятидесяти человекъ каждый, и недалеко другъ отъ друга. Затѣмъ паша вообще усиливаетъ войска, призывая запасныхъ.

Bulletin d'Orient, враждебно относясь къ болгарамъ, не отрицаетъ, что и македонскіе греки прибѣгаютъ къ убійствамъ, но неудачно объясняетъ это необходимостью самообороны. *Bulletin d'Orient* не менѣе враждебно относится и къ стремленію кучо-валаховъ отложиться отъ греческаго патріархата и образовать національную православную церковь. Положеніе вещей, очевидно, въ высшей степени тревожное. Поучительно познакомиться и съ голосомъ болгаръ, которыхъ такъ ненавидятъ греки. Въ концѣ прошлаго года въ Парижѣ вышла брошюра *Турки и греки противъ болгаръ въ Македоніи* **), съ предисловіемъ знатока славянскаго міра, члена института Лун Леже.

Въ предисловіи Леже указываетъ, что на Европѣ XX вѣка лежитъ тяжелая вина: она равнодушно смотритъ на то, какими притѣсненіямъ, какими мученіямъ подвергаются живущіе въ Македоніи болгары. Говорятъ о томъ, что ихъ жалобы слишкомъ преувеличены, но французскій славистъ, ссылаясь на свои личные наблюденія и на близкое знакомство съ

*) *Bulletin d'Orient*, № 51.

**) *Turcs et Grecs contra Bulgares en Macédoine*.

положеніемъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ, рѣшительно подтвержда-
етъ кровавые факты, о которыхъ говорится въ названной брошюрѣ.

Гнетъ надъ болгарами,—продолжаетъ Леже—нападенія на ихъ жизнь,
на честь ихъ женщинъ, на ихъ имущество,—гнетъ турецкій; насилія надъ
ихъ языкомъ, школою, церковью, національностью,—гнетъ греческій.

Названная брошюра полна фактическими данными.

Въ 1870 году султанскимъ фирманомъ былъ созданъ независимый отъ
греческаго патріархата болгарскій экзархатъ. Ему было предоставлено управ-
леніе болгарскою церковью, болгарскими школами. Но постановленія этого
фирмана не исполнялись ни до русско-турецкой войны, ни послѣ нея, ни
въ Македоніи, ни въ адрианопольскомъ вилайетѣ. Епархіи Охриды, Ускюба
и Велеса, получившія было болгарскихъ епископовъ, лишились ихъ. Бол-
гарскіе священники разсѣялись. Послѣ пятнадцатилѣтнихъ усилій, бераты
султана были даны болгарскимъ епископамъ въ Неврокопѣ, Дибрѣ, Бито-
ли и Струмицѣ, но въ четырнадцать епархіяхъ, гдѣ болгарское населеніе
составляетъ двѣ трети, силою удерживается власть греческаго патріархата.
Греческіе священники часто не позволяютъ хоронить болгаръ на кладби-
щахъ, гдѣ покоятся ихъ отцы и дѣды, и только вмѣшательство турецкой
администраціи устраняетъ это фанатическое упрямство (къ которому при-
соединяется, конечно, національная ненависть и стремленіе огречить Ма-
кедонію во имя папъ-эллинской идеи). Возникновеніе болгарскихъ школъ
встрѣчаетъ величайшія затрудненія. Въ нихъ запрещено преподавать бол-
гарскую исторію и географію, равнымъ образомъ исторію среднихъ и но-
выхъ вѣковъ. Болгарскія изданія страшно преслѣдуются турецкою цензу-
рою. Запрещены по-болгарски слова: Македонія, отечество, древняя болгар-
ская столица, идеалъ и т. д. Знакомая система. Благодаря вмѣшательству
греческаго духовенства, представители болгаръ не допускаются въ совѣты
пазъ, санджаконъ и вилайетонъ.

Переходя къ печальному экономическому положенію болгаръ въ такой
благословенной странѣ, какъ Македонія, брошюра указываетъ, разумеется,
на лишнюю турецкую бюрократію, которая разоряетъ страну. Это причина
общая, которая коренится въ абсолютной власти султана. Но существуютъ
и спеціальныя причины. Болгары еще въ значительной степени подчинены
феодалному режиму, не имѣютъ земельной и личной собственности (бро-
шюра высчитываетъ, что 30% болгарскаго населенія находится въ такомъ
феодалномъ положеніи, 11% — въ полуфеодалномъ). Затѣмъ послѣ русско-
турецкой войны значительная часть турокъ выселилась въ Македонію и
сѣла на шею болгарамъ. Цѣлыя деревни были отняты у болгарскаго на-
селенія для пришельцевъ-мусульманъ. Дальше идти некуда даже турецкому
правительству.

Въ неблагоприятныхъ условіяхъ для экономическаго положенія болгаръ
въ Македоніи слѣдуетъ прибавить и частыя выселенія въ княжество Бол-
гарское, гдѣ изстрадавшіеся люди находятъ спасеніе отъ турецкихъ злѣствъ

и поруганий, отъ тяжкихъ налоговъ, которые разсчитанно давать преимущественно болгаръ.

Брошюра насчитываетъ въ Македоніи болѣе полутора милліона болгаръ. И это несчастное населеніе отдано въ полное распоряженіе жестокаго, кроваваго правительства султана. Спасти его отъ величайшихъ несчастій, обуздать деспотизмъ главы правотѣрныхъ можетъ, по нашему мнѣнію, лишь искреннее соглашеніе между Австріей, Италіей и нашимъ отечествомъ. Оно дѣйствительно можетъ прекратить самовластіе засидѣвшагося въ Константинополѣ турецкаго султана.

Въ газетѣ *Русь* давно уже печатаются статьи о русско-польскомъ соглашеніи. Мы ихъ отмѣчали и остановились на этомъ вопросѣ еще разъ. *Русская Мысль* въ теченіе четверти вѣка своего существованія посильно старалась устранить враждебныя отношенія между польскимъ и русскимъ обществомъ. Теперь въ этомъ направленіи дѣлается многое, возбуждаются радостныя надежды, и мы думаемъ, что въ подготовительной работѣ къ искреннему и прочному русско-польскому сближенію есть и наша капля меда.

Русь (20 января) помѣщаетъ три польскихъ меморіала, поданные князю Петру Дмитріевичу Святополку-Мирскому. Остановимся на докладной запискѣ, представленной бывшему министру внутреннихъ дѣлъ графомъ Тышкевичемъ.

Записка графа Тышкевича начинается такими словами: «Нынѣшнее положеніе поляковъ въ Россійской Державѣ представляетъ собою необычайную и горестную картину. Въ край—который основательно считается сердцемъ польской земли,—во всемъ, что подлежитъ нормированію со стороны правительственной власти, сплошь да рядомъ устраняются признаки всего польскаго и прививается внѣшній обликъ обрусенія».

Болѣе сорока лѣтъ прошло съ польскаго возстанія, а край все еще находится на военномъ положеніи. Русская бюрократія въ Царствѣ Польскомъ еще хуже, конечно, чѣмъ внутри Россіи. Она, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ не знаетъ ни языка, ни обычаевъ страны. Графъ Тышкевичъ указываетъ прежде всего на необходимость отмены всѣхъ исключительныхъ и ограничительныхъ законовъ въ Царствѣ Польскомъ. Дальнѣйшія желанія поляковъ графъ Тышкевичъ формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

1) Возстановленіе польскаго языка, какъ преподавательскаго въ начальныхъ училищахъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, возстановленіе того же языка въ судебномъ вѣдомствѣ, въ администраціи края и во всѣхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ.

2) Заполненіе поляками всѣхъ должностей на государственной и общественной службѣ.

3) Сельское и городское самоуправленіе, съ участіемъ въ немъ всѣхъ классовъ населенія и съ признаніемъ гмины основною его единицею.

4) Предоставленіе греко-уніатамъ свободы вѣроисповѣданія; возстано-

вѣненіе полноправности римско-католической церкви во всѣхъ дѣлахъ и въ внутренняго управленія и въ сношеніяхъ съ главою церкви, а также возстановленіе варшавской римско-католической духовной академіи, упраздненной въ 1867 г.

Указанія преобразованія необходимы для нормальнаго развитія польскаго общества. Сознаніе ихъ необходимости и волю ихъ осуществленія положительно выражаютъ слова Императора Александра II, помѣщенные въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя великаго князя Константина Николаевича отъ 19—31 октября 1863 г.,—стало быть, въ моментъ наибольшаго разгара возстанія,—и обнародованныя въ Варшавѣ въ официальномъ *Всеобщемъ Дневникѣ*.

«Когда водворенный порядокъ позволитъ приступить вновь къ начатому нами дѣлу, когда обстоятельства дозволить введеніе тѣхъ учрежденій, которыя были Мною дарованы Царству, и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній, тогда я буду надеяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній и посвятить себя на пользу службы».

Другіе матеріалы въ общемъ сходнаго содержанія.

Возникла мысль о сѣздахъ польскихъ и русскихъ общественныхъ дѣятелей и писателей. Мѣстомъ сѣзда намѣчается Москва. Добро пожаловать, дорогіе братья.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

„Блудный сынъ“ С. Найденова.—„Иванъ Митроичъ“ Е. Чепикова (Художественный театр).—„Поросль“ Р. Хинъ (Малый театр). Театръ Корна: „Меблированная пьль“, драматическій вѣкъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. М. Никольскаго.—„Мама—птичка“ („Maman-colibri“), пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Батайлъ, перев. В. О. Шмидтъ. Бенефисъ Е. В. Шиловой.—„Возвращеніе изъ Іерусалима“, комедія въ 4-хъ дѣйств. М. Донне, перев. В. О. Шмидтъ. Бенефисъ г. Чарина.—„Побѣдитель“, комедія въ 4-хъ дѣйств. Евгенія Карпова. Бенефисъ М. М. Блюменталь-Тамариной.

«Блудный сынъ» г. Найденова остается загадкой не только для своей сестры, но—что еще хуже—и для своихъ зрителей. Про него говорить, что онъ «напарусничался»; мы знаемъ, что его манила даль и что онъ вернулся изъ нея усталый и разочарованный; слишкомъ ясно для насъ, «что винулъ онъ въ праву родномъ»,—но чего искалъ онъ «въ странѣ далекой», объ этомъ упорно молчитъ изорванный парусъ, которому землю свою пришлось опять увидѣть съ купеческаго парохода «Батракъ». «Поговоримъ послѣ. Ступай, спи»,—отвѣчаетъ онъ на разспросы Маши; но послѣ онъ не поговорилъ и скоро опять ушелъ отъ родныхъ береговъ. И мы должны довольствоваться только сознаніемъ того, что, въ противоположность осыдлымъ жителямъ жизни, Максимъ—вѣчный странникъ, горемычное перекаати-поле, по самой природѣ своей чуждое пристанища. И лучше намъ даже не принимать во вниманіе тѣхъ конкретныхъ намековъ, которые всетаки роняетъ авторъ. Въ самомъ дѣлѣ: оказывается, Максимъ страдаетъ отъ того, что онъ находится «въ ужасномъ положеніи человѣка безъ опредѣленныхъ занятій», что онъ «не имѣлъ времени въ порывахъ увлеченія специализироваться, втиснуть свою жизнь въ извѣстныя рамки». Это слишкомъ мелко, и считать ужаснымъ положеніе человѣка безъ опредѣленныхъ занятій—это значить выказывать себя братомъ кожевничаго заводчика и зятемъ его жены. Выходитъ, что отъ духовной связи со своими родичами Максимъ какъ будто не освободился. Это жалко и это разрушаетъ хотя и туманный, но симпатичный обликъ неудовлетворимаго ситальца. Хочется вѣрить, что на проселочныхъ дорогахъ жизни Максимъ искалъ не специальности, не опредѣленныхъ занятій, что за

вожскія горы онъ ушелъ для иной цѣли, что «уходили сивку» эти горы, «крутыя горки» самоотверженной и неравной борьбы. Хочется изъ словъ его спокойнаго брата и дяди заключить, что безпокойный Максимъ «разглагольствовалъ о томъ, до чего ему никакого дѣла нѣтъ», что принялъ онъ къ сердцу дѣло чужое и вѣсть со многими другими былъ сраженъ въ великой битвѣ русскихъ идеалистовъ. Воплощаемый Бачаловымъ на сценѣ Художественнаго театра, блѣдный, измученный, съ тоскующими глазами, онъ такъ напоминаетъ рѣпяскую фигуру въ знаменитой картинѣ «Не ждали»...

Но, можетъ быть, мы не имѣемъ права ради «возвышающаго обмана» пренебрегать указаніями автора, и въ нихъ должны мы видѣть ключъ къ душѣ блуднаго сына? Вѣдь если повѣрить словамъ Максима о специальности и опредѣленномъ занятіи, о томъ, что онъ «бросается въ практическія дѣла, подаетъ заявленія въ разныя правленія о принятіи на службу», то станетъ яснымъ все, что теперь есть въ пьесѣ непонятнаго и немотивированнаго. Тогда мы не удивимся, что странника Максимъ считаетъ «неинтереснымъ и пошлымъ существованіе человѣка, жизнь котораго сведена на добываніе себѣ пропитанія,—вѣдь это все равно, что не жить, не чувствовать, что живешь»: въ устахъ человѣка, недавно богатаго и некогда не знавшаго труда, такія рѣчи вполнѣ естественны. Тогда мы не удивимся, что Максимъ, вѣроятно, полный умиленныхъ воспоминаній о своемъ капиталѣ, приходитъ искать работы (или заработка?) не къ чужимъ людямъ, а къ родному брату, хотя гордость, которую приписывала ему Лидія, должна была бы направить его шаги именно не въ родныя палестины, и она не должна была бы ему позволить считать себя «униженнымъ и оскорбленнымъ» только потому, что онъ сталъ бѣденъ. Тогда мы не удивимся, наконецъ, какъ непріятно удивляемся теперь, что къ любимой дѣвушкѣ Максимъ обращается не потому, что она любима, а потому, что она богата («Спасите меня... Вы богаты. Будьте моею женой»)...

Тогда все будетъ понятно, но тогда все будетъ и неинтересно. И никакой серьезной разницы не окажется между Максимомъ и его братомъ: одинъ разорился, другой процвѣтаетъ, одинъ развитѣе, другой ограниченѣе; но по существу они—сыновья одного богатаго отца, и никто изъ нихъ не блудный. И на террасѣ приволжскаго дома сидитъ передъ нами одна семья.

Такъ авторъ помѣшалъ самому себѣ и сдѣлалъ своего «блуднаго сына» мельче, чѣмъ онъ могъ выйти. Не возникъ передъ нами законченный и привлекательный обликъ мятущагося человѣка, у котораго «душа плачетъ», который беззаботенъ и бездоменъ,—Максимъ о домѣ, оказывается, страстно мечтаетъ: только въ домѣ можетъ онъ «спокойно созерцать жизнь и свободно наслаждаться ея благами, искусствомъ, природой, общественной дѣятельностью»...

Вся пьеса вообще написана въ тонахъ неопредѣленныхъ и блѣдныхъ, ея діалогъ незначителенъ, ея движеніе слабо. У г. Найденова лучше намѣчены образы эпизодическіе, нежели фигура самого героя: мила его сестра, и трогательное впечатлѣніе производитъ его мать,—такъ и вспоминается вѣчная мысль Ницше о томъ, что хорошо Одиссею странствовать въ мірѣ и посѣщать чужіе народы и земли,—но каково матери Одиссея, которая ждетъ не дождется его въ томительные дни и безсонныя ночи...

Внѣшнія особенности пьесы дали Художественному театру поводъ и право блеснуть мишурнымъ нарядомъ режиссерскаго и декоративнаго искусства, и театръ воспользовался этою счастливою для него возможностью: былъ прекрасенъ видъ на Волгу, реально свистѣлъ пароходъ, изъ трубы поднимался отработанный паръ, кричалъ коростель...

«Иванъ Миронычъ» — сатира на инспектора. Намъ кажется вообще, что кто, въ затаенной горечи гимназическихъ обидъ, инспектора еще не забылъ и считаетъ нужнымъ осмѣивать его, тотъ самъ внутренне отъ инспектора не освободился и продолжаетъ быть подъ его ферулой. Но если ужъ брать на себя эту легкую задачу, то линія слѣдуетъ употреблять не такія каррикатурныя и прямыя, какія допустилъ грубоватый юморъ г. Чирикова. Затѣмъ, для веселаго шаржа можно было бы вполне удовольствоваться однимъ актомъ, — именно, первымъ, который автору удалось лучше всего; второй же и третій акты незатѣйливую мысль г. Чирикова повторяютъ на разные лады, и отъ этихъ варіацій становится скучно. Наконецъ, если въ области водевилля г. Чириковъ находится у себя дома, то элегические мотивы, томленіе женской души, тоска по свѣтлой жизни лежать внѣ его писательской компетенціи, и въ этой чуждой для него сферѣ онъ попытка заговорить голосомъ Чехова. Но на Чехова похоже не вышло...

Безподобно, до совершенной нелюзіи игралъ инспектора г. Лужскій; очень типична была мать инспектора въ исполненіи г-жи Самаровой, хороши были фигуры учителей, ихъ женъ и дѣтей. Нечего и говорить, что всѣ детали жанра Художественный театръ воспроизвелъ художественно.

Въ первомъ дѣйствіи пьесы «Поросль» мы узнаемъ, что адвокатъ Гривинъ любитъ учительницу своей дочери. Во второмъ дѣйствіи — двѣ картины; но ни одна изъ нихъ рѣшительно ничего не прибавляетъ къ тому извѣстному факту, что адвокатъ Гривинъ любитъ учительницу своей дочери. Въ третьемъ дѣйствіи онъ продолжаетъ ее любить и, подъ вліяніемъ учительницы, принимаетъ рѣшеніе бросить свою жену. Въ четвертомъ дѣйствіи сами герои уже не участвуютъ: оно происходитъ въ людской, и все время прислуга разговариваетъ между собою о томъ, что адвокатъ Гривинъ продолжаетъ любить учительницу своей дочери. Въ пятомъ дѣй-

стыи сами герои уже не участвуют, и мы из чужих разговоров узнаем, что адвокат Гребинъ не только продолжает любить учительницу своей дочери, но и покинуть съ нею супружескій домъ.

Такъ неторопливый авторъ, злоупотребляя терпѣніемъ зрителей, медленно вытягиваетъ примелькавшуюся нить своей несложной интриги. Зачѣмъ же ему понадобилось столько дѣйствій для такого удручающаго бездѣйствія? Онъ заполнилъ ихъ многообразнымъ содержаніемъ, онъ начинилъ ихъ массой словъ, русскихъ и французскихъ, — онъ хотѣлъ воспроизвести картину текущей дѣйствительности. Студенты, фельдшерица, земскій врачъ и земскій начальникъ, неостроумная карриатура поэта-символиста, длинные разговоры о литературѣ и босикахъ, о мѣщанской морали и Ницше, сверхчеловѣческіе юноши и дѣвицы: все это было, — не было только жизни, бѣдной, обиженой Золушки современныхъ сказокъ. Въѣсто поросли оказался эстетическій бурьянъ. И все это сочиненное, придуманное, взятое не изъ реальности, а изъ журналовъ и газетъ, было такъ явно-мертво, что даже артисты Малаго театра, даже г-жи Федотова и Лешковская, не могли создать иллюзіи правдоподобія.

Ю. А.

Образцы отечественной драматургіи, представленные въ этомъ мѣсяцѣ «Меблированной пылью» г. Никольскаго и «Побѣдителемъ» г. Карпова — прежде всего скучны. Уходя послѣ такихъ пьесъ изъ театра, зритель не испытываетъ ровно ничего, кромѣ утомленія.

Г. Никольскій, видимо, собрался удивить публику новизною сюжета. Онъ со сцены открываетъ намъ нѣдра столичныхъ меблированныхъ комнатъ, показываетъ обычную, повседневную обстановку, въ которой протекаетъ жизнь типичныхъ обитателей «номеровъ».

Правда, кромѣ г. Найденова, который въ очень туманномъ, неопредѣленномъ свѣтѣ показалъ свой «№ 13», кажется, еще никто изъ драматурговъ не пробовалъ изслѣдовать жизнь и типы меблированныхъ комнатъ. Но и г. Никольскій не сдѣлалъ важнаго открытія, не нашелъ ничего интереснаго въ своей «новой области», и написалъ не пьесу, а тусклую и скучную картину самаго непріятнаго, даже отталкивающаго содержанія.

Оказывается, что въ меблированныхъ комнатахъ живутъ очень нехорошіе люди. Только такихъ и нашелъ г. Никольскій, только такихъ онъ и допустилъ въ свой «драматическій эскизъ».

Изъ студенческой среды, изъ исконныхъ обитателей «номеровъ», авторъ взялъ два типа: пошловатаго, шаблоннаго «бѣлоподкладочника» съ самымъ ничтожнымъ внутреннимъ содержаніемъ, и соблазнителя, Донъ-Жуана меблированныхъ комнатъ — съ неизвѣстнымъ внутреннимъ содержаніемъ. По крайней мѣрѣ, авторъ не счелъ нужнымъ снабдить этого таинственнаго студента ничѣмъ, кромѣ атрибутовъ ухаживанія и прельщенія.

Женский персонал выведенъ г. Никольскимъ съ еще большей безпощадностью. Обитательницы «номеровъ» (двѣ продавщицы изъ магазина и одна ученица консерваторіи), по его свидѣтельству, самые нежелательные и непріятные типы. Продавщицы ведутъ жизнь, едва граничащую съ откровенной проституціей, а ученица консерваторіи страдаетъ какой-то болѣзненной «любовью», если можно такъ назвать чувство, заставляющее ее продолжать, ради обожаемаго «купеческаго сына, служащаго въ конторѣ», всевозможныя подлости, шпионить, лгать, писать анонимныя письма и въ концѣ-концовъ даже разыгрывать комедію притворнаго самоубійства.

Самъ «купеческій сынъ», весьма нелѣпый и грубый человѣкъ, находится въ связи съ одной изъ продавщицъ, которая намѣняетъ ему и бросаетъ своего свирѣпаго любовника ради «студента-сердцеѣда».

Рядомъ съ этими лицами авторъ ставитъ еще какого-то каррикатурнаго пессимиста, утверждающаго, что все на свѣтѣ ровно ничего не стоитъ, что самое лучшее — зарѣзаться бритвой, и весьма неправдоподобнаго старика-шестидесятника. Этотъ старикъ знаетъ только двѣ фразы и произносить ихъ достаточно часто для того, чтобы очень наскучить публикѣ.

Первая: «Эхъ, вы! Читайте критиковъ и публицистовъ шестидесятыхъ годовъ!»

Вторая: «Эхъ, вы! Драть-то васъ некому!»

Не правда ли, какой живой типъ, какой настоящій «шестидесятникъ?»

Среди этихъ людей разыгрывается событіе, давшее автору мысль назвать свое произведеніе «эскизомъ» драматическимъ. Вся драма въ томъ, что купеческаго сына бросила продавщица, а онъ никакъ не хочетъ уступить ее студенту-обольстителю. Влюбленная въ купеческаго сына ученица консерваторіи устраиваетъ ради него цѣлую систему шпионства и доносовъ какому-то Ѳомѣ Петровичу, на деньги котораго живетъ измѣнница-продавщица. Къ счастью, этотъ Ѳома Петровичъ на сцену не показывается.

Итакъ, студенты кутятъ и играютъ въ карты, пессимистъ поетъ, шестидесятникъ повторяетъ свои двѣ фразы, купеческій сынъ приходитъ къ убѣжденію, что измѣнницу надо задушить. Въ фіналѣ—сцена удушенія.

Но полузадушенная продавщица оживаетъ, обрадованный ревнивецъ три раза стучитъ въ стѣну сосѣдняго номера, а самъ уходитъ. Это—условный знакъ, приглашающій соперника войти.

«Меблированная пыль». Это, дѣйствительно, пыль и грязь, тщательно выбранная авторомъ изъ быта меблированныхъ комнатъ. Но къ чему же собирать эту грязь, къ чему въ скомканномъ и безпорядочномъ видѣ подносить ее публикѣ подъ видомъ «драматическаго эскиза»?

Хорошо играетъ г-жа Карелина-Ранчъ роль измѣнницы-продавщицы, и не ея вина, если при всемъ томъ типъ получается отталкивающій.

Старательно рисуетъ каррикутуру «бѣлоподкощника» г. Радинъ. Совершенно неподвиженъ въ роли второго студента г. Яценевъ—да ему и по пьесѣ нечего дѣлать. Г. Борисовъ постарался смягчить удивительный

образъ «шестидесятника», придавъ ему комически-добродушный оттѣнокъ. Это, пожалуй, лучше того, что задумалъ г. Никольскій.

Каррикатурнаго пессимиста старательно изображаетъ г. Пельтцеръ. Нельзя не замѣтить и героическихъ усилій г. Боровдина, пытающагося оживить и скрасить неумѣло и очень грубо очерченнаго «купческаго сына».

Г-жа Шиловская выбрала для своего бенефиса интересную пьесу Баталля «Матап-соливгі».

Это—драма, но драма душевная, безъ внѣшнихъ тяжелыхъ эффектовъ, написанная тонко, мѣстами въ чисто-лирическомъ тонѣ. Это драма поздней любви, поздно проснушагося сердца.

Баронесса де-Рисбергъ вышла замужъ очень рано, безъ любви. Ея семейная жизнь сложилась тихо, спойноно, въ тѣсныхъ, но не мучительныхъ рамкахъ. Мужа она уважала, дѣтей любила глубоко. Но иной любви, любви женщины—не было.

Она явилась, когда дѣти уже выросли. Она явилась въ лицѣ Жоржа де-Шамбри, друга старшаго сына Рисберговъ. И долго дремавшее чувство вспыхнуло съ неожиданной и яркой силой. Начинается драма. Де-Шамбри отвѣчаетъ на любовь Ирены Рисбергъ искренне, горячо, со всѣмъ пыломъ молодого сердца, но въ скрытому, тайному счастью уже грозитъ бѣда. Старшій сынъ Ирены, Ришаръ, начинаетъ подозрѣвать отношенія матери къ его другу. И однажды, послѣ ухода де-Шамбри, онъ тихо подкрадывается къ матери, незнающей, что де-Шамбри ушелъ, и обвиняетъ ее... И она говоритъ: «Милый»!—такимъ тономъ, что Ришаръ перестаетъ сомнѣваться. Теперь ясно все.

Наступаетъ драма семейная. Отецъ уже давно подозрѣвалъ Ирену и де-Шамбри, а теперь странное и нервное поведеніе Ришара раскрываетъ ему все.

И Ирену выгоняютъ изъ дома. Выгоняютъ—мужъ и сынъ. Она уходитъ возмущенная, тяжело обиженная грубымъ непониманіемъ ея души, ея внутренней жизни.

Вдали отъ семьи, въ Алжирѣ, съ любимымъ человѣкомъ, она живетъ какъ будто счастливо. Но одна неотвязная мысль не даетъ ей покоя, не даетъ забыться: «скоро—старость».

Ея обожаемый Жоржъ еще ни словомъ, ни взглядомъ не показалъ, что его чувство стынеть, но она съ ужасомъ и горемъ все думаетъ, все готовится къ тому, что «скоро—старость».

Появляется молодая дѣвушка, миссъ Диконъ. Ирена замѣчаетъ только первые проблески влеченія Жоржа къ этой дѣвушкѣ—и сразу рѣшаетъ, что пора,—пора уходить.

Это актъ лирическій, нѣжныхъ и грустныхъ красокъ. Очень изяшна и трогательна заключительная сцена, когда надъ Жоржемъ, заснувшимъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ молодости, тихо плачетъ женщина, такъ поздно

любившая, такъ быстро разставшаяся съ мечтой о личномъ счастьѣ. А въдали слышится томная, нѣжная мелодія. Это миссъ Диконъ зоветъ и ждетъ Жоржа.

Ирена де-Рисбергъ возвращается въ Парижъ. Она разорена, измучена, устала. Ея жизнь кончилась. Ришаръ женатъ, у него уже есть ребенокъ. Его жена—свѣтская женщина; она тщательно и пугливо оберегаетъ приличія. Она даже не хочетъ принять Ирену. Но Ришаръ помнить мать и все еще любить ее. Онъ ласково, хотя пока еще сдержанно, встрѣчаетъ ее и даже пытается — хотя и неудачно — устроить ея примиреніе съ отцомъ. Зато примиреніе съ его женой вполнѣ удастся. Въ концѣ-концовъ, она добрая женщина... Она поняла все горе, все жалкое безсиліе этой несчастной конченой жизни. Она ведетъ Ирену къ своему ребенку, — къ ея внуку. Отнынѣ бѣдная «ташап-солібігі» остается въ ихъ домѣ.

Когда черезъ нѣсколько минутъ Ирена де-Рисбергъ выходитъ изъ комнаты ребенка, она растрогана, но уже спокойна.

Слуга докладываетъ о приходѣ какого-то знакомаго.

— Просите, — говоритъ она.

— Но... madame... я не знаю... могу ли я...

— Не знаете, могу ли я здѣсь распорядиться... Да... Просите! Скажите — бабушка проситъ...

Вотъ и вся пьеса. Несложный, но интересный, не новый, но еще далеко не исчерпанный сюжетъ обработанъ изящно, порою трогательно, порою съ глубокой искренностью. И впечатлѣніе отъ пьесы — хорошее.

Очень недурно и исполненіе. Бенефициантка тонко и обдуманно провела главную роль.

Хорошо игралъ г. Радинъ роль безпечнаго, веселаго, здороваго красавца Жоржа де-Шамбри.

Въ роли Ришара Рисберга недурень г. Чаринъ, хотя иѣстами нѣсколько портитъ впечатлѣніе сухость тона, вообще не чуждая г. Чарину. Но были и интересные моменты. Удачно проведенъ конецъ второго акта — сцена семейной катастрофы.

По обыкновенію умно и интересно игралъ г. Яковлевъ небольшую, но сильную роль барона де-Рисберга.

Спектакль прошелъ съ хорошимъ успѣхомъ, и пьеса, повидимому, публикѣ понравилась. Хорошо принимали г-жу Шилзовскую. И заслуженно.

Выборъ г. Чарина менѣе удаченъ. Въ свой бенефисъ онъ поставилъ «Возвращеніе изъ Іерусалима» М. Донне.

Странная пьеса. Все содержаніе ея построено на расовой нетерпимости евреевъ, на взаимной враждебности французскаго и еврейскаго обществъ, а вѣсть съ тѣмъ остается совершенно невыясненнымъ отношеніе самого автора къ заинтересовавшимъ его вопросамъ.

Юдифъ де-Шуазе (во французскихъ кругахъ ее зовутъ Генріеттой) —

красавица, женщина значительнаго ума и яраго темперамента. Она бросила мужа—де-Шуазе—потому, что между ними было слишкомъ мало связующаго, общаго. Главной же основой разрыва послужило его враждебное отношеніе къ еврейству. Но Юдифь еще очень молода. Ея душевная жизнь не можетъ быть заполнена лишь одной преданностью и любовью къ единовѣрцамъ. Она ждетъ любви—и вскорѣ встрѣчается съ Мишелемъ Обье, молодымъ человѣкомъ изъ высшаго круга. Это—умный, чуткій человѣкъ, талантливый ученый, извѣстный писатель-философъ. Онъ еще молодъ, но у него уже есть семья—жена, дѣти. И послѣ встрѣчи съ Юдифью семья рушится, Мишель бросаетъ жену, оставляетъ дѣтей,—онъ весь во власти прелестной еврейки.

И она любитъ его. Она вѣритъ, что онъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, талантливый философъ, — не только не будетъ мѣшать ея еврейскимъ симпатіямъ, но даже и присоединится къ нимъ.

Первое время надежды ея оправдываются. Вмѣстѣ они ѣдутъ въ Іерусалимъ, съ благоговѣніемъ и любовью осматриваютъ развалины великаго города, и читаютъ его скорбную исторію въ мшистыхъ и пыльных камняхъ. Въ Іерусалимѣ Юдифь изъ еврейки убѣжденной становится еврейкой фанатической, слѣпо и безраздѣльно преданной своей расѣ.

Мишель не мѣшаетъ ей. И въ самой похвѣдѣ въ Іерусалимъ онъ видитъ научный матеріалъ, и во всемъ еврействѣ интересную область для изслѣдователя-ученаго.

Но по возвращеніи изъ Іерусалима ихъ счастье быстро начинаетъ меркнуть. Связь съ Юдифью оттолкнула отъ него общество, въ которомъ онъ жилъ прежде. Только одна сестра его, легкомысленная и пустая Андре Данкуръ, да старый дядя, Эмиль Обье, бывають въ его домѣ. Зато общество Юдифи слишкомъ многочисленно и разнообразно. Тутъ и умный Лазарь Гендельсонъ, могущественный человѣкъ, миллионеръ и проповѣдникъ лиги «Свѣта», тутъ и Монсакъ, и журналистъ Афелеръ, и Зонжанъ и блестящій молодой еврей Вовенбергъ, — пока еще кутела безъ опредѣленныхъ занятій, а въ будущемъ чуть ли не министръ. Эта специфически еврейская среда, такъ свысока относящаяся ко всему, что не касается ихъ непосредственно, такъ третирующая Мишеля Обье и не желающая замѣчать его присутствія въ домѣ, становится, наконецъ, для него мучительною. Только въ Лазарѣ Гендельсонѣ видитъ онъ достойнаго и интереснаго человѣка, но и Лазарь отталкиваетъ его своей узостью... да кромѣ того Лазарь Гендельсонъ былъ когда-то женихомъ Юдифи.

Катастрофа неизбежна, и она быстро приближается послѣ одного еврейскаго собранія, когда Мишель Обье выгоняетъ самоувѣреннаго и дерзкаго Вовенберга; между нимъ и Юдифью происходитъ тяжелое объясненіе. Оба раздражены. У обоихъ слишкомъ много тяжелыхъ обвиненій, но не другъ противъ друга, нѣтъ, — а противъ родныхъ имъ расъ.

Оба слишкомъ нервно и горячо относятся къ спору, оба ставятъ другъ

другу немислимыя для каждаго требованія. Мишель Обье требуетъ, чтобы Юдифь ради него отреклась отъ своихъ расовыхъ симпатій, Юдифь требуетъ, чтобы ради нея онъ всецѣло отдался тому, чему такъ беззавѣтно предана она.

Провисходить бурное, нервное объясненіе, съ жестокими укорами, съ потокомъ тяжелыхъ обвиненій, съ рѣзкими и мучительными деталями. И, конечно, такое объясненіе можетъ привести только къ взаимному раздраженію, къ взаимному непониманію. Слишкомъ различны, слишкомъ непримиримы боги, которымъ молятся эти случайно сошедшіеся люди.

Именно этотъ третій актъ (кстати превосходно разыгрываемый артистами) даетъ намъ полное право изумляться индифферентизму автора. Упреки и обвиненія двухъ враждующихъ сторонъ одинаково вѣсны. Недостатки собравшагося у Юдифи еврейскаго общества очевидны и рѣзко подчеркнуты.

Но зато авторъ заставляетъ философа Мишеля Обье чуть ли не защищать армію, а его дядя Эмиль Обье, представитель старой французской аристократіи, въ спорѣ съ евреями высказываетъ мысли по меньшей мѣрѣ неосновательныя.

Четвертый актъ — самый слабый въ пьесѣ. Это какой-то пустой и незначительный отрывокъ, рѣшительно непригодный для финала.

Къ Мишелю является его жена, и онъ, послѣ долгихъ колебаній и борьбы, даетъ согласіе на ея новый бракъ, хотя при этомъ ему приходится почти окончательно отказаться отъ свиданій съ дѣтьми. Ему тяжело и больно, и становится еще тяжелѣе и больнѣе, когда онъ узнаетъ, что на мѣсто въ министерствѣ, вмѣсто его protégé, назначенъ его недавній противникъ по дуэли — Вовенбергъ. Это сдѣлали просьбы Юдифи и протекція могущественнаго Лазаря Гендельсона.

Послѣднее объясненіе съ Юдифью, на этотъ разъ не порывистое и рѣзкое, а безнадежно грустное.

И Юдифь уходитъ, а Мишель Обье остается одинъ.

Что сказать о такой пьесѣ? Въ ней есть удачныя черты, мѣтко схваченныя детали, вѣрные жизненные типы, интересныя положенія. Живой діалогъ, нѣкоторая оригинальность въ архитектурникѣ — все это несомнѣнныя достоинства. Но въ «Возвращеніи изъ Іерусалима» нѣтъ законченнаго стройнаго плана, а главное — нѣтъ, если не руководящей идеи, то, по крайней мѣрѣ, объединяющей мысли.

Тѣмъ не менѣе спектакль надо признать удачнымъ — особенно благодаря исполненію. Отмѣтимъ, кстати одно очень отрадное явленіе. Г-жа Карелина-Раячъ совершенствуется. Мы видѣли ее во многихъ и разнообразныхъ роляхъ. Но только теперь можемъ вполне опредѣленно и съ достаточнымъ основаніемъ сказать, что г-жа Карелина-Раячъ обладаетъ недюжиннымъ и интереснымъ талантомъ. Съ нея какъ бы спадаетъ нежелательный отпечатокъ провинціальной сцены — и мы видимъ все большую свободу, увѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и одухотворенность въ ея игрѣ.

Очень трудная роль Юдифи удалась артисткѣ. Это—исполненіе глубоко продуманное и хорошо прочувствованное. Г-жа Карелина-Ряичъ, какъ мы уже не разъ говорили, артистка нѣсколько холодная, но въ роли Юдифи, особенно въ третьемъ актѣ, игра ея не разъ захватывала искренностью и силой.

Хорошо игралъ и бенефициантъ—г-нъ Чаринъ.

Очень недуренъ г-нъ Радинъ въ роли Вовенберга.

Маленькая роль Лазаря Гендельсона видимо не понравилась г-ну Яковлеву, и онъ провелъ ее, противъ обыкновенія, вяло и блѣдно.

Не на своемъ мѣстѣ и г-нъ Борисовъ — Эмиль Обье. Мы не видимъ ни стараго аристократа, ни бывшаго военного-націоналиста. Положимъ, роль очень трудна, такъ какъ слишкомъ мало даетъ матеріала.

Искренно, но въ слишкомъ рѣзкихъ тонахъ, роль жены Мишеля Обье играла г-жа Шяловская.

Нельзя не упомянуть о переводѣ пьесы, сдѣланномъ г-жею Шмидтъ. По обыкновенію, это очень слабый переводъ, некрасивый языкъ, тяжелый и шероховатый. Или — слишкомъ спѣшная работа (что очень вѣроятно въ виду массы переводовъ г-жи Шмидтъ на сценѣ театра Корна), или переводчица вообще очень плохо справляется со своей задачей, требующей хорошаго знанія *обоихъ языковъ*.

Намъ не хотѣлось бы говорить много о «Побѣдителяхъ» — новой пьесѣ г-на Евтіхія Карпова. Это очень неудачная пьеса, и въ имени г-на Карпова, какъ драматурга, она отнюдь ничего не прибавляетъ.

Юрій Аркадьевичъ Радковскій, разорившійся помѣщикъ, но неустанно кутящій баринъ, ради поправленія дѣлъ женится на молодой купчихѣ и всѣми мѣрами старается поскорѣе истратить ея значительное состояніе. Несмотря на противодѣйствіе директора фабрики Никитенко, онъ эту фабрику разоряетъ, продаетъ какіе-то дома и, не имѣя «свободныхъ» денегъ, даже ставить на векселяхъ фальшивые бланки своей жены при помощи какого-то афериста Куляпко. Но безпринципный адвокат Лобачевичъ въ-время сообщаетъ объ этихъ векселяхъ молодой Радковской, она векселя скупаетъ, а сама уѣзжаетъ отъ мужа.

И онъ послѣ серьезнаго объясненія говорить (это финалъ пьесы):—

— Знаете, вы мнѣ теперь нравитесь больше, чѣмъ когда-либо, и дешево я васъ не отдамъ!

Развѣ не водевиль этотъ скверный анекдотъ? А г-нъ Карповъ растянулъ его на четыре акта и снабдилъ десятью дѣйствующими лицами. Появляется отецъ молодой купчихи, но почти ничего не говоритъ. Эту роль какого-то страннаго и пугливаго купца г-нъ Яковлевъ, естественно, играетъ безцвѣтно. Появляются аферистъ Куляпко и адвокат Лобачевичъ,—но для дѣйствія они почти не нужны, они—гости въ пьесѣ и гг.

Казанскій и Кригеръ играютъ блѣдно. Г-жа Карелина-Ракчъ не производитъ впечатлѣнія купчихи. Это свѣтская барышня, попавшая въ непріятную исторію.

Г-нъ Чаринъ былъ бы очень хорошимъ Никитенко, но у него опять-таки нѣтъ роли.

Очень хороша только г-нъ Ячменевъ, прекрасно проведшій маленькую эпизодическую роль несправедливо прогнаннаго артельщика Пургина.

Что касается бенефициантки г-жи Блюменталь-Тамариной, то въ совсѣмъ уже ничтожной роли старой дѣвицы Померанцевой она дала даже больше того, чего можно было ожидать. Безпокойная старая дѣва съ ея вѣчной поговоркой: — «А, да что и говорить!» вышла живою и яркой. Жаль только, что въ пьесѣ она какъ-будто совсѣмъ лишняя.

М. П. С.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль

1905 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Исторія, исторія литературы, биографія. — Публицистика. — Политическая экономія, статистика. — Юридическія книги. — Естествознаніе, математика. — Книги для дѣтей, учебники, пособія. — Историческіе журналы и журналы для дѣтей. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го января до 1-го февраля 1905 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Робертъ Бэрнсъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей. — А. Амфи-театровъ. Сабарскіе этюды. *Федоръ Соловубъ*. Книга сказокъ. — Н. А. Худкова. Разсказы. — Павелъ Брюнелли. Легенды и настроенія.

Робертъ Бэрнсъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей И. А. Бѣлоусова. Съ биографическимъ очеркомъ. Изданіе А. С. Суворина. („Дешевая библіотека“, № 361.) Спб. Ц. 20 к. Нельзя не привѣтствовать появленія въ коллекціи „Дешевой Библіотеки“ сборника стихотвореній знаменитаго шотландскаго народнаго поэта, который извѣстенъ русской читающей публикѣ значительно менѣе, чѣмъ онъ того бы заслуживалъ. Бэрнсъ принадлежитъ къ небольшому кружку всемірныхъ поэтовъ „божьей милостью“, душа которыхъ представляетъ неистощимый родникъ глубокой и истинной поэзіи, поэзіи правдивой, искренней, задушевной, тонко-художественной и общечеловѣческой по своему содержанію. Какъ поэтъ-самородокъ, вышедшій изъ народной среды, онъ во многомъ напоминаетъ нашего Кольцова, хотя и превышаетъ его глубиною, гибкостью и разносторонностью своего таланта и широтою своихъ общественныхъ демократическихъ идеаловъ.

Въ сборникъ вошли едва ли не всѣ стихотворенія Бэрнса, имѣющіяся въ русскихъ переводахъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ. Изъ старыхъ лучшіе переводы принадлежали талантливому переводчику М. Михайлову: „Злая судьба“, „Пахарь“, „Къ полевой мыши, разоренной мормышъ плугомъ“, „Къ срѣзанной плугомъ маргариткѣ“, „Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!“ и „Джонъ—ячменное зерно“. Эти переводы можно назвать превосходными. Очень удачны также старые переводы В. Костомарова: „Прежде всего“, „Тамъ О'Шантеръ“ и др. „Веселые нищіе“ даны въ прекрасномъ переводѣ П. И. Вейнберга. Изъ новыхъ переводовъ едва ли не лучшіе принадлежатъ г-жѣ О. Чюиной.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что до сихъ поръ на русскомъ языкѣ живетъ сравнительно небольшая часть всего поэтическаго наслѣдства Бэрнса. Желательно было бы имѣть полный русскій переводъ всѣхъ его произведеній. Не грѣхъ бы нашимъ переводчикамъ обратить болѣе вниманія на этотъ первостепенный талантъ!

Приложенный къ сборнику „Биографическій очеркъ“ представляет изъ себя краткій перечень важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Барнса. Здѣсь мы не найдемъ ни сколько-нибудь яркой характеристики его замѣчательной личности, ни надлежащей оцѣнки его несравненнаго таланта. А то и другое необходимо было сдѣлать въ подобномъ популярномъ изданіи, рассчитываемомъ на читателя, далеко не всегда достаточно подготовленнаго. По меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы использовать превосходную статью Карлейля, имѣющуюся и въ русскомъ переводѣ („Историческіе и критическіе опыты“).

А. Амфитеатровъ. Сибирскіе этюды. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. Имя г. Амфитеатрова пользуется установившеюся газетною популярностью: это одинъ изъ опытныхъ „застрѣльщиковъ“ передовой цѣли бойкихъ фельетонистовъ современности. Поэтому его новая зеленая книжка — „Сибирскіе этюды“, прочтется среднимъ русскимъ читателемъ легко и, быть можетъ, даже „за одинъ присѣсть“... Но возникаетъ другой вопросъ: что останется существенно-новаго въ сознаніи такого читателя послѣ чтенія этой занимательной книжки? Если хотите, пожалуй, рядъ возмутительныхъ анекдотовъ и анекдотиковъ изъ быта сибиряковъ и только! При чемъ слѣдуетъ добавить, что значеніе ихъ возмутительности отчего-то очень скоро тускнѣетъ и испаряется... Еще съ легкой руки покойнаго Н. С. Лѣскова („Мелочи архіерейской жизни“) русский анекдотизмъ обличительнаго свойства одно время былъ въ усиленномъ спросѣ и даже значился въ index'ѣ русской литературы... Этотъ интересъ объясняется тѣмъ, что анекдотъ въ талантливомъ и характерномъ, „стальномъ“, изложеніи рассказчика вторгался въ сферу пока еще непризнанной на Руси общественной сатиры и ярко свѣтался присвоенными ей лучами... Г. Амфитеатровъ тоже дѣлаетъ такіа попытки, но однако чего-нибудь капитальнаго, вроде „Соборянъ“—Н. С. Лѣскова, пока еще не даетъ русской литературѣ.

Первые девять этюдовъ разбираемой книжки рассказчика рисуютъ „Медвѣжій уголъ“, или по подзаголовку, „Житіе славнаго города Храповицка“. Этюдъ начинается сразу слѣдующей, ошеломляющей читателя, строкой діалога:

— Нѣтъ, это что же? Образованнаго человѣка — и въ морду! Нѣтъ! Затѣмъ?

Оказывается, что это обиженный интеллигентъ возмущается публичнымъ „насиліемъ“, учиненнымъ надъ нимъ другимъ интеллигентомъ изъ-за „карточныхъ недоразумѣній“ въ мѣстномъ клубѣ... Этюдъ („Ночные голоса“) оканчивается рѣшеніемъ обиженнаго плюнуть „при всѣхъ ему (обидчику) въ рожу“... Собесѣдникъ (мировой судья *Грандюзовъ*) одобрительно произноситъ: „И плюнь!“... Второй этюдъ — „Обличитель“, знакомитъ съ уродливою фигурою провинціальнаго обличителя — Кобылкина... Третій этюдъ... впрочемъ, нужно ли все это пересказывать?... Не лучше ли кратко сказать, что персонажи „Медвѣжьяго угла“ и другихъ этюдовъ трактуютъ въ анекдотической формѣ о чрезвычайно возмутительныхъ явленіяхъ мѣстной жизни... Въ общемъ выходитъ пикантно, обличительно и какъ-то „незлобиво-потѣшно“, именно потѣшно, по свойству самой анекдотичности, вслѣдствіе пересела въ выраженіяхъ... Отъ этого происходитъ неестественность: говорится о наблѣвшемъ горѣ нашемъ, русскомъ, о язвахъ бюрократически-закрѣпощенной провинціи, а читатель добродушно хихикаетъ, злорадно фыркаетъ или заливается неудержимымъ хохотомъ. Въ этомъ — „Ахиллесова пята“ всей плеяды „бойкихъ на язычокъ“ нынѣшнихъ газетныхъ чудо-фельето-

нистовъ, бьющихъ на дешевый эффектъ, ради популярности и, едва ли за рѣдкими исключеніями, не ради одной только этой популярности... Г. Амфитеатровъ талантливъ и вдумчивъ въ всѣхъ, но и у него *тонъ* не изъ тѣхъ, который *всегда* необходимъ и присущъ действительно литературному произведенію, которое пережило бы своего автора... Это, такъ сказать, мастерски сдѣланныя „рублевые конфетки“ беллетристики, а не цѣлительныя „пилюли“ серьезнаго обличенія: на такой „конфеткѣ“ вырисована изящная карикатурка... Посмотришь, улыбнешься, проглотишь—пріятно и еще хочется... Если бы г. Амфитеатрову было дано поменьше таланта, но болѣе способности брать „пужный тонъ“, онъ былъ бы въ ряду нашихъ лучшихъ беллетристовъ и даже публицистовъ... А теперь онъ „фельетонистъ пріятный во всѣхъ отношеніяхъ“ и только...

Настоящее заключеніе многимъ покажется очень строгимъ, но оно отнюдь не умаляетъ достоинства г. Амфитеатрова. Повторяемъ, что написанное имъ написано бойко (или, по уличному, „хлестко“) интересно, свѣжо, своевременно, ярко,—даже, пожалуй, *очень ярко-красочно*, но, говоря словами самого же г. Амфитеатрова („Шерлокъ Холмсъ“), авторъ не вліяетъ, „какъ литературный авторитетъ, на общество“... И, благодаря этому досадному обстоятельству, будущій историкъ русской литературы можетъ, пожалуй, даже совсѣмъ не обмолвиться о несомнѣнно крупномъ дарованіи г. Амфитеатрова... А это очень жаль!...

Кромѣ „Медвѣжьяго угла“, въ книжкѣ помѣщены: „Чалдоніада“, „Удалыя головы“ и почти публицистическіе очерки „Сибирскія сомнѣнія“.

Федоръ Сологубъ. Книга сказокъ. Книгоиздательство Грифъ. М., 1905 г. Ц. 80 к. Въ „Книгѣ сказокъ“ г. Сологуба больше всего... бумаги, самой обыкновенной, чистой, бѣлой бумаги. Что же касается до „Сказокъ“, то онѣ такъ малы по своему объему, что почти теряются среди огромныхъ бѣлыхъ полей. Таковъ внѣшній видъ книги. И тѣмъ не менѣе мы отнюдь не хотимъ сказать, что въ этой книгѣ нечего читать. Наоборотъ, многія изъ „Сказокъ“ или, какъ ихъ называетъ самъ авторъ, „Сказочекъ“—весьма образны и временами остроумны. Открывъ наугадъ книгу, читатель наткнется на оригинальную мысль, выраженную сжато и ясно, а зачастую поэтично. Вообще, это—книга, которую нельзя читать въ общераспространенномъ смыслѣ этого слова, но въ которой можно кое-что прочесть. Но, повторяемъ, въ книгѣ слишкомъ много бумаги, благодаря чему она дорога, и то маленькое количество мыслей, которыя разбросаны въ маленькомъ количествѣ маленькихъ сказочекъ, не стоятъ цѣны, выставленной на обложкѣ. Кромѣ того, несообразно большія поля совершенно незаслуженно придаютъ книгѣ специфическій, декадентскій характеръ, потому что въ ней мало декадентскаго, несмотря на то, что она принадлежитъ перу г. Сологуба и издана книгоиздательствомъ Грифа.

Н. А. Худекова. Разказы. Спб. Ц. 1 руб. Изъ двадцати почти разказовъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ, нѣтъ ни одного болѣе или менѣе удачнаго. Безцвѣтнымъ языкомъ разказываются либо мелодраматическіе случаи съ самоубійствомъ и самосожиганіемъ, либо съ чудеснымъ избавленіемъ отъ смерти и явленіемъ угодниковъ. И все это въ серьезъ! Въ одномъ разказѣ (самомъ длинномъ) описывается какая-то колонія близъ Сочи—подробно, съ повтореніями и удручающей тоской. Иногда проглядываетъ желаніе дать разказъ „въ духѣ Чехова“, но глубокая оригинальность покойнаго спасаетъ его произведенія отъ поддѣлокъ. Наблюдательность автора, слишкомъ поверхностная, ограничивается двумя-тремя

тилами, исключительно женскими,—таковы: несчастная мать, скучающая дама, или барышня и часто даже талантливая дама или дѣвица. Только ничто изъ нихъ ничуть не занимательно, и никого не подвигаютъ много-рѣчные разговоры съ устарѣлой манерой вставлять французскія слова. Деревня и помѣщичья усадьба, которую почему-то излюбилъ авторъ, поражаютъ своею дѣланностью и отсутствіемъ жизни, хотя, по автору, обыкновенно тамъ, въ глуши, происходятъ самые трагическіе случаи, самые жестокіе сердечные надрывы. Но для читателя мало однихъ увѣреній, и вмѣсто „трагическаго“ получается жалкое и смѣшное. Это происходитъ оттого, что *мало взять „сильный моментъ“, надо уметь описать его*, а этого умѣнія нѣтъ у г-жи Худековой.

Павел Брюнелли. Легенды и настроения. Издано съ соблюденіемъ правилъ правописанія, применительно къ руководящимъ указаніямъ предварительнаго сообщенія орфографической подкомисіи. Цена один рубль. Особенностью книжки г. Брюнелли является „новая“ орфографія, приближающаяся къ типу, вырабатываемому въ данное время академіей наукъ. Думаемъ, что подобное новшество нужно считать еще преждевременнымъ въ виду того, что принципы новой орфографіи только еще намѣчены и не вполне еще разработаны академіей наукъ. Но г. Брюнелли, помимо этого, желаетъ быть еще самостоятельнымъ и кое-что прибавляетъ еще отъ себя въ обновленіе орфографіи, а это обстоятельство, недостаточно аргументированное, должно уже считаться совсѣмъ неумѣстнымъ. Впрочемъ, у г. Брюнелли есть, повидимому, нѣкоторые основанія печатать свою книгу по новой орфографіи. Вопросъ о новой орфографіи—столько злободневный вопросъ, что многимъ будетъ просто любопытно увидать эту первую ласточку новой орфографической весны, а слѣдовательно, книга будетъ имѣть сбытъ, чего бы, пожалуй, совсѣмъ не случилось, если бы она была напечатана по обыкновенному способу. Тутъ ужъ приходится естественно перейти къ ея содержанію, а содержаніе это далеко не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, какія общаетъ ей внѣшность. Что г. Брюнелли большой поклонникъ Мопассана—это весьма похвально, но что г. Брюнелли желаетъ подражать Мопассану—это уже не похвально. Мопассанъ настолько оригиналенъ, что подражать ему можно, только имѣя большой талантъ. Что же касается до г. Брюнелли, то если онъ и обладаетъ кое-какими литературными данными, то весьма небольшими. Вотъ почему онъ главнымъ образомъ увлекается Мопассановскими сюжетами и положеніями. Особенно патетиченъ въ этомъ отношеніи рассказъ „Спасительница“. Здѣсь есть и любовникъ, котораго въ самый рѣшительный моментъ хватаетъ параличъ, и любовница, чуть не задушившая его, чтобы скрыть слѣды собственнаго паденія, и дочь этой любовницы, сначала вынужденная помочь матери, но не вынесшая подъ конецъ ея позора и повѣсившаяся какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ былъ въ видѣ вещественнаго доказательства любовникъ матери. Въ гарнизонной повѣсти „Атака“ читателю преподносится такая сцена: жена полкового командира, заведшая себѣ любовника, устраиваетъ себѣ съ нимъ свиданія на какомъ-то курганѣ. Между тѣмъ, въ одинъ прекрасный день, когда мужъ ея устроилъ маневры для солдатъ, цѣлая кучка послѣднихъ, взобравшись на курганъ, дѣлается невольными зрителями соответствующей сцены, послѣ чего между мужемъ и любовникомъ происходитъ дикая потасовка, зрителями которой являются въ свою очередь офицеры полка. Какой орфографіей ни описывать вышеописанные сцены, онѣ все же выходить грубыми, аляповатыми и неинтересными. Таковы самостоятель-

ныя произведенія г. Брюнелли. Что же касается до его легендъ, записанныхъ, повидимому, на Кавказѣ, то онѣ довольно красивы и рассказаны живо и интересно.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БИОГРАФИИ.

Е. Бутинъ. Развитие государственнаго и общественнаго строя Англіи. — *Проф. М. С. Грушевскій.* Очеркъ исторіи украинскаго народа. — *А. С. Пруцкинъ.* Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. — *Е. Н. Щепкина.* Читанія по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Вып. I. — *Баронъ Н. В. Дризень.* Матеріалы къ исторіи русскаго театра. — *Т. Вятринскій.* Т. Н. Грановскій и его время. Изд. 2-е. — *А. К. Воробинъ.* Литературныя характеристики. Т. II. Вып. V. — *Проф. О. Эмлинскій.* Изъ жизни идей. — *Русскія былинны.* Вып. I и II. — *А. Д. Григорьевъ.* Архангелскія былинны и историческія пѣсни. Т. I. — *И. Д. Неомомъ.* Борцы и мученики за свободу Болгаріи. — *Милъ Лемке.* Н. М. Ядринцевъ. Биограф. очеркъ. — *Дневникъ Елизаветы Дьяконовой* на высшихъ женскихъ курсахъ; *Е. А. Дьяконова.* Дневникъ русской женщиной.

Е. Бутинъ. Развитие государственнаго и общественнаго строя Англіи. Пер. подъ редакціей **М. Н. Покровскаго** (Научно-образовательная бібліотека). М., 1904 г. Книжка представляетъ собою прекрасно написанный общій очеркъ политическаго и соціальнаго развитія Англіи со времени норманскаго завоеванія. Автора можно упрекнуть только въ нѣкоторомъ невниманіи къ демократическому теченію въ исторіи Англіи, что и сказалось на его замѣчаніяхъ касательно возстанія Тайлора, движенія индепендентовъ и отношенія рабочаго класса къ законодательству. Всѣ эти слабые пункты и отмѣчены по заслугамъ въ особыхъ примѣчаніяхъ редактора перевода. Но въ цѣломъ разбираемая книжка несомнѣнно можетъ служить прекраснымъ пособіемъ при изученіи общаго хода развитія англійскаго государства и общества, важнаго и какъ оригинальный варіантъ западно-европейскаго развитія вообще, и по его вліянію на воззрѣнія теоретиковъ и практиковъ политики двухъ послѣднихъ вѣковъ. Тутъ необходима только одна оговорка: книжка написана прекрасно, но при этомъ изложена такъ отвлеченно и предполагаетъ извѣстнымъ столь многое, что извлечь изъ изученія ея всю возможную пользу можетъ только читатель, уже привыкшій къ серьезному чтенію и знакомый съ основными данными предмета. Настоящій переводъ является уже вторымъ: первый вышелъ въ Москвѣ же въ 1897 г. Новое изданіе уступаетъ старому только въ одномъ отношеніи — по качеству бумаги. Но зато переводъ его исполненъ съ дополненнаго оригинала, въ которомъ разъ въ пять расширена послѣдняя глава — о реформѣ XIX вѣка, и проредактированъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ предметомъ, такъ что на точность и литературность передачи подлинника можно вполне положиться; наконецъ, новое изданіе гораздо дешевле стараго. Редакторъ снабдилъ переводъ рядомъ примѣчаній, поясняющихъ многіе необычные термины, но зато, къ сожалѣнію, оставилъ совсѣмъ безъ перевода нѣкоторыя выраженія и даже цитаты (стр. 40, 84, 95, 110), что для читателя не можетъ не составить нѣкотораго затрудненія, а также не указалъ на существованіе русскіхъ переводовъ сочиненій Фримана, Дайси, Тойнби, Сили.

Проф. М. С. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. Книга г. Грушевскаго представляетъ собою курсъ исторіи украинскаго народа, читанный весною 1903 г. по приглашенію русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ. При обработкѣ курса для печати авторъ имѣлъ въ виду „читателей съ извѣстною привычкою къ научному чтенію, ищущихъ не внѣшней занимательности разсказа, а научнаго изложенія“ и старался „въ краткомъ и сжатомъ видѣ дать

возможно точный образ исторического процесса, пережитого украинскими народами". Самый курсъ является извлеченіемъ изъ обширнаго и дѣланнаго труда г. Грушевскаго „Исторія Украины-Руси“, напечатаннаго въ Львовѣ на украинскомъ языкѣ и перенесеннаго на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ у Teubner'a. На русскомъ языкѣ не существуетъ цѣльнаго обзора исторіи украинскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому признанію самого автора, ни украинскій оригиналъ его труда, ни нѣмецкій переводъ не могутъ получить сколько-нибудь значительнаго пространства въ Россіи. Мы полагаемъ, что указанное обстоятельство, а равно несомнѣнныя достоинства курса г. Грушевскаго дѣлаютъ послѣдній крупнымъ приобретеніемъ русской научно-популярной литературы. Въ 24 главахъ на 24 печатныхъ листахъ авторъ сумѣлъ уложить обзоръ исторіи украинскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до первыхъ лѣтъ XX вѣка; доступный по объему и манерѣ изложенія обзоръ даетъ цѣльное, определенное впечатлѣніе; научно сложенный, онъ въ то же время далеко не чуждъ преслѣдованія извѣстныхъ общественныхъ задачъ, что съ особенною яркостью обнаруживается въ послѣднихъ главахъ обзора. Авторъ открываетъ свое изложеніе обрисовкой современной украинской колонизаціи и ея историческихъ намѣненій, также украинскаго этническаго типа, расселенія украинскихъ племенъ, древнѣйшихъ культуры, быта и торговли. Отъ лѣтописной традиціи о началѣ кievскаго государства авторъ переходитъ къ характеристикѣ послѣдняго въ періодъ созиданія (IX—X вв.), затѣмъ въ періодъ разложенія (XI—XII вв.), наконецъ къ выясненію общей фязіономіи княжествъ-земель XI—XIII вв. и галицко-волынскаго государства, при чемъ политическое и общественное устройство, право и культура XI—XIII вв. выдѣлены въ особую главу (стр. 1—115). Вторая часть обзора, которую можно начинать девятою главой, начинается описаніемъ процесса перехода украинскіхъ земель подъ власть великаго княжества литовскаго и Польши (XIV—XV вв.) и затѣмъ сосредоточенія ихъ въ рукахъ Польши XVI в. Анализъ соціального строя въ связи съ хозяйственнымъ бытомъ украинскіхъ земель и происхожденіе религіозно-національнаго и культурнаго движенія XVI—XVII вв. приводятъ читателя книги г. Грушевскаго къ главамъ о происхожденіи и развитіи казачества, о казачествѣ и казацкихъ войнахъ до 1648 г., о движеніяхъ Хмельницкаго и смутахъ 1660—1680 гг. (стр. 116—278). Третья и послѣдняя часть книги обнимаетъ исторію украинскаго народа въ XVIII и XIX в. (стр. 278—380), открывающуюся изображеніемъ соціально-экономическаго процесса въ восточной Украинѣ XVII—XVIII вв. Авторъ изучаетъ затѣмъ обособленіе украинской и великорусской народностей какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ психо-физическомъ отношеніяхъ. Обособленіе это выходитъ „далеко за предѣлы исторіи“, а въ прошломъ судьбы обѣихъ народностей направлялись различными путями... „Въ результатъ,—говоритъ авторъ,—образовалось народное самочувствіе, которое отличаетъ теперь совершенно инстинктивно украинца и великоросса, *хотла* и *кацана*, и даетъ себя чувствовать уже на первыхъ страницахъ исторіи“. Въ лицѣ великороссовъ и украинцевъ передъ нами, по мнѣнію автора, несомнѣнно,—двѣ народности, двѣ исторіи. „Историческая судьба,—читаемъ у г. Грушевскаго, не разъ сводила ихъ рядомъ, при чемъ въ первыхъ вѣкахъ ихъ исторической жизни роль зиждущаго, культурно и политически преобладающаго, первенствующаго въ восточной Европѣ элемента играла народность украинская, въ послѣднихъ—народность великорусская; вѣтъ этихъ соприкосновеній и одновременно съ ними историческая жизнь той и другой развивалась са-

мостоятельно и своеобразно, все болѣе увеличивая сумму отличій всего склада ихъ жизни и отдѣляя ихъ національные типы все болѣе рѣзкою чертой". Изложенная сейчасъ основная точка зрѣнія проникаетъ собою всю работу г. Грушевскаго и опредѣляетъ не только общій характеръ книги, но и всѣ детали послѣдней. Заговоривъ объ украинскомъ возрожденіи въ XIX в., г. Грушевскій на основаніи изложеннаго имъ историческаго матеріала призываетъ вѣрить „жизненности и выносливости украинской народности, не вырождавшейся подъ пятивѣковымъ гнетомъ, и ея старой культурности, не утраченной среди упадка и рабства“; онъ убѣжденъ, что „съ прекращеніемъ внѣшнихъ вліяній украинская народность вступить въ стадію широкаго національнаго развитія, подготовленнаго уже культурными успѣхами украинской національности въ Галиціи“, онъ убѣжденъ въ этомъ настолько, что рѣшается заключить свою книгу такими словами: „широкое и всестороннее развитіе украинской народности является вопросомъ только времени, быть можетъ—очень недалекаго времени“. Безспорно, что въ книгѣ г. Грушевскаго найдется не одно утвержденіе, по поводу котораго можетъ возникнуть ученое разнорѣчіе; ему можно сдѣлать упрекъ и за то, что специально-хозяйственная сторона исторіи украинскаго народа затронута въ книгѣ въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ это надлежало бы при современномъ состояніи науки. Тѣмъ не менѣе книга г. Грушевскаго должна быть признана цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу и усердно рекомендована нашей читающей публикѣ.

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. М., 1905 г. Ц. 60 к. Статья, вошедшая въ эту брошюру, первоначально были напечатаны въ журналѣ *Право* за 1902—1904 годы. Цѣль отдѣльнаго ихъ изданія, по словамъ автора, заключается въ томъ, чтобы еще разъ напомнить о печальной аномалии, уцѣлѣвшей въ нашей жизни отъ далекихъ вѣковъ религіозной нетерпимости. Такое напоминаніе было дѣйствительно нужно, потому что общественное мнѣніе до послѣдняго времени проходило какъ-то мимо факта существованія монастырскихъ тюремъ, и большинство было склонно даже признавать за ними лишь чисто историческое значеніе. Между тѣмъ заточеніе въ монастырскихъ тюрьмахъ существуетъ и понынѣ и по своей жестокости и вѣзаконности представляетъ нѣчто исключительное даже и у насъ, гдѣ жестокость и произволъ не составляютъ особой рѣдкости. Правда, одна изъ этихъ тюремъ, при Соловецкомъ монастырѣ, уничтожена осенью 1903 года, но такая же другая тюрьма, при Суздальскомъ Спасо-Ефиміевомъ монастырѣ, остается до сихъ поръ; въ ней и сейчасъ томятся четырнадцать человѣкъ*). И даже въ двадцатомъ вѣкѣ были случаи новыхъ заточеній. Что особенно ужасно,—это совершенная неопредѣленность и произвольность, царствующая въ дѣлѣ монастырскихъ заточеній. Не существуетъ никакого закона, который бы опредѣлялъ: за что и по чьему распоряженію можно подвергнуться этой ужасной карѣ, по суровости своей превышающей наказанія за самыя тяжкія уголовныя преступленія. Монастырское заточеніе не можетъ быть даже названо и наказаніемъ, такъ какъ оно назначается большею частію не на какой-нибудь срокъ, а „впредь до раскаянія“ или „до исправленія“. Такимъ образомъ, это есть не что иное, какъ средство принужденія, направленное въ тому, чтобы заставить человѣка отречься отъ его религіозныхъ убѣжденій, т.-е. попросту говоря, пытка. А между тѣмъ пытка считается у насъ, по закону, давно уничтоженной.

*) Телеграфъ принесть извѣстіе, что шесть человѣкъ изъ заключенныхъ въ Суздальскомъ монастырѣ и одинъ изъ заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ—освобождены.

Авторъ даетъ довольно подробный очеркъ исторіи заточенія въ монастырскихъ тюрьмахъ, начиная съ XVI вѣка. Оказывается, что число заточенныхъ было далеко не незначительно. Въ одномъ Суздальскомъ монастырѣ, сдѣлавшемся мѣстомъ заточенія лишь съ 1766 года, было заключено съ того времени 403 человѣка, изъ которыхъ на XVIII вѣкъ приходится 61, а на XIX—341, причемъ на первую его половину до 1 января 1851 года—108 человѣкъ, а на вторую до 1 января 1902 г.—233 человѣка. Такимъ образомъ, оказывается, что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ монастырѣ число заключенныхъ за послѣднее время не уменьшалось, а скорѣе прогрессировало. Эпоха реформъ шестидесятыхъ годовъ ничего не измѣнила въ этомъ дѣлѣ. Такъ, въ 1863 году въ суздальскую тюрьму былъ заключенъ старообрядческій епископъ Геннадій, въ 1865 г. священникъ П. Ф. Золотниціи, ушедшій въ раскольникъ-бѣглопоповцевъ. Въ это же время въ 1861 году былъ заключенъ въ тюрьму Соловецкаго монастыря священникъ Ѳеодоръ Померанцевъ „за неправильное толкованіе манифеста 1861 г.“. Въ 1864 г. въ Соловецкій монастырь—священникъ Яхонтовъ, за совершеніе панихиды по Антонію Петровѣ, убитомъ во время крестьянскаго возмущенія въ с. Безднѣ въ 1861 г. Послѣдніе примѣры указываютъ на то, что въ монастырскія тюрьмы попадали не только люди, признававшіеся виновными въ религіозныхъ преступленіяхъ, но и въ преступленіяхъ политическаго характера. Вообще мотивы заключенія въ монастырскія тюрьмы отличались всегда крайнимъ разнообразіемъ и неопредѣленностью. Были случаи заточенія за участіе въ демонстраціи, за „произнесеніе дерзкихъ, неприличныхъ и оскорбительныхъ словъ насчетъ Высочайшихъ особъ и государственной власти“, даже иногда, если эти слова говорились безъ злого умысла, въ пьяномъ видѣ, „за буйство и дерзкіе поступки“, „за мѣтніа о религіи и гражданскомъ устройствѣ, обнаруживающія превратность идеи о сихъ предметахъ“ и т. д. Нѣкто Семень Шубинъ „за старообрядчество и богохульные слова на св. дары и церковь“ просидѣлъ въ соловецкой тюрьмѣ 63 года. Авторъ приводитъ вѣсколько поразительныхъ примѣровъ изъ самаго послѣдняго времени. Такъ, по ходатайству архангельскаго епархіальнаго начальства въ 1894 году былъ заключенъ въ Суздальскій монастырь В. О. Раховъ, о которомъ извѣстно только одно, что вся жизнь его была посвящена служенію ближнимъ въ духѣ чистаго христіанства. Въ 1902 году онъ былъ освобожденъ, но уже психически больной. Въ 1900 году, по ходатайству самарскаго епархіальнаго начальства, заточенъ нѣкто Федосѣевъ, за то, что жилъ въ пещерѣ и „лицемѣрной праведностью привлекалъ къ себѣ массы народа“. Въ 1901 г. священникъ Тамбовской губерніи Г. И. Цвѣтковъ отправленъ въ заточеніе за то, что осуждалъ подчиненіе церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора св. синода, признавалъ необходимость созыва вселенскаго собора и въ этомъ смыслѣ подавалъ докладныя записки оберъ-прокурору св. синода и высшимъ іерархамъ церкви. Вообще инициатива въ дѣлѣ заключенія въ монастырскія тюрьмы почти всегда принадлежитъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ, и мѣра эта примѣняется всегда въ административномъ порядкѣ безъ всякаго суда. И такое положеніе вещей продолжается и теперь, и узники томятся въ казематахъ и сейчасъ, послѣ того, какъ въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря высказано было, съ одной стороны, признаніе неотложности принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона, дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ властей, а съ другой—неувольное ду-

шеее желаніе верховной власти охранять освященную основными законами имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры.

Не безынтересны также примѣчанія въ книгѣ г. Пругавкина, сдѣланныя духовнымъ цензоромъ іеромонахомъ Александромъ, такъ какъ въ нихъ высказывается взглядъ на монастырское заточеніе, по крайней мѣрѣ официальный, нашего духовенства. Такъ, наприм., по поводу священника Цвѣткова, духовный цензоръ пишетъ: онъ „претерпѣлъ заключеніе не за свои личные взгляды и мнѣнія, а за рѣзкое обнаруженіе этихъ взглядовъ (несогласныхъ съ нашимъ законодательствомъ) во внѣ“ (докладныя записки?). Дѣйствительно, мудро было бы наказать за взгляды, не обнаруженные во внѣ. Но, рекомендуя не обнаруживать своихъ взглядовъ, о. цензоръ не находитъ нисколько страннымъ примѣненіе наказанія къ Федосѣеву за лицемѣріе. Въ другомъ случаѣ о. цензоръ ссылается на примѣръ Иисуса Христа, изгнавшаго торговцевъ изъ храма. Мы, признаемся, недоумѣваемъ, какое значеніе имѣетъ этотъ примѣръ въ данномъ случаѣ. Наше духовенство не изгоняетъ торгующихъ изъ храма, а если искать аналогій въ евангельской исторіи, то, хотя Христосъ и обличалъ фарисѣевъ къ лицемѣрію, но не обращался къ Пилату за содѣйствіемъ противъ нихъ, а напротивъ фарисеи обращались къ Пилату съ жалобой на Христа, обвиняя его въ богохульствѣ и противленіи власти.

Е. Н. Щепкина. Чтенія по исторіи Россіи въ осмнадцатомъ вѣкѣ. Выпускъ I. Государственный строй. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 20 к. Цѣль автора настоящей книги „дать среднему кругу читателей полезное историческое чтеніе“, эксплуатируя „матеріалъ, обработанный специальными изслѣдованіями и курсами“. Первый выпускъ посвященъ государственному строю Россіи XVIII в., другіе предполагаютъ обнять словесный строй, школы, нравы и общественное сознаніе въ XVIII в. (срв. стр. 157). Судя по предисловію, въ такомъ же планѣ имѣетъ быть выполнена серія чтеній по исторіи Россіи XIX в. Названная сейчасъ работа г-жи Щепкиной появляется вслѣдъ за ея „Краткимъ очеркомъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 года“ (Спб., 1903 г.) и по существу можетъ быть разсматриваема, какъ имѣющій совершенно самостоятельное значеніе комментарий къ XIX—XXX главамъ „Краткаго очерка“. Этотъ послѣдній—умѣлый сводъ фактическаго матеріала русской исторіи, приуроченный для средняго круга читающей публики и очень полезный для цѣлей самообразованія. „Чтенія“, если не ошибаемся, навѣяны „Очерками“ г. Милюкова; авторъ суживаетъ только хронологическіе предѣлы изложенія, видоизмѣняетъ общую программу и дѣлаетъ ихъ доступными такому слою читателей, которому не подъ силу „Очерки“. Авторъ нигдѣ не даетъ цитатъ, лишь случайно ссылаясь на Куломзина и Дитятина (стр. 134, 249); тѣмъ не менѣе изъ текста „Чтеній“ компетентный читатель выноситъ впечатлѣніе о хорошемъ знакомствѣ автора съ новѣйшими изслѣдованіями по русской исторіи и умѣнъ преподнести среднему читателю ихъ основные выводы. Для цѣлей самообразованія, для внѣшкольного чтенія учащихъ средней школы новая работа г-жи Щепкиной имѣетъ очень большую цѣну. Помимо всѣхъ свойствъ научно-популярнаго характера она отличается наличностью хорошаго, въ общественномъ смыслѣ, освѣщенія; образовательное значеніе „Чтеній“ г-жи Щепкиной въ широкомъ смыслѣ этого слова не подлежитъ никакому сомнѣнію. Есть въ книгѣ нѣкоторыя неопредѣленности, излишніе эпитеты, неловкости въ планѣ, но все это, конечно, ступенька передъ крупными достоинствами работы, охватывающей такой

периодъ русской исторіи, который въ популярной литературѣ представляеть главнымъ образомъ лишь съ анекдотической стороны. Изъ плана „Чтеній“, какъ кажется, исключена характеристика хозяйственного строя Россіи XVIII в. Если это такъ, то съ такимъ пробѣломъ мириться никакъ нельзя. Пристрастіе автора къ хронологическому шаблону сквозить въ „Чтеніяхъ“ довольно рѣзко. Первый выпускъ состоитъ изъ введенія („пространство и населеніе“) и десяти главъ, посвященныхъ „верховной власти“, „высшей администраціи и областнымъ учрежденіямъ“ эпохи Петра (стр. 27—139), „высшему управленію послѣднато періода XVIII ст.“, „губернскимъ учрежденіямъ Екатерины II“, „финансамъ XVIII в.“ (стр. 179—264), при чемъ особо три главы посвящены „эпохамъ“ (sic!) верховнаго тайнаго совѣта, кабинета и конференціи (стр. 140—178) съ отведеніемъ на каждую эпоху страницъ по десяти! Подчеркивая живое, интересное, дѣловитое изложеніе г-жи Щепкиной, мы должны усердно рекомендовать ея „Чтенія по исторіи Россіи въ осмнадцатомъ вѣкѣ“ вниманію средняго читателя, школьной публики, равно публики, стремящейся къ систематическому самообразованію.

Баронъ Н. В. Дризень. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. М., 1905 года. Баронъ Дризень давно уже занимается исторіей нашего театра. Въ историческихъ журналахъ онъ напечаталъ объ его прошломъ рядъ детальныхъ изслѣдованій, основанныхъ на внимательномъ изученіи печатнаго и рукописнаго матеріала. Теперь они собраны въ книгу, съ большими дополненіями и исправленіями.

Прошлое нашего театра, при всемъ его большомъ научномъ интересѣ, до сихъ поръ еще очень мало изучено. Это заставляетъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться ко всякому новому труду, посвященному его судьбамъ, тѣмъ болѣе, если онъ, какъ книга бар. Дризена, даетъ такъ много свѣжаго фактическаго матеріала.

Въ началѣ книги помѣщены „Очерки любительскаго театра“ (1730—1824 гг.). По мнѣнію автора, „прошлое театральнаго любительства богато серьезными услугами искусству. Въ теченіе почти ста лѣтъ наблюдается цѣлый рядъ моментовъ цивилизаторской и миссіонерской дѣятельности любителя. Въ зависимости отъ времени и условій работы любитель попеременно—пионеръ искусства, защитникъ его идеаловъ отъ чужеземнаго вліянія, инициаторъ новыхъ его теченій“ (стр. 8).

На зарѣ театра любитель „не только смѣлый выдумщикъ заморской потѣхи, но, что важнѣе перваго, инициаторъ публичнаго его представленія“. Любитель эпохи Бироновщины „энергично борется противъ иноземнаго владычества, и знаменательна его побѣда, когда вѣнцомъ борьбы является основаніе настоящаго русскаго театра“ (при Елизаветѣ). Поднявшаяся затѣмъ „волна театралныхъ увлеченій“ при Екатеринѣ II достигаетъ провинціи. Наступаетъ расцвѣтъ театральнаго любительства, немного задержанный при Павлѣ и развернувшійся съ новою силою при Александрѣ I. Тогда появляется особенно много крѣпостныхъ трущъ, „подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей, волнующихъ современное общество, дѣлается серьезная попытка популяризировать искусство“—создать народный театръ.

Эти общія положенія бар. Дризень иллюстрируетъ многочисленными фактами.

Слѣдующіе очерки посвящены театральной цензурѣ, съ самаго ея возникновенія, и даютъ рядъ характеристическихъ подробностей и анекдотовъ. Затѣмъ слѣдуютъ новыя данныя для біографій драматурговъ, театралныхъ дѣятелей и артистовъ (Екатерина II, Елагинъ, Н. Поле-

вой, Загоскинъ, Островскій, Сухово-Кобылинъ, В. Каратыгинъ, Щепкинъ, Рапсель и „мелочи театральнѣй старины“: документы о посольствѣ фонъ-Стадена за границу при царѣ Алексѣѣ для пригласенія артистовъ, „можно ли шикать въ Императорскихъ театрахъ?“ (вопросъ былъ поднятъ въ 1849 г. и, конечно, рѣшенъ отрицательно) и т. д.

Книга заканчивается соображеніями автора о будущности народнаго театра, организація котораго онъ ждетъ отъ государства, приложеніями (въ томъ числѣ текстъ вновь записанной народной пьесы „Атаманъ“) и указателемъ.

Ч. Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій и его время. Изд. 2. Спб., 1905 г. Первое изданіе книги г. Вѣтринскаго (Вас. Е. Чепихина) было очень сочувственно встрѣчено критикою. Прекрасное знаніе матеріала, живое, одушевленное изложеніе, съ глубокою любовью воскрешавшее обаятельный образъ нашего прошлаго, на широко набросанномъ фонѣ нашихъ умственныхъ движеній первой половины XIX в.—все это сдѣлало „историческій очеркъ“ г. Вѣтринскаго прекраснымъ популярнымъ пособіемъ для ознакомленія съ нашимъ „западничествомъ“ и однимъ изъ наиболѣе яркихъ его представителей.

Второе изданіе, сравнительно съ первымъ, не даетъ „существенныхъ измѣненій ни въ планѣ изданія, ни въ освѣщеніи предмета“: г. Вѣтринскій воспользовался указаніями критики и вновь, уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія, напечатанными данными для частичныхъ, въ общемъ очень немногочисленныхъ перемѣнъ.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Т. II. Вып. I. Спб., 1905 г. Характеристики проф. Бороздина составлены на основаніи внимательнаго изученія литературнаго матеріала, составлены живо, интересно и популярно и въ общемъ даютъ хорошую, хотя и неполную картину движенія славянофильскаго и западническаго. Въ упрекъ можно поставить отсутствіе общаго очерка, посвященнаго генезису и эволюціи этихъ движеній (безъ него большая публика во многомъ изъ отдѣльныхъ характеристикъ не разберется вполне), особаго очерка, посвященнаго Станкевичу, и умышленное суженіе нѣкоторыхъ изъ поставленныхъ себѣ авторомъ задачъ: Герценъ и Кавелинъ взяты только въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, Самаринъ—къ освобожденію крестьянъ, у Хомякова взяты только его взгляды на отношенія Россіи къ Западу. Шире характеристики Грановскаго, семьи Аксаковыхъ, И. Кирѣевскаго и И. Данилевскаго. Въ статьѣ о Бѣлинскомъ указано, главнымъ образомъ, его вліяніе на послѣдующее развитіе русской критики.

Этимъ исчерпывается содержаніе перваго выпуска втораго тома Характеристикъ г. Бороздина.

Проф. Ф. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб., 1905 г. Проф. Зѣлинскій—убѣжденный и краснорѣчивый защитникъ классицизма. Съ его защитою интереса къ античной культурѣ можно, пожалуй, и согласиться: у него самого онъ очень широко и даже отличается извѣстною жизненностью. Наши классики обыкновенно отпугиваютъ отъ себя такимъ унылымъ, бездарнымъ крохоборствомъ и буквѣдствомъ (учебнѣйшія диссертациа объ употребленіи того или другаго предлога у Аристофана или дохмія у Эсхила), что всякое мало-мальски живое слово, раздавшееся изъ ихъ лагеря, невольно обращаетъ на себя общее вниманіе.

По отношенію къ статьямъ проф. Зѣлинскаго оно вполне справедливо и законно. Всѣ онѣ написаны талантливо, живо и ярко и даютъ освѣщеніе прошлаго сквозь призму настоящаго. За ними чув-

ствуется не сухой гелертеръ, а живой человекъ съ своеобразнымъ міровоззрѣніемъ, съ широкими научными и общественными интересами.

Находки новыхъ папирусовъ въ Египтѣ вызвали яркія характеристики Бакхилида съ его одами и балладами, Герода съ его реалистическими бытовыми сценками и Менандра съ его реальною комедіей; юбилей А. Н. Майкова—характеристику античнаго міра въ его поэзіи; толки о свѣтопреставленіи—пересмотръ вопроса о сивилиннихъ книгахъ и „первомъ свѣтопреставленіи“; диссертация г. Ростовцева о тессерахъ—разъясненіе ихъ бытового, въ особенности экономическаго значенія. Особенно интересны статьи—„Рабочая пѣсенка“ (происхождение и развитіе пѣсни—изъ ритмическаго сопровожденія тяжелой работы) и „Происхождение комедіи“, въ которой впервые съ такою опредѣленностью и наглядностью указано зарожденіе греческой комедіи и ея отношеніе къ комедіи римской и новой (Шекспиръ и Мольеръ).

Весь сборникъ отъ начала до конца читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Русскія былины. Вып. I. Богатыри кievскіе. Ц. 30 к. Вып. II. Удальцы новгородскіе. Ц. 20 к. Изданіе И. О. Жиркова. Москва, 1904 г. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ весь кievскій богатырскій эпосъ, начиная съ Вольги Святославовича съ Миколой Селянниновичемъ и кончая Соловьемъ Будиміровичемъ. Особенно полно представленъ отдѣлъ объ Ильѣ-Муромцѣ. Оканчивается сборникъ былинной: „Съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси“. Въ „Удальцахъ новгородскихъ“ помѣщены былины о „Садеѣ“ и „Василѣ Буслаевичѣ“ и нѣсколько мелкихъ сказаній.

Всѣ эти былины разработаны по трудамъ Кирѣевскаго, Гильфердинга, Рыбникова, Кирши Данилова и др. Сборники изданы очень прилично, съ хорошими рисунками (въ I вып. 46 рис., во II—27 рис.) и могутъ быть полезными для шкoлы, народныхъ читаленъ и библиотекъ. Цѣна сборниковъ не высока.

А. Д. Григорьевъ. Архангельскія былины и историческія пѣсни. т. I. М., 1904 г. Ученость—вообще очень хороша, но, „при большомъ количествѣ“, какъ говоритъ Гоголевскій Хома Брутъ про канчуки, „вещь нестерпимая“. Не даромъ старинный эпиграмматистъ писалъ:

Наука у него, какъ гидра, въ мoзгъ засѣла
И до конца прирoднѣй разумъ сѣла...

Это, конечно, поэтическое преувеличеніе, но вотъ подлинный фактъ. Г. Григорьевъ записалъ въ Архангельскомъ краѣ довольно много былинъ и историческихъ пѣсенъ. Среди нихъ есть нѣсколько совершенно новыхъ сюжетовъ; есть любопытные варианты къ темамъ уже извѣстнымъ. Но весь этотъ матеріалъ, въ общемъ имѣющій значительную научную цѣну, г. Григорьевъ обилѣ такими ученымъ соусомъ, что прямо „за человека страшно становится“.

Всѣ страницы введенія и вступительныхъ статей испещрены учеными примѣчаніями. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ таинственный характеръ: „Дурня-валеня“ я не записалъ, хотя имѣлъ возможность записать два его варианта (стр. XIX) — такъ и осталось неизвѣстнымъ, почему г. Григорьевъ не обогатилъ русскую науку вариантами этого „дурня“ и почему онъ рѣшилъ довести объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія. Указываетъ онъ (стр. XX): „противоположность между содержаніемъ старинны и ея внѣшностью (?) вмѣстѣ съ тономъ напѣва также приводитъ слушателей въ веселое настроеніе“ — и тутъ же дѣлаетъ примѣчаніе: „эти

мысли слѣдуетъ проверить съ помощью музыкантовъ“, какъ будто только они способны констатировать „веселое настроеніе слушателей“.

Для опредѣленія книжныхъ и устныхъ источниковъ былинь, хронологическихъ приуроченій ихъ г. Григорьевъ предлагаетъ сравнивать „весь текстъ, всѣ слова“ всѣхъ существующихъ вариантовъ и версій былинь: „правда, что при такомъ изученіи о каждой старинѣ (быльнѣ) придется писать цѣлыя сотни страницъ (!!!), но зато изученіе старинъ будетъ устойчивѣе и будетъ давать болѣе результатовъ, чѣмъ теперь“, хотя такая египетская работа даетъ менѣе всего матеріала для хронологическихъ выкладокъ и опредѣленія книжныхъ и устныхъ источниковъ, которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ сводятся къ иноземнымъ литературнымъ сказаніямъ или своеобразнымъ преломленіямъ въ народной фантазіи историческихъ событій.

Самый процессъ священнодѣйствія — записыванія переданъ г. Григорьевымъ съ удивительными подробностями: напр., „встрѣчая какое-нибудь странное фонетическое явленіе или странную форму, я писалъ надъ странной буквой или формой „sic“. Эту отиѣтку я употреблялъ уже въ первую поѣздку, хотя и рѣдко; во вторую поѣздку я ставилъ ее чаще; въ третью же поѣздку я въ такихъ случаяхъ ставилъ эту отиѣтку или же подчеркивалъ тутъ же карандашомъ соответствующія буквы“ (стр. XXVII).

Разстановка знаковъ препинанія доставила почтенному собирателю много хлопотъ: „осторожность заставляетъ разставляющаго знаки препинанія сидѣть надъ каждымъ изъ нихъ и долго думать, какой лучше поставить здѣсь (?) знакъ“ (XXXIII).

На стр. XXXV и XXXVI г. Григорьевъ приводитъ нѣсколько десятковъ примѣровъ противорѣчій и ошибокъ въ постановкѣ знаковъ препинанія, которые онъ „для цѣлей непонятныхъ“ выловилъ у г. Маркова и Гильфердинга.

Примѣчаніе въ стр. LIV говоритъ о томъ, что г. Григорьевъ „поздно догадался“ опустить ненужную нумерацію.

Но верхъ всего — „варианты“ въ концѣ тома. При записываніи былинь и пѣсенъ г. Григорьевъ иногда ошибался, допускалъ очевидныя описки, писалъ „модецкой“ вм. „молодецкой“, „приноса“ вм. „принесла“, „догалася“ вм. „догадалася“ и пр. Въ печати онъ, конечно, выправилъ всѣ эти слѣшкомъ очевидныя недоразумѣнія, но считаетъ „долгомъ своей научной совѣсти“ (выраженіе, впрочемъ, не г. Григорьева) перечислить ихъ всѣ въ примѣчаніяхъ, въ видѣ „вариантовъ“ (?).

Если опустить всѣ эти странности, что ли, и совершенно неинтересные варианты, представляющіе балластъ для книги, она, безъ ущерба для своего научнаго значенія, могла бы быть сокращена на добрую половину.

И. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Изд. С. Дороватова и А. Чарушниковъ. М., 1904 г. Ц. 60 коп. Книга г. Иванова — очень живо написанные комплятивнаго характера очерки, замѣчательно ярко воспроизводящіе величественныя картины борьбы болгарскаго народа съ насиліемъ и гнетомъ турецкаго правительства. Передъ глазами читателей проносятся исторія освободительнаго движенія, охватившаго многострадальный, поработанный народъ, движенія, во время котораго свобода добывалась „и мечомъ, и перомъ“, и организаціей вооруженныхъ четъ, и насажденіемъ библиотекъ-читаленъ, и изданіемъ популярныхъ брошюръ антиправительственнаго содержанія. Эта исторія прекрасно иллюстрируется биографическими данными о вели-

чественныхъ повстанцахъ, положившихъ свои головы во имя народной свободы, о великихъ матеряхъ, воспитавшихъ въ своихъ дѣтяхъ горячую ненависть къ произволу и безграничную любовь къ свободѣ и въ концѣ-концовъ вручавшихъ своимъ дѣтямъ мечи.

Книга г. Ивановича, безъ сомнѣнія, сдѣлается настольной и въ квартирѣ рабочаго, и въ комнатѣ подростка-гимназиста, стремящагося выработать сознательное отношеніе къ окружающимъ его явленіямъ.

Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ къ десятилѣтію со дня кончины. Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. Попова. Изданіе редакціи „Восточное Обозрѣніе“. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Жизнь Н. М. Ядринцева, ясная, сложная, полная блестящихъ плановъ и смѣлыхъ предпріятій, была проникнута съ начала до конца одной смѣлой идеей — вывести Сибирь на путь цивилизаціи и прогресса. Сибирь этотъ замѣчательный человѣкъ отдалъ всю свою энергію, всѣ лучшіе помыслы. „Ее любилъ онъ сознательно и глубоко, — говоритъ въ введеніи къ книгѣ г. Лемке И. И. Поповъ, — онъ вѣрилъ въ тѣ животворныя начала, которыя скрываются въ массѣ ея иноплеменнаго населенія. Онъ любилъ ея особенности, какъ истый областникъ-федералистъ, онъ болѣлъ оя болѣзнями, казнилъ пороки ея населенія, зло осмѣивая ихъ въ своихъ фельетонахъ. Онъ жилъ Сибирью и для Сибири, не забывая общечеловѣческихъ и общерусскихъ задачъ“. Ясно сознавая потребности своего родного края, Н. М. начерталъ программу необходимыхъ, по его мнѣнію, для Сибири преобразованій. „Наши первыя и настоятельныя нужды, — писалъ онъ, — это введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселеній и отбѣна ссылки въ Сибирь“. Къ выполненію этой программы Ядринцевъ стремился твердо и неуклонно, и, конечно, не его вина, что программа эта въ своихъ существенныхъ чертахъ и до сихъ поръ остается только программой, да и не для одной Сибири...

Матеріаломъ для біографическаго очерка г. Лемке послужили многочисленные печатные труды Ядринцева, его рукописи, письма и т. д. Несмотря на нѣкоторую сухость изложенія, объясняемую, можетъ быть, нѣкоторою поспѣшностью составленія очерка, онъ читается съ большимъ интересомъ. Чистая выручка отъ продажи изданія, предпріятого по инициативѣ И. И. Попова, нынѣшняго редактора-издателя основанной Ядринцевымъ газеты *Восточное Обозрѣніе*, поступитъ на образованіе при „Обществѣ распространенія народнаго образованія въ Иркутской губерніи“ фонда на устройство школы имени Ядринцева въ одномъ изъ инородческихъ селеній. Школа среди инородцевъ будетъ напоминать имъ о Н. М., который такъ много болѣлъ и боролся за нихъ...

Дневникъ Елизаветы Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ 1895 — 1899 гг. Изд. 2-е. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 75 к. — Е. А. Дьяконова. Дневникъ русской женщины. Парижъ 1900—1902 гг. Съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ А. Дьяконовымъ. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Обѣ эти книги составляютъ двѣ части одного дневника, который велся съ 1895 г. по 1902 г. Цѣль ихъ изданія, — образованіе капитала для стипендіи имени автора въ обществѣ доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ С.-Петербургѣ. Грустное впечатлѣніе, производимое дневникомъ, конечно еще усиливается фактомъ трагической смерти Е. А. Дьяконовой, бросившейся въ пропасть 29 іюня 1902 года возлѣ м. Ахензее въ Тироли, вслѣдствіе мотивовъ, объясненіе которыхъ и находится въ дневникѣ. Интересъ этого дневника за-

включается не въ томъ, чтобы авторъ его былъ особенно выдающагося или талантливаго личностью; напротивъ, Е. А. Дьяконова была „одна изъ многихъ“, какъ она сама себя называетъ въ первой, незаданной еще части дневника. Въ этомъ отношеніи ея дневникъ не можетъ быть сравняваемъ съ извѣстными дневникомъ талантливаго Маріи Башкирцевой, но зато онъ превосходитъ послѣдній своей простотой и отсутствіемъ всякой показности. Главный интересъ автобіографіи Дьяконовой состоитъ, по нашему мнѣнію, именно въ томъ, что есть очень много русскихъ дѣвушекъ, похожихъ на нее, какъ по ихъ внутреннему душевному складу, такъ и по внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ совершается ихъ жизненная борьба. Такимъ образомъ Дьяконова представляетъ собою какъ бы типъ, развивавшійся на общемъ сѣромъ, Чеховскомъ, фонѣ нашей русской жизни. Тяжелыя семейныя условія, повидимому, подготовили ту внутреннюю, болѣзненную неуравновѣшенность, которою она страдала всю жизнь. До совершеннолѣтія ей приходилось вести трудную борьбу съ деспотизмомъ матери, всячески противодействовавшей ея стремленіямъ къ самостоятельности и саморазвитію. Она не успокоилась, не подчинилась, а при первой возможности вышла на ту дорогу, на которой она, подобно многимъ русскимъ женщинамъ, надѣялась найти удовлетвореніе своимъ стремленіямъ: она поступила на высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ. Въ дневникѣ разсказываются многія интересныя подробности, касающіяся поступленія Дьяконовой на курсы и ея четырехлѣтняго пребыванія тамъ. Передъ читателемъ рисуется въ правдивомъ и безыскусственномъ изложеніи внутренняя жизнь курсовъ и соприкасающихся съ ними петербургскихъ круговъ; проходятъ фигуры нѣкоторыхъ небезызвѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, профессоровъ и другихъ. Между ними очень тепло обрисована личность бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Капустина, помогшаго Дьяконовой поступить на курсы вопреки желанію ея матери и въ то же время все уговаривавшаго ее быть почтительною къ матери и не раздражать ее сопротивленіемъ. Не безынтересенъ разсказъ о знакомствѣ Дьяконовой съ Н. Н. Неплюевымъ, устройтелемъ извѣстнаго школьнаго общежитія, къ которому она обратилась за разрѣшеніемъ волновавшихъ ее религіозныхъ и нравственныхъ вопросовъ, но, по собственному признанію, не получила того, что ей было нужно. Любопытны мало извѣстные въ литературѣ факты, касающіеся происходившихъ въ это время на курсахъ движеній и такъ называемыхъ безпорядкахъ. Всѣ эти свѣдѣнія дѣлаютъ дневникъ Дьяконовой интереснымъ не только съ его субъективной, психологической стороны, но и съ объективной, исторической. Но ни курсы, ни то петербургское общество, въ которомъ вращалась Дьяконова, не удовлетворили ея. Научными занятіями она интересовалась сравнительно мало, но постоянно ставила себѣ разные общіе религіозно-философскіе вопросы о Богѣ, о безсмертіи, о нравственномъ идеалѣ, между тѣмъ какъ не только разрѣшеніе, но даже и правильная постановка такихъ вопросовъ едва ли была ей по силамъ. Обращаясь за помощью къ другимъ людямъ, она далеко не всегда удачно выбирала своихъ совѣтниковъ. При томъ ей хотѣлось, чтобы эта помощь оказана была не въ формѣ объективнаго сужденія о занимавшихъ ее вопросахъ, а въ видѣ дружбы и любви именно къ ней. Это болѣзненное настроеніе Дьяконовой постепенно усиливается и переходитъ наконецъ въ настоящую нервную болѣзнь. Въ такомъ состояніи мы встрѣчаемъ ее въ концѣ 1900 г. въ Парижѣ. Здѣсь ко всѣмъ прочимъ причинамъ недовольства жизнью присоединяется безнадежная любовь къ доктору Ланселе, къ которому она обра-

тилась сначала, какъ пациентка. Послѣдній по своему характеру является совершенной противоположностью Дьяконовой и въ своемъ родѣ тоже типичнымъ представителемъ французской интеллигенціи. Онъ, по-видимому, серьезно занимается наукой и медицинской практикой и въ то же время удачно устраиваетъ свои денежные дѣла и свою карьеру. Дьяконовой онъ резонно совѣтуетъ поѣхать въ Россію, заняться своимъ дѣломъ, рекомендуетъ ей выйти замужъ; затѣмъ, по-видимому, старается уклониться отъ близости съ нею. Мимоходомъ въ дневникѣ разсказывается о встрѣчахъ Дьяконовой съ жившими въ Парижѣ русскими, въ томъ числѣ съ „другомъ великаго писателя земли русской“, произведшемъ на автора очень невыгодное впечатлѣніе. Всѣ эти очерки написаны искренно и живо. Затѣмъ Дьяконова приближается съ литературной и художественной богемой, въ которой видное мѣсто занимаетъ нѣкая М-ше Кларансъ, проповѣдующая, что дѣвственность отнюдь не добродѣтель, а скорѣе противоестественный порокъ, и сочинившая романъ въ этомъ тонѣ. Въ то же время она вѣритъ въ переселеніе душъ и занимается спиритизмомъ и хиромантіей. Нѣкоторые мужчины изъ этого кружка ухаживаютъ за Дьяконовой. Съ однимъ изъ нихъ она подъ псевдонимомъ его *petite amie Lydia*, отправляется на костюмированный балъ самаго беззащитнаго характера, въ расчетѣ встрѣтить тамъ Ланселэ. Въ концѣ концовъ такая жизнь приводитъ автора дневника къ слѣдующему заключенію: „Я прожила на свѣтѣ цѣлую четверть вѣка и еще два года... Срокъ достаточно долгій для такого бесполезнаго существа. Сколько ошибокъ сдѣлала я въ жизни! И кажется мнѣ, что вся моя жизнь была одной сплошной ошибкой, бессмысленной загадкой, которую пора, наконецъ, разрѣшить... И я рѣшаю разъ навсегда“. Выше мы видѣли, въ чемъ состояло это рѣшеніе.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Бруно Эмиль Кенигъ. Черные кабинеты въ Западной Европѣ.—Е. Максимовъ. Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи больнымъ.—В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія.

Бруно Эмиль Кенигъ. Черные кабинеты въ западной Европѣ. Исторія нарушенія почтовой тайны. Изданіе М. Прокоповича. М., 1905 г. Ц. 60 коп. Въ настоящее время на Западѣ стремятся провести тотъ принципъ относительно почтовыхъ писемъ, что письмо должно быть такъ же священо для почты, какъ Евангеліе въ алтарѣ. Между тѣмъ исторія представляетъ много любопытныхъ данныхъ, какъ правительства почти всѣхъ странъ смотрѣли на почту, какъ на средство слѣдить за настроеніемъ общества, за направленіемъ мысли отдѣльныхъ гражданъ, а нѣкоторыя страны и въ настоящее время продолжаютъ еще смотрѣть на почту въ этомъ же духѣ, и небольшая книжка Кенига представляетъ рядъ любопытныхъ эпизодовъ нарушенія почтовой тайны, а, съ другой стороны, мѣръ, которыя вырабатывала публика, чтобы предохранить себя отъ нарушенія тайны со стороны почты. Между прочимъ, авторъ описываетъ способъ, какъ Бисмаркъ умѣлъ спасать свои письма отъ выслѣживанія. „Уполномоченный ганноверскаго правительства также подозрѣвалъ, что его письма подвергаются просмотру и доходятъ до свѣдѣнія союзнаго сейма. Онъ обратился къ своему прусскому коллегѣ съ вопросомъ, какъ онъ достигаетъ того, чтобы его сообщенія не вскрывались. Бисмаркъ пригласилъ его совершить вмѣстѣ съ нимъ прогулку и

повелъ въ отдаленную улицу, гдѣ живутъ только бѣдняки, мелкіе лавочники и ремесленники. Придя туда, Бисмаркъ, къ удивленію своего спутника, надѣваетъ перчатки и заходитъ вмѣстѣ съ нимъ въ лавчонку. Здѣсь онъ обращается къ селечоднику съ вопросомъ: „А мыло у васъ есть?“ — „О, да“. — „Какого сорта?“ Приказчикъ называетъ нѣсколько сортовъ и кладетъ передъ Бисмаркомъ пару кусковъ мыла, изъ которыхъ послѣдній выбираетъ самый пахучій и кладетъ въ карманъ. Зачѣмъ онъ проситъ конвертовъ, и продавецъ предлагаетъ ему нѣсколько штукъ худшаго качества. Тогда Бисмаркъ вынимаетъ изъ бокового кармана своего сюртука заготовленную депешу, кладетъ ее въ конвертъ, проситъ чернила и перо и начинаетъ писать адресъ. Но въ перчаткахъ дѣло плохо клеится, и онъ проситъ приказчика написать вмѣсто него адресъ, что тотъ охотно исполняетъ. Тогда Бисмаркъ кладетъ письмо обратно въ карманъ, гдѣ лежитъ мыло, и на улицѣ уже обращается къ ганноверскому коллегѣ: „Ну, пускай они выслѣдятъ письмо, написанное такимъ почеркомъ и пропитанное смѣшаннымъ запахомъ мыла, селечодъ, сала и сыра“ (стр. 124—125). Уже раяе содержаніе этой книжки излагалось въ специальной статьѣ на страницахъ *Русскаго Богатства*.

Для интересующихся указанъ даже способъ производства особаго клея, при употребленіи котораго нельзя раскрыть конверта ни холодной, ни горячей водой, ни паромъ; конечно, остается болѣе грубый способъ разрѣза или разрыва. Несомнѣнно эта книжка можетъ быть прочитана всякимъ съ интересомъ, и мы ее рекомендуемъ вниманію публики.

Е. Максимовъ. Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. Спб., 1905 г. Авторъ останавливается на общественной организаціи городовъ въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ, на формахъ и задачахъ этой помощи, на специальныхъ органахъ, созданныхъ для этого, на расходахъ городскихъ управленій на нужды общественного призрѣнія и т. д. Любопытно, что въ 1900 г. изъ 755 городовъ ничего не расходовали на этотъ предметъ или расходовали менѣе 100 руб. въ годъ 345, или почти 45,7%, общаго числа ихъ, а отъ 100 до 500 руб. въ годъ расходовало 137 гор., или почти 18,15%. Отъ 500 до 1,000 р. — 68 гор., или 9,1%, а остальные расходовали свыше 1,000 руб. Между тѣмъ ужасающая бѣднота въ нашихъ городахъ общеизвѣстна, но очевидно дѣло призрѣнія еще недостаточно развилось: города, какъ мы видѣли, удѣляютъ мало средствъ. Конечно, въ этомъ повинно главнымъ образомъ то обстоятельство, что наши города вообще не располагаютъ достаточными средствами для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ, и потому приходится или совсѣмъ отказываться отъ ихъ удовлетворенія, или удѣлять только крохи.

Книга, обращающая вниманіе на этотъ важный вопросъ современнаго городского хозяйства, заслуживаетъ полнаго вниманія въ настоящее время.

В. М. Гессенъ. — Вопросы мѣстнаго управленія. Изд. юридич. книжн. склада „Право“. Спб., 1904 г. Въ эту книгу вошли статьи, въ разное время напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, напр. статья о „Сельской общинѣ и волости въ трудахъ комиссіи ст.-секр. Каханова“, появляются въ ней въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Цѣль сборника, — говорится въ предисловіи, — послѣднее уясненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя необходимо должны лечь въ основу правильно задуманной и послѣдовательно осуществленной реформы мѣстнаго строя. Эти начала, красною нитью проходящія черезъ все содержаніе сборника, могутъ быть сформулированы слѣдующимъ об-

разомъ: 1) Необходимо точное и вполнѣ опредѣленное отграниченіе предметовъ вѣдомства, входящихъ въ понятіе *мѣстнаго управленія*, отъ предметовъ, входящихъ въ понятіе центрального управленія на мѣстахъ; 2) Мѣстное управленіе во всей полнотѣ своихъ функцій должно вѣдаться не бюрократіей, а самоуправляющимся обществомъ; 3) Самоуправленіе должно быть безсословнымъ; 4) Въ сферѣ мѣстнаго управленія администрація должна принадлежать функціи высшаго, вѣдѣннаго надзора, отграниченнаго рѣзкою и отчетливою чертой отъ функцій активнаго управленія. Эти тезисы, къ которымъ присоединяется также мысль, что „искреннее и послѣдовательное проведеніе начала самоуправления въ мѣстномъ строѣ врядъ ли возможно до тѣхъ поръ, пока центральное управленіе сохраняетъ свой исключительно-бюрократическій характеръ“, развиваются и иллюстрируются конкретными примѣрами въ рядѣ статей. Изъ нихъ первая: „о бюрократіи“ имѣетъ болѣе общій и теоретическій характеръ; въ ней рѣчь идетъ о возникновеніи, развитіи и характерѣ бюрократіи не только въ Россіи, но и въ другихъ Европейскихъ государствахъ, въ особенности въ Германіи и Франціи. „Возникновеніе бюрократіи,—говоритъ авторъ,—находится въ тѣсной связи съ возникновеніемъ централизованной абсолютной монархіи... Въ своемъ стремленіи къ господству надъ всеми сословіями, абсолютная монархія не могла, разумѣется, опереться ни на одно изъ нихъ. Отсюда необходимость въ созданіи особаго класса людей, стоящихъ вѣдѣннаго строя, несущихъ непосредственно и спеціально государственную службу“. Что касается до Россіи, то въ ней, при слабости у насъ сословнаго начала, въ бюрократію превратилось само наше боярство, лишившее сколько-нибудь прочной сословной и территоріальной организаціи.

Наиболѣе характерными свойствами бюрократіи авторъ признаетъ ея профессиональный характеръ, являющійся источникомъ рутинны, въ свою очередь рождающей формализмъ, ея оторванность отъ общества и ея олигархичность, обособленность. Какъ всякая олигархія, бюрократія любитъ окружить себя тайной, спутники которой подозрительность и недоувѣріе. „Бюрократія боится всего: самостоятельности общества, превосходства отдѣльныхъ лицъ, свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ, а болѣе всего свободы мысли и слова. Она любитъ покой и неподвижность; къ ней примѣнимы слова классической древности: *solitudinem faciunt, pacem appellant*“. Главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ вредными сторонами бюрократическаго режима является контроль общественнаго мнѣнія надъ административной дѣятельностью во всемъ ея объемѣ. Въ конституціонныхъ государствахъ такой контроль осуществляется главнымъ образомъ парламентомъ; тамъ же, гдѣ парламента нѣтъ, единственнымъ средствомъ общественнаго контроля надъ администраціей является печать. Кромѣ того, въ ряду мѣръ, парализующихъ, или по крайней мѣрѣ, смягчающихъ зло бюрократизма, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ развитіе союзнаго строя вообще и мѣстнаго самоуправления въ особенности.

Прочія статьи сборника касаются болѣе частныхъ вопросовъ русской государственной и общественной жизни. Таковы статьи: „Губернаторъ какъ органъ надзора“, „реформа продовольственнаго дѣла“, о „мѣстной реформѣ“, о „мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ самоуправления“, „сельское общество и волость въ трудахъ Кахановской комиссіи“, „генезисъ института земскихъ начальниковъ“, „администрація и земство“. Наиболѣе интересны изъ нихъ по нашему мнѣнію тѣ, въ которыхъ налагаются

реформаторскія попытки восьмидесятихъ годовъ, приведшія къ образованію такъ называемой Казановской комиссіи, а затѣмъ разбѣшавшіяся изданіемъ закона о земскихъ начальникахъ и новаго земскаго положенія. Исторія этого времени интересна для насъ между прочимъ и потому, что она представляетъ несомнѣнную аналогію съ переживаемымъ нами въ настоящее время моментомъ. И тогда послѣ долгаго періода постепенно усиливавшейся реакціи, параллельно съ которой шло усиленіе революціонной пропаганды, сопровождаемое политическими убійствами, правительство, въ лицѣ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, нашло нужнымъ повернуть на другой путь—довѣрія къ обществу и obligенія съ нимъ. Поворотъ этотъ, какъ и теперь, выразился не въ измѣненіи существа отношеній между правительствомъ и обществомъ, а лишь въ болѣе мягкомъ и благожелательномъ отношеніи перваго къ послѣднему, заставившемъ дать ему характерное названіе „диктатуры сердца“. На обсужденіе земства были переданы стоявшіе и тогда, какъ и теперь, на первомъ планѣ вопросы крестьянскій и о мѣстномъ управленіи; но за этими частными реформами общество видѣло впереди болѣе общія государственныя реформы, вслѣдствіе чего и въ земскихъ собраніяхъ поставленные на ихъ обсужденіе вопросы разсматривались въ гораздо болѣе широкой постановкѣ, чѣмъ въ какой они были предложены правительствомъ. Въ книгѣ г. Гессена подробно разсказывается о томъ, какъ разработка возбужденныхъ вопросовъ перешла въ казановскую комиссію, какъ въ этой комиссіи „вступили другъ съ другомъ въ борьбу представители двухъ противоположныхъ направленій—эпигоны шестидесятихъ годовъ съ застрѣльщиками „новаго курса“ и какъ этотъ „новый курсъ“, наиболѣе виднымъ представителемъ котораго былъ въ то время алатырскій предводитель дворянства А. Д. Пазухинъ, сдѣлавшійся потомъ правителемъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ принятъ и проведенъ министерствомъ графа Д. А. Толстого, несмотря на то, что сторонники его были въ меньшинствѣ и въ комиссіи, и тѣмъ болѣе въ обществѣ. Сравненіемъ со взглядами, высказанными въ земскихъ собраніяхъ, неоспоримо доказывается, что хотя новые законопроекты и были принесены изъ провинціи, но что они были выработаны лишь небольшою дворянскою партіей и только пришлись къ новому курсу петербургской бюрократіи; большинство же въ земствѣ и обществѣ было противъ нихъ, но не имѣло силы отстоять свои мнѣнія. Надо надѣяться, что современное русское общество, требованія котораго съ тѣхъ поръ значительно распространились въ ширь и въ глубь, будетъ счастливѣе. Но помнить прежнія неудачи никогда не мѣшаетъ, и въ этомъ отношеніи книга г. Гессена имѣетъ не одно лишь историческое значеніе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

М. Я. Герценштейнъ. Новѣйшія теченія въ ученіи о поземельномъ кредитѣ въ Германіи.—Обзоръ податнаго состоянія Курской губ. за 1901—1902 г.—Матеріалы по статистикѣ движенія земледѣлія въ Россіи. Вып. VIII.—Кустарные промыслы. Статистическій сборникъ по Ярославской губ.—Списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

М. Я. Герценштейнъ. Новѣйшія теченія въ ученіи о поземельномъ кредитѣ въ Германіи. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Магистерская диссертация г. Герценштейна вызвала очень лестный отзывъ факультета. Дискутъ прошель блестяще. Сильная и проникательная теоретическая мысль счастливо сочетается у автора съ глубокими практическими позна-

ними. Ближайшею задачею реформы ипотечного кредита г. Герценштейнъ ставитъ его корпоративную организацію, согласно предложенію Родбертуса и его послѣдователей, и замѣну частной ипотеки долгосрочнымъ амортизаціоннымъ кредитомъ. Устранить задолженность земли при выѣзѣ строѣ невозможно, но предлагаемая организація въ значительной степени смягчитъ ея вредныя послѣдствія. Г. Герценштейнъ указываетъ на прекрасную организацію польскихъ банковъ, парализирующихъ стремленіе прусскаго правительства отѣмчать польскія земли въ Познани. Потерпѣвъ неудачу на экономической почвѣ, это правительство прибѣгло къ полицейскимъ стѣсненіямъ.

Къ изслѣдованію г. Герценштейна приложены прусскіе законы: о рентныхъ имѣніяхъ (27 іюня 1890 г.), о содѣйствіи устройству рентныхъ имѣній (7 іюля 1891 г.); извлеченія изъ отчета имѣлкой колонизаціонной комиссіи въ Западной Пруссіи и Познани за 1901 годъ (на стр. 160, въ примѣчаніи, говорится о Восточной Пруссіи).

Обзоръ податного состоянія Курской губ. за 1901—1902 гг. Составленъ по отчету податныхъ инспекторовъ. Изданіе курской казенной палаты. Курскъ, 1904 г. Обзоръ даетъ свѣдѣнія о населеніи и мобилизаціи поземельной собственности въ Курской губ., о взаиманіи окладныхъ сборовъ съ крестьянскаго населенія, о бюджетѣ послѣдняго, о мірскихъ, волостныхъ и сельскихъ расходахъ и доходахъ крестьянскихъ обществъ. Особенно интересны данныя послѣдняго рода: такъ, въ среднемъ въ 1901 г. по Курской губ. расходы на мірскія нужды составили по 72 коп. съ десятины надѣльной земли и они далеко превышаютъ земскія денежные повинности крестьянскаго населенія, которыя въ среднемъ по губерніи падаютъ въ размѣрѣ 44 коп. на десятину. Казенныя падаютъ въ размѣрѣ 1 руб. 65 коп., а общая сумма платежей на 1 десятину (включая страховыя) — 2 р. 99 коп. Изъ 72 коп. мірскихъ расходовъ на долю хозяйственныхъ падаетъ 27 коп., а административныхъ—45 к. Все это говоритъ въ пользу скорѣйшей реформы волостного и сельскаго хозяйства въ смыслѣ привлеченія къ несенію повинностей и лицъ другихъ сословій. Нельзя не приветствовать такую попытку, сдѣланную податными инспекторами, къ многостороннему освѣщенію экономического положенія губерніи. Желательно, чтобы и другія казенныя палаты послѣдовали этому примѣру.

Матеріалы по статистикѣ движенія земледѣлія въ Россіи. Вып. 8-й. Библиографическій указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. Изданіе деп. окладныхъ сборовъ. Спб., 1904 г. Въ этомъ указателѣ мы находимъ русскую и иностранную литературу, но главнымъ образомъ указатель имѣетъ дѣло съ Россіей и захватываетъ вопросы о мобилизаціи земельной собственности, о задолженности русскаго землевладѣнія, объ ипотечномъ кредитѣ, о меліоративномъ кредитѣ, о землевладѣніи дворянскомъ, крестьянскомъ и прочихъ сословій, о цѣнахъ на землю и кадастрѣ, о земельномъ обложеніи и т. д. Правда, указатель далеко не исчерпываетъ даже и русской литературы, и при простомъ бѣгломъ обзорѣ это бросается въ глаза, но несомнѣнно это изданіе очень полезно, и нельзя не быть признательнымъ департаменту за эту работу. Указатель составленъ прив.-доц. Петербургскаго университета В. В. Святловскимъ.

Кустарные промыслы. Статистическій сборникъ по Ярославской губ. Изданіе ярославскаго губернскаго земства. Ярославль, 1904 г. Въ этомъ сборникѣ мы находимъ описаніе многихъ производствъ, какъ-то: производства деревянной посуды, мебельнаго промысла, яич-

наго, телѣжнаго, плетенія корзинъ, горшечнаго промысла, клейки спичечныхъ коробокъ и т. д. Любопытно, какъ иногда кустарный промыселъ вредно сказывается на распространеніи грамотности. Такъ, безграмотность ткачихъ объясняется тѣмъ, что родители неохотно посылаютъ дѣтей въ школу и торопятся засаживать ихъ за ставки (стр. 441). То же самое явленіе наблюдается среди коробочницъ; „какъ ни малы сами по себѣ эти заработки, какіе извлекаютъ изъ промысла коробочницы, они, повидимому, могутъ явиться достаточнымъ мотивомъ для того, чтобы малыхъ ребятъ засаживать за клейку коробокъ, а не за учебу“ (стр. 447).

Сборникъ представляетъ много интересныхъ данныхъ для всѣхъ, интересующихся вопросами этого рода.

Списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Изданіе департамента земледѣлія. III изд. Спб., 1904 г. Это полезное изданіе открывается небольшою статьей о значеніи сельско-хозяйственныхъ обществъ; далѣе приводится нормальный уставъ для мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, разсказывается порядокъ учрежденія сельско-хозяйственныхъ обществъ, затѣмъ дается списокъ обществъ, возникшихъ съ 1898 г. по 1 января 1904 г., а далѣе списокъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ съ алфавитнымъ ихъ указателемъ.

Въ приложеніи же приведены узаконенія и правительственныя распоряженія, касающіяся сельско-хозяйственныхъ обществъ. Это изданіе департаментомъ высылается бесплатно сельско-хозяйственнымъ обществамъ, земскимъ управамъ и другимъ подобнымъ учрежденіямъ. Изданіе, конечно, очень полезное, но было бы очень важно, если бы министерство собрало статистическія данныя о дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ, о результатахъ ея, и это опубликовало бы во всеобщее свѣдѣніе; это намѣтило бы пути для вновь возникающихъ обществъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

С. К. Гоголь. Судебные уставы 1864 г.—М. Г. Болквадзе. Исповѣдь адвоката.

С. К. Гоголь. Судебные Уставы 1864 г. Спб., 1904 г. Въ небольшою брошюрѣ, представляющей собою вступительную лекцію въ курсу подъ тѣмъ же названіемъ, читанную въ Петербургскомъ университетѣ этой осенью, авторъ ея выясняетъ громадное значеніе Судебныхъ Уставовъ въ исторіи нашей культуры и силы, обеспечивающія быстрый и успѣшный ходъ судебной реформы. Намѣтивъ въ сжатыхъ, но ясныхъ чертахъ всѣ главные недостатки дореформеннаго судебного строя, съ его произволомъ и царившей въ немъ неправдой, авторъ выдвигаетъ основныя начала Судебныхъ Уставовъ 1864 г., впервые проявившія въ русскую жизнь идею законности и правового порядка, а потому имѣющія не только общегосударственное, но и политическое значеніе. Силами, оказавшими такое вліяніе на быстрый ходъ судебной реформы, были несомнѣнно какъ ростъ общественнаго сознанія, находившій себѣ выраженіе въ общей и спеціальной печати того времени, такъ и неутомимая энергія государственныхъ дѣятелей, принимавшихъ ближайшее участіе въ реформѣ.

Брошюра г. Гоголя написана живымъ, популярнымъ языкомъ съ большимъ знаніемъ дѣла, и мы рады отмѣтить ее въ этой маленькой рецензій.

М. Г. Болквадзе. Исповѣдь адвоката. Кіевъ, 1904 г. Ц. 60 коп. „Записки врача“ Вересаева вызвали множество подражаній. Показать закулисную сторону извѣстной дѣятельности, проанализировать тѣ противорѣчія, которыя могутъ лежать въ ея основѣ, сдернуть покровъ про-

фессиональной тайны—несомненно трудная и почтенная задача. Но, чтобы выполнить ее удовлетворительно, необходимо встать на извѣстную высоту, установить отношеніе извѣстной профессіи къ нуждамъ и потребностямъ общественной жизни и намѣтить, хотя бы приблизительно, тѣ границы, въ которыхъ она должна быть заключена. Ничего подобнаго мы не находимъ въ книжкѣ г. Болквадзе. Авторъ ея несомненно искренній человекъ, его негодованіе по поводу отдѣльных случаевъ нарушенія адвокатами не только ихъ сословной морали, но и прямыхъ статей закона—очевидно и совершенно справедливо, но отнюдь не доказательно, если, впрочемъ, авторъ хочетъ что-нибудь доказывать. Въ противномъ же случаѣ книга г. Болквадзе представляетъ изъ себя рядъ картинокъ изъ жизни и практики адвокатовъ, написанныхъ сплошь темными красками, и поэтому едва ли соответствуетъ дѣйствительности. Въ общемъ книжка г. Болквадзе, если не предъявлять въ ней какихъ-либо серьезныхъ претензій, которыми, повидимому, задается самъ авторъ, и если отбросить несоответствующее содержанію заглавіе, просматривается съ любопытствомъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, МАТЕМАТИКА.

Л. Грецъ. Краткій курсъ электричества.—Альфредъ Р. Уоллесъ. Мѣсто человека во вселенной.—А. Лоссоескій. Символы элементарной математики.

Л. Грецъ. Краткій курсъ электричества. Перев. съ нѣмецк. В. М. Филиппова. Съ 161 рис. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Книгоиздательство О. Н. Поповой задалось очень разумной цѣлью „дать рядъ образовательно-составленныхъ книгъ по всемъ отраслямъ человеческого знанія. Редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы въ выпускаемыхъ ею книгахъ научность содержанія сочеталась съ живымъ и легкимъ изложеніемъ“. Такова задача „Образовательной библиотеки“, одинъ изъ выпусковъ которой (№ 9 и 10, серія V) лежитъ передъ нами. Авторъ данной книги, Л. Грецъ, выпустилъ большое сочиненіе по этому же отдѣлу физики „Электричество и его примѣненія“; настоящимъ же книга является „дѣленіемъ“ этого большого труда. „Но предлагаемая книга не представляетъ собой простого сокращенія большого изданія“. Она отличается расположеніемъ матеріала по главамъ, и, вромѣ того, теоретическое изложеніе идетъ въ ней рука объ руку съ практическимъ примѣненіемъ, чего нѣтъ въ большомъ трудѣ, гдѣ эти двѣ части рѣзко разграничены.

Курсъ изложенъ яснымъ, вполне понятнымъ языкомъ; практика и теорія этого интереснѣйшаго отдѣла физики находятъ себѣ мѣсто на протяженіи 265 страницъ небольшого формата. Рисунки исполнены тщательно, и можно только приветствовать появленіе такихъ книжекъ, тѣмъ болѣе, что цѣна ея (80 к.) не высока, книга вполне доступна и даетъ возможность каждому желающему ознакомиться съ этимъ отдѣломъ науки. Можно вполне раздѣлять надежды д-ра Грецъ, „что настоящая книга, въ которой, несмотря на краткость изложенія, авторъ все время придерживается строгихъ понятій и выводовъ, послужитъ, какъ и большое изданіе, къ распространенію знаній о всеобъемлющихъ и загадочныхъ силахъ природы“.

Альфредъ Р. Уоллесъ. Мѣсто человека во вселенной. Наученіе результатовъ научныхъ изслѣдованій въ связи съ единствомъ или множественностью міровъ. Перев. съ англійскаго Л. Ланіера.

Спб., 1904 г. Изданіе О. Н. Поповой. Книги естественно-научнаго содержанія интересуютъ всякаго, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя посвящены физикѣ, астрономіи и химіи. Вопросы, затрагиваемые въ этихъ книгахъ, волнуютъ и захватываютъ читателя, такъ какъ именно они, и только они, могутъ объяснить тѣ таинственные явленія, которыя происходятъ въ окружающемъ насъ міровомъ пространствѣ. Одна изъ этихъ наукъ, астрономія, представляетъ собой изученіе небснаго свода со всѣми его особенностями и расположенными на немъ свѣтилми. Не удивительно, что наблюденіе окружающаго насъ со всѣхъ сторонъ свода, планетъ и звѣздъ, отстоящихъ на неизмѣримо-большихъ разстояніяхъ, вызываетъ интересъ не только у людей, спеціально занимающихся этимъ вопросомъ—астрономовъ, но и вообще среди интеллигентныхъ людей. Астрономія, собственно говоря, принадлежитъ къ числу наукъ математическихъ и потому не можетъ быть вполне доступна каждому; поэтому всякая попытка познакомиться съ ней неподготовленнаго читателя путемъ популяризаціи можетъ быть встрѣчена съ благодарностью. Одна изъ такихъ популяризацій лежитъ передъ нами. А. Р. Уоллесъ давно уже извѣстенъ читающей публикѣ по массѣ работъ, касающихся тѣхъ или другихъ сторонъ окружающей насъ природы. Настоящая работа разрослась изъ небольшой статьи, помѣщенной подъ этимъ же заглавіемъ въ одномъ изъ американскихъ журналовъ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что „по всей вѣроятности, кромѣ земли, никакая другая планета не является носителемъ органической жизни“ (предисл., стр. 5). Вся книга и имѣетъ цѣлью доказать это положеніе. Авторъ старается дать краткую исторію развитія астрономіи, останавливаясь на самыхъ ея существенныхъ пунктахъ. Далѣе, сгруппированы факты и выводы современной науки, такъ называемой Новой астрономіи. Книга раздѣлена на XVI совершенно самостоятельныхъ главъ, что даетъ возможность сосредоточиться на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

„Когда люди достигли значительной степени умственнаго развитія, чтобы размышлять о своей собственной природѣ и о природѣ земли, они, конечно, не могли не поражаться ночнымъ великолѣпнымъ звѣздному небу“ (глава I, стр. 8). Такъ начинается свою книгу А. Р. Уоллесъ. На протяжении дальнѣйшихъ страницъ мы знакомимся съ различными теоріями и предположеніями, возникавшими въ очень далекое время, наприм., теорія Аваксимандра относится къ 540 г. до Р. Х. Эта теорія предполагаетъ, что земля виситъ совершенно отдѣльно въ пространствѣ, а въ окружности находится хрустальная сфера, унизанная звѣздами и небесными тѣлами. Предполагаютъ, что греки и египтяне заимствовали эту теорію у халдеевъ, которые были самыми ранними изслѣдователями небесныхъ тѣлъ; разработкой этой теоріи занялись греки. Только 100 лѣтъ спустя, въ 440 г. Эмпедоклъ первый отдѣлилъ планеты отъ неподвижныхъ звѣздъ, а Пинагоръ изучалъ ихъ расположеніе. Долгое время не находили объясненія этимъ явленіямъ, и только 100 лѣтъ позднеѣ, Евдоксъ изъ Книды, впервые объяснилъ движеніе различныхъ небесныхъ тѣлъ. Затѣмъ явилась Птолемеява система съ большимъ количествомъ концентрическихъ сферъ, вращающихся вокругъ неподвижной земли, стоящей въ центрѣ. Эта система сохранялась очень долго, и только труды Коперника и Галилея заставили отбросить ее и принять болѣе ясныя теоріи. За 100 лѣтъ до Р. Х. Посидоній опредѣлялъ, и даже довольно точно, размѣры земли, но протяженія планетъ оставались неизвѣстными вплоть до открытія телескопа. Кеплеръ первый показалъ, что земля по своимъ размѣрамъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ планетъ и тѣмъ

самымъ возбуждѣлъ тотъ вопросъ, который старается рѣшить нашъ авторъ,—вопросъ о томъ, является ли земля единственной обитаемой планетой? Вслѣдъ за Кеплеромъ много ученыхъ занялись этимъ же вопросомъ, между ними Гюйгенсъ, Ньютонъ и другіе. Фонтенель въ 1686 г. написалъ сочиненіе, доказывающее обитаемость другихъ міровъ, и эту теорію приняли В. Гершель, Тейлоръ, Араго и много другихъ ученыхъ. Горячимъ противникомъ ея выступилъ Уэвелль.

Въ серединѣ XIX столѣтія въ изученіи астрономіи произошелъ рѣзкій переломъ. Астрономы стали изслѣдовать физическое и химическое строеніе небесныхъ тѣлъ; результаты этого изслѣдованія дали возможность подробно изучить ихъ исторію, строеніе и свойства. Такъ начала создаваться новая наука, астрофизика—Новая астрономія, развившаяся за послѣднее время до колоссальныхъ размѣровъ.

На дальнѣйшихъ страницахъ мы знакомимся съ расположеніемъ звѣздъ, съ ихъ отдаленностью, разстояніемъ между собой, ихъ размѣрами и, наконецъ, съ единствомъ и эволюціей звѣздной системы. Только на 126 стр. начинается часть, которая служить для доказательства проблемы, предложенной авторомъ въ его предисловіи. Безконечно ли велико число звѣздъ? спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ отрицательно: число звѣздъ конечно, что подтверждаетъ цѣлый рядъ ученыхъ. Уоллесъ останавливается въ VIII гл. на вопросѣ, составляющемъ главную часть всего изслѣдованія: „какъ именно мы расположены внутри этой обширной, но всетаки конечной вселенной?“ (стр. 144). Прежде всего важно выяснитъ наше отношеніе къ млечному пути, „основной плоскости звѣздной системы“, какъ называлъ его Дж. Гершель.

„Млечный путь представляетъ собой большой кругъ“, вѣрнѣе, большое кольцо, съ придатками и вѣтвями. Наше положеніе, а также и всей звѣздной системы находятся на небольшомъ разстояніи отъ центра этого кольца. Здѣсь Уоллесъ вводитъ предположеніе, что „то, приблизительно, центральное положеніе, которое мы занимаемъ въ настоящее время, можетъ быть постояннымъ, вѣчнымъ“ (стр. 167). Разсматривая тѣ условія, которыя необходимы для жизни, Уоллесъ доказываетъ при помощи 6 пунктовъ, что условія эти выполняются только на землѣ, а потому только она является обитаемой планетой. Заключение таково: „человѣкъ—этотъ вѣнецъ сознательной, органической жизни, могъ развиваться здѣсь на землѣ только при наличности всей этой, чудовишно-обширной матеріальной вселенной, которую мы видимъ вокругъ насъ“ (стр. 286). Таково краткое содержаніе этой чрезвычайно интересной книги.

Нельзя не указать на нѣкоторые, довольно серьезные ея недостатки. Казалось бы, что на страницахъ, трактующихъ такіа научныя изслѣдованія, не мѣсто такимъ свободнымъ выраженіямъ, какія находятся на стр. 254. По адресу противниковъ своей теоріи, авторъ говоритъ: „люди, занимающіеся распѣваніемъ такихъ мотивовъ“, или „вмѣсто такихъ ярыхъ, звѣроподобныхъ словъ“ и т. д. Иногда встрѣчаются повторенія, порою неясное объясненіе физическихъ терминовъ и т. п. Что же касается перевода, то сдѣланъ онъ вполне удовлетворительно. Очень неудобно то обстоятельство, что нѣкоторыя карты, указанныя въ текстѣ, отсутствуютъ въ русскомъ изданіи, между тѣмъ какъ въ англійскомъ онѣ приложены. Несмотря на указанныя недостатки, книга Уоллеса представляетъ цѣнный вкладъ въ популярно-научную литературу; она вполне доступна среднему читателю и вполне отвѣчаетъ своей цѣли—популяризаціи астрономіи.

А. Клоссовскій. Символы элементарной математики. Одесса, 1905 г. Преподаваніе математики принадлежитъ къ числу наиболѣ трудныхъ задачъ, въ особенности, когда приходится объяснять ее въ среднемъ учебномъ заведеніи. Не мало жалобъ и неудовольствій приходится слышать относительно запутанности и трудности отдѣльныхъ пунктовъ этой науки. Между тѣмъ математика можетъ имѣть громадное развивающее значеніе при правильной ея постановкѣ. „Развивающимъ элементомъ при изученіи математики нужно считать, главнымъ образомъ, уясненіе тѣхъ логическихъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ этой отрасли человѣческихъ знаній“ (стр. 1). Такъ говоритъ проф. Клоссовскій, опытный педагогъ, вполне понявшій сущность преподаванія этой науки.

Въ своемъ краткомъ введеніи авторъ указываетъ на то, что „учащійся не долженъ смотрѣть на математическія выкладки, какъ на какую-то кабалистику, имѣющую только отдаленную связь съ дѣйствительностью“, нѣтъ, наоборотъ, нужно вдохнуть въ ученика сознаніе, что „математика представляетъ неразрывную цѣпь строго-логическихъ построений“ (стр. 1). Въ особенности важно уяснить значеніе математическихъ знаменъ, которые представляютъ собой „символическія выраженія извѣстной мысли, извѣстнаго результата, къ которому мы пришли путемъ болѣе или менѣе длиннаго ряда умозаключеній“.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью представить въ сжатомъ изложеніи тотъ курсъ, съ которымъ авторъ знакомитъ своихъ учениковъ въ выпускномъ классѣ, курсъ, связывающій въ „одно стройное цѣлое различные отдѣлы“ математической науки, преподаваемой въ теченіе всего гимназическаго курса. Статья написана чрезвычайно ясно и понятно; можно пожелать, чтобы каждый начинающій преподаватель прочелъ ее со вниманіемъ и уяснилъ себѣ всю важность стройнаго и яснаго изложенія элементарной математики.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, УЧЕБНИКИ, ПОСОВІЯ.

Л. Нелидова. Радость. Разсказъ для дѣтей. — „Библіотека Выходовъ“: 1) Миссъ Брэдонъ. Дѣти напрокатъ. 2) К. Станюковичъ. Антошка. 3) А. Алтаевъ. Ассанъ-Хызъ. — **Д. И. Тихомировъ.** Державный вождь земли русской императоръ Петръ Великій. — **А. М. Федоровъ.** На Востокъ. Очерки. — **Гр. де-ла-Бартъ.** Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Ч. 1.

Л. Нелидова. Радость. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками Аллегро. М., 1905 г. Ц. 80 коп. Тому же автору принадлежитъ давно уже изданный и очень любимый дѣтьми разсказъ „Дѣвочка Лида“. Въ новой изящно изданной книжкѣ помѣщены: „Радость“ (весенняя сказка), „Въ замочную скважину“ и „Сонъ маленькой дѣвочки“. Царевна-Радость во снѣ видитъ картины ужасовъ войны, людскихъ страданій и бѣдноты, и въ душѣ ея пробуждается любовь къ обездоленнымъ. Сказка написана тепло и красиво, она возбуждаетъ пытливую мысль и гуманное чувство. Въ двухъ другихъ разсказахъ мы бы чуть-чуть убавили правдоучительность.

„Библіотека Выходовъ“. Изданіе журнала „Выходы“: 1) Миссъ Брэдонъ. Дѣти напрокатъ. Перев. съ англійскаго З. Рагозиной. Ц. 25 к. 2) К. Станюковичъ. Антошка. Повѣсть. Съ 23 рисунками въ текстѣ О. Ризниченко. Ц. 80 к. 3) А. Алтаевъ. Ассанъ-Хызъ. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Ц. 75 к. Всѣ три разсматриваемыхъ выпуска Библіотеки Выходовъ могутъ быть рекомендованы, какъ прекрас-

ный материалъ для чтенія дѣтямъ-подросткамъ. Разсказъ миссъ Бредонъ „Дѣти напрокатъ“ принадлежитъ къ числу типичныхъ англійскихъ разсказовъ для дѣтей. Здѣсь много случайностей, много,—пожалуй, слишкомъ много—выдуманнаго, но онъ написанъ такъ живо, такъ увлекательно и интересно, съ такимъ пониманіемъ дѣтской души и ея запросовъ, какъ умѣютъ писать только одни англичане, эти единственные въ своемъ родѣ авторы литературы для дѣтей, заслуживающіе подражанія. Въ разсказѣ есть живыя фигуры, есть интересные положенія и много теплоты и задушевности. Переводъ сдѣланъ хорошимъ и живымъ языкомъ.

Повѣсть г. Станюковича „Антошка“ отличается многими достоинствами, за которые, впрочемъ, ручается самое имя автора. Мы не будемъ останавливаться на художественности изложенія и изображенія дѣйствующихъ лицъ, что подразумевается само собой, и укажемъ только на живость и увлекательность г. Станюковича, какъ рассказчика. Въ настоящемъ разсказѣ особенно выгодно выдѣляются именно эти двѣ черты. Здѣсь разсказываются приключенія одного бѣднаго мальчика Антошки, вышедшаго изъ самой жалкой среды, подонковъ человѣчества. Этого Антошку, притѣсняемаго и гонимаго „дяденькой“, заставлявшимъ его нищенствовать, пріютилъ и пригрѣлъ такой же бѣднякъ и одинокій человѣкъ, какъ самъ Антошка, когда-то богатъ и кутила-баринъ Ополъевъ, но разорившійся, промотавшій свое состояніе и обратившійся въ нищаго-бродягу съ вѣличкой „графъ“. Этотъ „графъ“, почти потерявшій образъ человѣческій,—несчастный парія, отъ котораго отвернулись всѣ родные и знакомые, въ своемъ приемышѣ Антошѣ находятъ смыслъ, цѣль и оправданіе своей жизни. Антошка, въ свою очередь, оказавшійся чуткимъ, умнымъ и даровитымъ мальчикомъ, привязался къ своему благодѣтелю, а подоспѣвшая на помощь двумъ бѣднякамъ судьба, въ видѣ доброй дѣвушки Нины—племянницы „графа“, окончательно упрочиваетъ благополучіе. Наконецъ, только тогда, когда Антошка становится на ноги, смерть разлучаетъ его съ его благодѣтелемъ. Какъ видитъ читатель, сюжетъ разсказа вполне соответствуетъ дѣтскимъ вкусамъ и дѣтскому пониманію, и если принять во вниманіе вышеупомянутыя его литературныя достоинства, то интересъ его станетъ еще очевиднѣе.

Что касается повѣсти г. Алтаева „Ассанъ-Хызъ“, то, какъ намъ кажется, это самый лучший изъ разсматриваемыхъ выпусковъ *Библиотеки Востокъ*. Въ ней все хорошо — и сюжетъ, и талантливый разсказъ, и прелестная живая фигура героя разсказа „Ассанъ-Хыза“—мечтателя-татарченка. Нѣсколько романтичный характеръ повѣсти ничуть не умаляетъ ея достоинствъ и, наоборотъ, увлекаетъ воображеніе читателя въ нѣсколько возвышенную сферу идеальныхъ мечтаній, что никогда не вредитъ. Въ ней прекрасно изображена жизнь крымскихъ татаръ, ихъ нравы и обычаи.

Д. И. Тихомировъ. Державный вождь земли русской императоръ Петръ Великій. Историческій очеркъ для семьи и школы. Съ картинками въ текстѣ. Составленъ по Устрялову, Соловьеву, Брикнеру, Ключевскому и др. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». М., 1905 г. Ц. 60 к. Этотъ историческій очеркъ жизни, дѣятельности и значенія Петра I первоначально печатался въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе*. Онъ можетъ быть отнесенъ къ разряду книгъ для популярнаго чтенія. Составитель пользовался пособиями и не касаясь источниковъ. Пособія использованы имъ довольно широко и умѣло, русскій языкъ звучитъ просто и ясно, книжка читается легко, и потому читатель, впервые знакомящійся съ русской исторіей и съ однимъ

изъ главныхъ дѣятелей въ этой исторіи, Петромъ I, почерпнеть изъ этой книги много полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній.

По плану очеркъ Д. И. Тихомирова раздѣляется на двѣ части: „Конѣцъ старой Руси“ и „Начало новой Россіи“. Въ первой части указывается на историческую связь Петра со старой Русью, на историческую подготовку самихъ петровскихъ реформъ, а для примѣра и изображенія „старой Руси“ авторъ беретъ правительницу Софью и стрѣльцовъ.

Вторая часть посвящена дѣятельности самого Петра и ближайшихъ его сотрудниковъ. Въ этой части особенный интересъ представляетъ ея вторая половина: „Плоды общенія съ Европой“. Здѣсь рассматриваются перемѣны, происшедшія въ семейномъ и домашнемъ быту, общественная безопасность и благоустройство при Петрѣ I, промышленность, торговля, управленіе, войско, флотъ, государственная казна и просвѣщеніе, т.-е. вообще исторія культурнаго движенія въ Россіи при Петрѣ I.

Заканчивается книга описаніемъ препятствій, которыя испытывалъ Петръ I при осуществленіи своихъ реформъ, и выразившихся, между прочимъ, въ протестѣ царевича Алексѣя. Далѣе идетъ краткая характеристика помощниковъ Петра, — птенцовъ гнѣзда Петрова“ и антифеода — „смерть и безсмертіе Петра I“.

Издана книга дешево, со многими рисунками въ текстѣ. Въ школахъ, въ народной библиотекѣ и въ семьѣ, для которыхъ эта книга приурочена, она встрѣтитъ безъ сомнѣнія самое широкое примѣненіе.

А. М. Федоровъ. На Востокъ. Очерки. Изд. ред. журн. „Родникъ“. 1905 г. Ц. 1 р. 20 к. Не хочется даже отнести эту славную книжку поэта-одессита г. Федорова къ категоріи „сочиненій для юношества“: она дастъ немало художественнаго удовольствія и знанія всѣмъ вообще любознательнымъ взрослымъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые въ юности своей „учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ путевыхъ очерковъ авторъ, вспоминая о юности, говоритъ: „когда я однажды спросилъ самого учителя географіи, былъ ли онъ въ Индіи и ѣздилъ ли на слонахъ, — учитель даже рассердился на меня за этотъ естественный вопросъ, видя въ немъ насмѣшку, послѣ чего я, понятно, не могъ считать его науку только капканомъ для ущемленія учениковъ двойками и единицами“. И дѣйствительно, у насъ въ рѣдкихъ случаяхъ школьное преподаваніе географіи представляетъ изъ себя нѣчто живое, а не сухой перечень именъ, чередующійся съ канцелярскими фразами объ „устройствѣ поверхности“, „климатѣ“, „бассейнахъ рѣкъ“, „мысахъ“, „носахъ“ и проч. премудростяхъ, убивающихъ юношескую впечатлительность и приучающихъ молодое, чуткое ухо къ округленности „департаментскаго стиля“. Въ этомъ случаѣ очерки г. Федорова, какъ учебное пособіе и какъ семейное чтеніе, будутъ прекраснымъ дополненіемъ къ удовлетворительно-изложенному учебнику географіи. Особенный интересъ для всякаго русскаго читателя эти очерки приобретаютъ сейчасъ, во время трагическихъ событій на Дальнемъ Востокѣ, такъ какъ многимъ не достаточно извѣстна обстановка морского пути до Японіи, а книжка г. Федорова вся посвящена подобному путешествію.

Въ одну изъ недавнихъ весенъ авторъ отправился на Востокъ изъ Одессы на пароходѣ добровольнаго флота „Корсунъ“; среди пароходныхъ матросовъ его заинтересовываетъ юноша-юнга, который оказывается сыномъ умершаго знакомаго автора, Колею Лугаревымъ. Авторъ и его юный другъ всю дорогу до Владивостока общаются впечатлѣніями, бесѣдуютъ, осматриваютъ многіе города...

Нельзя не быть поэтомъ, чтобы описать все такъ сжато, просто и красиво, какъ это удалось описать г. Федорову. Передъ читателемъ послѣдовательно и рельефно разворачивается вся богатѣйшая панорама Европы, Африки и Азии по морскому курсу на Востокъ. Босфоръ, Дарданеллы, Суэцъ, тропики, о-въ Цейлонъ, Сингапуръ, Нагасаки возстаютъ, какъ въ натурѣ. Есть замѣчательно-поэтическія страшилки, вроде разсказанной „страшной исторіи о гибели судна „Дедалосъ“. Буддійскіе храмы и чудеса индусскаго міра нарисованы поэтомъ яркими и отчетливыми мазками, пластическимъ и искреннимъ словомъ. Нигдѣ не нарушено чувство мѣры, во всемъ соблюдена перспектива воспріятій, если такъ позволительно выразиться. По прибытіи въ Нагасаки авторъ пишетъ: „пышная зелень сплелась здѣсь узорчатыми шатрами, сквозь которые сверкаютъ звѣзды. Пахнутъ зеленью, цвѣтами и грибною сыростью, ароматъ которой сразу переноситъ меня на далекую родину и воспоминанія о ней звучатъ въ душѣ, какъ молитва. Чужая толпа, чужой городъ, даже чужія звѣзды“.

Нельзя удержаться, чтобы не замѣтить, что даже здѣсь, въ этой милой книжкѣ, чуждой всякой „политики“ или тенденціозныхъ упрековъ русскому самолюбію, удостовѣряется, что „русскій языкъ очень распространенъ въ портовыхъ городахъ Японіи“ и что „въ послѣдніе четыре года и въ войскахъ ихъ (японцевъ) обучались русскому языку, и въ школахъ преподавался русскій языкъ“.

На стр. 223 авторъ прощается съ юнгой Колей, возвращаясь по желѣзной дорогѣ въ коренную Россію, а читатель неохотно расстается съ поэтическими путевыми очерками. Съ такимъ изданіемъ нужно и должно поздравить редакцію журнала „Родникъ“. Въ книгѣ 47 фототипій, изъ которыхъ только очень немногія не удалась (до 10). „Очерки“ лишены даже краткаго оглавленія, которое въ такихъ сочиненіяхъ положительно необходимо для повторнаго просмотра. Цѣна немножко дорога, тѣмъ болѣе, что это изданіе редакціонное да еще недорогого журнала, стремящагося къ широкой популяризаціи знанія.

Графъ Ф. де-ла-Бартъ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Часть I. (Средніе вѣка и Возрожденіе.) Изданіе кievской женской А. Т. Дучинской гимназіи. Кіевъ. Ц. 1 р. Эти „Бесѣды“ производятъ очень благопріятное впечатлѣніе и смѣло могутъ быть рекомендованы, какъ элементарное пособие, всѣмъ интересующимся западною литературою и ищущимъ самообразования. Слушателямъ и слушательницамъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно и учащимся старшихъ классовъ (въ особенности VII и VIII) среднихъ учебныхъ заведеній руководство г. де-ла-Барта можетъ сослужить хорошую службу.

Подобныя элементарныя пособія, по существу дѣла, являются обыкновенно компиляціями. Но компиляціи бываютъ разнаго рода. Однѣ изъ нихъ составляются прямо по наиболѣе ходкимъ общимъ пособіямъ, безъ достаточнаго знакомства съ первоисточниками и спеціальной научной литературой; другія же компиляціи не довольствуются пособиями общаго характера и черпаютъ свой матеріалъ также въ первоисточникахъ и спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Врядъ ли нужно доказывать, что предпочтеніе слѣдуетъ отдать компиляціямъ второго рода. Роль составителя въ компиляціяхъ перваго рода можетъ свестись съ умѣнью болѣе или менѣе литературно изложить шаблонныя мысли шаблонныхъ руководствъ и учебниковъ; тутъ не можетъ быть рѣчи ни о какомъ самостоятельномъ взглядѣ, ни о какой самостоятельной переработкѣ усвоеннаго ходячаго матеріала. Таковъ компиляторъ, поющій къ чужого голоса, никогда не

сумѣетъ дать настоящее, соответствующее состоянію науки въ данный моментъ освѣщеніе своему предмету и необходимое гармоническое единство своей работы.

Къ счастью, трудъ г. де-ла-Барта не принадлежитъ къ числу компиляцій подобнаго пошиба. Въ немъ за популяризаторомъ постоянно чувствуется ученый, располагающій всѣми средствами современной науки и свободно ориентирующійся въ специальныхъ вопросахъ и первоисточникахъ. Литературные памятники, о которыхъ идетъ рѣчь въ его книгѣ, извѣстны ему въ подлинникахъ, отрывки изъ которыхъ онъ приводитъ иногда въ собственныхъ хорошихъ переводахъ. Какъ переводчикъ со старо-французскаго, авторъ заявилъ себя еще раньше, подаривъ русскую литературу наиболее полнымъ переводомъ знаменитой „Пѣсни о Роландѣ“ (Спб., 1897 г.). Теперь въ его книгѣ мы находимъ хорошіе переводы и съ провансальскаго языка. Такова „Альба“ извѣстнаго трубадура Жироде-Борнеля, удачно переданная размѣромъ подлинника.

Послѣ краткаго введенія о задачахъ художественно-литературной критики, авторъ посвящаетъ три живо и содержательно написанныхъ главы выдающимся явленіямъ средневѣковой поэзіи: эпосу (французскому и нѣмецкому), провансальской лирикѣ и Данте. Затѣмъ особыя главы посвящены раннему Возрожденію, Петраркѣ и Боккаччио и гуманистамъ XV и XVI столѣтій (въ сравненіи съ „просвѣтителями“ XVIII в.). Три послѣднихъ главы заняты характеристикой французской литературы XVI и начала XVII столѣтій, европейскаго театра до Шекспира и, наконецъ, самого Шекспира.

Исходя изъ вѣрной мысли, что поэтическія произведенія тѣсно связаны съ состояніемъ искусства въ данную эпоху, авторъ въ трехъ главахъ разсматриваетъ итальянскую живопись XIII в. въ связи съ ученіемъ Франциска Ассизскаго, итальянское искусство XV столѣтія и главныхъ представителей искусства цвѣтущаго періода Возрожденія—Микель Анджело, Леонардо да-Винчи и Рафаэля.

Въ лицѣ автора этихъ „Бесѣдъ“ читатель встрѣтитъ живого и вполне самостоятельнаго собесѣдника, умѣющаго счастливо избѣгать, какъ Сциллы, поверхностности и легкомыслія, столь свойственныхъ разнымъ „элементарнымъ пособіямъ“, такъ и Харибды, неумѣстной въ данномъ случаѣ сухой учености.

Главный упрекъ, который можно направить по адресу составителя „Бесѣдъ“, это—сжатость изложенія, идущая иногда въ ущербъ удобопонятности. Этотъ недостатокъ, однако, легко можетъ быть устраненъ при второмъ изданіи книги, которой нельзя не пожелать широкаго распространенія. Желательно было бы также, чтобы за эту „часть I“ послѣдовали поскорѣе и слѣдующія части, посвященныя литературѣ новаго времени.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ И ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Кіевская Старина“, 1904 годъ, № 10—12. — „Историческій Вѣстникъ“, 1904 годъ, № 5—12. — „Семья и Школа“, 1905 годъ, № 1.

„Кіевская Старина“, 1904 г., № 10—12. „Историческій Вѣстникъ“, 1904 г., № 5—12. Въ ноябрьской книжкѣ *Кіевской Старины* напечатаны очень цѣнные матеріалы для біографіи М. С. Щепкина

(впервые извлеченные из архивов), въ особенности для характерной исторіи выкупа его изъ крѣпостного состоянія. Въ 1818 г. онъ подвизался въ Полтавѣ въ драматической труппѣ Штейна, въ которой онъ и началъ свою драматическую дѣятельность, и особенно полюбился кн. Н. Г. Репнину, тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору. „Игра его очень нравилась всѣмъ, особенно восхищались онъ публику игрою своею въ пьесѣ „Жидовская морча“, гдѣ въ главной роли еврея онъ воплощалъ тогдашняго полтавскаго городского голову А. Зеленскаго, происходившаго изъ евреевъ. Последнему это очень не нравилось, и онъ обещалъ платить ежегодно труппѣ по 2 тысячи, если только пьеса будетъ снята съ репертуара, на что артисты согласились. Но кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ возможно чаще ставить эту пьесу, и Зеленскій, чтобы не навлечь гнѣвъ начальства края, долженъ былъ посѣщать театр“.

Сценическіе успѣхи Щепкина (какъ указано выше, иногда довольно своеобразные) заставили кн. Репнина поднять вопросъ объ освобожденіи его изъ крѣпостного состоянія. Онъ былъ сынъ камердинера, впоследствии управляющаго курской помѣщицы Волькенштейнъ. Когда она потребовала М. С. къ себѣ, Репнинъ написалъ Волькенштейнъ такое письмо: „человѣкъ вашъ, Михайло Щепкинъ, находящійся на условіи при полтавскомъ театрѣ, отправляется нынѣ къ вашему сіятельству, вслѣдствіе призыванія вашего. Я пользуюсь симъ случаемъ, считаю долгомъ свидѣтельствовать вамъ о хорошихъ свойствахъ его, и что онъ, отличаясь всегда чрезвычайнымъ талантомъ въ представленіи назначаемыхъ ему ролей, доставляетъ тѣмъ пріятнѣйшее удовольствіе всей полтавской публикѣ, почему я и убѣждаюсь покорнѣе просить васъ, м. г., позволить ему, Щепкину, возвратиться къ своей обязанности дней за десять до Пасхи“.

Волькенштейнъ въ отвѣтномъ письмѣ выразила „удовольствіе“, что Щепкинъ „своими малыми талантами доставляетъ удовольствіе полтавской публикѣ“, и согласилась продлить ему отпускъ: „хотя сей человѣкъ, по своимъ познаніямъ въ землемѣрной наукѣ, мнѣ крайне нуженъ, но, желая вашему сіятельству, какъ мною почитаемой особѣ, услужить, увольняю его къ вашему сіятельству, съ покорнѣею моею просьбою, что, когда онъ, Щепкинъ, мнѣ необходимъ будетъ, то что-бы тогда отпустить его ко мнѣ“.

Въ томъ же году братъ помѣщицы извѣстилъ Щепкина, что она согласна дать ему съ семьей вольную за 8,000 руб.: „Миша Щепкинъ! Такъ какъ ты, видно, не хочешь быть слугою и, видно, не расположенъ быть благодарнымъ за все то, что твой отецъ приобрѣлъ, бывши у графа, за воспитаніе, данное тебѣ, то графиня желаетъ всѣмъ вамъ дать вольную, т.-е. вашей фамиліи—отцу твоему со всѣмъ семействомъ за 8 тысячъ, ибо семейство ваше весьма значительно“.

Напрасно Репнинъ взымалъ къ „благороднѣйшему образу мыслей“ и „великодушію“ владѣлицы и просилъ сбавить сумму до 4 или 5 тыс.—Волькенштейнъ стояла на своемъ.

Напрасно онъ говорилъ о силѣ таланта Щепкина и необходимости его развивать, „къ чему совершенно преграждается возможность, если онъ не будетъ свободнымъ“—слишкомъ большой интересъ всесильнаго сановника къ крѣпостному артисту давалъ надежды на полученіе всей суммы, для своего времени небывалой.

25 іюля 1818 г. въ полтавскомъ театрѣ былъ устроенъ спектакль „въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участи“. Кро-

мѣ обычного сбора за мѣста, была устроена подписка, покрывшая значительную часть выкупа. Одинъ помѣщикъ пожертвовалъ 1,992 р., проигранные ему и не уплаченные своевременно полтавскимъ полицеймейстеромъ.

Остальное доплатилъ Репнинъ.

Бывшій тогда директоромъ театра Н. П. Котляревскій писалъ князю, что извѣстiе о свободѣ Щепкина встрѣтилъ „со слезами признательности и вѣчной благодарности“.

Только счастливая случайность, — покровительство просвѣщеннаго вельможи, — спасла великаго артиста изъ путь рабства, а сколько такихъ даровитыхъ людей погибало въ неравной борьбѣ между дикими условіями жизни и проснувшимся чувствомъ человѣческаго достоинства!

Впервые опубликованные г. Павловскимъ документы не только разъясняютъ оставшіяся до сихъ поръ мало извѣстнымъ эпизодъ изъ жизни Щепкина, но и даютъ яркую картину изъ исторіи крѣпостныхъ отношеній начала прошлаго вѣка.

Въ майской книжкѣ *Историческаго Вѣстника* напечатаны воспоминанія П. В. Засодимскаго о Н. В. Шелгуновѣ и П. Л. Лавровѣ. Свѣдѣнія о послѣднемъ, благодаря тому, что ему пришлось эмигрировать изъ Россіи, совсѣмъ не проникали въ нашу печать. Бѣглыя замѣчанія г. Засодимскаго представляютъ мало интереса сами по себѣ, но они важны тѣмъ, что создаютъ прецедентъ, узакониваютъ упоминаніе о покойномъ философѣ въ печати. Любопытна исторія бѣгства Лаврова. Онъ былъ высланъ въ г. Кадниковъ, въ которомъ жилъ съ матерью-старушкой. Лица, которыя должны были по долгу службы „интересоваться имъ“, замѣтили, что по вечерамъ онъ имѣлъ обыкновеніе долго ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Каждый вечеръ наблюдали они его тѣмъ, безостановочно мелькавшую на бѣлыхъ шторахъ оконъ, и успокаивались. Между тѣмъ Лавровъ давно уже бѣжалъ за границу, а за него ходила по комнатамъ его разбѣренною поступью и мелькала на шторахъ мать. Онъ счастливо перебрался черезъ границу и поселился во Франціи. Болѣе двадцати лѣтъ прожилъ онъ въ Парижѣ въ одномъ и томъ же домѣ. Только на непродолжительное время въ 1875 г. онъ долженъ былъ удалиться въ Англію, когда одно реакціонное французское министерство стало усиленно заботиться объ очисткѣ Парижа отъ неблагонадежныхъ элементовъ. Онъ писалъ „Опытъ исторіи мысли“, принималъ дѣятельное участіе въ заграничной радикальной печати и умеръ 25 января 1900 г., 76 лѣтъ отъ роду, вдали отъ горячо любимой родины, которою не переставалъ глубоко интересоваться до послѣдняго дня своей жизни.

Прекрасная статья П. Е. Щеголева „Подвигъ русской женщины“ написана по поводу вышедшихъ въ прошломъ году замѣчательныхъ записокъ кн. М. Н. Волконской. Г. Щеголевъ даетъ яркій образъ одной изъ русскихъ женщинъ, воспѣтыхъ Некрасовымъ, на основаніи ея подлинныхъ записокъ, сообщенныхъ поэту ея сыномъ. Привлечены имъ также и отзывы о кн. Волконской декабристовъ, товарищей ея мужа по несчастію. Авторъ выделяетъ Волконскую изъ ряда женъ декабристовъ, послѣдовавшихъ въ Сибирь за мужьями. Для однихъ это было подвигомъ страстной любви, для другихъ — подвигомъ супружеской любви и долга или подвигомъ ради самого подвига. „Для Волконской онъ былъ подвигомъ „борьбы“, чисто органическимъ и абсолютно чуждымъ эгоистическимъ соображеніямъ. Она совершила его не для себя, не для мужа, а „по человѣчеству“. Когда ей высказывали удивленіе по поводу того,

какъ она могла лишиться себя всего, что имѣла и все покинуть, чтобы слѣдовать за мужемъ, она отвѣчала: „Что же тутъ удивительнаго? Пять тысячъ женщинъ дѣлають добровольно то же самое“.

Въ июньскомъ номерѣ обращаетъ на себя вниманіе статья г. Слонимскаго „Политическіе взгляды Пушкина“. По основному своему взгляду она примыкаетъ къ извѣстной статьѣ В. Е. Якушкина „Радищевъ и Пушкинъ“, нѣкоторыя положенія которой нашли дальнѣйшее развитіе въ недавнемъ прекрасномъ фельетонѣ того же автора въ *Нашихъ Дняхъ*. Разгадку дѣятельности Пушкина въ Николаевское время г. Слонимскій видитъ въ „прозаизмѣ“, т.-е. реализмѣ Пушкинскаго міросозерцанія. Натура активная по преимуществу, Пушкинъ не могъ стоять далеко отъ жизни и во что бы то ни стало хотѣлъ вліять на ея теченіе. Неудача 14 декабря показала безсиліе „либералистовъ“, и Пушкинъ переноситъ свои надежды на правительство. То же дѣлали и сами декабристы: видя благія намѣренія молодого царя, они готовы были искренно раскаться въ своей затѣѣ. Пушкинъ хочетъ „выполнѣ и искренно примириться съ правительствомъ“, „условиться съ нимъ, буде условія необходимы“, если же примиреніе невозможно, онъ собирается навсегда покинуть „прорытую Русь“. Онъ согласенъ на уступки обстоятельствамъ, если правительство пойдетъ ему навстрѣчу. Поданное имъ прошеніе на Высочайшее имя о снятіи съ него опалы написано очень сдержанно, съ удивительнымъ достоинствомъ и показалось им. Вяземскому слишкомъ даже холоднымъ и сухимъ. „Иначе и быть невозможно, — отвѣчалъ ему Пушкинъ: — благо написано. Теперь (т.-е. послѣ казни декабристовъ) у меня перо не повернулось бы“.

Но оптимизму поэта предстояли тяжелые удары. Казнь декабристовъ была для него первымъ большимъ разочарованіемъ въ намѣреніяхъ правительства, и онъ съ трудомъ съ нимъ справился. За нимъ послѣдовало много другихъ, положеніе все болѣе осложнялось, и около поэта уже наматывалась та страшная петля, которая въ концѣ концовъ задушила его. Всѣ попытки самой сдержанной и осторожной пропаганды своихъ взглядовъ, „прежнихъ гимновъ“ либерализма, наталкивались на зоркій сыскъ тройной цензуры, и произведенія бѣднаго поэта то задерживаются совсѣмъ, то выходятъ въ свѣтъ въ искалѣченномъ видѣ. „У него все яснѣе и яснѣе проявляется раздраженіе противъ правительства и господствующаго порядка... Дѣйствительность предстаетъ передъ Пушкинымъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Пушкинъ больше не строитъ себѣ никакихъ иллюзій. Всю отвѣтственность за неустройство русской жизни онъ возлагаетъ на русское общество“. Изъ душевной атмосферы придворныхъ отношеній и петербургскаго большого свѣта ему хочется вырваться на „чистый воздухъ“. „Усталый рабъ“, онъ мечтаетъ о жизни въ деревнѣ и объ окончательномъ разрывѣ съ прежнею обстановкой. Когда это не удалось, когда петля матеріальной нужды и запутанности общественнаго положенія окончательно затянула его, онъ началъ искать смерти. По мнѣнію г. Слонимскаго, Пушкинъ въ сущности не интересовался спеціально политическими вопросами, и титулъ „либерала“ въ современномъ значеніи этого слова къ нему не примѣнимъ. Близость его къ либерализму вытекала изъ пафоса всего его творчества — изъ его высокой гуманности, опредѣлялась его свѣтлымъ, зоркимъ умомъ: „Слишкомъ трезвый и справедливый онъ былъ человекъ, чтобы не видѣть зла, котораго такъ много было въ его вѣкъ, имъ самимъ названный „жестокимъ“.

Такой выводъ мы считаемъ результатомъ недоразумѣнія: при отсутствіи политическихъ интересовъ у Пушкина падаетъ и самая постановка

темы г. Слонимскаго— „*Политическіе взгляды Пушкина*“. Самъ г. Слонимскій указываетъ рядъ фактовъ изъ переписки и сочиненій великаго поэта, которые доказываютъ, что къ вопросамъ политическимъ Пушкинъ относился далеко не безразлично. Для ранней поры жизни Пушкина ихъ можно было бы набрать и больше.

Въ сентябрьской книжкѣ г. Засодимскій рассказываетъ о послѣднихъ дняхъ Шелгунова и очень подробно останавливается на исторіи, разыгравшейся во время его похоронъ. Полиція почему то очень сгнѣшила съ выносомъ, и полицейскій чиновникъ осмѣлился даже сдѣлать выговоръ священнику за замедленіе. Священникъ, посмотрѣвъ въ упоръ на полицейскаго, раздраженнымъ тономъ указалъ на неумѣстность его замѣчаній. Нести гробъ на рукахъ было почему то воспрещено. Дальше произошло нѣчто невѣроятное. „Молодежь, овладѣвшая гробомъ, не уступала незаконному требованію полиціи. Полицейскіе тѣснили державшихъ гробъ и пытались вырвать у нихъ гробъ съ тѣмъ, чтобы поставить его на колесницу. Гробъ сильно покачивался изъ стороны въ сторону, и ежеминутно можно было опасаться, что онъ грохнется на мостовую. Во время разгара этой свалки изъ среды полицейскихъ послышался чей то энергичный возгласъ: „Руби по рукамъ!...“ Кончилось тѣмъ, что публика уступила, и гробъ былъ поставленъ на колесницу. За рѣчи, произнесенныя на могилѣ Шелгунова, поплатилось нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и г. Засодимскій. При высылкѣ его и г. Н. полиція пустилась на хитрости. Избѣгая проводовъ на вокзалъ, арестованныхъ провели въ каретѣ за Петербургъ въ село Рыбачьему и посадили ихъ въ поѣздъ на станціи Преображенской. Высланные такимъ образомъ не могли получить ничего, что должны были передать имъ родные на вокзалѣ, и чего они не успѣли захватить благодаря неожиданности и быстротѣ высылки.

Въ декабрьскомъ номерѣ г. Щегловъ передаетъ бесѣду съ современникомъ о. Матвѣя Константиновскаго, извѣстнаго изувѣра, сыгравшаго такую роковую роль въ исторіи душевной болѣзни Гоголя. Статья производитъ настолько странное впечатлѣніе, что ее слѣдуетъ отмѣтить. Изумляемся, какъ г. Щегловъ могъ написать и еще болѣе, какъ редакция *Историческаго Вѣстника* рѣшилась ее напечатать. Видите ли, протоіерей Образцовъ назвалъ г. Щеглова грѣховодникомъ и наразсказалъ ему про о. Матвѣя много всякихъ чудесъ, записанныхъ нашимъ своеобразнымъ интервьюеромъ яко бы съ дипломатическою точностью. Отецъ Матвѣй будто бы былъ прозорливецъ и предсказалъ, что послѣ смерти его будутъ бранить, предсказалъ даже появленіе извѣстной картины Рѣпина, даже то, что явится писатель по фамиліи Щегловъ и тоже поносить его станетъ. Онъ предсказалъ, что Александръ II умретъ „въ красныхъ сапогахъ“, и что его сокрушитъ „динамусъ“. При этомъ разговорѣ г. Щегловъ „удивлялъ вниманіе“, „невольна смущался духомъ“, у него было не особенно весело на душѣ, когда онъ уѣзжалъ изъ Твери... Обо всемъ этомъ онъ и счелъ нужнымъ доложить читателямъ, съ такимъ характернымъ заключеніемъ: „Какъ видите, положеніе, выходящее далеко за предѣлы литературнаго изслѣдованія, — и, разумѣется, не въ краткой замѣткѣ обсудить его съ должной послѣдовательностью: слишкомъ сложная, „трагическая сторона“ русской жизни здѣсь зацѣплена“.

Но какъ могъ серьезный историческій журналъ напечатать вздорныя записи вздорныхъ разсказовъ выжившаго изъ ума протоіерея?

Семья и Школа. Ежемесячный иллюстрированный журналъ для дѣтей (1905 г., январь). Новый дѣтскій журналъ *Семья и Школа* предназначается для дѣтей средняго возраста. Этотъ возрастъ трудно опредѣлять точно годами, — для однихъ дѣтей онъ начинается раньше, для другихъ поздне, все зависитъ отъ индивидуальнаго развитія. Болѣе правильно будетъ опредѣлять аудиторію журнала дѣтьми, учащимися въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ школахъ и учениками младшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Приблизительно это будетъ возрастъ отъ 9—12 лѣтъ.

Первая книжка составлена умѣло и занимательно, даны недурныя иллюстраціи въ текстѣ и рисунки на отдѣльномъ листѣ. Достаточно мѣста отведено для ознакомленія дѣтей съ окружающей ихъ природой. Хорошъ очеркъ Орловскаго о дѣтскихъ годахъ Пушкина. По началу интересна повѣсть Джензей-Муранъ изъ быта японцевъ.

Небольшой объемъ журнала, при слишкомъ скромной подписной цѣнѣ (2 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой), не позволяетъ журналу дать много матеріала и заставляетъ выѣсть съ тѣмъ экономить въ интересахъ маленькаго читателя каждую страничку. Редакція видимо знаетъ и понимаетъ это неизбежное условіе маленькаго журнала, помѣщая стихи и картинки на пустыхъ мѣстахъ.

Мы можемъ пожелать этому новому журналу самаго широкаго распространенія, такъ какъ его отношеніе къ литературѣ, серьезное и дѣльное, можетъ приучать дѣтей къ работѣ серьезной и любви дѣятельной. Это особенно важно теперь, когда въ дѣтскую литературу, особенно въ періодическую, нерѣдко вторгается коммерческое поверхностное отношеніе, такъ близко граничащее съ безпринципностью.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1905 г.

Алтаевъ, А. Рассказы о животныхъ маленькими дѣтми. Изд. редак. журн. „Дѣтское Чтеніе“. М., 1905 г. Ц. 30 к.

Арцъль, Арнольдъ. Долой женщинъ! (Записки моего друга.) М., 1905 г. Ц. 1 р.

Архангельскій, А. Сельскій скотовѣдѣніе. Какъ лѣчить болѣзни: лошадей, воловъ, коровъ, овецъ, свиней, собакъ, куръ. М., 1906 г. Ц. 20 к.

Базаровъ, В., и Степановъ, И. Очерки по исторіи Германіи въ XIX в. Т. I. М., 1905 г. Ц. 2 р.

Вальмонтъ, К. Собраніе стиховъ. Т. I. М., 1905 г. Ц. 2 р.

Библиотека Горбунова-Посадова. Сказки и др. М., 1905 г.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь. 79 томовъ. Спб., 1904 г.

Вуковъ, А. И. Общеизвестный часославѣкъ. Краткія практическія свѣдѣнія по ремеслу починки часовъ. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1905 г.

Вильде, Н. Н. Катастрофа. Москва, 1904 г. Ц. 1 р.

Врачебная хроника Харьковск. губерн. Голъ 8-й. Харьковъ, 1904 г.

Вятринскій, Ч. (Вас. Е. Чешинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 60 к.

Гедбергъ, Торъ. Гергардъ Гримъ. Драматическая поэма въ 6-ти дѣйств. Изд. Скирмунта. Ц. 50 к.

Гердъ, Франкъ. Волны дѣтей. Пер. съ англ. Языковой. Изд. „Посредника“. М., 1905 г. Ц. 25 к.

Геселдинъ, Гаральдъ. Философскія проблемы. Пер. съ нѣм. Калелюма. Спб., 1905 г. Ц. 40 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Рождественская вѣзда. Сборникъ рассказовъ

и сказаній. Изданіе 3-е. М., 1905 г. Ц. 1 р. 10 к.

Горбунова, Е. Человѣкъ или три испытанія. Состав. по Карменъ Сильва. М., 1905 г.

Гофманъ, Викторъ. Книга вступленій. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Дерновъ, М. Организация пасѣчнаго хозяйства. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Дневникъ Елизаветы Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ 1895—1899 гг. Изд. 2-е. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 75 к.

Долгихъ, И. Экономическое значеніе и будущее мелкаго хозяйства. Рига, 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Работа коровъ въ ея историческомъ развитіи и экономическомъ значеніи. Рига, 1904 г. Ц. 1 р.

Драхманъ, Гольгеръ. Тысяча одна ночь. Драма-сказка въ 6-ти дѣйствіяхъ. Изд. Скирмунта. М. Ц. 50 к.

Дрожжинъ, С. Д. Родная деревня. Стихотворенія. Библиотека Горбунова-Посадова. М., 1905 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дружининъ, Н. П. Валостной сходъ. Рассказъ. М., 1905 г. Ц. 25 к.

Дьяконова, Елис. Дневникъ русской женщины. Парижъ 1900—1902 гг. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Е. П. Свѣтъ на пути изъ древняго индускаго писанія. „Книга золотыхъ правилъ“. Пер. съ англ.—Ученіе о кармѣ. Изд. „Посредника“. М., 1905 г. Ц. 30 к.

Единорогъ, Г. Дѣтки Софоній и Сасоній. Рассказы о двухъ дѣткахъ, покинувшихъ свою родину. М., 1905 г. Ц. 25 к.

Ефименко, А. Южная Русь. Т. I. Спб., 1905 г. Ц. 2 р.

Ефременковъ, В. По поводу обзора русской исторіи, печатаемаго въ журналѣ „Миръ Божій“. Тифлисъ, 1903 г.

Жилина-Дьяконова. Царство фа-

- раоновъ. Разсказъ изъ исторіи Египта съ рисунками. Изд. „Посредника“. М., 1904 г. Ц. 30 к.
- Задѣра, Г. П.** Медицинскіе дѣтели въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Ростовъ на Д., 1905 г. Ц. 50 к.
- Зеленый сборникъ.** Стихи и проза. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Зомбартъ, Вернеръ.** Современный капитализмъ. Т. П. Изд. Скирмунта. М., 1905 г. Ц. 2 р.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Комедія любви. Борьба за престолъ. Брандъ. Изд. Скирмунта. М. Ц. 1 р. 50 к.
- Извѣстія с.-петербургскаго политехническаго института.** Т. II, вып. 1—2. Спб., 1904 г.
- Индриксонъ, Ф.** Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Спб., 1905 г. Ц. 70 к.
- Іегеръ, Оскаръ, проф.** Всеобщая исторія. Изданіе Маркса. Вып. I. Спб. Ц. 1 р.
- Каборъ, Ф.** Крестовый походъ дѣтей. Разсказъ изъ временъ XIII вѣка. Пер. съ нѣмец. Шиммаревой. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Кедрова, А.** Что случилось въ дѣсу и др. разск. для дѣтей младшаго возраста. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1905 г. Ц. 60 к.
- Крандлевская, А.** Ничтожныя и др. разказы. Т. I и II. М., 1905 г. Ц. 1 р.
- Красноженъ, М.** Любопытные вопросы древне-церков. практики. — Дополненіе къ церков. праву. — О развоздѣ.—Воспомин. о гимназ. жизни. Юрьевъ, 1906 г.
- Крижъ, В.** Первая грамота. М., 1905 г. Ц. 30 к.
- О классномъ чтеніи въ сельской школѣ. М., 1904 г. Ц. 10 к.
- Кристи, Е. К.** Стихотворенія. Одесса, 1905 г. Ц. 1 р.
- Куно Фишеръ.** Лейбницъ, его жизнь, сочин. и ученіе. Спб., 1905 г. Ц. 4 р.
- Лавровъ, В. М.** Дѣти артисты и друг. разказы съ польск. М., 1905 г. Ц. 20 к.
- Что краситъ жизнь. Съ польск. М., 1905 г. Ц. 30 к.
- Лафаргъ, П.** Американскіе трѣсты, ихъ эконом., социальная и политическ. роль. Перев. Былинки. Спб., 1905 г. Ц. 40 к.
- Липпсъ, Т., проф.** Мюнхенск. универс. Основные вопросы этики. Перев. съ нѣм. Лидорена. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.
- Лонгъ, Вильямъ.** Въ царствѣ птицъ. Разсказъ. Вып. I. М., 1905 г. Ц. 25 к.
- Любичъ, Е.** Затосковалъ. Разсказъ. Изд. „Посредника“. М., 1905 г.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. И.** Сударь Пантагей—Свѣтъ Ивановъ. Новгородское преданіе. Изд. ред. „Дѣтское Чтеніе“. М., 1904 г. Ц. 7 к.
- Былинки. Разсказъ для маленьк. дѣтей. М., 1905 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи.** Вып. XI. Купля-продажа земель въ Европейской Россіи 1897 г. Спб., 1904 г.
- Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Екатеринбургской губерніи.** Естественно-историческая часть. Отчетъ екатериносл. губ. земству, предст. проф. В. В. Куриловымъ. Екатеринбургъ, 1904 г.
- Мещерскій, И. И.** Какъ устраивать сады при народахъ школахъ. Изд. 6-е. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.
- Мѣнія 4-го совѣщанія статистиковъ вятскаго земства.** Годъ IV. Вятка, 1904 г.
- Мюрхедъ, Д.** Основныя начала морали. Одесса, 1905 г. Ц. 75 к.
- Наживинъ, И. I** Въ неволѣ. Разск. II) Сосѣди. Разск. Изд. „Посредника“. М., 1904 г.
- Нечаевъ, А. И.** Картины родным. Ц. 10 к.
- Почва и ея исторія. Географ. этюдъ. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.
- Новый Миръ.** Журн. № 1. Спб., 1905 г.
- Нѣкоторыя особенності устройства Юрьевского (бывшаго Дерптскаго) университета.** Рига, 1904 г.
- Огаревъ, Н. П.** Стихотворенія. Подъ редакц. М. О. Гершензона. Т. II. М., 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ожешкова, Э.** Юліанка. Городская картинка. Пер. съ польск. В. М. Лаврова. М. Ц. 15 к.
- Ольгинъ, С.** Люди и жизнь. Спб., 1905 г. Ц. 60 к.
- Освальдъ, Кюльпе.** Очерки современной герман. философіи. Спб., 1906 г. Ц. 65 к.
- Отчетъ о дѣятельности орловской публичной библиотеки за 1903 годъ.** Вятка, 1904 г.
- Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла о-ва распростран. техническ. знаній за 1903 г. М., 1905 г.**
- Отчетъ о дѣятельности педагогическаго общества, состоящаго при император. московск. университетѣ за 1903—4 гг. М., 1904 г.**
- Пановъ, А. А.** Сахалинъ, какъ колонія. М., 1905 г. Ц. 1 р.
- Педагогическая мысль.** Изданіе коллегіи П. Галагана. Подъ редакц. Сикорскаго. Вып. II. Кіевъ, 1904 г. Ц. 1 р.
- Полный сводъ рѣшеній гражд. кассацион. департ. прав. сената за 1876 г. №№ 532—597 и 1877 г. №№ 1—156. (39 полут.), за 1877 г. №№ 156—363 (40 полут.), за 1877 г. №№ 363—375, за 1878 г. №№ 1—163 (41 полут.).** Изд. Ротенберга. Екатеринбургъ, 1904 г.
- Пшибышевскій, Ст.** Сыны земли. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. Троновскаго. М., 1905 г. Ц. 50 к.

- Рождественская, А. Тито.** История луговой волыцы. Съ англійскаго. М., 1906 г. Ц. 25 к.
- Розенбергъ, Вл. и Якушкинъ, В.** Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. М., 1905 г. Ц. 1 р.
- Россиѣвъ, П. А.** Глядо орховъ. Пут. впечатл. въ Черногоріи. М., 1905 г. Ц. 25 к.
- Сборникъ учено-литературнаго о-ва при Императорск. юрьевскомъ университетѣ.** Т. VIII. Юрьевъ, 1905 г.
- Сборникъ Родника.** Стихотворенія, проза, рисунки. Въ пользу сиротъ войны, павшихъ въ русско-японской войнѣ. Слб., 1904—1905 гг. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- Сборникъ материаловъ по оцѣнкѣ земель Вятской губ.** Т. I, II, III. Вятка, 1904 г.
- Сборникъ работъ гигиенической лабораторіи Имп. новор. универ. подъ ред. проф. Хлопина.** Одесса, 1905 г.
- Сельско-хозяйственный обзоръ Вятск. губ. за 1903—1904 гг.** Вып. 3 и 4. Вятка, 1904 г.
- Семеновъ, С. Т. Брехани.** Разск. Изд. „Посредника“. М., 1905 г.
- Недруги. Разск. Изд. „Посредника“. М., 1906 г.
- Сибирскій торгово-промышленный календарь 1905 г.** Изд. Ромазова. Томскъ. Ц. 2 р.
- Сиповскій, В.** Сократъ и его время. Историч. очеркъ. М., 1905 г.
- Содди, Ф.** Радиоактивность. Слб., 1905 г. Ц. 2 р.
- Составъ служащихъ въ промыш. заведеніяхъ.** Слб., 1904 г.
- Сулержицкій, Л.** Въ Америку съ духоворами. Изданіе „Посредника“. М., 1905 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Сѣверцевъ - Полидовъ.** Кляжой отрокъ. Истор. повѣсть изъ преданій XIII вѣка. М., 1905 г. Ц. 50 к.
- Третій годъ дѣятельности слб. комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи (малка).** Слб., 1904 г.
- Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи.** Т. VIII. Пермь, 1904 г. Ц. 80 к.
- Указатель новыхъ кратчайшихъ направлений перевозокъ отъ и до С.-Петербурга въ зависимости отъ включенія въ непрерывную рельсовую сѣть російск. ж. д. новой линіи отъ С.-Петербурга до Витебска.** Слб., 1904 г.
- Фавръ, Луи.** Научный духъ и научный методъ. Одесса, 1905 г. Ц. 20 к.
- Федоровъ, А. Ф.** Россійская пенсіонная касса. Одесса, 1905 г.
- Хашкешъ, М. Я.** Стихотв. Изд. 3-е. Слб., 1904 г.
- Хирьяковъ, А.** Бѣлый явотылякъ. Разсказъ. Библиотека Горбунова-Посадова. М., 1905 г. Ц. 15 к.
- Частное земледѣліе.** Курсъ проф. Д. Н. Приклинникова, составленный по его лекціямъ и подъ его редакціи. Изд. 3-е. М., 1904 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Чешихинъ, Вс. Гамерлингъ.** Характеристика. Слб., 1904 г. Ц. 1 р.
- Чебышева - Дмитріева.** Вопросы начальной школы и педагогич. очерки. Слб., 1905 г. Ц. 1 р.
- Чиликинъ, Г. И.** Зубы и какъ нужно ухаживать за ними, чтобы сохранить ихъ. М., 1904 г. Ц. 60 к.
- Шерръ, Іоганнъ.** Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Т. 1 и 2. Изд. Скримунта. М. Ц. за 2 т. 6 р.
- Шестовъ, П.** Апостолъ безпачвенности. (Опытъ адогматическаго мышленія.) Слб., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шингаревъ, А.** Отчетъ о дѣятельности санитарн. отдѣленія воронежск. губ. зем. управы за 1903—4 гг. Воронежъ, 1904 г.
- Штефъ, Л.** О правильномъ уходѣ за жеребятами и лошадьми и умѣломъ разведеніи ихъ. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1905 г. Ц. 40 к.
- Шумахеръ, А.** Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Историч. очеркъ. Слб., 1905 г. Ц. 1 р.
- Ягцовъ, Карлъ-Родбертусъ.** Сочиненія. Вып. I. Къ освѣщенію социального вопроса. Перев. съ нѣмец. проф. Соболева. Изд. Глаголева. Слб. Ц. 1 р. 25 к.
- Янковскій, К.** Правила и порядки государт. сберегател. кассъ. Варшава, 1905 г. Ц. 70 к.
- Ѳедоровъ, А. М.** На востокъ. Очерки. Изд. редакц. журн. „Родникъ“. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Ѳоминъ, И. И.** Введеніе въ исторію философіи. Популярно-философск. очерки. М., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Библиографическаго отдѣла.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: Робертъ Бернсъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей.—*А. Амфитеатровъ*. Сибирскіе этюды.—*Федоръ Сологубъ*. Книга сказокъ.—*Н. А. Худкова*. Разказы.—*Павелъ Брюнелли*. Легенды и настроенія. 53

Исторія, исторія литературы, біографіи. *Е. Бутми*. Развитие государственнаго и общественнаго строя Англіи.—*Проф. М. С. Грушевскій*. Очеркъ исторіи украинскаго народа.—*А. С. Пруцкинъ*. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ.—*Е. Н. Щепкина*. Чтенія по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Вып. I.—*Баронъ Н. В. Дризентъ*. Матеріалы къ исторіи русскаго театра.—*У. Витринскій*. Т. Н. Грановскій и его время. Изд. 2-е.—*А. Е. Бороздина*. Литературныя характеристики. Т. II. Вып. V.—*Проф. Ф. Златинскій*. Изъ жизни идей.—Русскія былинны. Вып. I и II.—*А. Д. Григорьевъ*. Архангелскіе былинны и историческія пѣсни. Т. I.—*И. Д. Невомировичъ*. Борцы и мученики за свободу въ Болгаріи.—*Мик. Лемке*. Н. М. Ядринцевъ. Біограф. очеркъ.—*Дневникъ Елизаветы Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ*. *Е. А. Дьяконова*. *Дневникъ русской женщины*. 57

Публицистика: *Бруно Эмиль Енницъ*. Черныя кабинеты въ Западной Европѣ.—*Е. Максимовъ*. Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи больнымъ.—*В. М. Гессенъ*. Вопросы мѣстнаго управленія. 68

Политическая экономія, статистика: *М. Я. Герценштейнъ*. Новѣйшія теченія въ ученіи о поземельномъ кредитѣ въ Германіи.—Обзоръ поземельнаго состоянія Курской губ. за 1901—1902 г.—Матеріалы по статистикѣ движенія земледѣлія въ Россіи. Вып. VIII.—Кустарные промыслы. Статистическій сборникъ по Ярославской губ.—Списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. 71

Юридическія книги: *С. Е. Гвиель*. Судебные уставы 1864 г.—*М. Г. Болондаевъ*. Понятія адвоката 73

Естествознаніе, математика: *Л. Грецъ*. Краткій курсъ электричества.—*Амфредъ Р. Уоллесъ*. Мѣсто человѣка во вселенной.—*А. Кассовскій*. Символы элементарной математики. 77

Книги для дѣтей, учебники, пособія: *Л. Нелидова*. Радость. Разказы для дѣтей.—"Библиотека Востокъ": 1) *Миссъ Бредонъ*. Дѣти напрокатъ. 2) *Е. Станюковичъ*. Антошка. 3) *А. Алмаевъ*. Ассанъ-Хызъ.—*Д. И. Тихомировъ*. Государственный вождь земли русской императоръ Петръ Великій.—*А. М. Федоровъ*. На Востокъ. Очерки.—*Гр. де-ла-Бартъ*. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Ч. I. 78

Историческіе журналы и журналы для дѣтей: "Кіевская Старина", 1904 г., № 10—12.—"Историческій Вѣстникъ", 1904 г., № 5—12.—"Семья и Школа", 1905 г., № 1 81

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль»
съ 1 января по 1 февраля 1906 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на новый ежемесячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

Журналъ предназначенъ для дѣтей преимущественно 10—12 лѣтъ и будетъ примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихъ въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учащихся начальной, городской и сельской школы.

Въ программу журнала входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. II. Стихотворенія съ иллюстраціями. III. Историческіе разсказы и очерки. IV. Біографіи замѣчательныхъ людей. V. Популярныя естественно-историческіе очерки. VI. Очерки и разсказы географическаго и этнографическаго содержания. Путешествія. VII. Отдѣльныя иллюстраціи. VIII. Библиографія: обзоръ дѣтской и педагогической литературы.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Е. Бакунина, И. А. Вайноусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцова, С. Д. Дрожжінъ, П. П. Ифантиевъ, А. А. Клеветтеръ, В. Н. Лвовъ, Т. Н. Лвовъ, Вл. Лвовъ, И. И. Митропольскій, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, А. Серафимовичъ, Н. Д. Телешовъ, М. В. Таличьева, В. Н. Харузина, Ю. Н. Щербачева и др.

Журналъ будетъ выходить разв въ мѣсяцъ книжками отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ въ годъ 2 руб. 50 коп. съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Безъ доставки въ Москвѣ: у Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова.

Цѣна журнала безъ доставки 2 руб.

Книжные магазины и конторы, принимающіе подписку, 5% скидку. Подробная программа журнала высылается по требованію изъ редакціи безплатно, первый пробный номеръ за три семикопеечныя марки.

Изгородние подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“, Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

Редакторъ-издатель *Вл. Лесовъ.*

Годъ изданія XXIII.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ, КАРСКОЙ ОБЛАСТИ,
открыта подписка на газету

КАРСЪ,

на 1905 годъ.

Условія подписки: съ доставкою и пересылкою 3 рубля въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ“, въ городѣ Карсѣ, куда адресуютъ свои требованія и изгородные.

Газета „Карсъ“ имѣетъ ближайшемъ цѣлю всестороннее наученіе Карсской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о вѣропріятныхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 годъ

4 р. 50 к.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

4 р. 50 к.

Тридцать седьмой годъ изданія.

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ.

7 томиковъ безплатныхъ приложеній: I. Картинки изъ японской жизни (со многими рисунками въ тексты), Е. Н. Тихомирова. II. Сочиненія Шиллера въ изложеніи и объясненіи И. И. Иванова. 1) Шиллеръ—біографія; 2) Орлеанская Дѣва; 3) Марія Стюартъ; 4) Донъ-Карлосъ. III. Сборникъ рассказовъ Генрика Сенкевича и Элизы Ожешковой, въ переводѣ В. М. Даврова. IV. Избранныя сочиненія Лермонтова, подъ редакціей Д. Н. Тихомирова.

М. Н. П. разрѣшается подписка на журналъ для ученич. библ. средн. и высш. учебн. завед., а также для безпл. народн. библ. и читальн.

Вышла январская книжка журнала „Дѣтское Чтеніе“ за 1905 г.

Содержаніе: I. Новый годъ. Стихотвореніе. Мих. Свободина. Съ рисунками. II. Сказъ про птичьего ловца Никитку. Изъ эпохи Голландскаго посольства 1676 г. къ московскому царю. Часть I. Въ великихъ лѣсахъ. Гл. I. Про знахаря. II. Туровецкій вѣдунъ Леонька. III. Оспротѣлъ. VI. Похороны Абрама. Е. Н. Опочинина. Съ оригинальными рисунками художника А. Ф. Андреева. III. Статуя египетскаго бога. Сказка. Богатовой. IV. Дѣтскій Новый годъ. Поэма. Марія Панинъ. Съ рисунками. V. Волки. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. К. Д. Несмеяна. Съ рисунками. VI. Богоматерь съ младенцемъ Христомъ. Виктора Михайловича Васнецова. Рисунокъ на отдѣльной страницѣ. VII. Рождество. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Съ рисунками. М. Газдевой. VIII. Вотъ лѣсъ, вотъ тихая поляна. Стихотвореніе. С. Дрежнина. IX. Зима. Стихотвореніе. Е. Мечалева. Съ рисунками. X. Подъ землей. Святоточный рассказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ оригинальными рисунками художника А. Ф. Андреева. XI. Дикая сила. Повѣсть. Джона Лондона. Съ рисунками. XII. Свѣточъ Кампо-ди-Фиора. Историческая повѣсть изъ жизни Джордано Бруно. I. Маленькій поланецъ. А. Алтаева. Съ оригинальными рисунками художника Е. Е. Гарина. XIII. Старина. Культурно-историческій очеркъ.—Почитаніе и возмездіе старины.—Исслѣдованіе старины.—Наслѣдіе старины. Я. Берлина. Съ рисунками. XIV. Родная глушь. Поѣздка по рѣкѣ Уссури.—Иканъ.—Уголокъ Китая.—Поѣздка къ казакамъ.—Казачій вѣдунъ и шый герой.—Визъ по Уссури.—Ибисы. Явела Росселева. Съ рисунками и картой Уссурийскаго края. XV. Индусы. Ма. Мз. Иванова. XVI. Звѣри и птицы въ поговоркахъ, пѣсняхъ, сказкахъ и загадкахъ русскаго народа. Е. Т. XVII. Про войну.—Генералъ Стессель и его жена.—Добровольные пѣльники.—И звѣри, и герои. Съ рисункомъ. XVIII. Объясненіе. а) 1—4. в) 125—144.

При этомъ номерѣ прилагается для всѣхъ подписчиковъ томикъ безплатнаго приложенія Е. Н. Тихомировой „Картинки японской жизни“.

Вышла февральская книжка журнала „Дѣтское Чтеніе“ за 1905 г.

Содержаніе: I. Невозвратное. VII. Наша явля. И. Крашенинникова. Съ рисунками. II. Стихотвореніе. Виктора Мюль. III. Сказъ про птичьего ловца Никитку. Изъ эпохи Голландскаго посольства 1676 г. къ московскому царю. Гл. V. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. VI. На полятахъ. Е. Н. Опочинина. Продолженіе. Съ рисунками художника А. Ф. Андреева. IV. Дикая сила. Повѣсть. Джона Лондона. Съ рисунками. Пер. Р. Рубиновой. Продолженіе. Съ рисунками. V. Дѣдуша и Нюта. Рассказъ. А. Бѣльскаго. Съ рисунками. Лебедевой. VI. Всякому свое. Стихотвореніе. Е. Мечалева. VII. Волки. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. К. Д. Несмеяна. Съ рисунками. VIII. Призвѣтъ весны. Стихотвореніе. Сергія Хазова. IX. Подъ землей. Святоточный рассказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Окончаніе. Съ рисунками художника А. Ф. Андреева. X. Свѣточъ. Кампо-ди-Фиора. Историческая повѣсть изъ жизни Джордано Бруно. II. У Лазурнаго моря. А. Алтаева. Продолженіе. Съ рисунками художника Гарина. XI. Сибирочка. Жозефина Дибичъ Пиря. Пер. А. Роджественской. Съ рисунками. XII. Три года на островѣ людобовъ. Рассказъ. Розова-Цѣткова. Съ рисунками. XIII. Инду-

ом. Ив. Ив. Иванова. Продолженіе. XIV. Родная глушь. Поѣздка по рѣкѣ Уссури. П. Мадвѣдъ-рыболовъ и гибель Мишки. Гольцы. Принцъ Обидчикъ. Глушь. Затѣяныя богатства. Нанже-Михайловская станица. „Чижики, чижики, гдѣ ты былъ?“ Павла Россіева. Продолженіе. Съ рисунками. XV. Что такое земля? Глава изъ исторіи науки. Въ первыхъ свѣтахъ воображенія. Я. Берлина. XVI. Катастрофа въ Кавказскихъ горахъ. Е. Щировской. Съ рисунками. XVII. Изъ жизни животныхъ. Животныя - попрошайки. Птица - Пастухъ. Е. Т. XVIII. Про войну. Паденіе Портъ-Артура. — Холода въ Манчжуріи. — Армія подъ землей. — Вечерняя. — Три дня на полѣ битвы и три дня въ плѣну. — Штыкъ да пуля покумилъ. — Изъ плѣна ушелъ. — Великая любовь къ родинѣ. Съ рисункомъ. XIX. Объясненія.

Открыта подписка на 1905 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

2 р.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

2 р.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Вышла январская книжка журнала „Педагогическій Листокъ“ за 1905 годъ.

Содержаніе: I. Важный вопросъ современнаго воспитанія дѣтей. А. М. Смябчевскаго. II. Бесѣды А. И. Гольденберга. Девятнадцатая бесѣда. Д. А. В—ский. III. Опытъ популяризаціи сочиненій Пушкина среди грамотнаго народа. (Изъ практикы учителя.) А. Левитскаго. IV. Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. въ 1904 г. V. О непродуктивности школьнаго образованія въ Воронежскомъ уѣздѣ. Записка Н. Ф. Бунакова. VI. Дѣтскій судъ въ Америкѣ. Корреспонденція изъ Нью-Йорка. М. М. Рубинова. VII. Женское образованіе въ Японіи. З. Вульфсонъ. VIII. Пожеланія на „Новый годъ“. Д. Т. IX. Наша школа. Н. А. Сиворцова. X. Дѣвчонки. Н. Познякова. XI. Библіографія. XII. Объявленія.

Вышла февральская книжка журнала „Педагогическій Листокъ“ за 1905 годъ.

Содержаніе: I. Бесѣды А. И. Гольденберга. Десятый пробный урокъ въ среднемъ отдѣленіи, данный учителемъ Н. Е. Н—мъ. Д. А. В—скаго. Продолженіе. II. Важный вопросъ современнаго воспитанія дѣтей. А. Смябчевскаго. Окончаніе. III. О репетиторствѣ. П. Перова. IV. Отъ женскаго патріотическаго общества. V. Вольный крестьянскій врачъ С. П. Сычужовъ. Ф. Нелидова. VI. Опытъ популяризаціи сочиненій Пушкина среди грамотнаго народа. А. Левитскаго. Окончаніе. VII. Международный конгрессъ по школьной гигиенѣ. (Письмо изъ Германіи.) Борисъ Филта. VIII. Опасная забава. IX. Наша школа. Н. А. Сиворцова. X. Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва. XI. Библіографія.

Подписка принимается въ конторѣ журналовъ: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Дм. Ив. Тихомирова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

„Дѣтское Чтеніе“ на годъ безъ пересылки—4 руб. 50 коп., съ пересылкой—5 руб. „Педагогическій Листокъ“—2 р. „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ безъ пересылки—5 руб., съ пересылкой—6 р.

Проспекты журналовъ на 1905 годъ и каталоги издательства высылаются безплатно по первому требованію.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. М. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на ежедневную, общественную, политическую и литературную газету

СЪВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ,

издаваемую въ гор. Минскѣ

подъ редакціей М. П. Мысавокаго.

Истекаетъ второй годъ, какъ наша газета стала издаваться подъ новой редакціей и въ увеличенномъ объемѣ.

За эти два года направленіе газеты сказалось въ достаточной мѣрѣ. Мы всегда были вѣрны идеамъ вѣротерпимости, равноправія національностей и прогрессивнымъ формамъ общественной жизни; всегда брали подъ свою защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“; всегда по мѣрѣ силъ служили завитамъ передовой части нашего общества.

Третій годъ существованія мы начинаемъ, во время всеобщаго подъема самосознанія въ русскомъ обществѣ, призываемомъ къ дѣлу святы политикой доверія къ общественнымъ силамъ. Задачи печати въ такое время особенно усложняются. Нашимъ долгомъ будетъ всѣми силами помогать обществу разобраться въ текущей дѣятельности, поддерживать вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ вѣру въ собственные силы.

Въ соответствии съ предстоящими задачами, мы озабочены не только улучшеніемъ содержанія газеты, но и увеличеніемъ объема, въ пльяхъ достиженія большей полноты изложенія. Въ обоихъ направленіяхъ газета не стѣснялась матеріальными затратами, сдѣлаетъ все, что только представляется возможнымъ.

Подписная цѣна на газету:

съ пересылкой и доставкой:

На 12 мѣс.	5 р. — к.	На 6 мѣс.	3 р. — к.
„ 11 „	4 „ 70 „	„ 5 „	2 „ 60 „
„ 10 „	4 „ 30 „	„ 4 „	2 „ 20 „
„ 9 „	4 „ — „	„ 3 „	1 „ 70 „
„ 8 „	3 „ 70 „	„ 2 „	1 „ 20 „
„ 7 „	3 „ 40 „	„ 1 „	— „ 75 „

Безъ пересылки и доставки:

На 12 мѣс.	4 р. — к.	На 6 мѣс.	2 р. — к.
„ 11 „	3 „ 70 „	„ 5 „	1 „ 80 „
„ 10 „	3 „ 40 „	„ 4 „	1 „ 50 „
„ 9 „	3 „ — „	„ 3 „	1 „ 25 „
„ 8 „	2 „ 70 „	„ 2 „	1 „ — „
„ 7 „	2 „ 40 „	„ 1 „	— „ 50 „

4 р. Безъ доставки и пересылки подписная цѣна на годъ **4** р.

Новые подписчики, уплатившіе при подпискѣ всю плату за годъ сполна, получаютъ газету со дня подписки по 31 декабря 1904 года **БЕЗПЛАТНО**.

Подписка принимается: въ Минскѣ, въ конторѣ газеты (Захарьевская улица, д. Павловскихъ, пр. О-ва сельск. хоз.) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Могилевѣ, въ книжной торговлѣ С. М. Гуревича; въ Бобруйскѣ, у Е. О. Марголина (Муральевская ул., с. д.); въ Борисовѣ, въ книж. магаз. Б. Л. Левина; въ Слуцкѣ, въ книж. маг. Гринвальда; въ Несвижѣ, въ книж. магаз. Каплана; въ Мозырѣ, въ типографіи С. Б. Козела. Во всѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій конторы, приемъ подписки производится въ книжныхъ магазинахъ.

Допускается разсрочка платежа: 1) по полугодіямъ; 2) при подпискѣ—2 р., къ 1 мая—2 р. и 1 р. къ 1 октября.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
общественно-литературную и политическую газету

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1905 году

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

„Нижегородскій Листокъ“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время широкое мѣсто интересамъ государственной и общественной жизни всей Россіи.

Въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Н. П. Ашеровъ, А. Е. Богдановичъ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), Н. А. Граждановъ, С. И. Гриневскій, А. А. Дробышевскій, С. А. Дуковской, П. А. Ершовъ, Е. М. Ешичъ, А. И. Звѣднинъ, П. П. Кащенко, Г. Р. Клеветинъ, Вл. Г. Короленко, Мира (псевдонимъ). Никто-не, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горьскій), А. А. Савельевъ, Ф. П. Хитровскій, С. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чириковъ, Г. И. Чулковъ, А. Н. Шмидтъ, Е. К. Щепетильникова и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1905-й ГОДЪ.

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
Для городск. и сормовскихъ подписчиковъ.	1 — 1 50	2 — 2 50	3 — 3 25	4 — 4 50	5 — 5 50	6 — 6 50	7 — 7 50	8 — 8 50	9 — 9 50	10 — 10 50	11 — 11 50	12 — 12 50
Для иногородн. подписчиковъ.	1 25	1 75	2 50	3 — 3 75	4 50	5 — 5 50	6 25	7 — 7 50	8 — 8 50	9 — 9 50	10 — 10 50	11 — 11 50

УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ: Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: городскіе подписчики при подпискѣ уплачиваютъ 1 р. 50 к., иногородніе—при подпискѣ 2 р.; затѣмъ тѣ и другіе вносятъ не менѣе 50 к. ежемѣсячно, начиная со слѣдующаго послѣ подписки мѣсяца, до уплаты всей подписной суммы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ главной конторѣ „Нижегородскаго Листка“, Большая Погровка, д. Приспѣшикова. 2) Въ Мѣсяцѣ, въ отдѣленіи конторы „Нижегородскаго Листка“ при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. 3) Въ Мѣсяцѣ и Петербургѣ, въ контор. объявлен. торг. дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Открыта подписка на 1905 г.

ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ.

(XXVIII ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Въ 1905 году газета будетъ выходить, какъ и раньше, ежедневно по прежней программѣ газетъ политической общественной и литературной, но въ значительно увеличенномъ форматѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ перес. въ другіе города:	Съ пересылкой за границу:
На 12 м. — 7 р., на 11 м. — 6 р. 50 к., на 10 м. — 6 р., на 9 м. — 5 р. 50 к., на 8 м. — 5 р., на 7 м. — 4 р. 50 к., на 6 м. — 4 р., на 5 м. — 3 р. 50 к., на 4 м. — 3 р., на 3 м. — 2 р. 50 к., на 2 м. — 2 р., на 1 м. — 1 р.	На 12 м. — 12 р., на 11 м. — 11 р., на 10 м. — 10 р., на 9 м. — 9 р., на 8 м. — 8 р., на 7 м. — 7 р., на 6 м. — 6 р., на 5 м. — 5 р., на 4 м. — 4 р., на 3 м. — 3 р. 50 к., на 2 м. — 2 р. 50 к., на 1 м. — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на любой срокъ, но только съ 1-го числа каждаго мѣсяца, исключительно въ конторѣ изданія, Головинскій проспектъ, № 3.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ОТВЕРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на большую и распространенную ежедневную политико-общественную, литературную и торговую-промышленную газету

АСТРАХАНСКИЙ ВѢСТНИКЪ,

издаваемую по программѣ и въ форматъ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Въ газетѣ помѣщаются самыя точныя и полныя свѣдѣнія о всей мѣстной астраханской, поволжской и прикаспійской жизни и дѣятельности, фельетонныя обозрѣнія, отголоски столичной и провинціальной печати, мнѣнія вѣстныхъ газетъ по разнымъ вопросамъ, легучія замѣтки на злобы дня и т. п. Кроме того, историческіе очерки, статьи, замѣтки и матеріалы, касающіеся астраханскаго края вообще и въ частности г. Астрахани. Биржевыя свѣдѣнія и торгово-промышленный отдѣлъ.

ВЪ ПРОГРАММУ ГАЗЕТЫ ВХОДЯТЪ

всѣ отдѣлы и рубрики, необходимыя въ большой газетѣ, имѣющей широкій кругъ читателей.

Подписная цѣна для иногороднихъ: На 1 годъ—7 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. 25 к.

БЕЗПЛАТНО высылается газета со дня подписки до 1 января 1905 г. вѣстнымъ новымъ подписчикамъ на 1905 годъ, внесшимъ полную годовую плату.

Иногороднія объявленія (за исключеніемъ: Астраханской, Саратовской, Самарской и смежныхъ съ ними губерній и объявленій банкирскихъ конторъ, желѣзныхъ дорогъ и газетныхъ) принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій **Д. Метцль въ Москвѣ и Петербургѣ.**

За напечатаніе объявленій взимается за одну стр. пята на 1 стран. 20 коп., на 4 стр. 10 к.

Редакція и контора газеты: Астрахань, Почтовая ул., д. Рѣпина.

Издательница А. А. Штылько.

Редакторъ А. Н. Штылько.

13-й годъ изданія.

**Принимается подписка на 1905 годъ
НА ГАЗЕТУ**

ДАЛЬНИЙ ВОСТОКЪ.

Въ газетѣ „Дальній Востокъ“ имѣются слѣдующіе отдѣлы:

1) Общія распоряженія правительства, касающіяся Сибири, мѣропріятія областной (Примурской) администраціи, 2) телеграммы, 3) статьи по мѣстнымъ вопросамъ, 4) хроника областной жизни, 5) судебная хроника, 6) театр и музыка, 7) корреспонденція, 8) внутренняя и заграничная хроника, 9) литература азіатскаго востока (Китай, Корея и Японія), 10) фельетонъ, 11) смѣсь, 12) справочный отдѣлъ, 13) объявленія.

Газета выходитъ ежедневно, кроме дней послѣдпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На годъ.	На 1/2 года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Во Владивостокѣ	9 р.	5 р.	3 р. — к.	1 р. 25 к.
Для иногороднихъ	10 „	6 „	3 „ 50 „	1 „ 50 „

При газетѣ собственная паровая типо-литографія.

Редакторъ-издательница **Е. А. Панова.***Гор. Владивостокъ, Приморской области.*

Открыта подписка на 1905 годъ на

XVIII-й
годъ изданія.**СѢВЕРЪ**XVIII-й
годъ изданія.

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Въ 1905 году гг. подписчики „Сѣвера“ получать: 52 №№ роскошно иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала, большого формата, на хорошей вѣсеновой бумагѣ. 52 №№ обзорнаго современной политической и общественной жизни, съ иллюстрированной хроникой Русско-Японской войны. 12 №№ журнала *Парижскія моды, Хозяйство и Домоводство*, со множествомъ рисунковъ, описаній къ нимъ и полезныхъ указаній. 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами, рисунками дамскихъ рукодѣлій, монограммъ для вышиванія гладью и проч.

18 книгъ	полнаго собранія сочиненій	А. И. ЛЕВИТОВА,

10 книгъ	полнаго собранія сочиненій	Н. И. ГНѢДИЧА,

6 книгъ	полнаго собранія сочиненій	Т. Н. ГРАНОВСКАГО,

6 книгъ	полнаго собранія сочиненій	Е. А. ГАНА.

Кромѣ того, гг. ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНО**

2 олеограф. **«КАНУНЪ ВАРВОЛОМЕЕВСКОЙ НОЧИ»**, въ натуральную величину, т.-е. картины **«ВОПРОСЪ И ОТВѢТЪ»** (Виницій и Лигія) 40×50 см. каж.

Оригиналы этихъ картинъ находятся въ Русскомъ музеѣ императора Александра III и принадлежатъ кисти извѣстн. художниковъ: проф. К. Ѳ. ГУНА и С. В. БАКАЛОВИЧА.

Подписная цѣна остается прежняя:

6 р. на годъ безъ дост. въ С.-Петербургъ; **6 р. 25 к.** безъ дост. въ Москвѣ: 1) у Метцль и К^о; 2) у В. Альшвангъ и Герлахъ (противъ Мал. театра); **6 р. 50 к.** безъ дост. въ Одессѣ въ конторѣ москвит. Е. Е. Святусиновой; **7 р.** съ перес. во всея города и мѣстности Россіи; на полгода съ доставкой и пересылкой—**3 р. 50 к.**, на 3 мѣс.—**1 р. 75 к.** За границу—**11 р.**

Разсрочка допускается по полугодіямъ и четвертямъ года, а для казенныхъ и общественныхъ учрежденій, за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, и по мѣсячно. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе не позднѣе 1-го декабря 1905 г. годовую плату сполна, получаютъ безплатно премію одновременно съ гг. годов. подписчиками.

Кромѣ всего вышеуказаннаго, гг. подписчики „Сѣвера“ могутъ получить, въ видѣ особой преміи, роскошный альбомъ.

ГАЛЛЕРЕЯ КРАСАВИЦЪ.

Большой томъ, въ форматѣ журнала „Сѣверъ“, содержащій болѣе 200 художественно-исполненныхъ во всю страницу фототипографію съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Цѣна альбома по подпискѣ **5 р.** безъ дост. и перес. и **5 р. 50 к.** съ дост. и перес., но гг. подписчикамъ „Сѣвера“ предоставляется исключительное право приобрести это роскошное изданіе, печатающееся въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, за полдѣи, т.-е. за **2 р. 50 к.** безъ дост. и перес. и за **3 р.** съ дост. и перес.

Подписки просить адресовать въ главную контору журнала *Сѣверъ* (Спб., Невскій, 170), редактору-издателю Ник. Фед. Мертцу.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
СИБИРСКИЙ ВѢСТНИКЪ.**

Съ 1 июля 1903 г. газета выходитъ при обновленномъ составѣ сотрудниковъ. Газета будетъ выходить попрежнему ежедневно, кромѣ двѣхъ послѣдипраздничныхъ, по программѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе и общими своимъ сотрудничествомъ слѣдующія лица: М. И. Боголеповъ, П. В. Вологодскій, Р. Л. Вейсманъ, Д. Д. Болѣефонъ, Г. А. Вяткинъ, А. А. Кауфманъ, Д. А. Клеменцъ, В. Г. Короленко, Г. Н. Потанинъ, Г. Реусъ (псевдонимъ), Рефлекторъ (псевдонимъ), В. И. Семеvскій, Николай Степнякъ (псевдонимъ), М. Тумановъ (псевдонимъ), И. И. Тыжновъ, И. А. Фрязиновскій, Е. В. Фукоу, М. В. Швецова, С. П. Швецовъ, А. Н. Шипицынъ, Власъ Ярцевъ (псевдонимъ) и друг.

Подписка принимается: Въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи „Сибирскаго Вѣстника“, Ямской пер., д. Орловой, въ отдѣленіи конторы редакціи—въ книжномъ магазинѣ В. М. Посохина—Почтамтская ул., д. Фуксана; въ Ново-Николаевскѣ—у частнаго повѣреннаго Н. И. Самойловича (Ядринцевская ул., соб. д.); въ Омскѣ въ магазинѣ М. Г. Красныхъ (Дворцовая, домъ Баранова); въ г. Петропавловскѣ у В. А. Манина.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой:

Въ Томскѣ:			Изъ городовъ:		
На годъ		5 р. — к.	На годъ		7 р. — к.
„ 11 мѣс.	„	4 „ 75	„ 11 мѣс.	„	6 „ 85
„ 10 „	„	4 „ 50	„ 10 „	„	6 „ 25
„ 9 „	„	4 „ 25	„ 9 „	„	5 „ 60
„ 8 „	„	3 „ 75	„ 8 „	„	4 „ 95
„ 7 „	„	3 „ 25	„ 7 „	„	4 „ 30
„ 6 „	„	2 „ 75	„ 6 „	„	3 „ 65
„ 5 „	„	2 „ 25	„ 5 „	„	3 „ 25
„ 4 „	„	2 „ —	„ 4 „	„	2 „ 60
„ 3 „	„	1 „ 50	„ 3 „	„	1 „ 95
„ 2 „	„	1 „ —	„ 2 „	„	1 „ 30
„ 1 „	„	— „ 50	„ 1 „	„	— „ 65

Въ розничной продажѣ отдѣльный №: въ Томскѣ—3 к., внѣ Томска—5 к.

Годовые подписчики, подписавшіеся до 1 декабря—городскіе и до 15 декабря—изъ городовъ, получаютъ газету въ первомъ случаѣ—съ 1 декабря, во второмъ—съ 15 декабря текущаго года по 1 января 1905 г. **БЕЗПЛАТНО.**

Открыта подписка на 1905 годъ (6-й г. изд.)

на выходящую два раза въ недѣлю общественную и литературную газету

„ДВИНСКИЙ ЛИСТОКЪ“.

съ ежедневными приложениями телеграммъ и объявленій.

Подписная цѣна съ телеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ 4 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на мѣсяцъ 50 к. Отдѣльный № 5 коп. Перемѣна адреса 20 к.

Плата за объявленія: за строчку петита или мѣсто, ею занимаемое послѣ текста—5 коп.; перекъ текстомъ—10 к. Для изъ городовъ: на 4-й страницѣ—10 к., а на 1-й стр.—20 к. За приложен. особыхъ объявленій взимается $\frac{1}{2}$ коп. съ листа (экз.).

Подписка принимается и отдѣльные №№ продаются въ г. Двинскѣ, въ конторѣ типографіи „Дв. Л.“, по Петербургской ул., въ домѣ Якубовича,

Редакторъ-издатель С. Якубовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

Ежедневная, общественная, политическая, литературная и экономическая газета

ХАРЬКОВСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Газета отводит на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской и заграничной жизни, отнѣчая событія въ возможной полнотѣ. Помимо статей, освѣщающихъ всѣ крупныя и характерныя явленія общественной жизни, литературы и науки, „Харьковский Листокъ“ удѣляетъ преимущественно мѣсто краевой и мѣстной жизни. Корреспонденціи изъ крупнѣйшихъ русскихъ и заграничныхъ центровъ, беллетристическіе и злободневные фельетоны. Телеграммы: собственныхъ корреспондентовъ, „Россійскаго“ и „С.-Петербургскаго телеграфическаго агентства“.

При воскресныхъ номерахъ газеты—иллюстрированныя приложенія.

Условія подписки на 1905 годъ:

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на 12 мѣс.—7 р., 11 мѣс.—6 р. 45 к., 10 мѣс.—5 р. 85 к., 9 мѣс.—5 р. 25 к., 8 мѣс.—4 р. 70 к., 7 мѣс.—4 р. 10 к., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 5 мѣс.—3 р., 4 мѣс.—2 р. 40 к., 3 мѣс.—1 р. 80 к., 2 мѣс.—1 р. 40 к., 1 мѣс.—75 к.

За границу вдвое.

Для учащихся въ высш. учебн. заведеніяхъ г. Харькова на 1 мѣсяць—50 коп.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ только съ 1 числа каждаго мѣсяца, для городскихъ—съ 1 и 15 числа. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просить писать адресъ четко.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—2 руб., къ 1 апрѣля—2 р., къ 1 іюня—2 р. и къ 1 сентября—1 р.

Танса за объявленія въ одинъ столбецъ за строку печати:

мѣстами—помѣщаемы на первой страницѣ 15 коп., на четвертой—8 коп.
иногороднихъ " " " " 25 " " " 12 "

Для изущихъ труда за публикаціи берется половинная плата.

Газета печатается на ротационной машинѣ фабр. Кенингъ и Бауеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

КРЫМСКИЙ КУРЬЕРЪ,

издающуюся тринадцатый годъ въ гор. Ялтѣ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣдипраздничныхъ, и даетъ читателямъ самый разнообразный матеріалъ для чтенія, имѣя въ виду интересы не только мѣстныхъ обывателей, но и пріѣзжей курортной публики.

Въ программу изданія входятъ всѣ общіяе газетныя отдѣлы. Между прочимъ, въ газетѣ помѣщаются: повѣсти, рассказы, стихотворенія, фельетоны изъ мѣстной и русской общественной жизни на вопросы дня.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 12 мѣс.—7 р., на 11 м.—6 р. 50 к., на 10 м.—6 р., на 9 м.—5 р. 50 коп., на 8 м.—5 р., на 7 м.—4 р. 50 к., на 6 м.—4 р., на 5 м.—3 р. 50 коп., на 4 м.—3 р., на 3 м.—2 р. 50 к., на 2 м.—2 р., на 1 м.—1 р.

Подписка принимается: г. Ялта, въ редакціи „Крымскій Курьеръ“.

Отдѣльный №№ „Крымскаго Курьера“ продаются въ Ялтѣ, въ конторѣ „Крымскаго Курьера“; въ Симферополѣ въ книжн. маг. М. М. Загородскаго; въ Гурзуфѣ въ кіоскѣ Иванова; въ Алушкѣ у М. Давычянскаго.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи подписныхъ денегъ, должна быть оплачена 5 к. гербовою маркою за счетъ подписчика.

Редакторъ-владѣтель Н. Р. Лупанинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

VII годъ
изданія.**НОВЫЙ МІРЪ.**VII годъ
изданія.

Большой иллюстрированный вѣстникъ литературы, науки, искусства, современной жизни, политики и прикладныхъ знаній, издаваемый при участіи известныхъ русскихъ писателей и ученыхъ, подъ редакціей П. М. Ольхина.

Во многихъ слояхъ русскаго общества чувствуется въ послѣднее время потребность въ періодическомъ изданіи, которое удовлетворило бы болѣе строгимъ умственнымъ и эстетическимъ требованіямъ современнаго интеллигентнаго читателя, какъ въ отношеніи внутренняго содержанія, такъ и въ отношеніи внѣшности, и отличалось бы отъ шаблоннаго типа иллюстрированныхъ журналовъ. Создать—при дѣятельномъ участіи избраннаго круга писателей, ученыхъ и художниковъ—такое именно изданіе ставитъ себѣ дѣлю редакція „Новаго Мира“.

■ Въ годъ 72 выпуска, ■

изъ которыхъ:

1) 24 **МЛЖ** „Новаго Мира“, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала, въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій, заключающаго въ себѣ: беллетристику, поэзію, исторію, критику и статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, съ приложеніями: Живописная Россія посвященная отечественнѣйшій, исторіи, культурѣ, государственной, общества, и экономич. жизни Россіи, съ иллюстр. Мозаика иллюстрированный отдѣлъ прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, съ хроникой самообразования и со справочнымъ отдѣломъ. Современная Лѣтопись иллюстрированный обзоръ текущей жизни—политической, общественной и художественной.

Внѣшность „Новаго Мира“—какъ изданія, рассчитаннаго на читателей съ высокими эстетическими запросами, будетъ соответствовать лучшимъ заграничнымъ большимъ художественнымъ изданіямъ. Журналъ будетъ печататься на вѣковой бумагѣ въ большомъ форматѣ—in-folio, будетъ украшенъ снимками съ выдающихся новыхъ произведеній искусства, русскихъ и иностранныхъ,—въ гравюрахъ на деревѣ, автогипсахъ и др. репродукціяхъ, по новѣйшимъ способамъ; оригинальными рисунками, портретами, этюдами—черными и цѣтными.

„Новый Миръ“ съ „Живописной Россіей“, „Мозаикой“ и „Современной Лѣтописью“ выходитъ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца.

2) 24 **МЛЖ** „Вѣстника Литературы“, выходящихъ 8-го и 23-го каждаго мѣсяца. Изданіе это имѣетъ своей задачей объединить все, что касается литературнаго міра, русскаго и иностраннаго, критику, литературныя воспоминанія, статьи и корреспонденціи по вопросамъ изящной словесности, библиографія и пр.

и 3) 24 книги „Библиотеки русскихъ и иностранныхъ писателей“, которыя будутъ заключать въ себѣ серію оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ, бытовыхъ и социальныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ и т. д. Изданіе это будетъ разсматриваться вѣстѣ съ „Вѣстникомъ Литературы“, т. е. каждаго 8-го и 23-го числа.

О С О В Ы Е П Р Е М І И.

Въ продолженіе года при журналѣ будутъ прилагаться: Большія полихромныя картины. Акварельныя копія въ краскахъ, наклеенныя на особые картонные листы, Гелиографы-mezzotinto и пр., и пр.

Всѣ премія къ „Новому Мирову“ заказаны лучшимъ заграничнымъ полиграфическимъ заведеніямъ и будутъ представлять большую художественную цѣнность.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „Новаго Мира“, съ дост. и перес.: на годъ 14 р., на полгода—7 р., на четверть года—3 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается льготная разсрочка, именно—при подпискѣ вѣдѣмъсячно, до уплаты всей подписной стоимости, по 2 р.

Съ требованіями обращаться: въ контору журнала „Новый Миръ“, при книжномъ магазинѣ товарищества М. О. Вольфъ,—С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 18.

Отвѣтственный редакторъ П. М. Ольхинъ.

Издатель: Товарищество М. О. Вольфъ.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для бесплатныхъ народн. библиотекъ и читальн. Его же. Семья Поладецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р. Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни. Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Его же. Полное собраніе сочиненій

въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серия въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р. II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р. III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р. IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к. VI томъ. Пять Володѣвскій. Ц. 1 р. **Чеховъ, Антонъ.** Острова Сахалина (Изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р. **Эртель, А. И.** Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 8 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для бесплатныхъ народ. читальн. и для публичныхъ народныхъ чтеній. Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. 1½ коп. Допущено въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к. — Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к. — Фоварщикъ на маякѣ и Янко музикантъ. Ц. 6 к. **Ожешкова, Элиза.** Юльинка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальн.

Новая библиотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безп. нар. библ. и читальн. въ учебнич. библ. назн. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ. **Жизнь и труды Эдисона.** Съ портретомъ Эдисона. Составилъ Лезъ Умкинъ. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни, въ учительскія библиотекы среднихъ учебныхъ заведеній. **Борьба человека съ животными.** Проф. Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра. Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библиотекы и читальни. **Разсказы Людвига Анценгрубера** (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к. **Русскіе инородцы.** А. П. Максимовъ. 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библиотекы и читальни. **Веселыя по школьной гигиенѣ.** Д-ра Ф. Л. Касторская. Съ рис. и таблиц. диаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безплат. народ. библ. и читальни, въ учебн. библ. назн. училницъ. **Рабство въ древнемъ Римѣ.** 44 стр. Ц. 10 к. **Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ.** (По книгѣ П. Ганзена). 92 стр. Ц. 20 к. До-

пущено въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни, въ учительскія библиотекы низшихъ училищъ Минист. Нар. Просвѣщенія. **Исполнѣнъ нѣмецкой промышленности.** (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни. **Бытовые очерки.** Въ мастерской, И. А. Данилова.—Преступники, П. Б. Хотимскаго. 216 стр. Ц. 40 к. **Разсказы. Петръ Розенеръ.** (Изъ жизни штирльскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к. **Китай и китайцы.** Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ бесплатныя народн. библиотекы и читальни. **Вашка.** Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтахъ). 56 стр. Ц. 10 к. **Офицерша.**—Подъ шумъ вьюги. А. И. Эртель. 77 стр. Ц. 15 к. **Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.** Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к. **Приуральскій край, его население и минеральныя богатства.** Н. А. Дельковъ. 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Продолжается подписка на 1905 г.

(ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербового сбора):

	Годъ .	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разниа подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандерола или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждого мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, идѣ книги почтовыми учрежденіями.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтового департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. Куманкина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданы главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крешатяхъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книги. магаз. Н. П. Карбасникова, Больш. д. Гордона.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library

or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling
(510)642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing
books to NRLF
- Renewals and recharges may be made
4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

OCT 05 2002

DD20 15M 4-02

LD 21-95m-7,'87

0008479482

24

